

КАК СТАТЬ
ЗЛОДЕЕМ
В ГАБЫНЕ

...из Габена
Владимир Торин

Зою Гримм любила Новый год. В детстве в преддверии праздника вместе с папой они ходили по маленьким магазинчикам, покупали подарки и выбирали гуся, после чего неизменно шли в кафе пить сливовый кофе со сливками. Вернувшись домой, они вместе наряжали ёлку. Но те времена давно прошли. Зою Гримм выросла и много лет живет одна в опустевшем доме — ей не остается ничего иного, кроме как глядеть в окно на приготовления в городе, на огоньки и убаюкивающий снег. Этот Новый год обещает быть таким же угрюмым и грустным, как и прошлый. Зою готова к этому. Вот только она еще не знает, что скоро в ее жизни произойдут перемены, о которых она и помыслить не могла. А началось все с того, что неподалеку появился весьма странный... снеговик.

Владимир Торин

Как стать злодеем в Габене

Глава 1. Сливовый кофе со сливками

36 часов до Нового года.

Снеговик что-то замыслил!

В этом не могло быть сомнений. Он ухмылялся, лениво покуривал гнутую папиретку и, очевидно, был при этом весьма собой доволен.

Шел снег, и этот несносный тип держал в руке горбатый черный зонтик, который выглядел так, словно им только что прочищали дымоходы во всем Габене.

А еще снеговик не мигая глядел на Зою Гримм, и его этот взгляд не сулил ей ничего хорошего.

Зою не знала, откуда он появился. Этим утром, когда она подошла к окну, он уже стоял возле трамвайной станции. В старом пальто, в шляпе-цилиндре, стоял и нагло смотрел прямо на нее.

Зою Гримм была не из пугливых и не из воображал, ну, может, слегка, и все же появление и внимание этого снеговика ее встревожили. Он не походил на тех забавных снеговичков, которых лепят дети в городе, скорее, он выглядел, как тот, кто только и ждет, когда очередной ребенок окажется поблизости. И тогда — хватать! И нет ребенка...

Ну, или это просто был снеговик, который бессмысленно стоял у станции и ничего не замышлял.

— Да, ты просто скучный снеговик, — подумав, проронила Зою Гримм и уже отошла было от окна, когда... снеговик чуть повернул голову.

Зою вздрогнула. Он точно повернул свою снежную носатую голову! Неужели никто ничего не видел?

Но пассажиры на станции, все, как один, стояли уставившись на часы на столбе: их заботило только время прибытия трамвая.

Зою Гримм глядела на снеговика. Снеговик глядел на Зою Гримм. И больше он, вроде бы, не подавал признаков жизни.

Зою вдруг подумалось, что он просто решил притвориться, решил при помощи своей нынешней неподвижности уверить ее в том, что ей все показалось. Но вот чего он не знал, так это того, что как раз на подобный случай у нее припасены полные карманы времени и большущий чемодан терпения. «Думаешь меня переглядеть, снежок? Меня не проведешь: я же видела, как ты шевельнулся!»

Время потянулось медленно и лениво, словно часы засунули в вязкий кисель, и в какой-то момент... терпение Зою иссякло. Ей стало скучно.

— Ну и ладно!

Она отвернулась от снеговика и пошла разжигать камин (в доме было холодно).

А в следующий миг прыгнула обратно к окну с обличающим криком:

— Попался?!

Зою Гримм нахмурилась и почесала нос.

Снеговик исчез.

К станции, скрежеща и покачиваясь, подполз трамвай.

Зою вытянула шею и принялась выглядывать носатого среди оживившихся пассажиров. Где же он? Куда делся?

Трамвай закрыл двери и отошел от станции. Под навесом никого не осталось. Зои Гримм пожала плечами и поежилась от холода. Камин все-таки стоило разжечь...

...В гостиной шел снег. Сыпался через прореху в крыше, словно пух из распоротой подушки.

Зои Гримм сидела на полу и глядела на то, как снежинки медленно оседают на ее дырявые чулки. Она все думала о носатом наблюдателе: может, ей и правда привиделось? Ей часто что-то видится. Однажды она стала свидетелем поразительной и невероятной картины: почтовая тумба отрастила длинные извивающиеся шупальца — такие же чугунные и выкрашенные в бордовый, как и она сама, — и поползла на них вниз по улице. «Нелепица!» — скажет кто-то и будет, вероятно, прав. Но этот снеговик... куда он делся? Просто ушел?

Старые напольные часы в углу показывали половину двенадцатого — как и всегда. На отрывном календарике стояло что-то осеннее, но на улице была явно не осень. В доме Зои Гримм время шло по-своему.

Снежинка опустилась на нос. Зои вздрогнула и чихнула.

Она уже вся была в снегу.

— Нужно включить варитель! Чай с кашалотом! Хочу чай с кашалотом! Где я его оставила?

Мисс Гримм вскочила на ноги и отряхнулась. А потом начались поиски — Зои была рассеянной и вечно все забывала: ее вещи часто играли с ней в прятки.

Варитель обнаружился под креслом, а жестянка с чаем — под подушкой в спальне — и как она туда забралась?

Разглядывая свою любимую этикетку, на которой был изображен кашалот с чашкой в плавнике, Зои отправилась за чайной ложечкой (кажется, та была в гардеробе, пряталась среди вязанных шапок).

Проходя мимо окна, она бросила взгляд на улицу и обомлела.

Снеговик!

На сей раз этот бесцеремонный тип был не на станции — он вальяжно облокотился на афишную тумбу, стоявшую на углу, и — вот ведь негодяй! — снова следил за Зои!

В этом уже не могло быть никаких сомнений, учитывая, что он глядел на нее... через подзорную трубу.

— Что тебе от меня нужно?! — воскликнула Зои Гримм и отпрянула от окна.

Почти в тот же миг в дверь позвонили: «Трыннь! Трыннь!»

— Ну все... — Зои швырнула жестянку с чаем на пол и сжала кулачки. — Я тебе покажу, настырная образина!

Чиркнула спичка. Зашипел, загораясь, фитиль.

Зои подхватила керосиновую лампу и ринулась в прихожую. С криком «Не с той связался!» она распахнула дверь.

Мистер Форгман, на которого она едва не налетела, отшатнулся.

— Ой, это вы, мистер Форгман! — удивленно воскликнула Зои.

Мужчина в потертом коричневом пальто и шляпе-котелке нахмурился. Он не любил приходить по адресу «Пыльная площадь, дом 18». Он не любил эту дверь под разбитым фонарем. А еще он крайне не любил эту женщину.

И в этом не было ничего удивительного. Вы только посмотрите на Зои Гримм! Похожа

на забытый на чердаке хлам, всклокоченная и взлохмаченная, вся в снегу, с искаженным от ярости лицом! Замахивается на ни в чем не повинного посыльного керосиновой лампой.

— А кого вы ожидали увидеть, мисс Гримм? — досадливо осведомился мистер Форгман. — Человека-в-красном?

— Нет же! Я думала, что вы — это снеговик!

— Никакой я не снеговик, — оскорбился посыльный. — Я просто как всегда привез вам ваши заказы.

Мистер Форгман кивнул на коробку, которую держал под мышкой; на ней стоял штемпель: «Пассаж Грюммлера».

Зои опустила лампу.

— Ну, я думала... — пробормотала она. — Этот снеговик... Он весь день за мной шпионит. Сперва был на станции. А теперь стоит у афишной тумбы и...

Мистер Форгман обернулся. У афишной тумбы не было никакого снеговика, там, разглядывая афиши, стоял какой-то старик в высоком головном уборе, к которому были прицеплены несколько тускло светящихся лампочек.

Разумеется, посыльный ни на мгновение не поверил этой особе: чего еще ожидать от мисс Гримм с Пыльной площади, дом № 18 — какие-то снеговики ей мерещатся...

— Заказ забирать будете? — раздраженно осведомился мистер Форгман. — У меня еще много адресов, знаете ли: Новый год близко...

...В доме № 18 было темно и холодно. Котел в подвале уснул, трубы перестали гудеть.

Слегка задрожали стекла, когда мимо проскрежетал трамвай, а потом все снова стихло.

Все часы в доме стояли, но Зои Гримм слышала тиканье.

Она почесала макушку и тряхнула головой, отчего путаная копна ее светлых волос заходила ходуном.

— Только не сейчас... — прошептала Зои. — Вот только этого мне сейчас и не хватало.

Мисс Гримм пряталась у окна.

Она сидела на полу, задрав голову, и пыталась понять, что происходит на улице. В эти мгновения Зои очень жалела о старом отцовском перископе, который она однажды разобрала, чтобы понять, как тот устроен, и так и не собрала обратно. Сейчас он бы пригодился...

На пол упала длинная тень в высокой шляпе. У окна кто-то стоял, выглядывая ее в темной квартире.

Это он! Подкрался!

Зои с тревогой глядела на замершую тень.

Нет, он ее не увидит! Ни за что не увидит, ведь она умнее: она погасила свет и спряталась.

Тень качнулась. Над головой зазвучал голос:

— Ну сколько можно тебя ждать, Тимми?

В ответ раздался детский голосок:

— Пап, ты видел этот паровоз? Если ты подаришь мне его на Новый год, я буду вести себя очень-очень хорошо!

— Не уверен, что ты достаточно хорошо вел себя в этом году, Тимми, — ответил отец. — Я не забыл, как ты швырялся пудингом в миссис Гроллхорт.

— Это когда ж было!

— Вчера. Пойдем, нам еще нужно купить гуся к праздничному ужину. Стоит поторопиться, пока всех не раскупили: не хочется ставить в печь тощую и грустную, как приютская крыса, птицу...

Голоса стихли. Тень уползла.

Мисс Гримм вздохнула с облегчением. Но тут же тоскливо закусила губу. Новый год уже завтра!

Зою окинула взглядом свою унылую гостиную. Никакого и намека на праздник! Взять поздравительную открытку, которую нужно раскрашивать, и залить ее угрюмыми темными красками, повозить в каминной саже, присыпать пылью, и выйдет это вот тоскливое место...

Снова затикали часы.

— Ну, нет! — воскликнула Зою и принялась яростно чесать голову.

Со стороны ее поведение могло показаться странным — что ж, она и была странной. Зою Гримм почти не выходила из дома и часами сидела у окна, наблюдая за площадью. У нее не было друзей, да и общение она поддерживала только с мистером Форгманом, посыльным из пассажа Грюммлера. Но и тот предпочитал поскорее доставить заказы и сбежать — только бы не говорить с этой чудачкой. Еще был господин доктор, очень красивый и интеллигентный джентльмен. У Зою ничего не болело, но она невероятно талантливо (как ей казалось) имитировала кашель и приходила к нему раз в две недели, посидеть в его кабинете, понюхать запах лекарств и... от господина доктора чудесно пахло кофе и корицей.

Зою Гримм потрянула головой и прогнала из нее приятные мысли о докторе. Их тут же заместили неприятные мысли о снеговике. Вот ведь пронырливый хлыщ!

Она не боялась. Зою попросту не умела испытывать страх. Но чувство опасности и неопределенности вызывали у нее раздражение, а еще все происходящее она, скорее, воспринимала, как игру. Игру, которая может закончиться чем-то ужасным.

Второй раз снеговик появился вскоре после того, как мистер Форгман ушел.

Зою разбирала коробку из пассажа и бурно сожалела о том, что не заказала ежевичный джем, когда вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит.

Она подняла взгляд и натолкнулась на круглую носатую рожу, глядящую на нее через окно.

Снеговик хихикнул.

Она своими ушами услышала это его мерзкое, самодовольное «Хи-хи-хи!», словно он только что получил премию за зловредность.

Зою машинально нырнула вниз и спряталась за креслом-качалкой. А потом с ловкостью мартышки-шпиона переползла к окну и замерла под ним, гневно сопя и во всех красках представляя себе, как она отделает этого пройдоху, если он только протянет свои гадкие ручонки, чтобы открыть окно.

Зою ждала. Что же он предпримет? Попытается влезть к ней? Ну, в таком случае она надерет ему его наглый нос: прищемит его мышеловкой. В обиду она себя не даст! Нет уж! Она сама кого хочешь обидит!

Зою Гримм все ждала, но никто не появлялся. Снеговик ушел.

На полу она просидела до самого вечера.

На площади зажгли фонари. Много фонарей — к обычным, уличным, добавились те, что зажигали раз в год. Праздничные огни делали город не таким угрюмым, как обычно.

Зою задумалась о празднике. Она ведь когда-то очень любила Новый год. Каждый канун

сидела у окна и раскрашивала поздравительные открытки, стараясь не вылезти за линии, а сколько времени она провела у двери, в ожидании почтальона: ох, и непросто же ему приходилось — кто будет рад тягать бесконечные связки писем, которые Зои адресовала Человеку-в-красном!

А потом ее ждали запеченный гусь, елка с игрушками, горячий грог и... подарки. Сколько же лет прошло? Ей так давно ничего не дарили...

В последний раз это был чудесный снежный шар. Его подарил папа. Снег в нем шел сам — шар не нужно было встряхивать. А потом эта чудесная игрушка разбилась...

Разбилась, как и папа, как и ее мечты... как и ее разум.

— Ты не сумасшедшая, — сказал кто-то, и, кажется, это была сама Зои Гримм. — Тебе просто грустно и одиноко.

И все же это была не совсем правда. Единственное темное окно на Пыльной площади — это ее окно. У нее в кармане лежит склянка с пилюлями «*Пиннетки для подавления аффективных расстройств (со вкусом лимона и прошлогодней страсти)*». Это у нее дни черной меланхолии сменяются приступами экспрессивной до дрожи в руках и ушах непоседливости и взбудораженности. Именно она воюет со снеговиками, которых никто, кроме нее, кажется, не видит. А еще это тиканье, которое она то и дело слышит — притом, что все часы в доме стоят. Ну, и добавить к этому раздражающее воронье карканье...

Интересно, что бы сказал милый господин доктор, если бы она рассказала ему про карканье?

Зои Гримм поморщилась. Нет, не стоит ему говорить. Он и так смотрит на нее снисходительно. Если она расскажет ему про воронье карканье, он, как и всегда, примется ворчать, мол, нельзя забывать пить лекарства и тому подобное... Всякий раз, когда доктор начинает свое это: «Ну же, мисс Гримм, будьте хоть чуточку благоразумнее...», ей тяжело себя сдерживать, чтобы не пнуть его как следует или не щелкнуть его по его великолепному докторскому носу.

И все же это карканье... Это было что-то новенькое. Когда оно начало раздаваться? Пять минут назад? Прошел уже час? Или это все тянется еще со вчера?

— Совсем свихнулась? — спросила себя Зои. — Н-да... вероятно.

А карканье все не затихало. Словно парочка встревоженных ворон расселась на ветках внутри ее головы и принялась болтать о разном. И кто их, этих несуществующих ворон, приглашал, с их занудными разговорами об окоченевшем трупе на фонарном столбе, о беззубых злыднях и о распрекрасном сливовом кофе со сливками...

Что?! Сливовый кофе со сливками?!

Зои Гримм запустила в волосы обе пятерни и почесала голову. Что-то будто щелкнуло внутри. Папа пил такой кофе. А она отсербывала из его чашки, когда он отворачивался...

Это было такое приятное воспоминание, такое теплое, такое... по пальцам прошла мелкая дрожь. Помнится, она даже писала об этом кофе Человеку-в-красном: просила прислать ей к празднику хотя бы одну баночку — его ведь очень давно не продают...

Зои поняла, почему вдруг подумала о сливовом кофе со сливками. Все дело в этом заснеженном городе, в этих фонарях за окном, в этом невыносимом добросердечии и запахе праздничных традиций, что витают на площади.

— Сливовый кофе со сливками... — прошептала Зои и сглотнула вставший в горле ком. — Нужно выпить хотя бы глоточек...

Зои Гримм понимала, что, если говорить начистоту и прекратить заниматься любимым делом (обманывать себя саму), то кофе был лишь поводом: ей просто надоело сидеть в этом

темном доме в одиночестве. В то время, как приближается Новый год и весь город готовится к празднику.

— Вот только где бы достать сливовый кофе со сливками?

— В «К-к-кретчлинс», р-р-разумеется! — тут же подсказала одна из ворон в голове.

А ведь и правда! Где еще можно было бы выпить такой кофе, как не в кафе «Кретчлинс»?! Она хорошо помнила это место, ведь когда-то они ходили туда с папой. Давным-давно. Может, у них есть сливовый кофе со сливками? Вдруг завалялся в глубине ящиков в чулане?

Зою Гримм поднялась и выглянула в окно. Снеговика не было: видимо, у него появились более важные дела, чем следить за ней. Вот и славно — ей было сейчас совсем не до него.

Зою вонзила ножки в туфельки, надела пальто и вышла из дома. Застегивая на ходу пуговицы, она огляделась, вспоминая, в какой стороне находится «Кретчлинс», и пошла к трамвайной станции.

Механические вороны на трубе возле ее окна мигнули рыжими глазами-лампами, провожая ее взглядом.

В «Кретчлинс» было шумно илюдно. Мурлыкал граммофон. В воздухе висел пряный запах глинтвейна.

То и дело над дверью звенел колокольчик, и в кафе заходили все новые посетители. Отряхиваясь от снега и бурча приветствия хозяйке заведения, они снимали пальто и усаживались за столики.

Зою Гримм почти не замечала окружающей суеты. Она сидела за столиком у окна, медленно потягивая кофе.

За окном шел снег.

Снег шел и на страницах книги, которую читала Зою.

— Ну надо же! — воскликнула она и задумчиво почесала нос.

Мистер Пибоди, снеговик из сказки, был очень печальным малым, различные невзгоды к нему так и липли. И именно это привлекло внимание злорадной Зою, когда она увидела эту книгу на витрине книжной лавки «Переплет». Невзгоды и круглая горестная рожица на обложке, будто бы жалующаяся ей: «Мне так грустно! Пожалейте меня, мисс!»

Но Зою не собиралась его жалеть. Пибоди раздражал ее. Раздражал своей невыносимой покладистостью (в книге) и своими навязчивостью и неясными намерениями (здесь, в Габене). Погружаясь все глубже в бумажную историю, она и не заметила, как в какой-то момент перестала разделять вымышленного снеговика и снеговика, который за ней следил.

Зою Гримм натолкнулась на «Злоключения снеговика мистера Пибоди» совершенно случайно. Она еще даже не добралась до трамвайной станции, когда увидела эту книгу.

Не заметить ее было невозможно: та стояла в самом центре витрины, на стопочке таких же книг, и к тому же была подсвечена лампой. На двери лавки висела пестрая афиша: «А вы уже читали Новогоднюю сказку от любимой всеми писательницы Ненби Билтри? Настольная праздничная книга! Новый год без нее померкнет и потухнет! Книга будет снята с продаж утром в первый день Нового года. Торопитесь купить!»

Зою застыла у витрины, уперев руки и нос в стекло.

Невероятно!

Снеговик с обложки был точной копией того настырного типа, который объявился на площади. Правда, в отличие от последнего, выглядел он печальным и опустошенным.

— Я должна узнать, как отвадить снеговика! — решила Зои Гримм. — Мне нужен рецепт, как заставить его горевать! Может, в этой книжке будет ответ, как это сделать?

И Зои Гримм купила «Злоключения снеговика мистера Пибоди».

Что ж, любой другой не нашел бы под этой темно-красной обложкой ничего, кроме грустной сказки, но Зои Гримм глядела на вещи по-своему. Она слышала то, чего не слышат другие, и умела читать между строк — даже когда между строк ничего не было.

Мистер Пибоди в сказке поначалу представлял беззаботным и веселым. Он воровал у прохожих карманные часы и бросался в них снежками. Большой ошибкой было украсть часы у мрачного господина в черном плаще и цилиндре. Еще большей ошибкой было бросить в него снежок.

Разумеется, мистер Пибоди поостерегся бы связываться с этим господином (его звали мистер Драммер), если бы знал, что он — один из самых безжалостных людей в Габене.

Мистер Драммер оказался злодеем. Он дал мистери Пибоди снежный шар, и снеговик словно выключился. Он глядел на то, как в стеклянном шарике падают снежинки, и не мог оторвать взгляд. Когда «метель» в шаре улеглась, мистер Драммер отобрал его у снеговика. Мистер Пибоди взмолился — без этой игрушки он больше не видел своей снеговичной жизни. Он обещал, что сделает что угодно, только бы ему вернули снежный шар.

Мистер Драммер улыбнулся — именно этого он и добивался. И с тех пор беззаботная жизнь мистера Пибоди закончилась: новый хозяин заставлял снеговика выполнять тяжелые и обременительные поручения, всячески над ним издевался и все приговаривал: «Никто не смеет бросать в меня снежки...»

— Хм. Вот, значит, как... — Зои Гримм усмехнулась и захлопнула книгу. Она нашла!

Кто-то скажет, что это — просто детская книжка и что в ней не стоит искать какие-либо инструкции или хоть словечко правды, но мисс Гримм в упор не видела разницы между тем, что написано в книгах и тем, что пишут в газетах. Написано — значит, правда, — так она считала.

— Снежный шар... — задумчиво протянула Зои. — Как жаль, что мой старый шарик разбился. Где бы добыть новый? Где бы до...

Она вдруг поймала себя на том, что буквально смотрит на снежный шар.

Правда, шар был нарисован. И располагался на газетной страничке. А саму газету держал в руках некий мистер за соседним столиком.

Зои вскочила со стула, едва не пролив кофе, подлетела к господину с газетой и, согнувшись в три погибели, принялась возить носом по рекламной заметке.

«ЛУЧШИЕ СНЕЖНЫЕ ШАРЫ В ГАБЕНЕ!!!»

В вашем доме пусто и грустно? Вы не находите дух праздника, даже вооружившись биноклем и наняв частного сыщика? Мы знаем, чего вам не хватает!

Снежные шары мистера Тоббсона! Прекрасные не игрушечные игрушки! Крошечные миры на ваших каминных полках! Никогда не тающий снег! Настоящие метели и снежные бури! Миниатюрные механические фигурки, которые словно живут своей жизнью!

Купите снежный шар мистера Тоббсона! Лучший подарок на Новый год!

(Дух праздника прилагается).

*Тремпл-Толл. Бремроук, 24. Лавка “Снежные шары Тоббсона”.
Все предпраздничные дни работаем до полуночи!»*

Газета медленно опустилась, и Зои нос к носу столкнулась с недоуменным мистером, который вдруг начал безостановочно моргать, вероятно, пытаясь таким образом убрать странную чудачку, как соринку из глаза. Это выглядело довольно забавно и нелепо, особенно учитывая, что господин с газетой являлся обладателем монокля.

— Эм-м... Чем могу вам помочь, мисс? — спросил он.

— Ровным счетом ничем! — широко улыбнулась Зои Гримм. — Вы мне и так уже помогли. Я передам от вас привет мистеру Пибоди!

Господин с газетой округлил глаза, отчего его монокль едва не вывалился.

— Что еще за мистер Пибоди?

— Персонаж книжки Ненби Билтри! — простодушно ответила Зои. — Известная книженция. Ее много кто читал.

— Никогда не слыхал ни о таком писателе, ни о такой книге, ни о таком... гм... персонаже.

— Ну, значит, вы нелюбознательный. Или вам на пятки не наступают зловредные снеговики! И, к слову, Ненби Билтри — вовсе не писатель, а писательница. Ее книжки повсюду продают. Она очень известная.

Господин с газетой уставился на Зои с ярко выраженным сомнением.

— Думаете, я вру? — возмутилась она. — Я купила «Злоключения снеговика мистера Пибоди» в лавке «Переплет» — это на Пыльной площади. Вот сейчас я вам ее покажу, и вы признаете, что я была права...

Зои Гримм повернулась к своему столику, и зубы сами прикусили кончик языка. Никакой книги на столе не было.

Снеговик молчал и улыбался. И улыбался он очень приветливо. Вовсе не так, как мистер Пибоди.

А все потому, что это был не мистер Пибоди.

Это был совсем другой снеговик: он не курил папиретку, не напоминал старый дырявый башмак и выглядел очень добродушным. Сжимая в руке-ветке полосатую красно-белую трость и вскинув другую руку вверх в приветствии, он всем своим видом давал понять, что не прочь с вами подружиться.

Но кое-кто не хотел с ним дружить. Этот «кое-кто» ни на миг не верил в показную душевность снеговика и считал, что тот просто прикидывается и что от него только жди подлости...

«Небольшая встряска тебе точно не повредит, — подумал этот кто-то. — Посмотрим, как тебе понравится метель!»

И тут земля задрожала, в воздух взлетело облако снега, и началась настоящая снежная буря. Снеговик скрылся в ней.

— Руки прочь! — прикрикнул мистер Тоббсон, хозяин лавки, продающей снежные

шары.

Зои Гримм подняла на него испуганный взгляд. Продавец ткнул пальцем в табличку над стойкой: «*Шары не встряхивать!*»

Он вырвал снежный шар из рук Зои и поставил его обратно на полку.

Зои Гримм гневно прищурилась — этот мистер Тоббсон был злобным и отвратительным типом. Его вытянутое лицо с вислыми седыми бакенбардами и хмурыми косматыми бровями заявляло всем и каждому: «Что? Праздник? А праздника никакого не будет, если не выложишь денежки». Сухой и длинный, в узком сюртуке, он бродил между рядами стеллажей и зорко следил за покупателями. На тонких губах и в глубоко посаженных глазах застыли алчность и самодовольство: он знал, что его шары все равно будут покупать, ведь, помимо него, в Тремпл-Толл их никто не продает — уж об этом он позаботился.

Живущие на Бремроук и в окрестностях знали, каким человеком является хозяин лавки, которая открывается раз в год, зимой, с первым снегом. Многие боялись его, еще больше людей его избегало. «Хмырь, который сдал обеих дочерей в работный дом», «Бессердечный сухарь, который держит родного отца на цепи и заставляет его мастерить эти стеклянные шары», «Человек, который коллекционирует злые сплетни о своей персоне, после чего жалуется своему дружку-извергу, господину главному судье Сомму».

И тем не менее в холодные зимние дни от покупателей в его лавке не было отбоя.

Мистер Тоббсон яростно сопел, когда кто-то позволял себе взять с полки шар. Он тут же подлетал к «негодяю», выхватывал шар из его рук и, поспешно протерев его куском замши, ставил на место.

Он будто не просто чувствовал, а знал точно, сколько можно вытряхнуть денег из того или иного покупателя, и, отметив чей-нибудь интерес к какому-нибудь шару, тут же задирает цену. Помимо прочего, у него был настоящий нюх на тех, кому снежные шары не по карману: таких он, прежде обругав и громко опозорив, прогонял прочь.

Перед тем, как наброситься на Зои Гримм, его жертвой стали маленькая девочка и ее мама: бедно одетые и, было видно, зашедшие в лавку просто немного полюбоваться прекрасными шарами. Их выдворили вон в слезах.

Но мисс Гримм была не из тех, кого можно так просто обидеть и унижить. Зои, уже намереваясь ответить этому хмырю хмырскому, что она думает, но тот уже позабыл о ее существовании и набросился на молодого клерка в круглых очках, сжимающего подмышкой потертый портфельчик:

— Вы вообще знаете, сколько стоит такой шар?! — завопил мистер Тоббсон. — Хотя откуда вам! Для вас он стоит семьдесят фунтов!

— Но на бирке написано: тридцать!

— Вы говорите, что я лгу?! Я, если хотите знать, меньше похож на лжеца, чем вы — на нищего! Убирайтесь из моей лавки! Никакого праздника для бедняков! Никакого шарика для бедняков!

Парень понуро опустил плечи и, пробормотав «Простите», направился к выходу, провожаемый хмурым взглядом мистера Тоббсона.

Зои кипела от возмущения. Хозяин лавки и его поведение пробудили в ней то, чего она давно не испытывала: ей казалось, что все часы, которые тикали в ее голове, вдруг одновременно начали ломаться. Зазвенели шестеренки, затренькали пружины, застучали молоточки. Ее отец называл это «большой часовой поломкой Зои», и сейчас она буквально всем своим существом ощутила, что ее злость вот-вот вырвется наружу и она, Зои Гримм,

сделает что-нибудь ужасное.

К примеру, дернет мерзкого хозяина лавки за нос или схватит его за клочковатые брови или — она даже боялась о таком подумать! — плюнет в него...

Зои почувствовала, что не может себя контролировать, кулаки сжались сами собой. Ее своевольная нога оторвалась от пола и сделала шаг.

И все же мисс Гримм не успела воплотить свои недобрые мысли в жизнь: произошло то, что частенько называют «неожиданным происшествием».

Колокольчик над дверью звякнул, и в лавку ворвался порыв ветра, занесший с собой снежное шупальце метели.

Следом в лавку вошли двое. И неприятности вошли вместе с ними.

Джентльмены в черных пальто и низко надвинутых на лица шляпах вынырнули из снега и рассмеялись.

В этом темном месте, в котором, словно паук в своем логове, обретался мистер Тоббсон, смех никогда не звучал. Если только это не насмешливое, презрительное хихиканье самого хозяина лавки, которое и смехом-то назвать нельзя. И сейчас смех вошедших звучал, как нечто чуждое, странное... слегка незаконное.

Зои Гримм эти двое сразу приглянулись — в частности, ей понравились черные бархатные маски с прорезями для глаз, скрывающие верхнюю половину лиц незнакомцев. Эти маски добавляли вошедшим таинственности и опасности. «Просто замечательные маски! — подумала она. — Я тоже такую хочу! Она бы мне очень пошла! Какие модные господа!»

Что ж, так считала только она одна. Двое покупателей попятились. Кто-то вскрикнул. Остальные недоуменно озирались, пытаясь понять, что происходит.

Мистер Тоббсон пораженно застыл, глядя на незваных гостей; в одной руке у него была тряпка, в другой — снежный шар, который он отобрал у изгнанного клерка.

Один из вошедших вытащил револьвер и направил его на хозяина лавки.

— Это ограбление! — крикнул он. — Всем оставаться на своих местах!

Его спутник снял с плеча мешок и двинулся к ближайшему стеллажу с шарами.

Мистер Тоббсон отмер и сорвался с места:

— Как вы смеете! Да вы знаете, кто...

Его остановило револьверное дуло, уткнувшееся ему в нос.

— Не стоит каркать, ворона! — усмехнулся грабитель. — Или мы повыдергаем тебе все перья. Мистер Бонти, будьте любезны: начните с вон тех больших шаров за стойкой — они здесь самые дорогие!

Подельник кивнул и приготовил мешок. Одним быстрым движением (у Зои вырвалось непроизвольное «Ах!») он перемахнул через стойку и принялся стаскивать с полок снежные шары: в мешке они при этом и не думали звенеть — видимо, грабители заблаговременно набили его пухом.

— А вы, дамы и господа! — обратился господин с револьвером к посетителям. — Не пугайтесь! Вас никто не тронет — нам не нужны ваши тощие кошелочки и ваши дешевые часы. О, нет! Завтра ведь праздник, а мы не настолько бессердечны! В отличие от нашего «доброего» хозяина. Так ведь, выдра злобная?

Мистер Тоббсон что-то пробубнил, возмущенно булькнул. Его руки тряслись от негодования и страха.

— Так что давайте обойдемся без трагичных обмороков, ненужных криков «Полиция!»

и прочих обременительных вещей, договорились? Зачем лишний раз беспокоить наших доблестных констеблей — у них и так сейчас работы невпроворот! Как у вас дела, мистер Бонти?

Грабитель с мешком тем временем уже опустошил полки за стойкой и перешел к стеллажам вдоль стен.

Зои Гримм следила за каждым его движением, распахнув рот от восторга. Мистер Бонти двигался с невероятной ловкостью — так, будто танцевал. Его руки изгибались под невообразимыми углами, словно в них было больше локтей, чем положено, а длинные пальцы в черных перчатках шевелились плавно и нежно, точно перебирали невидимые струны. Снежные шары перекачивались в его ладонях, как живые, ползали по рукавам пальто, после чего мягко закатывались в мешок. Это было настоящее представление!

Зои была восхищена этим зрелищем, но все же не потеряла самообладания. Она незаметно стащила с полки шарик, который ей так приглянулся, и тихонько положила его в карман пальто.

Как только карман провис под тяжестью шарика, глаза Зои встретились с двумя яркими и едва ли не искрящимися глазами в прорезях бархатной маски.

«Он видел! — пронеслось в голове Зои. — Он видел, как я украла шар!»

Мистер Бонти замер.

Пальцы Зои задрожали.

Грабитель с револьвером устал ждать ответа от подельника и повторил свой вопрос:

— Как у вас дела, мистер Бонти?!

Грабитель с мешком улыбнулся и подмигнул Зои.

— Все замечательно! — отозвался он. — У меня все просто замечательно, мистер Рэкхауз!

Грабитель выбрался из-за стойки, подошел к Зои и негромко проговорил:

— Вы позволите, мисс?

Зои с огорчением засунула руку в карман, но мистер Бонти имел в виду кое-что другое. Он чуть ее отодвинул и взял пару снежных шаров, стоявших на полке за ее спиной. После чего все так же непринужденно двинулся дальше по проходу, собирая свой стеклянный урожай.

Посетители лавки, хоть и были испуганы, все же не могли не наделить мистера Тоббсона парочкой колючих, злорадных взглядов.

А тот пыхтел от ярости и перекачивался с пяток на носочки от распирающей его изнутри злобы. При этом он бубнил себе под нос:

— Я вам задам... вы не спрячетесь... я верну все свои шары... недолго вам ими любоваться...

Мистер Рэкхауз, очевидно, устал слушать причитания и угрозы хозяина лавки и легонько стукнул его по носу дулом револьвера.

— Не пыжься, Тоббсон. Мы-то знаем, как ты заполучил эти шары и какие грязные делишки проворачиваешь. А шарики мы раздадим бедным детям в Саквояжне и в Гари. Или ты думал, что мы оставим их себе?

— Что? Бедным детям?

Хозяин лавки едва не разрыдался, представив, сколько грязных пальцев будут трогать его шары.

— Ну да, — простодушно проговорил мистер Рэкхауз. — Не у всех в Саквояжне есть

денежки, чтобы купить подарки или елку. У многих детей здесь никогда не будет подарка. Но мы с мистером Бонти считаем, что это неправильно. Мы украдем шары у негодяя — и какая-нибудь матрона за вязанием или строгая нянюшка, или сплетники в городском клубе посчитают, что это плохо. Пусть так — нам плевать. Мы — грабители, и это наша работа. Но зато у некоторых детей будут подарки. Мы украдем немного радости для них. У нас нет совести или сожалений. Если ты не можешь купить праздник — укради праздник! Особенно, если поблизости обретаётся подобный мерзкий тип, ограбить которого — это уже праздник само по себе.

— Вы поплатитесь, — прошипел мистер Тоббсон. — Думаете, что вам законы не писаны?

Мистер Рэкхауз усмехнулся.

— Может быть, они и писаны, но мы не особо вчитывались, знаете ли. Особенно если к этим законам приложил руку кто-то вроде вашего толстозадого приятеля, господина главного судьи Сомма.

Покупатели от этих слов испуганно вжали головы в плечи и, не сговариваясь, бросили затравленные взгляды на дверь, словно ожидая, что упомянутый судья вот-вот войдет.

Зои слышала это имя прежде, но не понимала, отчего все так реагируют: имя как имя. Какой-то судья, подумаешь! Вот если бы речь шла о продавцах леденцов (у нее имелся неконтролируемый страх перед конфетниками) она бы еще могла понять. Что ж, откуда ей было знать, что упомянутый судья фактически управлял всем Тремпл-Толл, обладал крайне дурным характером, извечно плохим настроением и — что самое страшное — был скор на расправу. За одни только непочтительные слова о нем могли схватить и отправить в тюрьму Хайд.

Грабитель с револьвером огляделся и прочитал страх в глазах покупателей. И понял, что этот страх вызван вовсе не ограблением или его оружием, а его словами.

— В этом городе есть те, кто не боится этого разъявшегося хряка-судью! — воскликнул он. — Те, о ком пишут в газетах! Те, для кого сделали специальную рубрику «Злодейские будни злодеев Габена»! Человек-из-Льотомна, Пуговичник, Мистер Морок, Свечник и другие! Что это за город, в котором только у злодеев хватает храбрости бросить вызов негодьям-судьям и злыдням-констеблям?!

Мистер Тоббсон прищурился и прокаркал:

— Не такие уж они и храбрые, раз используют псевдонимы и носят маски! Хотел бы я посмотреть, как Зубная Фея или кто-то из упомянутых мерзавцев явится на Полицейскую площадь или к зданию суда и явит свое настоящее личико. Нет уж, они никогда так не сделают. Потому что они трусы. И вы тоже трусы. Ведь иначе зачем вам маски?

Мистер Рэкхауз рассмеялся и легонько постучал себя дулом револьвера по виску.

— Не стоит умничать, мистер Тоббсон. — Не теряя из виду хозяина лавки и не снимая своей улыбки с губ, он снова воскликнул: — Как у нас дела, мистер Бонти?!

— Все замечательно, мистер Рэкхауз!

Опустив в мешок последний шарик, мистер Бонти подошел к подельнику.

— Что ж, дамы и господа! — усмехнулся грабитель с револьвером. — Наше шоу подходит к концу! Мы благодарим вас за внимание и за ваше терпение! Счастливых праздников!

Договорив, он выхватил из кармана небольшой картонный цилиндр, зубами рванул петельку на крышке и швырнул его под потолок.

В следующий миг раздался грохот, и лавку затянуло бордовое дымное облако...

Когда оно рассеялось, обоих грабителей и след простыл.

Зою Гримм восхищенно оглядывала ключья стремительно тающего дыма и все гадала, есть ли предел театральности и шикарной манерности испарившихся джентльменов. Что ж, первая за долгое время вылазка в город явно того стоила.

Посетители постепенно приходили в себя и покидали лавку.

Мистер Тоббсон завопил: «Полиция! Полиция!»

А в тени в углу, возле самого дальнего прохода, шевельнулась черная фигура, на которую никто из присутствующих так и не обратил внимания.

Человек в потемках спрятал в карман зеркальце, через которое наблюдал за Зою Гримм, и исчез, полностью слившись с тенью.

Глава 2. Невзгоды и передраги

Улица Бремроук, самая широкая улица Тремпл-Толл, была запружена. Экипажи толклись на мостовой, застряв в заторе. В их окошках виднелись раздраженные лица пассажиров, а на крышах уже выросли снежные шапки.

Не протолкнуться было и на тротуаре. Вечер всегда считался самым оживленным временем в Саквояжном районе, но сейчас здесь собрался едва ли не весь город.

Близился праздник, и на Бремроук это было наиболее заметно. Колокольчики над дверьми располагавшихся вплотную друг к другу лавок звенели не преставая. Ярко светились окна и витрины, горели все фонари — просто небывалое дело для Тремпл-Толл. Отовсюду звучала новогодняя музыка, а в воздухе висел пряный сладковатый запах грога и мягкий обволакивающий запах елочной хвои.

Джентльмены и дамы сновали от одной двери к другой и всякий раз, когда они снова оказывались на улице, в их руках появлялись все новые свертки или коробки.

Возле одной из лавок стоял латунный автоматон в костюме Человека-в-красном: он кутался в объемистую шубу с белой меховой оторочкой, на голове у него сидел алый колпак, а нижняя часть лица скрывалась под накладной седой бородой. В руке автоматон держал большой мешок и механическим голосом интересовался у прохожих, купили ли они уже праздничную елку, не забыли ли приобрести украшения для нее и советовал не затягивать с покупкой новогодних открыток на почте:

— Мэм, вы уже разослали открытки с поздравлениями? — Две круглые лампы, служившие автоматону глазами, уставились на шедшую мимо женщину.

— Нет, — буркнула та.

— Но ведь их еще нужно успеть раскрасить! — добавил неугомонный автоматон. — Поторопитесь! А то ваши близкие и родные не получат от вас поздравления...

— Отстань! Ты — ненастоящий Человек-в-красном.

Автоматон уже забыл о ворчливой мисс и пристал к тучному господину в клетчатом пальто со своим: «Сэр, вы уже разослали открытки?»

Зои Гримм пробиралась через толпу и раздраженно косилась на всех этих в разной степени довольных и предвкушающих что-то людей. Неужели они забыли, что Новогодняя ночь только завтра?! Зачем покупать все заранее?!

— Эй, осторожнее! — крикнула Зои какому-то вальяжному мистеру, задевшему ее плечом, но ее окрик потонул в шуме улицы, а грубиян даже не повернул головы.

В воздухе висели хлопья медленно опускающиеся на землю снега. Несмотря на то, что было не так уж и холодно, в толпе прохожих Зои чувствовала, что замерзает. Ей было одиноко. Еще более одиноко, чем обычно.

Лица кругом походили на пятна, голоса смешивались и сливались в неразборчивое ворчание: дети уговаривали родителей купить им что-то, кто-то обсуждал с кем-то грядущий праздник, еще кто-то возмущался взвинченными ценами.

Зои втянула носом воздух и остановилась у витрины лавки «Мисс Гусыня». На витрине в несколько рядов, прицепленные прищепками, висели утки и гуси. В лавке было не протолкнуться.

Зои сглотнула голодный ком, представив себе одного из этих гусей исходящим паром на большом блюде посреди стола, в запеченном виде и с золотистой корочкой. Нет, это не для

нее... Ей гуся не видать.

Зои вдруг посетил неожиданный образ: она стоит у печи, в переднике, суетится в дымной из-за подгорелого гуся туче, — и ей стало еще более тошно. Она была не из тех, кто умеет готовить. Когда-то у них с папой была экономка, миссис Моллерсон, но, как и папа, она давно перебралась на Чемоданное кладбище.

Мисс Гримм отвернулась от окна лавки и побрела дальше по Бремроук, в сторону трамвайной станции.

— Что там говорил мистер Рэкхауз? Украсть праздник? Нет, она не может это сделать...

Зои погладила гладкую поверхность стеклянного снежного шара в кармане и вдруг, неожиданно даже для самой себя, улыбнулась. Ее посетило новое для нее чувство... Внутри словно поселился кто-то суматошный, всклокоченный и сотрясающийся в нервном возбуждении. Прежде она ничего не воровала...

Если бы только папа видел ее сейчас... Она представила себе его грустное лицо. Папины губы шевельнулись, и он сказал: «Этот город очень плохо на тебя влияет, кроха».

Зои невероятно захотелось ответить ему: «Но ведь этот мистер Тоббсон из лавки... он такой злобный! Он очень дурной человек! Как он обходится с людьми! Мистер Рэкхауз и мистер Бонти украли у него шарики, чтобы раздать их бедным детям. Они разве не поступили хорошо?»

Воображаемое лицо отца растаяло в голове Зои, и она осталась наедине с неопределенностью.

— Кто же здесь настоящий злодей? — спросила она себя. — Я не понимаю... просто не понимаю.

В голове у Зои все начало запутываться еще сильнее. Она тряхнула ею, и тут снова раздался этот мерзкий звон, сопровождающийся часовым тиканьем.

Зои вдруг ощутила себя крошечным кроликом, тонущим в вареве улицы, в этом вязком супе, с его гулом, голосами, людьми, экипажами, гудящими клаксонами и звенящими дверными колокольчиками.

— Кролик в кроличьем супе... — пробормотала она. — Кроличий суп... — Зои дернула головой и оборвала сама себя: — Что еще за кроличий суп?!

«Лучший в городе кроличий суп! — последовал скрипучий ответ. — Только в ресторане госпожи Примм! Приходите! Только у нас! Чемоданная площадь, 8! Лучший в городе кроличий суп!»

— Вот оно что! — буркнула Зои, бросив взгляд на рекламную будочку, над которой висели бронзовые вещатели.

Она подошла к станции и взглянула на часы отсчета до прибытия трамвая. На ячейках стояло: «10», — но, кажется, эта цифра не менялась уже довольно продолжительное время, учитывая то, какими раздраженными и нервными выглядели люди на станции.

Зои глянула на еле-еле ползущий кисель экипажей на мостовой и поняла, что трамвай придется ждать долго.

«Вы одиноки? У вас нет друзей?! И некому сделать вам подарок на Новый год? — продолжала бубнить рекламная будочка. — В “Чучеллоус” мы поможем вам! “Чучеллоус” знает решение! Подари себе сам! У нас вы можете заказать лучшие пледы, с которыми вы никогда не будете чувствовать себя брошенными и никому не нужными. Лучшие карманные часы, с которыми вы никогда никуда не опоздаете. Самые вкусные конфеты!»

Зачем нужны друзья, когда есть шоколад?! Все это и много чего другого — только у нас!

Это не просто покупки! Это... подарки!

Закажите прямо сейчас! Всего тридцать фунтов! “Чучеллоус”, площадь Неми-Дрѐ, 14. Оплату производит по почте. Коробка, ленты и праздничная упаковка входят в стоимость...

“Чучеллоус” — ваш друг в эти праздничные дни.

У нас все по-честному! Никакого обмана! “Чучеллоус” — не мошенники!

И помните: у вас не будет подарка, если вы сами его себе не сделаете!»

Объявление сменилось, и грубый женский голос стал рассказывать о прелестях нафталина «Нафф».

Мисс Гримм огляделась по сторонам. Ожидавшие трамвай люди, кажется, не обратили никакого внимания на прозвучавшее из рекламных вещателей сообщение о подарках.

«Наверное, у них всех есть друзья, — с тоской подумала Зои. — Но эти «Чучеллоус» — просто находка для одиноких людей. Таких, как я...»

Ее мысли прервали раздавшиеся неподалеку крики:

— Пустите! Я ничего не сделал!

Кричал мальчишка. Судя по болтающемуся у него через плечо ремню с пачкой газет, это был один из тех крикунов, что бегают по улицам с визгами: «Свежие новости! Свежие новости!»

Сперва Зои не поняла, что происходит. Кто-то держал мальчишку-газетчика за ворот латаного пиджачка и тряс его так сильно, словно намеревался проверить, насколько крепко в нем сидит его худая чумазая душа.

Здоровенный толстяк в темно-синей форме и высоком шлеме был разъярен и орал на полквартала:

— Негодяй! Хорек! Прохиндей!

Люди кругом поворачивали головы и тянули шеи, чтобы насладиться представлением во всех подробностях. У полицейской тумбы собрались зеваки, в окошках томящихся в заторе экипажей появились заинтересованные лица: в Саквояжном районе каждый мнит себя опытным театральным зрителем и по мере возможностей пытается не только поглядеть, но и поучаствовать в шоу. Не всем по карману билет в кабаре или в театр — да и зачем его покупать, когда сцена не хуже происходит прямо здесь и сейчас.

— Подлец! Мерзавец! Злодей! — продолжал реветь констебль. — Ты у меня ответишь за свое гнусное злодеяние!

Зеваки кругом принялись гадать, что же такого натворил мальчишка. Зои во все глаза глядела на происходящее: маленький газетчик не походил на злодея — он выглядел перепуганным до смерти.

— Мальчишка, видимо, пытался украсть кошелек у констебля Домби... — предположил кто-то в толпе.

— Нет же, он нагло нюхал жареных куропаток возле «Сноритс»! — вставил еще кто-то.

— Пните его, да покрепче, мистер Домби! — со смехом посоветовал один из кэбменов.

— Да, взгрейте его как следует! — поддержала какая-то дама.

Зои не могла взять в толк, чем же газетчик заслужил подобное.

— Что он сделал? — поинтересовался у констебля джентльмен с тростью, узким лицом и ехидством во взгляде, подойдя к темно-синей полицейской тумбе.

Констебль Домби, обладатель пухлого лица, мелких глазок и пышных подкрученных

усов, повернул голову к любопытствующему господину и скривился:

— О, мистер Бейброк из «Гришем и Томм»! Только господ адвокатов нам и не хватало! Будете выгораживать этого хорька недобитого?!

«Вот сейчас мистер Бейброк поставит на место этого злобного констебля, — подумала Зои. — Он прекратит это безобразие и...»

— Помилуйте, мистер Домби! — широко улыбаясь, ответил адвокат. — Я не на службе. И к тому же вряд ли мальчишке по карману мои услуги. Можете разделаться с ним! Только скажите сперва, что он сделал — а то так неинтересно.

Зеваки поддержали его одобряющими возгласами.

— Этот малолетний шушерник — вы не поверите... — начал констебль, в очередной раз встряхнув мальчишку. — Вы даже не можете представить себе подобную подлость...

— Не томите, мистер Домби!

Констебль пожевал губами, отчего его усы заходили ходуном, и со всем возможным возмущением сказал:

— Он имел дерзость кричать, что полиция больше не нужна в Тремпл-Толл! И что эта мерзавка незаконная, Зубная Фея, сама отыщет ту тварь, что поселилась в канале! Вы можете себе представить?!

— Какая дерзость! — с ядовитой улыбочкой согласился адвокат.

— Да! — воскликнул кто-то.

— Вы будете его уже лупить, мистер Домби?

— Швырните его в сугроб!

— Оторвите ему уши!

— Открутите ему нос!

Мальчишка расплакался:

— Это все заголовок! — пытался оправдаться он. — Я просто прочитал заголовок!

— А ну замолк! — прикрикнул констебль и потянулся за дубинкой.

— Нет, прошу вас, сэр! — взвыл мальчишка. — Я ничего не сделал!

— Закону виднее! — рявкнул мистер Домби и поднял дубинку.

Все замерли в предвкушении. Кругом не было ни одного хотя бы капельку сочувствующего лица, ни одного жалостливого взгляда.

Но ударить маленького газетчика полицейский не успел. В его шлем вдруг врезался брошенный кем-то снежок.

Зеваки притихли.

— Кто... кто это сделал?! — пораженно пропыхтел констебль, в ярости озираясь по сторонам. — Кто посмел?!

Полицейский, видимо, собирался еще что-то добавить, но в него врезался еще один снежок, а за ним еще один и еще. Первый ударил констебля в живот, второй — вновь стукнул по шлему, рассыпавшись при столкновении белым крошевом. Третий был брошен более метко и пришелся прямоком в багровое лицо служителя закона.

Мальчишка вырвался и припустил по улице прочь, а в мистера Домби уже летел новый залп из снежков. Били они точно в цель и их было так много, что казалось, будто констебля обстреливает целый взвод снежковых солдат, но на деле это была одна-единственная разозленная женщина.

— Нападение! На полицию совершено нападение! — вопил, отплевываясь от снега и яростно потрясая дубинкой, констебль, не забыв пригнуться и прикрыть лицо рукой. — Всех

арестую! Негодяи!

Он ринулся к своей сигнальной тумбе, очевидно, намереваясь переключить тревожный рычаг и вызвать подмогу с соседних кварталов.

Зеваки посчитали наилучшим вспомнить о своих прерванных делах. Представление принимало весьма неблагоприятный оборот, и попасть под горячую руку униженной полиции никто не хотел. Тем более затор ожил, и экипажи на мостовой пришли в движение. К станции, прозвенев, подошел трамвай. Пассажиры стали забираться в вагон...

Не сразу мистер Домби понял, что обстрел прекратился.

Трамвай отошел от станции «Бремроук-Харт».

В вагоне началось живое обсуждение случившегося. Не опасаясь гнева оставшегося на улице служителя закона, пассажиры начали насмехаться над недотепой и гадать, кто же осмелился сбить с него спесь, даже не догадываясь, что снежковый стрелок был среди них.

Зои Грим, в свою очередь, была весьма довольна собой: «Так ему и надо, этому мерзкому Домби!»

На сидении напротив устроились два клерка в котелках и очках — оба сжимали ручки портфельчиков для бумаг.

— Как думаете, Хамфри, кто стоял за этими снежками? — спросил клерк с каштановыми бакенбардами.

— Хороший вопрос, Ньютон, — ответил Хамфри, обладатель массивного носа и лаконичного подбородка, из-за чего все время казалось, будто его голова вот-вот завалится вперед. — Думаю, это был тот старик в вощенном шапокле, который все никак не мог достать билет из билетной будки.

— Что? Да он же едва на ногах держался! Уверен, это была та странная мисс...

Зои поежилась.

— Какая мисс? — удивился его собеседник. — Которая держала дюжину коробок с подарками?

— Ну да, — ответил Ньютон, и Зои облегченно вздохнула: ее не подозревали.

— Но ведь у той мисс были заняты руки всеми этими подарками. Я не заметил у нее третьей руки.

— Как и четвертой: чтобы слепить снежок, нужны две свободные руки.

Клерки рассмеялись. После чего Хамфри сказал:

— Но на самом деле все это крайне неприятно. И очень не по-праздничному. Я уже сам собирался напомнить мистери Домби о приличиях, но меня опередили.

— Вот только не нужно врать, друг мой. Я вас хорошо знаю. Скорее мистер Домби сам в себя бросил бы снежок, чем это сделали бы вы. Я ведь осведомлен, как вы боитесь синемундирников.

Хамфри снял очки и принялся протирать их выдавшим виды (и пару дюжин простуд) носовым платком. При этом он многозначительно заявил:

— На Набережных или в Сонн такого никогда бы не произошло: тамошняя полиция не хватает людей на улицах. И к ней относятся уважительно. Если ты законопослушный гражданин, тебе нечего опасаться.

Ньютон снял свои очки и, подышав на стеклышки, сказал:

— Не знаю, как в Сонн или на Набережных, но здесь, в Саквояжне, просто не выйдет быть законопослушным. Ты должен отрастить зубы, если хочешь выжить на этих улицах. Всех беззубых Тремпл-Толл перемальвает и переваривает.

— Это верно. Но здесь ни у кого нет зубов, Ньютон. Разве что у тех, о ком пишут в «Сплетне».

— Вы имеете в виду... кхе-кхе... — Ньютон кашлянул, пытаясь замаскировать имя, — Пуговичника и прочих?

— Именно их я и имею в виду.

Ньютон испуганно оглядел прочих пассажиров и негромко произнес:

— Не стоит упоминать лишний раз этих личностей — никогда не знаешь, кто может ехать с тобой в одном трамвае. Вдруг эти злодеи среди нас...

— Знаете, друг мой, если бы я мог, я бы непременно стал одним из них...

— Непременно стали бы, — словно эхо, отозвался собеседник, — если бы не были трусом и у вас были зубы...

Зои Гримм больше не слушала. Отвернувшись, она уставилась в окно — снег усилился...

Зои думала обо всем, что произошло. Этот мерзкий город схватил ее и крепко сжал в своих снежных объятиях. Столько всего случилось за то короткое время, что она не дома! А ведь она просто хотела выпить чашечку сливового кофе со сливками... Удивительно просто!

Что ж, она удивилась бы еще сильнее, если бы сейчас могла наблюдать за констеблем Домби.

Выждав немного, пока улочка не забудет о происшествии возле полицейской тумбы, толстяк огляделся по сторонам и шмыгнул в подворотню ближайшего дома. Там его уже ждал тот самый неосторожный на язык мальчишка-газетчик. На его лице не было и следа слез или страха перед грозным представителем закона.

— Сэр, мистер Домби! — громким шепотом проговорил он. — Я все правильно сделал?

— Да, Сэмми, — кивнул усач и с хмурым видом надвинулся на мальчика. — Но никакого разговора о снежках не было. Мне следовало бы как следует выпороть тебя и твоих дружков-газетчиков за каждый снежок. Все должно было быть в тайне! Признавайся, кому разболтал, негодник!

— Сэр, я тут ни при чем! Клянусь вам!

Констебль пристально поглядел на мальчишку.

— Ну ладно. Поверю на слово. Поверю и вычту пять фунтов.

— Но, сэр... — заканючил Сэмми. — Я заслужил свою награду! Я ведь все сделал, как вы велели!

Констебль достал из кармана мятую купюру в пять фунтов.

— Будешь ныть, все заберу, хорек, — пригрозил он.

Мальчишка схватил бумажку и бросился наутек, пока злой констебль не воплотил угрозу в жизнь.

Мистер Домби закурил папиретку (вся его голова тут же окунулась в темно-синее облако дыма от табака «Морж»), после чего выбрался из подворотни под снег и двинулся к своей тумбе, насвистывая песенку «Побитые шушерники горько рыдают». Настроение у него было лучше не придумаешь: в кармане лежало пятьдесят фунтов, заработанных за очень непыльную работенку. Будет на что как следует покутить в полицейском пабе «Колокол и Шар» в новогоднюю ночь.

Подойдя к тумбе, он разжег горелку и поставил греться чайничек. Почувствовав, что на него глядят, он усмехнулся и приставил два пальца к краю шлема, сообщая наблюдателю, что дело, мол, сделано.

Человек в низко надвинутом на глаза котелке, стоявший у скопления труб возле

бакалейной лавки «Жестянка Желли», кивнул и двинулся в сторону площади Неми-Дрё. Может, констебль и выполнил то, что от него требовалось, но вот его дело было еще слишком далеким от завершения.

Все только начиналось...

10 часов утра. 14 часов до Нового года.

Зои Гримм боялась моргнуть, ведь «Моргнуть — чудо спугнуть». Так когда-то говорил ее папа. А Зои меж тем ждала чуда. Ждала до головной боли. До чесотки в носу. До щекотки в пятках.

В прихожей было темно. Зои Гримм любила темноту: в темноте все становилось незначительным и неважным, мысли замедляли лихорадочный бег, а еще в темноте так приятно думать и спать. Зои была еще той соней...

В прихожей тянуло холодом. Холод она тоже любила. Зима — ее время. Все поскальзываются и так забавно пытаются удержать равновесие, размахивая руками. А еще все носят теплые пальто и громадные шубы, и все равно мерзнут. Ее смешили красные носы этих нелепых горожан. А как они забавно чихают! Сидя у своего окна и наблюдая за площадью, Зои Гримм коллекционировала городское чихание: тоненький скованный дамский чих, сопливый детский чих и протяжное басовитое чихание увальня-констебля Уилмута у полицейской тумбы...

Но сейчас она совсем забыла о своих излюбленных зимних забавах. Зои стояла у двери. За дверью стоял почтальон.

— Что там? — пробормотала она, даже привстав на носочки от возбуждения. — Что же ты принес?

С мерзким птичьим карканьем «Трыннь! Трыннь!» зазвенел механический звонок. Уже во второй раз.

Зои не спешила открывать. Она всю мечтала. Мечтала и грызла ногти.

Близился Новый год. Лучший день в году. Лучший день в Габене! Никто не хмурится (почти). Никто не ворчит (снова почти). Дым поднимается из труб. Вóроны в смешных цилиндрах бродят по заснеженным водостокам. На углах стоят снеговики, и не все из них такие же нахальные типы, как мистер Пибоди. Ели наряжаются, словно дамы. Обжоры уже точат вилки. Все в ожидании... И самое главное — подарки!

Зои ждала свой подарок. Истоиво. Или вернее, неистоиво. Ждала всего ночь и утро, но для нее будто бы прошел целый год: о, она умела себя накручивать не хуже клубочков ниток, которые наматывает какая-нибудь прядильщица.

И вот она дождалась. Почтальон стоит под снегом. Кутается в шинель. Дует на озябшие пальцы. Он снова тянет за цепочку.

Трыннь! Трыннь!

А Зои все мечтает... Она перетаптывается в прихожей. И придумывает всякое. Канун — лучшее время, чтобы помечтать. И то верно: когда, если не сегодня? Когда еще прикажете ждать чуда? Чуда в картонной коробке и в пестрой упаковочной бумаге. Перевязанного ленточками чуда.

— Что же в коробке? — Зои потеряла ручки. — Там точно пледик! Хочу теплый

клетчатый плед! Как в витрине «Мяффлерс»! Чтобы вернуться в него. И глядеть на снег. Пить имбирный чай с кашалотом. Грызть шоколадку «Сладкая Кома». И... ах!

Зои мечтательно закатила глаза.

— Или нет! Пусть там будет «Хроммер». Как же я хочу эти часики с милыми стрелочками и двойной цепочкой. Чтобы отмерять хорошие времена. Чтобы всегда приходиться вовремя. Чтобы не быть соней. Чтобы... ах!

Зои зажмурилась

— Или нет! Шоколадные конфеты с желудями. Вкусно и хрустяще! Ах!

Трыннь! Трыннь!

Зои встрепенулась. Почтальон! Она совсем о нем забыла... Ладно! Хватит ждать!

Зои Гримм распахнула дверь.

Усач в фуражке выглядел очень раздраженным. Он посинел от холода, а его плечи были покрыты снегом.

Выдыхая облачка пара, почтальон проскрипел:

— Бандероль для...

— Да-да! Это я!

Зои схватила коробку. А потом захлопнула дверь.

— Ну же... ну же...

Пальцы дрожат от нетерпения. Зои похожа на помешанную — просто она так любит подарки! А еще она помешанная. Самую малость...

Ленты летят в стороны. Оберточная бумага падает на пол. Крышка откидывается и...

В коробке был плед.

Размером с носовой платок.

Зои завернула пальчик. Пальчику тепло. Душе холодно.

— Что?! — горестно прошептала мисс Гримм.

Она боялась именно этого! Крошечного пледа и... разочарования.

— Эй, а это еще что такое?!

На дне коробки лежала сложенная бумажка. Записка?!

Зои развернула ее и прочитала:

«Премалоуважаемый адресат!

Компания “Чучеллоус” благодарит вас за то, что воспользовались нашими услугами.

Все в “Чучеллоус” невероятно счастливы, что в наши сети попался очередной наивный простак.

Если вы еще не поняли, то мы с радостью сообщаем вам: вы обведены вокруг пальца, одурачены, обмануты, введены в заблуждение и щелкнуты по носу.

Мы искренне благодарим вас за ваши денежки и за то, что вы (и еще пара дюжин таких же простофиль) сделали нам настоящий подарок на Новый год. Благодаря вам у нас будет просто замечательный праздник.

*Счастливо горевать,
ваши друзья “Чучеллоус. Подари себе сам”.*

По эпилогу: советуем вам воспринять все это просто как шутку и не искать нас. Нас и

след простыл. Чемоданы давно собраны, и контора перебралась в другое место».

Зои выронила записку из дрожащих пальцев. Часовые механизмы в голове начало корезить и гнуть. Тиканье стало нарастать...

Она не могла поверить. Это была насмешка! Унизительная, злобная, несправедливая насмешка. Ее просто разыграли... Проклятый Габен! Треклятый Саквояжный район! Здесь все пытаются нагреть друг друга, и никакой праздник им не помеха!

Зои ссутулилась. Зои стала напоминать горгулью. Она гневно сжала кулачки и разъяренно топнула ножкой.

— Мошенники! Мой праздник испорчен! Бесповоротно! Он украден! Безвозвратно! Ненавижу всё и вся!

И тут металлический звон в голове вдруг стих. Внезапно. Резко. Словно заводная игрушка под названием «Головешка некоей Зои Гримм» неожиданно выключилась.

Зои шумно выпустила через ноздри воздух. Еще более шумно втянула его обратно.

Несуществующий заводной ключик в голове скрипнул, проворачиваясь. Раз, другой, третий...

— Это была последняя капля, знаете-ли! — прорычала она. — Добрая Зои Гримм умерла! Злая Зои всем отомстит! Она заполучит себе праздник. Любым способом. Даже нечестным путем. С карманами, полными коварства. Не с той связались... Где мой сундук?!

Сундук стоял под вешалкой. Это был старый, трухлявый дедушкин сундук и его время пришло...

Зои решительно откинула крышку. В сундуке был хлам, который она держала там годами. Беспольный, странный хлам. Именно то, что нужно!

Она натянула полосатые чулки. (Злодейские полосатые чулки). Ножки засунула в багровые туфельки. (Какие носят лишь вредные дамы). Надела и застегнула на пуговицы кроваво-красную пелерину с капюшоном. (На улице же снег идет!)

— Чего-то не хватает... Чего же?

На стене висело покрытое патиной темное зеркало. Глядя на свое отражение, Зои была слегка разочарована: она совсем не похожа на коварную и угрожающую злодейку, от которой стоит держаться подальше... Нет, она выглядела всего лишь разозленной и крайне огорченной. А ей нужно злодействовать. Творить и вытворять!

— О! Я знаю!

Она отправилась к камину. Склонилась над его чернеющим зевом и зачерпнула пальцами сажи. Очертила-подвела ею глаза. Подумала... Добавила еще немного сажи...

— Готово! Настоящий злодей из Габена! Вернее, злодейка!

У злодеев темные глаза. Только темные и очень проникновенные, с ноткой трагичности. Зои искренне так считала.

Мисс Гримм коварно улыбнулась. Зеркальная злодейка улыбнулась ей в ответ.

— Я заполучу свой плед. И часики. И все прочее. Украду, стяну, заграбастаю. Они еще узнают... Все в городе узнают. Я заставлю их плакать. И пускать слюни. И сожалеть. Где мой барабан?!

Зои вернулась к сундуку. Немного повозившись внутри, она достала полосатый красно-белый барабан. (Созывать прихвостней). Достала мешочек молотого перца. (Отбивать нюх у констеблей). Взяла чайник. (Пригодится для чаепитий с прихвостнями между злодействами).

Зои нахмурилась: но где же взять тех самых прихвостней?!

Все злодеи кем-то командуют. Их обычно сопровождает прорва различных карманных вредителей. Чтобы бегать на побегушках. Или расчесывать волосы гребешком. Или приносить конфеты. Конфеты и дурные вести, вроде: «Босс, план провалился...»

— Мои планы не провалятся. Мои прислужники будут умными. И исполнительными. И хитрыми. Только где их взять? Дать объявление в «Сплетне»?

Зои выглянула в окно.

Снег заметал улицу. Ветер подкручивал снежинки. Мимо прошел толстяк, пыхтящий под весом разлапистой ели. Рыча, фыркающая и выплевывающая облачка пара, проползли сани, которыми управлял старик в лётном шлеме и больших штурманских очках. У полицейской тумбы суетился мистер Уилмут. Всю тумбу затянуло дымной тучей — видимо, констебль снова что-то в ней сломал: сигнальные трубы понуро опустились до самой земли, одна из них дергалась из стороны в сторону, болезненно повизгивая, а из открытой котельной топки во все стороны летели искры.

Не обращая на толстого полицейского внимания, сновали по своим делам прохожие. Станция была пуста — видимо, трамвай недавно отошел и...

Постойте-ка! А кто это там стоит, у билетной тумбы?! Высокий и носатый. В длинном пальто и цилиндре. С шарфом и зонтиком.

— Нет... — прошептала Зои. — Снова ты!

Этот пройдоха вернулся! Прихватив свою здоровенную круглую голову, улыбочку и папиретку, он снова заявился на площадь, будто его приглашали!

— Только тебя сейчас и не хватало... — начала Зои, но тут вдруг ей вспомнилась некая книжка в красной обложке.

— Хм!

Зои улыбнулась.

— Хм, хм и... хм! А почему бы и нет?

В предвкушении цокнув каблучками, мисс Гримм направилась к выходу. Скрипнули петли. Хлопнула дверь.

Оказавшись на улице, Зои натянула на голову алый капюшон пелерины и потопала к станции. Пальцы нащупали ледяную поверхность снежного шара в кармане.

Снеговик заметил ее и повел головой, попятился. Зои улыбнулась: весь вид этого типа выражал неуверенность — кажется, он не знал, что делать. Что ж, ему определенно стоило броситься наутек.

— Эй, дружок, как дела? — спросила Зои Гримм, подойдя к снеговику.

Она больше не испытывала никакого трепета перед этим типом. В голове снова зазвенели шестеренки, но она этого даже не заметила.

— Гляди, что у меня есть...

Зои достала из кармана снежный шарик и как следует встряхнула его.

Снеговик склонился к ней и уставился на поднимающуюся в шаре метель, едва не коснувшись его стеклянной поверхности носом. Дымок лениво поднимался от гнутой папиретки, время словно остановилось...

В какой-то момент снеговик поднял руку и потянулся к шарик, но Зои отступила на шаг и покачала пальчиком:

— Ручонки прочь, мистер Пибоди! Если хотите получить эту прекрасную вещицу, вам придется немного потрудиться.

Снеговик задумчиво почесал свою снежную голову, после чего кивнул.

Зои расплылась в улыбке. Так она и думала.

— Пойдемте, мистер Пибоди, — сказала она. — У нас много дел и очень мало времени.

Нужно сходить на почту, а потом заглянуть в пару лавок и в пассаж. Как вы относитесь к карманным часикам, мистер Пибоди? Я тоже замечательно... Мы с вами встряхнем этот город, как снежный шар. Да-да, мистер Пибоди, вы получите ваш шарик... потом... а сейчас... хм... Первым делом мы отправимся на Бремроук — там нас ждет некий господин, который считает, что раз он — закон, то ему дозволено творить все, что ему вздумается. Мы как следует подшутим над ним, а потом займемся настоящим злодейством...

Зои Гримм подошла к билетной тумбе и просунула в щель для монет один фунт и два раза крутанула ручку. В тот же миг будочка затряслась, и из нее выползли два билетика.

«Настоящее злодейство» откладывалось... примерно на двадцать минут до прибытия трамвая.

Зои потирала руки от нетерпения. Ее разозлили, ее вывели из себя. Она им всем покажет...

Бойся Габен! Все бойтесь Зои Гримм! Важные джентльмены с часами и тростями! Патетичные дамы в шляпках! Бойтесь, детки с леденцами, грызливые собаки и высокомерные коты! Не стоило ее огорчать. Не стоило ее обманывать. И смеяться над ней.

Она украдет свой праздник. И свои подарки...

Не стойте на пути! Бегите и прячьтесь!

В Габене новая злодейка.

Глава 3. «Дорогой Человек-в-красном...»

Полдень. 12 часов до Нового года.

— Жди здесь! — велела злодейка Зои Гримм своему прихвостню-снеговику и прошмыгнула в открывшиеся двери следом за старушкой в длинной, до земли, шали и шляпке с вороньими перьями.

«Старушки — неторопливые, — напомнила она себе. — А у меня очень мало времени: “Салон карманных часов Блюмма” сам себя не ограбит».

Зои Гримм закашлялась, нырнув в тучу дыма от чьей-то папиретки, и сразу же нечаянно задела кого-то локтем. После чего задела локтем еще кого-то, но уже намеренно. В холле главпочтамта Тремпл-Толл было не протолкнуться...

По залу носились автоматы и самоходные механические тележки, груженные пошатывающимися пирамидами посылок. Из боковых дверей то и дело появлялись, как называла их Зои, господа Фуражные Усы (почтальоны в темно-красной форме с блестящими пуговицами). Посетителей с каждой минутой лишь прибывало. И все приносили с собой нервозность, суетливость и снег с улицы.

Главпочтамт тонул в бубнеже, звоне механизмов, музыке из витых рогов на стенах, грохоте штемпелей и зубовном скрежете торопящихся людей. Ко всему этому добавлялись время от времени раздающиеся оповещения по громкой связи, становящиеся с каждым разом все менее разборчивыми.

— Добро пожаловать на станцию «Главпочтамт Тремпл-Толл», — проворчала мисс Гримм. — Покупайте билетки!

Большой почтовый зал, разделенный на более мелкие секции рядами растрескавшихся за годы колонн, и правда походил на железнодорожный или, скорее, на аэровокзал. Повсюду, куда ни кинь взгляд, латунь и мрамор. Рыжий газовый свет едва протискивается через покрытые пылью круглые плафоны ламп, и на полу с гербом Почтового ведомства (конвертом и ключом) ползают тени. Ну и куда же без часов: громадный циферблат во всей своей опаздывающей на три с половиной минуты красе разместился напротив главного входа...

Зои не случайно назвала это место станцией, ведь когда-то, как рассказывал ей папа, сюда прилетал дирижабль «Фрокдирайк» из далекого Льотомна. Однажды прямое сообщение с Льотомном прервалось, и маленький аэровокзал стал тем, чем являлся и сейчас — всего лишь отделением почты, хоть и главным в Тремпл-Толл.

Зои Гримм по привычке задрала голову, как делала всякий раз оказываясь здесь. По привычке ахнула (но вот былого восхищения уже не было). Стеклопанельная крыша, которую не разводили и — что самое главное — не чинили уже много лет, выглядела довольно жалкой: в некоторых местах стекла исчезли, и проломы заколотили досками; сейчас вся она была затянута снежным покрывалом.

Под крышей, закручиваясь спиралями, проходили тонкие, также стеклянные, трубы внутренней пневмопочты, благодаря чему практически весь путь то и дело проносящихся по ним капсул с посланиями можно было проследить взглядом. В детстве Зои пыталась угадать, что же там, в этих капсулах, перемещается: папа говорил, что это всего лишь скучная служебная переписка, но юная мисс Гримм была искренне убеждена, что по стеклянным

трубам туда и обратно блуждают самые настоящие тайны. Папа всегда смеялся, когда она озвучивала свои мысли. У него был такой смех... мягкий, обволакивающий... Он говорил, что у нее чудесные фантазии, и отчего-то был убежден, что однажды она станет настоящей писательницей...

Зою больше не нравилось это место — оно вызывало у нее грустные воспоминания. Вместе с папой они приходили сюда незадолго перед праздником, покупали открытки и рассылали подарки многочисленным родственникам-Гриммам, жившим по всему миру. Даже тетушке Громбли, которую папа называл спятившей каргой. Тогда это место казалось ей каким-то чудом чудным, она обожала здесь бывать и уже за месяц до праздника начинала изнывать от нетерпения: «Когда же, когда же мы пойдем на самую главную почту?!» Почтальоны в форме с натертыми до блеска пуговицами и блестящими от помадки усами, сверкающие латунные автоматы, стук штемпелей, марки и письма, бечевка и коробки, запах чернил и сургуча — все это приводило маленькую Зою в восторг.

Но сейчас... во всем этом больше не было никакого чуда: почтальоны выглядели уставшими и злыми, автоматы давно потеряли свой блеск, даже запахи истончились и поблекли — почта утратила свою таинственность — теперь это была всего лишь забитая бюрократами бумажная конторка, затерянная в глубине Тремпл-Толл.

И все же близость Нового года пыталась вдохнуть в это угрюмое место хоть немного того самого, о котором все говорят, *настоящего* праздничного настроения. Праздничное настроение по-габенски — это «Проклятье! Ничего не успеваю! Все валится из рук! А еще столько всего нужно сделать!»

В Габене издавна существовала некая новогодняя традиция, которой неукоснительно придерживались все — даже те, кто не признавал никаких традиций: делать всё в последний момент. Если нужно купить гуся, будьте уверены, в Тремпл-Толл найдутся те, кто забредет в лавку «Мисс Гусыня» мистера Погга за пять минут до боя часов в полночь, ну а если вы гуся купили заблаговременно и даже подарки все аккуратненько завернули, не забудьте надеть шляпу, когда в панике выбежите под снег, надеясь, что мистер Макфи все еще стоит у рынка в Скверном сквере со своими елочками («И как можно было забыть елку?!»), ну а что уж говорить о поздравлениях — обычно они так и вовсе откладываются, чтобы адресат получил их буквально за миг до того, как обидится и проворчит: «Ну вот, так и знал: обо мне все забыли!»

— Как хорошо, что мне некого поздравлять, — со смесью грусти и облегчения пробормотала Зою.

Почти все пространство в холле главпочтамта занимали собой выстроившиеся по сторонам от центрального прохода столы. Дамы и господа, которые за ними сидели, вооружившись ручками и приготовив чернильницы, спешно составляли душевные, но забитые ошибками, как подушка старьевщика блохами, письма. Тут и там можно было увидеть тех, кто раскрашивал поздравительные открытки, добрые и забавные, но с вылезшими от спешки или рассеянности за края красками.

Зою Гримм поморщилась, глядя на этот бумажный кошмар, приправленный шепоткой благодушных пожеланий: ее кольнула совесть — множество дальних родственников каждый год неуклонно и безответно присылают ей письма и открытки: она их даже не читает — просто складывает в чулан. Там уже накопилась их целая гора. И хоть среди всевозможных нелюбимых Гриммов у Зою была одна любимая тетушка, которая ждала от нее открытку, сейчас новой габенской злодейке не до того!

Обогнав старушку, которая уже почти подковыляла к очереди в главное окошко, Зои Гримм встала перед ней. Старушка всхлипнула, когда поняла, что ее обставили.

«Ха-ха! — злорадно ухмыльнулась Зои. — Я тебя опередила, неторопыга. Я первой! В следующий раз не будешь ковылять!»

Ухмылка умерла столь же быстро, как и появилась. Радость от мелкого злодеяния как рукой сняло, стоило Зои Гримм обнаружить, что очередь, в которую она с такой ловкостью встала, тянется едва ли не через весь холл. И выглядит так, словно еще полвека назад застыла в невероятно липком и тягучем киселе.

Хмуро отметив стоящего перед ней джентльмена с седой бородой и связкой готовых к отправке коробок, она поймала себя на мысли, что он, кажется, состарился именно здесь, в этой очереди. Люди, выстроившиеся к окошку, что-то бурчали себе под нос и перетаптывались. А стоящий впереди автоматон и вовсе скрипел шестеренками от нетерпения — даже он считал, что эта очередь продвигается сли-и-ишком медленно.

Хуже всего было то, что Зои ничего не нужно было ни отправлять, ни получать. По самым нескромным меркам ее дело должно было занять две минутки. И вместо того, чтобы начать всю злодействовать и погрузить этот проклятый город в ужас и отчаяние, она вынуждена была прозябать в унылой очереди, привставать на цыпочки и заглядывать через плечи людей и механоидов, пытаясь узнать: «Кто-то там, в окошке, сегодня собирается шевелиться?!»

— Ненамного ты меня опередила, — раздалось шипение за спиной.

Зои обернулась и вздрогнула от неожиданности: за какой-то миг старушка перестала напоминать милое и пряничное существо, каким казалась прежде. Седые волосы из-под шляпки торчали рваными прядями, круги под глазами чернели в своей беспросветности, а тонкие сухие губы исказились в злобе. — Миссис Кроукло знает, что ты задумала. И у тебя ничего не выйдет...

— И что же я такого задумала? — презрительно бросила Зои Гримм.

— Ты затеяла недоброе... Я слышала, о чем ты говорила со снежным мистером.

Зои склонилась к миссис Кроукло и процедила сквозь зубы:

— Подслушивать, вообще-то, нехорошо и... все у меня выйдет, чтоб ты знала.

Старуха хрипло расхохоталась.

— Погляди на себя, девочка! Ты полагаешь, что у тебя получится стать хорошей злодейкой? Но ты ничего не смыслишь в злодействах. Поверь: миссис Кроукло знает, о чем говорит.

— И откуда, позволь спросить?

— Много лет назад я была личной помощницей... — старуха понизила голос, — Горемычника. Ты, наверное, слыхала о нем. Да, тот самый Горемычник, чей злодейский план удался, и он погрузил в горе весь Габен.

Зои мрачно подумала: «И кого только не встретишь в очереди!» — но вслух сказала другое:

— И где сейчас твой Горемычник?

Старуха понуро опустила длинный горбатый нос.

— Отошел от дел. Порой даже злодейства могут наскучить... — Миссис Кроукло подняла взгляд. — Но речь не о Горемычнике. А о тебе, милочка, и ты ему даже в подметки не годишься... И всем прочим. Некромеханик. Могильный Червь. Даже Человек-из-Льотомна, который осенью ограбил «Ригсберг-банк». И погляди теперь на себя: думаешь

полосатые чулки, сажа на глазах и парочка мелких краж сделают из тебя злодейку, о которой будут писать во всех газетах?

— Ой, тебя забыли спросить, рухлядь! — Зои побагровела от стыда и унижения. — Все у меня получится...

— Небось, уже написала письмо Человеку-в-красном с просьбой сделать тебя известной злодейкой? *«Дорогой Человек-в-красном! Я вела себя весь год хорошо. Пожалуйста, подарь мне злодейскую жилку и коварный ум...»*. Хе-хе...

— А вот и не написала! — с вызовом бросила Зои Гримм. — И вообще, почему это у меня ничего не выйдет?

Старушка подняла руку и ткнула своим длинным птичьим когтем в сторону окошка.

— Потому что эта очередь никогда до тебя не дойдет.

Зои надулась и отвернулась, стараясь не замечать зловредного хихиканья миссис Кроукло. И что она понимает?! Ну ладно: допустим, она понимает. Но она ничего не знает о ней, Зои Гримм! Пока что. Вечер еще не близко, и миссис Кроукло скоро узнает ее имя. Вот только пережить бы эту очередь...

«Кажется, я, и правда, здесь застряла...»

Потянулись тяготные минуты ожидания. Делать было нечего, и Зои стала вслушиваться в раздающиеся то и дело из медных рупоров вещателей на колоннах объявления для посетителей и персонала. Чаще всего звучали предупреждения:

«Внимание! Пересылать гремлинов запрещено!»

Зои тут же захотелось нарушить это правило: вот только где найти гремлина?

«Внимание! Пересылать часовые бомбы запрещено!»

Мисс Гримм цокнула языком: где бы найти такую бомбу?

А между тем, прослушав оповещение, из очереди вышло пару человек. С грустным видом, сжимая свои коробки под мышкой, они двинулись к выходу.

Вещатели как ни в чем не бывало продолжили ограничивать добрых людей в их искренних порывах отправить кому-нибудь подарок, или, вернее, «подарочек»:

«Внимание! Пересылать живых кукол запрещено!»

Зои скривилась: ой, больно надо! Она перестала слушать и заскучала: одни запреты! В другое время мисс Гримм с радостью нарушила бы их все, но сейчас лишь угрюмо и нетерпеливо притопывала ножкой.

А очередь и не думала сдвигаться...

Зои обхватила себя руками за плечи и подумала, что, вероятно, канун Нового года — действительно не лучший день, чтобы начинать бесчинствовать. И то правда: если вы не заходили в главпочтамт Тремпл-Толл на праздники, вы просто не представляете, что такое настоящая суматоха.

А латунные двери продолжали открываться, впуская все новых и новых посетителей, принимая все новые и новые письма и коробки...

За всей этой неразберихой через большое круглое окно на втором этаже наблюдал невероятно уса́тый господин в форме ведомства. От простых почтальонов его отличал солидный живот и золоченая кайма на фуражке.

Лишь господин главный почтмейстер находил в мельтешении внизу успокоительный и размеренный порядок: главпочтамт работал, как хорошо отлаженный, смазанный механизм.

К слову о механизмах. Господин главный почтмейстер как раз держал в руках

карманные часы, и, дождавшись, когда стрелка доползет до нужной отметки, не поворачивая головы, сказал:

— Мисс Уотинг, пятиминутная готовность.

Женщина в очках с полукруглой оправой, сидевшая за заставленным горами корреспонденции столом, кивнула:

— Слушаюсь, господин Биркинс. — После чего склонилась к переговорному рожку и, четко разделяя слова, сообщила в него:

— Внимание! До отбытия почтового дирижабля на Сонн и Набережные осталось пять минут. Прием посылок на Сонн и Набережные закончен. Следующий дирижабль на Сонн и Набережные отправляется ровно в два часа пополудни.

Внизу, в холле, встретили это сообщение ожидаемо: хором возмущения, в котором слышались проклятия, гневные оскорбления и чьи-то угрозы свести счеты с жизнью, если его посылку немедленно не отправят на борт.

И все же страсти постепенно улеглись, а главпочтамт вернулся к своей предпраздничной рутине.

В двери кабинета главного почтмейстера постучали, и, дождавшись короткого «Входите!», в помещение вошли старший почтальон мистер Черникк (чьи лаконичные черные усы выглядели весьма скромно в сравнении с пышной растительностью под носом главного почтмейстера) и два груженных мешками с конвертами автоматона в форме Почтового ведомства.

— Это то, что я думаю? — осведомился господин Биркинс.

— Да, сэр, — мистер Черникк сложил руки в белых перчатках за спиной и напустил на себя толику важности. — Письма для... гм... Него. Здесь восемьсот шестьдесят пять конвертов. Когда я покидал отделение распределения, там накопилось еще около трех сотен, и еще прибывает.

Господин главный почтмейстер повел губами, отчего его подкрученные нафарбленные усы заходили ходуном.

— Сотни конвертов... — буркнул он. — Сотни разочарований...

— Простите, сэр?

Господин главный почтмейстер наделил подчиненного суровым взглядом из-под хмурых бровей.

— Вы же понимаете, мистер Черникк, что Он не сможет ответить на все? Кого-то ждет безответность и разочарование.

— Но я думал...

— Вы думали, что, раз Каминник летает по городу на своих санях и одаривает жителей, у него нескончаемый запас времени?

— Нет, сэр, но...

— Или вы полагаете, что все до единого отправители этих писем... кхм... хорошо себя вели весь год?

— Ни в коем случае, сэр, просто...

— А может, вы думаете...

Хмурый почтмейстер прервал себя на полуслове. Будучи человеком в общем угрюмым и не особо склонным доверять людям, он почти не верил в то, что кому-то в этой дыре, которую зовут Саквояжным районом, вообще есть дело до тех наивных личностей, что макают перо в чернильницу и выводят сокровенное: «*Дорогой Человек-в-красном...*»

Господин Биркинс был из числа тех скептиков, кто сомневался, что все эти письма в принципе дойдут до адресата или что упомянутый адресат вообще существует. Сам он его не видел, и, пока не увидит, ни за что не поверит. И это притом, что лично он был в Габене, вероятно, единственным человеком, который знал почтовый адрес таинственного благодетеля, проникающего в дома через камин и оставляющего след от своих саней на крышах. Не обделенный подозрительностью и преисполненный сомнениями, господин главный почтмейстер чувствовал во всей истории с Человеком-в-красном, которого также зовут Каминником и прочими приевшимися прозвищами, какой-то подвох.

Мистер Черникк между тем явно огорчился.

— Полагаю, ваше собственное письмо в одном из этих мешков? — добавив в голос порцию строгих ноток, спросил глава всей почты Тремпл-Толл.

— Нет, сэр. — Мистер Черникк обильно покраснел и опустил взгляд. — Что вы, сэр! Я бы не посмел воспользоваться своим положением, чтобы подсунуть письмо от себя. — Он тяжело вздохнул. — Не так уж мне и хочется получить в подарок кофейный варитель «Нефферс» к Новому году.

— Вот и славно: не стоит надеяться на подарки от несуществующих личностей. Вы свободны, мистер Черникк.

Старший почтальон уже направился было к выходу, но неожиданно замер в дверях и обернулся.

— Позвольте вопрос, сэр? — Господин начальник кивнул, и он продолжил: — Зачем тогда мы принимаем и доставляем все эти письма, если никакого Человека-в-красном, по-вашему, не существует?

— Это наша работа. Доставлять письма. Переубеждать людей, которые предпочитают заблуждаться, — не наша работа.

— Я никак не могу взять в толк, сэр. Почему вы так уверены, что все заблуждаются, в то время как у вас есть почтовый адрес Человека-в-красном?!

Господин Биркинс подбоченился и подкрутил усы. Наделил подчиненного снисходительным отеческим взглядом.

— Наличие почтового ящика не подразумевает наличие рук, которые его откроют, мистер Черникк. Вы довольно долго служите при главпочтамте, и мне кажется странным то, что вы так этого не поняли.

— Да, сэр, — старший почтальон опустил голову. — Вы правы, сэр. Прошу прощения, сэр.

Господин главный почтмейстер чуть смягчился:

— Вы молоды, мистер Черникк. Но когда вам исполнится хотя бы пятьдесят, вы наконец смиритесь с тем, что в Габене нет никаких добрых и могущественных сил, которые испытывают бескорыстную тягу облагодетельствовать и осчастливить кого бы то ни было только за то, что тот якобы целый год вел себя хорошо. Но зато в Габене есть я, и в моей власти выдать вам праздничную премию за достойную и примерную службу.

Мистер Черникк чуть приободрился.

— Премию, сэр?

Главный почтмейстер с важным видом кивнул.

— Именно. И в следующем году вы также получите премию, если продолжите быть тем, кого не стыдно называть почтальоном. Смотрите, лет через пять-семь даже сможете позволить себе кофейный варитель «Нефферс».

Старший почтальон опустил голову.

— Я могу идти, сэр?

— Вы могли идти еще три с половиной минуты назад.

Мистер Черникк кивнул и покинул кабинет. Черствость начальника выкачала из него последнее подобие праздничного духа. Недаром за глаза господина главного почтмейстера называли Мистером Биркой — подобные формализм и канцелярскую бездушность еще поискать.

— За мной, — велел тем временем господин Биркинс застывшим в ожидании автоматам и двинулся к низенькой двери в глубине кабинета. Механические служащие почтамта полягали следом, провожаемые грустным взглядом мисс Уотинг: судя по всему, не только мистер Черникк осмелился подложить в эти мешки свое письмо.

— Видимо, мне так и не дождаться в подарок сердца мистера Черникка, — с тоской прошептала она. — А ведь я так хорошо себя вела весь год...

Господин главный почтмейстер не услышал ее слов. В сопровождении механических подручных он вошел в небольшую комнатку, которая плавно перерастала в швартовочную площадку. Разводная стеклянная стена пока что была закрыта, перед ней на специальных упорах стоял небольшой аэростат с гербом Почтового ведомства на ржавом (некогда бордовом) борту. Грузовой шлюз аэростата был открыт, навигационные фонари уже горели, а из труб тоненькими струйками курился красноватый дымок. Малым дирижаблем главпочтамта пользовались очень редко, но сейчас его отбытие было лишь вопросом времени.

Господин Биркинс подошел к аэростату.

У рубки управления неподвижно застыл еще один автомат в форме. Он стоял, опустив голову и вытянув руки по швам.

Господин главный почтмейстер извлек из кармана мундира картонную перфокарту с пробитым в ней адресом Человека-в-красном. Не теряя времени, он вставил карту в узкую прорезь на груди выключенного автомата.

В тот же миг внутри металлического тела пришли в движение шестеренки, цепи и роторы. Два глаза-фонаря загорелись — сперва тускло, затем ярче...

Автомат поднял голову и уставился на господина Биркинса.

— Отправление через три минуты, — сообщил тот и кивнул на чернеющий зев грузового шлюза дирижабля своим латунным помощникам с мешками писем. — Грузите.

Те последовали указанию, но вдруг господин главный почтмейстер остановил их.

Он повозился во внутреннем кармане мундира и извлек оттуда квадратный конверт, на котором было выведено: «Человеку-в-красном». После чего с презрением к самому себе засунул конверт в один из мешков.

Не став дожидаться отправления, господин главный почтмейстер вернулся в свой кабинет. И сразу же понял, что за короткое время его отсутствия что-то стряслось.

Мисс Уотинг не сидела, как обычно, за своим столом, а стояла у внутреннего окна, уперев руки в стекло. Из холла доносились крики.

— Что здесь творится?! — рявкнул мистер Биркинс и подбежал к окну.

— Там... там такое... сэр...

Господин главный почтмейстер распахнул рот.

В холле свет не горел, и при этом... там шел снег. Люди внизу походили на снеговиков — весь снег, лежавший на крыше, за одно мгновение оказался внизу.

Мистер Биркинс задрал голову и досадливо скрипнул зубами: кто-то развел стеклянные своды здания.

В предпраздничную сумятицу главпочтамта добавилась настоящая неразбериха. Часы остановились. Работа встала. Это была катастрофа! Почтальоны в холле пытались вытащить из снега посетителей, истошно лаяла стриженная шавка какой-то дамы. Никто, кажется, не пострадал, но все выглядели огорошенными и сбитыми с толку: всего мгновение назад они стояли в очереди или сидели за столами, и тут внезапно весь холл за одну секунду погрузился в снег. Все это походило на чью-то злую шутку...

Господин главный почтмейстер бросился к переговорному рожку и пропыхтел в него:

— Почтальоны! Оставьте посетителей! Они не испортятся! Спасайте письма! Спасайте бандероли! — забыв, что громкая связь включена, он выругался и добавил: — Ненавижу Новый год!

Мистер Биркинс подошел к окну и встряхнул застывшую в недоумении помощницу.

— Мисс Уотинг! Вызывайте полицию! Я хочу знать, кто это сделал! Негодяй должен быть схвачен! Да очнитесь же, мисс Уотинг!

Каково было бы удивление господина главного почтмейстера, если бы он узнал, что все произошло всего лишь из-за не желающей сдвигаться очереди и какой-то дюжины поздравительных открыток, купить которые пришла некая мисс. Что ж, вскоре эти открытки должны были появиться и тут, и там по всему Тремпл-Толл, являясь неким подобием визитной карточки новой габенской злодейки.

Из холла до него донесся смех. Сумасшедший смех какой-то старухи.

— Может, она и не безнадежна! — вопила она, не прекращая хохотать. — Может, она и не безнадежна!

— Забавное страшилище! — бросил десятилетний Роджер Даннинг.

— Страшное забавище! — подтвердил его брат-близнец Джон.

Их старшая сестра Джуди нахмурилась, а самая младшая среди всех детей семейства Даннинг, малышка Бетти, крепче прижала к себе свою куколку Мисс Прю.

Дети сгрудились под чугунным фонарным столбом с разбитым плафоном. У всех покраснели лица от холода, но мальчишки то и дело порывались снять шапки, за что тут же получали легкий хлопок по рукам. Дети были связаны друг с другом концами шарфов, чтобы не разбредались, край шарфа старшей девочки крепко сжимала рука в тонкой черной перчатке с меховой оторочкой.

— О, вы не бойтесь, как я погляжу! — ледяным тоном произнесла стоявшая за их спинами высокая женщина в угольном пальто, стянутом дюжиной ремней, в платье, полы которого были приподняты на специальном, похожем на паука механизме, чтобы не пачкались в снегу, и в шляпке с подвернутыми полями, на тулье которой сидело потрепанное птичье чучело.

Узкое белое лицо женщины было покрыто россыпью багровых пятен, а еще она время от времени приглушенно чихала в кружевной носовой платок, отчего дети всякий раз переглядывались и ухмылялись.

— Конечно, боимся, няня, — сказал Джон.

— Прямо до чихоты, — добавил Роджер, и оба прыснули.

Няня не повела и бровью.

В Газетном переулке, где они находились, поднялся ветер, и снег, казалось, повалил с новой силой.

— Вы очень напрасно так веселитесь, мальчики, — сказала няня, и в ее негромком голосе зазвучал зловещий скрип, словно где-то поблизости на ржавых петлях закачалась старая дверь.

Улыбки с губ детей исчезли.

Газетный переулок располагался на задворках шумной и пыхтящей площади Неми-Дрё, но здесь было тихо. Дети Даннингов обычно не посещали подобные запустелые места. Окна нависающих над тесным, скособоченным проходом домов чернели, на дверях висели замки. В воздухе ощущалось едва уловимое подавленное отчаяние, просачивающееся в переулок из-за стены, — сказывалась близость с угрюмым «Ригсберг-банком».

Мимо прошла парочка крысоловов в серых пальто и цилиндрах, держа за кольца клетки, в которых грохотали и рычали здоровенные крысы. Крысоловы наделили детей кривыми улыбками, после чего скрылись в каком-то узком лазу в стене, куда и коту было бы тесно забраться.

— Миссис Уиллоуби, что мы здесь делаем? — спросила Джуди, чувствуя, как к ней начинает подбираться страх. — Зачем вы нас сюда привели?

— Я хочу познакомить вас кое с кем... — сказала няня.

— Но здесь никого нет! — возразил Роджер и ткнул рукой в ель, стоящую у старой пошарпаной стены. — Кроме этой уродины!

Няня замерла, прищурилась.

— Ты очень напрасно его оскорбил, мальчик.

— Кого? — удивился Роджер и бросил взгляд на Джона. Тот куда-то растерял свою привычную уверенность.

Миссис Уиллоуби кивнула на ель, и дети наконец обратили внимание на те, едва уловимые детали в этом дереве, которых прежде не замечали. Пугающие детали...

Ель, что стояла в заснеженном Газетном переулке, вовсе не выглядела праздничной — напротив, выглядела она крайне жутко, если не сказать угрожающе. Это было очень старое сгорбленное дерево с узловатым темным стволом и растрескавшейся корой. Его сухие ветки не просто напоминали тянущиеся к неосторожному путнику лапы — если как следует приглядеться, можно было различить даже отдельные скрюченные пальцы. На темно-зеленых, почти черных иголках висели конфеты, имбирные пряники в виде сапожка Человека-в-красном и сахарные часы. Эти украшения выглядели так, словно дерево пыталось с их помощью подманить какого-нибудь ребенка, схватить его и схарчить.

Миссис Уиллоуби чихнула в платок и сказала притихшим детям:

— Могу поклясться, вы не знаете, кто это такой.

— Кто? — хором спросили дети.

— О, это не просто елка, — с тонкой холодной улыбкой сказала няня. — Вы, верно, сейчас гадаете, кто же принес сюда это дерево, но правда в том, что никто его сюда не приносил. Оно само сюда пришло.

— Само-о-о?! — выдохнула малышка Бетти и испуганно схватилась за руку старшей сестры.

Джуди уже исполнилось четырнадцать, и она не верила в подобные, как она это называла, сказочки для детей. Правда, сейчас девочка прикладывала особые усилия, чтобы

не верить.

— Няня шутит, Бетт, — сказала Джуди, на что миссис Уиллоуби покачала головой.

— Ни в коем случае. Сейчас ведь канун Нового года, а это значит, что пробуждаются древние силы... голодные силы. Вы ведь знаете, что в незапамятные времена Габен был окружен дремучим лесом? Так вот, перед вами один из жителей этого леса... Злобный дух из свиты... кхм... вы и сами догадываетесь, кого.

— Крампуса, — прошептали близнецы, не стовариваясь. Куда только подевалась их веселость.

И Джон, и Роберт увидели прорезанную в коре зубастую пасть и треугольные глаза. На миг обоим мальчишкам показалось, будто в глубине елочных глаз загорелись огоньки...

Зои Гримм улыбнулась. Она сидела на скамейке неподалеку и с удовольствием наблюдала всю сцену.

За те полчаса, что мисс Гримм была в переулке, она уже полностью покрылась снегом и напоминала сугроб. Злодейке не терпелось начать злодействовать, она скучала и изнывала от вынужденного бездействия, но кто знал, что ее ожидание будет скрашено подобным спектаклем.

Дети семейства Даннинг между тем заканючили, что хотят домой. Малышка Бетти сказала, что Мисс Прю уже замерзла. Но миссис Уиллоуби не было дела до ее мерзнувшей куклы:

— Мое терпение, — няня снова чихнула, — лопнуло. Я ведь говорила вам, что за все ваши шалости и проделки вас будет ждать неминуемое наказание? Говорила, я спрашиваю?!

— Говорили, мисс Уиллоуби, — хором протянули дети.

— Что ж, уверена, вы наивно полагали, что за вашу последнюю проделку я лишу вас сладкого, запрю в чулане или заставлю писать нескончаемые строчки. Но нет! Накануне Нового года и наказания должны быть соответствующими. Моя бабушка выводила меня в заснеженный лес, когда я плохо себя вела, но, к сожалению, я не могу поступить с вами подобным образом — у меня нет времени вести вас в лес. Но знаете что? Лес... он пришел к вам.

— Мы больше не будем, — сказала Джуди.

— И вообще, это не мы! — перебил ее Джон.

— Да! Не мы! — добавил Роберт.

— Гм. Я ведь знаю, что это сделал кто-то из вас, — проскрипела миссис Уиллоуби. — Признавайтесь, кто это был. Иначе я скажу мистеру Ели, чтобы он вас сожрал.

— Не бойтесь, — сказала Джуди, обращаясь к братьям и сестренке. — Мама с папой не позволят нас сожрать.

— Вы так уверены, юная мисс? — усмехнулась няня. — Ваши родители отправились в Старый центр встречать Новый год, вы не могли не слышать, как ваш отец сказал мне перед отбытием: «Если дети будут шалить, накажите их, как посчитаете нужным, миссис Уиллоуби».

Дети затряслись от страха. Они и правда слышали это.

Зои прищурилась. Кажется, этой няне доставляло невероятное удовольствие пугать своих воспитанников. Мисс Гримм стало любопытно: что же такого натворили эти дети.

И няня будто подслушала ее мысли:

— Кто-то из вас подменил мою пудру на белый перец, который я приготовила для праздничного гуся. — Миссис Уиллоуби не успела поднести платок к лицу и протяжно

чихнула. Ни один из детей на этот раз не засмеялся. — Говорите, кто это сделал! Иначе... — няня прошептала: — вы уже не покинете этот переулок.

— Миссис Уиллоуби... — начала малышка Бетти.

— Признавайтесь! Это были вы, мастер Джон? Подобные проделки в вашем духе, мастер Роберт. А может, вы это сделали вместе?

— Нет, это были не они! — всхлипнула Бетти. — Я скажу, только не отдавайте нас мистеру Ели!

Няня выглядела удивленной.

— Это были вы, мисс Бетти?

Девочка заплакала.

— Я... я не специально... Я просто хотела напудрить личико Мисс Прю. Я рассыпала пудру и...

— Вы испугались и решили, что я накажу вас, и насыпали в пудреницу перец, чтобы я не узнала о вашей шалости, — закончила миссис Уиллоуби. — Я очень разочарована в вас, мисс Бетти.

— Не дайте мистеру Ели нас съесть. Пожалуйста, миссис Уиллоуби.

Няня достала из кармана пальто часы.

— Жаль, совсем не осталось времени, — сказала она. — Нам еще нужно попасть на почту за открытками и сплести венок из еловых веток на дверь. Иначе я с радостью поглядела бы, как мистер Ель хрустит вашими косточками.

Она развернулась на каблуках и, потянув воспитанников за шарф, пошагала к выходу из переулка.

— И не думайте, что я забыла о наказании. Когда мы придем домой, мисс Бетти ждет три часа в чулане. Напудрить куклу! Вот ведь нелепица!

Миссис Уиллоуби фыркнула и чихнула.

Вскоре дети семейства Даннинг под предводительством няни покинули Газетный переулок.

Зои Гримм снова осталась одна.

«Вот бы меня отправили в чулан, — подумала она с грустью. — Я бы все отдала, чтобы у меня был тот, кто может запереть меня в чулане...»

— Сторожите машину, мистер Пибоди, — сказала Зои, и сидевший рядом сугроб закачался.

Мисс Гримм поднялась со скамейки и, отряхнувшись от снега, подошла к елке.

— Не такой уж вы и страшный, мистер Ель.

Зои Гримм почесала нос. Чем-то это дерево напоминала ее саму. Не снаружи — разумеется, нет (Зои считала себя красоткой и вообще великолепным существом), но внутри нее будто бы сидела такая же корявая, угрюмая и колючая ель, в которой нет ни намека на дух праздника.

— «Мистер Ель сожрет вас... у-у-у...» — насмешливо сказала Зои. — Глупые выдумки сумасшедшей няни.

И тут дерево качнулось. С его веток посыпался снег, сладости закачались на своих ниточках.

Зои вздрогнула и поспешила себя успокоить: «Это просто ветер!»

Вот только никакого ветра не было и в помине.

Дерево закрипело.

Мисс Гримм уже раскрыла было рот, чтобы позвать мистера Пибоди, но тут из-за ели вышел высокий господин в длинном пальто, цилиндре и полосатом зелено-красном шарфе.

Зои сжала кулаки. Перед ней был убийца ее отца.

— Добрый день, мисс Гримм, — сказал он хриплым, простуженным голосом. Она не ответила, и он добавил: — Я рад, что вы пришли.

Этот человек трясся от холода, широкое морщинистое лицо посинело, из приоткрытого рта вырывался голубоватый пар, треугольная борода покрылась снегом.

Убийца ее отца... так она когда-то думала. Тогда Зои мечтала встретить его, сжать пальцы на его шее. Ей часто снилось, как она спрашивает: «Зачем ты убил его?» — и только хрипы вырываются из его перекошенного рта. Но потом... кое-что изменилось: она выяснила, что этот человек — такая же несчастная жертва обстоятельств, как и ее папа. И все же он причастен к тому, что произошло.

Она не хотела его видеть — все внутри сжалось, как только их взгляд встретился. В черных глазах этого человека застыл страх: что она предпримет? Вот только Зои Гримм ничего не собиралась предпринимать.

Она не хотела приходить, и тем не менее сказала:

— Я не могла не прийти.

Он кивнул.

Зои продолжила:

— У меня нет времени. Очень много дел, мистер Безнадега.

Собеседник поморщился: он ненавидел, когда она его так называла.

— Я знаю, что вы вините меня, мисс Гримм.

— Нет, — солгала Зои. Умом она понимала, что этот человек ни в чем не виноват, но если бы только папа не связался с ним... сейчас он был бы жив.

— Вы знаете, что мне очень жаль профессора Гримма. Он был хорошим человеком. Он хотел мне помочь...

— Но ему не удалось.

Мистер Безнадега промолчал.

Зои стиснула зубы.

— Вы позвали меня, чтобы в очередной раз выразить ваши сожаления?

— У меня для вас есть кое-что, — сказал этот человек, достав из кармана небольшую коробочку.

— Мне от вас ничего не нужно, — отрезала она.

— Прошу вас, я сам его сделал. Специально для вас. Уверен, вам понравится.

Собеседник Зои выглядел таким жалким, что она просто не смогла его прогнать или хотя бы удалиться с неприступным видом. Тем более он сказал заветные слова: ей должно было понравиться.

Зои схватила коробочку и, поднеся ее к уху, встряхнула. После чего запустила ногти под крышку и подняла ее. В тот же миг из коробочки на пружине выпрыгнул резной кукольный Крампус и мерзко захихикал: «Вы вели себя очень плохо в этом году!»

— Очень смешно, — угрюмо сказала Зои.

— Вам нравится, мисс Гримм?

— Я просто без ума, — безэмоционально сказала Зои, засунув Крампуса обратно в коробку, а саму коробку спрятав в карман.

— Что-то еще? — грубо спросила Зои, чувствуя, как ее затягивает тоска. Тоска — это

плохо. Тоска — вредно. Злодеи не должны — не могут! — позволить себе тосковать.

Ее собеседник потер руки.

— Сегодня?

— Да.

— Я вам благодарен.

Зои сжала зубы.

— Я делаю это не ради вас. Я просто довожу до конца то, что пытался сделать мой папа.

Если у вас больше нет для меня сожалений или подарков...

— Я просто хотел убедиться. Мисс Гримм...

Зои развернулась и направилась к скамейке, где ее ждал мистер Пибоди. Не дойдя до нее пару шагов, она обернулась.

У стены больше никого не было. Ни ее собеседника, ни — она сглотнула вставший в горле ком — мистера Ели.

На миг ее посетило сомнение: а была ли в действительности эта встреча?

Зои полезла в карман, пальцы сомкнулись на ее единственном новогоднем подарке.

Дом по адресу Твидовая улица, 18 выглядел довольно причудливо даже по меркам Тремпл-Толл. Его фасад представлял собой циферблат больших карманных часов: из прорезей фигурных цифр тек теплый рыжий свет, по кругу ползли, отмеряя время, стрелки, а дверь под вывеской «Салон карманных часов Блюмма» формой походила на замочную скважину. Два круглых окна по обе стороны от двери также были выполнены в виде циферблатов, но не часовых, а календарных: один указывал праздничные дни, другой — безпраздничные, дни, когда полагалось впадать в уныние и грустить.

Внутри «Салон карманных часов Блюмма» выглядел под стать фасаду. Его интерьер как раз и отличал, собственно, салон от обычных городских лавок и мастерских. Стены были обтянуты темно-красным бархатом, полированные стекла шкафов-витрин сверкали, в воздух из раструба пульверизатора под потолком раз в пять минут вырывалось облако парфюма.

Особо стоит отметить качество обслуживания в заведении господина Блюмма. К покупателям обращались лишь «Дорогой сэръ» или «Дражайшая мадам», им предлагались бокал вина и сигара. Внутри всегда играла музыка, а у стен разместились трюмо и обтянутые кожей кресла, в которых Дорогой сэръ или Дражайшая мадам могли с комфортом примерить часы.

Это было почтенное, уважаемое место — здесь не приветствовались те, кто не может позволить себе часы или хотя бы цепочку.

И вот, незадолго до полудня в канун Нового года один из таких «нежелательных типов» и забрел в «Салон карманных часов Блюмма».

— Купите шестеренки! Вы только поглядите, какие здесь есть: зубчатки, крылатки, касатки... хе-хе-хе...

Тощий, долговязый человек в залатанном тонком пальтишке и кривобоком цилиндре наделил господина Блюмма широким полумесяцем улыбки. При этом он отчаянно кивал на содержимое небольшого чемоданчика, который весьма бесцеремонно поставил на стойку перед хозяином салона карманных часов.

Бернард Б. Блюмм, стоявший за стойкой мужчина в вишневом костюме, был похож на

автоматона из-за механических рук, частично латунного лица и выдвигаемых глаз-монокуляров.

Он пыхнул трубкой и выдохнул облако сизого дыма, искоса глянув на горку разномастных шестеренок в чемоданчике. При этом его левый глаз-монокуляр с жужжанием подался вперед на выдвижном механизме, а латунные усы с подкрученными кончиками со скрипом заходили ходуном, что выдавало явное раздражение хозяина салона.

— Мистер Клокво-о-орк, — протянул он, — вы ведь знаете, что у меня всего хватает.

Артур Клокворк давно привык, что его вечно прогоняют, лупят тростями, зонтиками и свернутыми в трубочку газетами. Ему потребовалось собрать всю свою храбрость, чтобы зайти в этот салон. Почти не было шансов, что важный господин Блюмм купит его шестеренки, но надежда не оставляла Артура Клокворка... надежда заработать денег вовсе не на праздничный ужин, а хотя бы на пирожок. Только за это утро продавец шестеренок обходил своими стоптанными туфлями половину Саквояжного района. Он продрог до костей и так сильно проголодался, что живот начал чесаться изнутри, а в чемоданчике по-прежнему было ровно столько же шестеренок, сколько и накануне.

Артур Клокворк понимал, что выглядит в «Салоне карманных часов Блюмма» крайне неуместно, чувствовал на себе пренебрежительные взгляды покупателей, слышал их фырканье, но заставлял себя просто не смотреть на них. Ведь если посмотрит, он был уверен, их презрительность вытеснит и изгонит его из этого теплого места.

Что касается господина Блюмма, то вместе с трубочным дымом тот выдыхал порцию за порцией свое терпение: по его мнению, одним своим присутствием Артур Клокворк ухудшал уровень его заведения.

По виду хозяина салона продавец шестеренок понял, что от его, продавца шестеренок, избияния господина Блюмма останавливает только то, что под рукой нет ни трости, ни зонтика, ни газеты. И он решил воспользоваться этим удачным обстоятельством.

— Может быть, у вас сломались какие-то часы? — спросил Артур Клокворк. — Говорят, в канун Нового года они часто ломаются.

Господин Блюмм заскрежетал зубами и угрожающе склонился над стойкой.

— Мои часы не ломаются! Мои часы — это марка!

— Конечно-конечно! Я не хотел вас оскорбить, сэр! Просто подумал, что...

— Что же вы подумали, мистер Клокворк? Что я заблаговременно не запасся всеми нужными шестеренками для своих милашек?

— О, нет, что вы. Но вдруг...

— Что «вдруг», мистер Клокворк? Вы прекрасно знаете — поскольку я неоднократно говорил вам, — что заказываю шестеренки у господина Когвилла с Железного рынка.

— Да, но я подумал в честь праздника...

— Ничего не требуется, мистер Клокворк! — оборвал его господин Блюмм, и продавец шестеренок с горестным видом закрыл чемоданчик, клацнули замки, улыбка застыла следом.

— Прошу простить за беспокойство, — сказал мистер Клокворк и уже развернулся, чтобы уйти, но господин Блюмм остановил его:

— Мистер Клокворк, я не могу отпустить вас просто так. Как вы и сказали, близится праздник...

— Да? Вы передумали?

Мистер Клокворк зарядился энтузиазмом, словно его завели ключиком. Глаза продавца

шестеренок под стеклами стареньких защитных очков округлились с надеждой.

— Я дам вам бесплатный совет, — сказал господин Блюмм, — и, надеюсь, вы оцените мою щедрость, ведь, как вы знаете, в Тремпл-Толл даже советы имеют свою цену.

Мистер Клокворк сглотнул.

— О вас ходит крайне сомнительная слава, мистер Клокворк, — продолжил хозяин салона карманных часов. — А все из-за вашего этого, с позволения сказать, приятеля. Как там его? Баки, Буки?

— Бикни.

— Вот-вот. Держитесь от него подальше, и тогда, возможно, люди начнут покупать у вас шестеренки, мистер Клокворк.

— Бикни — хороший... — начал было продавец шестеренок, но глаз-монокль господина Блюмма снова выдвинулся и недвусмысленно указал на дверь.

Мистер Клокворк сжал чемоданчик под мышкой и с печальным видом поплелся к выходу, ну а господин Блюмм вернулся к покупателям, которые с важным видом расхаживали по его салону, выбирая себе часы...

— Дорогой сэръ! Вы присмотрели себе что-нибудь? О, вас смутил этот простофиля? Не переживайте, он больше вас не беспокоит.

Покупатель сделал глоток из дымящегося бокала и бросил уничижающий взгляд в спину Артура Клокворка.

— Я бы советовал вам, господин Блюмм, обзавестись механической ногой на двери, которая выгоняет подобных проходимцев. Как в ателье господина Морено или в «Шляпниц».

— Благодарю за совет. Я учту на будущее.

Господин Блюмм растянул губы в вежливо-яростной улыбке и поглядел на ящик с механической ногой-вышибалой у двери. Хозяин салона проглотил уже почти вырвавшийся ответ, что у него есть подобное устройство, вот только оно нуждается в ремонте, поскольку несколько шестеренок в нем истончились.

— И еще я рассчитываю на скидку, господин Блюмм, — добавил покупатель. — Ведь, как вы знаете, многие советы в Тремпл-Толл платные. Этот был из таких.

Усы хозяина салона карманных часов зашевелились так сильно, что казалось, они вот-вот отпадут. Треклятый Клокворк...

...— Проклятая финтифлюха! — в сердцах завопила Зои, склонившись над своей машиной. Она несколько раз подергала туда-сюда рычаг, но раздавалось лишь гулкое клацанье, при этом роторы отчего-то и не думали вращаться, а меха нагнетаться.

Твидовая улица жила своей жизнью. По мостовой катили экипажи, мимо прогрохотал трамвай, направляясь к станции «Дом-с-синей-крышей». Звенели колокольчики на дверях лавок, мастерских и цирюлен, а на витрине «Чемоданного Модника» ржавый и невероятно скрипучий автоматон менял позы, демонстрируя прохожим клетчатый костюм-тройку, такой же клетчатый цилиндр, шарф-трубу, закрывающий половину лица, и небольшой вишневым чемодан: одна из глаз-ламп механоида-манекена сломалась и постоянно мигала, но из раструбов под витриной уверенно вырывалось: *«Если вы собрались в путешествие, загляните в “Чемоданного Модника”! Путешествуйте стильно! Путешествуйте комфортно! Будьте модником! Будьте Чемоданным Модником! Новая коллекция — “Друг Человека-в-красном” уже здесь! Почувствуйте себя членом свиты Каминника — покупайте*

костюм “Лапланд”!»

Зои не было дела до всей этой чепухи — ее заботило, что именно пошло не так. Город будто потешался над ней, ставя препоны и творя подлости. Но этот гадкий Габен еще не знал, что он не с той связался!

Прохожие косились на странную мисс, вставшую посреди тротуара с непонятого вида и назначения механизмом, отдаленно похожим и на пневмоуборщик, и на граммофон, и на печатную машинку, но ни у кого сейчас не было ни желания, ни времени интересоваться, что эта чудачка задумала. Ну а сама Зои, несмотря на близость к Полицейской площади, где располагалось логово констеблей Саквояжного района, была поглощена своим делом и ничего кругом не замечала. К примеру, она не видела парочку механических ворон, сидевших на карнизе и во все свои светящиеся глаза наблюдавших за ее бедами.

— Может, масло закончилось? Или топливо? — предположила Зои, но и масла, и топлива имелось в достатке.

Мисс Гримм открыла крышку и заглянула внутрь. Снова подергала рычаг. Передача была прервана, рычаг приводил в движение... пустоту — в смысле, он совершенно ничего не приводил в движение.

— Как знала, что этому подозрительному механику из трущоб нельзя доверять! Нужно было все на месте проверить! Глупая-глупая-глупая Зои! И что теперь прикажете делать?

Дверь, напоминающая замочную скважину, распахнулась, и под снег вышел грустный человек с чемоданчиком под мышкой. Завидев стоявшую у входа в салон Зои Гримм, он весь подобрался, его губы расползлись в улыбке, а чемоданчик тут же оказался в руках.

— Мэм! — воскликнул он. — Купите...

Зои резко вскинула руку, прерывая его.

— Без надобности! Что бы у тебя там ни было!

— Какая жалость, — буркнул мистер Клокворк и пошагал вдоль по улице, в направлении Чемоданной площади. — Никто не покупает шестеренки! С самого утра еще ни одной не продал!

Зои дернулась и вскинула голову.

— Эй ты, щуплый! Ты шестеренки продаешь?

Артур Клокворк обернулся, подскочил к ней, распахнул чемоданчик и сунул его содержимое Зои Гримм прямо под нос.

— Самые лучшие шестеренки! Каких только нет! На любой вкус и на ваш тоже, мэм!

— Хм, — Зои прищурилась. — Может, ты еще разбираешься, какие куда должны идти? — Она ткнула пальчиком, указывая на открытый лючок своего механизма.

Мистер Клокворк заглянул внутрь, и Зои демонстративно подергала рычаг.

— О! Так вам нужна зубатка № 12 и... гм... дайте подумать... два когги-малыша или... нет, лучше использовать три штерн-грыза Уихли — на полдюйма, на три четверти и на восемь с половиной...

— Да-да-да! — нетерпеливо бросила Зои. — Доставай! Все доставай и ставь их куда нужно!

Мистер Клокворк запустил руки в чемоданчик и принялся перебирать шестеренки, что-то бормоча под нос. Зои Гримм нервно постукивала себя пальцем по щеке.

— Ну быстрее, щуплый! Что ты там возишься?!

— Да, мэм! Минутку... Где-то здесь была... О! Нашел!

Артур Клокворк извлек из чемоданчика шестеренку, ловко поставил ее на место и

закрепил. После чего проделал то же самое еще с тремя зубчатыми колесиками.

— Теперь сработает? — спросила Зои.

— Проверьте, мэ.м.

Мисс Гримм толкнула рычаг, и машина загудела.

— М-м-м... да! Эй, щуплый! Ты прямо как добрый праздничный дух, явившийся мне в самый нужный момент. Жаль только я не смогу тебя отблагодарить.

Лицо мистера Клокворка вытянулось.

— Как? — потрясенно прошептал он. — Вы не заплатите мне за шестеренки?

— Я, знаешь ли, благодарностью и щедростью не отличаюсь. Как раз таки наоборот!

Артур едва не плакал:

— Но как же, как же...

Машина загудела громче. Зои постучала пальцами по висевшему у нее на ремне через плечо чайнику.

— Хочешь совет, щуплый?

— Еще один? — огорченно проговорил мистер Клокворк.

— Нет. Да. Возможно. Лучше бы тебе поискать покупателей в другом месте. Скоро здесь начнется то, во что ты, поверь мне, очень не хотел бы вступать — то, чего все в этом городе так ждали.

— И что это?

— Суматоха с ноткой безумия, — сказала Зои. — Все, мне некогда. Меня ждет чаепитие!

Мистер Клокворк хотел еще что-то сказать, потребовать у этой наглой мисс свои жалкие несколько пенсов за шестеренки, но тут над ним нависла черная тень. Он испуганно поднял голову и попятился. Рядом стоял... снеговик в пальто и цилиндре, и весь его вид давал понять, что, если мистер Клокворк хочет сохранить не только оставшиеся у него шестеренки, но и зубы, ему следует вот буквально в эту секунду оказаться как можно дальше от этого места.

Схватив чемоданчик, Артур Клокворк бросился прочь, ну а Зои Гримм, глянув ему вслед и подавив на мгновение посетившее ее чувство стыда за свой поступок (обмануть этого простофилю было так же жестоко, как обмануть наивного ребенка), повернулась к своему носатому прихвостню.

— Вы готовы, мистер Пибоди?

Снежная голова склонилась в согласии.

И тут Зои заметила, что с мистером Пибоди что-то не так. Дело в том, что снеговик был частично желтым, и это удивило мисс Гримм.

— Что с вами стряслось? — спросила она. — Что? Что еще за собака? И причем тут собака? Ладно, не важно. Мы потом отомстим за вас этой наглой шавке. А пока дело...

Зои сделала глубокий вдох и спросила:

— С чего там должно начинаться любое настоящее злодейское дело? — и тут же сама себе ответила: — С эффектного появления.

Ну а затем она толкнула рычаг.

— Бартоломью, постарайся не дергаться, пока мамочка примеряет тебе часики! Тебе

нравятся эти часики? Ну же, хрюкни, если да.

В кресле перед зеркалом сидело тощее существо, похожее одновременно и на поросенка, и на крысу: пяточок ходил ходуном, а тонкий лысый хвостик чесал вислое ухо. Комнатный хряккс мадам, обладатель влажных черных глаз и зеленой жилетки, сущий непоседа, вертелся и все норовил сползти с кресла. А хозяйка безуспешно пыталась закрепить часовую цепочку на его пуговке.

Господин Блюмм пришел к ней на помощь.

— Дражайшая мадам, подержите его...

Пара быстрых и ловких движений, и хряккс стал гордым владельцем карманных часов.

— Бартоломью! Ты великолепен! — восхищенно проворковала дама.

— Настоящий джентльмен, — согласился господин Блюмм. — Если позволите выразить рекомендации, то я считаю, что ему пойдет еще и...

Договорить он не успел.

Дверь распахнулась, и в салон ворвался ледяной ветер, притащивший с собой настоящую снежную метель. Лампы погасли, и часы закачались на цепочках.

Хряккс Бартоломью завизжал и запрыгнул на руки к хозяйке. Мадам тоже завизжала и отчаянно захотела запрыгнуть к кому-нибудь на руки, но не решилась проворачивать подобный акробатический трюк. Прочие покупатели застыли на своих местах: внезапно объявившееся погодное бедствие застигло двух из них в креслах у трюмо, третьего — подле тумбы с граммофоном, и четвертого — на узкой лестнице, поднимавшейся на галерею с золочеными «Бриккетами» и «Сноритцами», вправленными в мягкую темно-красную обивку стен, как в футляры. Порыв ветра вырвал у одного из покупателей сигару, еще один выронил бокал с вином.

Снег валил в дверь, как будто на улице внезапно началась буря, он разлетался по салону, закручивался спиралью, залепливал зеркала трюмо и стекла шкафов-витрин. Крупные белые хлопья за несколько мгновений покрыли пол сплошным ковром, обтянули кресла чехлами, набились в граммофон — игла соскочила с пластинки, и музыка оборвалась.

— Блюмм! Закройте дверь! Скорее! — закричал джентльмен, сидевший ближе всех к выходу. Он удерживал цилиндр на голове за поля обеими руками, чтобы его не сорвало.

Господин Блюмм вышел из ступора и шагнул к двери, прикрывая лицо рукой.

Но тут в салон проник снежный вихрь — клубящийся белый узел вполз в помещение медленно и вальяжно. В его глубине кто-то был — господин Блюмм разобрал очертания высокой стройной фигуры. Раздался каркающий смех.

— Это Человек-в-красном! — воскликнул кто-то из покупателей, завидев красный капюшон с белым мехом.

— Нет, это не он! — запротестовал другой покупатель.

— Блюмм! Что происходит?! — крикнул третий.

Хозяин салона карманных часов был потрясен не меньше, чем его клиенты, — мгновение назад он и помыслить ни о чем подобном не мог — все шло так прекрасно: он уже прикидывал, как бы уговорить мадам с хрякксом, чтобы она приобрела часики для второго жилетного кармашка ее питомца, и тут... такое!

В метели послышался голос — такой же резкий и злой, как и предшествовавший ему смех:

— Лучше бы вам оставаться там, где стоите!

— Кто вы?! — пророкотал господин Блюмм, пытаясь перекрычать вой ветра. — Что вам

нужно?!

— Как?! — ответили из вихря. — Вы все еще не догадались?! Это ограбление!

— Что? Ограбление? — выдохнул господин Блюмм. Его глаза-монокли заходили ходуном, поочередно то выдвигаясь, как подзорные трубы, то задвигаясь обратно.

Дверь с грохотом захлопнулась, и вихрь тут же опал. Снег начал медленно оседать...

На том месте, где только что клубились и связывались в единый ком жгуты метели, стояла весьма довольная собой и произведенным эффектом женщина в красной пелерине и полосатых чулках — в руках перед собой она сжимала пузатый бордовый чайник; у входа в салон в потемках замер высокий громила в цилиндре. На нем была какая-то маска — по крайней мере, так показалось господину Блюмму.

— О, кто-то не почистил уши утром! — воскликнула незнакомка, ее злые, но при этом веселые глаза сверкали из глубины угольных кругов. — Эй, латунная морда! Повторяю специально для тебя: это ограбление, разве не ясно?!

Господин Блюмм разъяренно запыхтел: что эта мерзавка себе позволяет?! Мало того, что она вторглась в почтенное общество подобным неподобающим образом, так еще и позволяет себе — нет, ну вы только подумайте! — разбрасываться столь нелепыми заявлениями!

— Неслыханно! Возмутительно! Наш салон никогда не грабили!

Незнакомка снова рассмеялась.

— Приятно делать что-то в первый раз, знаете ли!

Покупатели, все еще пребывая в состоянии некоей протрации от «снежного кавардака», который устроила мисс в полосатых чулках, не могли вымолвить ни слова, продолжая разглядывать ее во все глаза. Вторгшаяся в салон женщина, вся в снегу, с взлохмаченными волосами и безумным взглядом, выглядела так, будто только что сбежала из «Эрринхауз», лечебницы для душевнобольных.

— Полицию... позовите полицию! — воскликнула хозяйка хрюкающего и повизгивающего Бартоломью.

— Хряксов не спрашивали! — с широкой улыбкой сказала женщина в пелерине, повернувшись к ней. — И вообще мы вооружены! У меня... чайник!

Она шагнула к стойке и взгромоздила на нее самораскладную паровую печку «Тиффлера», а стоило огоньку на фитиле загореться, женщина поставила сверху свой чайник.

— Что это? — дрожащим голосом спросил перепуганный хозяин салона.

— Вас больше должно интересовать, что внутри, Блюмм!

— И что же внутри?

— О, вы узнаете это быстрее, чем думаете, — пригрозила грабительница, — если станете дергаться, как уж на сковородке, как ворона в супе или как селедка на крючке. Мистер Пибоди!

Стоявший у дверей громила-пособник подошел и встал за спиной женщины в пелерине. У всех присутствующих в салоне глаза полезли на лоб — в заведение Блюмма занесло самого настоящего снеговика!

Не выпуская из зубов гнутую зловонную папиретку, мистер Пибоди ухмылялся. Снеговик приветливо приподнял цилиндр и склонил голову, ожидая распоряжений своей хозяйки.

— Собирайте все часы в мешок! — велела та.

— Что? Нет! — возмутился Блюмм. — Вы не можете так поступить! Да вы вообще знаете, кто посещает этот салон?

— И кто же? Какие-то важные птицы?

— Сам достопочтенный главный судья Сомм! — сообщил господин Блюмм и для большей значительности поднял указательный палец.

— В первый раз слышу! — усмехнулась женщина. — А вы знаете, кто вас грабит?

Усы Блюмма зашевелились, выдавая его неосведомленность.

— Позвольте представиться! Зои Гримм! А это мистер Пибоди! Да будет вам известно, что в Габене объявилась новая злодейка! И пока новая злодейка вас грабит, следите за чайником. Вы же не хотите, чтобы он... — она многозначительно подмигнула хозяину салона, — выкипел.

Господин Блюмм и его покупатели, не сговариваясь, устали на чайник, а Зои Гримм и ее носатый поделщик разбежались в разные концы лавки и взялись за дело.

— Что... что там? — прошептал господин Блюмм — неказистый и совершенно не опасный с виду чайник тем не менее пугал до холода в пятках.

— Попробуйте угадать! Может, получится! — отозвалась Зои Гримм. — Или нет! Лучше бы вам не знать, что внутри!

Хозяин салона карманных часов был совершенно сбит с толку — не только поразительным и невероятным появлением этих грабителей, но и их дерзостью и напором. Он не был трусливым человеком, но подобное происшествие в принципе не укладывалось в его видение жизни. Как?! Его — и грабят?! Посреди дня?! В канун Нового года?! В двух шагах от Полицейской площади?!

Он все порывался что-то предпринять, остановить их, выгнать взащей, но никак не мог решиться на подобное: мало ли, что за сумасшедшая к нему наведальась, и иди знай, чего ждать от снеговика!

А покупатели между тем принялись гадать, что же находится внутри чайника:

— Может, там греmlin?

— Дохлая крыса?

— Бомба?

— А может быть, там просто чай?..

— Помилуйте, чай ведь совсем не страшный.

— Ну, это как сказать. Вы просто не бывали на чаепитиях у моей тетушки Клу!

Господин Блюмм бросил взгляд на грабителей — оба были далеко и слишком заняты, чтобы помешать ему. Он потянулся к печке, намереваясь ее выключить, но тут ему в спину ткнулось что-то острое.

— Даже не думайте! — прикрикнула на него Зои Гримм с таким видом, будто он был непослушным ребенком и протянул руки к тарту, стоило нянюшке зазеваться.

Господин Блюмм обернулся и уставился прямо в кривую ухмылку снеговика — тот, неизвестно какими образом оказавшись рядом с хозяином салона. Пригрозив ему зонтиком, он вернулся к своему черному делу: открыл один из шкафов и принялся снимать с крючков часы.

Мистер Пибоди грубо стаскивал милешек господина Блюмма с их насиженных мест, не глядя швырял их в мешок и при этом выпускал изо рта облачко за облачком вонючий папиретный дым.

Зои Гримм между тем, по-кроличьи прыгая по ступенькам, поднялась на галерею и

начала бесчинствовать там — сняла с крючка на стене парочку серебряных «Шнифферс», после чего встала на носочки и начала рассовывать по карманам «Голдни» и «Паддингтонс», в то время, как дорогие и прекрасно выглядящие, но с дрянным механизмом «Уискерс», отчего-то игнорировала, словно знала их секрет.

Глядя на эту наглую, отвратительную проходимку, господин Блюмм закипал все сильнее — словно тот самый пресловутый чайник. Он должен — обязан! — что-то предпринять. Нельзя просто стоять и смотреть на то, как его грабят, при этом еще и насмехаясь над ним. Унизительно! Отвратительно! Недопустимо!

Да, у них чайник с неизвестным содержимым (вероятно, с нагревательной бомбой — господин Блюмм слышал о таких), но он вообще-то не робкого десятка, ведь не каждый сможет указать господину судье Сомму, что тот совершает опрометчивую ошибку, предпочитая носить золотые «Шноббельс» по выходным дням, в то время, как «Фроуч Маггнерс» лучше для этого подойдут. Его не запугать! Его не провести! Они не обуют его, не оставят с носом, не обведут вокруг пальца! Это лишь парочка жалких сумасшедших!

— Вам это с рук не сойдет! — воскликнул господин Блюмм, глядя на то, как его часы исчезают в огромном мешке. — Вы пожалеете!

— Не будьте таким занудой, Блюмм! — бросила в ответ Зои Гримм, пытаясь дотянуться до висящих под самым потолком «Кёльн-Рёлльн» с двойной цепочкой. — Вас впервые грабят! Это же так... захватывающе!

Но хозяин салона решил быть занудой. Он в гневе сжал свои механические кулаки и бросился к двери, намереваясь, по всей видимости, позвать констебля.

Мистер Пибоди преградил ему путь и легонько стукнул его по макушке зонтиком. Господин Блюмм встал как вкопанный — это было так унижительно!

Зои Гримм уселась на перила лестницы и, звонко смеясь, стремительно съехала вниз.

— Без глупостей, Блюмм! Иначе ограбление обернется для вас... — она изобразила руками что-то похожее на увеличивающийся шар и одними губами прошептала: — Ба-бах!

— Сделайте же что-то! — в отчаянии воскликнул хозяин салона, обращаясь к покупателям, со страхом следящим за каждым движением грабительской парочки.

— Вот еще! — бросил один из клиентов. — Лично я и с места не сдвинусь. Вы забыли? У нее чайник!

Все присутствующие обернулись и снова поглядели на чайник.

И тут чайник задрожал, затрясся и начал посвистывать. Часть покупателей вжались в кресла, тот, что стоял на лестнице сполз по стене, а тот, который был у тумбы с граммофоном, схватился за голову. Хозяйка хряккса Бартоломью выронила своего питомца (отчего тот со склизким звуком шлепнулся на пол) и вскинула руки к губам.

— Снимите его с печки! — завопил господин Блюмм. — Снимите его! Забирайте все, что хотите, только не...

Слова застряли на полуслове, когда он повернулся к женщине в пелерине и вдруг понял, что ее и след простыл.

Стукнула закрывающаяся дверь. Воровка и ее подельник покинули салон, оставив после себя лишь снег, зажатую между косяком и дверью праздничную открытку и...

— Чайник! Вы забыли ваш чайник! Нет! Только не это!

И тут, будто услышав его, чайник наконец закипел.

Господин Блюмм вжал голову в плечи и отшатнулся. Крышечка откинулась, и из чайника на пружине выпрыгнул кукольный Крампус.

Он завизжал: «Вы вели себя очень плохо в этом году!» — и залился ужасающим злодейским смехом.

Глава 4. Манерники и скрытники

Время близится к полудню. 12 часов до Нового года.

— Мамми, смотри: собачка! Какая необычная собачка! Ну, мамми!

Мама склонилась к дочери:

— Тише, Джен, не отвлекайся — смотри лучше представление. Ты ведь сама затащила меня поглядеть на мистера Крампуса — так отчего же сейчас не глядишь?

Девочка нехотя отвела взгляд и тут же забыла о странной собачке, которая сидела у ног стоявшего неподалеку высокого господина. Всем вниманием Джен завладел жуткий дух зимы, рогатый обладатель хвоста и тяжелых подков — закутанный в багровую шубу с капюшоном Крампус.

В эти зимние дни Крампус и его свита уродливых гоблинов пришли в Габен, вгрызлись в улочки города зубами — так, что и не отцепишь. Притащили с собой запах хвои, звон бубенцов и жуткие плети — бить непослушных детей. Это было время Крампуса и его гоблинов — до Нового года оставались считанные часы.

Жители Саквояжного района в эти часы были слишком заняты, чтобы замечать хриплый крампусовский смех, смешивающийся с каминным дымом из дымоходов.

Шум и веселые голоса наполняли Тремпл-Толл. Повсюду звучали пожелания счастливых праздников, а на перекрестках хмурым констеблям компанию составили группки празднично одетых дам и господ, хором поющих традиционные песни-кэрол.

На площади Семи Марок развернулась одна из городских ярмарок. Между деревянными прилавками, заставленными всякой всячиной, было не протолкнуться. Бурлили варители грога, в воздухе висели запахи печеных сосисок и жареных каштанов. То и дело тут и там раздавались возгласы, расхваливающие имбирные пряники в виде сапожка или бородатой головы Человека-в-красном.

Прямо на снегу у красной кирпичной стены стоял большой полосатый сундук, разложенный и перестроенный в некое подобие крошечной сцены. На этой сцене разворачивалось кукольное представление, а большая золоченая надпись на крышке сундука сообщала всем и каждому, что *«В данный момент вы имеете невероятное счастье лицезреть ТАЛАНТЛИВЫХ ПАППЕРЕТОК ГОСПОДИНА ШАПИРО»*.

Вокруг балаганчика толпились люди. Куклами и кукольными театрами жителей Саквояжного района было не удивить, и все же марионеточник, тот самый господин Шапиро, не мог не привлечь внимание. Его ссутуленная фигура возвышалась над сундуком-театриком, но зрителям была видна лишь верхняя его часть, отчего со стороны казалось, будто у Шапиро нет ног. Высоченный цилиндр на его голове, похожий на городскую башню с часами из-за встроенного в него циферблата, то и дело покачивался и издавал звон. Лицо Шапиро было скрыто за маской с горбатым носом и длинными пышными усами. Руки марионеточника в тонких атласных перчатках танцевали над крошечной сценой, будто перебирали клавиши пианино. Кукловод выглядел впечатляюще, но не менее эффектно выглядели и сами куклы.

Проворачивались цилиндры размещенной в днище сундука шарманки, и из фыркающих труб в зимний воздух вырывались звуки мелодий, под которые маленькие актеры и исполняли свои сценки. Деревянная труппа состояла, по меньшей мере, из дюжины

марионеток в милых костюмчиках.

Играли они «Мешок Крампуса», очень старую пьесу, которую в Габене традиционно показывали незадолго перед Новым годом. В «Мешке Крампуса» рассказывалась история Маленького Джека, мальчика, который себя плохо вел и к которому в новогоднюю ночь явился вовсе не Человек-в-красном с мешком подарков, а злобный рогатый Крампус с мешком, в который он засунул Джона-пуговку, младшего брата Маленького Джека. Крампус перепутал братьев и похитил того, который хорошо себя вел. И тогда, несмотря на собственный страх, Маленький Джек отправился в Глухую Чашу искать брата...

Это была местами страшная, но в целом добрая праздничная история о раскаянии и исправлении ошибок. Маленький Джек, претерпевая невзгоды и опасности в заснеженном лесу, из плохого мальчика постепенно стал хорошим, спас брата и обманул страшного Крампуса. Ну а в самом конце к братьям таки пришел Человек-в-красном и подарил им множество подарков.

В Габене не сыскать того, кто бы не любил эту историю: у нее был счастливый конец, она наполняла теплом даже самую студеную душу.

Куклы Шапиро в очередной раз показывали хорошо знакомую зрителям историю, но все, и дети, и взрослые, неизменно вздрагивали на страшных моментах и заливались смехом на забавных, словно никогда прежде не слышали ее.

Монолог Крампуса о плохих детях так и вовсе заставил зрителей замереть — каждому в тот момент показалось, будто злобный дух зимы припомнил их личные проделки и неблагоприятные поступки.

И все же в толпе стоял тот, кому происходящее крайне не нравилось. Единственный из всех, он пристально оценивал каждое движение кукловода Шапиро, подмечал каждую мелочь как в оформлении сундука-балаганчика, так и в декорациях, и в нарядах деревянных актеров.

Высокая черная фигура застыла среди довольных зрителей — никто не обращал на нее внимания, хотя выглядела она весьма примечательно и отнюдь не празднично: черное, как душа убийцы, пальто, шляпа-двууголка, кроваво-красный шарф и белая носатая маска. Господин этот опирался на трость и при этом держал на поводке ворочающееся у его ног существо, похожее на средних размеров собаку — существо было одето в вязаную серую курточку, на его круглой покато́й голове сидела такая же вязаная шапка, а из шести рукавов (или это были штанинки?) торчали шесть длинных тонких ног.

«Собачка» вовсе не была «необычной», как сказала заметившая ее девочка, — потому что это была отнюдь не собака. Это была здоровенная блоха, и от того, чтобы вцепиться в чью-то ногу, ее останавливала лишь сомкнувшаяся на поводке твердая рука хозяина.

Кукольник Гудвин из переулка Фейр не мог пройти мимо, увидев балаганчик Шапиро. На какое-то время он забыл о своих делах, смешался с толпой и принялся подмечать все недостатки в постановке и в мастерстве своего коллеги — или, правильнее будет сказать, конкурента.

Он видел все слабо натянутые или, напротив, слишком перетянутые нити марионеток Шапиро, не упускал ни одного случая, когда куклы неловко спотыкались или дергались невпопад, но сильнее всего его раздражали манеры самого кукловода и его вид.

По мнению Гудвина, Шапиро был ужасным кукловодом. Начать с того, что он просто так заявился в Тремпл-Толл со своими финтифлюшными папперетками и даже не полюбопытствовал, будут ли ему здесь рады местные кукольных дел мастера. Но важнее

было то, как он вел представление, то, какой костюм он выбрал, и то, с какими трагизмом и недопустимой экспрессивностью он двигался.

Таких кукольник Гудвин из переулка Фейр звал «манерниками» — эти кукловоды забывали о том, что они никакие не актеры, что пьесу должны показывать вовсе не они, а их куклы. Чем кукловод неприметнее, считал Гудвин, — тем лучше. Что касается Шапиро, то он привлекал слишком много внимания к самому себе. Маяча над балаганчиком и дергаясь, словно в предсмертных конвульсиях, он разрушал атмосферу происходящего на своей сцене. Ну а зритель... зритель хоть обычно и слеп, когда дело касается нитей, но даже такой близорукий болван, как он, этот зритель, в какой-то момент поймет: это просто театр, все не по-настоящему... И осознав это, зритель прекратит верить и сопереживать — он начнет гадать: а как там все устроено и что именно человек с крестовинами-вагами делает со своими пальцами, чтобы кукла наклонилась или опустила голову? И вот уже никого не волнует история, которую показывают деревянные актеры...

Манерники не понимали этого, в них погибали гении подмосток, их амбиции требовали признания, а лица — взглядов.

Гудвин же был из «скрытников» или «закулисных» — из тех, кого не видно за ширмой-падугой. Из тех, кто манипулирует и управляет куклами незаметно, ведь если их или крестовины в их руках заметят, все представление провалится.

Поэтому Гудвин глядел на Шапиро и его кукол с нескрываемым презрением. В его глазах тот уже провалился — он делал все неправильно.

Наблюдая за тем, как Шапиро крутит ручку и задники сменяются, Гудвин поморщился под своей маской.

— Я даже отсюда вижу, что фоны потрескавшиеся и дряхлые. Стоило их подкрасить, Шапиро...

Гудвин оглядел зрителей, ожидая, что сейчас и дети, и взрослые начнут тыкать пальцами и смеяться, указывая этому наглецу-манернику на все его недоработки, но с раздражением отметил лишь улыбки на раскрасневшихся от холода лицах и восхищенно взвизгивающие на представление глаза.

«Видимо, у них всех беда со зрением, а очки они забыли дома. Но, быть может, там, где их подвели глаза, их уши явят им суть шарлатанства Шапиро?»

— Хм... так я и думал... — проворчал Гудвин, с презрением слушая очередную заигравшую мелодию, как только декорации переменялись. — Музыка повторяется! Плохой пюпитр — очень плохой пюпитр... Он не удосужился написать музыку отдельно к каждой из сцен. Повторы — признак бездарности и дурачины! Верх непрофессионализма...

Но и повторяющиеся мелодии несколько не смутили зрителей.

«Ну что за непритязательная публика? — возмущился кукольник Гудвин. — Не видят, не слышат. Что ж, ладно. Но что они скажут о сценарии? Плохую пьесу от хорошей отличит даже пьяная крыса из портового кабака...»

— Бездарно, — заметил Гудвин. — Никчемная пьеска. Глупые реплики. Лишние персонажи...

Он повернул голову и ткнул тростью стоявшего рядом пухлого мальчика, замороженно следившего за представлением.

— Эй ты, толстяк!

Мальчик недоуменно обернулся к окликнувшему его господину и вздрогнул — настолько жутко тот выглядел.

— Тебе нравится это глупое представление?

— Что?

— Представление нравится, толстяк? Отвечай.

Мальчик открыл рот, но не для того, чтобы ответить. Губы его задрожали, и он заплакал.

— Вот и я говорю: гадость. Шапиро — бездарь и картонщик, каких поискать. Знаешь, что я говорю о таких, толстяк? Я говорю о таких: «Фу!» Он что, не понимает, как глупо выглядит? Неужели он полагает, что никто не видит: Маленький Джек и Боб-хромоножка исполняют одну и ту же роль — без какой-либо из этих кукол пьеса бы только выиграла. Да и Крампус заметно переигрывает. Ты согласен?

Мальчик, вытирая слезы кулачками, скрылся в толпе, торопясь сбежать от этого злого господина.

Ну а кукольник Гудвин продолжил негодовать:

— Так испортить «Мешок Крампуса»... Ну ничего, Шапиро, я преподам тебе несколько уроков кукольного мастерства и цеховых манер. Что?! — воскликнул он вдруг. — Вы видели?! Нет, ну вы видели?! Он задел сундук! Задел локтем сундук!..

Колеса скрипели. Мистер Шапиро вошел в Заплатный переулок.

Кукловод больше не походил на того великолепного господина, который каких-то полчаса назад давал представление на праздничной ярмарке. Цилиндр-башня исчез в сундуке, как и маска. От театрального образа остались лишь длинные, торчащие в стороны усы. Вся таинственность господина Шапиро развеялась, стоило лишь переменить костюм. Теперь это был обычный человек в залатанном пальто, дырявом шарфе и засаленном котелке. Озябшие руки в перчатках-митенках сжимали ручку сундука на колесах, пухлый нос покраснелся, на синих губах был снег.

Он кряхтел и морщился, из горла лез сухой кашель.

Представление имело определенный успех, но это была лишь первая постановка из тех, что он запланировал. На очереди — Скверный сквер, где располагалась одна из самых больших ярмарок в Тремпл-Толл. А после него — Пыльная площадь, Поваренная, Чемоданная и Неми-Дрё.

Если все пройдет как надо, то денег хватит, чтобы незадолго перед полуночью дать представление в самом пассаже Грюммлера — кукловод знал, что его туда пустят только в том случае, если он преподнесет парочку подарков господину смотрителю пассажа и тамошнему полицейскому.

Мистер Шапиро прикинул в уме, сколько он выручил с прошлого представления, и улыбнулся — сейчас он доберется до сквера и купит сочную, дымящуюся сосиску и большую кружку клюквенного грога. От мысли об обеде на душе потеплело.

— И не забыть попробовать имбирный пряник... — пробормотал он себе под нос. — Они выглядят очень вкусными...

— Они и на вкус очень... вкусные, — раздался скрежещущий голос за спиной, и мистер Шапиро обернулся.

В нескольких шагах от него стоял высокий господин в двуголке и носатой маске. На поводке он держал... — мистер Шапиро сперва не поверил своим глазам! — блоху в вязаном

костюмчике.

— Вот только вы не попробуете имбирный пряник, Шапиро, — добавил человек в маске.

— Мы знакомы? — испуганно спросил мистер Шапиро.

— Я знаком... — сказал человек в маске, — с вашим кошмарным представлением, которое вы осмелились показать на площади Семи Марок.

— Кошмарным?

— Вы все безнадежно испортили, Шапиро. Вам должно быть очень стыдно.

— Что? Но почему?! Зрителям понравилось...

— Зритель глуп. Он слеп и глух. Но я нет. Вы нанесли мне глубокую рану своей бездарностью. То, как вы изобразили «Мешок Крампуса», — это худшее кукольное представление, которое я видел за последний год.

— Я сожалею. Мне очень жаль, что вам не понравилось...

— Сожалениями не отделаетесь, Шапиро.

Усатый кукловод развернулся, намереваясь уйти, но дорогу ему преградили двое. Люди в черных пальто и котелках, скрывающие лица под шарфами и защитными очками с темными стеклами, возникли словно из-под земли. И как они так бесшумно подкрались?!

— Дайте пройти!

— Никуда вы не пойдете, — сказал человек в маске, и тут один из черных господ ударил Шапиро. Неожиданно и резко. Прямо в живот.

Мистер Шапиро согнулся пополам, и на него обрушился настоящий град ударов. Один сломал ему нос, другой — разбил губу.

Кукловод рухнул в снег, но жестокое избиение не прекратилось. Он пытался ползти, но цепкие руки в черных перчатках схватили его за шиворот.

— Пощадите... — хрипел мистер Шапиро. — Я ничего не сделал...

Очередной удар в лицо оборвал его мольбы. На снег брызнула кровь.

— Конец первого действия! — провозгласил наблюдавший за избиением человек в маске. — Начинается второе действие, которое называется: «Бездарные поделки»!

Облаченные в черное господа оставили корчащегося на земле Шапиро и взялись за его сундук. Они быстро и умело разломали балаганчик, принялись ломать его маленьких деревянных жителей.

— Нет... только не куклы... Не трогайте моих детей!

Но люди в черном не знали жалости. Одна за другой разломанные и искореженные куколки падали в снег. Слезы смешались с кровью. Шапиро полз по земле к своим уничтожаемым артистам...

— Пойдите! — велел вдруг человек в маске, подойдя к месту кукольного убийства. Он протянул руку, и один из его пособников передал ему марионетку, с которой уже собирался разделаться. Это был Человек-в-красном.

— Он мне нравится, — сказал человек в маске, засунув куклу в карман пальто. — Заберу его с собой. Заканчивайте, мистер Паппи.

Один из пособников кивнул. В его руках появился коробок спичек.

— Умоляю... не надо...

Спичка чиркнула, и обломки балагана вместе с деревянными трупиками загорелись. Огонь пополз по разорванным задникам, краска на них трескалась и пузырилась. Одежонки марионеток горели, как старые газеты...

Человек в маске навис над Шапиро. Его блоха приблизилась вплотную к окровавленному лицу избитого кукловода и распахнула пасть, полную длинных игольчатых зубов; между ними натянулись тонкие нити слюны...

— Пощадите...

— Вы не из этих мест, Шапиро, — сказал человек в маске; в черных прорезях для глаз не было и намека на, собственно, глаза. — Вы приехали сюда со своим ящиком из какой-то глуши и не знаете, что здесь уже в самом разгаре другая пьеса. Ваша глупая постановка — не чета этой пьесе. Здесь идет сложная игра, до которой вы бы никогда не додумались, которую вы ни за что не смогли бы проверить. Эта пьеса состоит из множества других пьес. Это как заглянуть за двойное дно и обнаружить там третье. Мои нити протянулись над всем Тремпл-Толл, и мои куклы живут и умирают по-настоящему. Я не потерплю, чтобы кто-то, вроде вас, заявлялся сюда и мешал моей игре. Вы ничего не знаете о настоящем искусстве кукловода. Вы — жалкий ремесленник, Шапиро, который думает, что, раз он научился кое-как дергать своих болванчиков за ниточки, то он познал марионеточное мастерство.

— Я... не понимаю... Я просто давал кукольное представление...

Носатая маска склонилась в согласии.

— Верно. Ничего не понимаете. Потому что вы и сами — просто кукла, и не более. Оглянитесь кругом, Шапиро: город, который вы видите, — это мой сундук, и вы в него угодили, вы дали обвязать себя нитями и, колченого спотыкаясь, вышли на сцену.

— Прошу вас... Пощадите... ради праздника...

Пасть блохи замерла возле глаз Шапиро.

Человек в маске застыл. Казалось, он о чем-то раздумывает.

Его размышления прервал звон.

Рука в перчатке полезла в карман пальто и извлекла оттуда часы.

— Моего внимания требуют мои собственные куклы. Вам очень повезло, Шапиро, что сегодня Новый год. Иначе я позволил бы моей дорогой Карине пообедать вами. Убирайтесь из Тремпл-Толл. Сегодня же. Сейчас же. Если я узнаю, что вы решили остаться, несмотря на мое милое предупреждение, вы очень пожалеете.

Он повернулся к своим молчаливым пособникам.

— Мистер Паппи, верните Карину домой. — Он передал человеку в черном котелке поводок, и блоха недовольно заворчала. — Меня ждет встреча.

Сказав это, он склонился к распростертому на снегу мистеру Шапиро, оценивающе оглядел его, после чего развернулся и быстрым шагом направился к выходу из переулка, где его уже ждал черный кэб.

Забравшись в экипаж, он велел кэбмену:

— Пыльная площадь. Кафе «Злобб».

Экипаж тронулся, и уже тише кукольник Гудвин из переулка Фейр проговорил:

— Это настоящая пьеса. Моя пьеса. Никто не увидит нитей. Никто не заметит скрытника...

Кэб все отдалялся, а в Заплатном переулке ярко горел костер из «Талантливых паппереток господина Шапиро». А сам господин Шапиро из последних сил подполз к нему и содрогнулся в рыданиях.

— Мои детки... мои бедные детки...

Кэб подъехал к довольно невзрачному зданию и остановился у дверей под вывеской «Злобб».

Дверца открылась, и под снег вышел джентльмен в черном пальто и котелке, его глаза прятались под круглыми защитными очками с затемненными стеклами, на нос был натянут шарф.

Любой другой кэбмен несомненно удивился бы: в экипаж садился один господин (обладатель носатой маски и двууголки), а покинул его совершенно другой. Да, любой другой кэбмен удивился бы, но мистер Фейди безразлично принял плату и, буркнув «Хорошего дня», толкнул рычаг. Кэб тронулся в путь, и вскоре его экипаж затерялся среди прочих рокошущих махин на Пыльной площади.

Мистер Блохх двинулся ко входу в кафе «Злобб». Он намеренно выбрал для своих перемещений по городу именно Фейди: тот никогда не задает вопросов — ему попросту плевать. Мистер Блохх считал, что безразличие — это лучшая черта жителей Тремпл-Толл, и предпочитал использовать именно таких людей — которых заботят лишь две вещи: пенни-пуговицы да пуговичные фунты.

Сняв с себя маску и костюм кукольника Гудвина, он стал другим человеком — и здесь это не образное выражение. Гудвин был просто ролью — одной из сотни. Не зря он сам себя называл Человеком-с-сотней-лиц. Сейчас же консьерж преступного мира Габена вновь вернул изначальную личность — мистера Блохха, человека без лица.

Толкнув дверь кафе, мистер Блохх вошел в короткий темный коридор, полный шевелящихся теней. Горбун-гардеробщик, сидевший на высоком стуле за стойкой, протянул свои кривые руки-ветки к нему, ожидая пальто и шляпу, но мистер Блохх покачал головой.

Горбун оскалил коричневые зубы и отвернулся, почесав непропорционально большую голову, на которой сидел новогодний красный колпак с белой меховой оторочкой. В первое мгновение мистер Блохх удивился подобному убору (Хозяин «Злобб» и его прислуга ненавидели Новый год), но почти сразу же понял, что, видимо, горбун наказан за какой-то проступок. Что ж, он был недалеко от истины.

Зайдя в общий зал «Злобб», мистер Блохх с удовольствием убедился в том, что Хозяин не изменил своим привычкам — кафе на Пыльной площади было сейчас, вероятно, единственным местом во всем Габене, где совершенно не чувствовался дух приближающегося праздника. Напротив — интерьеры «Злобб» выглядели еще мрачнее, чем обычно. Тяжелые черные шторы на окнах не пропускали в общий зал дневной свет, а газовые лампы светили так плохо, что посетители, сидевшие за круглыми столами, напоминали сгустки мрака. У дальней стены стояла «Безпраздничная машина», изобретенная безумным механиком Грызлобичем, и каждый мог подойти к ней, закинуть десять фунтов, приложиться к раструбу и сделать вдох. Время от времени посетители, ощущая, что праздничная атмосфера все же против воли затягивает их, подтравливали себя и возвращались за столики. Многие из здешних завсегдатаев считали Новый год крайне утомительным и унылым. Для них праздником было другое: успешное воплощение плана, удавшийся побег из тюрьмы, с блеском проведенное ограбление.

Мистер Блохх не разделял их мнения. Для него Новый год был крайне важной частью в его запутанных схемах и паутинах событий. Парадоксально, но только лишь из-за праздника он был сейчас именно в кафе «Злобб», а не где-либо еще.

Стараясь не привлекать к себе внимания, он прошел к своему любимому столу,

располагавшемуся в нише в дальнем от входа конце общего зала, — это место Хозяин придерживал именно для него в благодарность за некую неблаговидную услугу, которую Человек-с-сотней-лиц однажды ему оказал.

Стоило мистеру Блохху опуститься на стул, как к нему колченогой походкой подошел еще один горбун в колпаке. Это был Игорь № 2. Хотя... мистер Блохх не был уверен: может, и Игорь № 3. У кого там из прислужников Хозяина бородавка на носу? У третьего или все же у второго?

Мистера Блохха вдруг посетила неожиданная мысль: он прежде не задумывался, куда делся Игорь № 1 — на его памяти в «Злобб» всегда прислуживали лишь два горбуна.

Игорь растянул губы и пробубнил, давно выучив наизусть заказ постоянного посетителя:

— «Чёрнич» со смолой второго кипения, горчичное пирожное и свежие выпуски всех газет.

Мистер Блохх кивнул, и горбун отправился исполнять заказ, морщась и почесывая голову в колпаке — судя по всему, головной убор был смазан крапивным раствором.

«Что же они такого натворили?» — подумал мистер Блохх, бросив взгляд на владельца кафе, чья фигура чернела за стойкой.

Огромный, в десять футов ростом, этот человек вызывал своим видом оторопь даже у прожженных злыдней. Он отдаленно походил на волка: мохнатые брови, густые черные бакенбарды, почти полностью скрывающие лицо. Мелкие желтые глаза со злобой косились на посетителей.

Никто не знал, как зовут этого человека, и все называли его просто Хозяином. Однажды, около тридцати лет назад, Хозяин прибыл в Габен, и поговаривали, что он приехал сюда из Норича, дикой лесной страны на севере, но так это, или нет, не знал даже мистер Блохх.

Заметив внимание к своей персоне, Хозяин коротко кивнул мистеру Блохху и склонился к похожему на жуткое орудие пыток кофейному варителю.

Игорь принес стопку газет, и мистер Блохх приступил к исследованиям. Так он это называл. Как и всегда начав с «Мизантрополиса» (издание Старого центра), он погрузился в перипетии жизни в Габене — чем там сегодня дышит этот город?

Мистер Блохх читал газеты не так, как все прочие. Его больше интересовали не сами строки, а то, что скрывалось между ними, он не обращал внимания на заголовки, вылавливая в заметках намеки, недосказанности, оттенки недооформленных настроений. Собирая все это, он по кусочкам выстраивал понимание того, что *на самом деле* происходит в Габене. Город говорил с ним — мало, кто в действительности понимал его, Габена, язык, и мистер Блохх был одним из них.

Газета сплошь пестрела новогодними заметками — Габен жил ощущением праздника, что было не удивительно, вот только «междустрочье» сквозило чем-то холодным и мрачным... Что-то начиналось... — и далеко не все из этого было запланировано им самим.

От чтения мистера Блохха отвлекло появление в кафе того, кого здесь быть не должно было.

Ширма отползла, и в темный зал ввалился невероятно толстый господин в черном сюртуке, который на нем сидел, как чехол на воздушном шаре; лицо вошедшего было обильно напудрено, а небольшая голова, словно картина в раме, окаймлялась париком, концы которого, собранные из сотен подвитых буклей, свисали до самого пола.

Эти хитрый высокомерный прищур и кривая усмешка были хорошо знакомы всем в городе — они нередко появлялись на передовицах газет.

Разговоры стихли, даже вещание по радиофору со стойки (Хозяин слушал хронику преступлений) смолкло. Со всех сторон раздался нестройный шепот:

— Судья Сомм... — Посетители «Злобб» во все глаза глядели на толстяка и боялись моргнуть. — Что он здесь делает?..

Судья обвел присутствующих презрительным взглядом и, вскинув пухлый палец, громко провозгласил:

— Приказываю всем бояться! За вами закон явился лично! Вы слишком долго испытывали мое терпение! Всех арестую! Всех посажу в «Хайд»! Всех повешу! Но сперва...

Мистер Блохх утомленно вздохнул и вновь скрылся за газетой.

Судья продолжал:

— ...я выпью в этом славном местечке с моим другом Брегером!

Из-за одного из столов раздался удивленный возглас:

— Лицемерник, это ты, что ли?

Судья, или, вернее, злодей Лицемерник, расхохотался и заметил:

— Ну не Сомм же сюда заглянул, честное слово!

Присутствующие испустили шумные вздохи облегчения, и под ворох дружных проклятий мнимый судья подошел к своему приятелю и сел за стол.

— Игорь, чашку «Чёрнича», пропрогорклее, ну и дюжину горчичных пирожных — закон проголодался!

— Будет исполнено, — каркнул горбун.

Кафе вернулось к привычной жизни, и вскоре все забыли о шутке Лицемерника. И только мистер Блохх продолжал злиться. Лицемерник получил свое прозвище потому, что слыл в определенных кругах мастером перевоплощения. Говорили, будто он может прикинуться кем угодно, что вызывало у Человека-с-сотней-лиц закономерный зубовой скрежет: жалкий подражатель, он лишь имитировал других, притвора и кривляка, причем, по мнению мистера Блохха, делал он это весьма посредственно и едва ли не бездарно — только слепой мог поверить жалким потугам Лицемерника сыграть кого-то другого. И уж точно этот бездарь ни за что не смог бы изобрести новую личность, ведь для этого нужен настоящий талант.

— А я знаю, зачем ты вырядился! — сказал между тем приятель Лицемерника Брегер.

— Неплохой костюмчик, как считаешь?

— Вполне, — угрюмо ответил Брегер. — А я пока не придумал в кого переодеться.

Мистер Блохх презрительно поморщился: в Обществе Злодеев Габена устраивали новогодний маскарад, где, по слухам, должен был собраться весь злодейский свет не только этого города, но и многих других. Все приглашенные должны были надеть костюмы и прикинуться фликами и прочими важными господами: мистер Блохх не сомневался, что там будет парочка «сержантов Гоббинов», несколько «господинов бургомистров» и прочие служители закона и чиновники.

Самого же мистера Блохха подобные сборища не заботили. Помимо того, что он считал их глупыми и скучными, накануне Нового года он попросту не мог тратить время на подобную чепуху. Самый занятой человек во всем Габене — то, над чем он работал в данную минуту, было намного сложнее и запутаннее его обычных планов, и это неудивительно: он связал воедино ни много ни мало целых четыре плана.

В чем же именно заключалась его работа?

Как и говорилось, мистер Блохх был консьержем преступного мира: его находили определенные личности с недобрыми намерениями, и он предоставлял им возможность воплотить их намерения — по сути он делал так, чтобы их дела благополучно устраивались. Если вы хотите проверить ограбление, похищение, что-то добыть, кого-то обыграть, даже если вы задумали убийство, но не знаете, как это сделать и не попасться, вы обращаетесь к нему. И тогда, если ему интересно, он предлагает вам договор. Подписывая его, вы становитесь «мистером Греем». Блохху не нужны деньги, он обменивает услуги на услуги.

Сейчас он корпел над делами одновременно четырех мистеров Греев, притом что один из них пока даже не догадывался, что он стал, собственно, мистером Греем.

«Можно открывать Клуб Греев», — с удовольствием подумал мистер Блохх.

«Новогодняя интрига» — так он называл то, чем занимался в эти мгновения. Это не обычное дело. Если все пойдет по плану, он, наконец, получит то, что так давно ищет. Мистеры Грей, сами того не зная, прямо в эту секунду приближали консьержа преступного мира к его собственной цели.

— Хм... легок на помине...

Штора отдернулась, и в общий зал «Злобб» вошел высокий человек, вынужденный уклоняться от низко висящих канделябров, чтобы не задеть их своим цилиндром.

Тяжелой гулкой походкой он подошел к столику мистера Блохха. Проскрежетав ножками стула по полу, мистер Грей отодвинул его, после чего грузно уместился напротив консьержа преступного мира.

— Что вы делаете? — спросил великан; в его голосе прозвучал едва уловимый рокот, похожий на отзвуки снежной бури.

— Прошу прощения?

— Что вы делаете, мистер Блохх, чтобы исполнить свою часть договора?

Мистер Блохх прищурился и втянул носом воздух: даже через шарф он чувствовал исходящий от мистера Грея запах сосновой хвои, а еще рядом с этим человеком ощущалось каминное тепло, будто внутри него ворочались и разгорались угли.

— Я как раз сейчас занимаюсь вашим делом, мистер Грей. Не стоит беспокоиться: цепи уже тянут маятники, и пока мы сейчас с вами разговариваем, все постепенно устраивается нужным нам образом.

— С трудом верится, — буркнул мистер Грей. — Как по мне, вы просто сидите в этом гадком кафе, потягиваете кофе и читаете газеты.

Мистер Блохх тяжело вздохнул. Ох уж эти мистеры Грей — у него еще не было ни одного заказчика, который просто доверился бы ему и позволил спокойно выполнять свою работу. Разве они не понимают, что пауку сложно сконцентрироваться на плетении нитей, когда приходит дядюшка-паук и начинает его поторапливать, при этом раздавая советы и причитая: «Ну кто же так плетет? Кто так плетет-то? Ни одна муха не попадется в такую сеть!»

— Мистер Грей, мне нужно, чтобы вы продолжали делать то, о чем я вас просил. Это важно.

— Я был велик, мистер Блохх! — глухо проговорил великан. — Меня боялись! Вы утверждаете, что вернете мне былое величие, но заставляете меня делать какие-то... глупые вещи. Я не понимаю...

«Разумеется, он не понимает. Они никогда не понимают...»

— Зачем это все? — Мистер Грей облокотился на стол, и тот затрещал.

Мистер Блохх чуть склонил голову, словно размышляя, после чего ответил:

— Чтобы вы вспомнили. Чтобы вы вновь стали собой. Разве вы ничего не почувствовали?

Мистер Грей задумался.

— Что ж, я не могу не признать, что размять кости, да и заняться старым делом было приятно, но все это просто нелепые игры в сравнении с тем, что я делал прежде.

— О, я наслышан о том, что вы делали прежде — как и все в Габене, — кивнул мистер Блохх. — Но не всё сразу. Сейчас мне требуется, чтобы вы всё вспомнили. Вы живете в этом городе уже... сколько?

— Тысячу лет! — прорычал мистер Грей, сжимая в ярости кулаки.

— Да, мне тоже порой кажется, что я здесь прозябаю тысячу лет. А на деле сколько?

— Двадцать восемь.

— Прошло почти три десятка лет с тех пор, как вы в последний раз... гм... выходили на дело. Ваши былые навыки заржавели, их нужно вернуть.

Мистер Грей склонился над столом. Он был так высок, что его разъяренное лицо приблизилось к скрытому шарфом и защитными очками лицу мистера Блохха почти вплотную. Консьержа преступного мира обдало настоящим жаром — словно он оказался у открытой печной топки.

— Все вернется, — процедил сквозь зубы клиент. — Как только я вновь ее заполучу. Я вновь стану собой. Без нее я слаб, я ничтожен... Они украли ее.

— Вы сами ее отдали.

Мистер Грей отстранился и опустил голову. Мистер Блохх был прав: он сам виноват в том, что произошло.

— Они меня обманули.

— Их работа обманывать. Но не стоит отчаиваться, мистер Грей. Я помогу вам — мы ведь заключили договор. Просто следуйте своей части, и вы ее вернете. Осталось совсем недолго...

— Это невозможно, — горестно простонал мистер Грей. — Я много раз пытался. Я не верю, что вам удастся то, что не удалось мне.

«О, эти сомнения... Они часто сомневаются во мне, но потом все неизменно рассыпаются в благодарностях...»

— Я специализируюсь на невозможном, мистер Грей, — сказал консьерж преступного мира, после чего сложил «Мизантрополис» и взял из стопки тремпл-толльскую «Сплетню». — Вам стоит продолжить исполнять свою часть плана. Вы ведь посетили еще не все адреса, я прав?

— Я посетил дюжину.

— Осталось еще три.

Мистер Грей поежился от холода в своем пальто, хотя в «Злобб» было довольно тепло.

— Я мерзну, — сказал он. — Я так замерз... И кажется, я простыл.

— Могу порекомендовать вам хорошего доктора.

Мистер Грей скривился и поднялся на ноги.

— Не подведите меня, Блохх.

Великан развернулся и пошагал к выходу, возле ширмы он столкнулся с еще одним мистером Греем, решившим посетить «Злобб» накануне Нового года.

Мистер Блохх вздохнул: это была самая утомительная часть его работы — убеждать, уговаривать, увещевать своих нанимателей, чтобы они продолжали следовать его плану. Разумеется, он мог все им объяснить, раскрыть все карты, но дело в том, что он не доверял ни одному из них.

Вошедший в общий зал мистер Грей был полной противоположностью своего предшественника. Щуплый, с торчащими в стороны локтями и жуликовато бегающими глазками — настоящий хитрец и проныра.

Подойдя к мистери Блохху, он уселся на стул и кивнул на газету в руках консьержа преступного мира.

— Что пишут?

— «Снежное происшествие на главпочтамте», — озвучил мистер Блохх. — Часовщика Блюмма ограбили, а еще кондитерскую «Промеллад». Свидетели утверждают, что видели целую армию вооруженных до зубов снеговиков.

Мистер Грей рассмеялся.

— Ну надо же! Впрочем, ничего удивительного: это ведь «Сплетня» — тамошние писаки все перевернут.

Мистер Блохх оставил его замечание без внимания.

— Ходят слухи, что в городе появилась новая злодейка, — сказал он, перевернув страницу.

— Думаете она сможет ободрать крылышки Зубной Фее?

— На данный момент я уверен, что нет, — ответил Блохх. — Но, насколько я могу судить, изобретательности и злости ей не занимать.

Мистер Грей огляделся по сторонам и едва слышно спросил:

— Что с нашим делом, мистер Блохх?

— Оно продвигается. И спешу вас заверить, оно продвигается с той скоростью, с какой и запланировано.

Мистер Грей нахмурился. Консьерж преступного мира был готов к этому: эти Греи все одинаковые.

— Вероятно, сейчас вы начнете выражать накопившиеся у вас сомнения касательно моей работы, мистер Грей, — утомленным голосом проговорил он.

Собеседник покачал головой, чем удивил мистера Блохха:

— Напротив. Я всецело вам доверяю.

— Тогда в чем дело?

Мистер Грей нехотя признался:

— Это очень рискованное предприятие и...

— Только не говорите, что вы решили все отменить...

— Ни в коем случае, но...

— Вы боитесь.

— Разумеется, — прошипел мистер Грей. — Это безжалостные люди, и если они прознают о моем участии...

Мистер Блохх прервал его:

— Следуйте плану, и, когда все свершится, ваше участие будет последним, о чем они станут думать.

Собеседник будто не услышал:

— Представить страшно. То, что мы задумали...

Мистер Блохх приспустил шарф на шею и сделал глоток из чашки. Его клиент поморщился, отметив почти полное отсутствие как подбородка, так и губ на выбеленном, без единой кровинки, лице.

— Хладнокровие, мистер Грей, — сказал консьерж преступного мира, поставив чашку на стол. — Все идет своим чередом: скоро все фигуры займут свои места на доске. Скоро все нужные мысли поселятся в определенной голове. Как мы и задумали...

— Мне кажется, разбросанных нами намеков недостаточно, — задумчиво проронил мистер Грей.

— Будет еще один, — уверил его мистер Блохх. — Самый главный. Те, что мы уже посеяли, уже прорастают — благодатная почва приняла их. Осталось лишь немного подождать, и тогда росток идеи прорастет. Ждите, мистер Грей. Ждите и продолжайте следовать плану. И постарайтесь не выдать себя.

Мистер Грей закивал.

— Все идет своим чередом... — продолжил Блохх, и его голова затряслась, белая кожа будто бы начала усыхать, уголки рта расширились и поползли черными трещинами к гладким впалым щекам. — Все... идет... следовать... плану... и ни один кукольный театр больше не сгорит... Шапиро нам не помешает...

— Что? — Мистер Грей ничего не понимал — его собеседника вдруг будто охватило какое-то помешательство.

— Нужно следовать плану... следовать... маятники...

— Какой еще кукольный театр? — опасливо отстранившись, спросил Грей. — Что за Шапиро?

Мистер Блохх вздрогнул: «Откуда он узнал?»

Приступ улегся. Так же внезапно, как и начался.

— Вы о чем? — спросил он, вернув шарф на место.

— Вы сказали, что ни один кукольный театр больше не сгорит, — недоуменно пояснил Грей. — И упомянули какого-то Шапиро. Не припомню, чтобы это имя звучало прежде, когда мы разрабатывали план.

Мистер Блохх застыл. Он не помнил, чтобы говорил такое.

— Так, мысли вслух. Не обращайтесь внимания.

Мистер Грей поверил. Или сделал вид, что поверил. Он поднялся.

— Мне пора. Час до полуночи?

— Час до полуночи.

Мистер Грей направился к выходу. Блохх задумчиво глядел ему вслед.

«Что это было? Почему я сказал о кукольном театре? Почему упомянул этого треклятого Шапиро?»

Он отложил газету и потер виски. И тут почувствовал странное недомогание. Защитные очки сдавили голову. На миг консьерж преступного мира позабыл обо всех своих планах.

— Тише... тише... — Мистер Блохх сделал несколько глубоких вдохов — воздух едва проникал через шарф, и он снова его опустил.

«Кукольный театр... Шапиро... Как они пролезли? Как они смогли выбраться из глубин моих мыслей наружу?»

Он достал из кармана куклу Человека-в-красном, усадил ее на стол перед собой.

Думая о произошедшем в Заплатном переулке, мистер Блохх распался все сильнее. Почему он вообще так отреагировал на этого кукольника? Ведь дело вовсе не в зависти. Что

же тогда заставило его преподавать Шапиро урок?

Это на него было непохоже, почему он вышел из себя? Зачем он подкараулил Шапиро? Зачем сжег его театр и убил его кукол?

— Что произошло в Заплатном переулке на самом деле? — прошептал он, не сводя глаз с марионетки Человека-в-красном.

Кукла промолчала.

— Почему этот бездарь вдруг всплыл в разговоре с Греем? Почему он все еще не забыт, как устаревшая сплетня? Что я упустил?

Преисполненный высокомерия и фанаберии Шапиро! Как он вел представление, как он демонстрировал зрителю свое выдуманное великолепие, как наслаждался собой...

Манерник — что с него взять. Настоящий кукловод должен быть скрытником, и никак иначе: лучшее представление, лучшая постановка — та, которую нипочем не отличишь от реальной жизни. Нельзя выдавать зрителю движения пальцев, нельзя демонстрировать механизмы контроля и управления, и ни за что, ни при каких обстоятельствах нельзя участвовать в своем представлении, иначе манипулятор и комбинатор станет всего лишь очередным актеришкой на деревянной сцене. Настоящее мастерство в том, чтобы куклы не просто казались живыми, но жили по-настоящему. А манерники — эти презренные ничтожества с амбициями непризнанных актеров — занимаются тем, что день за днем выдают всем вокруг секреты ремесла. «Эй! Я ведь тоже тут! Смотрите, как я отыгрываю! Правда, я тоже талантливый лицедей?! Ну же... ну! Еще ужимок? Больше кривляний?»

Жалкое зрелище. И хуже всего то, что некоторые из них убеждены в своем гении, они просто без ума от себя самих, от своей позы, своих движений.

Мистер Блохх считал, что гордыня — это худший из пороков, и при случае старался безжалостно наказывать тех, кто ей поддается. В этом и заключался его урок: если ты задираешь нос, кто-то непременно оторвет его. Он все сделал правильно и несомненно сделал бы это еще раз.

И все же... почему произошедшее не отпускает его? Почему он все еще думает о Шапиро? Почему он...

И тут его посетила догадка. Неприятная, мерзкая, как мокрица за шиворотом, догадка. Глядя на куклу, он вдруг понял: «Потому что я точно такой же? Потому что кукольник Гудвин — вовсе не скрытник, которым он хотел себя видеть?»

Мистер Блохх закрипел зубами. Это правда. Он не просто манерник, который принимает непосредственное участие в своих спектаклях, прикидываясь одной из кукол, он — ярчайший пример манерника. Да если задуматься, Шапиро со своими амбициями ему и в подметки не годится: все лица Блохха, все его роли — он не может не присутствовать в гуще событий, он сам бродит по авансцене в шутовском колпаке с деревянным мечом!

«Это слабость... Это моя собственная спесь... моя манерность. Как же я ненавижу это... как же я ненавижу... себя».

Все встало на свои места. По сути он велел избить не Шапиро, он велел избить в его лице презираемого себя.

— Что смотришь, маленькая дрянь? — прорычал он и схватил куклу Человека-в-красном.

«Зачем я тебя забрал?» — подумал мистер Блохх — он и правда не знал. Это был сиюминутный порыв или за ним скрывалось нечто большее?

Глядя на куклу, он не мог не признать, что она сделана чрезвычайно искусно,

костюмчик пошит так умело, что болванчик похож на маленького человека. Ткань камзола и колпачка, если приглядеться, не просто однотонная, но покрыта тончайшей вышивкой-узором, что прибавляет кукле «объема». Деревянные детали выточены и прилажены по технике доктора кукольных наук Дапертутто — Гудвин и сам когда-то давно такой пользовался. Что там с шарнирами?

Мистер Блохх задрал штанинку Человека-в-красном.

— Пружинный метод Полетто, — пробормотал он, нахмурившись. — Медная проволока и крючки-восьмерки. Прямо, как у моих чемоданных кукол.

Чем дальше мистер Блохх разглядывал марионетку, тем сильнее она ему не нравилась. Что-то с ней было не так. Такое ощущение, что...

— Я уже когда-то видел этого болванчика...

Он перевернул куклу и принялся разглядывать крепления нитей. Провел пальцем по крестовине-ваге, отдельное внимание уделил подвижному коромыслу для управления ногами деревянного актера — подумать только, он и сам крепит нити таким образом: с петлями для мизинцев.

— Гм... этого не может быть...

Он провел пальцем по узелку на спинной нити. Благодаря этому узлу, баланс во время хождения улучшается.

— Это мой личный секрет! Откуда проклятый Шапиро вызнал его? Он не просто заявился в Габен без разрешения, так еще и украл мою технологию?!

Мистер Блохх был в ярости. Он уже ничего не понимал. Шапиро. Кто он такой? Откуда взялся? Как он смог выкрасть секрет? И самое главное...

— Где я мог раньше видеть эту куклу?

Потрясенный внезапно посетившей его догадкой, мистер Блохх поспешно расстегнул камзол Человека-в-красном, перевернул болванчика и застыл. Сердце дрогнуло...

На деревянной спине куклы стояло клеймо — и не просто клеймо какого-то там кукольника, который изготовил этого болванчика. Там чернел личный цеховой знак: «Г-н Г-н».

— «Господин Гудвин», — прошептал он. И вдруг в памяти всплыла картина: нож взрезает деревянную заготовку, прорисовывается лицо Человека-в-красном, игла подшивает этот самый камзол. Нож и игла в его собственных руках!

— Это я... я тебя сделал. Давным-давно...

Вот почему он забрал у Шапиро Человека-в-красном! Да потому, что он узнал в нем одну из своих первых кукол! Но как...

— Как ты оказался у Шапиро?

Мистер Блохх поморщился и неожиданно почувствовал, как заболел лоб... и скулы, и нос, и глазницы... а еще заболели ребра.

— Да что же это такое?!

Он зажмурился. И в мыслях вернулся в Заплатный переулок. Вот только на этот раз все предстало вовсе не так, как он помнил прежде. Вот и он! Лежит на снегу, а кулак мистера Паппи несется к его лицу. Рядом прыгает ничего не понимающая Карина, за ней волочится поводок. И нет никакого Шапиро. Лишь Гудвин...

Он открыл глаза.

— Шапиро... Это я...

И тут он окончательно все понял. Он вспомнил, как много лет назад придумал этот

псевдоним — вместе с ролью кукольника. Еще до того, как стал Гудвином. «Шапиро и папперетки». Но этот образ был недоработан, в нем крылся изъян. И ему на смену пришел скрытник Гудвин из переулка Фейр. Но почему Шапиро вернулся?

— Почему я вспомнил его и стал им? Этого не было в планах...

Мистер Блохх положил куклу на стол.

— Это урок... — прошептал он. — Я преподавал урок себе. Я ненавижу манерников и в то же время... желаю греться в лучах славы среди актеров. Все те личности, которыми я прикидывался, это ведь шедевры. Настоящие, подлинные жизни. И я сделал их своими руками, я воплотил их...

Мистер Блохх заглянул внутрь себя. Это противоречие разрывало его на две части. Манерник и скрытник... они пытались завладеть им — обоими он хотел быть в одно и то же время, не понимая, что это невозможно.

Блохх покачал головой.

Это уже не шутки, раз это противоречие заставило его поставить одну сценку на ярмарке, а потом другую — в Заплатном переулке.

Нужно выбрать. Что-то одно. Но что? Выйти за рамки ящика и продолжить лично подталкивать прочих в спины, ощущая их эмоции собственной кожей? Или уйти в настолько глубокую тень, что он попросту растворится в ней?

Если он не выберет — его сознание распадется, противоречие попросту сведет его с ума.

Сходить с ума в его планы пока что не входило.

— Кто же я? Манерник или скрытник?

И тут Человек-с-сотней-лиц осознал, что на самом деле никакого выбора перед ним не стоит.

— Я знаю, кто я такой. Я...

Глава 5. Праздничная передовица

«НАСТОЯЩАЯ ЗЛОДЕЙКА ИЛИ ПРОСТО ПШИК?»

Дорогие жители Габена! Многие из вас, вне всякого сомнения, уже слышали, что в Тремпл-Толл не так давно (едва ли не этим утром!) объявился новый злодей!

Разумеется, наше издание (горячо любимая всеми “Сплетня”) не могло пройти мимо, промолчать и не коснуться липкими пальцами этого, возможно, занимательного события. Дабы развить сплетни, укоренить слухи и усилить пересуды, мы (Редакция в лице Б. Трилби) расскажем вам обо всем, что нам известно на данный момент.

Уже ограблены “Салон карманных часов Блюмма” и еще пара чуть менее уважаемых мест. По имеющимся у нас сведениям (которым можно доверять), снежный кавардак, произошедший этим утром в здании главпочтамта, о котором мы сообщали ранее, — также дело рук упомянутой личности.

Жертвы ограблений и нечаянные свидетели утверждают, что за указанные бесчинства ответственны некая мисс и ее банда (по заверениям некоторых очевидцев, так и вовсе небольшая армия) снеговиков.

Если вам вдруг показалось, что вы прочли неверно, поскольку либо вы, либо наш редакционный наборщик перебрали черничной настойки, то мы с радостью повторим: грабительница была замечена в обществе нескольких угрожающего вида снеговиков.

Подобного в нашем городе еще не бывало, это правда! Но насколько это удивительно? Насколько неслыханно?

Давайте же разберемся.

На месте своих бесчинств злодейка оставляет праздничные открытки, подписанные “Зои Гримм”. Упомянутая мисс Гримм даже не придумала себе достойного злодейского прозвища, что для Габена — крайне несерьезно.

В нашу редакцию с самого утра поступают сведения от жителей Саквояжного района: живых снеговиков видели множество раз. Они ведут себя, как отпетые шушерники, грубят и даже нападают на полицейских.

Нам удалось получить официальный комментарий из Дома-с-синей-крышей. Старший сержант Гоббин заявляет: “Прежде, чем мои парни вышвырнут вас вон, Трилби, зарубите на своем пронырливом носу: полиция Тремпл-Толл осведомлена о проделках дерзкой грабительницы. Мерзавка не знает, с кем связалась! Еще до вечера эта дрянь и ее преступные снеговики будут схвачены!”

Тем временем в редакцию приходят многочисленные вопросы от читателей. Кто такая эта Зои Гримм? Откуда она взялась? Состоит ли в Обществе Злодеев Габена?

На все это лишь предстоит ответить, ну а пока редакция настоятельно советует жителям Тремпл-Толл не спешить пугаться или восторгаться.

Зои Гримм, видимо, полагает, что можно совершить пару скучных краж, попасть на передовицу нашей любимой “Сплетни” и при этом не оказаться пропеченной до костей едким слогом ведущего репортера издания, вашего лучшего друга и просто приятного парня Бенни Трилби.

Но не тут-то было!

Бенни Трилби (т. е. я) уже надел поварской колпак и взял лопаточку для отбивных

(образно выражаясь, естественно).

Пока что Зои Гримм больше похожа на “пишик” (см. заголовок), чем на “настоящую злодейку”. Она действует мелко, и, по мнению “Сплетни”, ее имени вскоре суждено раствориться среди имен рядовых грабителей и уличной шушеры Тремпл-Толл — оно попросту забудется. Ее так называемые “злодеяния” (кавычки не случайны) не идут ни в какое сравнение с настоящими злодеяниями таких мэтров преступного мира, как Пуговичник, Могильный Червь или Человек-из-Льотомна. Ограбить часовой салон — далеко не то же самое, что ограбить, к примеру, банк Ригсбергов. Мы считаем, что Зои Гримм вряд ли способна на большее, и пока что ее ограбления навевают скуку. Ни о какой “крупной рыбе” не идет речи. В этом пруду она — лишь ничем не примечательная крошечная пиранья среди дюжин таких же незначительных рыбешек.

Читателя, вероятно, интересует, чего еще ждать от Зои Гримм и от ее снеговиков, но мы (Бенни Трилби и Редакция) полагаем, что ничем Зои Гримм нас уже не удивит и уж тем более не поразит.

Мы продолжим освещать новости, связанные с этой пока-еще-не-злодейкой (если нам будет интересно). Ну а до тех пор нас всех ждут более существенные события и любопытные новости.

Между тем мы напоминаем вам, что уже совсем скоро выйдет “Праздничная передовица”. Вместе с остальными жителями Тремпл-Толл мы, затаив дыхание, ожидаем двух часов дня, когда станет известно имя счастливчика.

Традиция “Праздничной передовицы” — вот новость, которая заслуживает вашего внимания.

Как бы нам ни было грустно констатировать, но имя Зои Бримм (или как там ее зовут) вряд ли снова окажется на этих страницах.

*Не ловите мух, следите за новостями!
Бенни Трилби»*

2 часа дня. 10 часов до Нового года.

Канун Нового года в Габене, а особенно в привокзальном районе Тремпл-Толл, который чаще всего называют просто Саквояжным районом, всегда полон сумбура и неразберихи. Но это не обычная угрюмая габенская неразбериха, а самая что ни на есть праздничная кутерьма.

В Тремпл-Толл не протолкнуться. Улицы пропахли грогом и выпечкой. Кругом все гудит, звенит, скрипит и фыркает. Все спешат, пока не закрылись лавки, пока не растащили самых жирных гусей (или самых жирных крыс — если вы обитатель окрестностей канала).

У стены Рынка-на-подошве со своими елками разместился мистер Макфи. У него можно найти всё: от прекрасного, разлапистого «Счастливого дерева» за целую сотню фунтов до похожего на вашу нетрезвую престарелую тетюшку «Мусорного дерева» за двадцать пять фунтов и сорок пенсов. К наступлению темноты все елки мистера Макфи будут раскуплены...

Больше всего шума стоит, разумеется, на площади Неми-Дрё.

Колокольчики на дверях лавок и мастерских звенят, не замолкая. Гудят и трясутся трубы пневматической почты. Для пересыльщиков из Почтового ведомства сегодня самый тяжелый день: от количества отправляемых капсул у них дымятся головы — и это не образное выражение.

Экипажи толкутся в заторах, и в заснеженный воздух вырывается безудержное клаксонирование. Тут и там можно заметить велоциклы, груженные коробками с подарками...

Во всей этой суматохе один из экипажей, кэб мистера Граппи, едва полз, чем вызывал закономерное раздражение сидящего в салоне пассажира.

Но вот наконец упомянутый кэб не иначе как с помощью пресловутого Новогоднего чуда выбрался из затора. Подъехав к тротуару, он выпустил облако пара и остановился.

К экипажу тут же подбежали два тощих типчика в узких ношенных пальто и покрытых снегом шляпах. Отталкивая друг друга локтями и сложенными зонтами, они попытались открыть дверцу и помочь выбраться из экипажа важному пассажиру, но добились лишь того, что один за другим рухнули в снег. В попытках подняться на ноги они принялись хвататься друг за друга, но это привело лишь к тому, что они снова упали. К шуму площади Неми-Дрѐ добавились совсем не праздничные брань и проклятия.

С самодовольной усмешкой мимо трепыхающихся в снегу типчиков прошел человек в клетчатом пиджаке и в галстучке-бабочке. Он раскрыл зонт, который держал в руке, и открыл дверцу кэба.

На тротуар не без труда выбрался довольно толстый господин в пальто и высоком цилиндре.

— Добрый день, сэр, — поприветствовал человек с зонтом толстяка, услужливо подавая ему руку.

— Ничего в нем нет доброго, — пропыхтел тот. — Ненавижу канун Нового года.

— Я знаю, шеф.

— Ничего ты не знаешь, Бенни...

Толстяк бросил раздраженный взгляд на по-прежнему борющихся в снегу газетчиков. Ни один не желал помочь (или хотя бы позволить) другому подняться.

— Хатчинс, Уиггинс, может, прекратите безобразничать?! — прикрикнул на них хмурый джентльмен. Оба тут же поднялись на ноги и принялись отряхиваться от налипшего на одежду снега.

— Да, шеф.

— Простите, шеф.

Шеф лишь раздраженно дернул щекой и двинулся ко входу в редакцию газеты «Сплетня». За ним неотступно последовали три его лучших (или худших — смотря с какой стороны глядеть) подчиненных: Хатчинс, Уиггинс и Бенни Трилби, как и прежде, удерживающий зонтик над головой начальства.

— Он еще не прибыл? — спросил шеф.

— Нет, сэр, — ответил Бенни Трилби. — Ожидаем с минуты на минуту.

Шеф бросил взгляд на круглые часы над дверью редакции. Без пяти два.

— «С минуты на минуту», — пробурчал он. — Что за нелепое выражение?! Почему не сказать «Он должен появиться через пять минут» или «Мы не знаем, когда человек Моргрейва появится, потому что он всегда приходит, когда ему заблагорассудится». «С минуты на минуту», тоже мне...

— Да, сэр, — поддакнул Хатчинс. — Вы правы, сэр: Трилби и сам не знает, что несет!

— Может, заткнешься? — огрызнулся Бенни Трилби.

— А может, ты?

— Я по почте вышлю тебе уведомление: «Отвечают тем же только идиоты». Жди в ближайшее время.

Перепадка подчиненных разозлила и без того пребывавшего не в духе шефа. Обычно ему доставляло удовольствие слушать, как эти олухи грызутся, и наблюдать, как они соперничают, пытаясь заполучить его внимание и расположение, но сейчас их мельтешение действовало на нервы. Еще бы: свежий выпуск должен отправиться в тираж всего через пять минут, а у них еще нет Праздничной передовицы! Помимо прочего, в Габене появилась новая злодейка, и у них нет о ней практически никакой информации. Кроме открыток с именем, которые остаются на местах ее преступлений, и несуразных абсурдных заявлений потерпевших о том, что на них, мол, напали... снеговика.

— Что у нас насчет Зои Гримм? — спросил шеф.

Бенни Трилби сложил зонтик и поспешил открыть дверь перед господином главным редактором.

— Я как раз этим занимаюсь, сэр.

— Он врет, сэр! — вставил Уиггинс. — Он с утра дрых за своим столом. Впрочем, как и всегда. А потом ходил на обед!

— Подтверждаю, сэр! — вставил Хатчинс. — А Уиггинс вообще явился только полчаса назад. А еще он пьян: понюхайте сами, сэр! От него разит «Понтабрюхом»!

— А вот и нет! — попытался защитить свою и без того запятнанную честь Уиггинс. — Это не «Понтабрюх», а «Горринус», вообще-то.

— Уймись уже! — прикрикнул господин редактор, кряхтя поднимаясь по заставленной ящиками и коробками лестнице. — Вы — проклятые бездари! Сплошное разочарование! Так и не придумали до сих пор злодейское прозвище для Зои Гримм! Или вы хотите называть ее по имени в статьях?! Какая пошлость! Какая банальщина! Фу, фу и еще раз фу!

— Мы предлагали варианты прозвища, но вам все не нравится, — оскорбленно пробурчал Уиггинс. — А между прочим, я придумал очень хорошее прозвище! «Мисс Снеговик»!

— Нет, это чушь, — бросил Хатчинс. — Она же не сама снеговик, а только командует снеговиками. Если верить слухам, а мы им верим, потому что наша газета называется «Сплетня». Мое прозвище намного лучше. «Снежная Воровка»!

— Глупость несусветная, — поморщился Бенни Трилби. — Прозвище для мисс Гримм, которое находится у меня в разработке, намного лучше. Оно емкое, звучное и хлесткое, как... как...

— Как твое вранье, — вставил Уиггинс. — Все знают, что ничего ты не придумал и не придумываешь... И вообще, гляди-ка, чтобы этот сюжетец не упорхнул из-под твоего носа, как история Человека-из-Льотомна.

— Я тебя предупреждаю, Уиггинс, — зашипел Бенни Трилби, — еще слово об ограблении банка Человеком-из-Льотомна, и я за себя не ручаюсь!

Газетчика было легко вывести из себя упоминанием сенсационного и, по его мнению, лучшего в его жизни репортажа, который он написал и подготовил к выпуску, но который отклонили за мгновение до передачи в печать. По его собственному мнению, его

бессовестно заткнули — банкиры не могли допустить, чтобы он во всех подробностях рассказал о том, как их унизили. И одна мысль об этом приводила его в ярость.

Уиггинс знал, чем поддеть коллегу, и Бенни Трилби пообещал себе утереть нос этому пройдохе. Когда он допишет статью, над которой сейчас работал, тому не останется ничего иного, как искушать себе все локти от досады...

Господин редактор и три его главных пираньи пера между тем поднялись в печатный зал, сразу же погрузившись в стук клавиш пишущих машинок и дым от дешевых папиреток. Их появления, вроде как, никто не заметил. Вроде как — поскольку каждый их шаг сопровождал прищуренный взгляд двух темных глаз.

— Вот я и говорю: бездари, — продолжил шеф. — Зои Гримм совершила уже четыре ограбления, влезла в ювелирную лавку «Марионн» и опустошила «Салон карманных часов Блюмма». И все это за один только день!

— Восхитительно! — поддакнул Хатчинс. — Для нас, разумеется...

— Флики в ярости, — поддержал Уиггинс. — Мой источник из Дома-с-синей-крышей сообщил, что на Полицейской площади все стоят на ушах. Зои Гримм ловко водит полицию за нос и, очевидно, не собирается останавливаться. Предполагаю, что прямо сейчас она готовит новое злодеяние.

— Предположений недостаточно, — отрезал шеф. — Нужны факты. Но в первую очередь мне нужно шикарное прозвище для Зои Гримм. Если ничтожества из «Габенской Крысы» нас опередят, я вас всех выгоню и не поморщусь, ясно вам? Именно в этих стенах были придуманы прозвища самых великолепных и ужасных преступных личностей в этом городе. «Человек-из-Льотомна», «Мистер Спичка», «Некромеханик», «Зубная Фея», «Пуговичник», «Блоха-из-крыш», «Мистер Тик-Так» и прочие...

Троица репортеров дружно повесила носы — даже никогда не унывающий Бенни Трилби. Шеф был прав.

Уиггинс открыл дверь кабинета господина редактора, и они вошли.

В кабинете у стола, напоминая отделившуюся от хозяина тень, стоял, сложив руки за спиной, человек в черном костюме и шляпе-котелке. Бледное, словно неживое, лицо застыло, вошедших встретил пустой, лишенный эмоций взгляд.

— Э-эй, вы же говорили, что его еще нет, — сквозь зубы процедил шеф, обращаясь к подчиненным.

— Видимо, прошмыгнул, пока мы вас встречали.

Человек господина Моргрейва (никто в редакции «Сплетни» не знал, как его зовут) коротко кивнул господину главному редактору.

— Все готово? У вас есть имя для Праздничной передовицы? — прошелестел он тихим голосом, от которого повеяло холодом и сыростью.

Бенни Трилби поморщился — этот тип ему крайне не нравился: во всей его тщедушной фигуре, в его ссутуленной позе и неподвижном лице ощущалось нечто недоброе. А еще Бенни испытывал профессиональную неприязнь к таинственности. Этот же мистер был ею пропитан.

Даже шеф держался с человеком господина Моргрейва настороженно.

— Имени еще нет. Будет, — он сглотнул, — с минуты на минуту...

— Какое странное выражение, — сказал человек господина Моргрейва. — Я не понимаю его. Почему бы нам не узнать имя прямо сейчас?

Господин главный редактор кивнул и направился к своему столу. Перещелкнул рычажок

в столешнице и склонился к переговорному рожку:

— Внимание! Внимание! Сплетники, всем внимание! Сейчас мы узнаем имя!

Даже из кабинета было слышно, как редакция затихла. Трилби переглянулся с Хатчинсом и Уиггинсом. Репортеры замерли в ожидании.

Шеф подошел к большой овальной двери, к которой вела толстая проклепанная труба. Повернув штурвальное колесо, он открыл дверь и в следующий же миг отскочил на пару шагов назад с невиданной для его комплекции прытью.

И вовремя! Если бы он остался стоять на месте, его непременно завалило бы вывалившейся из-за двери горой писем.

— Их еще больше, чем в прошлом году! — восторженно воскликнул Хатчинс.

Это была правда. Прилежавшая к кабинету господина редактора комнатка была до самого потолка заполнена письмами. Там были сотни, тысячи конвертов: дорогих, с дирижабельными марками, и простеньких, совсем без марок.

— Радует, что так много людей в Тремпл-Толл поддерживают Новогоднюю традицию поздравлений, — довольно хмыкнул господин редактор. — Вы счастливы? — он повернулся к человеку господина Моргрейва.

Выражение лица человека Моргрейва говорило о том, что он в одном шаге от потери чувств от восторга. В одном шаге, где этот шаг — перестать быть безразличным человеком и бездушным исполнителем воли своего хозяина.

— Можно побыстрее? — проскрипел он. — Мне еще нужно вернуться в Сонн и сообщить господину Моргрейву имя.

Шеф кивнул: он знал, что Моргрейв не читает письма и всегда ждет личного доклада от своего человека. В первый раз, около десяти лет назад, его это удивило, но сейчас он лишь пожал плечами, после чего склонился к выпавшим из комнаты письмам и, засунув руку в кучу поглубже, выбрал одно.

Господин редактор подошел к переговорному рожку.

— Сплетники! У нас есть имя!

Шеф набрал в легкие побольше воздуха и торжественно проговорил:

— В этом году на шикарный Новогодний ужин в особняке нашего благодетеля, господина Моргрейва, приглашается... Тилли Беррике из квартала Странные Окна.

Печатный зал, бандерольная и линотипная взорвались аплодисментами. Зазвучали поздравления для Тилли Беррике.

— Тише-тише! — шеф призвал редакцию к порядку. — Нам нужно прочитать поздравление!

Он открыл конверт и, дождавшись, когда страсти улягутся, прочитал:

— *«Я хачу пасдравить с Новым годом маму, папу и сваего песика Быдля и всех добрых людей Тримптол. Тилли Беррике, семь лет».* Что ж, у нас есть поздравление для Праздничной передовицы. Мистер Бойд, перепечатайте с сохранением грамматики и пунктуации. Здесь... гм... пять ошибок, но мы не правим праздничные поздравления. В номер! В номер!

Господин редактор передал письмо Уиггинсу, и тот опрометью бросился к выходу из кабинета. Шеф снял пальто и цилиндр и повесил их на вешалку.

— Господа. — Человек Моргрейва кивнул и без лишних слов покинул кабинет. Но неприятное ощущение от его присутствия никуда не делось.

— Какая хорошая традиция, — сказал шеф, опускаясь в свое кресло и оглядывая стол в

поисках портсигара. — Остается надеяться, что господин Моргрейв хоть чуточку более душевный, чем его помощник.

Бенни Трилби и Хатчинс, не сговариваясь, кивнули.

Традиция Праздничной передовицы принесла в угрюмый и хмурый Тремпл-Толл немного добра и надежды. Поздравление на главной странице «Сплетни»! Об этом мечтали все в Саквояжном районе: от мальчишки — чистильщика обуви до грубияна-констебля. Ведь к нему прилагался настоящий праздничный ужин! И не где-нибудь, а в благополучном районе Сонн, в особняке богача!

Нужно было только написать поздравление в письме, а указанное письмо отправить в редакцию до полудня в канун Нового года. И тогда судьба, или, вернее, рука господина редактора выберет счастливого...

— Возвращаемся к работе, господа, — сказал шеф.

Трилби и Хатчинс направились к двери.

— И Бенни, придумай уже злодейское прозвище для Зои Гримм!

— Да, сэр!

Репортеры удалились, а господин редактор поджег сигару и затянулся. Откинулся на спинку кресла — дело сделано, нужное письмо попало к адресату — самое время вздремнуть...

Мог ли он знать, что вскоре ему станет не до сна, поскольку в этот самый момент некая беспрозвищная злодейка готовила очередную подлость. Все это время, пользуясь стоявшей в редакции суматохой, она сидела в печатном зале и с удовольствием уплетала краденный шоколад.

Когда стало известно имя счастливицы, Зои Гримм с широкой улыбкой и коварством во взгляде поднялась со стула Бенни Трилби и двинулась к выходу из печатного зала. Она не была бы собой, если бы не оставила «поздравление» этим нелепыми газетчикам. Подумать только: они до сих пор не придумали ей прозвище!

Выйдя под снег и разматывая клубок ниток, она направилась к трамвайной станции, где ее ждал мистер Пибоди.

— Бойся и плачь, Тилли Беррике, — усмехнулась она. — Я украду твой праздничный ужин у господина Моргрейва. Это будет лучшим злодейством. Или вернее, худшим! Ха-ха! Украсть новогоднюю традицию! Об этом будут говорить в Тремпл-Толл еще месяц!

Глава 6. Три круглых окна

В дымоходах выл ветер, и огонь в камине дрожал.

Каролина вязала платье — спицы так и мелькали в ее изящных механических руках. Вокруг кресла, в котором она сидела, громоздились комья зеленых и красных шерстяных ниток.

— Госпожа, — проскрипела Каролина, — вы грустите?

О, этот живой манекен умел считывать эмоции лучше живых людей. Госпожа, и правда, грустила.

— Я же просила не называть меня так, — тихо сказала Полли Уиннифред Трикк.

Она стояла у большого круглого окна своей квартиры в мансарде на улице Пчёл и глядела на канал Брилли-Моу.

За окном все было белым-бело. По глади заснеженного канала лениво ползли пакетботы, а простирающийся на противоположном берегу Блошиный район словно впал в спячку. Там не светилось ни одного огонька и даже из дымоходов не поднимались струйки дыма. Такое чувство, что в Фли что-то затевалось...

Часы пробили восемь. До Нового года осталось четыре часа. Скоро этот мерзкий, кошмарный год закончится...

Полли поморщилась. Чего только не произошло с ней с того момента, как она ступила на платформу «Дурчинс» вокзала Габена. Столько воспоминаний... В Льотомне, откуда она сюда приехала, существовала традиция записывать воспоминания и отправлять их друзьям и родственникам в открытках, но в этом студеном и мрачном месте было принято глотать воспоминания, проталкивая их поглубже в душу, где они и гнили, постепенно разлагаясь и отравляя своего хозяина изнутри.

Этот город изменил ее. Подчинил, сделал частью себя — чем-то вроде ржавого гидранта, покосившегося фонарного столба или старой афишной тумбы с клочками оборванных афиш. Полли Уиннифред Трикк больше не была странным, чудаковатым, но забавным и искрящимся задором пришельцем из Льотомна. Теперь она — это потертая, множество раз сломанная и неладно починенная кукла, созданная в каком-то темном, пропитанном злобой и горечью закоулке Габена.

— Это все близость Нового года... — прошептала она своему отражению в стекле. — Все мы немного не в себе...

Воспоминания ничем не лучше прожорливых тварей из Ворбурга — они сперва заманивают, цепляют на ностальгический крючок, а потом лакомятся наивным дурачком, который решил, что отыщет в прошлом какие-то ответы или увидит людей, которых давно нет. Нельзя поддаваться воспоминаниям...

Полли услышала звук шагов на этаже и извечно хмурое, слегка нетрезвое ворчание. Это ее механик — он вот-вот зайдет в мансарду и сообщит, что к погружению все готово...

— Еще кофе, мэм? — раздался голос над головой, и Полли, вздрогнув, пришла в себя.

Пока что она была не в квартирке на улице Пчёл, и до вечера еще далеко — Полли сидела в кресле и глядела в бортовой иллюминатор дирижабля «Бреннелинг». Время близилось к двум часам дня...

— Прошу прощения? — спросила Полли, подняв взгляд на человека в потертой вишневой форме с блеклыми медными пуговицами.

— Желаете еще кофе, мэм? — с унылым видом повторил стюард.

— Будьте любезны.

— Кофе с корицей, два кубика сахара?

Полли кивнула, и стюард уже развернулся было, чтобы отправиться исполнять заказ, когда она его остановила:

— Мы скоро прибудем?

Стюард на миг задумался, после чего сообщил:

— Через двадцать четыре минуты, мисс.

— Благодарю.

Стюард удалился, и Полли снова осталась одна — наедине со своими мыслями. Она бросила тяжелый взгляд на лежащие в кресле напротив две небольшие коробки в праздничной обертке, перетянутые лентами: та, что поменьше (ярко-красная коробка с зелеными лентами) предназначалась для мальчика по имени Джаспер — он несомненно будет в восторге от того, что скрывается внутри; ну а коробка побольше (в черной оберточной бумаге с черными лентами) содержала подарок для дядюшки Джаспера — Полли была уверена, что подарок приведет его в не меньший восторг, хотя этот никогда не улыбающийся джентльмен несомненно не подаст виду и состроит на лице свое коронное снисходительно-разочарованное выражение.

Она во всех красках представила, как вручает им подарки, и ее руки задрожали от волнения. На деле вряд ли ей удастся передать им подарки — разве что прикинуться Человеком-в-красном и спустить их по дымоходу или подбросить под дверь, постучать и убежать. Они не хотят ее видеть: в доме № 7 в переулке Трокар ей не рады.

Почувствовав, как горечь заполняет горло, Полли отвернулась и снова уставилась в иллюминатор.

Снег был прекрасен — в Льотомне снега не бывает, и сейчас один его вид будто бы возвращал ее в детство, в ту зиму, когда они с мамой полетели на далекий север, к кузену мамы Леобарду Трикку. Дядя Лео жил в городе на дальнем севере, где всегда зима и всегда идет снег. Она на всю жизнь запомнила ту поездку: тот старый скрюченный дом на улице Трумм, крошечный ржавый дирижабль на заднем дворе, злобную лысую консьержку, но самое главное... она запомнила те сны, которые ей снились, когда она засыпала в квартире дяди Лео — о странных причудливых существах, «которые прикидывались птицами, которые прикидывались людьми», о пугающей и великолепной соседке, мадам Кларе Шпигельрабераух. Подумать только, столько лет прошло, а она до сих пор помнит ее сложное, труднопроизносимое имя...

Снег преобразил Габен. Город стал походить на уютную праздничную открытку, он словно укутался в пышное белое одеяло. Габен больше не выглядел, как мерзкое, хмурое, гадкое место, в котором обретаются заплесневелые люди и где над крышами летает жестокая и безжалостная Зубная Фея, которую в газетах отчего-то называют «спасительницей» и «героиней».

Габен и его жители готовились к приближению Нового года.

Полли Трикк любила Новый год. Но не этот. Она чувствовала себя одинокой и несчастной, но хуже всего было то, что она чувствовала себя ненужной. Убийцы, грабители и заговорщики раскрашивали праздничные открытки и закупали подарки. Члены уличных банд пекли гусей и наряжали елки. Всю последнюю неделю она пыталась проверять, что поделявают ее злейшие враги, Свечники, Догвилли и головорезы Меррика. Злейшие враги

на время забыли о злодействах и готовились к празднику со своими семьями.

У Полли не было семьи. Больше не было. И с недавнего времени не было даже, чем заняться. Ее подруга Эми встречала Новый год на далеком маяке в море вместе с братом, и они были бы рады, если бы Полли составила им компанию, но она сказала, что не может покинуть Габен — у нее, мол, очень много дел. Беда в том, что никаких дел не осталось, и все ее тяжелые мысли набросились на нее, словно голодные гремлины на пачку свечей.

Из черной трубы мыслей и воспоминаний ее вырвало оповещение: *«Пассажиры! Внимание! “Бреннелинг” заходит на посадку!»*

— Ну, наконец-то! — Полли прильнула к иллюминатору.

Внизу снег смешивался с яркими огнями площади Неми-Дрё. Она была дома. Ставший ей уже родным Саквояжный район ждал.

Дирижабль опустился и пришвартовался. Стюарды открыли двери и откинули трап. Пассажиры потянулись к выходу.

Полли сошла на станцию в числе первых — ветер тут же обдал ее ворохом снега.

— И я рада тебя видеть, Тремпл-Толл, — проворчала она, отфыркиваясь.

Полли перешла задымленную проезжую часть — экипажи клаксонировали, но затор не спешил рассасываться. Звенел трамвай, в покрытых изморозью окнах темнели лица пассажиров.

У дверей редакции «Сплетни», присербывая из дымящейся фляжки, мерз престарелый газетчик мистер Слиппсон. Полли поздоровалась с ним и уже было взялась за дверную ручку, когда вдруг ее внимание привлекло нечто странное.

У трамвайной станции кто-то стоял. И не просто стоял, а... будто бы наблюдал именно за ней. Что задумал этот незнакомец?

Полли пригляделась и вздохнула с облегчением. Это был всего-навсего снеговик. Одетый в длинное ношеное пальто, в цилиндре на большой круглой голове, он не обращал на нее никакого внимания и был поглощен чтением газеты.

— Забавно. — Полли открыла дверь и прежде, чем переступить порог редакции, бросила еще один взгляд на снеговика, и на этот раз он... все еще стоял там же, где и мгновение до того: это ведь снеговик — куда он денется.

Полли нырнула в узкий, пропахший чернилами и канифолью коридор. Здесь все еще звучало эхо от гудевших пару минут назад ротационных машин. Ну разумеется: только вышел свежий номер — коридорчик все еще был заставлен колоннами газетных стопок — выпуск был посвящен некоей Тилли Беррике и ее счастливому шансу. Полли не знала, кто такая это мисс Беррике и что за счастливый шанс ей выпал, но радоваться за нее не спешила: это все еще Габен, и то, что на первый взгляд может показаться небывалой удачей, на деле преспокойно может таить в себе какую-то подлость.

Полли невесело хмыкнула — уж она многое знала о том, что касается подлости в Тремпл-Толл. И не только потому, что она работала в газете.

На лестнице, ведущей в печатный зал, мисс Трикк наткнулась на препятствие в виде женщины в красно-черных полосатых чулках, черном платье и красной пелерине с белой меховой оторочкой.

Женщина неспешно пятилась, разматывая клубок — на второй этаж тянулся тонкий красный шнурок. Разминуться на узкой лестнице, к тому же заставленной коробками с газетами, было невозможно.

Полли кашлянула, и женщина обернулась. На миг в ее густо очерченных углем глазах

появился легкий испуг, словно ее застали за чем-то предосудительным, но почти сразу в них заплясали задорные искорки.

Полли удивилась было странному поведению и виду незнакомки, но тут же напонила себе: «Это не самое странное, что я здесь видела...»

— Какая миленькая у вас пелерина, — сказала Полли. — Очень праздничная.

Женщина в полосатых чулках широко улыбнулась и прикоснулась к белому помпону на нитке, свисающему с капюшона.

— О благодарю! А мне нравится ваш нос.

Полли удивленно вскинула брови.

— Слегка курносый, как по мне.

— Нет же! — рассмеялась незнакомка. — Он просто идеален! И не спорьте!

— Вы так милы.

— И я могу быть еще милее! Если хотите такую же пелерину, то вы можете заказать ее в «Чучеллоус». Проверенная контора. Они рассылают заказы перед праздниками. Сделайте себе подарок. — Она бросила взгляд на коробки в руках Полли и добавила: — Еще один.

— А что вы делаете, с этим клубком? — спросила Полли. — Шеф все-таки решил украсить редакцию к празднику?

Женщина в полосатых чулках кивнула.

— Да, я готовлю украшение. Здесь совсем не чувствуется дух праздника. К слову, у вас случайно нет спичек? — Полли покачала головой, и незнакомка продолжила: — Попрошу у мистера Пибоди: он постоянно курит свои вонючие паперетки — у него должны быть спички. Вы позволите?

Полли спустилась в коридор, пропустила незнакомку.

— Счастливых праздников, — пожелала та. Разматывая клубок, женщина в полосатых чулках, прошла мимо Полли и, пятясь, двинулась к выходу из редакции.

— И вам, — ответила Полли. Незнакомка улыбнулась и, подперев дверь бронзовой ножкой-упором скрылась на улице.

Мисс Трикк пожала плечами и поднялась на второй этаж. В печатном зале почти никого не было — лишь парочка дневных пересыльщиков нагло дрыхли у труб пневпомоты. В воздухе все еще висели облачка сигарного дыма — газетчики явно недавно отмечали выход нового выпуска.

Еще в печатном зале был Хатчинс. Полли поджала губы — она этого скользкого типа терпеть не могла. И это чувство было взаимным.

— О, мисс Фрикк, — поприветствовал репортер.

— Мистер Хрякинс, — в тон ему ответила Полли.

— Не думал вас здесь сегодня увидеть. Трилби сказал, что у вас случился острый приступ облысения, и он расщедрился вам на выходной.

Полли прищурилась.

— А как ваша дражайшая матушка поживает? — спросила она. — Ее уже выпустили из долговой тюрьмы?

Лицо Хатчинса вытянулось — он явно не ждал подобного ответа, но Полли сейчас была не в настроении — к тому же (в редакции все это знали) Хатчинс сам упек матушку в Брамл, взвалив на нее свои долги.

— Это очень не по-праздничному, знаете-ли.

Хатчинс поспешил с гордым видом удалиться. И ему это почти удалось — если бы он

только нелепо не споткнулся о порог.

Настроение Полли ухудшилось еще сильнее. Этот мерзкий тип и его приятель Уиггинс не упускали ни одного случая, чтобы сделать какую-то подлость. Они завидовали тому, что шеф выделил Бенни Трилби помощницу, а им нет.

— К слову, где их важное репортерское сиятельство? — пробормотала Полли, подойдя к столу Трилби.

На спинке стула висело клетчатое пальто ведущего сплетника, над чашкой кофе поднимался пар, а под валик печатной машинки был вправлен лист бумаги. Видимо, мистера Трилби отвлекло что-то важное — он обычно не оставлял свою статью без присмотра: либо его вызвал в свой кабинет господин главный редактор, либо он отправился на обед — когда дело касается пудинга мадам Поммкинс, он может забыть обо всем на свете.

— Что ж, подождем...

Полли опустилась на стул. Хатчинс кое в чем был прав: у нее сегодня был выходной, и она не думала, что до завтра появится в редакции, вот только вся эта предпраздничная суматоха и тяжелые мысли... Ей срочно требовалось отвлечься — занять себя чем-нибудь. Может, новый сюжет, над которым работает мистер Трилби, отвлечет ее от этого бездонного дымохода воспоминаний и мыслей, в котором она застряла, словно наевшийся имбирных пряников Человек-в-красном?

Заголовок новой статьи гласил: «КАК СТАТЬ ЗЛОДЕЕМ В ГАБЕНЕ, ИЛИ ИСТОРИЯ ЗОИ ГРИММ».

— Что еще за Зои Гримм? — недоуменно пробормотала Полли и потянулась было к ручкам каретки, чтобы повернуть лист, как тут за спиной скрипнула половица, а следом раздался злой голос:

— Что это вы тут делаете, хотел бы я знать?!

Полли вздрогнула и подняла голову. Рядом стоял Бенни Трилби собственной персоной.

— О, мистер Трилби, вот и вы, я надеялась...

Лицо газетчика исказилось.

— Я не спрашивал, на что вы там надеялись. Что вы тут разнюхиваете?!

— Мистер Трилби... — начала было Полли, но тот ее перебил:

— Вы хотите украсть мою статью?! Я так и знал, что, стоит мне только зазеваться, как вы тут же начнете воровать мои сюжеты!

Полли возмущенно шикнула на него, словно тот был не ее начальником, а наглым котом, который полез в хозяйскую тарелку своим наглым носом.

— Эй, полегче! Ничего я не разнюхивала! Что за муха вас укусила?!

— Никакая муха меня не кусала, мисс Трикк. И вообще это я сам — кусачая муха. Вы ведь знаете, как я не люблю, когда кто-то заглядывает в незавершенную статью. И вообще вас сегодня здесь не должно быть. Вот я и подумал...

— Подумали, что я прокралась в редакцию, выгадала момент, когда вы отлучитесь, и попыталась стащить ваш сюжет, пока он не остыл? Кажется, вы меня перепутали с Хатчинсом или Уиггинсом. Вы не забыли? Я ваша помощница, мне нет смысла воровать ваши сюжеты, ведь я помогаю вам их добывать!

Бенни Трилби вроде как успокоился, но от Полли не укрылось, что он все еще сомневается. Здесь происходило что-то странное. Таким раздраженным обычно добродушного изадорного репортера она еще не видела. Он глядел на нее так, будто она и

правда совершила какое-то злодеяние — не иначе прикоснулась ледяными пальцами к его голой спине.

Бенни бросил взгляд на редакционные часы.

— Так что вы здесь делаете? Я думал, вы в Старом центре.

— Я уже вернулась. У меня больше нет никаких дел.

— Так может, займетесь подготовкой к празднику? Вы уже купили елку? А гуся? Всем отправили открытки с поздравлениями? А что с письмом Человеку-в-красном?

— Никакого Человека-в-красном не существует. Это нелепые детские выдумки, — сказала Полли, и Бенни в ужасе распахнул рот. Он побелел, глаза газетчика полезли из орбит, даже его волосы встали дыбом от подобных кошмарных слов.

— Вам дурно, мистер Трилби? — спросила Полли.

— Заберите ваши слова обратно, — прошептал репортер. — Немедленно...

Полли хмыкнула.

— Какие? О том, что Человека-в-красном не...

Бенни подскочил к ней и зажал ей рот рукой.

— Даже не думайте договаривать. Вы спугнете его своим неверием, и он не явится...

Полли раздраженно пробубнила сквозь его ладонь:

— Ибо би бубебуб.

— Конечно же, он существует. Я сам его видел! На крыше дома № 17 на улице Тоших Кошек.

Полли сдвинула брови и куснула Бенни Трилби за руку. Тот вскрикнул и отдернул ее.

— Не знаю, кого вы там видели, — начала Полли, — но я сомневаюсь, что это был тот, о ком вы говорите. Почему вы думаете, что это был именно Каминник?

— Я знаю, о чем говорю, — упрямо сказал Бенни Трилби.

— Меня просто поражает наивность жителей Тремпл-Толл в том, что касается Человека-в-красном. Почему здесь все убеждены, что существует какой-то толстый бородатый старик в красной шубе, который летает над городом и разносит подарки? Как толстяк может пролезть в дымоход и не застрять? Вы ведь помните Филлиса, помощника трубочиста с Твидовой улицы? Какой он щуплый и маленький — так и он едва пролезает.

— Каминник умеет протискиваться, — заявил Бенни. — Думаю, он просто как следует елозит в трубе, и... *втекает* в камин.

— А он не боится подкоптить пятки? — усмехнулась Полли. — Каминны ведь горят.

Бенни Трилби почесал нос. Сомнения помощницы и ее неуместная логика выводили его из себя.

— Мисс Трик, я не хочу вас переубеждать. В Тремпл-Толл, как вы верно заметили, все верят в Человека-в-красном. И у этого есть свои причины. Вы не из этих мест, и поэтому вам не понять.

Полли не стала спорить: что уж говорить, если даже доктор Доу, этот отрицающий любые суеверия господин, верил в существование Человека-в-красном.

— Ладно, мистер Трилби, оставим вашего каминного шмыгуна. Лучше расскажите о новом сюжете. — Она кивнула на лист бумаги под валиком печатной машинки. — Что это за Зои Гримм такая?

Бенни приподнял бровь.

— Вы разве не знаете? Это ведь самая главная новость в Саквояжне.

— Я все утро провела в Старом центре — видимо, там это не такая уж сенсация. Так

откуда взялась эта «самая главная новость»?

Бенни нехотя сказал:

— Никто не знает. Мы думаем, что она приехала в Габен откуда-то. Вместе со своим прихвостнем мистером Пибоди.

Полли нахмурилась. «Пибоди... Где я могла слышать это имя?»

— Судя по вашему заголовку, эта Зои — какая-то злодейка, — сказала она, на что Бенни оскорбился так сильно, будто она задела лично его.

— Что?! «Какая-то»? Да будет вам известно, что Зои Гримм — очень опасная и непредсказуемая злодейка. Ее злодеяния ужасны и зловещи! И она только начала...

— Что же она такого натворила?

— Много чего, — уклончиво ответил газетчик.

— Хм... любопытненько. Позвольте вам помочь со статьей.

— Нет! Это только моя статья! Я уже раскручиваю парочку многообещающих ниточек.

— Мистер Трилби...

— Мне сегодня не нужна ваша помощь, мисс Трикк, — отрезал Бенни Трилби.

— И чем мне заняться? — спросила больше саму себя, чем репортера Полли.

— Не знаю, — безразлично бросил Бенни Трилби и вдруг со значением вскинул палец. — О, вспомнил! Со вчерашней ночи в Саквояжне пропадают подарки, к нам пришло около дюжины жалоб. Можете заняться воришкой подарков.

— Что?! — возмутилась Полли. — Предлагаете заниматься каким-то воришкой подарков, когда сами вы в это время будете раскручивать ниточку новой габенской злодейки?! Это же скука смертная! Тухлая рыба!!!

— Кто знает... — возразил Бенни. — Вдруг эта тухлая рыба сожрала тортик.

Полли поморщилась. На репортерском языке это значило, что сюжет, который на первый взгляд кажется пустышкой, может таить в себе нечто большее. Но это... какой-то неинтересный воришка подарков! К тому же, Полли была уверена в том, что рыбы не едят тортики.

— А еще, — продолжил Бенни, — если там окажется что-то действительно интересное, я позволю вам написать статью и буду рекомендовать ее для номера.

Полли совсем пригорюнилась.

— Но вы поставите под статьей свое имя. Как всегда. Притом, что всю работу сделаю я.

— В этом и заключается ваша работа, мисс Трикк. Извините за каламбур, но вы делаете всю работу — а я ставлю свое имя.

Бенни многозначительно кашлянул, глядя на свой стул. Полли нехотя поднялась, и репортер тут же уселся за стол, сделал глоток из чашки.

— И не нудите, мисс Трикк. Такие сюжеты, как история Зои Гримм, сами на голову не сваливаются. Мне пришлось стоптать подошвы, чтобы добыть материал. Мне нужно писать статью, не нависайте над головой. Займитесь воришкой подарков — возьмете все, что у нас на него есть у Фиббса.

Полли, раздраженно сжав кулачки, направилась к выходу из печатного зала.

— Мисс Трикк, — окликнул ее Бенни Трилби. Полли обернулась. — Вы забыли вашу открытку.

— Что? Какую еще открытку?

Бенни взял со стола праздничную открытку с изображением добродушного снеговичка и протянул его девушке.

— Это не моя открытка.

— Тогда чья? И что она делает на моем столе?

— Не имею ни малейшего представления.

Полли развернулась, чтобы уйти, а Бенни перевернул открытку и прочитал вслух:

«Счастливого Нового года, глупые сплетники! Я вам покажу “пишк”! И только попробуйте перевернуть мое имя. Или имя мистера Пибоди!

С любовью и проказливостью,

Зои Гримм».

Полли застыла. Она вспомнила, где она слышала имя «Пибоди». Женщина в полосатых чулках с клубком!

Полли бросилась к лестнице. Ей вслед несся вопль Бенни Трилби:

— Зои Гримм! Она была здесь! Кто ее видел?! Мисс Трикк, вы куда?!

Полли побежала вниз по ступеням — она еще может нагнать новую габенскую злодейку, та не могла уйти далеко!

На лестнице Полли ждало кое-что удивительное. Вверх по ступеням по тонкому красному шнуру бежал шипящий и разбрасывающий в стороны искры багровый огонек.

Полли машинально пробежала мимо, и осознание догнало ее лишь у основания лестницы.

— Спасайтесь! — закричала девушка. — Она заложила бомбу! В здании бомба! Мистер Трилби!

Полли ринулась наверх, но догнать огонек, бегущий по шнуру, не успела.

Почти в тот же момент, как помощница Бенни Трилби забежала в печатный зал, огонек преодолел последние пару футов и исчез под столом ведущего репортера «Сплетни».

— Что?.. — только и успел проговорить газетчик, недоуменно поглядев на Полли, а в следующий миг...

Заиграла музыка. Это была одна из праздничных мелодий: то ли «Семнадцать бубенцов», то ли «Танец снежинок» — для Полли все эти песенки были на одно лицо, или, вернее, на один нотный ряд.

После чего раздался громкий щелчок, и прогремел взрыв.

Полли отпрыгнула на лестницу, но Бенни Трилби и парочка, так и не осознавших произошедшее пересыльщиков ничего предпринять не успели. Вылетели стекла, лампы погасли, и стол Бенни Трилби отшвырнуло в сторону.

Полли поднялась на ноги. В ушах гудело, перед глазами все затянула собой белая пелена — на миг девушку даже посетила жуткая мысль: «Я ослепла?!»

Впрочем, она поняла, что именно произошло, довольно быстро. Это был не динамит, не нитроглицерин и даже не порох. Хотя последний все же принимал какое-то участие, учитывая характерный запах. Это была снежная бомба.

Печатный зал изменился до неузнаваемости. Столы, стены, помост печатников и пересыльные трубы — всё заволокло снегом. В воздухе висела, медленно оседая, снежная пыль.

— Мистер Трилби! Вы живы?! Кто-нибудь!

Один из сугробов зашевелился, и из него, неловко шевеля конечностями, выбрался незадачливый репортер. У окна отфыркивались и выкапывались еще два «снеговика».

Полли нервно хихикнула.

— Это просто снег... Никто не пострадал, — с облегчением выдохнула она. — Ваша Зои Гримм — та еще шутница...

— Я пострадал! — возопил Бенни Трилби. — Моя статья! Все перепечатывать! Очередное преступление на счету у этой злодейки!

— Вызвать полицию, мистер Трилби?

Бенни Трилби разъяренно поглядел на помощницу и стряхнул с лица снежную маску.

— Ни в коем случае! Лучше помогите мне выбраться!

Полли покачала головой.

— Ой, мистер Трилби, вы ведь говорили, что вам сегодня не нужна моя помощь. Пойду займусь воришкой подарков...

— Вы даже не представляете, какую глупость совершили! Либо вы просто сошли с ума! — раздался крик. — Вы знаете, с кем связываетесь?!

Полли вздрогнула и повернула голову. Это кричал вовсе не Бенни Трилби. А она была совсем не в редакции «Сплетни».

Полли стояла на заснеженном карнизе и заглядывала в большое круглое окно-циферблат. Давно стемнело, и до Нового года оставался всего час.

В просторном, но темном зале за часами происходила какая-то кутерьма.

— Она все-таки решилась на это... — одновременно с уважением и осуждением проговорила Полли, сжав рукоять пистолета...

Где она была сейчас? Что она делала? Сколько времени было на самом деле?

Она в своей мансарде перед погружением в канал?

Она на борту дирижабля «Бреннелинг» или в здании редакции газеты «Сплетня»?

Или она на карнизе — готовится помешать злодейке Зои Гримм?

Это был безумный длинный день. Столько всего успело произойти... И встреча с мисс Гримм, и взрыв в редакции, и охота за воришкой подарков, который оказался «рыбой, проглотившей тортик», и многое другое.

Воспоминания за день перемешались. Ее впутали в заговор, новогоднюю интригу, хоть она об этом пока что не знала.

А еще она не знала, что сейчас находилась вовсе не у одного из трех круглых окон.

Полли Уиннифред Трикк была именно там, где *должна была быть*...

Стрелка часов сдвинулась с глухим стуком. Новый год был все ближе...

Глава 7. Ужин при... часах

6 часов вечера. 6 часов до Нового года.

Ближе к вечеру снег усилился. Когда сгустились сумерки и по всему Тремпл-Толл зажгли фонари, поднялся ветер. Начиналась метель. Прохожих на улице не осталось.

Тилли Беррике, худощавая девочка семи лет, глядела в окно пробирающегося сквозь метель экипажа на мелькающие мимо светящиеся окна гостиных. В каждой из этих гостиных, она была уверена, ярко горит камин, там как раз готовят праздничный ужин, кто-то шутит, кто-то смеется, а в углу стоит наряженная елка. Стрелка часов неумолимо ползет все дальше и дальше. Праздник приближается...

И у нее тоже скоро будет праздник. Тилли боялась поверить своему счастью, боялась спугнуть его неосторожной мыслью. И все же она ерзала от нетерпения на скрипучем кожаном сидении и покусывала губу. Порой она испуганно косилась на человека, что сидел напротив.

Этот молчаливый и суровый господин (он так и не представился) не внушал доверия — Тилли его побаивалась. Мистер Мрачник (как она его звала) вел себя отстраненно — казалось, он заперся глубоко в своих мыслях.

В салоне экипажа было темно. А еще внутри пахло... чем-то странным — Тилли так и не смогла разобраться, что это, но от запаха слегка кружилась голова.

Экипаж ехал по незнакомым улицам. Последним, что Тилли узнала, была Семафорная площадь. Даже сейчас на этой площади не горел ни один фонарь, не светило ни одно окно. Она выглядела брошенной и пустынной. За Семафорной площадью начинались темные кварталы. Можно было подумать, что там никто не живет, но Тилли знала: это не так, далеко не так.

«Почему мы едем туда? — появилась у нее в голове тревожная мысль. — Разве Сонн находится в той стороне?»

Тилли не знала, где располагается Сонн — прежде она никогда не покидала Саквояжный район, — но, когда экипаж оставил позади последний островок света от уличного фонаря перед площадью и нырнул в крошечный мрак, ее посетило неприятное ощущение, что они едут куда-то не туда.

За окном стало так же темно, как и внутри экипажа. Тилли испуганно вжалась в сидение: мистер Мрачник был так близко... кто знает, что может прийти ему в голову!

Но время шло, экипаж все так же пробирался через темный город, а попутчик Тилли и не думал шевелиться. По крайней мере, она не слышала даже тихонького шороха одежды. Как не слышала и звука его дыхания. Лишь где-то поблизости раздавалось приглушенное тиканье.

В какой-то момент в окне мигнул фонарь. Появился и сразу же погас. Они ехали дальше...

«И как человек за рычагами видит дорогу?» — подумала Тилли.

Экипаж так долго продвигался в темноте, что девочка потеряла счет времени. Она не могла точно сказать, сколько прошло после того, как они отбыли от здания редакции «Сплетни».

— Мистер, а нам еще долго? — спросила Тилли, нарушив тишину больше для того,

чтобы проверить, по-прежнему ли мистер Мрачник здесь, или уже растворился в темноте.

— Нет, — раздался короткий и совершенно лишенный эмоций ответ с сиденья напротив, а затем Тилли услышала, как раз за разом в замочной скважине проворачивается ключ. Кажется, ее попутчик заводил часы, и отсутствие света явно не было для него помехой.

Кр-рак... кр-рак... кр-рак... — прокрутился ключ, и Тилли вздрогнула.

Этот звук напомнил ей, как скрипит дверь, когда мистер Тумнус, у которого она живет, возвращается домой.

Тилли горестно вздохнула. Она боялась поверить в то, что ехала на настоящий праздничный ужин, еще и потому, что ей казалось, будто все происходящее — просто сон, и она вот-вот проснется в своей каморке за башмачной мастерской, поднимет голову с мокрой от слез подушки и станет вслушиваться: дома ли мистер Тумнус, при этом пытаясь понять, он сегодня просто злобный или очень злобный...

Башмачник Тумнус и его приятель старый полковник Сэдвиш никогда не были трезвыми. От них пахло угольной настойкой — Тилли ненавидела этот запах. Всякий раз, как они приходили, она с содроганием ждала, что они вот-вот ввалятся в ее каморку. Девочка отработывала свой уголок, выполняя в башмачной мастерской всю грязную и тяжелую работу: ее рыжие волосы и тонкая бледная кожа пропитались лаком для кожи, а пальцы опухли от грубых ножниц. Мистер Тумнус вечно придирался и бранился, обзывал Тилли «зубастым гремлином», а еще дергал ее за волосы и лупил старым башмаком. Если бы только мама и папа были там, они не дали бы ее в обиду, а песик Быдль покусал бы злобного башмачника. Но их не было, и Тилли приходилось терпеть жестокое обращение.

Клиенты мистера Тумнуса были ничуть не лучше его самого — они то и дело появлялись на пороге мастерской, негодующие и разъяренные. Дело в том, что мистер Тумнус использовал лишь плохие гвозди, и подметки вечно отлетали. Когда клиенты удалялись, башмачник хватал Тилли за шиворот и пинком выгонял ее за дверь — на поиск новых гвоздей. Ей нередко доставалось от клиентов мистера Тумнуса, но не все из тех, кто заходил в мастерскую, были дурными людьми. Тилли вспомнила того доброго и милого джентльмена в коричневых туфлях, который зашел вчера. Он угостил ее имбирным пряником и поселил в сердце девочки надежду. Этот джентльмен пожалел ее и сказал: «Скоро все наладится».

Он был прав! Ведь именно ее письмо выбрал господин главный редактор «Сплетни», и вот она уже едет к господину Моргрейву! Ее ждет праздничный ужин и...

Экипаж вздрогнул и качнулся. Раздался стук, как будто что-то ударило в крышу.

— Что это такое? — спросила Тилли и прильнула к окну. За ним была лишь метель.

Мистер Мрачник ответил не сразу. Какое-то время он словно обдумывал произошедшее и его существенность, после чего расщедрился на лаконичный ответ:

— Плохая мостовая.

Но Тилли не верила в то, что колесо всего лишь попало в выбоину. Она отчетливо слышала, как на крышу экипажа что-то упало или... приземлилось. А мистера Мрачника это, казалось, и вовсе никак не озаботило.

Но они продолжали ехать, как ни в чем не бывало. Больше ничего не происходило, ничто не нарушало размеренность поездки. Лишь снаружи выл ветер, да косой стеной валил снег.

Тилли расхрабрилась и спросила:

— А какой он?

— Кто?

— Господин Моргрейв.

Девочка представляла его себе высоким и статным, с широкой улыбкой и добрым лицом, в красивом дорогом костюме и с блестящими туфлями, ведь только такой человек мог проявить щедрость в отношении маленькой бедолаги из Тремпл-Толл, и не где-нибудь, а в Сонн, районе богатых домов и уютных коттеджей. В его особняке ее ждут большой запеченный гусь, пышная, украшенная елка, а еще там будет тепло-тепло...

Мрачник долго не отвечал и, когда Тилли уже решила было, что он промолчит, сказал:

— Он — из других мест.

— Не из Габена?

— Верно.

— А откуда?

Любопытство девочки явно действовало ее попутчику на нервы. Он достал небольшую бутылку, открыл крышку и пригубил.

— А что вы пьете? — спросила Тилли.

— Машинное масло, — мрачно пошутил этот странный человек. — Нужно смазать шестеренки. Хватит задавать вопросы. Мы скоро прибудем...

Он сказал правду. Тилли успела лишь подумать, как это странно отвечать на вопрос «Какой он?» — «Он — из других мест», словно это самое важное, что можно сказать о господине Моргрейве, как экипаж замедлился и, выпустив по сторонам два облака пара, остановился.

— Мы на месте. — Мрачник открыл дверцу и вышел на улицу.

Свою дверцу Тилли удалось открыть лишь с третьей попытки. Справившись с тугой ручкой, она выбралась из экипажа.

Снег усилился, и девочка никак не могла понять, где они очутились. В нескольких шагах начиналась широкая лестница, ведущая к парадному входу дома, — это все, что она смогла разобрать.

— За мной, — сказал Мрачник. — Не отставай.

Они поднялись по лестнице и прошли через широко раскрытые двери. Свет не горел и здесь.

Девочка и ее провожатый двинулись через большой темный холл, похожий на зал писем в здании главпочтамта Тремпл-Толл. Шаги Мрачника и Тилли разносились по сторонам заунывным эхом. Девочка вертела головой, пытаясь рассмотреть как можно больше. Сбоку виднелась стойка, за которой расположились одинаковые ячейки с номерками, в углу разместилась пустующая гардеробная.

Напротив главного входа чернел лифт. Тилли никогда не ездила на лифте — их в Саквояжном районе можно было пересчитать по пальцам.

Девочка и ее спутник зашли в небольшую кабинку. Мрачник закрыл решетку и дернул рычаг. Где-то над головой загудели механизмы, и в тот же миг кабинка, качнувшись, поползла вверх.

Тилли хотела спросить, куда они направляются, но ее спутник резко вскинул руку и покачал указательным пальцем, веля ей помалкивать. Девочке не осталось ничего иного, кроме как уставиться в пол и начать гадать, что ее ждет в скором времени.

Поднимались они так долго, что Тилли начало казаться, будто они никогда не прибудут,

а кабинка вот-вот покинет дом, выберется через проем в крыше и взмоет в небо. Но вот наконец лифт остановился, и спутник маленькой мисс Беррике отодвинул решетку.

Не говоря ни слова, Мрачник побрел по коридору к виднеющейся впереди арке. Девочка, испуганно поежившись, пошагала следом. Полуистлевший ковер заглушал звук шагов, на стенах висели насквозь проржавевшие газовые рожки, которые зажигались в последний раз, вероятно, лет сто назад.

Когда они прошли через арку, Тилли непроизвольно обхватила себя за плечи. Здесь было так же холодно, как и на улице.

— Я привел Тилли Беррике! — громко сказал Мрачник, обращаясь к кому-то, кто, видимо, должен был быть в помещении.

Тилли огляделась по сторонам. Место, в котором она оказалась, отчаянно не походило на уютную гостиную богатого особняка в Сонн.

Это была большая мансарда, и первого взгляда хватило, чтобы понять: она заброшена. Через проломы в крыше падал снег, огромное круглое окно походило на глаз. В нем не осталось ни стеклышка, и в помещении гулял ветер. Но испугало и удивило Тилли другое.

Почти все пространство в мансарде занимали собой сломанные часы. Куда ни кинь взгляд, высились припорошенные снегом груды покореженных циферблатов, со всех сторон скалились гнутые стрелки, пружины и маятники. Создавалось ощущение, будто эти часы сюда стаскивали со всего города много лет.

— Где мы? — дрожащим шепотом спросила девочка. — И где господин Моргрейв?

— Он появится, — ответил Мрачник, уставившись на снег за окном.

Тилли снова огляделась, но так никого и не увидев, неуверенной походкой двинулась через мансарду по узкой дорожке между грудями часов. Она все ожидала, что Мрачник вот-вот окликнет ее и велит оставаться на месте, но он молчал, продолжая немигающим взглядом смотреть на снег.

Под ногами Тилли хрустело стекло, а шестеренки и пружины словно пытались впиться в обувь. Зябко ежась в своем сером платье, девочка подошла к окну. Она выглянула наружу и пораженно ахнула.

Перед ней простирался вечерний Тремпл-Толл. Вдалеке светились огоньки окон, рыжими кляксами горели фонари на перекрестках, по мостовым медленно двигались экипажи и кэбы. Несколько ближайших кварталов тонули во тьме.

Тилли поняла, где оказалась, почти сразу же. Единственный в привокзальном районе дом-башня (в нем было много этажей — Тилли не могла их посчитать, но знала, что их больше десяти) стоял в отдалении от тесных кварталов и людных улочек и слыл в Саквояжне дурным местом. Черная громадина с острой крышей — заброшенный дом на улице Смоль даже в хорошую погоду вызывал дрожь одним своим видом... Уличные дети рассказывали множество жутких историй о нем. Дом-башня когда-то был то ли гостиницей, то ли чем-то в том же духе. Поговаривали, что однажды здесь случилось нечто плохое, отчего его и покинули.

Почему они сюда приехали?! Это никакой не Сонн! Здесь и не пахло праздничным ужином, да и праздником вообще. А благодаря разломанным часам девочке и вовсе казалось, будто Новый год уже умер, не начавшись. Может, Мрачник что-то перепутал?

— А где господин Моргрейв? — повторила свой вопрос Тилли, повернувшись к спутнику.

Мрачник резко дернул головой, словно тоненький голосок девочки вырвал его из

раздумий.

— Он. Появится.

Сказав это, Мрачник опустил голову и замер. В его груди что-то защелкало и заскрипело. А потом все затихло.

— Мистер? — Тилли подошла к подручному господина Моргрейва и, расхрабрившись, коснулась его руки. — Мистер, с вами все в порядке?

Мрачник словно уснул. Или, вернее, выключился. Тилли вдруг показалось, что он — всего лишь очередные сломанные часы в этой комнате.

— Мистер... что с вами?

— О, он просто отработал свое... — раздалось откуда-то из глубины мансарды.

Тилли вздрогнула и обернулась на голос.

— Автоматон сделал то, что от него требовалось. Его завод закончился, часики встали... мерзкое тиканье заглохло...

— Вы где?! — крикнула Тилли.

— Здесь.

Из дальнего угла мансарды раздался звук шагов. А еще лязг... Кто-то шел к ней, пробираясь между часами и наступая на пружины и шестеренки.

Различив высокую темную фигуру, похожую на оживший фонарный столб, Тилли попятилась.

— О, ты боишься?

— Я... — В горле у девочки пересохло.

— Ты же мечтала попасть ко мне на ужин, не так ли?

— Вы... вы — господин Моргрейв?

— Моргрейв, да.

— Вы живете здесь?

Темная фигура приблизилась, и Тилли различила, что мужчина кутается в длинное черное пальто с пелериной; на голове у него был цилиндр, а на месте лица клубился клок мрака.

— Мисс Тилли Беррике... — едва слышно прошептал господин Моргрейв, словно пытаясь распробовать это имя. — Тилли... Беррике... Ты боишься меня, Тилли?

— Д-да... очень... — вырвалось против воли.

— Не стоит меня бояться... — в зловещем шепоте явно проявились насмешливые нотки. — Я ведь просто добрый и щедрый господин Моргрейв из Сонн, который приглашает к себе в гости различных бедолаг... Это ведь так обыденно для Тремпл-Толл... Доброта и б-л-а-г-о-т-в-о-р-и-т-е-л-ь-н-о-с-т-ь... — последнее слово превратилось в шипение.

Господин Моргрейв подошел уже так близко, что даже в стоящей в помещении полутьме стало видно его лицо. Но лучше бы оно по-прежнему оставалось неразличимым.

Тилли закричала.

— Кричи... Кричи-и-и... — прошипел господин Моргрейв и моргнул одновременно дюжиной глаз.

От ужаса Тилли парализовало. Крик оборвался, превратившись в хрип.

Монстр с лицом, состоявшим сплошь из глаз, медленно подошел к ней и поднял руки.

Вот только это были никакие не руки... Из рукавов пальто выростали извивающиеся щупальца, покрытые мерзко шевелящимися, будто бы дышащими, присосками.

Монстр склонился к девочке. Одно из его щупалец обхватило ее руку, а другое обвил

шею.

— Мой... праздничный... ужин...

Тилли вскрикнула, когда склизкие ледяные присоски впились в ее шею и в кожу под ключицей. Перед глазами все поплыло, голова закружилась. Девочка безвольно повисла в щупальцах монстра.

— Не-е-ет, — прохрипела она, чувствуя, как жизнь уходит из нее толчками.

Монстр распахнул пальто, и к девочке потянулись короткие узловатые отростки, похожие на древесные корни.

Маленькая жертва и ее ужасный убийца слились воедино среди груд сломанных часов, с каждым мгновением все больше покрываясь снегом, что падал через проломы в крыше.

Кровь текла через крошечные ранки, поглощаемая присосками, а щупальца медленно пульсировали, и каждое походило на искаженное судорогой горло. Крошечное тельце в жутких объятиях мелко сотрясалось, и само время будто остановилось...

Тик... так... тик... так... — раздалось вдруг в мансарде. Тиканье было едва различимым, но господин Моргрейв его услышал.

— Что? — прорычал он. — Часы? Этого не может быть... Я же все сломал...

Он поднял голову. Дюжина его глаз уставилась в два разгневанных, подведенных каминной сажей глаза.

— Эй, я вообще-то рассчитывала на другое! — воскликнула Зои Гримм. — Где мой запеченный гусь? Где мой сливовый грог? Где камин и праздник?

Появление мисс Гримм, казалось, стало для Моргрейва полнейшей неожиданностью.

— Вы кто? — прошипел он. — Вас не приглашали!

Зои разъяренно усмехнулась.

— Я украла себе приглашение. Я думала, что меня ждет нечто приятное, но это... — она скривилась от отвращения. — Отпусти кроху, тварь!

Господин Моргрейв подобрался и повел головой, отчего его цилиндр заходил ходуном.

— Зря ты пришла сюда...

Он разжал щупальца, и девочка, издав короткий стон, упала на пол.

Разогнувшись и расправив плечи, монстр вырос еще на добрых пять футов. Его торчащие из рукавов пальто щупальца начали извиваться, с присосок на заснеженный пол закапала кровь.

Господин Моргрейв шагнул к Зои Гримм, но та даже не шелохнулась. Нет, ей было жутко, но она напонила себе, что она — не кто-нибудь, а настоящая злодейка, а злодеи не должны испытывать страха. Они должны его внушать. И пусть сама Зои не была страшной — скорее, наоборот, она над этим работала. И надеялась, что Бенни Трилби, репортер «Сплетни», придумает ей какое-нибудь внушающее ужас злодейское прозвище.

— Мистер Пибоди! — воскликнула она и, вскинув руку, ткнула пальцем в приближающегося монстра. — Преподайте этому глазастому урок хороших манер!

В следующий миг раздался звук тяжелых шагов, и в мансарду нетвердой походкой вошел снеговик. Выглядел он так, словно его оторвали от знатной попойки в каком-нибудь пабе: цилиндр сидит набекрень, пальто нараспашку, в длинной черной прорези рта тлеет гнутая папиретка. Умей он говорить, точно выдал бы что-нибудь в духе: «Ну, мада-а-ам! Может, сами справитесь?!»

Но Зои Гримм была строгой хозяйкой и не допускала неисполнительности от своих прихвостней. Она стукнула палочкой в висевший у нее на боку барабан, и мистер Пибоди

встряхнулся, словно его окатили ледяной (или в его случае — горячей) водой.

Снеговик выхватил из кармана дубинку, которую он еще днем отобрал у некоего увальня-констебля, и ринулся к монстру.

Два извивающихся щупальца устремились ему навстречу...

Все дальнейшее походило на воплощенное безумие. Тварь, словно вышедшая напрямиком из кошмаров тронутого болезнью разума, схватилась с живым снеговиком-пьяницей.

Мистер Пибоди пытался стукнуть монстра дубинкой, но тот был быстрее. Удары уходили в пустоту, а фигура в черном крутилась и вертелась вокруг снеговика, словно в зловещем ритуальном танце. Моргрейв оказался не по зубам прислужнику Зои Гримм — она и сама это понимала, с тревогой наблюдая за схваткой.

Зои вскрикнула, когда одно из щупалец монстра обвило руку снеговика и с жутким треском оторвало ее. Другое щупальце хлестнуло мистера Пибоди по голове, сбив цилиндр и оставив на нем длинную уродливую вмятину.

И все же снеговик так просто не сдался. Он не прекратил усмехаться и даже папиретку не выронил. И когда бедняга рухнул на пол, а тварь нависла над ним черной громадиной, он выглядел, в общем-то, все так же непринужденно.

Голова монстра склонилась к мистери Пибоди, и снеговик ткнул его носом в один из искаженных яростью глаз. Моргрейв заревел и лихорадочно заморгал. А затем обхватил щупальцем длинный нос прислужника Зои Гримм и, крепко сжав, раздавил его; нос рассыпался белым крошевом.

— Вы зря сюда пришли... — Моргрейв наклонился еще ниже над поверженным мистером Пибоди. Его пальто раскрылось, и отростки-корни, шевелясь и подрагивая, потянулись к жертве. Самого же снеговика в этот момент, казалось, больше волнует, как бы не потухла его папиретка. Судя по всему, он не понимал, что его ждет. Он просто не знал, что вот-вот...

— А ну не трогай его! — раздался крик, и в следующий миг в Моргрейва что-то полетело.

Разломанные каминные часы с металлическим дребезгом и звоном врезались в грудь монстра. При этом шестеренки крутанулись, и механизм издал негромкое, но отчетливое: «бом».

Моргрейв отшатнулся и вскинул щупальца к голове, словно пытался зажать ими уши — только бы не слышать этот звук. Его глаза заморгали вразнобой, напоминая фонари на сломавшемся семафоре.

— Ага! — радостно крикнула Зои. — Не нравится?! А как тебе такое понравится?!

Она наклонилась и схватила из кучи еще одни сломанные часы. После чего размахнулась и швырнула их в монстра. На этот раз Зои промахнулась, и часы врезались в стену. Но мисс Гримм не отчаивалась — следующие подобранные с пола часы уже летели прямо в Моргрейва.

«Бом-бом» — отозвался снаряд Зои, ударившись в его цилиндр.

Монстр зашипел и отпрянул. Выглядывающие из-под пальто отростки задрожали.

— Почему же мы так не любим часы, а?

Зои достала из кармана серебряные часики «Мяффлерс» и ткнула их в сторону монстра.

Тиканье от миленького, добытого в салоне Блюмма, трофея мисс Гримм было слишком слабым и тихим. Звук их хода хоть и раздражал господина Моргрейва, вызывая у него мигрень, но он не имел никакого отношения к тому, что причиняло монстру настоящую

боль. Моргрейв пересилил себя и двинулся к мисс Гримм.

Зои поняла, что «Мяффлерс» не остановят монстра, выхватила из ближайшей груды еще одни часы и тут же бросила их в него. А затем бросила еще одни и еще... Ничего не происходило!

Часы звенели, издавали тиканье и скрежет, пружины тренькали, но Моргрейву все было нипочем. Он перестал бояться, придвигаясь к ней все ближе и ближе...

Зои схватила очередные часы и уже размахнулась, чтобы бросить их в монстра, но Моргрейв успел быстрее. Одним щупальцем он перехватил ее руку, а другим обвил шею. Если бы не пелерина с капюшоном, все было бы кончено, но монстру не удалось впиться в ее кожу присосками. И тем не менее он схватил ее так крепко, при этом все сдавливая и стягивая петлю, что она начала задыхаться.

— Пи... Пи... боди... — вырвался из сведенного судорогой горла хрип.

Зои ощутила, как ее живота что-то коснулось. Отростки Моргрейва принялись шарить по ней, пытаясь проникнуть под одежду, ища лазейку, чтобы вонзиться в тело. И она не могла им помешать...

Ослабевшие пальцы выронили часы. Те приземлились на заснеженный пол и скрежетнули, разваливаясь. Но перед тем, как рассыпаться, они успели издать гулкое бархатистое «бом».

Моргрейв дернулся и расплел хватку. Он зарычал, нижняя часть его лица будто распалась — в искаженной пасти блеснули игольчатые зубы. В приступе безумия он схватил часы и засунул их в пасть, принялся жевать, корежа зубами корпус и механизм.

Зои, кашляя и потирая шею, глядела на него с недоумением. Что он делает?!

И тут до нее дошло.

Он ненавидел не сами часы! И отнюдь не тиканье...

Мисс Гримм вытащила из ближайшей груды круглые каминные часы, но бросать их в монстра не стала. Вместо этого она взялась за кривую и гнутую минутную стрелку и принялась крутить ее. Часы затикали, но и только.

Нет! Не те!

Она отшвырнула их прочь и подобрала новые. На этих вообще не было стрелок...

Еще одни! А тут стрелки заклинили!

Нет! Другие!

Монстр увидел, что она делает. Он выплюнул обломки и качнулся, вздымая щупальца...

Новые часы разваливались в руках мисс Гримм, но стрелки были на месте. Зои схватилась за минутную и провернула ее. Подтянулась и часовая, а затем...

Бом! Бом! Бом!

Моргрейв встал как вкопанный и заревел от боли и отчаяния.

Но Зои не остановилась. Стрелки крутились, шестерни проворачивались, а механизм боя начал послушно отзываться на каждом обороте.

Бом! Бом! Бом! Бом!

Моргрейв качнулся, развернулся и ринулся прочь, спасаясь от ужасающих, ввинчивающихся ему в голову звуков.

Зои не отставала. Она ринулась следом, продолжая проворачивать стрелки.

Спасаясь от оглушающего боя часов, монстр скользнул к окну, перевалился через раму и исчез в метели.

Зои сперва не поняла, куда он делся. Она подбежала к окну и выглянула наружу. Снег

поглотил господина Моргрейва.

Мисс Гримм поправила капюшон и поморщилась. Разумеется, она не обманывала себя тем, что Моргрейв погиб, — такие твари слишком живучие, — но пока ей хватило и того, что она смогла его прогнать.

— Чего разлегся? — проворчала Зои, подойдя к своему приспешнику — тот как ни в чем ни бывало выпустил колечко дыма. — Это вообще-то вы должны мне помогать, а не я вам, мистер Пибоди.

Снеговик жалобно ткнул целой рукой в свой отсутствующий нос, мол, как я могу что-то делать, понеся подобные потери.

— Не стоит так переживать, я слеплю вам новый, — пообещала Зои. — Что думаете? Пора убираться отсюда?

Мистер Пибоди поднялся, подобрал свой цилиндр и неловко натянул его на макушку. После чего кое-как приладил руку.

Зои тем временем склонилась над лежащей без сознания девочкой и, подняв ее на руки, аккуратно передала снеговика. Тот поглядел на хозяйку с некоторой укоризной, словно обвинял ее в недостаточном злодействе и излишней жалости.

— Что? — возмутилась мисс Гримм. — Мы же не можем ее здесь оставить. Вдруг этот Моргрейв вернется. И вообще, она здесь замерзнет. К тому же ей нужен доктор. Как хорошо, что я знаю одного. Что? Ладно, сперва я сделаю вам новый нос, мистер Пибоди. Нельзя в таком виде показываться людям. Нас же все засмеют!

Шея заболела и зачесалась, словно кто-то начал пощипывать ее сухими растресканными пальцами. Из горла вырвался судорожный кашель.

Тилли Беррике открыла глаза и увидела над собой огромную носатую голову. В первое мгновение она не поняла, что видит. А во второе обрадовалась:

— Снеговичок... — прошептала девочка, и носатый опустил голову, уставившись на нее.

Тилли дернулась и закричала:

— Нет! Пустите! Монстры!

— Эй, полегче с оскорблениями, кроха! — раздался возмущенный голос откуда-то сбоку. Тилли повернула голову и увидела узкое бледное лицо, обильно подведенные сажей глаза и улыбку от уха до уха. На голове у женщины сидел красный капюшон с белым мехом и двумя помпонами на нитках.

Тилли распахнула рот. Поглядела на несущего ее снеговика, потом снова на женщину в капюшоне. И тут до нее дошло, кто они такие...

— Вы из свиты Человека-в-красном!

Как и многие дети, Тилли верила в доброе и сказочное, а также была искренне убеждена в существовании как самого Каминника, так и тех, кто помогает ему с подарками: старого эльфа мистера Полночь, мудрой совы Мадам Грохх, механического тролля Думмни и прочих.

— Конечно, мы из его свиты! — рассмеялась женщина в капюшоне. — Работаем на старика, не покладая рук.

— А где он сам? — Девочка завертела головой, ожидая увидеть большущие сани,

бугрящийся подарками мешок и, разумеется, Человека-в-красном, но поблизости больше никого не было.

— Он занят, кроха, — сказала женщина в капюшоне. — Подарки и все такое... Он послал нас.

— Где мы?

Снеговик, который нес девочку, и его спутница шли по узкой извилистой улице. Было темно, но по сторонам уютно светились окна. Метель на время успокоилась, и в воздухе, медленно опускаясь, висели снежинки.

— Мы в кармане чемоданчика, кроха, — последовал шутливый ответ, — или в чернильнице... а может, мы в стеклянном шаре?

— Я знаю... знаю, кто вы, мисс! — воскликнула Тилли, глядя на женщину в капюшоне с едва скрываемым восторгом. — Вы — дочь Человека-в-красном! Мама читала мне «Сказки о Каминнике», вы там тоже были.

— Да, это я, — ответила женщина. — Дочь Человека-в-красном. Хочешь узнать, как меня зовут? — Девочка кивнула, и она представилась: — Зои Гримм, приятно познакомиться. А это мистер Пибоди.

Тилли хотела еще что-то сказать, но тут горло снова защемило. Она прикоснулась к покрытой снегом шее и застонала. Пальцы были в чем-то мокром и липком.

— Тебя покусали, кроха, — сказала Зои Гримм. — Но мы появились как нельзя вовремя.

Тилли все вспомнила. Она тяжело задышала и задержалась в руках мистера Пибоди.

— Монстр... где монстр?

— Мы его прогнали. Он оказался очень трусливым. Его больше не стоит бояться.

— Болит! — Девочка снова прикоснулась к шее и отдернула руку. Кожу начало жечь, как будто она обмоталась лозой ядовитого плюща вместо шарфика.

— Не переживай, кроха, — поспешила ее успокоить женщина в капюшоне. — Мы отнесем тебя кое к кому. Тебе помогут. Потерпи, мы скоро придем.

— К мистеру Полночь?

— Нет уж, пока обойдемся без престарелых эльфов.

Тилли кивнула и вдруг вспомнила:

— «Сказки о Каминнике»... — начала она.

— Что там со сказками?

— Во всех сказках дочь Человека-в-красном... — начала она испуганно.

— Да?

— Она... вы... не добрая.

Женщина в капюшоне кивнула.

— Так вы злодейка? — спросила Тилли.

— Самая настоящая, — ответила дочь Человека-в-красном и, чуть подумав, добавила: — Вообще-то, малышка, я худшая из всех.

— Непохоже.

Зои Гримм возмутилась:

— Как это?

И поглядела на снеговика — тот лишь пожал плечами.

— Вы не злая, а грустная.

— Это ты грустная! — оскорбилась Зои. — А я не грустная. С чего бы это мне грустить?

Не меня похищал монстр, и не я лишилась праздничного ужина.

— Все равно, вы грустная. И очень добрая.

Ну это было уж чересчур. Мисс Гримм зафыркала, снеговик замотал головой.

— Вы же меня спасли. Зачем вы меня спасли?

Дочь Человека-в-красном собиралась что-то сказать, как следует ответить этой наглой и очень глупой девчонке, но вдруг весь ее порыв сдулся, словно из нее выпустили весь воздух.

— Не знаю, — задумчиво проговорила Зои Гримм. И вдруг поняла, что она действительно грустная.

— Что, нужно было оставить тебя там? — добавила она раздраженно. — Да и монстр этот совсем уж не симпатичный. И вообще, мы пришли...

Тилли огляделась. Они были в каком-то переулке. Домишки подступали почти вплотную друг к другу, они выглядели очень старыми и совсем не приветливыми.

Женщина в капюшоне и снеговик остановились у двери узкого двухэтажного дома. Над дверью светилося полукруглое окошко. На табличке значилось: «*Пер. Трокар № 7*».

Девочка вздрогнула.

— Я знаю, кто здесь живет... Страшный доктор!

Женщина в капюшоне усмехнулась.

— Вообще-то он не страшный, а совсем даже наоборот — очень представительный и обаятельный джентльмен. Настоящая мечта в шикарном костюме. Не бойся — он тебя не обидит. Или я обижу его. — Зои Гримм поглядела на снеговика. — Мистер Пибоди, ждите меня неподалеку — не будем смущать доктора вашим присутствием.

Она поправила капюшон, попыталась привести в порядок волосы.

— Как я выгляжу? — Снеговик ничего не сказал, но Зои Гримм ответила: — Я и сама знаю, что бесподобно!

Мистер Пибоди кивнул и передал ей девочку. Та снова застонала.

— Доктор поможет тебе, — заверила малышку Зои и, дождавшись, когда мистер Пибоди отойдет на достаточное расстояние и встанет на противоположном тротуаре с видом обычного, ничем не примечательного снеговика, повернулась к двери и постучала.

Никто не открыл.

Зои Гримм нахмурилась и буркнула:

— Странно.

После чего постучала снова. Уже настойчивее.

— Умеешь пробираться в дома через каминные трубы? — спросила Зои, и девочка замотала головой.

И все же проделывать подобный трюк им не пришлось. Раздался звук шагов, и дверь отворилась.

На пороге стоял мальчик — и, вероятно, это был самый несчастный мальчик во всем Тремпл-Толл. Зои знала, что перед ней племянник доктора — она видела его пару раз, когда приходила в уютный мрачный кабинет Натаниэля Френсиса Доу.

Выглядел докторский племянник совсем не так, как должен выглядеть ребенок в считанные часы до Нового года. Коротко стриженный, причем крайне небрежно и неровно, словно ножницы прошли по его волосам пока он спал и к тому же против его воли, он напоминал тяжело больного. Бледно-серый, с синяками под глазами и парой фиолетовых ссадин на щеке.

Судя по всему, она оторвала его от работы: на мальчике был фартук, из кармашка которого торчала метелочка для пыли, на щеках и губах чернели полосы сажи. Помимо прочего, он был весь в мучной пыли.

На Зои уставился тяжелый, совсем не детский взгляд.

— Добрый вечер, юный джентльмен, — сказала мисс Гримм. — Могу я увидеть господина доктора?

— Нет, — хмуро ответил мальчик. — Он не принимает пациентов.

Зои прищурилась.

— Это срочное дело, знаешь ли.

Племянник доктора поглядел на девочку. Та смотрела на него во все глаза.

— Джаспер?! Кто там пришел? — раздался холодный строгий голос, и в прихожей появился сам доктор Доу, в неизменном идеально сидящем черном костюме, с безукоризненной прической и с хорошо знакомым Зои слегка пренебрежительным выражением на лице.

Судя по его взгляду и тому разочарованию, которое в нем промелькнуло, он рассчитывал увидеть вовсе не Зои Гримм.

— Мисс Гримм? — доктор удивленно поднял брови. — Что вы здесь делаете? Вас ищет вся полиция города... То, что вы устроили...

— Я тоже очень рада вас видеть, — Зои одарила доктора самой приветливой улыбкой, на какую была способна.

— Вы поставили на уши весь Тремпл-Толл...

— О, эти пресловутые тремпл-толльские уши! Вы же меня не выдадите, доктор?

— Нет, но...

Зои решила, что любезностей достаточно, и перешла к делу:

— Мне нужна ваша помощь. Эта бедняжка... она ранена.

Пристальный взгляд черных глаз впился в девочку. Тилли Беррике испуганно схватилась за помпон, свисающий с капюшона Зои, — слухи об этом человеке и о его жутком саквояже ходили один страшнее другого. Даже прошедший дюжину войн полковник Сэдвиш, приятель башмачника Тумнуса, его боялся.

Доктор между тем коротко покачал головой.

— К сожалению, я сейчас не принимаю пациентов.

— Принимаете.

— Мисс Гримм...

— Я знаю, что сейчас Новый год, — начала Зои, — и что у вас полным-полно каких-то важных праздничных дел. Но я прошу вас... у вас же есть сердце, Натаниэль?

— Я ведь просил вас так меня не называть, — сказал доктор и вдруг принялся бормотать, — что ему вообще-то было несвойственно: Натаниэль Доу всегда изъяснялся четко, лаконично, что выгодно отличало от извечно бубнящих жителей Саквояжного района: — Вы не понимаете... я не могу... я хотел бы вам помочь, но... сейчас не лучшее время...

— Не лучшее время?!

Мисс Гримм вспыхнула: как будто она нарочно выбирала момент, чтобы появиться у него на пороге с раненной девочкой!

— Если вы нас не примете, доктор Доу, я за себя не ручаюсь, — пригрозила Зои. — Вы ведь не хотите, чтобы ваш дом наполнился снегом? Мне позвать мистера Пибоди? Вас давно кололи зонтиком?

— Вам меня не запугать, мисс Гримм.

— Я никуда не уйду! — воскликнула Зои, и доктор вздрогнул.

— Тише, мисс Гримм. Прошу вас, не стоит так вопить...

Доктор Доу бросил быстрый взгляд куда-то наверх, в потолок. Зои с удивлением отметила промелькнувший в его глазах испуг. Он вел себя очень странно — это был совсем не тот Натаниэль Доу, которого она знала.

— Дядюшка, — встрял в разговор Джаспер, — ты не можешь прогнать бедную девочку.

— Или можете, доктор? — спросила Зои, прищурившись.

Доктор Доу промолчал, раздумывая и словно к чему-то прислушиваясь. Наконец он сказал:

— Пойдемте. Скорее. В мой кабинет. Только прошу вас, тише. Вы способны не шуметь, мисс Гримм?

Зои кивнула, и они направились к лестнице. Джаспер, закрыв дверь, двинулся следом.

На середине лестницы доктор внезапно остановился:

— Прошу вас, не наступайте на эту ступеньку, — едва слышно сказал он. — Она очень громко скрипит.

Зои недоумевала все сильнее: чего он боится? Прежде она считала, что страх в любом проявлении неведом этому джентльмену. С неприятным склизким чувством она поняла, что ошибалась.

Оказавшись на втором этаже, доктор и его племянник, не сговариваясь, глянули в конец коридора и замерли, едва дыша. До Зои донесся гулкий протяжный храп, раздающийся из-за одной из дверей.

И тут доктор сделал исключительно дикую для себя вещь — то, чего он прежде, как она считала, никогда не совершил бы. Он приставил палец к губам, после чего на цыпочках подошел к двери кабинета и открыл ее, стараясь это проделать так, чтобы петли случайно не скрипнули.

Они вошли в кабинет. Джаспер со всей возможной осторожностью запер дверь и кивнул дядюшке. И только тогда доктор зажег свет и указал Зои на хирургический стол.

Та, по-прежнему ничего не понимая, положила на него девочку.

— Что произошло? — спросил Натаниэль Доу, повернувшись к своему письменному столу. Он раскрыл стоявший на нем саквояж и принялся что-то из него извлекать.

— Это очень долгая история, — проворчала Зои. Сейчас ее больше интересовало, что происходит с самим доктором.

— Я выиграла ужин у господина Моргрейва в Праздничной передовице, — тихо сказала Тилли. — Но он оказался монстром и хотел меня сожрать. А дочь Человека-в-красном и мистер Пибоди спасли меня. Они прогнали монстра.

— Гхм... может, и не такая уж и долгая история, — хмыкнула Зои Гримм.

— Дочь Человека-в-красном? — удивленно проговорил доктор, подняв взгляд на Зои.

— Самая настоящая, — ответила женщина в капюшоне. — Вы что-то имеете против?

— Это как-то связано с вашими выходками, мисс Гримм?

— Вовсе нет, — соврала Зои. — Вот так всегда: хочешь кому-то помочь — и оказываешься виноватой.

— Монстр? — между тем спросил Джаспер. — Что это был за монстр?

Мальчишка вдруг перестал напоминать тень, затравленную лучами лампы в угол. Он покачивался с носков на пятки, его лицо чуть посветлело, весь его вид выражал крайнюю

степень любопытства, а сам он походил на сладкоежку, который услышал, что где-то кто-то недавно обронил конфетку на улице.

— Жуткое страшилище, — сказала Зои. — У него много глаз и скользкие щупальца. А еще он носит пальто с пелериной и цилиндр.

— Ух ты... — выдохнул Джаспер; мисс Гримм удивилась: она рассчитывала на иную реакцию. — А где он живет? Наверное, где-то в канализациях под городом?

— Джаспер. — Доктор строго поглядел на племянника.

— Как будто тебе самому не любопытно, — огрызнулся мальчишка с видом того самого сладкоежки, у которого вырвали из пальцев уже почти развернутую конфетку.

— Мне любопытно, — не стал спорить доктор, — но только лишь потому, что мне требуется понять, с чем столкнулась юная мисс. Возможно, это поможет в лечении. Так где вы встретились с монстром, мисс Гримм? Под городом?

Зои пристально на него поглядела. Что бы доктор ни говорил, но, кажется, в этом кабинете было целых два помешанных на конфетах сладкоежки. Словно само это слово «монстр» превратилось в некий колокольчик, который вывел доктора и его племянника из долгого сна.

— Напротив, — тем не менее ответила она. — Он жил под самой крышей старого отеля «Голдбергорт». Ползал там среди куч разломанных часов, караулил жертву. Когда мы с мистером Пибоди появились в его логове, он уже схватил бедняжку, стиснул ее тельце щупальцами и впился в нее своими присосками. Это было ужасное, кошмарное зрелище...

Тилли Беррике задрожала.

— Предлагаю сменить тему, мисс Гримм, — нехотя сказал доктор Доу. — Юная мисс, я должен поставить в известность о произошедшем ваших родителей и...

— Только не говорите это мерзкое, зловонное слово! — вставила Зои, но доктор продолжил:

— ...и полицию.

— Никакой полиции, Натаниэль!

Джаспер закивал:

— Они же ничем не помогут, дядюшка, — сказал он. — Только все испортят как обычно. — Мальчик снова повернулся к Зои Гримм. — Значит, монстр... он все еще где-то там? Возле старого отеля? Он мог вернуться в свое логово, как думаете?

Брови доктора Доу выстроились в единую хмурую линию.

— Джаспер! Предлагаю оставить разговоры о монстрах — ты видишь, как бедняжка испугана?

Племянник доктора закусил губу, поглядев на девочку, — та и правда была в одном мгновении от того, чтобы заплакать. Он вынужденно кивнул, соглашаясь с дядюшкой.

— Сейчас мне нужно заняться бедняжкой.

Доктор натянул белые рабочие перчатки и повернулся к Тилли Беррике. Из-за спины Натаниэля Доу бил яркий свет, окутывая его призрачным ореолом, при этом лицо доктора утонуло в потемках. Сейчас он выглядел не менее страшно, чем тот самый монстр.

— Не бойтесь, мисс, — сказал он таким голосом, что Тилли стало еще страшнее.

Зои почувствовала, как девочка боится, и погладила ее по взлохмаченным нежно-рыжим волосам.

— Не бойся, — прошептала она. — Дочь Человека-в-красном не даст тебя в обиду. Позволь доброму господину доктору тебе помочь.

Тилли неуверенно кивнула.

Доктор Доу склонился над девочкой, расстегнул пару верхних пуговиц ее платья. На шее и под ключицами Тилли краснели четыре пятна — следы соприкосновения с присосками. Они кровоточили, Зои не выдержала и отвернулась.

— Жжется, — пожаловалась девочка. — И чешется.

Доктор Доу задумчиво проговорил:

— Гм. Фермент, я бы предположил, что это гирудин или его близкий аналог, — мешает быстрому свертыванию крови. Повреждения кожи походят на следы гирудотерапии.

— Гирудо... что? — спросила Зои.

— Пиявки, — пояснил Джаспер.

Доктор подкатил к хирургическому столу столик на колесиках — на нем лежали жуткого вида блестящие инструменты и стояли механизмы непонятного назначения.

Тилли застонала и схватила Зои за руку.

— Где вы живете, мисс? — спросил доктор, пытаясь отвлечь девочку.

— В Странных Окнах, — ответила та, не отрывая взгляда от его рук в тонких белых перчатках.

— Странные Окна, — улыбнулся Джаспер. — Там живет наш друг, мистер Клокворк, — он продает шестеренки, ходит повсюду со своим чемоданчиком.

— Щуплый навязчивый тип? — проворчала Зои. — Он ваш друг?

— Друг — это слишком громко сказано, — ответил доктор, вновь повернувшись к Тилли и принявшись измерять при помощи линейки ранки на ее шее. — Диаметр красноты вокруг каждого укуса — два с половиной дюйма. Наблюдаются разлитые отеки и интенсивный зуд кожи. Имеет место воспаление...

Он прикоснулся ладонью ко лбу девочки и покивал своим мыслям.

— Вы знаете Артура? — спросила Тилли. — Он очень добрый.

— Согласен — его доброта вызывает уважение. Но его наивность и доверчивость нередко выходят ему боком.

Зои кольнуло чувство стыда, и она решила от него избавиться, сменив тему:

— С мисс Беррике все будет хорошо, доктор?

Тот кивнул.

— Насколько я могу судить, принцип питания напавшего на девочку существа действительно схож с принципом питания пиявки. Следов отравления каким-нибудь специфическим ядом, который мог быть впрыснут в кровь во время укусов, я не наблюдаю. Помимо, разумеется слюнного яда, который не позволяет крови сворачиваться, но у него сугубо временный эффект. У меня есть несколько хороших средств для лечения укусов, для рассасывания синяков и кровоизлияний, но сперва нужно обработать раны.

Доктор заправил в небольшой механизм, похожий на переносную швейную машину, моток марли и бобину ваты, и перемкнул рычажок. Машина заворчала, задрожала и принялась резать и накручивать: валики пришли в движение, защелкали ножницы.

— Что вы делаете? — спросила Зои. — Что это за штукавина?

— Тампонарий. Нужно остановить кровотечение, — ответил доктор и, подойдя к стене кабинета, достал из нее за ручку продолговатый ящик, из которого поползла голубая ледяная дымка. Повеяло холодом.

Доктор Доу извлек из ящика коричневую бутылочку, и тут звякнул его тампонарий. Доктор открыл дверцу, после чего откупорил склянку и принялся смачивать ледяной

жидкостью свернутые из марли тампоны.

— Ой, холодно! — воскликнула Тилли Беррике, когда он приложил первый тампон к месту укуса.

— Постарайтесь не шевелиться, мисс, — велел доктор и один за другим закрепил бинтами еще три тампона, перекрыв все ранки.

После чего подошел к стенному шкафу, полки в котором были сплошь заставлены разномастными склянками. Выбрав одну, он вернулся к пациентке.

— Ваши родители, мисс... Нужно им сообщить. Уверен, они захотят прийти как только узнают, что с вами произошло.

— Они не придут, — с печальным видом сказала Тилли. — Мама и папа в Браммл. Доктор Доу дернул щекой, но ничего не сказал. Зои нахмурилась.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Как это вышло?

— Папа пошел в черный банк на площади Неми-Дрё. А потом...

Она могла не продолжать: это была обычная для Тремпл-Толл история. Ссуда, которую невозможно погасить, приводила многих из тех, кто брал у банка займы, в долговую тюрьму Браммл.

— К нам пришли люди из банка, они забрали маму и папу и даже песика Быдля. Теперь они все живут в Браммл.

— Проклятый банк, — со злостью в голосе сказал Джаспер. — Ненавижу это место. Гадкие прохвосты Ригсберги и их банда злобных клерков. Вот бы кто-то сжег этот банк!

— Джаспер... — начал доктор.

— А что? Ты ведь сам говорил, что в Саквояжном районе все плохо во многом из-за этого банка. Что они присосались к Тремпл-Толл, как... как пиявки! Если бы только мистер Фиш забрал все их деньги! Они бы тогда разорились и... и умерли!

— Джаспер!

Зои слушала эту перепалку очень внимательно.

— Мистер Фиш?

— Человек-из-Льотомна, — пояснил мальчик. Лучший злодей в мире и наш друг.

— Друг — это слишком громко сказано, — проворчал доктор.

— Человек-из-Льотомна? — восхищенно проговорила Зои Гримм. — Ну надо же...

— Я скучаю по нему, — сказал мальчик. — Уж он точно придумал бы, как наказать этих банковских пиявок. Чтобы они не пили кровь. Только ему под силу спасти всех несчастных безнадег!

— Хочу, чтобы он спас маму, папу и Быдля, — прошептала Тилли Беррике. — Ты можешь попросить его спасти их?

— Боюсь, мистеру Фишу нет дела до спасения кого бы то ни было, — возразил доктор Доу. — Его заботит лишь собственное обогащение.

— Ну и пусть он бы снова ограбил этих Ригсбергов, — ответил Джаспер. — Тогда бы они полопались от злости, как волдыри!

— Он давно сбежал из Габена, — напомнил доктор.

— Жалко, что в этом дурацком городе не осталось никого такого же храброго, как он, — обреченно проговорила Джаспер.

— Нет! — воскликнула Тилли. — Здесь есть дочь Человека-в-красном! Она очень храбрая. Она не боится злых людей из банка! Вы же не боитесь?

Зои Гримм боялась кое-чего другого, а именно — моргнуть. Мысли в ее голове

забурлили, как в котле. «Неслыханно! Невозможно! Восторг!»

— Мисс Гримм. — Доктор поглядел на нее с подозрением. — Я очень надеюсь, что вы сейчас не думаете о...

Его прервал бой часов. И тут же до кабинета донесся отдаленный гудок клаксона.

— Что? Кэб? — удивленно спросил он. — Вы вызвали экипаж?

Зои покачала головой, и доктор с Джаспером переглянулись. На их лицах снова проявился страх.

— Думаю, вам пора, мисс Гримм, — неожиданно сказал доктор. — Вас здесь не должно быть, когда...

Зои нахмурилась.

— Вы нас выгоняете?

— Только вас, — уточнил доктор. — Юной мисс придется остаться — я не закончил лечение.

Он шагнул к двери.

— Не оставляйте меня. — Тилли надела Зои молящим взглядом и крепко сжала ее руку.

Мисс Гримм склонилась над ней.

— Все будет хорошо. Доктор поможет тебе. Мне и правда пора. — Она что-то прошептала на ухо девочке, и лицо Тилли просветлело.

— Правда?

Зои кивнула.

— Мисс Гримм. — Доктор открыл дверь, и Зои Гримм, напоследок подмигнув девочке, покинула кабинет.

Натаниэль Доу и Джаспер вышли в коридор следом.

— Позаботьтесь о ней, — сказала Зои. — И не вздумайте ее обижать.

— Лечение обещает быть безболезненным.

— Нет же, — возразила Зои. — Я говорю о ваших безжалостных мизантропических замечаниях и преисполненных беспросветности рассуждениях, которые обычно мне так нравятся.

— Не понимаю, о чем вы. Я совсем не...

И тут он замолчал.

— Так-так-так! — раздалось из дальнего конца коридора. Джаспер и Зои обернулись. Мальчик испуганно задрожал.

Вскинув выпирающий, как клюв, подбородок, на них глядела высокая женщина в черном платье, пальто и шляпке. На вид ей было около пятидесяти лет, и в высокой раздвоенной прическе проглядывали седые пряди. Обильно напудренное лицо белело в полутьме коридора, и даже с расстояния в дюжину шагов Зои разглядела над ее верхней губой чернеющую мушку, которая больше походила на бородавку.

Особа эта была настолько неприятной, что мисс Гримм ощутила настойчивое желание покинуть этот дом как можно скорее.

— Миссис Клохенбах... — начал доктор Доу, перетаптываясь на месте, — вы проснулись.

— Что здесь творится, доктор? — спросила миссис Клохенбах, не сводя подозрительного взгляда с Зои Гримм.

— Эм-м-м... это одна из моих пациенток, — промямлил доктор Доу. Зои недоуменно

поглядела на него: он вел себя, как напроказивший и попавшийся на горячем мальчишка — подобное поведение больше подошло бы Джасперу.

— Сегодня нет приема этих... — миссис Клохенбах поморщилась, — больных. Вы разве забыли? Вы снова пытаетесь нарушить тот прекрасный распорядок дня, который я для вас составила?

— О нет, что вы, — начал оправдываться доктор Доу, что заставило Зою в очередной раз разочароваться в нем. — Понимаете, здесь был очень срочный случай и...

— И что же такое, позвольте спросить, заставило вас нарушить распорядок дня?

— Маниакально-депрессивное помешательство.

— Эй! — возмутилась Зоя. — А как же врачебная тайна?

— Никаких тайн между доктором и его экономкой! — провозгласила миссис Клохенбах, и все стало еще страннее: если эта женщина — всего лишь экономка, то отчего позволяет себе третировать доктора подобным образом? Поначалу, признаться, Зоя решила, что эта Клохенбах — докторская тетка или еще кто-то в том же духе.

— Не беспокойтесь, миссис Клохенбах, мисс Гримм уже уходит, — сказал доктор.

— Вот и замечательно. — Экономка опустила взгляд на Джаспера, и ее лицо исказилось.

— А ты что здесь делаешь, мальчик? Ты уже обмазал гуся маслом?

— Я... э-э-э... да...

— Ты лжешь мне, мальчик?

Джаспер задрожал и поглядел на дядюшку, но тот уставился в пол.

Миссис Клохенбах втянула носом воздух.

— Если ты обмазал гуся маслом, мальчик, то отчего он до сих пор не в печи? Я что-то не чувствую запаха запекаемого гуся! Нет, мальчик, совсем не чувствую! Но зато я чувствую гадкую вонь непослушания!

— Я как раз собирался, — потупившись, ответил Джаспер.

— Быстрее, мальчик. Гуся — в печь! Поторапливайся! Ты же не хочешь, чтобы я открыла свою шляпную коробку?

Джаспер сорвался с места, словно его сдуло ураганом. Он припустил по лестнице вниз. Вскоре громынула захлопнувшаяся дверь кухни.

Экономка удовлетворенно кивнула и прикрыла дверь комнаты, возле которой стояла, несколько раз провернула ключ, после чего спрятала его в громадный полосатый ридикюль. Только сейчас Зоя обратила внимание на то, что миссис Клохенбах держит за бечевку связку из нескольких коробок, обтянутых праздничной бумагой и лентами. Вряд ли подарки предназначались доктору или его племяннику.

— За мной прибыл кэб, — сообщила миссис Клохенбах, повернувшись к доктору.

— Вы нас покидаете?

— Отбываю к сестре — проведу праздник у нее. Вернусь завтра в полдень. Я надеюсь, вы будете хорошо себя вести, пока меня нет, и... — она прищурилась, — я жду, что вы будете соблюдать распорядок дня.

— Разумеется, — глухо ответил доктор.

Миссис Клохенбах, тяжело ступая, подошла и окинула Зою уничижительным взглядом. На миг остановилась у кабинета, прислушиваясь.

Доктор сглотнул.

Экономка поправила шляпку и двинулась к лестнице. Вскоре входная дверь закрылась

за миссис Клохенбах.

Зои Гримм посмотрела на доктора — тот выглядел печальным и совершенно потерянным. Натаниэль Доу кивнул мисс Гримм, и они направились к выходу.

Когда они оказались в прихожей, Зои сказала:

— Сообщите мне, когда вернется доктор Доу, которого я хорошо знаю.

Доктор непонимающе на нее поглядел.

Зои не стала пускаться в объяснения и открыла дверь.

— Мисс Гримм, то, что вы делаете...

— А что я делаю, господин доктор?

— Все те бесчинства, которые вы устраиваете в Тремпл-Толл...

— Я знала, что вы будете в восторге.

— Напротив, мисс Гримм, я крайне их осуждаю. Учитывая ваше самочувствие...

— О, мое самочувствие просто прекрасно, — ответила Зои. — Но я переживаю о вашем, доктор.

Натаниэль Доу нахмурился.

— Что? О чем вы говорите?

— Вы на себя не похожи. Совсем.

— Убежден, что это не так, — ответил доктор Доу. — Я недавно смотрелся в зеркало и уверенно заявляю: я по-прежнему на себя похож. Что... что вы делаете, мисс Гримм?

Его недоумение было понятным, учитывая, что Зои приблизилась к нему вплотную и схватила его за руку.

— Что с вами? — потребовала она ответа.

— Ровным счетом ничего.

— Вы очень плохой лжец, Натаниэль Доу. И вы мне сейчас совсем не нравитесь.

Доктор Доу аккуратно вызволил руку и сказал:

— Вероятно, все дело в празднике... Мне не хватает...

— Чего? Чего же вам не хватает?

Доктор сбросил оцепенение. Его лицо превратилось в непроницаемую маску.

«Ну вот, сейчас начнутся нравоучения...» — подумала Зои и оказалась права.

— Мисс Гримм, я понял, что вы задумали. Даже помыслить о таком не смейте. Это плохо для вас кончится.

— О, вы переживаете за меня! — задорно улыбнулась Зои.

— Разумеется. Я переживаю за всех своих пациентов.

Мисс Гримм будто не услышала и просто продолжала глядеть на доктора, не говоря ни слова. Она почувствовала, как ему стало неловко, но улыбку не сняла.

Доктор Доу сжал зубы и процедил:

— Ни в коем случае. Не. Делайте. Этого.

— Конечно, доктор. Я ничего не стану делать. Счастливых праздников.

Мисс Гримм вышла под снег.

— Счастливых праздников. — Натаниэль Доу тяжело вздохнул и закрыл дверь.

Зои какое-то время постояла на пороге, раздумывая обо всем, что произошло в этом доме, после чего подавила возникшее в груди тяжелое чувство, какое испытывала всякий раз, как происходило что-то неприятное и непонятное, после чего сдула с носа снежинку и пошла по дорожке туда, где ее ждал мистер Пибоди.

— Вы не поверите, мистер Пибоди, — сказала она, подойдя к снеговуку. —

Неожиданным образом я получила то, чего мне так не доставало.

Снеговик уставился на нее с легко читаемым непониманием.

— У меня появилась замечательная идея! Она вам точно понравится...

— Ты думаешь, это так просто было сделать? — спросил мистер Грей. — Нет уж, это было очень сложно, кот. Ты не согласен?

Кот молчал. И не только потому, что он был, собственно, котом, а еще потому, что он представлял собой замороженный комок — настоящую сосульку с грустными, умоляющими его отогреть глазами.

Мистеру Грею не было дела до страданий зверька — он во все глаза глядел на двери дома напротив. Недавно за ней скрылась интересующая его личность.

Сам мистер Грей стоял у пустой рамы иллюминатора в брюхе старого ржавого летательного аппарата «Рокфорт». Эта развалюха давно выросла в крышу дома № 8 в переулке Трокар — судя по всему, изначально ее использовали в качестве второго чердака, но за долгие годы нутро было вычищено и напоминало пустую консервную банку — это место стало кошачьим логовом: кресла в салоне были разодраны когтями, внутри стоял нерассеивающийся запах прелой шерсти.

Мистер Грей был сосредоточен и напряжен — беседа с замерзшим котом являлась неким проявлением нервозности, которая его охватила.

Вскоре все решится...

Создатель плана, таинственный мистер Блохх, уверил его, что последний намек не будет проигнорирован их жертвой, и все же мистер Грей сомневался. Нет, не в Блоххе, но в обстоятельствах и событиях, которые невозможно предугадать.

— Он говорил так убежденно, — пробормотал мистер Грей, не спуская взгляда с двери дома № 7. — Знаешь ли, кот, у меня нет причин ему не доверять. Он все продумал, ведь так?

Кот ожидаемо промолчал.

В переулке кто-то появился. Дверь одного из домов распахнулась, и прямо под снег выскочил тощий долговязый старик. Мистер Грей осуждающе покачал головой: старик был в одной ночной рубахе и колпаке — так ведь простудиться недолго!

— Вот дела... — Мистер Грей удивленно округлил глаза, глядя, как старик с — чем бы вы думали?! — саблей наголо ринулся, шлепая тапочками, к стоявшему неподалеку снеговика.

— Они тебя подослали шпионить за мной! — завопил старик. — Я так и знал!

Снеговик показал ему весьма грубый жест рукой — «чайку», но уже в следующее мгновение ему пришлось защищаться.

Старик с завидной для его лет живостью набросился на снеговика. Он ударил саблей, целясь в круглую носатую голову в цилиндре, но лезвие столкнулось с выставленным зонтиком. Начался настоящий бой. Старик ловко орудовал саблей, но снеговик не менее ловко отражал удары. Схватка была равной.

— Ты еще не знаешь, с кем связался, ты, снежное чучело! — голосил старик. — Я генерал Грымм, и я тебе не по зубам!

Сабля, очевидно, была тупой, ведь иначе зонтик давно развалился бы на куски.

Снеговик парировал удар за ударом, не забывая время от времени делать и свои выпады — пару раз ему даже удалось кольнуть старика. Небольно, но это лишь раззадорило обладателя ночной рубашки.

— Генерал! — раздался вдруг возмущенный окрик, и старик обернулся.

Из дверей дома, кутаясь в шаль, выбежала немолодая женщина.

Снеговик застыл, не подавая признаков жизни.

Генерал Грымм поднял саблю. Его противник никак не отреагировал.

— Давай же! Защищайся!

Женщина подбежала и отобрала у него саблю.

— Я же отвернулась всего на минуту!

— Отдайте саблю! — возопил старик. — Я должен проучить его!

— Вы заболаете. — Женщина схватила генерала за руку, словно неразумного ребенка, и потащила его к дому.

— Пустите! Пустите меня! Этот подлец... у него зонтик... он задумал...

— Это просто снеговик... Он ничего не задумал...

— Вы не понимаете! Это шпион! Они подослали его!

— Что это вы удумали?! — укоряла женщина, с трудом утаскивая сопротивляющегося старика. — Вы снова нарушили свое обещание не покидать дом. Вы же не хотите, чтобы я позвала доктора Доу?

Упоминание доктора слегка урезонило генерала. Весь его боевой запал угас.

— Они подослали его... Они строят заговор... Почему мне никто не верит?

— Вы снова не приняли свои пилюли?

— Ненавижу их — они горькие!

Женщина заволокла старика в дом. Дверь закрылась, и переулок вновь погрузился в тишину.

— Старый безумец, — проворчал мистер Грей. — Он едва все не разрушил... Если бы она позвала доктора...

И все же старый сумасшедший генерал кое в чем был прав. Заговор имел место, вот только он к нему никакого отношения не имел.

Заговор, в котором участвовал мистер Грей, устроил мистер Блохх.

И хоть прежде мистер Грей считал себя не то, чтобы очень умным, но, по крайней мере, умнее всех прочих, сейчас он не мог не признать, что в сравнении с логическим механизмом мистера Блохха его собственный разум — не более, чем обугленная головешка на дне камина или тухлая рыба, или еще что-то в том же неприглядном духе. Но вот какое дело: его это нисколько не огорчало. Более того — он был в восторге от знакомства с подобной невероятной личностью. До сего момента он и не предполагал, что такое в принципе возможно — что весь город для кого-то может представлять собой всего лишь макет в чемодане, а люди — тех же автоматов, конструкторов, не способных разорвать цепь заложенных в них заданий и событий.

А конструктор творил... просчитывал, выстраивал сцены, прокладывая фут за футом те незаметные рельсы, по которым двинется его кукла.

Как он это делает? Как столь сложные мысли рождаются в его голове? Все это было выше понимания мистера Грея.

Мистер Блохх называл то, что они делали, всего лишь спектаклем, постановкой, но для

мистера Грея все было слишком реально. И неудивительно, ведь в то время как Блохх наблюдал со стороны, не будучи вовлечен в «спектакль» лично, его протеже кожей рук ощущал, как искра идеи обрастает все новыми огненными слоями, сплетая их один за другим.

Это было подлинное чудо. Создание чего-то нового, живого.

Искра...

Крошечная, беззащитная и хрупкая искра грозила распасться, рассыпаться, но он не мог этого позволить.

Сперва нужно было отыскать для нее сосуд, посадить ее туда, где она не только не погаснет, но, наоборот — разрастется и разгорится.

Блохх предоставил ему несколько имен, у их обладателей было много общего, все они могли принять искру. Мистер Грей раздумывал и выбирал, взвешивал все «за» и «против», пытался просчитывать, как это делал Блохх, но у него не особо выходило. Одно имя ему понравилось больше других — его обладатель идеально подходил на приготовленную для него роль, но вот незадача: как только Грей сообщил Блохху о своем выборе, его кандидат скоропостижно скончался, попав под трамвай. На миг мистера Грея посетила тревожная мысль, что Блохх это подстроил, чтобы он выбирал дальше из предложенных имен, но он тут же себя утешил: какой смысл Блохху вредить кандидату и, соответственно, его же собственному плану?

Тогда мистер Грей выбрал второе имя. И с тех пор не пожалел ни разу.

И все же... хоть кандидат и казался даже лучше прежнего, повернуть с ним задуманное было невероятно сложно: он будто назло вдруг ослеп на оба глаза и перестал замечать намеки.

В какой-то момент мистер Грей даже усомнился, что все получится, но Блохх был непреклонен: «Вы должны продолжать».

И мистер Грей продолжил. Искра заняла положенное ей место и прижилась. Колеса встали на рельсы.

А дальше все шло буквально по накатанной: станцию «Намек» сменила станция «Рыбка на крючке», а та, в свою очередь, сменилась станцией «Мышеловка». Шаг за шагом... фут за футом план полз в нужную сторону.

Искра идеи жила. Сперва она едва тлела, но мистер Блохх руками мистера Грея понемногу подкармливал ее верной растопкой, время от времени подбрасывал щепки и сухие газеты. И искра росла — мистер Грей плел ее, пестовал, распаяя все сильнее. Он ощущал себя химиком, работающим с нестабильными реагентами: одно неосторожное движение, и прогремит взрыв.

Возможности для второй попытки у них не было. Нельзя перестараться, нельзя допускать грубых движений — это работа невидимыми спицами, каждая из которых в сотню раз тоньше швейной иглы. Все сорвется, стоит только хранителю идеи заметить чужое вмешательство. Если он поймет, что у хода его мыслей есть свои создатели, все развалится, как картонный домик...

Мистер Грей в нетерпении переминался с ноги на ногу. Почему так долго?

Это был тот самый момент. Когда все либо сорвется, либо подтвердится. Сейчас... сейчас... ну же...

В переулочек въехал кэб.

— Поезжай... поезжай дальше... не останавливайся... — тревожно проговорил мистер

Грей, глядя, как экипаж ползет мимо. Несмотря на все надежды мистера Грея, кэб остановился напротив двери дома № 7. Кэбмен посигналил, давая понять будущему пассажиру, что экипаж прибыл.

Мистер Грей гневно сжал руки в перчатках.

Этого не было в плане! Откуда здесь взялся этот экипаж? Кто его вызвал?

— Проклятье! Что происходит?

Спустя какое-то время дверь дома № 7 открылась. По дорожке к экипажу прошла высокая женщина в черном. Она забралась в кэб, и тот покатило прочь из переулка.

Мистер Грей боялся вдохнуть от напряжения.

Спустя пару минут дверь снова открылась, и на пороге показались доктор Доу и женщина в красной пелерине с капюшоном. Они о чем-то говорили — с такого расстояния мистер Грей не мог разобрать ни слова.

Доктор закрыл дверь, а женщина в пелерине подошла к ожидавшему ее снеговику. Она что-то ему сказала, после чего они двинулись в сторону вокзала.

Вскоре они исчезли из виду.

Мистер Грей ждал.

На почтовом ящике дома, возле которого некоторое время назад стоял снеговик, загорелись два светящихся глаза, а затем, взмахнув крыльями, в воздух поднялась большая черная птица.

Подлетев к ржавому аэростату на крыше дома № 8, она проникла в иллюминатор и уселась на спинку кресла пилота.

Мистер Грей, пытаясь унять дрожь в пальцах, приблизился к механической вороне и переключил незаметный тумблер у нее на боку.

— Что ты узнала?

Фонографические цилиндры внутри птицы-автоматона пришли в движение. Металлический клюв раскрылся, и из него вырвалось шипение — в нем зазвучал женский голос: *«Вы не поверите, мистер Пибоди. Неожиданным образом я получила то, чего мне так не доставало. У меня появилась замечательная идея! Она вам точно понравится...»*

То, что женщина сказала дальше, развенчало все опасения мистера Грея.

Им удалось... Искра не просто жила, она выросла в сознание жертвы, стала его неотъемлемой частью.

Это был важный шаг, впрочем, преждевременно радоваться не стоило. Пусть Зои Гримм и двигалась по проложенным для нее рельсам, этого было недостаточно.

— Самое время запустить на пути встречный состав. Столкновение неизбежно.

Мистер Грей спрятал механическую ворону в сумку и шагнул к овальному проему двери «Рокфорта». Все только начиналось...

Мистер Твунни сжимал штурвал так крепко, что скрипели не только его перчатки, но и костяшки пальцев.

И все же он не слышал этого из-за скрежета его аэрокэба, гула котла и воя ветра. Погода к вечеру ухудшилась, снег бил в лобовое стекло и залепливал иллюминаторы. Кронштейны, удерживающие оболочку, ходили ходуном, экипаж швыряло из стороны в сторону и все время казалось, что он вот-вот развалится на части. Стрелки датчиков на приборной панели

дрожили у самой красной зоны.

Мистер Твунни дернул туда-обратно ручку слева от штурвала, и в тот же миг с лязгом закрылись и снова открылись наружные шторы, очищая стекла. На мгновение он различил мигнувший в небе фонарь на аэробакене.

Полеты над городом с наступлением темноты и ухудшением погодных условий запретили, и кэбмен за последние пятнадцать минут уже, вероятно, в сотый раз пожалел о том, что согласился доставить ту престарелую пару на границу с Сонн. Они выглядели вполне презентабельно, и мистер Твунни назвал им цену втрое выше обычной. В иное время он и не подумал бы лететь, учитывая обстоятельства, но... ему не хватало всего тридцать пять фунтов, чтобы купить в лавке у мистера Голсуорта тот чудесный гребень для Мэри.

Доставил пассажиров мистер Твунни без происшествий: тряска была едва ощутимой, метель вроде как улеглась, и он прекрасно видел навигационные огни на аэробакенах. Но вот обратный путь на Чемоданную площадь из просто неприятного «крен-штивания», «тангаж-шатания» и легкой качки быстро превратился в «Проклятье! Если я разобьюсь, Мэри так и не получит подарок на Новый год!»

— Нужно было следовать обратно на площадь по земле... — процедил мистер Твунни. — И зачем я только поднялся в воздух?!

Запищал топливный датчик — химврастопка заканчивалась. Котел едва справлялся, удерживать экипаж на заданном курсе становилось все сложнее...

Мистер Твунни прильнул к смотровому окну, пытаясь разглядеть промелькнувший огонек, но снег будто слизнул его. Кругом была лишь темнота да метель.

И тут он вдруг поймал себя на неприятной мысли: «А ведь аэробакены должны были опустить еще полчаса назад. Что же это тогда было?» Вряд ли в Саквояжне сейчас нашелся бы еще один безумец, решившийся поднять свою машину в небо.

И только он это произнес, как по правому борту загорелся свет.

Мистер Твунни повернул голову к иллюминатору и протер запотевшие лётные очки.

Рядом с ним в небе над городом кто-то был! Он увидел фонари. Скопление огоньков сосредоточилось на... кэбмен сперва не поверил своим глазам!.. алой оболочке экипажа, летевшего примерно в тридцати ярдах от него.

«Пожарные?!» — пронеслось в голове, и тут он заметил, что это никакой не экипаж.

Сквозь снег по воздуху летели большие сани: красные полозья с подкрученными носами и фигурными стойками, золоченые молдинги и орнаменты на бортах, несколько пропеллеров и пыхтящая бордовым дымом батарея выхлопных труб. За рычагами сидел...

— Не может быть...

Бесформенная груда в кресле, оказавшаяся огромной красной шубой, зашевелилась, и к мистеру Твунни повернулась голова в капюшоне с белой меховой оторочкой. Потрясенный кэбмен различил пышную белую бороду и большие лётные очки.

— Человек-в-красном!

Мистер Твунни потянулся к ручке, управляющей шторами, дернул ее, сбрасывая со стекол налипший снег, и...

За иллюминатором больше никого не было. Свет фонарей растворился в темноте и метели.

Кэбмен для верности снова передернул шторы и протер очки. Ничего. Сани и тот, кто сидел за их рычагами, исчезли.

— Мне же не почудилось?

Вместо ответа завизжали датчики. Экипаж тряхнуло. Скрежет стрингеров и ферм оболочки проник в кабину, и мистера Твуни прошиб пот.

Больше не протянуть! Нужно снижаться!

Кэбмен склонился над окулярами перископа нижнего обзора — наземные огни походили на искорки.

Пальцы мистера Твуни замельтешили, переключая тумблеры. Он схватился за располагавшуюся над головой рукоятку регулятора высоты и потянул ее вниз.

— Я должен приземлиться... — бормотал кэбмен. — Должен вернуться к Мэри...

Началось снижение. Непогода противилась, пыталась помешать ему вырваться из ее лап, но экипаж мистера Твуни фут за футом опускался к земле и вскоре он уже был над ярко освещенной улицей. Кэбмен узнал башенку над зданием суда — улица Семнадцати Слив!

Когда колеса кэба коснулись брусчатки, мистер Твуни с облегчением выдохнул:

— Не иначе сам Каминник помог мне! Маленькое новогоднее чудо для Томаса Твуни!

Кэбмен переключил режим управления в «наземный ход», и экипаж двинулся в сторону Чемоданной площади.

Ну а что касается Человека-в-красном, то к счастливому приземлению мистера Твуни он не имел ни малейшего отношения. У него были свои заботы. И к новогодним чудесам эти заботы также ни коим образом не относились.

Под звон механизмов туча бордового дыма подплыла к чернеющему дому-башне, облетела его вокруг и начала снижение. У окна мансарды сани зависли в воздухе, дверка борта распахнулась. Человек-в-красном, взяв здоровенный мешок, перешагнул провал и ступил на карниз.

Забравшись в окно, он спустился на пол, затащив мешок следом. Под ногами заскрежетали сломанные часы.

— Ты приш-ш-шел, — раздался шелестящий голос, и среди груд часов возникла длинная фигура в черном пальто с пелериной.

— Как и было условлено, Моргрейв, — проскрипел Каминник.

— Мой ужин... — покачиваясь из стороны в сторону, словно под ногами был не ровный пол, а кренящаяся палуба корабля, господин Моргрейв двинулся к Человеку-в-красном. — Мне было сложно сдерживать себя... ты понимаешь?

— Понимаю.

— Она была такой сладкой... девчонка... а потом пришла эта мерзкая дрянь...

— Ты сделал то, что должен был.

— Мой праздничный ужин...

Старик в красной шубе кивнул.

— Я держу слово. Счастливых праздников, Моргрейв.

Сказав это, он забрался на подоконник. Раздался металлический скрежет, когда дверца саней хлопнулась. Человек-в-красном отбыл.

У окна на полу остался стоять большой темно-красный мешок.

Господин Моргрейв моргнул одновременно дюжиной глаз и шагнул к нему.

Мешок зашевелился. Из него раздалось приглушенное кляпом мычание.

Глава 8. Призрак, констебль, кот и воровка

9 часов 20 минут (вечера). Новый год все ближе...

— Я точно слышал что-то, мистер Бэккерфор! — испуганно прошептал средних лет мужчина в ношеном, покрытом заплатами твидовом костюме.

— Да эт крысюки разбродились, — беззубо прошамкал старик, почти все лицо которого было покрыто серой щетиной, будто он опустил его в мешок с пылью. — Не дрожи, Данли.

Данли с досадой зыркнул на старшего коллегу и приставил большое оттопыренное ухо к стене.

— Крысы не так бродят. Я ж из Фли, вы поверьте: я знаю звук бредущей крысы.

— Ну так греmlin какой, — не заставил себя ждать с ответом старый Бэккерфор. Он снял с носа грязные очки, подышал на стеклышки, протер их уголком полосатой жилетки и водрузил обратно — очки стали грязнее, чем были. — Видать, кто-то из их братии позарился на ржавые пружины.

В главной часовой башне Тремпл-Толл к вредительским гремлинам относились строго: если хоть кто-то из них отыщет путь внутрь, то потом бед не оберешься. Смотритель Джордж Бэккерфор и его помощник, часовщик-настройщик Роджер Данли, зорко следили за сохранностью вверенного им Ведомством часового оповещения механизмом. За все существование башенки над старым конторским зданием по адресу «площадь Неми-Дрё, 1» в часовую комнату гремлины проникали лишь единожды, и тогда от них едва удалось избавиться, при этом ремонт больших часов занял целый месяц.

Данли возмутился. Старик частенько намекал на то, что он работает чуть ли не из рук вон плохо. И это притом, что настройщик делал буквально всю работу в башне в то время, как сам смотритель лишь раз в день заводил часы главным ключом.

— Никаких гремлинов в башне нет, — сказал он, не отрывая уха от стены. — Я еще вчера все «Мотом» обсыпал — если бы там и был греmlin, то только лишь дохлый, с языком наружу. Уж не сомневайтесь. Так что, вот хотите смейтесь, но я уверен, что там сейчас бродит...

Старик последовал «совету» и расхохотался.

Данли раздраженно глянул на него. Он уже раскрыл было рот, собираясь ответить этому замшелому хрычу, что думает, как тут снова что-то услышал.

Часовщик-настройщик затаил дыхание и даже закрыл глаза, вслушиваясь. Казалось, прямо за стеной кто-то ходит. Вот только там, насколько он знал, ничего не было: ни комнаты, ни даже лестницы.

И тут ему в нос ударил резкий удушающий запах ваксы для обуви, тухлой рыбы и собачьей шерсти.

Он открыл глаза и увидел прямо перед собой морщинистое лицо мистера Бэккерфора. Тот также приставил ухо к стене и изо всех сил пытался услышать то же, что слышал и его помощник.

— Вы слышите? — шепотом спросил Данли, и как назло звук шагов за стеной тут же стих.

Мистер Бэккерфор поджал губы, выражая сомнение не только в слухе, но и в самом здравомыслии часовщика-настройщика.

— Там никого нет, — проворчал он. — Там вообще ничего нет. Если только кто-то не замурован в стене...

Данли горячо закивал и тут же поморщился — забывшись, он едва не стер ухо о шершавый камень кладки.

— Вот и я о том. Если это не крыса и не греmlin...

— Не продолжай. — Старик уже знал, что Данли скажет, ведь тот приставал к нему с этим едва ли не по три раза за неделю.

— Это призрак старого смотрителя башни!

— Выдумки! — в который раз испустил тяжкий вздох мистер Бэккерфор. — Я служу смотрителем при башне уже пять десятков лет, но я его ни разу не видел!

— Так это из-за вашего характера недружелюбного, — отбрил Данли. — Вы вечно ворчите, вот призрак часовой башни вам и не является.

— Призрак есть только один, не устану тебе повторять.

Часовщик-настройщик закатил глаза.

— Да-да, призрак вашей женушки, который вызывает у вас икоту, я помню. Но кто тогда там бродит, если не старый Хортон?

— А мне почему знать? Да и вообще, если хочешь знать, тебе мерещится все. Вы, молодые, — уж больно пугливые, что крольчата. Вот, помню, когда я только получил ключи помощника смотрителя, была война и город бомбили. Но бомбежка — это не повод не вести время. А тут шорох какой — и уже поджилки трясутся, призраки разные мерещатся... Тащи печку.

Данли будто не услышал и снова приставил ухо к стене. И сейчас он мог бы поклясться, что различил чей-то голос. Женский. Или детский... Почему призрак старого Хортона говорит таким голосом?..

Все снова стихло.

— Ты слышишь меня, парень? — прикрикнул смотритель. — Печка сама себя не притащит.

Данли вынужденно отлип от стены и бросил раздраженный взгляд на смотрителя. Старик поплатится за свои насмешки: когда ему будет предоставлен призрак часовой башни, у него глаза на лоб вылезут. Ему придется признать, что он, Роджер Данли, все это время был прав.

На самом деле часовщик-настройщик считал, что Бэккерфор и сам верит в призрака старого смотрителя Хортона, только боится признаться в этом и отрицает все сугубо из вредности.

Данли подошел к пустому камину, схватился за две торчащие из рамы над ним ручки и повернул их. После чего со скрежетом вытащил короб-топку из стены и поволок его к большому циферблату, у которого уже стояли два кресла. Следом за ним, скрипя и лязгая, разворачивался жестяной рукав переносного дымохода.

Подтащив короб к креслам, часовщик-настройщик установил его на кованую подставку и принялся забрасывать внутрь заранее заготовленные хворост и старые газеты. Вскоре в печке уже весело горел огонь.

Смотритель Бэккерфор между тем подкатил к своему креслу тумбочку на колесиках, на которой стоял радиофор; на медном раструбе заплясали блики от огня в печке.

— Скоро начнется аудиодрама, — сказал смотритель. — Не хотелось бы прерываться.

Данли вздохнул.

— Я настроил часы. Все смазано, все проверено.

— И?..

— И перепроверено. Стрелки в порядке. Маятник в порядке. Механические пауки-настройщики выключены и спрятаны в ящики. В этом городе, кажется, только мы остались на своем посту.

— А как иначе? — со значением вскинул палец Бэккерфор. — Без нас жители Тремпл-Толл не узнают, что наступил Новый год.

Данли хотелось возразить, что жители узнают о наступлении Нового года из вещания по радиофору, но, ожидая очередную порцию ворчания, промолчал.

— Не хмурься, парень, — усмехнулся старик. — У нас тоже будет праздник.

Бэккерфор откинул край лежавшего на кресле пледа, и Данли увидел темно-красную бутылку ежевичной настойки «Краснуха мадам Биллз».

— А это еще откуда?

— Каминник под елочкой оставил, — отшутился старик. — Откуда-откуда. От хорошего друга.

— Что? У вас же отродясь друзей не водилось. И уж не от того ли это друга, который подарил вам новенькие часики?

Старик на это лишь погладил сухой рукой жилетный кармашек, через дырки в котором поблескивала полированная крышка «Шнифферс» и ослабился, демонстрируя помощнику черноту пустого беззубого рта.

— Будешь любопытствовать или за кружками пойдешь?

Данли вздохнул и отправился в комнатушку, где хранились запасные часовые стрелки, машинное масло в жестяных банках, щетки и ветошь для чистки и полировки механизмов — там же были и кружки.

Вскоре он вернулся.

Радиофор уже был включен. Из рога раздавалось:

«Дамы и господа! Вы слушаете вещание Тремпл-Толл. Аудиодрама “Мешок Крампуса” начнется через пять минут, а пока мы рекомендуем вам обратить внимание на щетинистые щетки для котлов миссис Прюитт. “Щетинистые щетки для котлов миссис Прюитт. Очистят любую не только накипь, но и совесть”. Также если вы еще не купили праздничный подарок, советуем вам зайти в лавку “Снежные шары Тоббсона”. Бремроук, 24. Лавка “Снежные шары Тоббсона” работают все предпраздничные дни до полуночи! А если вы все еще не купили гуся, то загляните в “Мисс Гусыню” по адресу улица Почтовая, 17...».

Старый смотритель и его помощник уселись в кресла. Бэккерфор принялся возиться с бутылочной пробкой, а Данли, не в силах успокоиться, бросил встревоженный взгляд на стену, за которой, как он считал, жил призрак.

«Нужно изловить призрака старого Хортон... — посетила его мысль. — Жаль, в Габене нет специальной службы по отлову привидений. Придется самому придумать ловушку...»

Стрелки на большом циферблате сдвинулись. Диктор объявил: «Мешок Крампуса». Аудиодрама началась, а за большим витражом циферблата медленно опускались хлопья снега. Новый год приближался...

... «Эта история началась одной холодной зимой, накануне Нового года...» —

доносилось из-за стены, но призрак будто ничего не слышал.

Он стоял в углу темной каморки, все полки которой были заставлены сломанными и ржавыми шестеренками. Сквозь его полупрозрачную фигуру можно было разобрать грубую кладку стены.

Призрак медленно качал головой, осуждающе глядя на Зою Гримм. А сама Зоя Гримм застыла без движения, боясь моргнуть.

Призрак этот, несмотря на все теории и догадки часовщика Данли, не был стариком Хортоном. Судя по его сероватому лицу, будто бы собранному из паутины и пыли, это был мужчина лет тридцати пяти-сорока. Короткие аккуратные бакенбарды, чуть провисшие щеки, прямой нос и глаза — две светящиеся точки.

— Ты не должна этого делать, кроха, — прошептал призрак, и от этого легкого движения губ паутина, обволакивая лицо, натянулась и зашевелилась.

— Это все ради тебя, — ответила Зоя. — Я все это делаю ради тебя.

— Меня уже давно нет. И мне не станет легче.

— Зато мне станет.

— Нет.

Призрак отвернулся и уставился в стену.

— Ты привела меня сюда... Мне здесь не нравится.

«Потому что ты умер здесь», — подумала Зоя, а вслух сказала:

— Мне тоже.

Призрак отца вновь поглядел на Зою.

— Ты не должна этого делать, кроха, — повторил он. — Это очень опасно.

— Мне все равно.

— Ты всегда была упрямой. Ты всегда хотела, как лучше, но выходило, как в тот раз с...

— Только не вспоминай того проклятого кобольда! — проворчала Зоя, злясь в первую очередь именно на себя: он вспомнил про кобольда только потому, что она о нем вспомнила.

Зоя тогда было девять лет. Отец взял ее с собой в Гарь, где на одной из тамошних фабрик, по словам кочегаров, завелся угольный кобольд.

Растопники и углежоги — народ суеверный. В то же время богатый хозяин фабрики верил лишь в одну вещь — в прибыль, и ему не было дела до каких-то стариковских сказочек, на которые ссылались рабочие, чтобы оправдать пропажу угля со склада. Разумеется, он обвинял в краже растопников — кто в здравом уме поверит в то, что в цехах завелся кобольд, который каждую ночь, когда на ворота фабрики вешают замок, выбирается из своей норы и начинает набивать свое брюхо углем. Ладно бы еще гремлины — гремлинов в Гари многие видели, но кобольд? Само собой, хозяин фабрики был взбешен: его подчиненные не только его обворовывали, но и вздумали потешаться над ним! Он сократил жалованье рабочим, а всех мастеров вышвырнули на улицу. Что было дальше? То, чего и следовало ожидать: в дело вступил профсоюз. Грозилась начаться забастовка, и, когда хозяин фабрики заявил: «Я поверю в кобольда только когда увижу его собственными глазами!», из Тремпл-Толл вызвали того, кто считался знатоком в подобного рода вещах.

Профессор Гримм и его дочь Зоя собрали сведения у рабочих, выслушали насмешки фабриканта, получили уверения в любом содействии от профсоюза и приступили к охоте на то, что кто-то называл бы «не более, чем глупым вымыслом и сказочным существом», и был бы прав.

И все же угольный кобольд не был вымыслом. Профессор Гримм изучил место происшествия, как самый настоящий сыщик. Он обнаружил следы, улики, а затем и нору воришки-обжоры.

После чего они с Зои установили ловушку (папа сказал, что угольные кобольды без ума от антрацитовой химрастопки «Ффорр» — мол, она для них, как шоколад для Зои) и засели в засаду.

В ту же ночь кобольд явился.

Зои увидела его первой. Во тьме, словно две лампы, светились круглые глаза. Поначалу она испугалась, но папа крепко держал ее за руку, и страх быстро ушел.

Выбравшись из-под земли, кобольд принялся бесчинствовать на складе: выпотрошил мешок с углем и взялся ужинать.

Время шло, содержимое одного мешка за другим перекачевывало в пасть ненасытного кобольда, но вот наконец он замер и начал принюхиваться. А потом нос потянул его к стеллажам с химрастопкой. Вскрабкавшись по ящикам на одну из верхних полок, он обнаружил приготовленную для него коробку, разодрал ее и приступил к десерту.

А потом — Зои от неожиданности даже вскрикнула — он рухнул вниз.

Папа выбрался из укрытия и бросился к кобольду, торжествующе рассмеялся. А затем позвал Зои.

Она не решалась подойти, но папа убедил ее, что бояться нечего и маленький воришка спит.

Зои расхрабрилась и приблизилась. Наконец она смогла его рассмотреть. Это был сгорбленный карлик с раздутым брюхом, темно-коричневой кожей, вислым носом и большими круглыми глазами без век. Его зрачки сузились до двух, едва теплящихся волосинок — сжимая в руке недоеденное лакомство, кобольд и правда спал.

Бурая слюна текла на подбородок, большущие ноздри то склеивались, то раздувались, живот вздымался и ворчал. Кобольд явно не был джентльменом — время от времени он пускал газы, и тогда над ним поднималось рыжеватое облачко.

Это существо было вовсе не страшным — наоборот: смешным и забавным, очень нелепым и совершенно беззаботным.

Папа поместил его в клетку, а затем предоставил хозяину фабрики. Тот велел немедленно убить «мерзкую тварь», но профессор Гримм попросил отдать ему кобольда в качестве оплаты. С рабочими все было тут же улажено, и пойманное существо отправилось вместе с Зои и ее папой обратно в Тремпл-Голл.

Под утро кобольд начал бормотать и стенать, попытался прогрызть прутья клетки, но добился лишь того, что сломал зуб. Он рыдал, как самый настоящий ребенок, и Зои его пожалела. Тогда она просто хотела как лучше, но знай она, что выйдет дальше...

Утром профессор Гримм обернул клетку с кобольдом черной тканью и погрузил ее в экипаж. И тогда Зои сделала то, о чем потом жалела всю жизнь...

Папа возлагал на кобольда большие надежды: он хотел предоставить его в качестве живого доказательства на собрании Габенского научного общества Пыльного моря — профессор Гримм давно пытался открыть там кафедру, вот только важные профессора из ГНОПМ называли его мошенником и квазиученым, а то, чем он занимался — лженаукой. Это должно было измениться...

Клетку доставили в ГНОПМ, где в срочном порядке был созван весь ученый состав общества. В большом зале демонстрация и состоялась. Мало, кто верил, что профессор

Гримм и правда предоставит доказательства существования того, что уважаемые ученые называли простым и грубым словом «нечисть», хотя это не совсем правда: не верил никто.

И вот луч прожектора направлен на стол, на котором стоит обернутая тканью клетка, и профессор Гримм начинает свою речь, в то время, как сама Зои испуганно выглядывает из-за двери, ведущей на кафедру. Она не слушает, что говорит этим важным людям в черных цилиндрах ее отец, в ее голове оседают лишь фрагменты: «Признание», «Неопровержимое доказательство», «Билет в научный свет Габена», «То, что все вы из-за своей узколюбости считали суеверием» и «Я ожидаю извинений».

То, что произошло дальше, часто преследовало Зои впоследствии: ей порой снился этот ужас, а во сне все растягивалось, становилось значительнее, превращалось в липкий, вязкий кисель.

Отец срывает ткань с клетки...

Звонящая тишина на кафедре обрывается словно перетянутая струна...

Смех заполняет зал. Отвратительный, мерзкий смех: выпадающие изо рта трубки и сигары, желтые зубы, брызжущие слюни, трясущиеся двойные подбородки и бульдожьих щеки.

Она видит недоумение на лице отца, с ужасом глядит на то, как его постигает осознание произошедшего.

Она слышит шипение их кошки Фифи, запертой в клетке, — оно смешивается с какофонией смеха.

Глаза отца наталкиваются на ее влажный от слез взгляд. Ей было так жаль этого малютку-кобольда. Она думала, что помогает ему, выпустив его из клетки... Что же она натворила!

Зои часто разочаровывала папу, впрочем, он никогда ей об этом не говорил — он любил ее и ни разу за всю жизнь не наказал ее, хотя и стоило бы. Он пытался *рассказывать* ей, что такое хорошо, и чаще всего у него не выходило: Зои была непоседливой, взбалмошной, со своим пониманием добра и зла. Она любила мягкость и отзывчивость папы, но сама являла собой крайнюю его противоположность. Урезонить ее мог лишь печальный, укоризненный взгляд, который значил: «Ну вот, Зои, ты снова учудила!»

Она видела этот взгляд, когда была маленькой и разбрасывала кашу, когда забралась в ящик с грызливыми гремлинами и покусала каждого из них, видела тогда, в зале ГНОПМ после того, как обнаружилась проведенная ею подмена. А еще она видела его сейчас, в камерке часовой башни.

Вот только на этот раз взгляд отца не мог переубедить ее исполнить задуманное.

Призрак кивнул, словно осознав это.

— Я боюсь за тебя, кроха.

Зои вытерла слезу со щеки.

— А я по тебе очень скучаю.

Призрак качнулся и шагнул к ней.

— Не верь ему... — начал он и, вероятно, собирался еще что-то добавить, как тут раздался звук шагов на ржавой винтовой лестнице, скрипнули петли, и в камеру вошел мистер Пибоди, держа в руках большой деревянный ящик.

Зои поспешно вытерла глаза помпоном пелерины, отчего на нем остались черные полосы.

— Все прошло без проволочек? — спросила она.

Мистер Пибоди кивнул и поставил ящик на пол.

Зои бросила взгляд на то место, где только что стоял призрак ее отца, но там уже никого не было. Хотя «уже» — не совсем верное слово: там и до этого никого не было. Профессор Гримм, с которым говорила Зои, был лишь порождением ее разума и застарелой скорби. И она сама понимала это. «Только безумцы разговаривают с мертвыми, — считала она. — Безумцы... и тем, кому очень больно».

Зои встряхнулась. Время предаваться меланхолии прошло.

Она заглянула в ящик — там ровными рядами лежали снежные шары, еще недавно украшавшие полки лавки злыдня Тоббсона.

— Господа грабители не выкидывали фокусов? — спросила Зои, и снеговик покачал головой. — Ну да, имя Зои Гримм теперь имеет значение в преступной среде Тремпл-Толл. Да, и парочка новеньких часов сделали свое дело, можно было не уточнять, мистер Пибоди! Ну да ладно, шесть шаров — это шесть носатых снежных увальней... не уверена, что нам хватит...

Мистер Пибоди пожал плечами и огляделся по сторонам.

— Что? — Зои улыбнулась. — Вам не нравится это место? Нам ведь нужно логово. У каждого уважающего себя злодея должно быть логово!

Снеговик почесал щеку — на пол посыпался снег.

— Старик? Он нас не выдаст, не беспокойтесь.

Мистер Пибоди не разделял убежденность хозяйки. Впрочем, она не стала делиться с ним историей своего знакомства со зрителем башни. Мистер Бэккерфор был кое-что должен отцу Зои после того случая, как в башне завелся зайтгебер, жуткий часовой монстр, а профессор Гримм помог старику от него избавиться. Помимо прочего, Зои помнила про любовь мистера Бэккерфора к ежевичной настойке, что также повлияло на его благосклонность.

Втайне от своего помощника, он выделил ей старую каморку, которой не пользовались уже больше трех десятков лет и о которой никто, кроме зрителя башни, не знал.

— Почему именно здесь? Ну как же! Это очень удобное место: самое сердце Тремпл-Толл, как-никак. Поблизости располагаются самые видные заведения, здесь бурлит жизнь, здесь же плетут свои козни сплетники из газеты, отсюда новости расходятся по всему Саквояжному району. Лучшее место сложно представить!

Зои утаила от своего прислужника, что для нее это место было особенным. Именно здесь умер ее отец. В этой часовой башне. Хотя это не совсем так: он умер внизу, на тротуаре площади Неми-Дрё. Выпав через витраж циферблата больших часов.

«Самоубийство». Так написали в некрологе, но она знала, что его убили. И знала, кто. Тот, кто подарил ей фигурку Крампуса...

Им следовало написать «Несчастный случай», но и это была бы неправда. Об этом она узнала совсем недавно.

Прежде, избегая любых мыслей о часовой башне, Зои и помыслить не могла, что придет сюда когда-то, но как только встал вопрос, где обосновать злодейское логово, все решилось само собой.

Мисс Гримм достала из кармана коробочку. Ту самую коробочку, в которой прежде была фигурка Крампуса. Аккуратно разъединив стенки, она расправила картонную развертку, поднесла лампу.

Внутренняя сторона бывшей коробки была сплошь покрыта надписями. То, что на

первый взгляд походило на список покупок, на деле являло собой нечто другое.

Снеговик сунул свой нос к записям и тут же отстранился, когда тот начал подтаивать из-за близости к лампе.

— Мы начинаем, мистер Пибоди, — сообщила Зои, пряча картонку в карман.

Снеговик уставился на нее, ожидая пояснений.

— «Ключи». Вот, что нам предстоит добыть первым делом. И за ними мы отправимся в логово врага. О, об этом будут говорить целый месяц!

«Станция “Полицейская площадь”», — раздалось трескучее из бронзовых вещателей, и трамвай остановился. Стоило дверцам-гармошкам раздвинуться, как в вагон тут же полетел снег: к вечеру в Саквояжном районе началась настоящая метель.

Констебль Домби наделил темный заснеженный проем хмурым взглядом — выходить из трамвая ему совсем не хотелось, но выбора не было: это его станция.

Кряхтя, он покинул вагон и побрел через площадь, в сторону Дома-с-синей-крышей.

Прохожих не было совсем, хотя, стоит признать, местные в принципе старались держаться подальше от «вотчины закона и порядка». Город опустел. Все сидят дома, греются, ждут праздника, и только он, одинокий и несчастный Домби, должен идти вовсе не туда, где тепло и уютно, а туда, где холодно, мрачно и удручающе: ему нужно сдавать отчет, а за сержантской стойкой сегодня стоит очень несговорчивый тип — Все-по-полочкам Брум. Коллеги прозвали его «Все-по-полочкам» за то, что тот скорее грязи наестся, чем пойдет на уступки или расщедрится на поблажки — все у него должно быть утомительно чинно и зубодробительно по-крючкотворски. Любимчик старшего сержанта Гоббина — чего еще ожидать от подпевалы этого злыдня.

Констебль Домби морально не был готов предстать перед сержантом Брумом и разложить ему все по полочкам: куда делась дубинка Домби, отчего у него синееет фонарь под глазом и «Куда, скажи на милость, делся твой зуб?!»

День накануне Нового года для толстяка Домби совсем не задался. Выходя утром к своей тумбе на угол Бремроук и Харт, он рассчитывал, что сегодня его ждут одни лишь приятные дела (или, вернее, безделье), но все обернулось иначе. Полдня он по всей Саквояжне гонялся за парочкой наглых преступных снеговиков и, по правде сказать, в итоге ему не удалось выйти из... кхм... конфронтации с честью. Проклятые снеговики подкараулили констебля в Станных Окнах, выскочили из-за угла и набросились на бедолагу Домби, принявшись молотить его зонтиками. На подобное (дерзкое сопротивление при задержании) он не рассчитывал, и негодяям удалось скрыться, заполучив его дубинку, зуб и гордость. И как об этом сообщить Все-по-полочкам Бруму?

— Да он же придумает какое-нибудь ужасное наказание: лишит меня праздника, или еще чего... — пробормотал Домби, придерживая рукой край шлема и пытаясь закрыть таким образом лицо от летящего в глаза снега. — Нет, так дело не пойдет!

Констебль вдруг решился на то, чего в иное время ни за что бы себе не позволил: он собрался плюнуть на процедуру и службу и отправиться напрямиком в «Колокол и Шар», минуя угрюмое, похожее на плохой сон, здание Полицейского ведомства Тремпл-Толл.

— Гори оно все огнем, — буркнул Домби и двинулся к скоплению теплых и манящих рыжих огней на другом конце площади. Там располагалось его самое любимое в этом

зловонном и удручающем городе место — паб. О, как же ему не терпелось зайти туда, отряхнуться от этого набившего оскомину снега и с порога крикнуть: «Пинту “Зайца”, мистер Брекенрид!» Первым делом он устроится у камина, распахивая вечно толкущихся возле него мальчишек, снимет эти треклятые перчатки, протянет озябшие руки к огню и...

И тут констебль Домби остановился. Он не дошел до паба всего несколько ярдов.

В переулке сбоку что-то происходило. Раздался шум.

Полицейский приложил руку козырьком к глазам, пытаясь разобраться, что там творится.

В переулке чернела высокая фигура. До констебля донесся смех.

Кто-то сказал:

— Дуралей Домби, ты что, потерял дубинку?

— Эй! Кто там?! Хоппер, это ты?

— Хоппер, это ты? — перекривил полицейского наглец в темноте.

— Ну, я тебе сейчас задам! — рявкнул Домби и, гневно сжав кулаки, шагнул в переулок. — Будешь знать, как потешаться над служителем закона!

В переулке началась суматоха и возня. Кто-то взвизгнул, кто-то хрипнул, раздались глухие звуки ударов.

Спустя некоторое время все закончилось, и констебль вернулся на площадь. Поправив мундир на объемистом животе, он пригрозил темному переулку кулаком и присовокупив «Будешь знать, как потешаться!», продолжил свой путь...

...В полицейском пабе «Колокол и Шар» было не протолкнуться: с наступлением темноты здесь собрались без преувеличения все служащие полиции Тремпл-Толл (за исключением Все-по-полочкам Брума, разумеется).

Почти ничего нельзя было разглядеть из-за висящих в воздухе туч синего дыма — констебли курили полицейский табак «Морж». В общем зале горела пара дюжин ламп, и все равно в нем стояла полутьма.

Из радиофора на стойке хозяина заведения, отставного старшего констебля мистера Брекенрида, звучала музыка. Со всех сторон раздавался громогласный смех, стучали друг о друга кружки, а старший констебль Грейвз на весь общий зал зачитывал передовицу газеты «Сплетня». Этот выпуск был таким же старым, как подмышки констебля Лоусона, и выбрали его сугубо наугад из дюжины заранее подготовленных таких же старых выпусков, лежащих стопкой на пабной стойке.

— *«ДОСТОЙНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОЛИЦИИ ТРЕМПЛ-ТОЛЛА»* читал Грейвз под дружный смех слушателей. — *«Господа констебли Грубберт Бэнкс и Хмырь Хоппер (данные личности хорошо известны широкой публике, так как вечно толкутся на вокзале и мешают проходу) снова отличились...»*

Сами герои статьи присутствовали здесь же, пунцовые от стыда, — оба не знали, забраться им под стол, чтобы избежать насмешливых взглядов, или присоединиться ко всеобщему веселью. Их хлопали по плечам, ободряюще тыкали локтями в бока, а старший констебль все читал и читал...

Славная старая традиция... Одна из многих. Каждый Новый год полицейские в Саквояжне собирали передовицы с описанием «проколов» своих коллег за уходящий год и дружно надрывали животы. Никто зла не держал и не дулся, ведь кого на самом деле заботило, что там пишут эти бумагомараки и бездари из «Сплетни». К тому же, это ведь все были старые заметки — вода давно утекла.

Стрелка висящих над камином часов неумолимо, и все же так медленно, ползла в сторону окончания этого долгого унылого года, и с каждой минутой в пабе становилось все жарче и веселее. Кто-то рассказывал приятелям, как «славно отделал того гуталинщика, который приехал в Тремпл-Толл в вагоне с углем», кто-то делал ставки на бои в крысиных ямах в Гари, а кто-то с кем-то просто играл в «Мокрого пса», карточную игру, расхожую в среде представителей закона да моряков.

Один из младших констеблей спросил:

— Когда же на сцену уже выйдет мистер Мяуси?

— Скоро-скоро! — ему ответили. — Все ждут, и ты жди!

В общем зале стояли суматоха и гам. «Колокол и Шар» был насквозь пропитан не только душевностью, но также бессердечием, грубостью и бесстыдной вальяжностью. Ножки запеченных гусей путешествовали на подносах между столами, а кружки то и дело стучали друг о дружку. Разной степени мутности взгляды, то и дело вонзались в часы...

Кто-то затянул старую-добрую новогоднюю кэрол «Крыса виснет на ноже», и все в пабе, не исключая самого мистера Брекенрида и даже Фонаря, пса констебля Гоббса, отвлеклись от своих дел и разговоров и присоединились к пению.

*Пейте! Пейте! Лейся хмель!
«Заяц» в кружке — дверь с петель!
То идет не Новый год!
То полиция идет!
Славься, верная дубинка, —
Мы тобой почешем спинки!
Бойся нас и вор, и плут!
Бойся нас — и там и тут!
Бьют часы, мы бьем сильнее!
Правы мы, ведь нам виднее!
Мы пройдем по всем мостам,
Громыхая в барабан!
Э-э-эй-хо! Э-э-эй-хо!*

*Скрип веревки, хрип воровки...
Полночь близится уже!
Ждать недолго нам осталось:
Крыса виснет на ноже.
Новый год мы встретим в пабе
С кружкой «Зайца» на столе!
Всех вертлявых вздернем браво
На фонарном мы столбе!*

Каждый из числа гордых обладателей синего мундира горланил песню во все горло: здесь все единодушно считали, что, чем громче и яростнее ты поешь эту песню, тем ты становишься лучше, как полицейский. «Колокол и Шар» ходил ходуном, столы подпрыгивали, само здание мелко стрясалось. Со стороны можно было решить, что внутри началась война.

Во время одного из таких запевов констебль Домби, покрытый снегом, как старая афишная тумба, и вошел в паб.

На его появление никто не обратил внимания. А сам толстяк не стал ни с кем здороваться. Он начал протискиваться к лестнице, что вела на верхние этажи. От стоящего в заведении запаха слегка отдающего керосином «Синего Зайца» и воняющего сырým подвалом «Моржа» можно было рухнуть в обморок.

У камина стояла украшенная башмаками и папиретками елка, возле нее толклись сыновья, племянники и внуки господ констеблей — у каждого в руках была пинтовая кружка эля, некоторые сжимали в пальцах дымящиеся папиретки — как и взрослые, мальчишки дружно горланили «Крысу».

Констебль Домби поднялся на второй этаж, заглянул в общий зал, после чего двинулся еще выше, на третий, где заседали сержанты.

Пользуясь тем, что весь бравый состав саквояжной полиции занят пьянством и пением (и все это одновременно), констебль Домби прошелся по залу. Со стороны могло показаться, будто он пытался найти для себя место получше, но так мог подумать лишь тот, кто не замечал, как тонкие длинные пальцы констебля раз за разом ловко ныряют в карманы мундиров коллег и что-то вытаскивают оттуда. Домби не упустил ни одного из присутствующих — у каждого он что-то стащил.

Когда на третьем этаже не осталось тех, кого толстый констебль не одарил своим вниманием, он спустился на второй, а затем на первый — и там, и там все повторилось.

Завершив свое коварное дело, констебль Домби, оглядел паб. Все было готово: он получил то, за чем сюда пришел. Пора и честь знать.

Он уже двинулся к двери, когда та распахнулась, и в общий зал вошел собственной долговязой персоной старший констебль Все-по-полочкам. Брум озирался по сторонам, кого-то высматривая, и Домби посетила тревожная мысль, что его.

Выхода не было, и толстяк ретировался вглубь паба, рассчитывая добраться до люка, через который в «Колокол и Шар» закатывают бочки с элем.

Спустившись в погреб по скрипучей деревянной лесенке, он обернулся и, убедившись, что за ним никто не пошел, расстегнул мундир и вытащил набитую перьями подушку. Затем он снял шлем, и из-под него рассыпались длинные светлые волосы.

Разумеется, это был никакой не толстяк Домби. В паб «Колокол и Шар» новогодним вечером пробралась невероятная злодейка и хозяйка снеговиков-пьяниц Зои Гримм. Сам Домби сейчас мерз, связанный, в переулке в нескольких шагах от паба под присмотром мистера Пибоди.

Сняв мундир, Зои Гримм натянула на голову капюшон кроваво-красной пелерины с белой меховой оторочкой и улыбнулась, подбросив на ладони небольшой мешочек с краденным. Звякнули ключи. Уже в какой раз за один только этот день Зои снова совершила невозможное — не просто соединила преступление и насмешку, а еще и обставила этих синемундирных увальней: она украла ключи от всех сигнальных тумб в Тремпл-Толл! Подобного в Саквояжне не совершал еще никто! Она была собой весьма довольна...

На площадке лестницы в стене было пробито небольшое окошко. Зои прикинула — если извернуться, то пролезть можно: обойдемся и без люка в погребе.

Мисс Гримм уже собиралась открыть ставни и выскользнуть из паба, когда вдруг на лестнице раздались шаги. Тонкий голосок напевал себе под нос:

*Мистер Мяуси нос повесил —
Скоро Новый год.
Мистер Мяуси плох, не весел:
Что же его ждет?
Нос повесил мистер Мяуси
Скоро сам повиснет он.
Жить ему лишь час остался:
Очень плохо себя вел.
В полночь мы его повесим
Прямо в пабе, без забот,
Новый год без бед начнется
Он с собой их заберет...*

Зои нырнула за стоявшие тут же ящики с табаком, на которых чернел штемпель с изображением моржа, и почти сразу же мимо прошел мальчишка в рубашке с закатанными до локтей рукавами и зализанными назад волосами. В руках он держал пустую кружку: видимо, его отправили в погреб за добавкой, пока мистер Брекенид не видит.

Мальчишка, как и предполагала Зои, спустился под паб и подошел к одной из бочек. Повернув ручку на кранике, он наполнил кружку элем. После чего развернулся и направился обратно к лестнице.

Мисс Гримм уже решила было, что мальчишка вот-вот уйдет и можно будет наконец обратиться отсюда, но что-то его вдруг остановило. Он замер на первой ступеньке, повернул голову...

«Он меня заметил? — хмуро подумала Зои. — Эй, что это он делает?!»

Мальчишка поставил кружку на ступень и вернулся в погреб.

— Думаю, не будет страшно, если я посмотрю, как ты там, — негромко проговорил он и открыл низенькую дверцу в самом темном углу погреба. До Зои донесся приглушенный вой.

«Что там такое творится?»

— Эй, мистер Мяуси, — со смехом сказал мальчишка, — получай!

Раздался звук удара, и вытье стало громче. Это были ужасные, невыносимые звуки, и Зои поняла, что просто не может оставаться на месте. Она выбралась из укрытия, на цыпочках прошла по проходу между пирамидами бочек и ящиков и наткнулась на странную и при этом отвратительную картину.

Мальчишка обнаружился в крошечной камерке. Он смеялся и что есть силы пинал ногой лежащий на полу мешок. Мешок дергался и трепыхался, из него раздавался тот самый вой. Подойдя ближе, Зои Гримм разобрала, что к вою примешивается и жалобное, полное боли, мяуканье.

В мешке был кот. Тот самый мистер Мяуси?

Кот так отчаянно орал, что холодное, наполненное снегом и зимой сердце Зои Гримм не выдержало.

— А ну, прекрати, гаденыш, — прошипела она.

Мальчишка дернулся от неожиданности и распахнул рот, уставившись на Зои.

— Что здесь творится? — Мисс Гримм угрожающе шагнула в камерку, и мальчишка попятился.

— Вы... вы кто? — выдавил он.

Зои покачала головой и скривилась от презрения и отвращения. Она все поняла.

Разумеется, она слышала о некоей старой полицейской традиции, с которой был связан кот. Говорили, что в Новогоднюю ночь констебли отлавливают кота, после чего избивают его (и каждый обязан внести свою лепту), а потом вешают несчастное животное. Эти злыдни считали, что таким образом они передают ему все возможные беды, которые могут с ними приключиться в следующем году.

До сего момента Зои Гримм полагала, что все это просто сплетни. По всему выходило, что это не так, а мистер Мяуси уже был заготовлен для полуночного повешения.

— Знаешь, — сказала мисс Гримм. — Я пытаюсь. Пытаюсь стать настоящей злодейкой, творить бесчинства и кромешные дела, но то, с чем я сталкиваюсь на своем злодейском пути в последнее время, отчего-то во стократ хуже всего, что только может прийти мне в голову устроить. Зло, живущее в людях, словно просыпается в эти праздничные часы, оно клубится и расплзается по городу. Черные души и пустые прогалины в груди без сердец. Я не дам вам убить бедняжку, злобные суеверные мрази...

Зои Гримм шагнула вперед и склонилась, чтобы взять мешок, но мальчишка не случайно присутствовал в полицейском пабе в новогоднюю ночь — это было подлое и прожженное существо. Он попытался схватить ее за волосы.

И все же он не знал, с кем связался. Зои Гримм, несмотря на свои редкие моменты сомнений, была настоящей злодейкой. Она отпрыгнула от мальчишки на несколько футов, совершив впечатляющий пируэт. А затем, выхватив из висящей на плече сумки снежок, размахнулась и бросила его в маленького полицейского прихвостня.

Снежок врезался мальчишке прямо в лицо. Тот принялся фыркать и отплевываться от снега, а ему в нос летел уже следующий. А затем еще один и еще. Взвыл уже сам мальчишка.

Зои не дала ему опомниться. Первым делом она вытащила мешок с котом из каморки, а потом вернулась и схватила мальчишку за волосы. Тот закричал и замахал руками, но Зои была сильнее... намного сильнее...

Она прижала его руки к дверному косяку и захлопнула дверь. Погреб наполнился душераздирающим криком.

— Это тебе за мистера Мяуси, — самодовольно сообщила Зои Гримм. — Если бы я только могла сломать пальцы всем злыдням из этой гадкой харчевни... но ничего, я этим займусь, как только появится свободная минутка. Обещаю тебе.

Подняв притихший мешок, Зои Гримм направилась к лестнице.

— Не будем задерживаться в этой дыре, котик, — сказала она. — Мне сегодня еще предстоит главное представление. А перед этим нужно воспользоваться украденными ключиками.

Оказавшись у окна, Зои открыла ставни, впустив на лестницу метель.

Бросив последний злой взгляд на орущего мальчишку, она нырнула в окно и исчезла в снегу.

Глава 9. Тайна воришки подарков

4 часа дня. 8 часов до Нового года.

Тикали большие напольные часы, в камине похрустывали дрова. За окном шел снег и подчас доносились завывания ветра, но в гостиной было тепло и вполне уютно. Коричневый клетчатый гарнитур, состоящий из продолговатого дивана и пары глубоких кресел, манил, вот только посетительнице никто не предложил присесть.

Полли Уиннифред Трикк выдержала долгий испытующий взгляд, даже не моргнув, хотя это было непросто из-за кривляний мерзкого мальчишки, который выглядывал из-за спины мамочки.

— Вы не очень-то похожи на того, кто способен нам помочь, — важно проговорила миссис Гриззелоу, обладательница длинной шеи, носа с горбинкой и блеклых, почти отсутствующих губ.

«Забыла свой полицейский шлем дома!» — хотелось ответить Полли, но она утомленно вздохнула и сказала лишь:

— Вы ведь писали в газету, мэм?

Подумать только: за последние пару часов она уже добрую дюжину раз успела услышать, какая она ни на что не годная и что даже от чокнутого констебля, мистера Пресс-папье, было бы больше пользы — длиннее список уничижительных замечаний и пренебрежения в ее адрес за один день прежде выдавала лишь великая и ужасная Эления Трикк, ее собственная мать.

— Но я рассчитывала, что придет мистер Трилби или хотя бы мистер Уиггинс, — заметила миссис Гриззелоу.

— Они очень заняты, мэм, и послали меня. Но я сделаю все возможное, чтобы помочь вам в вашем затруднении.

— Это не затруднение! Это преступление! Гнусное! Коварное! Возмутительное!

Полли согласно кивнула и поглядела на сына миссис Гриззелоу. Юный Эдгар, тощий, с серой кожей, острым носом и насмешливыми пуговками глаз, оттянул пальцами уголки губ и соорудил очередную рожу.

Почувствовав шевеление за спиной, мать обернулась, и мальчишка тут же нацепил на лицо невинное выражение.

Полли вздохнула — все те дома, которые она успела посетить, имели кое-что общее: в каждом обитало маленькое злобное существо, разбалованное до невозможности и вызывающее своим поведением непреодолимое желание вытянуть руки и немедленно придушить его. У нее до сих пор в ушах стоял звон от визга семилетней Клотильды Флитвер, сопровождавшего каждого вопросу, который Полли задавала ее отцу. Хуже этого был лишь плач девятилетней Филли Торнхилл, няня которой суетилась возле своей воспитанницы, собирая ее слезы в фарфоровую чашечку (мерзкое зрелище). Конкуренцию в злобности Филли мог составить лишь восьмилетний Хьюи Парсилл, угрожавший сжечь своих родителей в их постели, а заодно и Полли, если все будет не так, как он хочет. На платье у мисс Трикк синело неоттираемое уродливое чернильное пятно, оставленное близнецами Бреммон, но это — ничто в сравнении с тем, сколько «пятен» оставили все эти дети и их родители в ее душе.

Эдгар Гриззеллоу достойно продолжал цепочку маленьких злыдней — иначе их и не назовешь. Клетка — вот то место, где, по мнению Полли, такие дети должны содержаться. Она вдруг поймала себя на том, что думает, как доктор Доу.

— Не знала, что в редакции «Сплетни» работают женщины, — между тем процедила миссис Гриззеллоу, отмерив очередной пренебрежительный взгляд.

Полли вспыхнула.

— Если вы желаете, я могу уйти, и тогда вашим бесспорно смертельно важным делом накануне Нового года совсем некому станет заниматься.

Миссис Гриззеллоу на мгновение задумалась.

— Что ж, — сказала она, — раз полиция в этом городе не спешит прийти на помощь, а господа *настоящие* репортеры слишком заняты...

Полли достала из кармана пальто блокнот и карандашик.

— Расскажите, что произошло. Вы сообщили в редакцию, что к вам вторгся грабитель и украл подарок...

— Он украл моего питомца! — завопил Эдгар Гриззеллоу. — Это мой питомец! Я хочу его обратно.

— Мы вернем Мистера Пушистика, Эдгар, — заверила мальчишка мать. — Эта мисс здесь как раз для этого, верно?

Полли кивнула.

— Значит, подарком должен был стать... Мистер Пушистик? — Она записала в блокнот имя похищенного питомца. — Я отыщу вашего котенка, юный сэр.

«Подумать только! — пронеслось в голове. — И чем я занимаюсь? Разыскиваю котят...»

Эдгар и его мать между тем обменялись возмущенными взглядами.

— Что?! Какой еще котенок? — воскликнул мальчишка. — Ненавижу котов. Мистер Пушистик — вольпи... вольпе... вольперникнер.

— Вольпертингер, дорогой, — исправила миссис Гриззеллоу, но ее уточнение ничего не прояснило для Полли. Мисс Трикк и вовсе решила, что мать Эдгара сочинила это слово прямо на ходу.

— Что еще за вольпертингер? Это какая-то порода собак?

Эдгар фыркнул и показал Полли язык.

Миссис Гриззеллоу фыркнула, но от демонстрации языка воздержалась.

— Неудивительно, что вы не знаете, — высокомерно заметила она. — В Габене мало, кто знает о вольпертингерах. Мне составило невероятных усилий добыть одного. Вольпертингер — это кролень! Похожий на кролика зверь.

— Вы имеет в виду зайца?

— Что? Нет! Я имею в виду кроленя, он же — вольпертингер!

— Ясно. Какая-то порода кролика...

— Нет же! У кроленя, в отличие от кролика, есть рога.

Полли удивленно приподняла бровь — ни о чем подобном она прежде не слыхала. Карандашик вывел в блокноте: «*кролень*».

Миссис Гриззеллоу продолжала:

— Эдгар увидел рисунок вольпертингера в книжке и захотел себе его в подарок на Новый год. Как я могла отказать моему дорогуше? Сперва я обратилась в Клуб охотников-путешественников, но тамошние недостойные господа лишь посмеялись надо мной, мол,

кролень — это миф, и на самом деле его не существует. Я обошла всех скорняков, ловчих и капканщиков в городе. Посетила даже мистера Уорчера с улицы Граббс, сумасшедшего, который делает чучела вымышленных существ, после чего пытается выставить их так, будто это пойманные лично им звери. Разумеется, никто из них мне не предоставил вольпертингера, но именно у мистера Уорчера мне улыбнулась удача. Помощник этого сумасшедшего чучельника посоветовал мне отыскать некоего Фогеля, мол, тот утверждает, будто знает, где водятся кролени. И тогда я отправилась — вы не поверите! — в Фли. Гадкое место! Но это того стоило: мистер Фогель часто охотится в Дурнвальде, где, по его же собственным словам, в самой чаще, можно увидеть кроленя. Сперва он отказывался помочь, впрочем, неплохой гонорар решил дело. Мистер Фогель три недели ловил вольпертингера, и вскоре Мистер Пушистик уже был здесь. Я потратила целое состояние на то, чтобы получить его, и я требую его обратно!

Полли подытожила.

— Значит, грабитель украл редкое животное. Расскажите, как это произошло, ведь, насколько я поняла, юный мастер Эдгар видел все своими глазами.

Полли надеялась, что хоть что-то прояснится, ведь до сих пор ее встречали лишь причитания, смутные намеки и сумбурные заверения в том, что подарки исчезли неким... мистическим образом. Но вот наконец у нее появился непосредственный свидетель ограбления.

— Не хочу ничего рассказывать! — заявил Эдгар. — Не буду!

Полли тяжело вздохнула: начинается...

Миссис Гриззелоу принялась увещевать свое чадо:

— Ну же, дорогой, расскажи этой мисс, что видел.

— Она мне не нравится! Она мерзкая!

Полли улыбнулась и процедила:

— Ну, если я ничего не узнаю, то не найду Мистера Пушистика, и тогда вор сам будет с ним играть. А вы останетесь без подарка, мастер Эдгар.

Подобная перспектива мальчишку не сильно обрадовала, и он нехотя начал рассказывать.

То, что поведал Полли этот разбалованный Эдгар, не выдерживало никакой критики. И верно: кто в здравом уме поверил бы в подобное?

Итак, примерно за час до полуночи мистер и миссис Гриззелоу дослушали вечернюю передачу по радиофору и отправились спать. Эдгар затаился и, когда из родительской спальни раздался храп, он выскользнул из детской: ему не терпелось поиграть с Мистером Пушистиком. Мама была непреклонна: нельзя нарушать традиции, а ждать новогоднего утра и официального вручения подарка Эдгару не хотелось.

Еще на лестнице он услышал звон бубенцов в гостиной. Эдгар подумал, что это Человек-в-красном, и побежал в чулан за капканом для ловли уличных кошек, чтобы поймать Каминника. Когда мальчик вошел в гостиную, тогда-то он и увидел грабителя: тот как раз засовывал клетку с кроленем в свой мешок. Эдгар встретился глазами с грабителем, и в следующий миг тот, улыбнувшись, выскочил через окно прямо в метель. Вор исчез, оставив после себя лишь несколько тлеющих угольков. Но самым странным было отнюдь не само происшествие, а описание грабителя.

Оно вызвало у Полли улыбку, и она попыталась скрыть ее за покашливанием.

— Значит, это был... — Полли сверилась с записями в блокноте, — «Огромный монстр

с горящими рыжим пламенем глазами, длинной треугольной бородой и клыками как у пса. У него был огромный мешок, и он выпрыгнул в окно».

Миссис Гризеллоу не заметила проскользнувшей в голосе девушки иронии, кивнула и сказала:

— Мы вызвали нашего констебля, мистера Дориджа, но он не поверил! Возмутительное отношение! Он больше не получит чаевых за пожелание доброго дня, так ему и передайте!

— Мэм, но я ведь не из полиции, — напомнила Полли.

Миссис Гризеллоу не слухала: обхождение констебля, казалось, поразило ее в этой истории сильнее всего.

— И он не просто не поверил нам, так — и это неслыханно! — посмел спросить, неужели я снова допустила, чтобы Эдгар добрался до буфета и опустошил что-то из наших запасов вина?! Как будто это бывает так уж часто! Ну чего еще было ждать: этот болван в глупом шлеме предвзят к нашему мальчику после того, как Эдгар подложил ему кнопку на стул. И Эдгар правильно сделал, между прочим! Констеблю полагается нести службу стоя. Вы что, улыбаетесь, мисс? Вы тоже нам не верите?

Полли закашлялась, поперхнувшись улыбкой.

— Отчего же, я верю. Ведь вы — не единственные жертвы этого грабителя. И все же на вашем месте я бы не стала на каждом углу кричать о том, что это был какой-то монстр с песьими клыками и горящими глазами.

— Почему? — искренне недоумевала миссис Гризеллоу. — Вы что, полагаете, Эдгар лжет?

Полли глянула на Эдгара Гризеллоу — хитрый злобный взгляд маленького злыдня заверял, что ему верить нельзя.

— Что вы! — сказала она тем не менее. — Все это звучит довольно правдоподобно. Жаль только грабитель — этот монстр с горящими глазами — не представился. Было бы замечательно, если бы на худой конец он оставил визитную карточку.

Полли, разумеется, шутила, но миссис Гризеллоу было не до смеха.

— Он оставил! — воскликнула она. — Он ведь оставил уголь!

И многозначительно поглядела на мисс Трикк.

Полли непонимающе покачала головой.

— Уголь! Его же оставляет... — мать Эдгара понизила голос, — Крампус!

Полли никак не отреагировала.

— Крампус? Что еще за Крампус?

Миссис Гризеллоу и ее сын поглядели на Полли, как на сумасшедшую.

— Это шутка?

Мисс Трикк нахмурилась.

— Боюсь, я не знаю, кто это.

— Как?! Вы не знаете?!

— Не знаю.

Эдгар подбежал к дивану и схватил лежавшую на нем книгу в бордовой обложке.

— Крампус из книжки «Мешок Крампуса»! — заявил он.

— В Габене все знают о Крампусе... — проворчала миссис Гризеллоу.

— Я в Габене не очень давно, — призналась Полли, и мать Эдгара бросила уничижительное «Просто замечательно!»

Мисс Трикк протянула руку за книгой, но Эдгар прижал ее к груди.

— Это моя книжка! Мама, скажи ей, чтобы не брала мою книжку!

— Мастер Эдгар... — утомленно начала Полли.

— Не дам! — крикнул мальчишка.

Миссис Гриззелоу положила руку на плечо сыну.

— Мисс, мы рассказали вам, что произошло. Сказали, кто это сделал. Найдите вольпертингера и верните его.

— Но как я узнаю все подробности о грабителе, если вы не дадите мне прочитать о нем?

— Эта книга продается во всех книжных лавках города. Вы легко можете купить ее, если вам так уж любопытно.

Полли с трудом подавила возмущение. Мало того, что этот мальчишка врал о монстрепохитителе (она предположила, что на самом деле он или потерял, или замучил до смерти бедного зверька, а потом решил все свалить на персонажа какой-то книжки), так еще и его мать ему потворствует, ставя Полли препоны в расследовании. Помогать этим людям ей совершенно не хотелось.

— Могу я осмотреть место происшествия? — спросила она сухо.

Миссис Гриззелоу коротко кивнула, и Полли подошла к стоявшей у камина пирамиде коробок в праздничной обертке. На полу возле одной из коробок громоздилась куча остывшего черного угля.

«Почему грабитель не взял все подарки? — подумала она. — Из-за того, что мальчишка его спугнул?»

Как бы ни хотелось Полли обвинить Эдгара Гриззелоу в том, что он все выдумал, она не могла отрицать тот факт, что и в других домах был уголь, а дети говорили о звоне бубенцов.

Полли втянула носом витавший в воздухе рядом с подарками запах и вдруг отметила кое-что странное.

— Мэм, — она повернулась к миссис Гриззелоу, — вы ведь еще не купили елку?

Мать Эдгара пожала плечами.

— Нет, мы хотели отправиться к мистеру Макфи этим утром, но кража нарушила все наши планы.

— Если вы не купили елку, то отчего здесь пахнет хвоей? — больше саму себя, чем миссис Гриззелоу спросила Полли, сделав несколько быстрых записей в блокноте. — Могу я осмотреть окно?

Мать Эдгара кивнула, и Полли подошла к окну. Повозившись с ручкой, она открыла створки и выглянула наружу. Четвертый этаж... Чтобы подняться на такую верхотуру, грабителю пришлось бы забраться по обледенелому водостоку — иначе никак, разве что...

«А может, он вовсе не поднимался, а напротив — как-то спустился?»

Полли высунулась из окна и задрала голову. Почти сразу же она поняла, что Эдгар Гриззелоу не врал: кроленя утащили.

На кирпичях кладки белели длинные четкие следы. Казалось, их оставили когти.

Книжная лавка «Переплет» на Пыльной площади, дом № 37 была расположена так, что сходу ее и не заметишь, а еще ее узкий зеленоватый фасад и сам напоминал стоящую на полке книгу. Слева лавку подпирала шляпная мастерская «Шапокляккс», пыльные окна которой были сплошь заставлены колоннами надетых одна на другую шляп, а справа —

антикварный магазинчик «Древности и старости господина Рубича», над входом в который висело чучело иглобрюха.

Можно было запросто решить, будто витрина и самого «Переплета», покрытая разводами и пятнами, затянутая паутиной и подсвеченная тусклой лампой, принадлежит лавке древностей: помимо прочего, на это намекала и выставленная в ней «новинка» — роман известной писательницы Кэт Этони «Потерянный сон мистера Франкура», вышедший пару лет назад.

На соседствующей с витриной двери висела табличка: *«С зонтиками не входите! Не стоит злить Вернона!»*

Подивившись такому странному требованию и гадая, кто же такой этот Вернон и отчего его злят зонтики, Полли толкнула дверь и под звон колокольчика вошла в лавку.

Первым, что ее встретило, был запах. О, этот запах... У Полли на миг даже голова закружилась. Старые книги пахли горьким миндалем и шоколадом, пахли полузабытыми воспоминаниями.

На какое-то мгновение Полли перенеслась в детство — так же пахло в доме ее двоюродного дедушки Корчинса. Мама часто оставляла ее там, пока совершала свой еженедельный тур по модным лавкам центра города. При этом она запрещала Полли даже думать о том, чтобы зайти в дедушкину библиотеку: читать книги в Льотомне тогда считалось немодным, а немодность для Элени Трикк была худшим из пороков. Непослушная дочь, само собой, нарушала ее запреты: подобные места, где живут истории, всегда вызывали у Полли приятное покалывающее чувство — ей казалось, будто она вдруг оказывалась на пороге какой-то невероятной тайны.

Лавка «Переплет» явно хранила не одну тайну — она была старой и словно вырванной из времени. В ней ощущалась некая чердачность: внутрь почти не проникал шум площади, усыпляющая тишина обволакивала.

Книги были повсюду: ровными рядами стояли на стеллажах, громоздились на стульях и ветхих чемоданах, даже свисали из-под потолка на подвесных полках.

Тут и там, среди книг, светились лампы с бронзовыми плафонами в виде причудливых рыб, впрочем, разогнать стоящую в лавке темноту им было не по силам.

«Ничего не видно... и куда теперь?» — спросила себя Полли и почти наощупь двинулась между стеллажами. Это был тесный лабиринт, которому определенно не помешали бы указатели.

«И как покупатели здесь вообще могут найти что-нибудь?! Нужно у кого-то спросить... вот только у кого?..»

Кр-рак-с-с-с... кр-рак-с-с-с... — донеслось до нее откуда-то слева. Она повернулась — звук шел будто бы прямо из-за шкафа.

Полли приблизилась. Перед ней открылся узкий и темный боковой проход. И в нем кто-то стоял — она вздрогнула: здоровенная, кажущаяся бесформенной фигура не принадлежала человеку.

Кр-рак-с-с-с... кр-рак-с-с-с... — лязгали суставы, и с каждым движением из трубы паротвода на плече типа в потемках вырывалось сизое облако.

Полли не успела испугаться, как поняла, что этот гигант — всего лишь паровой автоматон, который занят тем, что расставляет книги на полке, вытаскивая их из коробки.

— Хм.

К Полли повернулась латунная голова, круглые глаза-лампы едва теплились. Механоид

был таким же старым, как и сама лавка: на его металлических конечностях виднелись следы ржавчины, а на бордовой жилетке и бабочке проглядывали дыры, оставленные молью.

Автоматон пристально изучил руки мисс Трикк, видимо, проверяя не занесла ли она с собой в лавку зонтик, после чего утратил к посетительнице интерес и вернулся к своему делу.

— Прошу прощения... — начала Полли, но механический работник лавки не дал ей продолжить. Он вытянул латунную руку и ткнул в сторону узкой лесенки в глубине прохода.

Полли кивнула и направилась в указанном направлении. Лесенка также была заставлена книгами. Полли попыталась было протиснуться между ними, как вдруг ей на глаза попала книга, один вид которой заставил ее остановиться и содрогнуться. На черной обложке значилось: «*Как победить злого гения. Справочник и инструкция*».

Это она... та самая книга!

Сердце тревожно забилося...

Полли вспомнился день ее прибытия в Габен. Она тогда впервые увидела эту книгу — и с каким же снисхождением она отнеслась к ней, страшно подумать! Уже потом она поняла, как ошибалась. И, как это часто и случается, было поздно...

В памяти всплыли слова, сказанные ей в тот день тетушкой Евфалией: «Этот город просто кишит злыми гениями. Они могут быть за любой из дверей, может, даже прямо сейчас наблюдают за тобой из какого-нибудь окна. Кто знает, где они прячутся...»

Полли стало так беспросветно грустно, что она почувствовала, как задыхается. Дернув головой, она урезонила лихорадочно завертевшиеся мысли и воспоминания и продолжила путь наверх.

«Соберись! — велела себя Полли. — У тебя есть дело... тайна, которую нужно раскрыть. Воспоминания — это паутина, ты не можешь позволить себе застрять в них...»

На втором этаже было ненамного просторнее, чем внизу, но зато заметно светлее благодаря паре окон в дальнем конце помещения. У стеллажей темнели фигуры покупателей, в паре укромных уголков в окружении полок стояли крошечные круглые столики. За одним, потягивая кофе из чашки и сжимая книгу в пурпурной обложке, сидела немолодая дама, за другим — в облаке фиолетового дыма расположился старик с моноклем, папиреткой и настолько ветхим томиком, что тот едва ли не разваливался прямо в его руках.

Напротив лестницы разместились стойка, рядом с которой в кресле храпел почтенного возраста пухлый господин с едва тлеющей трубкой в зубах.

Полли подошла.

На стойке стоял небольшой указатель со стрелкой, подписанный: «*Камилла*». Стрелка указывала на девушку, возившуюся возле старенького кофейного варителя «Хноппиш».

Камилла была весьма примечательным существом и скорее походила на какого-то чудаковатого персонажа книги, созданного эксцентричным писателем, нежели на живого человека. Узкое треугольное и крайне бледное лицо, огромная копна путанных-перепутанных черных волос и круглые очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались невероятно огромными.

— Вы попали в «Переплет», — сказала девушка, встретившись взглядом с посетительницей. — Добро пожаловать. Что вы хотите прочесть?

— Добрый день, мисс, — ответила Полли. — У вас есть книга «Мешок Крампуса»?

Камилла уставилась в потолок и уперла пальчик в подбородок, размышляя.

— Да, где-то был один экземпляр. Издание сорокалетней давности, читанный-

перечитанный и три раза реставрированный. Желаете взглянуть?

— Это было бы замечательно.

Камилла легким движением подняла руку и потянула свисавшую из-под потолка цепочку. В глубине лавки раздался перезвон колокольчиков, и вскоре из букинистической чащи вышел худой и очень сутулый молодой человек, как две капли воды похожий на Камиллу: такие же треугольное бледное лицо и большие круглые очки, правда волосы его, черные и покрытые тонким налетом пыли, были аккуратно расчесаны. Полли справедливо предположила, что этот парень приходится стоявшей за стойкой девушке братом.

— Уилл, — Камилла поглядела на него с легкой укоризной. — Ты снова копался в «Чердачном разделе»? Мистер Рэд пошутил — там нет никакого тайного хода.

— Нигде я не копался, — насупился Уилл. — И мистер Рэд не пошутил.

— Неважно, — строго сказала Камилла. — Эту мисс интересует «Мешок Крампуса». Уилл.

И без того большущие глаза молодого человека округлились еще сильнее.

— О, «Мешок Крампуса»! Одна из моих любимых книг! Я отправлюсь на поиски незамедлительно.

Развернувшись на каблуках, он опрометью бросился прочь и вскоре исчез в узком лазу, который располагался прямо по центру одной из книжных полок и к которому вела приставная лесенка.

— Вы желаете взять книгу с собой или почитать у нас? — спросила между тем Камилла.

Полли задумалась. Домой, где ее ждут угрюмая Каролина и ворох мрачных мыслей, она возвращаться не хотела, да и в редакции ей пока что делать нечего...

— Пожалуй, я останусь у вас. Здесь очень уютно.

— Заботами Папаши Бертрана, — ответила девушка, кивнув на храпящего старика. — Столик на третьем этаже у окна сейчас свободен. Вы можете подождать там, пока мой брат найдет вашу книгу. Желаете ли кофе? Быть может, закладку-скрепку? У нас есть скрепки в виде часов, шляпы-цилиндра, пуговицы и глаза. Еще были в виде пенсне, но они закончились.

— Кофе, да. С корицей и двумя кубиками сахара. И закладку я тоже возьму. М-м-м... — Полли раздумывала между глазом и часами, но потом, решившись, выбрала скрепку-цилиндр, которая напомнила ей любимый головной убор доктора Доу.

Камилла дернула ручку тронутого ржавчиной кассового аппарата, и со звоном выдвинулся лоток.

— С вас семнадцать фунтов.

Полли заплатила и, кивнув Камилле, направилась к лестнице. Поднявшись на третий этаж, она быстро нашла свой столик (их тут было всего три) и села на жутко заскрипевший под ней стул.

С легким раздражением она подумала о том, что, будь здесь сейчас Партридж, он точно отметил бы это и тут же разродился бы шуткой, мол, ей срочно стоит прекратить есть сладости, поскольку дело, которым она занимается, не для толстяков. Партридж прекрасно знал, что она, напротив — довольно худенькая и порой отчаянно напоминает грустное привидение. Этот невыносимый человек получал удовольствие, подтрунивая над ней и заставляя ее злиться.

Полли с трудом выгнала Партриджа из мыслей, будто сорвала со столешницы засохшее

пятно вязкого клея — этот тип в уютном «Переплете» был крайне неуместен.

Ожидая книгу и кофе, мисс Трикк глянула в окно. За ним простиралась заснеженная Пыльная площадь. К станции подошел трамвай, у сигнальной тумбы согревался чаем констебль, пешеходы сновали, сжимая покупки в коричневых пакетах и подарки в коробках. Подарки... как же ей передать подарки доктору Доу и Джасперу? Забраться в окно? Или проникнуть в дом через флигель?

«Что за чепуха! — одернула себя Полли. — Нужно просто отправить их по почте...»

Над головой раздалось простуженное покашливание, которое пытались выдать за деликатное. Полли подняла взгляд. Бледнолицый очкастый Уилл торжественно протянул ей потрепанную книгу в бордовой обложке.

— Ваш «Мешок Крампуса», мисс, — сказал он. — Очень хорошая история, но самое интересное начинается со второй главы.

— О, благодарю.

— Вы ведь ее не читали? — спросил Уилл, и прежде, чем Полли ответила, затараторил: — Я ее читал тысячу раз! Особенно мне нравится момент в чаше. И, конечно же, эпилог. Хотя он всем нравится. Я знаю эту книгу почти наизусть! Если хотите...

— Уилл, не приставай к мисс! — К столику подошла Камилла с исходящей паром чашкой на блюде.

Уилл вздрогнул и ретировался, скрывшись за стеллажами.

— Прошу прощения, мисс, — сказала Камилла. — Мой брат бывает крайне, — она чуть повысила голос и повернула голову к выглядывавшему из-за книжной полки Уиллу, — настырным!

— Ничего страшного.

Камилла поставила перед Полли чашку, пожелала приятного чтения и удалилась.

Полли вдохнула аромат кофе и корицы, отпила и раскрыла книгу.

«Эта история произошла одной холодной зимой, незадолго перед Новым годом...»

— Какое многообещающее начало. — Полли улыбнулась и продолжила чтение...

...Негромко тикали часы, со второго этажа доносился храп Папаши Бертрана, шуршали переворачиваемые страницы. Кофе был давно выпит.

Полли клевала носом. Книга хоть и была весьма занимательной, все же сонливая атмосфера, стоящая в книжной лавке, потихоньку побеждала. Помимо прочего, Полли все еще читала только вторую главу, а полезных сведений до сих пор так и не получила. Она с тоской окинула довольно пухлый переплет — чтобы прочитать эту книгу полностью не хватит и недели. Да и вообще, на что она рассчитывала, используя для исследований сказку? За все время, что она была в «Переплете», в ее блокноте не появилось ни одной записи.

Полли вдруг почувствовала, что на нее глядят, подняла взгляд и наткнулась на два немигающих огромных глаза за стеклами-плошками очков. Уилл наблюдал за ней, прячась за стеллажом и выглядывая через пустое место между двумя книгами. Сперва Полли смутило его внимание, но затем она поняла, что брата Камиллы интересует не она сама, а ее реакция от прочитанного.

Догадавшись, что его заметили, Уилл исчез, а там, где мгновение назад были его глаза, втиснулась книжка.

— Хм.

Полли заправила скрепку-закладку на страницу и закрыла «Мешок Крампуса».

— Вы тут? — спросила она, и из-за стеллажа высунулось бледное треугольное лицо.

— Вы ко мне обращаетесь?

Полли кивнула.

— Вы мне не поможете?

Уилл подошел, нервно потирая руки.

— Сестра запрещает мне приставать к читателям.

— Мне нужна помощь, — сказала Полли. — Вы ведь говорили, что много раз читали эту книгу...

— Да, — Уилл заговорщически прошептал, — и не только зимой. Хотя это не принято. Традиция...

— Я вас не выдам.

— Чем я могу вам помочь?

— Я провожу кое-какое исследование, — начала Полли. — Меня интересует Крампус.

— О, разумеется!

— К своему стыду, должна признаться, что я почти ничего о нем не знаю. Вы мне не расскажете о нем?

Полли ожидала увидеть такую же реакцию, какая была у мамыши Гриззелоу и ее маленького прихвостня Эдгара, но Уилл даже не подумал выразить насмешку или снисхождение. Он горячо закивал.

— Что вас интересует?

— Все. Кто он такой? Чем занимается? Что за история с углем?

Уилл, очевидно, польщенный тем, что может быть полезен — еще и в такой интересной для него теме, широко улыбнулся и часто-часто заморгал. После чего напустил на себя серьезный вид и сказал:

— Крампус — это злобный дух зимы, которого часто называют кривым отражением Человека-в-красном.

— Почему «кривым отражением»?

— Ну, он очень похож на Каминника, хотя в то же время совсем на него не похож. Их часто путают. Видите ли, они оба появляются лишь зимой, оба носят красные шубы с белой меховой оторочкой, оба проникают в дома горожан. Что касается Крампуса, то никто не знает, где он проводит весь год — есть мнение, что он впадает в спячку и пробуждается лишь в последний день осени. Ходят легенды о древних часах, стоящих в самой чаще леса. Именно к ним после пробуждения приходит Крампус, и там он дожидается, глядя на то, как ползут стрелки, приближая зиму. А потом, с первым снегом, он и его свита, состоящая из голодных духов зимы и лесной нечисти, появляются в городе.

— В Габене? — с сомнением спросила Полли, но тут же напомнила себе, что это просто легенда.

Уилл кивнул и продолжил:

— Почти целый месяц после своего появления Крампус и его свита прячутся в городе, ловят слухи, собирают ссоры и крики, выискивают звуки наказаний. Прихвостни Крампуса вызнают, где живут плохие дети, чтобы потом, в новогоднюю ночь, их хозяин явился к этим детям и наказал их. Он всегда носит с собой плеть и мешок, в который засовывает детей.

Полли нахмурилась.

— Он похищает детей?

Уилл кивнул.

— Это называют «Жатвой Крампуса». Всю новогоднюю ночь Крампус ходит по домам, проникает в гостиные и детские спальни и ворует детей. А перед рассветом поднимается снежная буря, и, скрываясь в ней, Крампус и его свита покидают город. Они волокут мешки с детьми в лес. И там, в чаще...

— Что он с ними делает? — замороженно прошептала Полли, забыв, что ничто из описанного не происходит на самом деле.

— Крампус разжигает большой костер, накаляет свое железное клеймо и...

— Не может быть...

— Да, в этом городе есть старики, которые могут похвастаться, если уместно такое выражение, отпечатками клейма Крампуса — это те, кого в детстве похищали. Но не это худшее.

— Что может быть хуже?

— Заклеймив всех детей, Крампус начинает признавать, кто из них хуже всех себя вел. И когда он находит такого — самого плохого ребенка, прихвостни сдирают с несчастного кожу и запекают его на праздничный ужин для своего хозяина. Наевшись, Крампус отправляется вглубь леса и устраивается спать, до следующей зимы. Его прихвостни разбегаются по лесу, а остальные похищенные дети, оставленные без присмотра, возвращаются домой — ну, те из них, кто не замерзает в зимнем лесу и находит дорогу обратно.

Полли задумалась.

— Все это очень похоже на выдумки строгих нянюшек, чтобы запугать воспитанников и заставить их вести себя хорошо, — сказала она.

— Нет же, мисс, — запротестовал Уилл. — Крампус так же реален, как вы или я. Правда, он очень давно не появлялся в Габене. Некоторые думают, что это как-то связано с вырубкой Дурнвальда.

— А что вы скажете по поводу угля?

— Хм, уголь. Верно, совсем забыл. Крампус всегда оставлял после своих визитов уголь. В новогоднее утро родители похищенных детей обнаруживали в их кроватках фигуры из угля, одетые в пижамы и ночные рубашки. Порой, когда Крампус посещал дома тех детей, которые хоть и шалили, но все же не настолько, чтобы их клеймить или пожирать, он забирал у них подарки, оставляя в назидание груды угля.

— Почему именно уголь?

— Кто знает... По одной из версий, его логово располагается в угольной яме.

Полли спохватилась и принялась быстро-быстро записывать новые сведения в блокнот.

— А как выглядит этот ваш Крампус? — спросила она.

Уилл поглядел на нее с легким недоумением.

— Как я и говорил, он носит длинную багровую шубу, но в отличие от шубы Человека-в-красном, меховая оторочка на ней не снежно-белая, а грязная, рваная и покрыта копотью. С шубы свисают ржавые цепи и крючья. У него копыта и, говорят, даже есть хвост. Пытаясь подражать Каминнику, он отрастил бороду, но его борода — узкая, вислая, похожа на длинный треугольный язык.

— А что вы скажете о, — Полли бросила взгляд в блокнот, — клыках, как у пса, и горящих рыжим пламенем глазах? И о бубенцах?

— Все так. И клыки, и глаза, и древние бронзовые бубенцы, на каждом из которых

вырезано его имя. И еще одно — едва не забыл... У Крампуса есть рога.

— Что? Рога?

— Да, два длинных рога, они торчат через дыры в капюшоне шубы.

— Рога выбиваются из описания, — пробормотала Полли.

Уилл поднял брови.

— Какого еще описания?

Полли задумчиво промолчала и нацелила карандаш в блокнот.

— Позвольте задать вам очень странный вопрос, мистер эм-м...

— Уильям Кэррон, — подсказал букинист. — Но вы можете называть меня Уилл.

Полли кивнула.

— Да, Уилл. Итак, если бы, предположим, Крампус — и я понимаю, как это звучит — решил посетить Габен в этом году, куда бы он направился?

Полли ждала, что Уильям Кэррон рассмеется или хотя бы пожмет плечами, но он не раздумывал ни мгновения:

— Это же очевидно! — воскликнул он и тут же спохватился: — Гм... прошу прощения.

Вы ведь не знаете о гроге.

— Гроге?

— Крампус жить не может без елового грога. Если верить книге, с самого своего появления в городе он каждый день с наступлением темноты заходит в единственное место в Габене, где такой грог еще продается.

— И что же это за место? — в нетерпении спросила Полли.

— Самый старый паб в городе. «Ворон и Пес» на улице Гримо.

Не успел Уилл договорить, как Полли всю передернуло. Жуткие воспоминания захлестнули ее. Разорванное горло. Зубы... острые треугольные зубы, проглядывающие во рту того человека.

— Кажется, вы знаете, что это за место, мисс, — заметил Уилл.

— О, я прекрасно знаю, что это за место.

Полли непроизвольно прикоснулась к ключице — там, под одеждой, до сих пор были уродливые следы, оставленные ужасной железной пастью.

Кэб продирался через Тремпл-Толл. А снег настолько усилился, что за окном ничего нельзя было разобрать из-за белой лоскутной пелены.

Полли скрипела зубами — она никак не могла привыкнуть к ужасным мостовым Габена, хотя до недавнего времени искренне полагала, что хуже брусчатки ее родного Кэттли быть ничего не может.

Стараясь отвлечься от дороги, Полли думала обо всем, что рассказал ей этот чудаковатый парень из «Переплета».

Разумеется, она ни на мгновение не поверила ни в существование самого Крампуса, ни в прочие легенды, которые сама называла просто и бесхитростно «чепухой» и «бреднями».

И все же она могла по достоинству оценить изобретательность вора: прикинуться Крампусом, чтобы его жертвам никто не верил, — это довольно умно. Неудивительно, что констебль поднял миссис Гризелу на смех. Прочие жертвы были все же не столь

недальновидны, чтобы утверждать, будто их лично посетил Крампус: это значило бы не только прослыть суеверными, но и признать, что их дети — непослушные маленькие чудовища.

Между тем Полли не сомневалась, что в дома забирается обычный вор. Хотя «обычный» — это не совсем подходящее слово. Он озаботился костюмом для маскировки, раздобыл светящиеся очки, возможно, даже надел накладные зубы. При этом он обладает каким-то устройством, позволяющим лазить по стенам. Подарки, которые он ворует, — весьма дорогие. Взять того же кроленя: на подобном редком звере запросто можно обогатиться, если продать его заинтересованным ценителям... В принципе, можно было начать поиски и с этих «ценителей» (вор объявился бы у одного из них рано или поздно), но сперва она хотела кое-что проверить, впрочем, не особо рассчитывая на успех.

Экипаж качнулся и остановился.

— Прибыли, мэм! — раздался хриплый голос кэбмена. — Гримо, двадцать четыре.

Полли поправила шляпку и вышла под снег. Заплатив кэбмену, она огляделась по сторонам и поежилась от посетившей ее отвратительных воспоминаний. Неуютность здесь сквозила во всем.

Улица Гримо выглядела такой же хмурой, как Полли ее и запомнила, и близость праздника никак, казалось, на нее не повлияла. Уже почти стемнело, но ни окна домов, ни уличные фонари не светились. А еще, по-хорошему, здесь нужно было очень внимательно глядеть под ноги и ступать как можно аккуратнее, потому что порой на Гримо можно было наступить в капкан против крыс. Или вовсе не крыс...

Над дверью паба поскрипывала вывеска: пес с головой ворона.

Полли бросила быстрый взгляд на окна третьего этажа. На миг ей показалось, будто от одного из них отпрянула темная фигура. «Нет, — поспешила она себя успокоить. — Это не он. Его там нет...»

У порога паба, в скоплении ржавых труб, сидели трое бродяг, похожие на груды лоскутного тряпья. Шляпы-двууголки были покрыты снегом, рваные шарфы почти полностью скрывали угловатые покрасневшие лица. Один из бродяг простуженно гавкнул, и Полли, вздрогнув от неожиданности, различила торчащий из-под двууголки черный нос, два больших глаза и вислые уши. Древний, как стариковская память, пес, облезлый и весьма неприветливый, глядел на девушку так, словно что-то задумал.

— Миленькая мисс, — проскрипел бродяга, сидевший ближе всего, — угости старого солдата глоточком «Флирта».

Подключился второй, с черным провалом на месте левого глаза:

— Загляни в свое сердечко, миленькая! Согрей старика — глаз на войне потерял, но даже оставшимся вижу, какая ты красотка. Восьмую долю пинты, сжался...

Полли знала, что дело тут ни в какой не войне. Она притворилась, будто не услышала, прошла мимо и толкнула дверь. Ее тут же обдали вырвавшаяся из «Ворона и Пса» туча папиретного дыма и жар от котлов. А вслед раздалось:

— Не такая уж ты и красивая...

Полли не ответила и уже шагнула было в дымную тучу, как один из бродяг добавил:

— Жаль, Железная Пасть тебя не загрыз...

Полли вздрогнула и обернулась.

— Что вы сказали? — разъяренно спросила она.

— Ничего никто не говорил. — Одноглазый повернулся к соседу. — Ты что-то говорил?

— С утра и словечка не вымолвил, — отозвался тот.

Одноглазый повернулся к псу:

— А ты?

Пес, будто все понял, и качнул головой.

— А что, тебе что-то послышалось, курносоая?

Полли стиснула зубы. Она не была курносой! Ну, может, чуточку.

Эти злыдни вывели ее из себя. Полли захотелось как следует взгреть их всех, не исключая пса, но она тут же напонила себе, что жизнь их и так уже неплохо взгрела.

Горделиво вскинув голову, она вошла в паб. И тут же забыла о вредных бродягах.

Слева от входа, прислонившись к обитой темно-коричневым металлом и за много лет пропитавшейся табаком стене, стоял древнего вида паровой автоматон-шарманщик. Громоздкая круглая голова автоматона с выгравированными усами, грубо скованным треугольником носа и глазами-фонарями со скрипом покачивалась. Механическая рука раз за разом проворачивала гнутую ручку висевшей на бронзовом брюхе шарманки, из недр которой вырывалась мелодия полузабытого военного марша.

Полли закашлялась от дыма, что выплевывался из трубы на голове автоматона, и поспешно двинулась вглубь общего зала.

Со всех сторон что-то лязгало и скрежетало, словно это был не паб, а фабричный цех. Вдоль стен рядами проходили трубы, с потолка свисали чадающие лампы, разливая кругом рыже-багряный свет, отчего можно было подумать, что в «Вороне и Псе» бушует пожар. Пахло углем, жареным мясом, прокисшим элем и порохом.

За липкими от пролитого и не просыхающего пойла столами сидели, опустошая большие кружки и обгладывая кости жареных голубей, личности, одним своим видом навевающие мысли о падении и разложении.

Завсегдатаи, большинство из которых было одето в тертую и засаленную солдатскую форму устаревшего образца (черные мундиры с желтыми шнурами и двумя рядами ржавых пуговиц и двугорлки с обтрепанными перьями), резались в карты. Игра «Семнадцать слепцов» явно была популярна среди местных картежников — большинство из них являлись обладателями черных повязок, так как ставкой в «Семнадцати Слепцах» служил глаз.

Однажды Полли лично видела, как у проигравшего отбирали его ставку.

Мисс Трикк прошла к тяжелой дубовой стойке, всю стену за которой занимали этажи полки с разномастными бутылками. По центру висел большой фонарь, заливший всю стену тошнотворным зеленым светом, а под ним разместились две скрещенные сабли и полковой стяг с вороном.

Из самой стойки вырастала и поднималась под потолок сложная батарея из бурых труб. Хозяин заведения, которого на улице Гримо и в паре ближайших кварталов все звали не иначе, как полковником Криглихом, был здесь же — накручивал тяжелый скрипучий вентиль.

Из дюжины раструбов в латунные кружки, сделанные из артиллерийских снарядов, с шипением лилась пенная и исходящая паром жижа.

Полковник Криглих отпустил вентиль и толкнул рычаг — наполненные кружки поползли по тонким проложенным в стойке рельсам к сгорбившимся на высоких стульях посетителям.

Хозяин заведения был под стать тем, кого обслуживал: всем своим видом он, облаченный в черный мундир, с саблей на боку, походил на ветерана, должно быть, пары

десятков войн. На голове у него восседала двууголка с длинным алым пером.

К Полли повернулось лицо, скрытое под смоляной маской-вороном, черный парик, состоящий из двух рядов подвитых буклей, чуть качнулся.

Полли передернуло. Весь вид этого господина напомнил ей того, о ком она изо всех сил старалась не думать — кукольника из переулка Фейр, с которым она столкнулась, расследуя дело твари, прикидывавшейся уличным фонарем.

— Что будете, мэм? — раздалось хрипкое из-под маски.

— Я... эм-м-м... у вас есть еловый грог?

Полковник какое-то время молчал, и Полли показалось, что своим вопросом она как-то его оскорбила.

Наконец, он ответил:

— Это допустимо. Какой калибр?

— Что, простите?

Клюв маски склонился к ряду стоявших перед полковником разномастных кружек.

— Самый маленький.

— Двухдюймовка, значит.

Полли кивнула. Хозяин паба схватил кружку и вставил ее в камору своего разливного устройства, крутанул вентиль и потянул на себя рычаг.

Наполнив кружку, он передал ее Полли. Грог бурлил и все еще продолжал кипеть. Над ним поднималось зеленое облачко, а запах... что ж, вне всякого сомнения, напиток был сварен из еловой хвои.

— Два фунта, — скрипнул полковник, и Полли заплатила.

После чего взяла кружку и направилась с ней к деревянной лестнице, ведущей на галерею, что приплюснутым носом нависала над стойкой — мисс Трикк показалось, что это наилучшее место в пабе для наблюдения за входом.

Старательно игнорируя вульгарное хмыканье уже изрядно набравшегося типа в углу галереи, Полли села за пустующий столик у резного ограждения.

Вход в паб отсюда и правда неплохо просматривался.

Подув на бурлящее варево в кружке, Полли осторожно отпила.

— Гадость несусветная! — буркнула она и отставила грог в сторону: тот был вязким, пряным и очень колочим, словно она и в самом деле проглотила иголки.

В любом случае сюда она пришла вовсе не за этим странным пойлом (неудивительно, что его нигде больше не готовят), и оставалось надеяться, что тот, кто ей нужен, явится. Если уж он так дотошно прикидывается Крампусом, то отчего бы ему не следовать всем привычкам зимнего духа — ну, или хотя бы этой.

Партридж, тот, кто научил ее мастерству идти по следу, не оценил бы подобный шаг. Он будто бы сидел на соседнем стуле и осуждающе на нее глядел.

«Слишком беспечно полагаться на догадки и рассчитывать на удачу», — сказал бы Партридж, будь он сейчас здесь. «Притянуто гнилыми нитками! Потянешь — и оторвется» — одна из его любимых фразочек, которые Полли все знала наизусть и которые просто терпеть не могла.

Но как бы ей ни хотелось спорить, в данном случае он, похоже, был прав (как, впрочем, и всегда): рассчитывать на то, что вор придет в этот паб за грогом, слишком наивно.

И все же пока эта была едва ли не единственная ниточка.

Будь на месте Полли ее начальник Бенни Трилби, он бы непременно изобрел какой-

нибудь экстравагантный метод расследования, включающий провокации и переодевания. Возможно, он бы даже переоделся в «плохого ребенка», чтобы выманить вора.

Полли представила себе Трилби в коротких клетчатых штанишках с подтяжечками, торчащими волосатыми ногами и с леденцом за щекой. И чуть не умерла со смеху. Вовремя спохватившись — на нее из-за столика по соседству косился не сильно трезвый ветеран с накладным деревянным носом, — она скрыла смех кашлем.

И все же нужно отдать ведущему репортеру «Сплетни» должное: ему нет равных в том, что называется «рыть сведения». И хоть порой его средства довольно сомнительны, а маскарад настолько нелеп, что вызывает снисходительную ухмылку, он не случайно смог стать любимчиком шефа. В редакции ходила легенда о том, как он однажды целую неделю прикидывался напольными часами в какой-то гостиной, чтобы собрать материал для статьи. Полли не верила, что это правда, но, зная целеустремленность и совершеннейшее отсутствие совести Бенни Трилби, наверняка утверждать ничего бы не решилась.

Чем же он таким там занят? Что это была за статья?

— Хм. Можно спросить у него самого...

Взгляд Полли наткнулся на Бенни Трилби. Вернее, не на него самого, а на первую полосу газеты, которую занимала его статья; с передовицы на нее с хитрым прищуром глядел носатый снеговик...

Газета принадлежала сгорбившемуся у стены старику с встопорщенной бородой — он листал «Сплетню», с безразличием пропуская колонки и целые разделы, будто рассчитывал, что среди слухов и домыслов вдруг наткнется на что-то правдивое или хотя бы достоверное.

У Полли зачесались руки заполучить газету и прочесть, что там ее начальник понаписал об этой новой городской злодейке. Лично Полли Зои Гримм показалась весьма забавной — если бы кто-то спросил мнения самой мисс Трикк, то она бы сказала, что мистер Трилби давно напрашивался на взбучку, и ему очень повезло, что Зои Гримм подошла к мести за унижительный отзыв о ее персоне с юмором.

И все же, несмотря ни на что, Полли была благодарна Бенни Трилби: спихнув на нее «тухлую рыбу», он, сам того не зная, отвлек ее от мрачных мыслей и придал смысл этому безрадостному дню. Еще утром ей казалось, что одиночество и безысходность непременно ее задушат, но вот она уже всю занимается тем, что про себя называла «Тайной воришки подарков».

Это дело становилось все любопытнее. Монстр с горящими глазами, который лазит по стенам и проникает в окна... жуткое порождение ночных детских кошмаров, оставляющее после себя лишь уголь и едва уловимый запах еловой хвои...

Полли вдруг поймала себя на том, что ей отчаянно хочется, чтобы тот, кого она преследовала, оказался Крампусом. Не просто прикидывался им, но *был* им. Она так устала от всех этих серых и невзрачных проходимцев Габена, которыми движут низменные и мелочные очевидные мотивы, что... эх, ей так хотелось чего-то необычного, чуточку невероятного и, может, даже... *мистического*.

«Я охочусь за могущественным духом зимы, существом, что вышло прямиком из легенд... Как это звучит! Сколько всего это таит в себе! Вот бы так и было на самом деле...»

Как жаль, что все будет не так. С едва ощутимой горечью Полли понимала это.

Двери паба открылись, и в общий зал кто-то вошел.

Полли подобралась.

Громадный мужчина, настоящий великан в облепленном снегом длинном пальто и

высоком черном цилиндре, прижимал к груди бордовый кофр. У великана были крючковатый нос, мохнатые, низко нависающие брови и треугольная борода. В зубах у него торчала папиретка, исходящая маленькими облачками зеленого дыма.

В костюме или фигуре вошедшего в паб человека не было чего-то особо примечательного, но она сразу поняла: это он!

Не озираясь по сторонам, человек с кофром быстро прошел к стойке и, положив на нее мятую купюру, хрипло сказал:

— Еловый грог. Самый большой.

Полковник Криглих наполнил кружку, и великан двинулся вместе с ней к лестнице.

Тяжело ступая по ступеням, отчего те отдавались жалобным скрипом, он поднялся на галерею. Когда человек с кофром прошел мимо Полли, она сделала вид, что ее очень интересует содержимое собственной кружки.

Великан не обратил на нее внимания и вскоре скрылся на узкой деревянной лестнице, ведущей на этажи — там, как помнила Полли, располагались меблированные комнаты.

Немного выждав, она поднялась на ноги и, нащупав в кармане пальто пистолет, двинулась следом.

Почти в тот же момент, как она оказалась на третьем этаже, одна из выходящих в темный коридор дверей закрылась. К ней тянулся след из висящих в воздухе и медленно тающих зеленых облачков.

Полли подкралась к двери и прислушалась: из комнаты доносились голоса.

Она склонилась к замочной скважине и прищурилась, вглядываясь.

В комнате были двое. Человек с кофром застыл в нескольких шагах от двери черной громадиной (повезло, что он не загородил собой все остальное), стоявший рядом мужчина в котелке, круглых защитных очках на глазах и с натянутым на лицо шарфом, видимо, чтобы сохранить инкогнито, казался в сравнении с ним совсем крошечным.

«А ты еще кто такой?» — подумала Полли.

Незнакомец хорошо подготовился — разобрать в его облике хоть что-то было решительно невозможно. Единственное, что бросилось Полли в глаза, это подзорная труба, висевшая у него на поясе.

— Наш общий друг уверял, что на вас можно положиться... — говорил таинственный незнакомец, и в его приглушенном шарфом голосе Полли послышались знакомые нотки. И все же, как она ни пыталась узнать его обладателя, у нее не вышло.

— Так и есть. — Обладатель крючковатого носа поставил кофр на пол. — Вы позволите? — он кивнул на кружку. — Мой ежедневный ритуал.

— Конечно-конечно. У меня ведь впереди еще целый день...

— О, это не займет много времени, — ответил великан, вытащил из губ папиретку и поднес к ним кружку, после чего — Полли едва сдержалась, чтобы не ахнуть в голос — выпил кипящее содержимое одним впечатляющим глотком и даже не поморщился.

— Так и горло недолго сломать, — заметил человек в котелке.

Вытерев губы, крюконосый вернул папиретку на место и кивнул собеседнику.

— В записке вы сообщили о поломке, — сказал он. — Это невозможно.

— Вы говорили, что они надежны.

— Они надежны.

— Тогда почему одна из ваших ворон сломалась?

Господин с кофром не ответил.

«Что еще за вороны? — удивилась Полли. — И как ворона может сломаться?»

Человек в котелке взял с приставленного к узкой железной кровати стула коричневый сверток, развернул бумагу и продемонстрировал собеседнику черную механическую птицу. Автоматон не подавал признаков жизни.

— Что произошло? — спросил великан.

— Я не знаю. В какой-то момент она начала истошно каркать, ее глаза погасли, а крылья заклинило. Потом она замолчала и задымилась.

— Вы не лезли к ней под крышку?

— Разумеется, нет: вы ведь запретили это делать.

Крюконосый пристально поглядел на собеседника, после чего склонился над кофром и открыл замки.

— Я заберу сломанную. Взамен возьмите эту.

Он достал из недр своего футляра еще одну механическую ворону.

— Сколько у вас вообще этих игрушек? — спросил незнакомец, заворачивая птицу в бумагу.

— Это не игрушки! — разъяренно рявкнул великан, отчего его треугольная борода встопорщилась, и на миг Полли показалось, что он будто бы стал выше, а его глаза загорелись, хотя в следующее же мгновение наваждение исчезло. — Это мои верные слуги, часть древней свиты. Им больше сотни лет!

Полли с удовольствием отметила, что этот тип, как она и думала, играет свою роль и прикидывается Крампусом весьма убедительно. Жаль только, что он лишь прикидывается...

Таинственного незнакомца между тем несколько не смутили слова собеседника. Он проворчал:

— Больше сотни лет? Неудивительно, что они ломаются. Надеюсь, с этой ничего не случится: для моего дела мне нужны две.

Лжекрампус поморщился, спрятал сломанную птицу в кофр и закрыл замки.

— Если на этом все...

Незнакомец кивнул:

— Не смею вас задерживать.

Крюконосый взял кофр за ручку, приподнял на прощание цилиндр и двинулся к двери.

Полли опрометью бросилась прочь. Быстро преодолела коридор и ринулась вниз по ступеням.

Оказавшись на галерее общего зала, она заняла свой столик. За время ее отсутствия кружка с едва початым грогом исчезла. Пропажа быстро обнаружилась: тип с деревянным носом за соседним столиком как ни в чем ни бывало попивал из нее, причмокивая языком и старательно делая вид, будто кружка всегда принадлежала только ему. Полли не было до этого дела.

Не прошло и минуты, как великан с кофром спустился в общий зал. Не задерживаясь ни на галерее, ни у стойки, он прошел через паб к выходу и толкнул дверь, впустив в помещение порыв ветра и вихрь снега.

Полли сорвалась с места и бросилась за крюконосым великаном, провожаемая недоуменными взглядами старых солдат вокруг.

Выбежав на улицу, она огляделась по сторонам. Падал снег, мимо, покачиваясь на двух механических ногах, прогромыхала старуха в бурой шали. Крюконосый исчез.

Сбоку раздался смех, и Полли обернулась. Двое бродяг и пес в двууголке глядели на нее

насмешливо.

— Кого-то потеряла, курносая?

— Где он? — спросила девушка. — Куда он делся?

— Кто?

— Высокий человек в цилиндре, у него был бордовый кофр!

Вместо ответа и бродяги, и пес задрали головы, уставившись куда-то вверх.

Полли проследила за их взглядами, но там был лишь снег.

«Они что, рассчитывают, будто я поверю, что крюконосый взмыл в небо?»

И тут что-то упало к ее ногам.

Полли недоуменно уставилась на дымящийся зеленый цилиндрик, размером меньше мизинца.

Одноглазый бродяга втянул носом воздух, причмокнул и потянулся к нему, но Полли была быстрее. Она схватила докурок, снова поглядела вверх.

В вое ветра ей послышался рваный каркающий смех.

В табачной лавке «Раухен», как и везде в Тремпл-Толл, сейчас было не протолкнуться.

Но Полли все же сделала это — протолкнулась. Прижимая к лицу платок и жалея, что не запаслась противогазом (в заполонившем магазинчик разноцветном дыму нормально дышать могли разве что старые биржевые клерки, курившие сигары с младенчества, да кочегары, работавшие у доменных печей), она встала у стойки, поросшей, словно карликовым лесом, тонкими гнутыми мундштуками. Парочка тучных господ, между которых Полли втиснулась, как раз склонились над двумя из них, обхватив мундштуки влажными губами, втягивая дым и причмокивая.

Переборов приступ тошноты, Полли подняла руку, подзывая приказчика — сухого и вытянутого, чем-то похожего на ржавый гвоздь человека с серым лицом и внушительными мешками под глазами. Выглядел он как покойник третьей свежести, восставший из могилы только ради того, чтобы продать вам папиретку со вкусом долгой и счастливой жизни.

— Дайте угадаю, — буркнул он, подплыв. — «Мадам Модд» со вкусом кофе.

— Не угадали.

На понуром лице приказчика не отразилось ни одной эмоции.

— Поразительно, — он подернул губами и сморщил нос. — Я всегда угадываю. Что же тогда? Уж навряд ли «Черчилл» со вкусом перемен.

Полли открыла ридикюль и извлекла оттуда докурок, добытый у паба «Ворон и Пес».

Приказчик взял его кончиками двух пальцев, будто пинцетом, эффектным размашистым движением провел под носом.

— Гхм. «Черствозимм». Еловая смола и черника. Никогда не подумал бы, что такая хрупкая мисс...

Полли покачала головой.

— Это не для меня. У вас ведь есть такие папиретки?

— Разумеется! В «Раухен» есть все папиретки! Вам наполнить портсигар? Будете брать поштучно или коробку?

— Ни первое, ни второе и ни третье, — ответила Полли. — Мне не нужны папиретки. Мне нужны, — она чуть понизила голос, — сведения.

Приказчик возмущенно дернул головой.

— Это табачная лавка! За сведениями вам в справочную Тремпл-Толл. Здесь недалеко:

Чемоданная площадь, пятнадцать.

Полли была готова к подобной отповеди.

— Я работаю в газете, мистер. «Сплетня», может быть, слышали.

Приказчик насторожился, ожидая чего угодно вплоть до угроз выставить его лавку на страницах газеты в неприглядном свете, но Полли и не подумала его запугивать: Уиггинс и Хатчинс вполне успешно занимались подобным, но ей был ближе метод Бенни Трилби, который он сам называл «Посулить подслащенную пилюлю».

— Я имею счастье пребывать в весьма доверительных отношениях с мистером Эрнсом, — сказала она, — вы знаете, чем он заведует в «Сплетне»?

— Разделом объявлений и рекламным разворотом, — кивнул приказчик, понимая, к чему клонит Полли.

— Думаю, третий верхний блок вас устроит?

— Второй.

Полли улыбнулась. «Улыбка — лучший способ заверить сделку», — так порой говорил Бенни Трилби.

— Я порекомендую мистеру Эрнсу лавку «Раухен» для второго верхнего блока.

Приказчик чуть оживился. Он больше не походил на простого мертвеца. Теперь он походил на мертвеца, которого тычут вилкой.

— Что вас интересует?

— Меня интересует один из тех, кто покупает у вас «Черствозимм». Это высокий джентльмен в черном пальто и цилиндре. Нос крючком и треугольная борода.

Приказчик поджал губы, явно узнав нужного Полли человека.

— Этот безнадега? — с презрением бросил он.

— Что? Безнадега?

— Боюсь, я не знаю его имени, — сказал приказчик. — Описанный вами господин заходил два дня назад. Время от времени он посещает «Раухен», всегда наполняет портсигар и расплачивается горрефунтом.

Полли покачала головой — она не знала, что это.

— Банковский билет господ Ригсбергов, — пояснил приказчик. — Все должники банка расплачиваются такими.

Полли воодушевилась.

— Этот билет все еще у вас? — спросила она, и, когда приказчик кивнул, добавила: — Могу я его увидеть?

— Но там нет имени, ни адреса безнадеги, лишь номер.

— И все же?

Приказчик вздохнул и полез под стойку, извлек оттуда жестяную коробку и принялся в ней копать, ища нужный билет.

Наконец он вытащил из стопки один из горрефунтов и протянул его Полли.

Это была большая прямоугольная бумажка, полностью черная и покрытая множеством белых штемпелей. По центру на ней был изображен герб банка: ворон с монетой в клюве. Под ним значилось: «Горемычный фунтовый билет "Ригсберг-банка", выданный безнадеге 19-21-17-14-1-18-12».

— Я ведь говорил...

Приказчик был прав: никакого имени там не было, но вот в самом внизу билета стояла лаконичная подпись, также сделанная белыми чернилами.

— Вы знаете, что это? — спросила Полли, указав на подпись приказчику.

— Полагаю, это автографф банковского клерка, выдавшего данный билет. Регулярная отметка — она стоит на всех горефунтах.

Полли кивнула. Она быстро переписала в блокнот номер безнадеги и фамилию клерка — хвала бюрократичной дотошности и канцелярским нормам банковских служащих, та легко читалась в подписи.

— Благодарю. Я узнала, что хотела.

Полли вернула приказчику билет, развернулась и направилась к выходу из лавки.

— Второй верхний блок, не забудьте! — воскликнул ей вслед продавец папиреток.

Полли не слушала. Бенни Трилби неплохо научил ее выуживать сведения у саквояжников. И первое, что он объяснил, когда она стала его помощницей, было: «Посулить подслащенную пилюлю — это не значит *дать* подслащенную пилюлю. Это тонкая игра на доверчивости...» Ну а вторым, что уяснила Полли, когда стала работать в «Сплетне», было то, что с мистером Эрнсом, заведовавшим разделом объявлений, лучше не связываться.

Она действительно получила то, что хотела, и без каких-либо угрызений совести покинула лавку.

За время своей службы в газете Полли прекрасно поднаторела в общении с лавочниками и обывателями Саквояжного района. Но вот следующий шаг в поисках воришки подарков требовал иного подхода. Настал момент, которого она хотела избежать, но выхода не оставалось — расследование следовало передать кое-кому другому: тому, кто запросто разговорит даже банковского служащего.

Полли Уиннифред Трикк ушла в тень, а из тени вышла та, кому не требовалось сластить пилюли, чтобы выяснить то, что ей было нужно.

Веревка скрипела, из горла вырывались хрипы. Висельник дергался и корчился всего какое-то мгновение, когда...

В дверь постучали.

Мистер Томмс схватился руками за петлю. Попытался пропустить под нее пальцы, но не вышло.

С трудом он нашарил ногами стул, и со второй попытки ему удалось встать на него. С трудом растянув узел, мистер Томмс вытащил голову из петли — шея, казалось, была переломана в трех местах, но где-то в глубине сознания все-таки жила уверенность, что это не так: в ином случае, у него уже не осталось бы никаких уверенностей.

Ватное тело тут же опало на стул. Перед глазами все было черным-черно, комната плясала и содрогалась. В ушах отстукивал барабан, а лоб ощущался таким тяжелым, словно к нему была приторочена наковальня.

Мистер Томмс закашлялся-захрипел, грудь и горло резало при каждом вдохе. Он попытался проглотить заполнившую рот слюну, и будто проглотил корабельный якорь.

Дрожащими посиневшими пальцами мистер Томмс полез в жилетный карман за платком. Вытер слюни, свернул платок и промокнул лоб. Воздух едва пробирался в горло,

словно толстяк — в слишком узкий для него коридор.

В дверь застучали настойчивее.

— Да что же это такое?! — в сердцах выдохнул мистер Томмс. — Проклятый город! Даже повеситься спокойно не дадут!

Поднявшись на ноги и оторвав руку от спинки стула, он едва не упал. Голова кружилась, а комната все еще подпрыгивала и проворачивалась.

Шатаясь из стороны в сторону, как перебравший в пабе матрос, мистер Томмс пошагал в прихожую.

Прежде, чем открыть дверь, он прокашлялся, поправил жилетку и пригладил волосы.

Снова постучали.

— Кто там? — спросил Томмс.

Ответа не последовало.

Повернув ключ, он открыл дверь. За порогом никого не было. Темный этаж пустовал, как и лестница.

— Что это еще за шутки? — пробормотал мистер Томмс, потирая саднящее горло.

И тут в гостиной распахнулось окно. Створки с грохотом ударились о стены, задребезжали стекла.

Мистер Томмс захлопнул дверь и бросился в комнату. Через подоконник залетал снег.

Поспешно затворив окно, мистер Томмс, опустил крючок, и снова закашлялся. Горло будто напоминало ему о незавершенном деле.

Мистер Томмс обернулся. В центре гостиной его ждали стул и покачивающаяся петля, закрепленная на потолочном крюке.

Ноги отчего-то вдруг стали чугунными — не сделать и шага. Мистер Томмс поймал себя на том, что боится сделать этот шаг и...

— Мне, конечно, очень неловко вас прерывать в такой момент, — раздался голос из темного угла, — но, уж простите, вам придется прерваться.

Томмс вздрогнул и отшатнулся.

В темном углу чернела стройная невысокая фигура. Женщина не шевелилась. Прищурившись, он смог разобрать очертания кожаного лётного шлема и большие очки.

— Это... это вы... — прошептал он пораженно.

— Это я, — не спорила женщина.

— Зубная Фея... Вы тут! Я не знал... клянусь, не знал, что происходит!

— О чем вы? — В голосе Зубной Феи прозвучало удивление.

— Вы пришли! Вы просто так не приходите...

— Вы верите в счастливое стечение обстоятельств, мистер Томмс? — спросила Зубная Фея. — Я вот верю: наш с вами разговор мог не состояться, упади стул.

Мистер Томмс испуганно поглядел на упомянутый стул.

— Вы заберете мои зубы! — Он зажал рот ладонью, и Зубная Фея рассмеялась Холодным жестоким смехом, от которого волосы у неудавшегося самоубийцы встали дыбом.

— Мне не нужны ваши скучные конторские зубы, стертые зубным порошком «Дерлитц».

— Я предпочитаю «Чистозуб доктора Палмерса», — машинально уточнил мистер Томмс. — На жестянке написано, что он лучший.

— Вам не стоит слепо доверять написанному на жестянках. Но в любом случае меня пока не интересуют ваши зубы, Томмс. Дело в том, что мне в руки попал один из ваших

банковских билетов.

— Я так и знал! Вы пришли меня наказать!

— Не сегодня, — ответила Зубная Фея. — Может быть, завтра. Или через пару дней, а пока мне от вас нужны сведения. Вы же не откажете Зубной Фее, Томмс?

Банковский клерк задрожал.

— Я бы не посмел...

— Как вы уже, должно быть, поняли, я ищу одного из ваших безнадег. Мне нужны имя и адрес. Но, вот беда, на билете не было имени безнадеги.

— На каждом билете указано имя безнадеги.

— Нет, там были одни лишь глупые цифры. Я своими глазами видела.

— Все верно. Это то, что вам нужно, — пояснил банковский клерк. — Каждая цифра соответствует букве фамилии. Очень простая система.

Зубная Фея молчала, обдумывая услышанное.

— Что ж, имя у меня есть, — наконец сказала она. — Надеюсь, вы мне поможете и с адресом.

— На что вы рассчитывали, явившись ко мне домой? Что я наизусть помню адреса всех безнадег?

— Именно на это я и рассчитывала, — усмехнулась Зубная Фея. — Вы бы не дослужились до своей должности, не обладай вы бюрократической памятью. Не советую испытывать мое терпение, Томмс.

Клерк испуганно закивал, и она продиктовала ему номер.

Услышав его, мистер Томмс изменился в лице. Зубная Фея заметила это:

— Я так понимаю, вы знаете, кто мне нужен.

— Д-да. Но этот джентльмен... он из числа тех, кто записан в особой книжечке самого господина Выдри, начальника Грабьего отдела. Я не могу так просто...

— Адрес, Томмс.

— Бромвью, 34, квартира № 18/ан.

Зубная Фея удовлетворенно кивнула.

— Что вы можете о нем рассказать?

— Я ничего не знаю об этом безгадеге, кроме того, что им занимался господин Выдри лично. У меня нет доступа к книжечке безнадег главы Грабьего отдела. Простите...

— Ничего страшного, Томмс. Вы и так мне помогли. Что ж, я больше не намерена вас отвлекать от вашего... гм... дела.

— Это все? — Томмс, казалось, не верил, что его не ждет расправа от рук жуткой Зубной Феи.

— Вы очень занятой человек, Томмс. Кто я такая, чтобы мешать вашему повешению?

— И вам совсем не любопытно, почему я решил... решил... — он не смог договорить.

— Вероятно, у вас есть свои причины. Габен — это грязная мерзкая дыра, и, должно быть, покинуть его даже таким способом — не худшая мысль.

Томмса поразил цинизм, который звучал в голосе Зубной Феи. Она продолжила:

— Я могу лишь заметить, что если вам вдруг на какой-то момент показалось, что Тремпл-Толл окончательно раздавил и пережевал вас, то это не так.

— Откуда вы знаете?

— Вы не похожи на пережеванного, Томмс. К тому же я не раз встречала тех, кого этот город пытался прожевать и проглотить, но знаете что? Есть те, кому удалось вырваться даже

из его желудка до того, как их переварили.

Клерк опустил голову и с безысходностью прошептал:

— Мне уже не выбраться...

— Кто знает... Могу сказать лишь одно: если вы все же решите не сводить счеты с жизнью, вам следует помнить, что при следующей нашей встрече я отберу ваши зубы, и тогда вы пожалеете, что не выбрали веревку. Если, конечно, вы продолжите заниматься тем, чем вы занимаетесь в банке.

— Я не хочу этим больше заниматься! Я не плохой человек...

Зубная Фея кивнула — она поверила его словам.

— И вы вот так просто уйдете? — спросил банковский клерк.

— Я тоже очень занята, знаете ли. Мой поиск продолжается... Тем более, к вам пришли.

— Что?

— В дверь стучат.

И тут в двери раздался стук.

Томмс отвернулся всего на миг, но когда он снова бросил взгляд на угол, где стояла Зубная Фея, там уже никого не было.

Куда она подевалась?!

Он бросился к окну и раскрыл створки. За окном была лишь вечерняя улица. Падал снег. Уютно теплилось множество окон дома напротив. Внизу, рядом с афишной тумбой, помигивая, светился фонарь. А возле него, под черным горбатым зонтиком, стоял снеговик в пальто.

Мистер Томмс вздрогнул. Снеговик глядел прямо на него.

В двери снова постучали.

«Не знаю, заметили ли вы, мисс Трикк, но Габен, помимо прочего, — это город путанных окон, — говорил Партридж. — А Тремпл-Толл в особенности. Окна здесь повсюду, куда ни кинь взгляд: большие и маленькие; прямоугольные, квадратные и круглые, попадают даже треугольные; с поднимающейся или откидывающейся створкой, на гармошечном механизме или со ставнями; на задвижках, на крючках, щеколдах или даже на вентильных запорах. Что касается Саквоажного района, то здесь, глядя на дом с улицы, очень трудно определить, что именно находится за окном: квартира, чердак, лестничная площадка или гардероб (бывает и такое). Разобраться в оконной путанице Тремпл-Толл так же трудно, как разобраться и в планировке его домов, и окно, расположенное, скажем, на уровне второго этажа, запросто может принадлежать квартире третьего, четвертого или даже первого. Здесь есть лестничные подэтажи, антресольные квартиры, нависающие спичечные каморки и тому подобное — нередко можно обнаружить даже жилые трубы или шкаф-комнаты.

Предвосхищая ваши преисполненные недоумения вопросы, мисс Трикк, я отвечу, зачем я все это вам рассказываю. Дело в том, что, если вы планируете успешно заниматься тем, чем надумали, вам придется научиться определять правильное, нужное вам, окно, не приближаясь ни к двери подъезда, ни к двери требуемой квартиры. Проникновение в дома через окна, мисс Трикк, это особое искусство, и мало кто из городских шниферов обладает

им в полной мере. Но я научу вас, как это делать, как найти в этом безумном хаосе нужное окно...»

И Партридж научил ее. О, познать эту науку было непросто: Полли с утра и до вечера бродила по улицам и переулкам, вычисляла и высчитывала, вымеряла и сопоставляла данные наблюдений — она едва не сломала себе все глаза, пытаясь подметить те ключевые детали, о которых рассказывал Партридж. А потом, когда она более-менее освоилась с вычислением «нужного окна», ее монстр-наставник решил, что этого уже недостаточно и заставил ее искать окно, но уже ночью, что было в разы сложнее.

«Зубная Фея должна хорошо знать Тремпл-Толл, она должна научиться передвигаться по нему, как по собственному дому. У нее не должно быть трудностей в ориентировании на его улочках и в переулках, на чердаках и крышах, перед ней не должно возникать преград и закрытых дверей или окон. От этого зависит успех ее дела. Но не только. От этого зависит сама ее жизнь... А теперь хватит ныть, мисс Трикк, и отправляйтесь искать указанное окно — адрес уже лежит у вас в кармане...»

И она отправилась на поиски. А потом еще раз и еще. Пока в какой-то момент не осознала, что уже обнаруживает нужный ей адрес среди скопления окон всего за пару мгновений... Партридж, как всегда, был прав. Подобное умение в будущем пригодилось ей не раз и не два...

Руки в кожаных перчатках бесшумно открыли створки «нужного окна», и Зубная Фея проникла в квартиру.

Ноги в высоких кожаных сапогах ступили на пол. Хрустнул снег. Он покрывал здесь все. «Какое странное место...» — подумала Полли.

Судя по всему, хозяин квартиры намеренно стаскивал сюда снег — и отчего-то снег и не думал таять.

Полли поежилась от холода — в квартирке было морозно, как в зимнем лесу. Зубы непроизвольно принялись отстукивать.

«Темно... тихо... Хозяина нет...»

Полли спрятала пистолет-«москит» в кобуру на бедре, подняла лётные очки на лоб, после чего зажгла «штурм-фитиль Бэббита». Огонек фонаря высветил темные, обитые ветшалой тканью стены. Почти все место в квартире занимало... незваная гостья не сразу поняла, что это кровать: сплетенный из узловатых, увенчанных шипами ветвей ком выглядел жутко. В его глубине проглядывал ворох из шкур, по всей вероятности, служивших хозяину постелью.

— Кажется, кое-кому роль слишком глубоко вьелась в кожу...

Оставляя на устлавшем пол снегу следы, Полли начала осмотр квартиры.

У одной из стен стоял верстак, на котором в беспорядке валялись плотницкие инструменты; на самом столе, на стуле и рядом с ним высились груды стружки и деревянных опилок. На стене над верстаком в несколько ярусов висели полки.

Незваная гостья поднесла фонарь. Его свет вырвал из темноты ряды деревянных игрушек.

— Жуть какая... — со смесью отвращения и восхищения проговорила Полли: резные поделки запросто могли послужить причиной детских и не только детских кошмаров. Клыкастые снеговики, крошечные крампусы, злобные монструозные ели, фигурки Каминника с черными пустыми глазницами и уродливые существа, являющие собой неестественную помесь людей и волков, людей и медведей, а также людей и... хищно

улыбающихся месяцев.

— Джасперу бы понравилось, — пробормотала Полли.

Подумав, она сняла с полки одного из людей-месяцев и спрятала его в карман; на место игрушки она положила двадцать фунтов: хозяин не должен был остаться в накладе — за такую сумму она могла бы купить целую полку этих монстриков.

Намереваясь продолжить осмотр квартиры, она вдруг застыла, заметив кое-что любопытное: на верстаке, среди инструментов и заготовок, лежала грудка бумажных клочков, исписанных зелеными чернилами.

«Порванное письмо!»

Полли справедливо предположила, что раз хозяин квартиры порвал его, в нем, без сомнения, содержалось что-то важное. Поставив фонарь на верстак, она принялась собирать листок из кусочков. Вскоре бумага была составлена, и Полли прочитала:

«Многоуважаемый сэр!

Мне очень жаль огорчать вас, но я вынуждена ответить вам отказом.

Игрушки, которые вы предложили для моей лавки, хоть и исполнены весьма искусно, но, к моему глубочайшему сожалению, выглядят не просто уродливо, но, не побоюсь этого замечания, внушают страх и отвращение.

И хоть вы особо указывали на то, что все детали ваших игрушек подвижны, а некоторые из кукол даже снабжены голосовыми шарманками и "могут смеяться и рычать" (мое почтение вашему мастерству), все же, боюсь, этого недостаточно. Игрушки, которые продаются в моей лавке, должны радовать, но не пугать детей.

Со всем уважением,

Корнелия Фрункель из лавки "Тю-Тю"»

Полли задумалась. Игрушки... лавка миссис Фрункель, вор подарков...

В голове все перемешалось.

— Я ведь пришла по адресу... Но где же тогда краденное? — спросила темную квартирку Полли и вдруг, словно ответом на ее вопрос, неподалеку раздался скрип.

Она замерла. Скрип не затих. Звук шел из-под кровати.

«Что же предпринять?!» — с тревогой подумала Полли, положив ладонь на рукоять пистолета.

И тут ее посетила мысль, что, во-первых, хозяину нет смысла прятаться под собственной кроватью, а во-вторых, он бы там просто не уместился бы.

Взяв со стола фонарь, Полли осторожно приблизилась к кровати. Беззвучно вытащила из кобуры пистолет и процедила:

— Только без глупостей. Я вооружена!

В ответ раздался едва слышный хруст, за которым последовало приглушенное бормотание.

Полли резко присела и, выставив перед собой фонарь и пистолет, заглянула под кровать.

В переплетении сухих крючковых ветвей что-то шевелилось. Что-то небольшое, размером с кошку средней оголодалости.

Черные глаза испуганно уставились на Полли, заходили ходуном тонкие усы и смешно задвигались длинные кроличьи уши.

— Кто тут у нас? — Полли улыбнулась, заметив тоненькие ветвистые рожки, торчащие из макушки существа. — Да ведь это же Мистер Пушистик!

Вольпертингер и правда походил на кролика или зайца с оленьими рогами — все, как и описывала миссис Гриззелу.

— Не бойся, малыш, тетя Полли тебя не обидит.

Полли убрала пистолет, отодвинула фонарь и протянула к вольпертингеру руку.

— Давай же... иди ко мне...

Кролень качнул головой и сделал небольшой неуверенный шагочек.

— Смелее... — продолжила увещевать Полли. — Иди ко мне. Я спасу тебя от этого жуткого человека. У тети Полли есть кое-что вкусненькое: сочная трава и елочные иголки.

Судя по тому, как вольпертингер сморщил нос, она поняла, что не угадала.

— Желуди?

Кролень явно понимал ее, поскольку тут же наделил Полли крайне оскорбительным и презрительным взглядом.

— Каштаны? Может быть, шишки?

Рогатый качнул головой, мол, продолжай...

— Я не знаю, что ты любишь... — отчаялась Полли. — Может, тебе нравятся мыши или белки?

Вольпертингер заинтересовался. Он придвинулся ближе, в его глазах явственно проявился голод.

— Что? — удивилась Полли. — Ты ешь белок?

Кролень еще немного приблизился.

— Иди ко мне. Я дам тебе вкусную сочную белочку, — сказала она. — Мягенькую, пушистенькую, с пышным хвостиком...

Это сработало. Вольпертингер подполз ближе, и Полли кольнуло чувство вины: у нее с собой не было ни одной белки, но как иначе выманить это милое, забавное...

И тут существо неожиданно дернулось. В свете фонаря сверкнули клыки, и Полли вскрикнула. Кролень цапнул ее за палец, с легкостью прокусив перчатку.

— Вот ведь мелкая дрянь! — зашипела Полли, подув на палец. — Гадостное создание!

Вольпертингер в ответ лишь оскалил клыки и зарычал.

— Ну и сиди там, мерзкий кролень! Помогай после этого несчастным похищенным! Сплошная неблагодарность!

Полли извлекла из внутреннего кармана лётной куртки катушку бинта и умело перетянула палец (еще один навык, который заставлял ее часами тренировать Партридж и который впоследствии не раз ее выручал), а затем отправилась на поиски украденных подарков.

«Если гадкий кролень здесь, — рассудила она, — значит, и остальное тоже где-то в квартирке — только и ждет, чтобы я его нашла. Надеюсь, другие подарки не будут такими кусачими. Вот только где они?»

Полли огляделась по сторонам. В комнатке, казалось, больше ничего не было, если не считать древней чугунной печки и пары коробок с углем рядом с ней.

— Куда же ты дел подарки?

Она подошла к входной двери и заглянула в окуляр перископа. На этаже из угла в угол

сновала какая-то старуха. Дождавшись, когда откроется дверь квартиры напротив, она подлетела к ней и буквально вцепилась в рукав пальто вышедшего оттуда сухонького человечка с дрожащими бакенбардами.

— Так просто не сбежите, Фэнуэй!

— Миссис Йолли, я тороплюсь...

— Лучше бы вы торопились внести квартплату, Фэнуэй! Вы же не хотите накликать беду и оставить долг на следующий год?

— Миссис Йолли, я очень-очень тороплюсь...

Человечек сбежал от домохозяйки, припустив вниз по ступеням. Оставшаяся ни с чем старуха завопила ему вслед, угрожая всеми возможными карами, начиная переломом ноги, жутким насморком и отключением пневмопочтовой трубы и заканчивая покусанием котами, если он до полуночи не принесет ей ее тридцать фунтов.

«Вот ведь карга...» — подумала Полли, и тут миссис Йолли, будто подслушав ее мысли, резко повернулась к двери, за которой стояла девушка.

Полли отстранилась от перископа.

В дверь забарабанили.

— Питер из антресольной квартиры! Я знаю, что ты там! Я вижу свет в замочной скважине!

Полли прикусила губу — ее выдал фонарь! Но прикрутить фитиль было бы сейчас глупее, чем оставить все, как есть. Она отступила в сторону, чтобы старуха не заметила ее через замочную скважину.

— Не спрячешься от меня! — продолжала миссис Йолли. — Ты мне должен квартплату! Питер из антресольной квартиры! Ты не проскользнешь мимо меня! Вот увидишь...

Миссис Йолли замолчала, и Полли осмелилась глянуть в перископ. Въедливая старуха поставила у лестницы стульчик и уселась на него с грозным и неприступным видом.

Полли хмыкнула: кажется, хозяина квартиры ждут неприятности...

Она уже собиралась вернуться в комнату, как вдруг заметила кое-что. Из-за стоявшей в прихожей вешалки и громоздящихся на нем старых пальто и битых молью шарфов выглядывал уголок еще одной двери.

— Хм!

Полли отодвинула вешалку в сторону. И правда, дверь!

— Думал спрячешь от меня краденое, Питер из антресольной квартиры?

Она взялась за ручку и, подняв фонарь, аккуратно приоткрыла дверь.

Это был черный чулан — не больше спичечного коробка. Подарки обнаружались сразу же.

— Кажется, у нас появился мотив...

Полли поглядела на пирамиду цветастых, перетянутых ленточками коробок — на каждой из них стояла сургучная печать лавки «Тио-Тио». Кроме кроленя, все похищенные подарки были куплены там.

— И ни понюшки мистики, — огорченно выдохнула Полли. — Просто месть оскорбленного игрушечника. «Раз миссис Фрункель отвергла мои игрушки, пусть же ее собственные не достанутся ни одному ребенку» — видимо, так он думал.

Полли встала перед дилеммой. С одной стороны ее потянуло отправиться напрямиком в «Тио-Тио». В тамошней доходной книге должны быть записаны имена и адреса тех, кто купил в лавке игрушки перед Новым годом, — узнав их, она смогла бы предотвратить

дальнейшие кражи. Вот только в голове настойчиво зазвучал занудный голос Партриджа, который настойчиво советовал ей остаться здесь и устроить засаду: «Этот Лжекрампус все равно вернется в свое логово — зачем куда-то идти и надеяться на удачу, когда можно расставить капкан и взять его тепленьким?»

Полли поморщилась. Голос Партриджа в ее мыслях снова был прав, к тому же эти дети... они вполне заслуживают того, чтобы их наказали. Впоследствии они, само собой, получают свои подарки обратно, но сперва пусть немного пострадают. Для них это будет полезно...

Помимо подарков, в чулане стоял небольшой письменный стол. На нем, раскинув крылья, лежала механическая ворона. Крышка на ее груди была открыта, кругом, словно детали часов, приготовленные для чистки, разместились пружины, цепи и шестеренки.

— Какое отношение к кражам имеют эти вороны?

У Полли не было ответа. Никто из свидетелей ничего не говорил о птицах-автоматонах. Ей вспомнился человек из паба, с которым встречался крюконосый.

— Он все же работает не один?

Нужно все выяснить...

— Кто же ты такой, Питер из антресольной квартиры?

Полли выдвинула верхний ящик стола — внутри лежал продолговатый чемоданчик-кофр. Он был заперт, но Полли это не остановило.

Отмычки скользнули в замочную скважину. Клац-щелк!

Полли подняла крышку и нахмурилась. В бархатных ложах покоились: пара перчаток, свернутая колечком плетка, раскладной стек и похожий на маленькое весло пэддл, сбоку расположились ряд тюбиков (Полли прочитала этикетку на одном из них: «Клей для рта против детской болтливости миссис Золл») и жестянка с «Подногтевыми булавками».

— Что это все значит?

Полли брезгливо закрыла чемодан и вернула его на место.

В боковом ящике стола обнаружилась толстая тетрадь в кожаной обложке, на которой значилось: «"Пансион непослушных детей мадам Лаппэн". Книга учета наказаний».

Уже догадываясь, что она найдет внутри, Полли заглянула в тетрадь. Желтоватые страницы были разлинеены: в первом столбике в алфавитном порядке стояли имена (Абнер Т., Адкинс М., Амби П., Амброуз К. и так далее), во втором был указан возраст каждого ребенка (7 лет, 11 лет, 10 лет и тому подобное), в третьем значились предписанные наказания (3 удара плетью и клей, булавки, 5 ударов стеклом по пяткам, выдрать клочок волос... и все в таком же духе), ну а в последнем напротив каждого имени стояло «Исполнено».

Полли охватил гнев.

Мама никогда не била ее в детстве, хотя не раз угрожала, что отдаст ее в приют мадам Гроттеморт и в подробностях описывала, что там делают с несчастными детьми. Детские наказания были повсеместными и обыденными как в Льотомне, так и в Габене. Эта отвратительная традиция возмущала Полли до глубины души, но даже грозная Зубная Фея ничего не могла с этим поделать.

«Значит, помимо кукол и своих невинных краж, этот тип занимается тем, что наказывает детей в пансионе, — в ярости подумала она. — Ну еще бы! Он ведь возомнил себя Крампусом! Где бы он еще мог работать!»

Полли искривила губы в презрительной усмешке: что ж, тем приятнее будет его

схватить...

Она положила тетрадь в ящик и вдруг поняла, что там лежит еще что-то.

Полли вытащила пухлую кожаную папку для бумаг, развязала веревочки. Внутри обнаружилась довольно увесистая рукопись, которая называлась:

«КРАМПУС.

Книга-описание, составленная

Бенджамином Эдвардом Гриммом, профессором монстрологии,

при непосредственном участии самого Крампуса, полуночного духа зимы».

Полли возвела глаза к небу.

— Книга про Крампуса, написанная с помощью самого Крампуса, — проворчала она. — Неслыханное самолюбие...

И тут ее раздражение сменилось недоумением.

— Постойте-ка! Гримм?!

Ей вспомнились подведенные сажей глаза, полосатые чулки и красная пелерина с капюшоном. Это не могло быть совпадением...

В голове снова зазвучал утомительный голос Партриджа:

«Совпадений не бывает, мисс Трикк».

Партридж, как и всегда, был прав.

— Ничего не понимаю, — недоуменно проговорила Полли. — Как вор подарков связан с Зои Гримм?

Глава 10. Железнодорожник из «Тио-Тио»

За три часа до Нового года.

Человек-в-красном. Новогодний гость. Друг-из-Тремпл-Толл. Каминник...

У него множество имен, но мало кто в самом Саквояжном районе (да и в Габене в целом) может похвастаться тем, что видел его или говорил с ним. При этом многие слышали его шаги, его старческое кряхтение, кто-то твердит, будто видел кончик колпака, метнувшийся за угол, или мелькнувшее на миг отражение в зеркале. Кое-кто даже находил следы сажи в своей гостиной, протоптанные от камина к елке и обратно.

Кое-кто из жителей Тремпл-Толл считал, что никакого Человека-в-красном не существует. Еще бы: чтобы кто-то летал над городом Новогодней ночью на санях и просто так (по доброте душевной) одаривал людей? Нет уж! Где угодно, но только не в Габене!

И все же, даже самые убежденные (на словах) скептики не лишали себя возможности надеяться. Перед тем, как отправиться в кровать, они на мгновение задерживались в гостиной, окидывали ее мечтательным взглядом, уделяив особое внимание камину, и, тяжело вздохнув напоследок, шли спать. Чтобы утром, обнаружив отсутствие каких бы то ни было подарков, появившихся за ночь чудесным образом, глубокомысленно изречь: «Ну вот, я же говорил! Только наивные болваны и глупые дети верят в существование таинственных доброжелателей!»

Почти все представляли себе Каминника в виде душевного бородатого старика в длинной темно-красной шубе с пелериной и белой меховой оторочкой. В алом колпаке, большущих лётных очках на глазах, и с переброшенным через плечо огромным, бугрящимся подарками мешком... Так его изображали на коробках печенья, которое продавали на площади Неми-Дрё и в пассаже Грюммлера. Так он был описан на страницах детских сказок «Подарки господина Зимы», «Сказки о Каминнике» и «Мешок Крампуса».

И именно этот тип сейчас толкся у двери последнего вагона готовящегося отправляться поезда, позволяя себе никуда не торопиться, нарушать график и вообще вести себя с Главным Генералом Общества Железнодорожников Габена снисходительно и едва ли не пренебрежительно.

На станции Самого Главного Вокзала шел снег, то и дело звонил колокол, оповещающий пассажиров об отправлении. Раз в несколько минут скрипучий голос из вещателей советовал отправляющимся завязать шнурки или засунуть ребенка в чемодан, или вытереть сопливый нос.

— Чего уставился? — хрипло проговорило низкорослое существо с длинным носом-колом и в фуражке Паровозного ведомства, со злобой глядя на того самого Человека-в-красном. — Полезай в вагон! Поезд отправляется! Поезд отправляется!

Человек-в-красном никак не отреагировал.

— Не испытывай мое терпение! Все пассажиры должны занять свои места до отправки!

Человек-в-красном глядел на носатого своим добрым взглядом, но тот разозлился лишь сильнее.

— Мое терпение отходит с платформы «Хватъ-за-нос»! — проскрежетал он. — Садись в вагон, глупый старик, или хуже будет...

Человек-в-красном не испугался. Он продолжал все так же молча глядеть на злобного

коротышку, словно потешаясь над ним.

— Говард Бек здесь командует! — продолжил носатый. — И когда Говард Бек говорит тебе, глупый старикашка, залазить в вагон, ты залазишь в вагон! Эй... — Носатый вдруг вскинул длинный острый палец вверх, словно вспомнив что-то. — А мешок-то, мешок, не проштемпелирован!

Говард Бек ткнул палец в чернильницу и оставил на мешке Каминника грязную отметину.

— Все! Теперь полезай в вагон! Мы отбываем! Мы отбываем!

Обладатель форменной фуражки Паровозного ведомства бесцеремонно схватил Человека-в-красном и засунул его в вагон: вместе с его белой окладистой бородой, лётными очками и мешком, полным подарков. А потом он закрыл дверцу вагона и переключил небольшой рычажок на трубе локомотива.

В тот же миг поезд качнулся и отошел от станции, и Говард Бек непроизвольно залюбовался им.

Ох, что это был за поезд! Вишневый, с лакированными вагончиками, с премиленьким паровозиком, с золочеными детальками и крошечными фонарями. С изящной витой надписью «*Чернинг-Брамм*» на боку вагончика-тендера. Говард Бек просто обожал этот поезд. А еще он обожал эту станцию, заснеженные холмы по обе стороны от путей и уходящие вдаль рельсы.

Глядя, как поезд несется сквозь зиму, Говард Бек захлопал в ладоши, отчего раздался деревянный треск, и выдал: «Ту-тууу!», имитируя при этом рукой движение машинистов, когда они тянут за шнур гудка.

— Ой... — вздрогнул Говард Бек, словно очнувшись от сна. — Снег закончился! Непорядок! Нужно больше снега!

Он схватил мешок мелко нарубленной мишуры и принялся высыпать ее над станцией и холмами, между которыми ехал поезд. Зазевавшись, Говард не заметил, как его состав, описав круг, вернулся и снова подошел к станции.

— Ой-ой-ой! — воскликнул носатый железнодорожник и, отшвырнув мешок в сторону, позвонил в колокольчик, который он взял с полки праздничных бубенцов, колокольчиков и погремушек. После чего сложил руки рупором возле рта и произнес, намеренно исказив голос: — Господа пассажиры! Поезд «*Чернинг-Брамм*» прибывает на платформу «№ 7»! Не забывайте ваши чемоданы! Иначе они достанутся мне! Хи-хи...

«*Тио-Тио. Лавка игрушек миссис Фрункель для хорошо воспитанных детей*» была закрыта.

Новогодний вечер плавно перерастал в предновогоднюю ночь. На улице усилился снегопад.

Ровно в девять часов, и ни минутой позже, миссис Фрункель закрыла книгу учета, лично погасила везде свет, выключила граммофоны и заперла лавку. И тогда, дождавшись, когда шаги строгой хозяйки магазинчика стихнут, а эхо от веселых карнавальных мелодий сгинет, в «*Тио-Тио*» пробрался Говард Бек.

Говард Бек был маленьким, шустрым и юрким (издалека его часто принимали за ребенка), и ему ничего не стоило пролезть в щель, или в крошечное окошко, или забраться куда-нибудь по трубе.

Лавка игрушек на перекрестке Хартвью и Флеппин была его самым любимым в городе местом. Он частенько проникал сюда по ночам, ведь именно здесь хранилась эта

изумительная игрушечная железная дорога. Оставаясь наедине со своим поездом, он не замечал, как быстро проходит время, и постоянно засиживался в лавке до утра, до того самого момента, как приходила миссис Фрункель или ее толстая помощница Фло. Но лишь только заслышав скрип ключа в замочной скважине входной двери, он тут же прятался среди кукол и наблюдал, как старуха обнаруживает устроенный им бедлам и принимается причитать: «Кто это здесь набедокурил?» — при этом неизменно угрожая, что поставит капканы.

Говард Бек не боялся капканов. Мамаша часто твердила, что только болваны попадают в ловушки. Мамаша — очень умная, и Говард верил всему, что она говорит: Мамаша сделала его, а значит, ей виднее.

И «сделала» здесь значит буквально.

Говард Бек был куклой. Куклой с характером. И со своим собственным видением того, что хорошо, а что плохо. «Плохо» для него было терпеть и не потакать своим ежесекундным прихотям. А еще он никогда не упускал возможности кому-нибудь нахамить, нагрубить и пнуть кого-нибудь по ноге.

Может, Мамаша и не хотела, чтобы он был грубияном и плутом, но таким уж он вышел. — Эй, ты! Каминник! Ты снова испытываешь мое терпение!

Говард Бек вытащил из вагончика миниатюрную фигурку Человека-в-красном и поставил ее на платформу станции.

— Наглый старикашка! Я-то знаю о тебе такое, что в Саквояжне захотели бы узнать все! Но тебе повезло! Очень повезло! Я умею хранить секреты. — Говард Бек понизил голос: — Мамаша просила.

И действительно: однажды Говард стал невольным (а если уж начистоту, то вольным — он любил подслушивать) свидетелем заговора. Заговора, в котором принимала участие его собственная Мамаша! Но об этом ни-ни... ни словечка! Иначе Мамаша будет злиться...

Говард не хотел злить или расстраивать Мамашу. Он ее очень любил, и ему становилось не по себе, когда она грустила. А в преддверие праздников она всегда впадала в какую-то мрачную хандру, сидела целыми днями в кресле у погасшего камина и жутко шевелила губами, словно с кем-то разговаривала.

Этот Новый год не стал исключением, но на сей раз Говард решил докопаться до правды и узнать, что именно творится с Мамашей.

С трудом ему удалось ее разговорить.

Мамаша сказала, что ей больно. И когда он предложил сбегать за доктором, она призналась, что ни один доктор не в силах унять эту боль. Говард непонимающе закачал носатой головой, и Мамаша пояснила:

— Нет такого лекарства, которое может унять тоску по прошлому или излечить ностальгическую апатию. Нет таких пилюль, которые смогут вернуть в прошлое.

— Ты грустишь из-за прошлого? — спросил Говард.

Мамаша задумчиво поглядела не столько на него, сколько *сквозь* него.

— Нынешние праздники, малыш, — жалкая тень того, что устраивали кукольники Габена в прошлом. О, это было подлинное волшебство! Мы собирались в новогоднюю ночь вместе и творили чудеса, а теперь мы — те, кто остался — разбросаны по городу и прячемся в своих чуланах, как крысы. Многие давно лишились своих кукол. У нас нет ни былого уважения, ни славы — мы забыты, а наше искусство никому больше не нужно. Кукольники в Тремпл-Толл нищенствуют и побираются. Прежде мои творения стоили сотни фунтов, но

сейчас у меня нет даже пары пенсов, а что уж говорить о том, чтобы купить праздничного гуся...

— Я добуду для тебя гуся! — с горячностью пообещал Говард. — Если ты станешь счастливой. И улыбнешься.

— Я не о том, Говард, — грустно проговорила Мамаша. — Совсем не о том. Да и где ж ты достанешь гуся? Они ведь дорогие и на дороге так просто не валяются.

— Не беспокойся, я добуду! — заверил Говард.

Мамаша попыталась его остановить, но он схватил свой котелок и выскочил на улицу...

И именно так для него начался этот невероятно длинный, заполненный злоключениями, словно кошачье брюхо мышами, день.

Говард Бек любил пьески. Это очевидно, ведь он был куклой. И его скитания по заснеженному предновогоднему Габену очень походили на такую пьеску. На плутовской водевиль, который в иное время запросто мог бы быть втиснут между выходами танцовщиц, номерами салонных фокусников и слезливыми романсами о несчастливой любви на сцене какого-нибудь кабаре. Сам же Говард, если бы кто-то позволил ему напялить цилиндр конферансье, назвал бы эту пьеску не иначе как «Гусиные истории».

...Было около десяти утра, и, казалось, буквально все в этом захолустном городишке выбрались из своих нор. Дамы и господа торопились посетить лавки и мастерские, пока всё не раскупили перед праздником, и их головы едва не дымились, учитывая бесконечные списки дел, которые эти дамы и господа заготовили:

«Роберт, мы не можем позволить себе забыть тушь для тушеной рыбы!»

«Да, Бетси...»

«Но только после того, как посетим мадам Клотильду из “Ножничек Клотильды” и заскочим к веревочнику, чтобы купить петлю для твоей мамы — может, это подвигнет старую гримзу, наконец, сделать нам всем подарок...»

«Конечно, Бетси...»

«Роберт, ты меня вообще слушаешь? А то, сдаётся мне, ты уже весь мыслями в джентльменской лавке “Штиблетс”!»

«Разумеется, слушаю, Бетси: тушь для рыбы, причёска для тебя, петля для моей мамы, новые запонки из “Штиблетс” для... постой, что?..»

Сутолока и сумбур являлись неотъемлемой частью Тремпл-Толл накануне праздника. Взрослые были все в делах и приготовлениях, дети канючили и выпрашивали подарки или сладости, а еще умоляли родителей и нянюшек пустить их хоть одним глазком взглянуть на одно из ярмарочных представлений, которые развернулись по всей Саквояжне. Что касается вездесущих домашних питомцев, то они делали то же, что и всегда: глядели на людскую суматоху с изрядной долей иронии и подворовывали еду где только можно.

Говард, будучи ростом с восьмилетнего ребенка, шмыгал среди длинных штанин, пол пальто и подолов платьев. Никто не обращал внимания на деревянную куклу.

Никто не заметил также и того, что дверь лавки «Мисс Гусыня», которая располагалась в том же квартале, где жила некая кукольница Катрин Дуддо, вдруг открылась, после чего таким же странным образом закрылась, хотя к ней вроде как никто и не подходил.

В темной и тесной лавке в воздухе висели клубы папиретного дыма. Бурчал радиофор, бубнили покупатели, а из глубины помещения раздавался рокошущий голос хозяина лавки, мистера Погга. Народу в «Мисс Гусыню» набилось так много, что можно было решить,

будто гусей здесь раздают просто так всем желающим.

Один носатый и деревянный желающий не стал дожидаться своей очереди — протиснулся к стойке и, не обращая внимания на возмущенные оклики тех, кому он наступил на башмак, завопил:

— Мистер Погг, дайте гуся!

Хозяин лавки, вислощекий толстяк в фартуке и колпаке был занят тем, что заворачивал пухлую сизую тушку в коричневую бумагу для нервно перетаптывающегося рядом господина в очках. Заслышав визгливый голосок, он навис над стойкой, высматривая: кто его звал? Увидев куклу, лавочник усмехнулся.

— Какого гуся желаете, маленький господин?

— самого большого! — заявил Говард, демонстративно игнорируя колченогую старуху, перед которой он влез и которая тут же принялась осыпать его своей присыпанной нафталином бранью.

Мистер Погг между тем завернул гуся, передал его покупателю и подбоченился.

— Самый большой — король-гусь — стоит две сотни фунтов, — сказал он. — У тебя есть две сотни?

Говард покачал головой, и лавочник продолжил:

— Средние гуси — гуси-судьи — стоят по сто фунтов.

— Дорого! — Говард почесал деревянный нос. — Они что, у вас все набиты денежками?

Мистер Погг прищурился, уже понимая, что кукла понапрасну тратит его время — и оттого начиная закипать.

— Есть еще гуси-клерки, — все же сказал он. — Каждый выйдет тебе в тридцать фунтов.

Это Говарда тоже не устроило. Он уставился на тушки, которые ровными рядами висели на крючьях за спиной хозяина лавки. Он не понимал, почему люди в таком восторге от гусей — те выглядели нелепыми и смешными: лысые, общипанные, с короткими кривыми конечностями — у них даже не было головешек.

Говард ткнул длинным пальцем в сморщенного и грустного с виду гусенка — выглядел тот так, словно чем-то долго болел прежде, чем его придушили: зеленоватая кожа, скрюченная шейка, нелепо торчащие в стороны лапки с потертыми перепонками.

— Вон тот! Дайте того!

Отметив сделанный Говардом выбор, мистер Погг ухмыльнулся.

— Билли-гусь? Двадцать фунтов.

Говард полез в карман штанов. Как он и предполагал, денег там не оказалось.

— Мне нужен гусь, — жалобно сказал он. — Но у меня совсем нет денег.

— Тогда проваливай, коротышка.

Говард заканючил:

— Ну да-а-айте Билли! Мамаша очень хочет гуся. — Он вспомнил слово, которое Мамаша заставляла его использовать почаще. Она говорила, что это слово творит чудеса: — Пожа-а-алуйста...

Мистер Погг наделил его хмурым взглядом и... вдруг чудо и правда произошло.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам тебе одного Билли.

Говард уже было вытянул ручонки, но мистер Погг даже не пошевелился.

— Не так быстро! — рявкнул лавочник. — Сперва отработаеть его. Мой помощник

очень некстати захворал и помер, а старый автоматон окончательно сломался. Между тем мистер Грейди привез уголь — дюжину мешков, — а я слишком занят здесь, чтобы его таскать. Наполнишь угольный ящик — приходи за гусем. Дверь на задний двор открыта, совки и ковши найдешь там же.

Говард задумался: работать он не любил, но ему вдруг отчетливо представились грустные глаза Мамаши. Он кивнул, воскликнул: «Заверните Билли для меня!» — и ринулся к задней двери, расталкивая посетителей лавки, которые все отчего-то ехидно переглядывались и улыбались.

Как и сказал мистер Погг, мешки были на заднем дворе — у решетки ограды, засыпаемые снегом. Вот только он забыл упомянуть, что привалившийся к стене лавки черный железный ящик был от них в трех десятках шагов. Потрудиться предстояло изрядно.

Говард проковылял через снег к оградке, попытался оторвать один мешок от земли и не смог. «Выбора нет, — понял он. — Придется развязывать мешки и перетаскивать уголь ковшом...»

Проще сказать, чем сделать. Не без труда справившись с узлом, он схватил ковш и начал таскать уголь, мельтеша с ним от ограды к ящику и обратно, словно челнок в ткацком станке. Уголь в мешках казался бесконечным.

Это была тяжелая работа — шарниры скрипели, руки с трудом удерживали наполненный ковш, и пару раз кукла нечаянно перевернула его прямо в снег. Говард довольно быстро устал, ему было скучно, а еще он сторал от нетерпения: все его мысли были о Мамаше и о том, как она улыбнется, когда он притащит ей гуся. Переворачивая очередной ковш в угольный ящик, Говард твердил себе под нос: «Билли будет моим! Билли будет моим!»

За этими мыслями он не замечал, как мешок за мешком тает, и в какой-то момент вдруг поймал себя на том, что таскать уже больше нечего. Швырнув последний уголек в ящик, Говард, уставший и с ног до головы чумазый, но весьма собой довольный, вернулся в лавку.

Кроме мистера Погга, там уже никого не было, а сам лавочник восседал на стуле за стойкой и читал газету, всю первую полосу которой занимала «Праздничная передовица».

Мистер Погг был раздосадован, пыхтел, скрипел зубами и ворчал от зависти — еще бы: шикарный праздничный ужин в особняке господина Моргрейва заполучила какая-то соплячка! Притом, что сам он был намного достойнее этой жалкой и никчемной Тилли Беррике — он даже прикупил себе выходной костюм и целых два дня до появления передовицы ничего не ел, рассчитывая набить брюхо в богатом особняке в Сонн. Лавочник был уверен, что выберут именно его, ведь он особо расстарался для того, чтобы его письмо попало в руки господина главного редактора газеты, ведь он как следует подмаслил одного из тамошних писак, некоего мистера Уиггинса, чтобы тот «посодействовал верному выбору». Треклятый Уиггинс! Пройдоха провел его, заполучив ни много ни мало одного из королей-гусей! Мистер Погг был не просто зол — его распирало от ярости. Ничего, он дочитает газету, закроет лавку и вместе с сыновьями сестры наведается к мистеру Уиггинсу: интересно, легко ли ему будет печатать свои гнусные статейки сломанными пальцами...

— Я все сделал! — радостно сообщил Говард с порога, чем вызвал раздраженный взгляд хозяина «Мисс Гусыни». — Перетаскал весь уголь! Где мой Билли?

Мистер Погг пожал плечами.

— Прости, коротышка, всех гусей разобрали.

Говард не поверил своим ушам. Он встал на цыпочки, пытаясь разглядеть гусиные

тушки, прежде висевшие за спиной лавочника. Мистер Погг не солгал: там, где еще недавно было не протолкнуться от гусиной толпы, теперь лишь скалились смазанные маслом голые крючья.

— Всех разобрали?! А где мой Билли?!

— Его тоже купили. Ты слишком долго возился.

— Вы обманули меня! — закричал Говард. — Отдайте моего гуся! Я же все сделал!

Хозяин лавки расхохотался.

— Какой забавный дурачок!

— Вы — злобный хрыч и лжец! — крикнул Говард, стискивая кулачки.

Мистер Погг швырнул газету на стойку, поднялся со стула и схватил Говарда за шиворот.

— Ты слишком много возомнило о себе, дурацкое полено! — рывкнул лавочник и потащил его к выходу.

— Это несправедливо! — кричал Говард, болтаясь в руках толстяка. — Нечестно! Ненавижу вас!

— У тебя не будет гуся, мерзкий коротышка, — со злобной ухмылкой бросил мистер Погг. — У всех в Саквояжне будет гусь на праздничном столе, а у тебя и твоей Мамаши не будет! Заруби это на своем длинном носу!

Сказав это, хозяин лавки распахнул дверь и вышвырнул Говарда на улицу, прямо в сугроб.

Дверь захлопнулась.

Говард вытащил голову из сугроба, натянул на нее слетевший котелок и в ярости забарабанил кулачками по земле.

— Подлый обманщик! Гнусный прохиндей!

И тут на него напозла тяжелая черная тень.

— Что за шум? — раздался над головой грозный голос. — Кто это тут ругается?

Рядом, уперев руки в бока, стоял важный усатый констебль. Это был мистер Шпротт, жуткий человек, который ненавидел как самого Говарда, так и его Мамашу. Он вечно пытался устроить им неприятности, и вот ему так удачно подвернулся повод.

Констебль наклонился к Говарду, протянув к нему свою громадную лапищу в белой перчатке, но тот долго не ждал: вскочил на ноги и припустил прочь, вниз по улочке.

— Я добуду гуся для Мамаши! — вопил он. — Тебе назло, гадкий Погг! Добуду, вот увидишь!..

...После происшествия в лавке Говард решил, что честным путем добывать гуся больше не станет. И тем не менее украсть его оказалось так же сложно, как и заработать.

Он почти полчаса бессмысленно шмыгал по рыбному ряду Рынка-в-сером-колодце, пока не понял, что гусь — вовсе не рыба. В итоге попав в птичий ряд, гусей он нашел довольно быстро — возле них собралось едва ли не полгорода.

Говард нырнул в толпу и потерял руки, высматривая самого плохо лежащего гуся. К сожалению, все они лежали весьма неплохо.

Выбрав птицу, располагавшуюся ближе всего к краю прилавка, Говард воспользовался тем, что торговка отвлеклась, и осторожно потянул тушку. Она скользнула прямо ему в руки, и, прижимая ее к груди, коротышка бросился наутек. Впрочем, далеко он не убежал — к лапке птицы была привязана веревка. Вербка натянулась, и незадачливый воришка рухнул

на землю.

Что тут началось! Со всех сторон раздались крики:

— Вор! Держите вора! Он тащит гуся!

Говард вскочил на ноги и припустил к выходу из птичьего ряда. Залаяли собаки, со всех сторон к нему потянулись руки, пытающиеся схватить его за шиворот. Но легче было трехногому лису поймать зайца: сбегать для плутоватой куклы было не в новинку. В какой-то момент Говард пригнулся и исчез из виду, нырнув под старый, вросший колесами в снег фургон, заставленный клетками с живой птицей. Говард пробрался под его днищем и скользнул к открытым воротам склада, возле которого штабелями стояли ящики с перьями. В одном из таких ящиков он и спрятался.

Когда шумиха улеглась и рынок вновь вернулся к привычной жизни, неугомонный Говард Бек решил испытать удачу еще раз.

Ко второй попытке провернуть «побег гуся» он подошел более вдумчиво и решил действовать тоньше. Говард подковылял к очередному прилавку и влез среди гомонящих людей. Выбрал из толпы женщину — приятную пухлую миссис, которая выглядела достаточно рассеянной для его замысла. Встав рядом с ней, он осторожно взял ее за полу кашлатого зеленого пальто. Миссис не обратила внимания, поглощенно выбирая себе гуся.

Торговка завернула очередную тушку в газету и, вручив сверток господину в клетчатом котелке, повернулась к женщине в зеленом пальто.

— Лучшие праздничные гуси на всем рынке, берите не пожалеете.

Женщина в пальто спросила, указывая на одного:

— А этот сколько?

— Всего двадцать пять фунтов — поглядите, какой наливной «клерк». За такую цену вы в Саквояжне гуся-клерка не сыщите.

— Да! — поддакнул Говард Бек, сунув нос на прилавок. — Они очень красивые и пухлые!

Торговка закивала.

— Вот-вот!

Женщина в зеленом пальто осторожно пощупала гуся, придирчиво оглядывая его.

— Вроде бы он ничего...

— А если мы возьмем двух, сколько будет? — спросил Говард.

Торговка пожевала губами.

— Двух отдам за сорок. — И повернулась к женщине. — Будете брать?

Та все еще нерешительно тыкала гуся в бок пальцем.

— Мы еще раздумываем, — сказал Говард из-под ее руки. — Вдруг, в конце ряда будет два «клерка» за тридцать пять...

Торговка покраснелась и запыхтела, пытаясь переубедить засомневавшихся покупателей:

— Ой, нет, что вы! — и приложив руку к губам, по секрету сообщила: — Там стоит мистер Фроберт, и гуси у него попадаются тухлые. Еще бы, ведь, говорят, он их откармливает могильными червями... Купите моих. В честь праздника отдам за тридцать восемь.

Говард покивал, а затем ткнул пальцем в одного из гусей.

— Убедили. Они у вас и правда красивые! Дайте того и вот этого.

Торговка схватила нож и быстро перерезала веревки, удерживавшие гусей от «полета».

Сперва она завернула ту тушку, на которую указал коротышка.

Говард протянул руки, и торговка вручила ему гуся. После чего принялась заворачивать и другого.

Упаковав тушку, она протянула ее женщине в зеленом платье:

— С вас тридцать восемь фунтов.

— Что? — удивилась женщина. — Но я ведь еще даже не решила, что буду брать именно этого. К тому же... почему тридцать восемь? Вы же говорили — двадцать пять.

— Все верно, но двух я вам уступлю за тридцать восемь.

— Позвольте, но зачем мне два гуся?!

Торговка решила, что над ней потешаются.

— Дамочка, не головокрутите мне тут! Вы же собирались брать двух!

— Еще чего! Я так не говорила!

— Но ваш сын сказал...

Тут настал черед удивляться покупательнице.

— У меня нет никакого сына!

— Но, как же... парнишка...

Обе женщины повернулись к тому месту, где с гусем в руках только что стоял Говард Бек, но там уже никого не было.

— Потацили! — закричала торговка. — Гуся потацили! Держите вора!..

Далеко Говарду с гусем уйти не дали. Рыночные громилы, игравшие неподалеку в «Кошку и Месяц», бросили карты и выскочили из своей будочки, стоявшей на сваях над птичьим рядом. Достав дубинки, они ринулись за шмыгнувшим под прилавками коротышкой, и тому пришлось бросить птицу — она была слишком тяжелой. Самому ему удалось убежать лишь чудом — дыра в кирпичной кладке рыночной стены оказалась как раз ему по размеру — протиснув голову и чуть ободрав деревянную щеку о кирпичи, он затащил в пролом и остальное тельце, после чего припустил в сторону Чемоданной площади, а громилам осталось лишь с глупым видом пучить глаза ему вслед да орать угрозы через дыру в стене...

Больше на рынок Говард соваться не рисковал, но свою затею не бросил и начал охотиться на эту неуловимую птицу прямо на заснеженных улицах Саквояжного района.

Казалось, весь город восстал против того, чтобы он добыл гуся, поскольку каждая новая попытка оборачивалась еще более печальным провалом. Его ловили, били, травили собаками. В отчаянии он даже забрел под мост, где какие-то нищие жарили на железной бочке крыс. «Крыса похожа на гуся. Мамаша поймет разницу? Да, по хвосту...»

Когда вечер окончательно вступил в свои права, кукла по имени Говард Бек была едва ли не самым несчастным существом в Габене.

Говарда не отпускал печальный осуждающий взгляд Мамаши. «Ты так и не добыл гуся... — говорила она ему. — Как грустно...»

Он знал, что Мамаша так бы не сказала и даже не укорила бы его взглядом, и тем не менее он злился на себя, поскольку считал, что подвел ее...

...Новый год застрял на кончике часовой стрелки. Большие часы на столбе у станции «Бремроук-Фейр» стояли.

Мимо прогромыхал омнибус. На втором, открытом, этаже-империале под зонтиками мерзли те, кому не хватило денег на билет в салоне. Остановившись у станции, омнибус

открыл двери, выпустив из своего задымленного чрева семью Джонсов.

Мистер и миссис Джонс спешили домой. Мистер Джонс нес большую разлапистую ель, а миссис Джонс — два коричневых пакета с покупками и связку коробок в пестрой оберточной бумаге.

Следом за ними семенил мальчик лет десяти — в его руках был довольно большой сверток. Завернутый в газету, внутри прятался праздничный гусь.

Мальчик постоянно отставал, чтобы бросить снежок в витрину той или иной лавки, или чтобы отломать нос одному из стоящих у газетных тумб снеговиков, или чтобы наступить на хвост мерзнущему у гидранта коту.

— Бобби, мы не будем тебя ждать! — бросил, не оборачиваясь, мистер Джонс.

— Да, папа!

Проказник Бобби поспешил было за родителями, но тут его окликнули:

— Эй, мальчик!

Бобби повернул голову.

На него глядел маленький снеговик, стоявший у столба с часами.

— Это ты меня звал?

— Иди сюда, мальчик, — ответил снеговик. — Ближе... ближе...

Бобби подошел, во все глаза разглядывая снеговика. Тот был весьма неказисто слеплен, словно его делали слепые дети со сломанными пальцами: скособоченный, горбатый, на голове криво сидит шляпа-котелок. Из большущей снежной головы торчит колом длинный заостренный нос, вместо глаз — две черные пуговицы. На миг Бобби почудилось, будто снеговик слепил сам себя.

— Ты умеешь разговаривать? — недоуменно спросил он, но снеговичок не ответил. Вместо этого он неожиданно дернулся и выхватил из рук потрясенного мальчика сверток. Затем отряхнулся, сбрасывая с себя снег, и понесся по улице прочь.

Мальчишка кричал ему вслед:

— Мама! Папа! Он украл! Снеговик украл гуся!

Говард Бек бежал, крепко прижимая к груди сверток и не оглядываясь. Этого гуся он не бросит даже если его схватят — так он решил.

Говард спотыкался и поскользывался. Башмаки увязали в снегу, но кукла перебирала ногами что есть сил, все отдаляясь от станции.

«У меня вышло! Вышло! Я добыл гуся!»

Говард боялся поверить своей удаче, но тяжелый объемистый сверток не позволял усомниться: он наконец заполучил эту треклятую птицу!

Коротышка забежал в переулок. Здесь не горел ни один фонарь, даже окна не светились. Он спрятался за ржавой трубой у стены заброшенного кабака и прислушался. Мимо протопали мистер и миссис Джонс, женщина волочила хнычущего мальчишку за руку.

— Ты уверен, что он побежал в эту сторону?

— Да, снеговик побежал сюда!

— Не мели чепухи! Это был никакой не снеговик!

Голоса затихли. Преследователи побежали дальше по Бремроук.

Говард захихикал.

— Я такой умный! Я такой ловкий! И вообще неуловимый! Правда, гусь?

Сверток в его руках зашевелился.

— Это еще что такое?

Говард развернул газету, в которую был завернут гусь.

Птица дернулась, взмахнула крыльями, сбив с куклы котелок, и взмыла в небо.

— Нет! Вернись! — завопил Говард, но гусь, конечно же, не послушался.

Отчаяние захлестнуло коротышку. Задрав голову, он принялся выглядывать беглеца, но тот скрылся в снегу и темноте вечера. Он и не предполагал, что гуси умеют летать...

— Как же... Ты ведь уже был моим! Как так вышло?! Ничего не понимаю...

Говард уставился на мятую газету.

— Только ты у меня и осталась... Глупый-глупый Говард! Ты подвел Мамашу. Мистер Погг был прав: у нас не будет гуся на праздник. Мамаша будет так грустить, так грустить...

Он уже собирался скомкать газету, как вдруг увидел в ней кое-что любопытное. Говард машинально прочитал обведенное красным карандашом объявление:

«Неудачи преследуют вас? Вам кажется, что все потеряно? Вы готовы опустить руки? Не отчаивайтесь! Вам повезло! Я помогу вам! Да, именно вам! Почему? Да потому, что сегодня день невиданной доброты и щедрости! Просто придите по указанному ниже адресу, и вы получите то, чего так желаете! Я жду вас! Да, именно вас! Торопитесь!».

Говард трижды перечитал заметку.

— Что? Еще не все потеряно?

Он изучил стоявший под объявлением адрес, несколько раз пробубнил его под нос, запоминая, после чего скомкал газету и засунул ее в карман пиджачка.

— Нет уж, я не буду опускать руки! — завопил он и побежал к станции.

Трамвай уже собирался отходить, и Говард успел запрыгнуть в него всего за мгновение до того, как двери закрылись.

— Компостируем билеты! — раздался голос кондуктора, и Говард шмыгнул под лавку, где и затаился.

Пьеска «Гусиные истории» продолжалась. И у нее будет счастливый конец! Обязательно будет! От долгожданного гуся Говарда Бека отделяли всего четыре станции...

...В «Тио-Тио» было намного лучше, чем в городе. Здесь не шел снег, не дул злобный ветер, пытаясь сорвать с головы Говарда котелок, здесь не было раздраженных и ворчливых горожан, которые постоянно пинаются и ругаются. Не было злобных констеблей и грызливых собак. А еще здесь были игрушки.

Говард Бек обожал игрушки, он видел в них... свои родственные души. Да будь его воля он стащил бы буквально все, что, по его мнению, без дела валялось в лавке. Вот только миссис Фрункель — это не какие-то глупые горожане: она отыщет его, и тогда незадачливого Говарда будут ждать такие неприятности, равных которым он никогда не претерпевал. О, он прекрасно это знал, ведь однажды, еще до того, как стал умненьким-разумненьким, украл отсюда деревянного щелкунчика в миленьком мундирчике. Что ж, уже в тот вечер в дверь их дома раздался стук. И тот стук он впоследствии запомнил на всю жизнь. Нет уж, с миссис Фрункель связываться себе дороже. Да и Мамаша не любила, когда он плохо себя вел. Она пыталась воспитать из него маленького джентльмена — как жаль, что он часто ее разочаровывал.

Да, джентльмен из него был финтифлюшечный, но временами Говард старательно прикидывался воспитанным — ради Мамашы.

И он очень надеялся, что, когда ей доставят гуся, она улыбнется. Правда, потом она, вероятно, будет горько плакать, когда его швырнут в камин за то, что он вскоре сделает, но сначала ведь улыбнется! Это самое главное!

Не сказать, что, придя по указанному в заметке адресу, он обнаружил то, на что рассчитывал, но гуся он все же получил. Вернее, получит. Или, если совсем уж точно, получит Мамаша. Оставалось надеяться, что он успеет увидеть ее улыбку.

Но это потом, а пока у него есть немного времени поиграть напоследок.

Говард презрительно оглядел миниатюрку Каминника и снова ткнул палец в чернильницу, чтобы проштемпелировать его мешок перед следующей отправкой поезда.

— Кто-то еще удивляется! — гневно сказал он. — Кто-то интересуется! А что, любопытно, Человек-в-красном делает, когда не разносит подарки тем, кто хорошо себя вел? А ничего он не делает! Его самого нигде нет! Старый штемпель устарел! Новый штемпель! Новый штемпель! Новый...

Говард замер, так и не донеся палец к миниатюрному Каминнику.

От входной двери вдруг раздался шум. Звякнуло разбившееся стекло.

— Кто-то лезет в лавку... — прошептал Говард Бек. Поспешно ставив с головы фуражку и нацепив на нее свой котелок, он уполз в угол, где стояли ящики, полные плюшевых медведей.

До Говарда донесся голос. Высокий женский голос.

— А можно было аккуратнее? Не хочу, чтобы старая карга Фрункель считала меня своим личным врагом.

Говард не слышал, чтобы кто-то ответил незнакомке, но она тут же рассмеялась, словно ей сказали нечто забавное.

— Зачем было разбивать стекло, мистер Пибоди? Я ведь выдала вам отмычку!

В лавке появились двое. Женщина в красной пелерине с капюшоном и... — Говард Бек сперва не поверил своим глазам — снеговик!

«Интересно, что им здесь нужно?» — подумал он.

Женщина будто прочла его мысли:

— Эта штукавина находится в отделе старинных и редких игрушек. — Снеговик ничего не сказал на это, но незнакомка начала спорить: — Ему нет смысла лгать, можете мне поверить, мистер Пибоди. Его собственный интерес во всем этом деле весьма значителен, и наш успех — это и его успех также. Да-да, я знаю, что вы никому не доверяете, мистер Пибоди, но что поделать: без него мы не справимся.

«О ком они говорят? — подумал Говард. — И что за дело такое?»

Женщина и снеговик прошли мимо прячущейся среди плюшевых медведей любопытной куклы, и незнакомка зажгла керосиновую лампу.

Говард отметил, как блестят ее глаза в глубине чернильной тени. Настоящие злодейские глаза...

— Ах, вы снова об этом! — возмутилась женщина, хотя снеговик, как и прежде, не произнес ни звука. — Мы ведь следуем плану, что может пойти не так? Что значит «Буквально все, что угодно»? Да не хмурьтесь вы так... Не будьте букой, мистер Пибоди, мы ведь добыли и сделали уже почти все из нашего... хм... «новогоднего списочка». Дело за малым. Где она, как думаете?

Снеговик вытянул руку и ткнул пальцем в вывеску над темнеющим проходом между стеллажами. На ней было написано: «*Старинные и редкие игрушки*».

Женщина кивнула, подняла повыше лампу и двинулась в проход. Снеговик потопал за ней, вертя по сторонам большой круглой головой.

Говард Бек, изнывая от любопытства, выбрался из ящика и на цыпочках двинулся следом за странной парочкой.

Из глубины лавки звучал голос женщины:

— Полагаю, карга Фрункель и сама не знает, что это такое, иначе не хранила бы это в лавке. Ну или хотя бы спрятала ее как следует.

Говард выглянул из-за полки, на которой квартировал полк древних шелкунчиков, и увидел, что женщина в пелерине склонилась над большим старинным сундуком. Мистер Пибоди светил ей, в то время как сама она ковырялась в замочной скважине парой отмычек.

«Что же вы ищете?»

Женщина в пелерине достала из сундука плюшевую рыбу, маленькую заводную карусель, носатую маску с длиннющей улыбкой и наконец извлекла прямоугольный деревянный короб с резной крышкой.

— Это она... — прошептала незнакомка, и Говард увидел, как ее руки задрожали. — Я уверена, мистер Пибоди. Видите шильду? Что на ней выгравировано? Верно: «Коллоди». А значит, это она.

«Что? Коллоди? Я уже слышал это имя... Вот только где?»

Говард вытянул шею, пытаясь разглядеть странный предмет в руках женщины получше. Он не рассчитал и задел плечом стеллаж. Один из стоявших на нем шелкунчиков покачнулся и стукнул другого. А тот — следующего. И всего за миг деревянные челюсти игрушечных солдат начали дробно отстукивать.

Говард застыл и воскликнул:

— Ой!

Снеговик и его спутница уставились на него. Женщина в пелерине гневно прищурилась.

— Подглядывать нехорошо, — сказала она. — Как и подслушивать. Что ты слышал, коротышка?

Говард не ответил, развернулся на каблуках и ринулся прочь. Врезаясь в полки и ящики с игрушками, он побежал к выходу из лавки. За спиной раздавался топот преследователей.

Оказавшись возле двери, Говард схватился за ручку, повернул ее. Распахнул дверь и...

Тут его нагнали.

Женщина в пелерине ухватила Говарда за пиджачок. Он извернулся и ткнул ее своим острым носом.

— Ах ты мелкая дрянь!

Она разжала руку, и, освободившись от хватки, Говард рванул прочь из «Тио-Тио». Оказавшись на улице, он припустил в сторону старой больницы.

Преследователи остановились у дверей, глядя вслед беглецу. Женщина в пелерине остановила уже ринувшегося было в погоню снеговика, достала из сумки снежок, прицелилась. Пару мгновений она выжидала, следя взглядом за отдаляющимся коротышкой, а затем размахнулась и... короткий свист... бам!

Сбив котелок, снежок врезался точно в деревянную голову. Говард рухнул в сугроб.

Мистер Пибоди сорвался с места и бросился к подстреленному беглецу. Подбежав, он ухватил его за нос и оторвал от земли. Кукла задергалась в вытянутой руке снеговика, кулачки замельтешили по воздуху.

— Пусти, верзила! — завопил Говард. — Пусти мой нос, тебе говорят! Ты что, болван?!

Я же человеческим языком говорю...

Он пытался вырваться, но в следующий миг сильные руки засунули его в мешок.

— Что?! — в ярости закричал Говард. — Меня?! В Мешок?! Я вас покусаяю! Я вам отломаю носы! Выпустите! Выпустите меня! Я требую!

Но его требований никто не слушал.

— Моя шляпа! Верните мою шляпу!

Мешок на миг раскрылся, и внутрь засунули котелок Говарда. После чего куклу окутала темнота.

— Попался, — раздался голос женщины в пелерине. — Будешь знать, как подглядывать за Зои Гримм!

Мешок с Говардом внутри взгромоздили на плечо и куда-то понесли.

— Выпустите! — в отчаянии скулил Говард. — Я никому ничего не скажу!

Но, разумеется, ему никто не поверил.

Ох, уж эти глупые дети!

На что они рассчитывали? На то, что, если они оставят для него на карнизе окна или у дверей туфлю, полную конфет, то таким образом они его задобрят? Глупые дети с их глупыми традициями... Разве они не слышали, разве не знают, что ни Крампус, ни гоблины из его свиты не едят конфеты? Крампус и его слуги едят детей...

Из-за стены раздавалось приглушенное ворчание радиофора. Аудиодрама была в самом разгаре: бабушка главных героев как раз запугивала своих внуков жуткими рассказами о стылой заснеженной чаще.

Зои Гримм не было дела ни до страхов детей из аудиодрамы, ни о тех жутких опасностях, что их подстерегали. Она ненавидела эту историю: отец часами напролет переслушивал «Мешок Крампуса», пытаясь обнаружить в детской пьеске запрятанный ключ, который, как он рассчитывал, приведет его к самому Крампусу. Зои знала «Мешок» наизусть, и ее воротило как от приторных героев и напускной жути чащи, так и от выеденной ложечкой морали: будь хорошим, будь честным и добрым.

Нет уж, она не будет ни хорошей, ни честной, ни доброй. Добрые люди в этом городе бедствуют и живут, как крысы. Как взрослые, так и дети. Отец был хорошим — и теперь он мертв. Честная жизнь в Габене ведет к падению, недолгому полету и столкновению с брусчаткой...

Впрочем, сейчас Зои в любом случае была слишком занята, чтобы слушать трансляцию по радиофору, и к тому же ее все время отвлекали.

— М-м-м... м-м-м...

В углу каморки со сломанными шестернями сидел связанный по рукам и ногам Говард Бек; в его рот была заткнута скомканная грязная тряпка, а мистер Пибоди то и дело тыкал его в деревянную грудь зонтиком.

— Хватит! — велела злодейка, и снеговик нехотя оставил куклу в покое.

— Нам сейчас не до коротышки, — добавила она раздраженно. — Не терпится провести испытания шуковины!

Зои Гримм сидела на трехногом стульчике у стены и, используя одну из полок в качестве стола, вертела и крутила на ней короб, который украла из лавки игрушек. Она

рассматривала его со всех сторон, даже переворачивала кверху ногами, и все равно не могла понять, как так вышло, что старуха Фрункель просто забыла о такой красоте и редкости.

В тонких гравировках и узорчатой резьбе, покрывавшей стенки, был изображен город: если приглядеться, можно было различить улочки и домики, окошки и дымоходы, черепицу и флюгеры. Крышка так и вовсе являла собой нечто невиданное: там, в переплетении терновника, проглядывали закрытые глаза — дюжина глаз. Даже винтики, скрепляющие короб, обладали фигурными шляпками — каждый являл собой миниатюрную улыбающуюся или плачущую рожицу. Все это частично скрывалось под слоем грязи и ржавчины, но творение истинного мастера было видно невооруженным глазом...

Зои от восхищения едва дышала. Не столько от вида этого диковинного предмета, сколько от осознания того, что именно она держит руках. То самое отличие простой старой вещи от вещи *с историей* ощущалось при каждом прикосновении. Зои мучил вопрос: «Как этот резной короб оказался у миссис Фрункель и скольких хозяев он сменил прежде, чем попасть в “Тю-Тю”?» Впрочем, если начистоту, сейчас у нее не было времени на подобные загадки истории.

— Ну что, попробуем...

Не без труда Зои высвободила фигурный крючок и открыла дверку на боку короба. Раздалось жужжание шестеренок, и наружу выдвинулся деревянный бутон розы. Он завращался по часовой стрелке, разворачивая лепестки, и спустя пару мгновений полностью «расцвел». В сердцевине цветка чернело круглое отверстие.

Зои выбрала из лежащих рядом гнутых ручек одну и попыталась втиснуть ее в отверстие. Не вышло. Тогда она взяла еще одну — результат тот же. Попробовала третью, и наконец штырь вошел в паз, встал в упор, внутри короба что-то щелкнуло. В тот же миг украшавшие крышку короба две дюжины глаз открылись, и из-под разъехавшихся век выдвинулись тонкие медные трубки.

Зои усмехнулась и бросила взгляд на мистера Пибоди — тот ободряюще кивнул. Тогда мисс Гримм крепко обхватила ручку и, собравшись с духом, принялась ее вращать.

Цилиндр внутри короба пришел в движение, меха наполнились воздухом. Из недр шарманки вырвались звуки едва угадывающейся мелодии, прерываемые хрипами и шипением.

Зои поморщилась.

— Проклятье... — Она отпустила ручку, и мелодия затихла.

Из угла раздался злорадный, заглушенный кляпом смех куклы.

Снеговик приблизился и навис над шарманкой, сунув к ней свой длинный острый нос.

— Я не знаю, что с ней не так, мистер Пибоди, — сказала Зои. — Это старье пылилось у Фрункель много лет. Что? Конечно, я попытаюсь ее починить. Она нам нужна — без нее все рухнет.

Зои достала из кармана кожаный чехол с инструментами, который она загодя стащила у часовщика-настройщика башни. До сего момента она надеялась, что вскрывать брюхо шарманки не придется.

Зои перевернула короб кверху дном и, счистив с него грязь, обнаружила крышку с изображением сердца. Отодвинула четыре крючка, и крышка со скрипом открылась.

Мисс Гримм поднесла лампу и заглянула внутрь.

— Меха прохудились. Воздух выходит через дыры.

Повозившись в чреве шарманки, она отсоединила меха, а следом за ними и звуковой

цилиндр — придиричиво его осмотрела: некоторые выступы-«кулачки» стерлись.

— Доставайте шарманку, которую нам одолжил мастер Трамник.

Снеговик подтащил стоявший у стены небольшой ящик и извлек из него новенькую шарманку с вишневыми лакированными стенками и золочеными уголками. Шарманка, которую Зои и мистер Пибоди украли из «Тио-Тио», походила на уродливого дедушку этой изящной красоты.

Зои вскрыла и ее.

— Меха очень похожи — можно поставить эти, — заметила она. — Думаю, что и «кулачки» удастся заменить...

Зои Гримм отодвинула снеговика в сторону и склонилась над шарманкой. Каморка наполнилась скрежетом, лязгом и раздраженным бормотанием...

С починкой Зои провозилась почти час. Ей повезло, что механизмы, приводящие в движение меха и цилиндр, не отличались от механизмов в прочих шарманках и не были повреждены, хотя и были загрязнены так сильно, что после их очистки кисточкой для часов лицо и руки Зои покрылись черно-бурой пленкой. Меха заменить удалось быстро, но вот с «кулачками» пришлось повозиться — они были накрепко вправлены в цилиндр и поначалу никак не отсоединялись.

И все же Зои справилась. Сломав ноготь, расцарапав ладонь и отсыпав старой шарманке столько ругательств, что даже мистер Пибоди слегка подтаял, она наконец надела цилиндр на валик. Щелкнули упоры.

— Ну что, попробуем?

Зои положила ладонь на ручку и... в следующий миг убрала ее.

— Давайте лучше вы, мистер Пибоди.

Она протянула шарманку снеговика, и тот принял ее с таким трепетом, будто ему вручили либо сокровище, либо часовую бомбу.

Крючковатые пальцы обхватили ручку.

Зои затаила дыхание.

А уже в следующее мгновение по каморке поплыла мелодия — мягкая, нежная, чуть заунывная, но будто бы скрывающая что-то, словно недоговаривающая.

Это была чарующая музыка, в ней звучали отголоски старых добрых времен, когда жизнь казалась проще и добрее.

Мелодия шарманки поселилась в голове Зои, она заполонила собой все, а потом пробудила в мисс Гримм ту маленькую девочку, которая долгие годы спала где-то в глубине ее сознания. Веселую, непоседливую кроху, обожавшую клетчатых котов, конфеты и карнавалы, любившую делать глупости и не стеснявшуюся выглядеть глупо, отринув занудные взрослые мысли о том, что о ней подумают. Зои будто что-то ужалило и подтолкнуло, она вскочила со стула, и ее ноги сами пустились в пляс.

А потом все оборвалось. Резко и грубо.

Мистер Пибоди отпустил ручку шарманки, и Зои тяжело дыша опустилась на стул. Эхо от мелодии все еще жило в каморке часовой башни, эхо от детских воспоминаний медленно оседало на дне сознания Зои.

Ноги гудели, как трубы пневмопочты, по которым прошли капсулы с посланиями, но мисс Гримм было не до того.

— Вы слышали? Слышали?! Она работает, я починила ее!

Зои перевела дыхание и раздраженно уставилась на снеговика.

— Как это «Ничего особенного»? Что значит, вы ожидали большего?! Я ее починила, и теперь все получится! Без нее нам не на что рассчитывать!

Говард Бек глядел на злодейку и ее помощника и ничего не понимал. Ну и что с того, что она починила эту странную шарманку: как эта дурацкая мелодия поможет им в ограблении?

Эти двое затеяли что-то грандиозное, что было ясно по оговоркам, которые Зои Гримм неосторожно бросала в его присутствии, но причем здесь шарманка? Он не слышал, чтобы кого-то грабили с помощью шарманок...

Но тут Зои Гримм сказала: «В хранилище не попасть без нее!» — и все тут же встало на свои места. Мелодия шарманки — это же ключ! Ключ к хитроумному музыкальному замку! У Мамаши была шкатулка, которая открывалась только если насвистеть определенные нотки — вероятно, то, что они собираются ограбить, также скрыто под подобным замком...

Эта странная парочка его не на шутку заинтересовала, и он наострил уши, вслушиваясь в то, что они обсуждали. Хотя правильнее будет сказать, что говорила только Зои Гримм: мистер Пибоди лишь кивал, пожимал плечами или мотал головой.

К слову, сейчас он как раз яростно замотал головой.

— Почему нет? — искренне возмутилась Зои. — Это же так просто! Вам всего лишь нужно рассыпаться, а потом собраться из снега заново, мистер Пибоди, но уже *по ту* сторону.

Хоть выражение лица снеговика не менялось, Говард мог бы поклясться, что Пибоди взглянул на нее, как на сумасшедшую.

— Что? Это бунт? — негодуяще поджала губы Зои Гримм. — Это вы мой прихвостень, а не я ваш прихвостень — не забывайте! Что?! Как это вам не по силам оказаться в двух местах одновременно?! А вы окажитесь!

Снеговик демонстративно отвернулся. Весь его вид выказывал, что он оскорблен до глубины души.

— Ладно, обсудим это позже, — примирительно сказала Зои. — А пока подытожим план. Вы согласны?

Мистер Пибоди повернулся к ней, вытащил из зубов докурки папиретки и кивнул.

Говард подобрался, полагая, что сейчас услышит нечто крайне важное, но то, что он услышал дальше, было слишком глупо, нелепо и театрально даже в понимании куклы. От того, что говорила Зои Гримм, он едва не поперхнулся кляпом, и спасло его только то, что у него не было горла.

— Только представьте, мистер Пибоди! (закройте глаза, чтобы лучше представить, ах, вы не можете, ну, тогда я закрою свои!) Итак. Вижу это, как наяву! Гаснет свет! И в темноте начинает звучать чарующая музыка. А потом загорается прожектор! Вы и прочие снеговики стоите в тени — не забывайте, кто тут главный, а кто — всего лишь прихвостни! И вот в круге света появляюсь я — с помпой! Что? Нет, не с той помпой, которой качают воду, мистер Пибоди, не глупите! Итак, я стою там, великолепная и грозная! И у меня взгляд такой... такой... ну, зловещий, но в то же время... м-м-м... очаровательный! Надо будет отрепетировать позу: нет, угрюмо наклонив голову и сложив руки на груди, не подходит — я что, какой-то громила?! Думаю, я встану вполборота, изящно вскинув подбородок. В общем, я обведу вестибюль величественным взглядом и... Да, точно: еще в это время с потолка пойдет снег, серебряные снежинки медленно опустятся на мой капюшон и на

глупые лица этих недотеп-клерков! Все глядят на меня в восхищении и при этом дрожат от ужаса! Нет, это никакое не противоречие, мистер Пибоди, не умничайте! Все замерли, как восковые статуи, сверкают вспышки фотоаппаратов, запечатлевающих нас для первой полосы! И вот, когда все достаточно поражены, я взрываю шутиху и сообщаю: «Это ограбление!» Как думаете, добавить «Никому не двигаться»? Или лучше сказать «Поднять руки!» Нда-а... сложный выбор. Если я велю им поднять руки, то им будет неудобно аплодировать, когда закончится представление. Ну да ладно, решим это на месте. На чем я остановилась? Ах, да: «Это ограбление!» И вот мы, застав их врасплох и сбив их с толку нашим эффектным появлением и грозным видом, требуем открыть хранилище и забираем все их денежки — с этим не должно возникнуть трудностей. Что, охрана? Не занудничайте, мистер Пибоди! Мы расправимся с ними в два счета! Нет, в один! И как завершение, я оставлю недотепам-клеркам немного чаевых! О, совсем забыла! Здесь не хватает танца! Синхронного танца снеговиков. Да, это будет невероятно! Я переплуну Человека-из-Льотомна! Все забудут его нелепое простецкое ограбление после такого!

Вдохновенную речь Зои Гримм прервало совсем не воодушевляющее мычание.

Зои раздраженно поглядела на сидевшую в углу куклу.

— М-м-м-м-м... — Говард Бек начал возиться, пытаясь развязать веревки.

— Тише там! — прикрикнула Зои и вскинула подбородок (прямо, как ее альтер-эго из мечтаний), но прежнего восторга уже не было. Кукла все испоганила.

— М-м-м-м... м-м-м-м...

— Да что ты будешь делать?! — Зои указала на Говарда снеговику. — Мистер Пибоди, ткните его пару раз зонтиком!

Но снеговик отчего-то не спешил исполнять приказ.

— Что? — удивилась мисс Гримм. — Ну и что из того, что он пытается что-то сказать! Это вредительская кукла — вряд ли мы дождемся чего-нибудь такого уж умного... — Мистер Пибоди с многозначительным видом достал из кармана пальто ржавый портсигар с дыркой от пули в крышке и извлек из него папиретку. Демонстративно — мол, я очень занят, мисс, вы что, не видите? — он поджег папиретку и лениво вставил ее в прорезь своего застывшего в ухмылке рта.

— Ладно-ладно! — проворчала Зои. — Узнаем, что ему понадобилось сообщить нам такого важного... И не беспокойтесь, мистер Пибоди, не стоит себя обременять: я и сама справлюсь...

Ворча о том, что в последнее время исполнительных и уважающих своего хозяина приспешников найти очень трудно, Зои подошла к пленнику и, пригрозив ему кулаком (вдруг он вздумает кусаться), вытащила кляп из его рта.

— Ваш дурацкий план ни на что не годен! — взвизгнул Говард и прежде, чем Зои вернула кляп на место, быстро-быстро затараторил: — В нем больше дыр, чем в решете Мамаши! Вы ведь говорили о Человеке-из-Льотомна, а значит, вы нацелились на злодейский банк с Площади!

— Ну и что? — с деланным равнодушием спросила Зои. — Что ты в этом понимаешь?

— Я много чего понимаю! Я, вообще-то, очень умный!

— Умненький-разумненький, — ехидно прищурилась Зои. — Я читала книжку про куклу, которая себя таковой считала. И чем все закончилось?

Говард устремил взгляд на шарманку. Сказанное Зои Гримм навело его на некую мысль: он вдруг вспомнил, кто такой этот «Коллоди», имя которого было вырезано на крышке. И

тут он неожиданно все понял. Он узнал эту шарманку, ведь не раз слышал о ней от Мамаши. Чудесная шарманка кукольника Коллоди из городка Тарабар... Быть не может! Дело тут ни в каком не музыкальном замке...

«С этими двумя не все так просто!» — подумал Говард.

— Что молчишь? — спросила Зои. — Я-то полагала, тебя вообще невозможно заткнуть.

Говард насилу оторвал взгляд от шарманки и поглядел на Зои.

— «Ригсберг-банк» — опасное и очень мрачное место, — сказал он. — Мамаша запретила мне к нему даже близко подходить. Там водятся жуткие типы в черных цилиндрах — они ездят по городу ночами и похищают людей. Вы что, не знаете имя, которое в городе боятся произносить?

— Имя, которое боятся в городе произносить? Дай-ка подумать: надеюсь, это Зои Гримм!

Зои вдруг в гневе повернулась к снеговикам:

— Да, я прекрасно помню, что говорила вам утром! Хочу, чтобы все говорили обо мне!

И да, я понимаю, что они не смогут называть мое имя, если будут бояться называть мое имя! Вы очень доставучий и утомительный зануда, мистер Пибоди! Вам это говорили?

Снеговик самодовольно пыхнул папиреткой.

— Нет, вовсе не «Зои Гримм», а другое имя, — встрял Говард и, испуганно вжав голову в плечи, произнес: — Ратц.

Зои пару мгновений молча глядела на него, а потом... расхохоталась. Говард недоумевал: мистер Ратц, в его понимании, был совсем не тем, кто может вызывать смех.

— Ты прав, кукл... права, кукла... в общем, ты прав. Если бы кот был в своем логове, мыши и не подумали бы туда сунуться. Но дело в том, что его там нет.

— Как нет?

— Он сейчас в Пыльном море, на далеком маяке. Мы выманили его — не скажу, что это было так уж сложно. Так что Ратц и его свора нам не помешают.

Говард задумался. Это многое меняло. Многое — но не все.

— И все равно ваш план глупый.

— Это ты глупый! Да и что знать какой-то кукле о планах?

— Я не какая-то кукла! Я Говард Бек! Я очень хитрый и пронырливый, Мамаша говорит, что мне может позавидовать и лисица! И чтоб вы знали, прямо сейчас у меня в разработке очень сложный план!

— И что же это за план?

— Не скажу! Я ведь не какой-то простофиля, чтобы рассказывать план первым встречным! — По тому, как он это произнес, было очевидно, на кого он намекает.

— Эй, повежливее! И вообще, можно подумать, будто ты знаешь, что именно не так с нашим планом!

— Знаю. Вам очень повезло, что я все услышал. Чудесно совпало, что вы встретили в лавке игрушек Говарда Бека! Для вашего ограбления вам нужен Говард Бек! Без меня вы не справитесь!

Зои Гримм снисходительно усмехнулась, а снеговик затрясся в беззвучном смехе.

— Мистер Пибоди, вы слышали? Мы не справимся без этого коротышки. Срочно переделываем весь план.

Говард не распознал иронию и закивал.

— Да, нужно переделывать план. Хорошо, что я разбираюсь в планах.

Зои задумчиво нахмурилась. Говард выжидающе замер: что она решит?

— Почему мы должны тебе верить?

— Потому, что я помогу вам не за просто так!

— Неужели? — Зои поразились подобной наглости.

— Ну да, — простодушно ответил Говард. — Мне тоже нужны денежки! Как говорит мой хороший друг Брекенбок: все, кто участвует в пьесе, заслуживают свою долю! Я хочу свою долю!

Он не уточнил, что злобный хозяин уличного театра из Фли всегда при этом добавлял: «Заслуживают? Несомненно! Получат! Сомнительно!»

— И сколько же ты хочешь? — спросила Зои. — Может, миллион?

— Нет. Я не жадный. Я хочу ровно две сотни фунтов и ни фунтом больше.

— Надо же. Две сотни... почему столько?

— Потому что столько стоит король-гусь.

Зои удивленно округлила глаза.

— И зачем, скажи на милость, кукле понадобился гусь?

— Не скажу! Я же не простофиля, чтобы выдавать незнакомцам важные вещи! Так что вам нужна помощь Говарда Бека, или вы уже, как говорит мистер Шпротт, констебль с нашей улицы, наканифолили себе тюремную решетку?

Зои бросила быстрый взгляд на мистера Пибоди, и тот кивнул.

— Что ж, Говард Бек, — сказала она. — Ты меня почти убедил. Поглядим, можешь ли ты быть нам полезен.

Мисс Гримм развязала коротышку, и тот, лишь очутившись на свободе, вскочил на ноги и вальяжно сдвинул на бок котелок.

— Но сперва условия! — воскликнул он. — Их всего два! Мне нужны черная бархатная маска, какие носят все уважающие себя грабители, и тайное прозвище, которым меня будете называть только вы. Гм... дайте подумать... — он приставил палец к виску, словно размышляя, и тут же вскинул его. — Придумал! Меня теперь будут звать — «Настоящий Человек» (ну, чтобы никто не понял, кто я такой).

Зои расплылась в улыбке.

— Это очень мило. Мы согласны с твоими условиями. И хотя я не совсем понимаю, зачем тебе маска, но... Что ж, добро пожаловать в банду Зои Гримм, Гов... — кукла затрясла головой, прерывая ее, и Зои исправилась: — мистер Настоящий Человек.

Зои протянула руку, и Говард ее пожал, после чего они оба с заговорщическим видом по старой злодейской традиции постучали себя указательными пальцами по носам.

В глазах мисс Гримм в этот миг промелькнул коварный блеск. Нет уж, она не была простофилей. Впрочем, Говард ошибался не только в этом: их встреча в лавке «Тио-Тио» не была никаким чудесным совпадением. А если уж начистоту, то появление носатой куклы в логове Зои Гримм являло собой чудесное *не-совпадение*.

Злодейка в красной пелерине достала из кармана картонку, сверилась со списком дел и сказала:

— Осталось всего две вещи. На очереди — парк Элмз: зажжем парочку свечек. Сколько там до полуночи?!

Глава 11. Мистер Несчастный Случай

Через дыру в крыше падал снег. Никто не мешал ему проникать в квартирку, никто не собирався его убирать, и в центре гостиной, прямо на ветхом ковре, уже образовались сугробы. Часы на каминной полке стояли, календарь на стене и вовсе показывал что-то осеннее. И только медленно опускающиеся снежинки свидетельствовали о том, что время все еще идет.

Стоявшую в доме тишину нарушил скрип. Из гостиной было слышно, как кто-то ходит по крыше, ступая по черепице. Человек на крыше и сам понял, что мог выдать свое присутствие, и замер. Прислушался. Тишина...

Убедившись, что никто не думает поднимать тревогу, он осторожно подкрался к краю пролома, и уже в следующий миг в дыру опустилась тонкая, изогнутая на конце латунная трубка с линзой. Трубка повернулась, давая стеклянному глазу круговой обзор. Дважды оглядев гостиную и так и не обнаружив признаков чьего-нибудь присутствия, таинственный наблюдатель затаил перископ обратно.

Какое-то время ничего не происходило, но вдруг раздался хлопок, за ним последовали короткий свист и глухой удар: как будто что-то металлическое врезалось в кирпичную кладку.

После чего натянулась веревка, и через пролом ловко спустилась женщина в черном.

Мягко коснувшись подошвами снега на полу, незваная гостья оглядела гостиную. И только лишь убедившись, что перископ не солгал и здесь действительно никого нет, перекинула рычажок на рукояти массивного пистолета, который сжимала в руке. Где-то на крыше в этот момент сложился гарпун. Он вырвался из кирпичного дымохода и, словно собачка на поводке, на скручивающейся катушке вернулся в ствол пистолета в руке незваной гостьи.

Зубная Фея спрятала гарпунный пистолет в кобуру на бедре. Его место в ладони занял миниатюрный «москит».

Она была готова стрелять в тот же миг, как в гостиной что-либо шевельнется. Но, если здесь и было упомянутое «что-либо», то оно надежно спряталось.

Кругом властвовала темнота, и лишь через пролом в крыше внутрь проникало немного света от фонарей с площади.

Судя по всему, никто не заметил ее появления, впрочем, полагаться на одну лишь интуицию не стоило: кто знает, не западня ли это. Зубная Фея умела проникать в чужие дома, вот только сейчас ей даже не пришлось использовать отмычки — и это настораживало.

Также вызывало подозрение само наличие пролома. Откуда он взялся? Она не первая, кто сюда проник? И что же это за неведомый гость, который выломал часть кровли для того, чтобы попасть в дом?

Зубная Фея оглядела пролом, отметила торчащие и загнутые кверху края стропил и досок перекрытия по его краям — все это свидетельствовало о том, что кто-то не забрался внутрь, а, наоборот, выбрался отсюда. Впрочем, она довольно быстро пришла к выводу, что это произошло довольно давно и вряд ли имело отношение к цели ее визита.

А между тем...

Зубная Фея бросила несколько быстрых взглядов по сторонам.

«Где же ты? Прячешься? Выжидаешь?»

Гостиная была небольшой и выглядела как место, в котором запросто могла жить парочка призраков. У пустого камина стояло кресло с высокой спинкой, на стоявшем рядом с ним столике разместился древний кофейный варитель. В гостиную выходили две двери, в дальнем ее конце чернел проход, ведущий на лестницу.

В первую очередь Зубная Фея проверила обе двери: за одной находился кабинет, за другой — затянута паутиной спальня. Никого там не обнаружив, незваная гостья двинулась к лестнице, стараясь держаться ближе к стене и ступать по полу так, чтобы избежать даже малейшего скрипа половиц.

Движения Зубной Феи были осторожны и скупы, она готовилась к тому, что в любой момент ловушка захлопнется, но с каждым шагом, с каждой ступенькой в ней крепла уверенность, что никакая это не ловушка.

На площадке была еще одна дверь; на ней висела табличка: *«Не входить! Здесь водится монстр!»*.

Зубная Фея вжалась в притолоку, быстро повернула ручку и толкнула дверь, но вставать в проходе не спешила — если там засада, она станет легкой мишенью.

Монстр, который якобы жил в комнате, по всей видимости, вышел прогуляться, поскольку секунда сменялась секундой, а он не выдал себя даже шорохом.

Осмелившись заглянуть в комнату, Зубная Фея со смесью облегчения и разочарования никого там не обнаружила. Ей предстала еще одна спальня, и, в отличие от прошлой, эта не была заброшена: одеяло на кровати громоздилось комом, в ворохе поменьше с трудом угадывалась мятая подушка. На полу тут и там валялись чулки, тапочки, немытые тарелки, открытые консервные банки, газеты и раскрытые книги. Монстр явно не отличался аккуратностью.

Зубная Фея покинула спальню на площадке и продолжила поиск...

Лестница привела ее в темную прихожую, а уже оттуда она попала в небольшую комнату, которую назвала про себя «нижней гостиной»: здесь был еще один камин, через окно на круглый коврик проникали косые лучи от уличных фонарей. Диван, пара кресел и небольшой столик — вот и все, что там было. Казалось, что спрятаться в комнате попросту негде, и тем не менее...

— Выходи! — грозным голосом велела Зубная Фея. — Я тебя вижу!

Комната ответила тишиной, словно насмехаясь.

— Хватит прятаться! Не заставляй меня вытаскивать тебя оттуда за шиворот! Не заставляй забирать твои зубы!

Зубная Фея обвела нижнюю гостиную дулом пистолета, но комната, как и прежде, хранила молчание.

Незваная гостья медленно опустила «москит». Ее уловка не сработала: обычно, когда кто-то пытался от нее спрятаться, этих слов хватало, чтобы перепуганный шушерник вылез из-под кровати или из шкафа. Но, по всей видимости, выбираться из укрытия здесь было некому.

Дом пустовал.

«И что теперь?»

До сего момента Зубная Фея знала, что ей делать, ведь она шла сюда с определенной целью: схватить Зои Гримм.

Незваная гостья замерла в нерешительности, не зная, что предпринять. Отправиться на

поиски Зои Гримм и ее снеговиков в город, или...

«Что “или”, Полли? — спросила она себя. — Ты уже знаешь, что сделаешь дальше, не так ли? Ведь на самом деле ты сюда пришла именно за этим...»

В этом была вся Полли Уиннифред Трикк. И это жило в ней сколько она себя помнила. Проклятый зуд преследовал ее всю жизнь, и с годами сдерживать его было все сложнее. Когда Полли слышала шорох за стеной, она не могла его проигнорировать, она была обязана заглянуть за стену и узнать, что там творится — даже если это всего лишь мыши. Когда умер дедушка, все ее мысли были лишь о том, в каком он костюме, что написано на его лице, как он там лежит, холодный и неподвижный, — и не притворяется ли он...

Собственно, это царапающее душу любопытство и стало причиной того, почему она оказалась в Габене, почему поспешно покинула родной Льотомн и пока что не особо торопилась обратно. «Вы суете свой длинный нос в чужие дела, мисс. Вы знаете, что это за инструмент в моей руке? Как, не знаете? Кусачки для любопытных носов...»

Да уж, ее любопытство неизменно приводило к одним лишь бедам, но довольно часто она просто ничего не могла с собой поделать. Ее буквально тянуло заглянуть в замочную скважину, подцепить ногтями краешек стенной обивки, чтобы убедиться: нет, там нет никакой дыры, за которой может происходить что-нибудь таинственное и непонятное.

Партриджа это приводило в ярость. «Зачем? Скажите на милость, зачем вам заглядывать к ним в душу?! Что еще за глупости?! Зачем вам понимать, что ими движет и как они пришли к такой жизни? Вам недостаточно того, что они делают? Прошу вас, только давайте без этих сентиментальных бредней о том, что у каждого зла есть свой корень! Ваша задача не забираться к ним в душу, ваша задача — забирать их зубы и отправлять их в Хайд или в петлю. Кому какое дело, что исковеркало эту падаль?..»

Полли Уиннифред Трикк было дело. И из-за своего порой неукротимого желания разведать тайну какого-нибудь злыдня вместо того, чтобы схватить его при первом удобном случае, она порой влипала в такие неприятности, что впоследствии ей не оставалось ничего, кроме как корить себя за недалекость. Партридж был прав. Всегда. Она это знала, но она была... Полли.

Вот и сейчас она старательно отталкивала от себя мысль, что прямо сейчас схватить Зои Гримм было бы слишком... просто? Нет, разумеется, позже она ее схватит, но прежде ей так хочется подцепить обивку этой взявшейся из ниоткуда злодейки и заглянуть за нее.

«Кто ты такая? Что тобою движет?..»

Дом по адресу «Пыльная площадь, № 18» мог ответить на эти вопросы...

Зубная Фея задвинула тяжелые шторы на окне. И только после этого решила зажечь фонарь.

«Штурм-фитиль Бэббита» чуть рассеял темноту, лоскуты мрака заколыхались на потолке и повжимались в углы.

Полли втянула носом воздух: в комнате пахло имбирем, ламповым керосином и обреченностью. Хотя последнее с недавних пор мерещилось ей повсюду, и она отчаянно противилась мысли, что этот запах исходит от нее самой. А еще — что никакой это не запах, а проклятое чувство, от которого никак не избавиться.

В нижней гостиной словно прошла война. Полли подумала, что, будь здесь доктор Доу с его маниакальной страстью к порядку, он бы непременно покончил с собой. На полу и креслах валялись конфетные фантики и сложенные из газетных страниц вороны, возле дивана стояла небольшая птичья клетка, в которой, словно узник в тюрьме, сидела

тряпичная кукла. Керосиновая лампа, застывшая на самом краю кофейного столика, лишь чудом до сих пор не упала на пол. Полли отодвинула ее от края, после чего взяла стоявшую рядом чашку: чай в ней давно остыл и затянулся пленкой, в пленке застряла дохлая муха.

Взгляд Полли переполз с жестяной банки, на крышке которой был изображен улыбающийся кашалот, на несколько пустых аптечных склянок.

— *«Литий доктора Хоггарта в пиннетках для...»*, — Полли прищурилась, пытаясь разобрать мелкий текст на этикетке, — *«...для подавления аффективных расстройств (со вкусом лимона и прошлогодней страсти)»*.

«Аффективные расстройства — это ведь мании», — вспомнила она кое-что из рассказов доктора Доу.

Полли кивнула своим мыслям: в том, что Зои Гримм сумасшедшая, не было никаких сомнений, учитывая, что она вытворяла в городе. И вот, наличие у нее безумия только что подтвердилось.

Больше в комнате на первом этаже не обнаружилось ничего заслуживающего внимания, и Полли вышла в прихожую.

Она уже поставила было ногу на первую ступеньку, как тут откуда-то сверху раздался звук, который заставил ее замереть на месте.

Лязгнул металл.

Зубная Фея действовала молниеносно. Погасила фонарь и вжалась в стену. В ее руке снова появился «москит».

«Я все-таки здесь не одна?!»

Полли на цыпочках двинулась вверх по лестнице, вслушиваясь. Звук не повторялся, но чувство тревоги никуда не делось.

Выставив перед собой пистолет, она выглянула в гостиную.

Никого.

Полли простояла в тревожном ожидании, наблюдая за тем, как снег падает в дыру, казалось, целую вечность. А потом звук раздался вновь.

Сверху загудело, потом что-то лязгнуло, и все стихло.

Полли подошла к пролому и задрала голову. Разглядев, что стало причиной неведомого гула и лязга, она вздохнула с облегчением. Над домом проходила старая труба пневмопочты — когда по ней скользила почтовая капсула, труба тряслась, и ее опора шаталась.

Полли спрятала пистолет и вновь зажгла «штурм-фитиль».

Она уже собиралась вернуться вниз и изучить комнату Зои Гримм, но тут кое-что в гостиной привлекло ее внимание.

Всю стену слева от лестницы занимало семейное древо, которое венчала лента с витиеватой надписью: *«Древнее и почтенное семейство Гримм»*. На месте каждого имени размещался небольшой, размером с чайное блюдце, портрет в круглой рамке, отчего казалось, что многочисленные родственники Зои Гримм глядят на Полли через маленькие иллюминаторы. Круглая рамка в самом низу пустовала, словно кто-то не хотел или считал себя недостойным быть частью «древнего и почтенного семейства».

Полли снова оглядела гостиную: та не выглядела, как место, в котором собираются родственники — скорее, оно походило на место, которое каждый из членов семьи старательно пытается избегать. Еще бы: более неуютную гостиную представить достаточно трудно, и если забыть о проломе в потолке и крыше, то чего только стоит это ветхое кресло, или не идущие часы, или пустой камин.

На стене над камином висела затянута пылью картина в овальной раме. Полли подошла к ней, подняла повыше фонарь. На картине были изображены мужчина в клетчатом костюме-тройке и широко улыбающаяся светловолосая девочка с задорно торчащими хвостиками. С трудом Полли различила в ней черты женщины, которую встретила на лестнице в редакции.

Что толкает человека на плохие поступки? Что заставляет его стать злодеем? Дело в одном лишь безумии?

Полли опустила штурм-фитиль и обернулась. Перед тем, как изучить комнату Зои Гримм, она решила заглянуть еще кое-куда и открыла одну из выходящих в гостиную дверей.

«Кабинет мертвеца... — подумала она. — Джаспер бы так и сказал...»

Полли не просто знала, что автор рукописи «Крампус», которую она нашла в квартирке вора подарков, мертв, но именно его некролог и привел ее сюда.

Обнаружив имя профессора монстрологии на титульном листе «Крампуса», она отправилась в архив Тремпл-Толл, где и нашла заметку о «скоропостижной и безвременной кончине Бенджамина Эдварда Гримма в следствие трагичного несчастного случая». Коротенький некролог оканчивался словами: *«Если вы хотите выразить соболезнования, можете сделать это, отправив письмо сожаления по адресу: Пыльная площадь, дом № 18».*

Также в некрологе говорилось, что у профессора Гримма осталась двенадцатилетняя дочь. Судя по дате, указанной в газете, умер он чуть меньше пятнадцати лет назад.

В доме № 18 на Пыльной площади ничто не указывало на то, что здесь когда-либо жил еще кто-то, помимо профессора Гримма и его дочери. Полли посетила мысль: «Неужели Зои провела здесь все эти годы совершенно одна? Неудивительно, что она сошла с ума...»

Кабинет был небольшим и тесным — чем-то он напоминал лавку древностей.

«Джасперу бы здесь понравилось...»

Свет фонаря полз по корешкам книг, которыми были заставлены стенные шкафы. Повсюду стояли стеклянные банки: в зеленоватой жидкости внутри плавали какие-то бесформенные конечности с перепонками и когтями. Отдельную полку занимали выстроившиеся рядом скелеты похожих то ли на птиц, то ли на летучих мышей существ. Из-под потолка свисали сушеные рыбы жуткого и монструозного вида — на миг Полли показалось, что все они наблюдают за ней своими блеклыми серебристыми глазами.

На письменном столе развернулся рабочий беспорядок, словно хозяин кабинета отошел всего на минуту, вот только для него минута превратилась в вечность.

Очевидно, сюда давно не заходили: все было покрыто толстым слоем пыли. Полли могла понять Зои Гримм, ее чувства и ту боль, которую она, вероятно, испытывала, попадая в это место. Сама она так и не решилась зайти в комнатку во флигеле, где жила ее тетушка. Хотя сейчас она не смогла бы туда попасть даже, если бы захотела...

Полли вышла из кабинета и направилась к лестнице.

Спустившись на площадку, она замерла у двери. Снова прочитала табличку.

«Не входите! Здесь водится монстр!»

— Никакой вы не монстр, мисс Гримм, — прошептала Полли. — Вы просто очень одинокий человек, которого скорбь и безысходность свели с ума. Поверьте мне на слово, я кое-что знаю о настоящих монстрах.

Она толкнула дверь и вошла в комнату. Бледный свет штурм-фитиля вырвал из темноты

то, чего она прежде не замечала. Тут и там были разбросаны плюшевые игрушки — и все они представляли собой довольно милых и забавных кашалотов в цилиндрах. Один был в очках, другой держал в плавнике трость, третий восседал на игрушечном велосипеде, еще парочка играли в шахматы... Судя по тому, сколько их тут было, незваная гостья поняла, что Зои Гримм испытывала к кашалотам весьма нежные чувства.

Полли шагнула на ковер и, стараясь не наступать на разбросанные по всей комнате вещи, подошла к кровати.

Разглядывая обстановку спальни, она будто бы знакоилась ближе с хозяйкой, узнавала ее все лучше. И тем не менее, ничто здесь не давало даже намека на то, что именно заставило Зои Гримм именно сегодня ступить на путь злодеяний.

На кровати лежала коробка печенья «Сладости Каминника». Коробка выглядела очень старой, и лицо улыбающегося Человека-в-красном на крышке почти стерлось.

«Там вовсе не печенье», — догадалась Полли.

Поставив фонарь на прикроватный столик, она открыла коробку.

— Хм...

Полли сняла перчатки и достала из коробки стопку открыток. Ее пальцы задрожали, в груди что-то щелкнуло. Она была близко... Так близко, чтобы подцепить обивку Зои Гримм и заглянуть под нее...

То, что Полли поначалу приняла за открытки, на деле оказалось кое-чем совсем другим — уже спустя пару минут она поняла, что в коробке из-под печенья хранилась... целая жизнь.

Полли изучила почтовые марки: открытки приходили со всего мира, из множества разных городов, но вот штемпеля... Все марки были гашены штемпелями с оттиском «*Почта Гриммов*», и Полли с удивлением подумала: «Неужели у них есть своя собственная служба сообщения?»

Коробочная жизнь Зои Гримм начиналась с открытки из Рабберота. Писала прабабушка Зои. Она сухо поздравляла Бенджамина с рождением дочери и высказывала уверенность в том, что наследница древнего и почтенного семейства Гриммов будет воспитана с соблюдением всех традиций, несмотря на то, *кто* ее мать. Также она надеялась, что правнучке понравится ее подарок (Полли не сдержалась и поморщилась) — трехголовая пиявка.

Еще пара открыток содержали такие же поздравления, больше, правда, почему-то похожие на сожаления. За каждым из этих поздравлений ощущалась улыбка, натянутая так сильно, что едва ли не было слышно, как скрипит рвущаяся кожа.

Полли стало мерзко. И хоть эти картонки были сухими и старыми ей вдруг показалось, что ее пальцы липнут в них.

Единственная добрая открытка была от тетушки Зои, Гертруды Гримм из Льотомна. Как же она была не похожа на прочие поздравления! В каждой строчке, в каждой фразе читалось тепло. Гертруда искренне радовалась пополнению в семье. Тетушку очень позабавило, что первое слово, которое сказала маленькая Зои, было «Кашалот», и к открытке она присовокупила подарок: плюшевого кашалота в очках, которого назвала Мистером Умником, при этом тетушка пообещала, что будет присылать племяннице кашалотов на все дни рождения.

Полли окинула комнату взглядом: судя по забавным плюшевым жильцам спальни Зои

Гримм, тетушка Гертруда сдержала обещание...

Две следующие открытки (обе — от прабабушки из Рабберота) представляли собой поздравления с днями рождения Зои, но больше походили, как показалось Полли, на проверку сердцебиения. По намекам и оговоркам, которые старуха даже не пыталась прятать между строками, проглядывала надежда, что девочке недолго осталось.

Содержание уже следующей открытки заставило Полли нахмуриться. Снова писала добрая тетушка Гертруда, но на этот раз повод был печальным. Гертруда Гримм выражала соболезнования брату и его трехлетней дочери. Насколько Полли поняла, мама Зои умерла от болезни или... тут было не совсем понятно, поскольку Гертруда использовала слово «проклятие». А еще она советовала брату отправлять все письма и открытки от родственников, не читая, сразу в камин.

Очевидно, он не послушался, поскольку уже следующая открытка — за авторством дяди Зои, Филлиуса Гримма, — таила в себе вкрадчивые надежды, что «уж теперь братцу ничего не мешает наконец обратить свое внимание на дочь почтенного господина Редгрейва» и «что траур ему не к лицу, тем более прошла уже целая неделя, и жизнь, как-никак продолжается».

Читая все это, Полли кипела от возмущения. Постепенно она начала понимать, что это за семейство и какие в нем в ходу нравы.

Еще четыре открытки от различных родственников несли в себе соболезнования, в которых не было ни капли сожалений: в каждой либо сквозило облегчение от того, что «чужачка» больше не станет мутить воду, либо содержались увещевания написать Маргарет Редгрейв, которая «все еще ждет от него письма». Старая глава семейства так и вовсе советовала внуку отправить Зою в приют, оставить Габен и вернуться в родовой особняк.

— Что за мерзкие люди... — проскрипела Полли. С каждой прочитанной открыткой она все глубже погружалась в черноту колодца жизни Зои Гримм, с каждым новым «Дорогой Бенджамин!» ей казалось, что стены и потолок комнатухи все ближе придвигаются к ней.

После «соболезнований» в паре открыток от троюродных теток и четвероюродных племянников следовали не только сомнения в том, что Зою удастся заслужить гордую фамилию Гримм», но и уверенность, что в ночь ее семилетия, «она все испортит», ведь в ней есть частичка «дурной крови».

Впрочем, предсказания «любящих» родственников-Гриммов, очевидно, не оправдались, поскольку уже в следующей открытке было поздравление для Зои от ее двоюродного деда, в котором тот уверял, что ни на минуту в ней не сомневался. Ему вторили еще несколько родственников, включая прабабушку.

Среди сквозящих лицемерием посланий затерялось лишь одно доброе. Разумеется, от Гертруды Гримм, которая выражала надежду, что у малышки Зои нет кошмаров после ночи ее семилетия.

— Прекрасно, — раздраженно пробормотала Полли. — Значит, просто родиться в этой семье недостаточно. Ребенку еще нужно заслужить свою фамилию!

В следующей открытке прабабушка Зои осуждала стремление Бенджамина вступить в ГНОПМ. «Гриммам не нужна кафедра. Гриммы не должны делиться с чужаками знаниями, которые передавались внутри семьи веками!» Впрочем, судя по хлынувшему далее потоку злорадства, членом научного общества Бенджамин Гримм так и не стал.

Следующая открытка не только удивила Полли, но и по-настоящему ее разозлила. Это

было первое, лишенное осуждения послание от прабабушки. Старуха выражала гордость за свою восьмилетнюю правнучку: девочка лично поймала свою первую зубную фею, которая прилетела за ее молочным зубом. Глава семейства Гримм лично отнесла банку с дохлой феей, которую внук прислал ей, в зал трофеев, к прочим.

— Ничего, я отомщу за тебя, подруга. Вот увидишь, Зои Гримм поплатится за свое вредительство...

Дальше была чередой скучных открыток: Зои девять, десять лет — ничего примечательного, если не считать несколько посланий, в которых говорилось, что семейство тревожит то, что девочке не нравится огнестрельное оружие. Дядя Бенджамин так и вовсе «посчитал своим долгом» выслать ему список правил и уроков на тему того «как приучить ребенка к пистолетам».

Далее, когда Зои было одиннадцать лет, в семействе Гриммов произошло нечто экстраординарное: в городе на крайнем севере убили одного из старейших Гриммов. Присутствие Бенджамин требовали для помощи в расследовании и мести.

Полли так и не узнала, чем закончилась история с мезтью, поскольку уже в следующей открытке тетя Гертруда писала о том, что была рада присмотреть за Зои и выражала надежду, что девочка навестит ее еще раз. Бенджамин Гримм и его дочь вернулись в Габен. Также здесь была и вторая открытка от Гертруды, отправленная лично брату, судя по всему, в то же время: в ней она писала, что ее беспокоят перемены настроения Зои и что она углядела в них такие же признаки пока что скрытого безумия, как и у ее матери. Она настоятельно советовала брату обратиться к доктору.

— Значит, это началось, когда тебе было одиннадцать...

Последовал ли Бенджамин Гримм совету сестры, Полли не узнала. Уже в следующей открытке (Зои недавно исполнилось двенадцать) родственники поздравляли его с изгнанием зайтгебера. Полли так и не поняла, кто или что это, но по тону поздравлений было очевидно, что отец Зои сделал нечто поразительное. Их с девочкой приглашали на ежегодную встречу всех Гриммов в родовом особняке.

Полли так глубоко погрузилась в историю жизни Зои Гримм, что и не заметила, как подобралась к концу стопки: осталось лишь три открытки.

В первой дед Бенджамин уверял его, что Крампуса не существует и что человек, который выдает себя за него, мошенник или сумасшедший.

Ну а во второй...

Писал один из кузенов профессора Гримма и обращался он напрямую к Зои: *«Мы узнали о том, что случилось. Мы прибудем на похороны».*

Полли поняла, что произошло.

— Тебе было двенадцать, когда его не стало...

На очереди была самая последняя открытка и, судя по тому, что чернила на ней не успели поблекнуть, написана она была недавно. Пришло это послание из Лютотомна. Тетушка Гертруда просила Зои вернуться. Она не понимала, отчего Зои сбежала, ведь она была к ней так добра и все эти годы относилась к ней, как к собственной дочери. Гертруда умоляла Зои не забывать о лекарствах, посещать «того замечательного доктора» и быть осторожной. А еще — ни в коем случае не доверять поверенному ее отца из адвокатской конторы «Гришем и Томм». Закончила она словами: *«Я надеюсь, ты будешь себя хорошо вести и постарайся не сходить с ума. Не забывай писать мне. Ты знаешь, что есть место, где тебе всегда будут рады, кроха. Помни это».*

В самом низу стояла приписка. «По эпилогу» гласило: *«И не вздумай искать Крампуса. Помни, что случилось с твоим отцом...»*

В коробке из-под печенья больше ничего не было. Полли вдруг почувствовала, как разболелась голова — кажется, она слишком глубоко пробралась за обивку Зои Гримм.

«Ну что, ты довольна?»

Нет уж, чувство, которое переполняло ее, не имело ничего общего с удовлетворением. Теперь она знала, кто такая Зои Гримм, но она по-прежнему не понимала ее. Девочка, родившаяся в семье злыдней, для которых традиции превалируют надо всем остальным, потерявшая мать, а затем и отца. Почему она сбежала от тетки? Зачем вернулась в Габен? Что она делает?

Чем дальше Полли думала об этом, тем сильнее в ней крепла уверенность: в том, что сейчас происходит в Габене, кроется нечто большее. Это не просто ограбления...

Она перечитала эпилог последней открытки: *«И не вздумай искать Крампуса...»*

Помнится, обнаружив рукопись в квартире вора подарков, она задалась вопросом, какое к нему отношение имеет Зои Гримм. Открытка от тетушки Гертруды дала ей понять, что тот как-то причастен к смерти профессора Гримма. Но как? Что тогда произошло? В газете писали о несчастном случае — падении из циферблата часовой башни на Неми-Дрё. Как же все запутано!

Полли вернула стопку открыток в коробку из-под печенья. Закрыла крышку и в тот же миг будто бы выбралась из головы Зои Гримм, будто сбросила с себя пропахшую безумием старую шкуру. Но вот тоска, охватившая ее от изучения жизни наследницы древнего и почтенного семейства, никуда не делась. Напротив, она лишь усилилась.

В этой комнате, в этом доме и в этом городе просто нельзя не сойти с ума. Отчаяние и безысходность... когда эти две твари соседствуют с тобой, они наглеют все больше и больше, и постепенно вытесняют тебя, они захватывают фут за футом не только твой дом, но и саму твою жизнь.

Полли почувствовала, как к горлу подступает ком, попыталась сделать вдох и не смогла. Затхлость комнаты Зои Гримм будто комками ваты забила ей в ноздри, Полли ощутила, как незримая тяжесть этого места легла к ней на затылок давящей ладонью.

«Кажется, этот вид безумия заразен, — подумала она. — Нужно выбираться отсюда... — Взгляд полз по вещам и предметам обстановки в спальне «монстра». — Ты и так узнала больше, чем рассчитывала. Здесь ничего не осталось, кроме еще пары глотков одиночества. Ответы на все вопросы получить просто невозможно и...»

И тут Полли вдруг заметила то, что заставило ее пальцы вздрогнуть. Появившееся неожиданно предчувствие четко и внятно сообщило ей: «Я пришла сюда вовсе не за жизнью Зои Гримм — я пришла сюда за этим!»

Из-под подушки торчал уголок какой-то бумажки.

«Хм, думала утаишь от меня свои тайны, Зои Гримм, спрятав их под подушку?»

Уголок оказался частью многократно скомканного и вновь расправленного письма, состоявшего из двух листов. Весь первый лист занимал собой какой-то список — в четыре столбика там стояли странные цифро-буквенные обозначения: *«137/5.18-154-p, 177/2.14-77-сж, 198/4.03-154-n, 218/1.14-16-м...»* И так далее. На листе было не менее трех дюжин этих непонятных комбинаций.

«И зачем хранить такое под подушкой? Что это? Какой-то код?», — подумала Полли, и почти сразу же отчасти получила ответ на свой вопрос. Второй лист представлял собой

самое обычное письмо. Хотя обычное ли?

«Дорогая Зои Гримм!

Сперва позволю себе подтвердить: это не сон, вы не сошли с ума, и все действительно происходит наяву.

Вы и правда держите в руках письмо, написанное лично мной. Многие пишут мне, но мало кто удостоивается чести получить от меня ответ. Моя почтовая служба работает не покладая рук, все жаждут моего внимания, поэтому прошу прощения за то, что ответил вам лишь сегодня.

Я знаю, что вы писали мне многие годы, и так совпало, что одно из ваших писем попало мне на глаза. Прочтя его, я отыскал и остальные. Признаюсь вам, меня глубоко тронула ваша история, и этой зимой для своего ежегодного праздничного чуда я выбираю вас.

Что это за чудо? Вы все узнаете, когда придете за ним.

Буду ожидать вас в парке Элмз на Тихой аллее, у самого старого и заснеженного вяза, ровно в полночь (не опаздывайте). Там вы сможете забрать свой подарок.

Ну а пока в знак моей благосклонности к вашей персоне примите от меня этот список: уверен, вы поймете, что с ним делать, ведь в нем спрятано то, что вы так давно искали.

Счастливого Нового года!

Со всем возможным почтением...»

Полли оторвала взгляд от письма.

— Нет. Этого быть не может...

Она снова перечитала подпись, а потом еще раз, будто у нее вдруг испортилось зрение.

И правда, как в такое поверишь, ведь в самом низу стояло:

«Человек-в-красном».

Полли уже в который раз за сегодня поймала себя на мысли, что ничего не понимает. Человек-в-красном?! Он ответил на письмо Зои Гримм?! Но ведь это невозможно, поскольку...

— Его не существует, — прошептала Полли.

«Да и о каком еще подарке он писал? Вряд ли это очередной кашалот...»

Она взяла листок с непонятными цифрами, перечитала их. И тут, неожиданно для себя, вдруг узнала их.

— Постойте-ка... не может быть...

Листок дрогнул в руках Полли.

— Да вы шутите!

Боясь поверить в свою догадку, Полли провела пальцем по первой числовой последовательности и кивнула. Проверила вторую, третью, выбрала одну в самом низу списка. Все подтвердилось!

— Нужно только сверить с...

— Зо-о-ои-и-и-и... — позвал кто-то.

Полли стремительно обернулась, выхватила «москит» из кобуры и нацелила его на дверь. Но там никого не было.

Ей ведь не могло показаться, или...

— Зо-о-ои-и-и-и... Зо-о-о-о-о-ои-и-и-и...

Внезапно прорезавший тишину дома голос, хриплый и надтреснутый, похожий на воронье карканье, раздавался откуда-то сверху.

Полли задрала голову, выискивая его обладателя. На миг ей показалось, что на потолке в углу кто-то сидит. Черный комок шевелился.

Полли почувствовала, как по спине прошел холодок.

Не опуская пистолет, она спрятала письмо Человека-в-красном в карман и свободной рукой нашарила на прикроватном столике свой фонарь и, обхватив его за ручку, аккуратно подняла. Темнота медленно отползла прочь, и черный комок в углу качнулся, а затем... исчез.

«Просто пятно от протечки... — Полли перевела дыхание. — Но кто же тогда?..»

— Зо-о-ои-и-и-и...

Голос шел *из-за* потолка, со второго этажа.

Полли двинулась к двери спальни.

Оказавшись на лестнице, она остановилась и прислушалась.

— Зо-о-ои-и-и-и... — хриплый голос не смолкал.

Полли поднялась в гостиную. Никого там не обнаружив, она осторожно ее пересекла и застыла у двери кабинета профессора Гримма.

— Зо-о-ои-и-и-и...

Сомнений не было — голос раздавался оттуда.

Пытаясь унять дрожь, она распахнула дверь и направила пистолет на...

В кабинете, как и до того, никого не было.

Что за шутки?!

«Этот дом... он пытается свести меня с ума...» — подумала Полли, и все же пока что она была в себе.

— Зо-о-ои-и-и-и...

Полли повернулась к книжному шкафу справа от входа. Голос шел оттуда.

Она подошла к полкам и, затаив дыхание, приставила ухо к одному книжному корешку.

Обладатель хриплого голоса молчал.

Повесив штурм-фитиль на пояс, Полли вытащила одну из книг. В темноте в глубине полки что-то было.

Полли принялась вытаскивать книги и вскоре выяснила, что задняя стенка шкафа отсутствует. В нише, проделанной в стене, стоял большой квадратный кофр.

«Еще одна тайна...»

Недолго думая Полли вытащила кофр, поставила его на пол и попыталась открыть защелки. Заперто! Убрав оружие, она достала отмычки. Пара быстрых движений в замочной скважине, и что-то щелкнуло.

Полли направила пистолет на кофр и один за другим отщелкнула замки. Откинула крышку и заглянула внутрь.

Сперва она не поняла, что видит. Кофр до половины был заполнен черными перьями. В них, будто в гнезде, что-то лежало.

Бледное существо со сморщенной серой кожей походило на... ребенка. Уродливого

мерзкого ребенка. Костлявые руки с длинными когтистыми пальцами обнимали прижатые к впалой груди ноги. Вислое брюхо мелко подрагивало, четко очерченные ребра сходились и расходились.

Существо подняло лысую покатуую голову, и Полли отшатнулась. Это было, вероятно, самое уродливое лицо, которое она видела в своей жизни: большущий, похожий на клюв, нос, черная длинная трещина рта, два круглых смоляных глаза без зрачков.

Увидев ее, существо раскрыло пасть и закричало. После чего одним движением выпрыгнуло из ящика и ринулось к двери.

Полли выстрелила.

Пуля-ампула вонзилась под лопатку беглеца, но тот этого даже не заметил.

Существо выскочило из кабинета. Полли бросилась за ним.

Она оказалась в гостиной как раз в тот момент, как беглец добрался до сугробов под проломом в крыше. Повернув к ней голову, он затрясся, из его горла вырвался очередной птичий крик, а в следующий миг...

Существо исчезло! И не просто скрылось из глаз — оно рассыпалось белой пылью, смешавшись со снежинками!

Полли, потрясенная от увиденного, подошла к пролому. Ткнула носком сапога в снег на том месте, где всего секунду назад стояло странное существо. Задрала голову. Снежинки, падавшие через пролом, опустились на ее лицо.

— Что... это было?

И тут в гостиной что-то начало происходить. Раздался металлический звон.

Полли повернулась и обмерла. Ее взгляд натолкнулся на циферблат напольных часов. Стрелки пришли в движение и поползли по кругу. Маятник качнулся, словно его толкнули чьи-то невидимые пальцы. Гостиная заполнилась тиканьем.

Стоявшие до того, казалось, целую вечность, часы вдруг пошли.

Полли вышла из кэба и направилась к входу в здание редакции.

Мысли ее были сейчас далеко от площади Неми-Дрё — она думала о том неведомом существе, которое она выпустила из кофра. Полли уже довольно давно «служит на благо города в должности Зубной Феи» (так однажды пошутил Партридж, пытаясь ее задеть и даже не догадываясь в тот миг, что ей понравится данная формулировка). И чего она только за все это время не видела, но растворяющиеся в снегу твари... это было что-то новенькое. После своего столкновения с мимиками она сомневалась, что ее возможно удивить и... что ж, пока она была как минимум заинтригована.

Полли задумчиво поправила шляпку, подтянула перчатки и... вдруг поймала себя на том, что перчатки на ее руках ей не принадлежат.

— Проклятье! — прошипела она. Быстро оглядевшись по сторонам, Полли стянула с рук черные кожаные перчатки Зубной Феи и заменила их мягкими бархатными перчатками из «Перчаточной мадам Прилл».

— Внимательнее, мисс Трикк, — проворчала Полли. — Так и до разоблачения недалеко.

У входа в здание редакции топтались несколько неприглядного вида господ в потертых, наваливающихся на глаза кепках и потертых котелках. Все они походили на громил разной

степени обтесанности. Полли несколько напряглась, заметив дубинки, которые эти милые господа неумело прятали под пиджаками и короткими бушлатами.

«Кто тут у нас? — подумала она с тревогой, пытаясь разобрать какие-нибудь особые приметы одной из банд Тремпл-Толл. — Что они здесь делают? И уж не меня ли поджидают?»

Один из громил, судя по всему, главарь, заметил ее, пригладил короткие неопрятные бакенбарды и приподнял котелок, приветствуя Полли. Этот толстяк в пальто, надетом поверх мясницкого передника, не выражал угрозы.

— Мэм, — поздоровался он. Его спутники нестройно поприветствовали Полли.

«Все понятно, — про себя усмехнулась мисс Трикк. — Кажется, они караулят тут кого-то из сплетников...»

Под двери редакции нередко приходили раздосадованные той или иной статьей и недостаточно лестным обращением со своими именами герои заметок. Подняться в печатный зал они не решались, но терпения им было не занимать: по этой причине многие из бойких и острых на язык газетчиков частенько ночевали прямо в редакции.

— Разрешите пройти, джентльмены? — спросила Полли.

— Конечно-конечно. Прощу, мэм. — Толстяк отступил в сторону. — Вы ведь навверх, мэм? Может, передадите... гм... мистеру Уиггинсу, что к нему пришли его хорошие друзья?

— И что, если он не вернет короля-гуся, мы пересчитаем ему все ребра, — вставил один из громил.

Толстяк недовольно пожевал губами:

— Тише-тише, Пэдди. Простите моего племянника, мэм. Никто не будет...

— С удовольствием передам! — ответила Полли. — Пересчитаете ему все ребра — запомнила. Если хотите мое мнение, то ребра мистера Уиггинса давно напрашиваются.

Пара громил хохотнули, толстяк одобрительно кивнул.

Полли толкнула дверь, быстро поднялась на второй этаж.

В печатном зале уже почти не осталось следов визита Зои Гримм. Весь снег убрали, столы вернулись на свои места, через все помещение были протянуты веревки, на которых сушились закрепленные прищепками листки бумаги.

Бенни Трилби сторбился за своей печатной машинкой, его пальцы стремительно отстукивали по клавишам. На Полли он бросил лишь короткий быстрый взгляд.

— Как поживает ваша дохлая рыба, мисс Трикк? Пахнет пирожным?

— Рыба объелась пирожными и скоро лопнет, — досадливо ответила Полли.

— Ну и замечательно...

Уиггинс обнаружился за своим столом. Закинув на него ноги, он развалился в кресле с чашкой кофе. Господин репортер устроил себе заслуженный, как он считал, отдых (пока шеф не видит).

— Мистер Уиггинс, — сказала Полли. — К вам там пришли. Что-то связанное с гусями или королями. Я так и не поняла...

Уиггинс поперхнулся кофе и выронил чашку. Стащив со стола ноги, он скрючился, пытаясь прокашляться.

Не прерывая печатание, Бенни Трилби расхохотался.

— Осторожнее, Уиггинс, горло сломаешь!

Как бы Полли ни было приятно наблюдать страдания мерзкого Уиггинса, сейчас у нее не было на это времени.

Под хлюпанье и кашель репортера она развернулась и направилась к лестнице. Она думала о Уиггинсе, о том, как он ее постоянно подначивает, и о том, что, возможно, сегодня он наконец получит по заслугам. А еще о том, что у него сломалось горло... сломалось горло... где она могла такое слышать?..

Впрочем, мысли мисс Трикк быстро сменились, стоило ей спуститься в линотипную. «Сейчас не до злыдня Уиггинса...» Еще бы: ведь она была в одном шаге от того, чтобы разгадать одну из тайн Зои Гримм. В сравнении с этим сейчас все прочее отступало на второй план.

Преодолев непривычно тихий подвал, в котором обычно и печатались тиражи «Сплетни», она повернула ручку на низенькой дверке в его глубине и нырнула в полутемный подземный зал.

Это место в редакции называли «складом растопки», и то правда: почти все пространство здесь занимали старые газеты. Стопки старых выпусков «Сплетни» высились от пола и до потолка, и громадные штабеля из газетных кип уходили вдаль, между ними едва можно было протиснуться. Хоть Полли и провела в этом хранилище довольно много времени, она до сих пор не имела ни малейшего представления о его реальных размерах — кое-кто из редакции поговаривал, что оно простирается под значительной частью площади Неми-Дрё. Полли никогда не заходила в этот газетный лабиринт далеко, но не сомневалась, что это правда.

Прямо у входа стоял заставленный стопками газет стол, где-то там должен был быть и стул.

Полли подошла к столу и несколько раз позвонила в звонок.

Долго ждать ей не пришлось: сутулая фигура мистера Филдса вынырнула из прохода между рядами газетных кип.

— О, моя любимица! — вдохновенно прошамкал беззубым ртом смотритель редакционного архива.

— Добрый вечер, мистер Филдс.

— Решили навестить старика перед праздниками, мисс Трикк? Или этот хмырь в клетчатой бабочке вас снова сюда сослал?

— К сожалению, последнее. — Полли не стала вдаваться в подробности. — Мне нужна ваша помощь, мистер Филдс.

— О, ну конечно, мисс Трикк. Чем могу быть полезен?

Полли достала из кармана пальто письмо Каминника, найденное в доме № 18 на Пыльной площади. Сейчас ее заботил лист с цифрами. Она протянула его старику.

Тот надел на нос пенсне, пробежал глазами список.

— Вам нужны все?

— Да. Вы найдете их?

— Для вас, мисс Трикк, я отыщу каждую.

Он подошел к столу и нажал на педаль под ним. На стоявшем рядом стуле поднялась и накренилась седушка, с нее соскользнула на пол пачка газет.

— Обождите здесь, мисс, я скоро.

Мистер Филдс исчез в проходе между кипами, а Полли опустилась на стул.

Еще там, в комнате Зои Гримм, она с удивлением узнала в том, что любой другой воспринял бы лишь как какую-то числовую белиберду, конторский код, который был в ходу не где-нибудь, а в самой «Сплетне». Каждая строчка содержала как номер определенной

газеты, так и маркировку конкретной статьи в ней. И Полли отправилась напрямик туда, где хранились все выпуски «Сплетни» с самого ее основания.

Почему Человек-в-красном прислал Зои Гримм этот список? Вскоре все должно было проясниться...

Прошло уже почти пятнадцать минут, а мистера Филдса все не было. Полли ерзала на стуле от нетерпения.

Время от времени в подземном зале раздавался гул, и газетные стопки начинали дрожать. Всякий раз, когда это происходило, Полли непроизвольно задирала голову — наверху, на площади, проезжал трамвай. Все остальное время в редакционном архиве было тихо.

Полли думала обо всем, что успело произойти с тех пор, как она сошла с трапа дирижабля «Бреннелинг». Сумасшедший день. Все началось с вора подарков, потом ее затянул поиск Лжекрампуса: «Переплет» и паб «Ворон и Пес», табачная лавка и антресольная квартирка. После чего она отправилась в городской архив и отыскала дом на Пыльной площади. И в итоге проникла в дом злодейки...

Только сейчас, сидя на неудобном стульчике зрителя редакционного архива, Полли поняла, как на самом деле устала и проголодалась — за всеми этими розысками она даже забыла пообедать. «И, кажется, все только начинается...»

Мысли Полли прервало шарканье мистера Филдса. Старик появился из прохода, в руках у него была кипа газет.

— Тут ровно три дюжины номеров из списка, — сказал он.

— О, благодарю вас.

Полли сверилась с письмом Человека-в-красном и отыскала первую заметку. Ею оказался... некролог.

«С прискорбием сообщаем о скоропостижной и безвременной кончине Джона Сессила Дарнби в следствие трагичного несчастного случая. Мистер Дарнби перепутал приправы к супу и вместо специй добавил в блюдо “Мышьячий Мышьяк Мауси”. Если вы хотите выразить соболезнования, это можно сделать, отправив письмо сожаления по адресу: ул. Бромвью, дом № 7»

Полли трижды перечитала заметку. Кто такой этот Дарнби и какое он отношение имеет к Зои Гримм? Ничего не понятно. Быть может, следующая статья чуть рассеет туман?

Следующая статья также оказалась некрологом — в нем сообщалась, что некая миссис Порч скончалась от того, что неосторожно исколола себя швейными иголками.

— Швейные иголки? — удивленно пробормотала Полли.

— Вы собираете материал для статьи о швейной фабрике? — спросил мистер Филдс, с любопытством глядя на нее.

— Не совсем.

По правде, Полли и сама не знала, для чего именно она собирает материал. Было бы неплохо иметь хоть малейшее представление, что именно она ищет.

Следующая заметка ожидаемо также оказалась некрологом. И следующая. И еще одна за ней. Чем больше Полли откладывала проверенных газет, тем сильнее в ней крепло недоумение. Одно «С прискорбием сообщаем...» сменялось другим, номер за номером откладывались в сторону.

«Это все — какая-то несмешная шутка», — думала Полли, читая о том, как одна мисс споткнулась о кота, упала с лестницы и сломала себе шею, или о том, как некий мистер

зачихался до смерти.

Некрологи из списка на первый взгляд ничего не объединяло — разные имена, разные даты, разные части Саквояжного района и даже разные виды смертей. И все же через все заметки тянулась почти незаметная багровая нить — формальная фраза «в следствие трагичного несчастного случая».

— Какая-то эпидемия несчастных случаев, — задумчиво сказала Полли.

— Что? — взволнованно спросил мистер Филдс. — Это заразно?

— Я не уверена...

«Несчастные случаи происходят каждый день», — напомнила себе Полли.

Несчастные случаи, о которых писала «Сплетня» и на первый, и даже на второй, очень пристальный, взгляд казались вполне обыденными. Часть из них, вроде цветочных горшков, падающих на голову, попаданий под экипажи или неумелого обращения с острыми предметами, могли случиться где и когда угодно. Другие («Его зажевала взбунтовавшаяся механическая лестница», «Задушился собственным шарфом», или «Отравилась собственной желчью») казались чуть более странными, но это ведь Габен — здесь порой происходит и не такое.

Перебирая смерть за смертью, переходя от падений к отравлениям, а от пожаров к удушьям Полли чувствовала, что ответ уже очень близко. Но газета за газетой, некролог за некрологом сведения копились и... ни к чему не приводили. Бенни Трилби часто говорил: «Конец ниточки, этой хитрой неуловимой дряни, часто прячется в путанном ворохе, он норовит ускользнуть, затеряться. Нужно просто запустить в этот ворох поглубже пальцы...»

И тут Полли вдруг, неожиданно для себя, ухватила эту своевольную ниточку. Один из некрологов отличался. Это была очередная заметка о скоропостижной кончине: некий мистер Комбс зазевался и попал под трамвай. Но странность заключалась не в самом происшествии, а в том, что в конце некролога стояла отметка «с.п.н.п.» и ссылка на страницу № 5, где размещался раздел городской хроники.

— Любопытно...

— Что именно, мисс?

— «С.п.н.п.» — «События приняли неожиданный поворот».

— Ах, это.

Полли нашла нужную страницу и... никакой статьи, которая была бы как-то связана с заметкой о несчастном случае, там не было. Лишь между статьями «О том, чего ждать с приходом туманного шквала на этой раз» и «Списком средств и приспособлений, которыми следует запастись перед туманным шквалом» сиротливо приютилась едва заметная строчка: «*Уигг., № 8, с.п.н. п заменен*».

Полли досадливо поморщилась: статьи изымали перед печатью нередко. Причин могло быть много: либо она была недостаточно едкой, либо касалась тех, кого касаться не стоит, либо шеф был отчего-то разозлен на автора статьи, или же для нее просто не хватило места.

В том, что статью, связанную с некрологом, заменили, явно проглядывало слишком уж неприятное совпадение, но, прочитав имя, указанное в пометке, Полли мысленно улыбнулась — еще не все потеряно.

Она переписала артикул в блокнот и взяла последнюю газету из списка.

Прочитав напечатанный там некролог, Полли закрыла глаза и потерла переносицу.

— Мисс Трикк, с вами все в порядке? — спросил мистер Филдс. — Что-то не так?

Полли открыла глаза и посмотрела на зрителя редакционного архива.

— Напротив, мистер Филдс. Все так. Все именно так, как и должно быть. Этого стоило ожидать...

...Мистер Уиггинс весь извелся. Он то и дело подходил к окну в печатном зале и проверял, там ли этот Погг?

Погг был там.

«И что с ним не так? У него, разве, нет других дел в новогодний вечер, кроме как караулить честного репортера?»

Судя по всему, дел у хозяина «Мисс Гусыни» не было — кажется, он слишком близко к сердцу принял то, что ему «не повезло» с «Праздничной передовицей». В то время, как он, Уиггинс, сделал все от него зависящее, чтобы письмо толстяка попало в руки шефа. Разве Уиггинс виноват в том, что шеф и сам не промах — и в последствии «выбрал» письмо, которое привез с собой?

Уиггинс своими глазами видел, как господин главный редактор сделал вид, будто достает письмо из кучи, в то время, как сам достал его из кармана.

В поступке шефа не было ничего удивительного, но поразило Уиггинса, чье именно письмо он подбросил. Почему Тилле Беррике? Из всех желающих отправиться на ужин к господину Моргрейву он отчего-то выбрал эту непонятную девчонку...

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, газетчик повернул голову и поморщился.

Эта мерзкая шефовская подлиза мисс Трикк глядела на него, не моргая. Она отчего-то не зашла в печатный зал и осталась стоять на лестнице — как показалось Уиггинсу, она пряталась там.

Мисс Трикк поманила его пальцем.

«Что ей надо?»

Он нехотя отошел от окна и направился к ней, заготовив парочку колкостей. Газетчик не оставлял надежд, что одна из его издевок однажды заставит ее расплакаться и наконец покинуть редакцию навсегда. Как она не возьмет в толк, что редакция — не место для мисс?! К тому же у них с Хатчинсом было пари: тот, кто выживет Полли Трикк из «Сплетни», выиграет шикарный обед у госпожи Примм и заберет себе все «горячие» страницы на целый месяц.

Уиггинс себя не обманывал: издевки, которые он только что придумал, вряд ли заставят мисс Трикк сбежать из редакции, но, может, хотя бы заставят ее разреветься? Это бы подняло его, испорченное гусятником Поггом, настроение.

Покинув печатный зал, он уже раскрыл было рот, чтобы сообщить этой несносной особе о ее курносой бездарности, но она вскинула руку, не дав ему вымолвить и слова.

— Мистер Уиггинс, мне нужна ваша помощь. И учтите, что я тороплюсь, так что предлагаю отложить наши распри на потом.

Он почесал синий от чернил подбородок.

— Что? Помощь?

— Да, для моей статьи.

— Я слышал, вы занимаетесь воришкой подарков. Трилби говорил, что это на время помешает вам путаться под ногами у, — он сделал особое ударение, — настоящих репортеров.

— Да-да, — перебила Полли. — Я тут кое-что искала и наткнулась на вашу статью.

Вернее, на ее упоминание. Пометка, — она сверилась с блокнотом, — «Уигг., № 8, с.п.н. п заменен» в...

— Семнадцатом осеннем выпуске, — скрипнул зубами Уиггинс.

— О, вы помните.

— Разумеется. Это номер накануне туманного шквала. Мою статью завернули, потому что, — он надул губы и сымитировал важный бас шефа: — «Читателей сейчас интересуется только шквал». Как будто все остальные новости не нужно освещать...

На деле Уиггинс помнил об этой статье по другой причине. Некая особа сегодня посетила редакцию и забрала оригинал невышедшей статьи. А он и отдал, ведь она пообещала ему эксклюзив — большое интервью со снеговиком. Уиггинс жалел, что не попросил гарантий, и сейчас ему казалось, что он поторопился и что возможность обскакать Трилби лишила его рассудительности.

Почему мисс Трикк интересуется этой старой статьей? Почему именно сейчас? Что она знает? В какую игру пытается играть?

— Как эта статья связана с воришкой подарков? — спросил он, с подозрением прищурившись.

— Да так, кое-что проверяю, — уклончиво ответила Полли. — Расскажите, о чем в ней говорилось?

Уиггинс с неприступным видом сложил руки на груди.

— С чего вы взяли, что я...

— Мистер Уиггинс, я ведь сказала, что у меня нет на все это времени. Вы ведь хотите, чтобы я оставила вас в покое?

— Кажется, Трилби не рассказал вам, как в «Сплетне» принято просить, чтобы что-то получить.

Полли Трикк усмехнулась.

— Он упустил этот момент. Но я знаю, что вы мне все расскажете.

— Неужели?

— Те дружелюбные господа внизу, мистер Уиггинс, — с многозначительной улыбкой сказала Полли, — у которых вы украли гуся...

— Я его честно заработал!

— Неважно. Так вот, они спрашивали у меня, где вы живете — думаю, они планируют навестить вас дома, но... не перебивайте!.. но я им, разумеется, ничего не сказала и не скажу. И более того, вы ведь хотите встретить Новый год дома, а не в редакции, так? Если вы мне расскажете, о чем была интересующая меня статья, я спущусь вниз и со всем своим сожалением сообщу ожидающим вас господам, что вас здесь нет и что... кхм... вероятно, вы сейчас топчетесь у пирожочной «Патти Пи».

Уиггинс молчал, раздумывая.

— А вы отравили зубки, мисс, — сказал он с проскользнувшим на миг уважением. — Что ж, если вы поможете мне избавиться от... докучливых поклонников, я, так уж и быть...

— Статья, мистер Уиггинс. Что в ней было?

— Да в сущности ничего особенного. Не понимаю, почему все ею так... — он прервал себя, пока не ляпнул лишнего. — В статье говорилось о несчастном случае. Мистер Комбс, подмастерье из шляпного ателье «Шеширс», выпил лишнего в пабе и случайно попал под трамвай.

— Да-да, — нетерпеливо вставила Полли. — Но там ведь стояло «с.п.н. п». Так в чем же

заклучался неожиданный поворот?

— У происшествия — несчастного случая — был свидетель. Десятилетняя дочь пекаря. Девочка утверждала, будто видела, как некий господин в черном пальто, конторском котелке и очках помог мистеру Комбсу... хе-хе... не пропустить свой трамвай.

— Как это «помог»?

— Ну же, мисс Трикк, нельзя же быть такой глупой. По словам девчонки, он толкнул мистера Комбса под трамвай.

— Значит, — глухо сказала Полли, — несчастный случай...

— Был вовсе не несчастным случаем.

До Нового года оставались считанные часы. Давно стемнело, снегопад усилился, но прохожих на улицах Тремпл-Толл, тем не менее, особо не убавилось. Зато Саквояжный район наполнился нервозностью и спешкой. Город в эти часы походил на яркий пестрый балаганчик уличного кукольника, а торопящиеся доделать покупки и завершить все дела перед праздником горожане — на заводные игрушки.

Задворки площади Неми-Дрё Полли нравились: они напоминали ей ее родной Кэттли. На здешних узких улочках кипела простая и незатейливая жизнь, местные не только знали друг друга в лицо или по имени, но были даже в курсе всех соседских внутрисемейных событий. И неудивительно, ведь всего за пять пенсов в окошке миссис Гартхен можно было купить свежую и животрепещущую сплетню.

Лавки, мастерские, клоповьи конторки и крошечные кафе, в которых умещались лишь кофейный варитель да единственный столик, прижимались друг к другу, их вывески стояли тесно и как попало.

Дома по обе стороны Твидовой улицы подходили к путям почти вплотную — так что трамвай мог протиснуться меж ними едва ли не со скрипом. Тротуарчики здесь были шириной всего в пару футов, и даже для тумбы констебля не нашлось места: сигнальные трубы торчали прямо из стены, там же была и крохотная синяя дверка с потускневшей от времени надписью: «*Полиция Габена*». Констебля, само собой, на посту не оказалось.

Полли не обращала внимания ни на дома, ни на вывески. Она ловила обрывки разговоров, вглядывалась в лица. А еще нервно сжимала рукоять «москита» в кармане пальто, когда кто-то из прохожих оказывался слишком близко, и дергалась всякий раз, как где-то громко хлопала дверь.

Она понимала, что это уже паранойя, но от того, что она узнала, волосы дыбом вставали. Сказать, что расследование тайны воришки подарков приняло неожиданный поворот, значит сильно все упростить. У нее с глаз спала пелена — после разговора с Уиггинсом все изменилось.

Человека убили. Это был не несчастный случай. А значит, скорее всего, убили всех из ее списка. Три дюжины некрологов — три дюжины убийств. Заговор опутал весь Тремпл-Толл. И никто даже не догадывается об этом.

Самое жуткое во всем этом было то, что она не знала кто и зачем убивал этих людей: жертв, казалось, абсолютно ничего не связывало. Притом, что между ними определенно была связь.

Мотив... Вот, чего ей не доставало, чтобы понять, что именно происходит. Она

надеялась, что ответ на вопрос «зачем?» подскажет ей «кто?». И что именно причина свяжет между собой всех этих несчастных.

Полли остановилась у шляпного ателье «Шеширс». Окошко в двери светилось — мастер на месте.

Она поднялась по лесенке и толкнула дверь. Звон колокольчика потонул в стрекоте швейной машины.

Пахло воском, канифолью и клеем.

Полки, заставленные шляпами, высились под самый потолок, по левую сторону от входа выстроился целый батальон строгих джентльменских цилиндров и канцелярских котелков всего в двух расцветках: черной и темно-коричневой. По правую руку разместился стеллаж-амфитеатр, на котором стояли болванки-головы в дамских шляпках в двух расхожих в Тремпл-Толл фасонах: «конторки» — похожие на горшки головные уборы с маленькими бортиками; и «шеширки» — среднеполые невысокие модели, крепившиеся к волосам шляпными булавками. После Льотомна и его безумного следования моде с цилиндрами, Полли было непросто привыкнуть к чему-то, что не похоже на обломок водостока. В своей новой вишневой «шеширке» она чувствовала себя едва ли не старухой, но та идеально сочеталась с клетчатым пальто и строгим платьем, а еще идеально сочеталась с толпой. Когда она только прибыла в Габен в своей широкополой синей шляпе «Жужу Мерлен», помнится, все озирались и провожали ее взглядами. Сейчас она старалась избегать досужих взглядов и пристального внимания. Полли проглотила вставший в горле ком: кажется, этот город окончательно переварил ее в тот миг, как она сменила шляпку и стала такой же неприметной и неприглядной, как и прочие дамы в Тремпл-Толл...

Всю заднюю часть ателье занимала мастерская: рулоны твида и фетра, выделанной шерсти и вельвета стояли колоннами у стены, на узеньком двухэтажном верстаке были разложены деревянные колодки и выкройки. Там же разместилось, похожее на маску латунное приспособление для снятия мерок с головы. За горбатой швейной машиной обнаружился и сам мастер-шляпник.

Мистер Кокридж поднял голову от иглы и убрал ногу с педали. Хозяин ателье оказался обладателем вислых мешков под глазами, пышных седых бакенбард, переходящих в подкрученные усы, и механического выдвижного монокля.

— Добрый вечер, мисс. У нас есть шляпки на любой вкус.

— Добрый вечер, сэр, — сказала Полли. — Я к вам не за шляпкой. Меня зовут Полли Трикк, я из «Сплетни».

Старый шляпник наделил ее тяжелым взглядом.

— Что вам нужно?

— Мистер Кокридж, меня к вам послал мистер Уиггинс из газеты, и я...

— Вы пришли из-за бедолаги Джима? — Полли кивнула, и старик с легко читаемым раздражением продолжил:

— Статья мистера Уиггинса так и не вышла. Хотя мне казалось, что он мне поверил. Вы, из «Сплетни», дурите людям головы и водите всех за нос, я не верю газетчикам. Зачем вы пришли? Ковыряться в ранах? Беречь душу старика?

Полли не раз приходилось сталкиваться с предубеждением против работников газеты — что ж, ее коллеги славно потрудились, чтобы им не доверяли.

— Мистер Кокридж, — сказала она, — вы правы: к сожалению, статью мистера Уиггинса завернули, но та статья, над которой я сейчас работаю, точно выйдет.

Шляпник пристально оглядел посетительницу, словно пытался определить, заслуживает ли она доверия. Его взгляд задержался на ее шляпке.

— Я вижу, вы подогнули поле с левой стороны, — сказал он. — Вам кто-то посоветовал так сделать или же это была ваша идея?

Полли смущенно коснулась шляпки.

— Моя. Мне показалось, что так будет лучше. Габенские «шеширки» сами по себе... — она замялась и замолчала.

Старик навис над столом.

— Какие, мисс? Уродливые? Устаревшие? Похожи на футляр для головы?

— Нет, что вы! Я вовсе не...

— Что ж, именно такие они и есть, мисс. Они были в моде в Габене тридцать лет назад и вот, спустя годы, они по-прежнему здесь, будто еще тогда впились в головы своих обладательниц и никак не могут их отпустить. И соперничают лишь с еще более уродливыми «конторками». Дамы в них выглядят нелепо, эти шляпы портят их, превращают их в старух.

— Вы считаете, что было бы лучше, если бы дамы в Тремпл-Толл ходили, — Полли замешкалась, боясь произнести такую грубость вслух, — и вовсе без шляп?

— Да хоть бы и так! — воскликнул старый шляпник. — Уж лучше, чем в «шеширках» или «конторках». Если бы только у нас не было законом запрещено появляться на улице без головного убора.

— Но почему вы не пошьете другую шляпку? — удивилась Полли.

— Тремпл-Толл — весьма консервативное место, — буркнул мистер Кокридж. — Ну да ладно. Отмечу лишь, что вы улучшили вашу «шеширку» — она даже почти-почти не ужасна. Важные дамы еще не свистели вам вслед?

— Не уверена, что свист вслед — это то, как ведут себя важные дамы. Но перешептывания я слышала.

Мистер Кокридж кивнул и, тяжело вздохнув, достал из кармана портсигар.

— Да, я помню: вы пришли говорить не о шляпках, — сказал он. — Что вы хотите узнать? Вряд ли я смогу добавить еще что-то. Я все рассказал мистеру Уиггинсу и нашему констеблю мистеру Шомпи.

Полли достала блокнот и карандаш.

— Вы можете еще раз рассказать, что произошло? Боюсь, у меня очень мало сведений.

Старик опустил голову — было видно, что ему больно все это вспоминать.

— Я и сам ничего не знаю. Мне сказали, что Джим, мой подмастерье, перебрал желудевой настойки и упал на рельсы на улице Бремроук. Трамвайщик его не увидел из-за тумана и... — Мистер Кокридж отвел взгляд. — Славный был парнишка, а какой талант! Он любил шляпное дело и однажды мог стать прекрасным мастером-шляпником. Я думал передать ему ателье после того, как руки не смогут держать иглу.

— Так вы все же считаете, что это был несчастный случай?

Старик был так взбудоражен, что и думать забыл, что собирался закурить папиретку.

— Еще чего! Мистер Уиггинс разве вам не сказал? Какая-то девчушка видела, как беднягу Джима толкнули под трамвай-то. Эх, добратся бы мне до этого ублюдка, я бы ему шляпу прямо к голове пришил...

Полли покивала. Свидетельница, дочь пекаря, уверяла всех, что видела, как мистера Комбса толкнул под трамвай некий господин в пальто, котелке и очках. А после того, что сделал, он просто сел в ожидавший его экипаж и уехал. Но ей почти никто не поверил, и все

списали на бурную детскую фантазию. В любом случае описание предполагаемого убийцы подходило к половине жителей Тремпл-Толл.

— Вы сказали, что мистер Уиггинс поверил вам. В чем именно?

— Джим и капли в рот не брал. Он не мог перебрать настойки. Да и не до того ему было: мы ведь как раз заканчивали «Клякошляпп».

— Простите, что вы заканчивали? Шапокляк?

Мистер Кокридж повернулся к заставленной шляпами стене и принялся убирать головные уборы один за другим. Вскоре взгляду Полли открылась грифельная доска, на которой, помимо нарисованных эскизов и набросков, были закреплены чертежи и схемы, более уместные для какой-нибудь механической мастерской.

Она приблизилась и с удивлением разобрала, что на всех этих рисунках изображена женская шляпка или... что-то очень на нее похожее.

— Наша с Джимом гордость. Мы работали над «Клякошляппом» почти три года.

— Довольно миленькая шляпка, — вежливо сказала Полли.

— Что? — возмутился старик. — Миленькая? Разве вы не видите? Это произведение шляпного и механического искусства!

— М-м-м... простите, не хотела вас обидеть.

Старик еще какое-то время гневно пыхтел, но вскоре его злость сменилась печалью.

— «Клякошляпп» перевернула бы все шляпное дело в Габене, — сказал он. — Прошу прощения за свою грубость, мисс: вы ведь не понимаете, о чем идет речь. Взгляните на эти рисунки. Как думаете, что это за шляпка?

Полли нахмурилась, разглядывая эскизы.

— Это вечерняя дамская шляпка. Довольно... — она бросила на старика быстрый взгляд, — изящная и элегантная. Я бы с радостью такую надела.

И тут Полли поймала себя на мысли, что не солгала — шляпка на рисунках была и правда великолепной: на каком-нибудь светском приеме ее обладательница стала бы центром внимания.

— Вы ошиблись буквально во всем, мисс, кроме того, что с радостью надели бы ее. Это не вечерняя и уж точно не дамская шляпка.

— Вы хотите сказать, что это джентльменский головной убор? Весьма... гм... смело.

— Я разве сказал, что это джентльменская шляпа?

Полли была совсем сбита с толку.

— Я не понимаю...

— «Клякошляпп», мисс, — это шляпа, которая может менять свою форму в зависимости от желаний и нужд своего хозяина. В одно время это может быть мужской котелок, в другое — шляпка для мадам. Утром это может быть строгий конторский головной убор с подогнутыми полями, но вечером он уже становится великолепной широкополой шляпой с цветами и перьями. Он может быть как повседневным городским убором, так и шляпой для путешествий. Встроенные механизмы подстраивают очертания и высоту тульи, изгиб и разлет полей. Помимо формы, «Клякошляпп» меняет и цвет. Вернее, должен был менять. Мы как раз трудились над тканью, когда... когда Джима убили.

Полли слушала старика, округлив глаза. «Клякошляпп» и правда был чем-то невероятным. Но также он навел ее на довольно мрачную мысль.

— Вы сказали, — начала она осторожно, — что ваше изобретение перевернуло бы все шляпное дело в Габене. Вы скажу предположение, что другие шляпники в Тремпл-Толл были

бы недовольны, если бы вам удалось доделать «Клякошляпп».

Мистер Кокридж покачал головой и принялся возвращать шляпы на место.

— Я понимаю, к чему вы клоните, мисс. Вы полагаете, что Джима убили, чтобы помешать нам доделать «Клякошляпп», и я, признаюсь, много думал об этом. Но дело в том, что никто не знал о нашем изобретении, мы держали его в тайне.

— И никто не мог о нем узнать?

— Это исключено. Мы боялись, что наши наработки украдут, и работали в строжайшем секрете. К тому же Джима не было смысла убивать. Я бы все сделал и сам. Намного позже, но сделал бы. Хотя поначалу я тоже думал, что все дело в «Клякошляппе», ведь несчастье произошло сразу, как Джим все понял.

— Что именно он понял?

— Он написал мне незадолго перед трагедией. — Шляпник открыл книгу учета и достал из нее листок бумаги, передал его Полли.

«Я нашел! Мастер, я знаю, что нам делать с тканью! Мы все это время ошибались!»

Полли подняла взгляд на шляпника.

— Он так и не успел вам сообщить, что узнал?

Мистер Кокридж покачал головой.

— Он спешил сюда, чтобы все мне рассказать, но... — на глаза старика навернулись слезы.

— И никто, совершенно никто, не знал, чем вы занимаетесь?

— Никто! Я ведь уже сказал!

Полли кивнула, хотя ее не отпускала уверенность, что кто-то все же прознал о «Клякошляппе». И тем не менее, несмотря на кажущийся вполне логичным мотив, он никак не объяснял наличие остальных жертв.

Полли перевернула несколько страниц в блокноте и сказала:

— Мистер Кокридж, я сейчас назову вам имена некоторых джентльменов и дам. Прошу вас, если узнаете кого-то из них, скажите.

Полли озвучила весь список, но старик никак не отреагировал ни на одно из имен.

— Я никого из этих людей не знаю. Какое они имеют отношение к бедолаге Джиму?

— Это я и пытаюсь выяснить.

Старик выхватил у нее из руки записку и вернул ее в книгу.

— Вы разбередили мои раны, мисс, — сказал он и принялся демонстративно менять катушку ниток на швейной машинке. — Я больше ничего не знаю. Проклятье! Джима не стало осенью, почему в газете и в банке вдруг заинтересовались им сегодня? Вам нужно какие-то отчеты закрывать перед Новым годом? Злобные бессердечные пиявки, вы являетесь ко мне, расспрашиваете про Джима, как будто вам есть до него какое-то дело.

— Нет, сэр, у меня и в мыслях не было и... — Полли вдруг замолчала. — Что? При чем здесь банк?

— Вам виднее при чем! Ко мне приходила мисс из банка, допытывалась про Джима и про мою ссуду!

— Вашу ссуду?

— Мою ссуду, которую я взял, чтобы сделать «Клокошляпп».

— Значит, вы безнадега?

— Ненавижу это слово! Но да, я — треклятый безнадёга, который ещё осенью мог выплатить все банку до последнего пенса и вырваться наконец из их клейких щупалец, если бы только я доделал «Клокошляпп». Мое изобретение стало бы самой востребованной шляпой в городе, я бы раз и навсегда избавился от этих пиявок с Площади...

Полли стиснула зубы.

— Мистер Кокридж, последний вопрос: как выглядела мисс из банка, которая к вам приходила?

Старик досадливо поморщился.

— Весьма странная особа. Не знал, что служащим банка можно носить полосатые чулки и...

— Красные пелерины с белой оторочкой, — закончила Полли.

— Вы ее знаете?

Полли спрятала блокнот в карман пальто, и ее пальцы нечаянно коснулись рукоятки «москита».

— О, я давно ее знаю, — сказала она. — С самого ее детства.

Капсула пневматической почты отбыла с центральной станции на Чемоданной площади и двинулась в сторону канала Брилли-Моу. Это была ничем с виду не примечательная капсула: одна из сотен, что сейчас курсировали по всему городу. Вот только, в отличие от прочих, она не содержала новогоднего поздравления или добрых праздничных пожеланий — ее содержимое грозило городу неприятностями, хоть город об этом пока еще и не знал.

Стылый берег Брилли-Моу выглядел пустынным и вымершим, и свет теплился лишь в окнах тонущей в снегу узловой станции «Керосинный маяк». Пересыльные трубы вращались в здании станции, а выбравшись с другой ее стороны, сворачивали и шли вдоль берега канала, после чего возвращались в Тремпл-Толл — пневмопочтовое соединение с простирающимся за каналом Фли было прервано много лет назад.

Чем ближе стрелки часов подбирались к полуночи, тем больше капсул прибывало на «Керосинный маяк» и затем перенаправлялось по адресатам. Дюжина пересыльщиков в форменных фартуках, перчатках и кепи носились между патрубками, как угорелые. Новый год — худшее время в работе Пересыльного ведомства — ни секунды свободной нет. Все без исключения служащие станции «Керосинный маяк» ждали лишь того момента, когда за полчаса до полуночи начальство объявит остановку сообщений, кроме экстренных, и позволит работягам откупорить бутылочку ежевичной настойки и включить радиофор, по которому как раз должна звучать самая интересная часть «Мешка Крампуса». Ну а пока капсулы, капсулы, капсулы...

Работа шла гладко, пока за два с половиной часа до полуночи на станцию не прибыла одна из капсул, которые служащие Ведомства называли «хлопотниками».

Пересыльщик, доставший ее из трубы, прочитал адрес на ярлычке и недоуменно почесал затылок. По всему выходило, что «Керосинный маяк» был конечной точкой, но в конце стоял какой-то непонятный цифровой код. А это значило, что путь небольшого полированного цилиндрика должен продолжиться. Вот только куда его отправлять?

— Как это все не вовремя... — пробормотал пересыльщик и передал капсулу мистеру Друри.

Начальник станции сверился с Большой Книгой Адресных Кодов и, не найдя того, что был указан на ярлычке, к облегчению подчиненных, избавил и себя, и их от излишней возни — он просто-напросто положил капсулу в ящик «Ошибочных Адресатов». И храниться ей там, пока не востребуют...

О капсуле быстро забыли — в Новогодний вечер ни времени, ни желания разбираться с ней не было: процедура соблюдена — и ладно.

Когда все вернулись к работе, один из служащих станции, самый тихий и незаметный пересыльщик, выждал момент и подошел к ящику «Ошибочных Адресатов». Он быстро достал капсулу и направился с нею в зал пересылки. Остановившись у батареи патрубков, он выбрал седьмой сверху и тринадцатый слева проем и, оглядевшись по сторонам, засунул в него капсулу. Та исчезла с легким хлопком, будто проглоченная голодным медным горлом.

Никто ничего словно бы и не заметил. Более того — прежде о наличии этой трубы на станции никто не знал. Она будто просто однажды появилась там, спрятавшись среди десятков таких же труб.

Капсула с таинственным кодом-припиской на ярлычке меж тем продолжила свой путь.

Труба, по которой она шла, в какой-то момент ответвилась от прочих, нырнула вниз, со стены станции, после чего, прячась под горами мусора (трухлявыми ящиками, гнилыми бочками и плесневелыми рваными сетями для ловли рыбы), поползла через берег к заснеженной глади канала. Там она нырнула под воду и ушла на глубину.

Оканчивалась труба примерно в сотне ярдов от берега, вращаясь в проклепаный борт небольшой, едва слышно рокочущей субмарины.

Крошечный аппарат отдаленно походил на бронзовую рыбу с горбом рубки, глазами-иллюминаторами и хвостовыми рулями-плавниками. Несмотря на то, что кругом была ледяная вода, внутри было жарко — мутным облаком в брюхе субмарины висел пар.

За штурвалом, развалившись в штурманском кресле, сидел пухлый мужчина средних лет в клетчатом костюме, багровый, как уголек в печке, с нечесаными рыжими бакенбардами и бутылкой «Шордич-Нордич» в руке. От него разило табаком «Гордость Гротода», который его спутница называла просто и емко «Зловонь» и ни за что — ни при каких условиях! — не позволяла курить на борту.

Прибытие почтовой капсулы ознаменовалось пронзительным визгом, пару раз мигнул свет.

— Мэм, пришло послание, — проскрежетал обладатель рыжих бакенбард, после чего открутив крышку на почтовом патрубке, извлек из него капсулу, а из капсулы — конверт.

— Я слышу и вижу, мистер Бэббит, — отозвалась молодая женщина, сидевшая на вращающемся стуле у большого обзорного иллюминатора в средней части борта. В руках она держала свежий выпуск «Романа-с-продолжением», главный герой которого, путешественник и исследователь мистер Суон собирался просто и без затей отметить Новый год в ресторане гостиницы в Бернау, но из-за череды невероятных совпадений и козней роковой красотики оказался в логове похитителей душ.

Мистер Бэббит вздохнул: мадам напрасно пыталась его обмануть, ведь очевидно, что журнал она взяла лишь для того, чтобы он своими попытками завести разговор не отвлекал ее от каких-то мрачных мыслей.

— Мэм, вы уверены, что сейчас подходящее время для...

— Конверт, мистер Бэббит!

Спутница протянула руку, и мистер Бэббит нехотя вручил ей конверт. Не теряя времени,

она вскрыла его, развернула письмо и прочитала вслух:

«Мэм!

У меня для вас известия невероятной срочности! Около часа назад в редакцию пришло письмо от Зои Гримм, адресованное лично вам! Мне удалось перехватить его, пока оно не попало на стол господина редактора. Думаю, я смогу придержать его, чтобы выиграть для вас немного времени, но, боюсь, долго хранить в тайне у меня его не получится: коллеги уже что-то вынюхивают.

Текст письма (без изменений) прилагаю:

“Ну привет, мисс Фея! Или мисс Зубная Фея? (Не уверена, как правильно к тебе обращаться).

Мы с тобой пока не знакомы, но ты обо мне, конечно же, слышала. Полагаю, в это самое время ты уже встала на мой след (как тебе кажется) и вовсю ищешь меня, пытаешься разгадать, каков будет мой следующий шаг.

Я могла бы просто продолжать заниматься своими великолепными делами, могла бы путать следы. Мне ничего не стоит обвести вокруг пальца тебя так же, как я обвожу вокруг пальца этих недоумков-полицейских.

Но это было бы так просто и СКУЧНО!!! А между тем у меня большие планы на Новогодний вечер, если ты понимаешь, о чем я. Разумеется, я о своем новом деле, которое будет таким громким, что от него оглохнет вся Саквояжня! Это будет весело! Это будет незабываемо! Это будет восхитительно!

Ну что, невероятная и грозная Зубная Фея? Думаешь, ты сможешь мне помешать? Думаешь, у тебя выйдет забрать мои зубы? Как бы не так! Скорее в завтрашнем номере “Сплетни” выйдет статья о том, как Зои Гримм ловко обвела вокруг пальца мисс задаваку с крылышками! Однажды я уже поймала зубную фею, которая явилась за моим зубом, пора оттаскать за нос и ее сестренку.

Отыщи меня, если не боишься. Я дам тебе подсказку, где меня искать — проверим, насколько ты умна, Зубная Фея.

Загадка: “Я визжала, я редела, но меня задушили. Мой страшный голос заставлял мышей забиваться в норы. Я — модница, которая носит синее. Я живу там, где тянется нить, что связывает блоху с саквояжем”.

С любовью и всякой мерзостью,
Зои Гримм”

Мэм, как вы можете понять по тону письма, эта женщина безумна и непредсказуема. Она хочет, чтобы вы нашли ее. Или же заманивает вас в ловушку? Неужели она полагает, что вы очертя голову броситесь разгадывать ее загадки? Быть может, не стоит потакать ей? Не в праве вам советовать, как поступать, и лишь выражаю робкие надежды на ваш успех и на эксклюзив о поимке злодейки, если все пройдет как надо.

Б. Т.»

Зубная Фея поднялась на ноги и, пригнув голову, чтобы не стукнуться о низко

проходящие трубы и торчащие из них вентиля, подошла к мистеру Бэббиту и села в соседнее кресло.

— Пора, — сказала она, переключив на панели управления несколько тумблеров и потянув длинный рычаг с круглой ручкой.

Приборная панель подсветилась рыжими и багровыми огоньками.

Зубная Фея запустила прожектора, и те, несколько раз мигнув, осветили то жуткое и зловещее место, в котором скрывалась субмарина: кругом был подводный лабиринт из ржавых балок, торчащих из ила механизмов и даже затонувших судов. Дно канала Брилли-Моу представляло собой настоящую свалку рухляди.

— Мистер Бэббит, отстыкуйтесь от трубы — мы отчаливаем.

Ее спутник кряхтя отстыковался сперва от бутылки, отставив ее в сторону, после чего схватился за вентиль и, несколько раз крутанув его, отсоединил субмарину от почтовой трубы. Толкнув рычаг у основания кресла, он запустил двигатели, и подводная лодка, качнувшись, медленно поплыла к середине канала.

— Мэм, я переключил на вас, — сообщил мистер Бэббит, и его спутница взялась за штурвал.

Субмарина развернулась и медленно двинулась на север, в сторону Хриплого моста. Зубная Фея ловко маневрировала, находя путь, несмотря на ужасную видимость и торчащие со всех сторон обломки балок, крючья и натянутые цепи.

Мистер Бэббит снова взялся за «Шордич-Нордич», отхлебнул из бутылки и поморщился. Только он умел морщиться шумно: его лицо издало шуршаще-скрипящий звук.

— Что такое, мистер Бэббит? — спросила Зубная Фея, не поворачивая головы, — все ее внимание сейчас занимало то, что находилось за носовым иллюминатором.

— Я так понимаю, мы сейчас... э-э-э... откладываем поиск той неведомой твари, что завелась в канале?

В голосе пьяницы-штурмана читалось явное облегчение: прозябать под водой, когда рядом плавает какое-то жуткое существо, уже утащившее с берега со стороны Саквояжни несколько человек, ему было не особо в радость. Хорошо хоть мадам разрешила взять с собой выпивку (хотя, по правде, ей пока просто не удавалось победить его пагубное пристрастие).

— Мистер Бэббит, — сказала Зубная Фея, — разве вы не поняли, что целью погружения было именно это письмо от Б.Т.?

— Но ведь вы сказали Партриджу, что... а как же тварь из канала?

Зубная Фея вздохнула: несмотря на то, что Бэббит был гением во всем, что касалось пружин и шестеренок, порой своими наивностью и недогадливостью он походил на ребенка.

— Все верно: именно так я ему и сказала. Сейчас мне не до его нравоучений и насмешек.

Мистер Бэббит округлил глаза.

— Вы обманули Партриджа?

— Мне не нужно, чтобы он мешал мне в охоте на Зои Гримм. Как думаете, что он бы сейчас сказал? Да он бы просто запретил мне разгадывать ее загадку и изрек нечто вроде: «Вы не должны играть в игры злодеев, мисс Трикк. Это злодеи должны играть в ваши игры...»

Механик горячо закивал.

— И он был бы прав. Партридж...

Зубная Фея раздраженно перебила:

— Всегда прав, да, я знаю. И тем не менее у меня сейчас нет ни малейшего желания слушать его нескончаемое ворчание. Так что пусть Партридж думает, будто мы сейчас разыскиваем тварь из канала. У него ведь... кхм... аллергия на тварей — вот пусть и сидит в своем этом гадком пабе.

Мистер Бэббит осуждающе покачал головой.

— Значит, вы все-таки решили разгадывать загадку Зои Гримм?

— Да, чтобы разгадать главную загадку «Что задумала мисс Гримм?» мне придется вступить в ее игру.

Механик взял с приборной доски письмо и перечитал загадку:

— *«Я визжала, я редела, но меня задушили. Мой страшный голос заставлял мышей забиваться в норы. Я — модница, которая носит синее. Я живу там, где тянется нить, что связывает блоху с саквояжем».* Не представляю, что это может значить. Никогда не был силен в разгадывании ребусов.

Зубная Фея улыбнулась.

— Ну, что вы, мистер Бэббит. Здесь же все так просто. *«Нить, что связывает блоху с саквояжем».* Блоха — это, несомненно, Блошиный район Фли, а саквояж...

— Саквояжный район Тремпл-Толл, — закончил механик. — И тогда нить, что их связывает, — это...

— Да-да.

Механик нахмурил кустистые брови.

— Зои Гримм, — пробурчал он. — Вам не кажется, что вы ее переоцениваете?

Спутница какое-то время не отвечала, не сводя глаз с иллюминатора, и мистер Бэббит кашлянул.

— Мэм?

Зубная Фея подняла руку и потянула к себе рукоятку на гармошечном механизме. Так называемое «веко» (верхняя шторка носового иллюминатора) поднялось, увеличивая обзор.

— Дело уже не только в Зои Гримм, — сказала женщина за штурвалом, — сколько в том, во что она замешана. Кто-то пытается скрыть убийства, выдавая их за несчастные случаи. Я должна выяснить, кто, и остановить его.

— Мистер Несчастный Случай!

Полли бросила на механика удивленный взгляд.

— Что еще за Мистер Несчастный Случай?

— Эм-м... все время забываю, что вы не из Габена, мэм. Здесь у детей есть стишок про некоего господина, с появлением которого тут и там начинают происходить различные несчастья. Хоть убейте, не припомню ни строчки, но, думаю, вы и так поняли, о чем я.

Зубная Фея кивнула и сказала:

— Думаю, что сейчас в Габене завелся такой вот Мистер Несчастный Случай. Причем если судить по датам номеров «Сплетни» из списка, действует он уже больше пятнадцати лет.

— Это очень жутко, если задуматься. — Мистер Бэббит сделал для храбрости глоток из бутылки и вытер губы рукавом пиджака. — Вы нашли связь между жертвами? Она вообще есть?

Зубная Фея переключила пару тумблеров, повернула на бок штурвал, и субмарина, чуть накренившись на левый борт, проползла между балками ржавой фермы обрушенного в канал

моста.

— Как бы улики, или, скорее, их отсутствие ни пытались меня убедить, что жертвы выбраны случайно и что убийца — это сумасшедший маньяк, который расправляется с людьми без какого-либо порядка или плана, все же связь есть. Я почти-почти разобрала в этом ворохе имеющихся сведений нужную ниточку... Та самая связь между жертвами так близко...

— Но какое ко всему этому имеет отношение Зои Гримм? Вы ведь не думаете, что убийца — это она?

— Разумеется, нет, мистер Бэббит. Некролог ее отца в списке. Зои Гримм делает ровно то же, что и я — пытается разобраться во всем. Она приходила к Уиггинсу — этот хитрый щелкопер думал, что я не сопоставлю его оговорки с сегодняшним появлением Зои Гримм в редакции. Ну а после разговора с шляпником мистером Кокриджем, все встало на свои места: Зои Гримм пытается дознаться до правды о том, кто и почему убил ее отца. Или же...

— Она уже знает правду и просто ищет подтверждение, — закончил за нее механик.

Зубная Фея провела субмарину над холмом из битого стекла.

— Мне не дает покоя, мистер Бэббит, откуда у нее взялся этот список.

— Его ведь прислал ей Человек-в-красном...

— Человека-в-красном не существует. Думала, уж вы-то не так наивны, как прочие. В любом случае кто-то все же его ей прислал. Но вот кто?

Ответа у Зубной Феи не было.

— Что общего у подмастерья шляпника и у профессора-монстролога? — задумчиво проговорила она. — Кроме того, что их некрологи помещены в один список?

— Я так понимаю, вы решили узнать об этом напрямую у Зои Гримм?

— Как схвачу ее, поинтересуюсь первым же делом. Спасибо нашему другу с площади Неми-Дрё — теперь я знаю, где ее искать.

Мистер Бэббит презрительно скривился.

— Вы очень напрасно доверяете этому типу. Более скользкого и изворотливого пройдоху еще поискать. Вдруг он водит нас за нос...

Девушка за штурвалом усмехнулась и наградила помощника каверзным взглядом.

— Ну, он не осмелился бы водить за нос саму Зубную Фею. Думаю, он очень любит свои зубки и не хотел бы с ними расстаться.

Внимание Зубной Феи привлек мигнувший на миг впереди навигационный подводный бакен по левому борту (старая система местами исправно работала спустя годы после обветшания канала).

— Покидаем Керосинную заводь, — сообщила она и продолжила начатый ее штурманом разговор: — Вы ведь знаете, мистер Бэббит, зачем Б.Т. нам помогать, не так ли? Я имею в виду, в чем его выгода. Мы с вами буквально создаем те истории, о которых он пишет. Не думаю, что он смог бы отказаться от такого выгодного для него сотрудничества. Помимо прочего, напомню вам, что за все время он ни разу нас не подвел.

— Вы правы, мэм, ни разу не подвел. Пока. — Механик пристально поглядел на спутницу. — Вижу, вы приободрились... Не люблю, когда вы начинаете грустить — меланхолия вам не к лицу. Еще и накануне праздника. Признаюсь, я-то уже начал думать, что вы собрались встречать Новый год здесь, на дне канала вместе со старым бездарем Бэббитом.

Зубная Фея покачала головой и потянула на себя штурвал, при этом переключив два

спаренных рычажка на панели слева — горизонтальные рули наклонились, а балластные цистерны тут же приспустили воду. Субмарина начала подъем.

— Мы рядом с Хриплым мостом, — сказала Зубная Фея, бросив на помощника теплый взгляд: она любила этого гениального рыжего пьяницу, будто родного дядюшку — он был отчаянным добряком. — Вы зря наговариваете на себя, мистер Бэббит: я не встречала более талантливого механика и изобретателя. И ваша компания мне по душе. Я думала, как все закончится, найти Партриджа и...

— О, только не он! — возопил механик и гневно потряс бутылкой.

— Вы что, снова повздорили? — строго спросила Зубная Фея.

— Не то, чтобы, — потупил глаза мистер Бэббит. — Просто после обеда мы с ним как обычно сыграли и...

— Проклятье, мистер Бэббит! — воскликнула Зубная Фея. — Вы сделали это снова забыв, что Партриджа невозможно переиграть?

— Азарт, мэм, — грустно отхлебнул из бутылки мистер Бэббит. — Не могу с собой совладать, когда вижу его высокомерную рожу и эту кривую улыбочку. Он постоянно находит способ поддеть меня на крючок. Но вы что, и правда, собирались отмечать Новый год здесь, в этой консервной банке? Такая молодая и красивая мисс, как вы, не должна прозябать в обществе двух старых пьяниц!

Зубная Фея ничего не ответила, сделав вид, будто ее заинтересовала окончательность ржавой балки в воде и обвинившее ее... щупальце? Может быть, это та самая тварь, о которой все говорят?

Мистер Бэббит между тем не собирался закрывать неудобную для спутницы тему — тактичность была для него незнакомым понятием:

— А как же ваши доктор и мальчик? — спросил он, лукаво прищурившись.

— Они не желают меня видеть, — холодным пустым голосом проговорила Зубная Фея. — К тому же там теперь живет эта карга Клохенбах. Мерзкая злобная дрянь, ненавижу ее всем сердцем...

— Так я и думал, — сочувственно и с тем осуждающе проговорил мистер Бэббит. — Вы собирались выпить со мной и с Партриджем в каком-нибудь пабе в Гари, а потом снова пойти в переулочек Трокар и смотреть на них через окно?

Женщина сжала зубы; глаза предательски намокли. Она отвернулась, чтобы механик не видел ее слабости, и проскрипела:

— *«Грозная мстительница в маске, которая спасает людей в городе от ужасной участи и борется со злодеями, не может спасти себя саму и победить простую экономку!»* Превосходный заголовок для Б.Т. готов, осталось отправить в печать...

— Не отчаивайтесь, мэм, — мистер Бэббит протянул Зубной Фее свою бутылку, и та, поморщившись, немного отхлебнула. — Вы преодолеете это, и к тому же у вас есть я. У вас есть этот хитрый жук Партридж. У вас есть Зои Гримм, которую нужно схватить и передать в руки полиции. — Механик вдруг расхохотался, и Зубная Фея с недоумением на него уставилась. — Знаете, о чем я вдруг подумал, мэм? А ведь это подпортит фликам праздничное настроение! Это сколько же бумажек заполнять в связи с поимкой злодейки и ее снеговиков — такое дело уж точно вытащит из постели этих двух злыдней: старшего сержанта Гоббина и склочного судью Сомма...

Мысль о хмурых, раздраженных констеблях, которых оторвали от кружки «Синего зайца» накануне праздника, и озябшем без своего одеяла судье в одних панталонах и ночном

колпаке немного развеселила Зубную Фею.

— Вы правы, мистер Бэббит, сотню раз правы! — воскликнула она. — Нет времени предаваться печали. Я должна схватить Зою Гримм и вывести Мистера Несчастный Случай на чистую воду. Нужно сосредоточиться на этом.

Она увидела в черной воде впереди еще один огонек.

— Мы рядом с Рельсгафтом, мост Гвоздарей. Мистер Бэббит, поднимите нас на перископную глубину.

Зубная Фея передала управление штурману, а сама поднялась из кресла и двинулась к кормовой части отсека. Сняла с крюка на борту кофр-ранец и, отворив в нем боковую крышку, принялась цилиндр за цилиндром заправлять внутрь химвапитку. Несколько раз щелкнула тумблером, проверив зажигание.

Удостоверившись, что механизмы работают исправно, Зубная Фея повернулась к мистеру Бэббиту: тот взялся за ручки перископа и приставил глаза к окулярам.

— Проходим мост Гвоздарей. Все чисто, мэм: берег пуст и темен.

— Всплываем — пора добавить несколько новых зубов в коллекцию.

Мистер Бэббит кивнул, его руки замельтешили у рычагов. Зубная Фея надела кофр-ранец и туго затянув пояс, закрепила пряжки ременной разгрузки. После чего зарядила дюжиной пуль-ампул «москит» — именно благодаря этому небольшому пистолету она и получила свое прозвище: каждый выстрел из него мог лишить человека всех его зубов.

— Десять футов до поверхности... девять, восемь, семь и...

Субмарина качнулась, лампочки мигнули, загудели, казалось, все имевшиеся на борту трубы.

— Мы на поверхности. — Мистер Бэббит почесал бакенбарды. — Будьте осторожны, мэм, и, сделайте одолжение: не пытайтесь покончить с собой! Не забывайте, что снег усилился, следите за ветром. Помните: тяга на восемь делений, а угол на двадцать четыре — не наоборот! Я поменял клапаны, и новые еще не успели прижиться... будьте внимательны.

— О, я буду, — усмехнулась Зубная Фея, опустив на глаза лётные очки. Она приставила два пальца к шлему, прощаясь, и поползла по скоб-трапу в рубку.

Оказавшись наверху, она толкнула рычаг. В движение пришли цепи, запоры отодвинулись. Зубная Фея откинула крышку и выбралась из люка.

В первое же мгновение ветер облизал ее губы, как пес, радующийся возвращению хозяйки. Снег действительно усилился: он шел почти сплошной стеной. Канал походил на громадный заснеженный пустырь, а рубка всплывшей субмарины напоминала одинокий островок посреди белоснежной глади. На берегу по левому борту, там, где располагался Тремпл-Толл, горели огни, другой берег, принадлежавший Фли, чернел.

Зубная Фея закрыла крышку люка и приставила над очками ладонь козырьком, пытаясь увидеть вдаль мост Ржавых Скрепок, но смогла разобрать лишь несколько огоньков над каналом — харчевня «Подметка Труффо»...

— Ну что ж, поиграем, Зою Гримм!

Зубная Фея переключила рычажок на боку кофр-ранца — из его днища выдвинулись две обтянутые ремнями рукоятки манипуляторов. Схватив их, она с силой сжала пружинные рукоятки. В тот же миг из ранца с лязгом и звоном выдвинулись и развернулись большие механические крылья.

Пару раз стукнувшись каблуком по крышке рубки субмарины, Зубная Фея присела, а затем резко распрямилась и подпрыгнула. Крылья заработали, подхватили мстительницу в маске и

понесли ее в сторону почти сожранного снегопадом моста Ржавых Скрепок.

Наблюдавший за ней с берега в подзорную трубу человек удовлетворенно кивнул. Все шло, как и запланировано, все шло, как и задумано...

Глава 12. Канцелярское злодейство

За день до описываемых событий. 36 с половиной часов до Нового года.

Похожий на толстого и невероятно старого серого кита, дирижабль «Воблиш» отчаливал. Огни в центре площади загорелись красным. Когда лебедки в дюжине стационарных тумб пришли в движение, швартовочные тросы-гайдропы стали разматываться, и «Воблиш» медленно пополз вверх.

Его оболочка во время стоянки успела покрыться снегом, и сейчас белое покрывало трещало, разламывалось и облетало с нее комьями. Командир причальной команды, в одной руке державший зонт, высоко поднял фонарь с двумя лампами — несколько раз теплым рыжим светом мигнула верхняя, оповещая стационарную рубку и господина старшего диспетчера о том, что наземная команда свою часть работы почти выполнила.

Прожектор над окном диспетчерской башни мигнул в ответ, давая приказ к расцепке.

Командир причальной команды переключил фонарь, и синим светом загорелась нижняя лампа. Мигнула, погасла, мигнула, погасла...

В тот же миг причальщики у тумб синхронно толкнули рычаги, и замки на гайдропах расцепились.

С «Воблиша» раздался гудок, и экипаж судна втянул освобожденные тросы через ключозы.

Дирижабль поравнялся с четвертыми и пятыми этажами выходящих на площадь Неми-Дрё домов.

Роберт Томмс, человек с лицом полуразбуженного сомнамбулиста, стоял у большого круглого окна и глядел на улетающий «Воблиш» с тоской. Он неимоверно хотел оказаться на борту, сесть в кресло у иллюминатора и, задернув шторы, улететь из Тремпл-Толл, чтобы никогда сюда не возвращаться. Он хотел сбежать, но просто не мог этого сделать.

«Воблиш» поднялся в небо над площадью и пополз на запад, в сторону Сонн. Вскоре он исчез из виду, и мистер Томмс с горечью и разочарованием, какие бывают только при возвращении из мечтаний в промокшие в луже туфли понурой реальности, отвернулся от окна.

Часы ударили половину шестого, и мистер Томмс вздрогнул, бросив на них взгляд: рядом с основным циферблатом разместился второй, служебный, на котором стояли отметки: «Время ланча», «Прибыль», «Увольнение бездарей», «Жестокая кара», «Второй ланч», «Шпилька биржевикам», «Подлизаться к Ней», «Третий ланч», «Устроить выволочку подчиненным», «Послеобеденный сон», «Травля» и «Время пирожных». Сейчас единственная стрелка на нем замерла между отметками «Увольнение бездарей» и «Жестокая кара».

Пытаясь унять лихорадочное сердцебиение, мистер Томмс вернулся к огромному столу красного дерева и опустился на самый краешек неудобного кресла для посетителей: кресло за столом отсутствовало, но, даже если бы оно стояло на своем месте, Роберт Томмс ни за что не решился бы в него сесть — он слишком боялся хозяина кабинета.

В этом мрачном помещении мистер Томмс чувствовал себя очень неуютно и неуместно. Под ногами был дорогуший бордовый ковер, ступать на который казалось кощунством. Обитые красным деревом стены давили, словно с внешних сторон в них упирались винты,

медленно, но неотвратно сдвигающие стены друг к другу. Постоянным жильцом в кабинете был сигарный дым — он не желал рассеиваться месяцами, и его бурые клубы висели под потолком да по углам. Дорогой (но от того не менее зловонный) табак «Ротшильдсс» походил на старшего, успешного, брата самого дешевого и отвратного табака «Гордость Гротода», дымные облака от которого порой приходилось разрывать клещами.

Но хуже всего были портреты. Ими были завешаны почти все стены и на них были изображены злобные и коварные люди: хозяин банка Сесил Ригсберг, госпожа управляющая, господин судья Сомм, парочка самых богатых и влиятельных фабрикантов из Гари, господин главный врач Больницы Странных Болезней, хозяин биржи господин Фоггвилл и хозяйка ресторана с Чемоданной площади Пенелопа Примм. Но самый большой портрет — в полный рост — принадлежал хозяину кабинета.

Мистер Томмс боялся всех этих людей на картинах — ему казалось, что эти важные джентльмены и дамы, изображенные на них, глядят ему прямо в душу, выискивая в ней крохи слабости, чтобы после извлечь свою выгоду. Под их презрительными прищуренными взглядами он ощущал себя жалким ничтожеством, которым, как он и сам признавал, он и являлся.

Хотелось вскочить на ноги, хлопнуть дверью и броситься прочь по коридору, но он не смел. Его вызвали, а значит, нужно подавить дрожь в коленях, не обращать внимания на легкое головокружение и стараться не думать про бездонную пустоту в животе. Нужно ждать и не терять самообладания.

В руках мистер Томмс сжимал толстую, как «Словарь конторских и бюрократических терминов для ценителей и почитателей канцелярского слога и длиннот» и тяжеленную, как сердце самого мистера Томмса, расчетную книгу под названием, которое он старался произносить вслух как можно реже и за которое, он был уверен, он заслуживал порицания и всеобщей ненависти.

Вызвали его, без сомнения, именно из-за того, что что-то в этой книге хозяину кабинета не понравилось.

Решив кое-что уточнить, пока есть время, мистер Томмс открыл книгу, сверился с отчетной таблицей, нашел нужную запись и многократно обведенную кружочком цифру под косой чертой итога. Цифра в кружочке не давала ему спать по ночам — это был его личный вклад в горе и отчаяние, в котором ворочался город.

«Просто шикарная цифра, Томмс! — хвалили его коллеги по третьему этажу. — Ты настоящий мастер! Мастер отравитель жизней!»

Слушая это, он улыбался и отшучивался — не мог же он сказать этим черствым, бездушным людям, что он ненавидит эту цифру и себя заодно? Нет, он пытался прикинуться таким же, как и они, и более того — еще более черствым и бездушным. Отдел, в котором он служил, обязывал.

Мистер Томмс поддел пальцем закладку-бирку с отметкой «Итог года. Список № 34» (прошлогоднюю) и перелистал до нее. Глянул в низ страницы: цифра в кружочке под косой чертой ничем не отличалась от нынешней.

— Видимо, этого недостаточно, — пробормотал он. — Теперь ясно, отчего он так зол... Наверное, заставит меня найти еще одного. Но как мне успеть?! Что же делать?

Ответить на этот вопрос мистер Томмс не успел. Из-за стены раздался столь хорошо знакомый ему скрежет, который являлся ему в кошмарах в редкие моменты забытья и сейчас вызвал у него ноющую зубную боль.

Томмс захлопнул книгу и вскочил на ноги.

Почти в тот же миг портрет хозяина кабинета отъехал в сторону на скрытом механизме, открывая чернеющее нутро потайного хода. Из него, покачиваясь, выехало огромное кожаное кресло, в котором, закинув ногу на ногу, с удобством разместился хозяин кабинета собственной самодовольной персоной.

Мистер Томмс дернул рукой, останавливая порыв достать из кармана сюртука платок и протереть выступивший на лбу пот. В присутствии этого человека он всегда испытывал ощущение, близкое к ужасу. И не случайно: хозяин кабинета был едва ли не худшим человеком в Тремпл-Толл. По правде, Томмс сомневался, что это человек. Он искренне полагал, что его начальник — какая-то жуткая тварь из Ворбурга, надевшая на себя костюм из человеческой кожи, чтобы скрыть ворох склизких щупалец и уродливые бесформенные отростки.

На деле внешне Варфоломеус Б. Выдри не был хоть чуточку приятнее любого из монстров, которые могли скрываться внутри. Его широкое сине-багровое лицо казалось оплывшим из-за пары-тройки подбородков. Всклооченные бакенбарды перерастали прямо в косматые, фигурно подкрученные брови. Глубоко посаженные глаза коварно и зловредно блестели, а похожий на птичий клюв нос закручивался крючком.

Помимо прочего, мистер Выдри являлся гордым обладателем одного из самых впечатляющих и пугающих животов в Саквояжном районе. Глава Грабьего отдела походил на аэробомбу в дорогом костюме и цилиндре. Если представить, конечно, что аэробомба способна пыхтеть, кряхтеть и фыркать и при этом неспособна выпустить из зубов толстую сигару.

— Томмс! — раздраженно бросил мистер Выдри. — Вы снова бессовестно опоздали! Сколько я должен вас ждать?!

Роберт Томмс сглотнул и кивнул. Несмотря на то, что он явился не просто вовремя, а сам ожидал полчаса, спорить он не решился.

— Прошу прощения, сэр... — промямлил он. — Больше не повторится.

— Разумеется, не повторится.

Мистер Выдри лениво нажал педаль на подножке кресла, и его необычное средство передвижения, заскрежетав, поползло по проложенным прямо в ковре рельсам к столу.

Обогнув стол, кресло развернулось и встало.

Мистер Выдри выпустил изо рта облако бордового дыма и хмуро уставился на подчиненного.

— Вы знаете, зачем я вас вызвал, Томмс?

— Да, сэр, я догадываюсь. Вероятно, все дело в...

Мистер Выдри щелкнул тумблером на подлокотнике, и выдвинувшиеся из-за спинки кресла раструбы взвыли, заглушая бормотание клерка.

— Заткнитесь, Томмс! — рявкнул мистер Выдри. — Вас никто не спрашивал!

— Простите, сэр.

Толстяк переключил другой тумблер, и из-за спинки выползла пара механических рук. Одна сжимала бокал, в другой была бутылка из темно-красного стекла с вычурной розовой этикеткой. Мистер Томмс знал, что на этикетке написано: «*Бармаблео Маретт*». Самое дорогое вино во всем Габене — чтобы позволить себе один глоток такого вина, Роберту Томмсу пришлось бы проработать десять лет и при этом забыть о выходных.

Механические руки тем временем наполнили бокал и передали его мистеру Выдри. Тот

вальяжно принял его и, вернув лязгающие манипуляторы обратно в скрытые в спинке кресла футляры, пригубил.

— Вы знаете, какой сегодня день, Томмс? — спросил он, сверля клерка глазами.

Мистер Томмс промолчал, не решаясь ответить — вдруг, его не спрашивали, и толстяк раздраженно запыхтел:

— Отвечайте, когда к вам обращаются, Томмс!

— Да, сэр! — дрогнувшим голосом ответил Роберт Томмс. — Один день до Нового года...

— Раз не знаете, я вам скажу, Томмс! Один день до Нового года! А это значит, что завтра в Старом центре, в шикарных апартаментах мадам Ригсберг, пройдет званый ужин. Вы знаете, что я должен буду туда принести, Томмс?

— «Грабий список», — едва слышно проговорил мистер Томмс.

— Что вы проямлили, будьте вы неладны?!

— «Грабий список», сэр, — чуть громче сказал мистер Томмс. — Вы должны будете принести туда «Грабий список».

Мистер Выдри поморщился.

— Зачем так орать? К тому же вы ошиблись, Томмс. Как и всегда. Я должен буду принести на ужин к мадам Ригсберг не то, что вы там назвали, а «Грабий список». — Он кивнул на том расчетной книги, которую прижимал к впалой груди мистер Томмс. — Вы ведь знаете, что на Новогоднем званом ужине мадам Ригсберг всегда лично проверяет «Грабий список»? Неужели вы рассчитывали, что в этом году ваша уловка пройдет? Вы меня предали, Томмс! — рывкнул мистер Выдри, и подчиненный отпрянул.

— Что? Нет, сэр! Я ни за что бы не...

— Вы хотите меня унижить! Хотите выставить идиотом перед мадам Ригсберг.

— Нет, сэр!

— Вы полагаете, что я принесу мадам этот не заслуживающий внимания мусор? То, что вы мне предоставили утром, это не «Грабий список»! В нем ровно столько же имен безнадег, сколько и в прошлом году! Вы хотите украсть мою премию? Вы хотите, чтобы мистер Муни, глава Биржевого отдела, меня на смех поднял? Вы хотите, чтобы мадам Ригсберг была мною разочарована? И обо всем рассказала своему отцу, господину основателю банка? Метите на мое место, Томмс?

Мистер Томмс затрясся от ужаса.

— Нет, сэр! Я никогда бы не посмел!

— В таком случае, вы идиот, Томмс! И тогда ваш промах — это просто плохо выполненная работа. Я уже всерьез раздумываю о том, чтобы вышвырнуть вас с вашей должности, Томмс. Вышвырнуть прямо через это окно! Вы не справляетесь! Ваш непрофессионализм вызывает у меня мигрень!

Губы мистера Томмса задрожали. Угроза мистера Выдри не была взята из воздуха: предшественника Томмса, мистера Доддсона, именно так и уволили — выбросили через окно, и он разбился, пролетев четыре этажа.

— Но знаете что, Томмс? — Губы мистера Выдри расплзлись в тонкой улыбке. — Я вас раскусил.

— Раскусили, сэр?

— Я понял, что вы задумали. И... я уважаю это!

Хуже угроз от мистера Выдри было только это вот паточное добродушие. Мистер Томмс

пока не понимал, что начальник имеет в виду, но в любом случае для него добром это не должно было закончиться.

— Вы решили разыграть рискованную партию, Томмс! Решили выделиться, так? Принесли мне неполный список и заставили меня представить себе во всех красках завтрашнее унижение на званом ужине, в то время как где-то на вашем жалком столе на третьем этаже преспокойно лежит себе папочка с... кхм... скажем, еще шестью именами.

— Сэр?! — пораженно прошептал мистер Томмс. — Еще шесть имен? Но это невозможно...

Мистер Выдри расхохотался.

— «Но это невозможно», — сказали бы вы, если бы никакого плана у вас не было. Но мы ведь уже выяснили, что вы прикинулись, чтобы разыграть меня. А в вас есть стержень, Томмс! Продолжаете играть роль! Припасли еще целых шесть имен для моего «Грабьего списка» и стоите тут, разыгрывая недоумение. Ну да ладно, хватит набивать себе цену. Ваш замысел удался. Если вы принесете мне завтра до десяти часов вечера полный «Грабий список» с еще шестью именами, я, так уж и быть, подумаю о том, чтобы назначить вам премию и выдумаю для вас небольшую новенькую должность для повышения. Ваш план удался. Вы рады, Томмс?

— В пределах банка запрещено испытывать радость, — понуро сказал мистер Томмс.

— Ах, оставьте эту конторскую дотошность, Томмс. Спрашиваю вас: вы счастливы?

Но мистер Томмс не был дураком — дурак не смог бы продержаться целых восемь лет под началом этого жуткого человека. Роберта Томмса нельзя было так просто загнать в ловушку, он хорошо знал, что за счастье, радость и даже за воодушевление под этой крышей грозит штраф.

— В пределах банка запрещено испытывать счастье, — сказал он.

— Не будьте столь раздражающим занудой, Томмс, — пренебрежительно махнул пухлой рукой мистер Выдри. — Скоро Новый год, как-никак. Я жду от вас полный список завтра. В ином случае... — мистер Выдри многозначительно кивнул на окно, и мистер Томмс поймал себя на том, что его одолел обморок. За время службы в «Ригсберг-банке» он научился падать в обморок и при этом не подавать виду.

— Вы свободны, Томмс. Грабий отдел полагается на вас.

— Да, сэр. — Мистер Томмс почтительно кивнул и вышел за дверь.

Мистер Выдри и прочие неприятные личности с портретов пристально глядели ему вслед.

Роберт Томмс медленно брел по улице.

Шел снег, кругом светились витрины лавок, по своим делам торопились прохожие: кто-то волочил елку, кто-то нес упакованные подарки.

До Нового года оставался всего один день, но мистер Томмс не чувствовал праздничного настроения, ему было грустно и гадко. Ему казалось... нет, он был уверен, что не заслуживает праздника. Кто угодно, но только не он.

Мистер Томмс на миг замер у окна лавки «Печенье Патти». Внутри толпились люди, а с выстроенных на витрине пирамидой жестянок с печеньем на него глядел Человек-в-красном. Его пристальный взгляд из-под кустистых седых бровей будто допытывался: «Ты

хорошо себя вел?»

Роберт Томмс сглотнул, поднял воротник пальто и двинулся дальше.

Саквояжный район сам на себя не походил: стемнело, но вдоль улиц горело множество фонарей, квартал тонул в шуме и предвкушении. Но все это напускное, все фальшивое, как душевность ростовщика или щедрость хозяина курильни дурмана. Эти кварталы заманивают, пытаясь прикинуться дружелюбными и уютными — такими праздничными, но правда в том, что за улыбками спрятаны зубы, а на дне светящихся взглядов копошатся дурные намерения.

Томмс знал это лучше других и ни на мгновение не верил в пряничность старого злыдня по имени Тремпл-Толл, который отчаянно пытался прикинуться добрым дядюшкой.

— Эй, мистер! — Грязные руки в дырявых перчатках-митенках схватили Роберта Томмса за рукав, вырвав его из размышлений.

— У меня нет ни спичек, ни мелочи, — буркнул Томмс, пытаясь выволить руку, но хватка была очень цепкой.

— Берегитесь, мистер! — словно не услышал его помятый тип с всклокоченными волосами и плесневелой щетиной — настоящий бродяга. — Не дайте им схватить себя!

— Что? — нахмурился мистер Томмс. — Кому?

— Они прячутся в темноте внизу! — Бродяга округлил глаза. — Выжидают! Строят планы! Иногда выбирают на поверхность!

— О ком вы говорите?

— Это они похищают детей в городе! Хватают их и затаскивают через люки под землю! Люди-кроты, они живут в глубине под Габеном!

Томмс поморщился и вырвал руку. Один из этих сумасшедших! Приглядевшись, он понял, что бродяга не только безумен, но еще и пьян.

— Оставьте меня, — бросил Роберт Томмс и поспешно обошел безумца.

— Это не просто городская легенда! — кричал ему вслед бродяга. — Они там! Выжидают! Я тоже не верил... они похитили моего племянника...

Мистер Томмс все отдалялся, и вскоре крики сумасшедшего исчезли, слившись с шумом станции «Заморочный рынок».

— Люди-кроты, тоже мне... — раздраженно буркнул банковский служащий.

Это была одна из странных городских легенд, которые травят в салонах и клубах и на которые всякий раз наслаиваются все новые, непременно жуткие и кровавые подробности. Истории о людях-кротах живут в гостиных, в кабинетах и на скамейках в парке. Но в действительности мало, кто воспринимает их как что-то большее, чем просто дешевую «утку» от газетчиков из «Сплетни». Важные джентльмены и дамы лишь смеются, ну а строгие нянюшки пугают своих непослушных воспитанников: будете шалить, и из-под земли появятся злющие люди-кроты. Они вытащат вас прямо из ваших теплых постелек и уволочут в свои подземелья, где сожрут, не оставив от вас и косточек.

Мистер Томмс не верил во всю эту чепуху — он был очень-очень *конторским* клерком, и в его жизни не было места суевериям. Суеверные люди — это бездельники, — полагал он, — у которых слишком много свободного времени для того, чтобы считать черных котов или выглядывать в черноте под канализационными решетками людей-котов, которые якобы живут под Габеном, еще глубже, чем канализации, стоки и коллекторы...

— Ничего там нет.

Роберт Томмс вдруг поймал себя на том, что стоит у края как раз такой решетки и выглядывается вчерноту внизу. Ему даже показалось, будто там что-то двигается. Крыса...

или?..

Затрещал звонок подошедшего к станции трамвая, и мистер Томмс вздрогнул. Поежившись от холода, он побрел дальше по улице.

Из темноты под решеткой вынырнула огромная черная морда, шевельнулись усы, свет станционных фонарей блеснул на круглых слепых глазах.

Повеяв носом, морда снова скрылась во тьме.

— Вот и правильно, — хрипло проговорили из-под земли. — Ничего здесь нет...

Но мистер Томмс этого уже, разумеется, не слышал. Он вернулся к своим мрачным размышлениям.

Мимо прополз бордовый омнибус, украшенный праздничными огоньками, группа бедно одетых детей, выстроившись на лесенке у скобяной лавки, пела новогоднюю песню-кэрролл «Семнадцать мышек» — тоненькие голоса были похожи на колокольчики.

Томмс не слышал. Он брел по улице, терзаясь сомнениями и страхами.

Вскоре он оказался у дверей небольшого кафе, немного потоптался на пороге (заходить не хотелось) и, пересилив себя, вошел внутрь, сразу же погрузившись в кофейное облако дыма от папиреток.

— Эй, Томмс! — окликнул его мистер Ти, и мистер Томмс, тяжело вздохнув, снял пальто и шляпу. Повесив их на вешалку, он направился к столику, за которым его ждал единственный друг.

Мистер Ти был великолепным собеседником, а еще тем, кто никогда его не осуждал. Они познакомились пару месяцев назад в книжной лавке «Переплет», но Томмсу казалось, что они знакомы многие годы: Ти был очень душевным и искренним человеком — он был полной противоположностью тех склизких и едких существ, которые окружали его в конторе.

— Я заказал вам чашку «Шерринс», — сказал приятель с широкой улыбкой. — Но, судя по вашему виду, вам не помешало бы выпить что-нибудь покрепче. Чего хмуритесь? Праздник же скоро!

— Да уж, праздник. — Томмс опустил голову на стул. — Не вижу в нем ничего хорошего...

Принесли исходящий паром и искрами кофе, и банковский клерк уставился на него, словно загнипнотизированный.

Мистер Ти пододвинул к нему чашку.

— Что стряслось?

Томмс неловко прикоснулся к чашке, но почти сразу же убрал руку.

— Выпейте, — сказал приятель. — Вам нужно согреться. К тому же здесь подают лучший «Шерринс» в городе.

Томмс отпил. Вместе с кофе в него забрались и искры.

— Так что стряслось? — спросил Ти и расхохотался. — Вы словно лягушку проглотили. — Он прищурился. — Эй, вы что, были в «Лягушках Жабо»? Мы же собирались вместе туда пойти!

— Никаких лягушек, Ти, — угрюмо сказал Томмс.

— Тогда что? Только не говорите, что вас заставили работать в новогоднюю ночь! Не настолько же они бессердечные.

Томмс поморщился.

— Выдри, — мрачно сказал он. — Толстяк вызвал меня к себе. Он был недоволен. «Грабий список» все еще не закрыт, а завтра уже Новый год.

Мистер Ти нахмурился.

— Я догадываюсь, что он потребовал.

Томмс кивнул.

— Мне нужно внести в него еще шестерых безнадег, — горестно сказал он. — Шестерых, Ти, вы только представьте! Еще шесть людей, чья жизнь будет разрушена...

И тут мистера Томмса прорвало:

— Ненавижу Выдри, — прошипел он. — Ненавижу это проклятое место на Площади, с его темными этажами и проклятым лифтом. Там и прежде было мерзко, но с тех пор, как у штурвала встала новая госпожа управляющая, все стало намного хуже. Раньше мы просто присасывались к людям, как аптечные пиявки, а теперь нас заставляют выжимать их иссушенные тела.

Мистер Ти сочувственно покивал.

— Вы говорили, что давно ушли бы оттуда, если бы могли.

— Если бы мог! — воскликнул мистер Томмс. — Я уже не могу притворяться, что мне нравится то, чем я занимаюсь. Я уверен: кто-то из этих негодяев в цилиндрах уже догадывается, что я не один из них. Но пока никто не подает виду... Знаете, я мечтаю о том, чтобы все это оказалось просто затянувшимся дурным сном. Если бы я только мог однажды просто не явиться... Я уже не могу видеть эту самодовольную, разлазящуюся по швам рожу Выдри!

Поток жалоб мистера Томмса прервала бурная сцена за соседним столиком:

— А я хочу сливовый кофе со сливками! — возмущенно воскликнула молодая женщина с растрепанными светлыми волосами, в которые тут и там, видимо, в качестве украшения были вплетены карманные часы. — Я сюда за ним пришла! И я его получу!

Престарелый официант пробубнил:

— Мэм, я еще раз вынужден вам повторить, что у нас не подают такой кофе.

— А я знаю, что он у вас есть! — разгневанно ответствовала посетительница. — Мне сказали, что он у вас есть! И я его хочу! Я выбралась из дома только ради него!

— Позвольте узнать, кто вам сказал о том, что у нас есть такой кофе?

Женщина вскинула указательный палец и со значением заявила:

— Две вороны! Вы хотите сказать, что они соврали?!

Горбун окинул ее усталым взглядом — сумасшедшая, что тут скажешь — и буркнул:

— Я узнаю, что можно сделать, мэм. — После чего развернулся и направился к стойке.

— Да уж, узнайте! — крикнула она ему вслед. — И поскорее! Не хочу здесь состариться!

Женщина отвернулась и что-то забубнила себе под нос. Вскоре присутствующие забыли о ее существовании: в этом городе полно чудаков и безумцев — ничего примечательного.

Мистер Томмс и его собеседник вернулись к прерванному разговору.

— Знаете, Ти, — буркнул мистер Томмс, — скажу вам по секрету, но мне бы очень хотелось, чтобы к нам снова наведалься... — он понизил голос: — Человек-из-Льотомна.

— Что?! — пораженно выдохнул приятель. — Вы понимаете, о чем говорите?

— Я понимаю, — раздраженно проговорил Томмс. — Но эти толстяки в цилиндрах... Они столько лет пользуются своей безнаказанностью: полиция работает на них, судьи — их лучшие клиенты. Они никого не боятся. Но Человек-из-Льотомна уже доказал, что они не всемогущи...

— Тише, — испуганно проговорил приятель, оглядевшись по сторонам: кажется,

чудачка за соседним столиком слушала, о чем они говорят. — Это опасные разговоры... Не стоит привлекать внимание.

— А мне все равно — пусть бы кто-то и услышал и даже донес мои слова до Выдри. Если бы вы только знали, что там происходит... Кто-то должен наказать их за все их злодеяния. И если это по силам только... злодею, то так тому и быть. Для меня лучшим подарком на Новый год был бы заголовок в «Сплетне»: «Ригсберг-банк снова ограбили!»

Мистер Ти пристально поглядел на Томмса.

— Вам точно нужно что-то покрепче «Шерринс», друг мой.

— Он сказал, что, если я подведу его, меня уволят и... — Томмс запнулся — он не хотел рассказывать, что именно это значит.

— Вы ведь не можете просто уйти оттуда, так?

Мистер Томмс покачал головой.

— От них так просто не уходят. К тому же я слишком много знаю. Думаете мне не приходило в голову сбежать? Но в этом городе мне не спрятаться. Они меня найдут.

Он замолчал. Повисла тишина.

— И что вы будете делать? — спросил Ти. — Ведь, насколько я помню, даже одного безнадегу трудно заполучить.

— Нетрудно. Но это длительный процесс. За один день провернуть подобное практически невозможно, ну а шесть имен... это... это...

— Я вам сочувствую, дружище.

Томмс скрипнул зубами.

— Есть небольшой шанс. Но это опасно. Мне придется привлечь этого ужасного человека.

Мистер Ти ахнул и прошептал:

— Вы говорите о том, о ком я думаю?

Томмс кивнул.

— Я очень не хочу этого делать, но Выдри... он просто не оставил мне выбора, понимаете? И теперь мне нужно... — Роберт Томмс запнулся, — нужно запастись лимонными леденцами...

Мистер Ти побледнел и взялся за свою чашку. Пальцы его дрожали.

8 часов до Нового года.

Несмотря на то, что до Нового года оставались считанные часы, в Тремпл-Толл в какой-то момент начали происходить очень недобрые дела.

Темные личности с дурными намерениями и официальными документами, позволяющими воплощать эти самые намерения в жизнь, прилежно и аккуратно выполняли свою работу.

На улице Сверчков на краю крыши замер человек в длинном черном пальто, котелке и круглых конторских очках на носу. Он спрятал узкую короткую пилу в стоящий на карнизе саквояж и достал жилетные часы, при этом не спуская пристального взгляда с улицы вниз.

В какой-то момент часы издали нервный перезвон, и человек в очках подобрался. Мистер Будущий Несчастный Случай должен был вот-вот появиться.

Из-за угла, ни о чем не подозревая, вышел престарелый джентльмен в кашлатом ношенном пальто и шапоκляке ему под стать, и человек на крыше приготовился.

Спрятав часы, он присел и прикоснулся рукой в черной кожаной перчатке к большой сосульке, растущей из карниза.

Сосулька эта держалась на одном не очень-то честном слове — почти у самого основания она была подпилена.

Престарелый джентльмен, пока еще беззаботный и живенький, все приближается, а человек на крыше начинает обратный отсчет...

В какой-то момент раздается едва слышный треск льда, за ним следуют свист и глухой удар. А затем улицу наполняют крики. Кровь багровыми пятнами брызжет на снег, а человек в черном исчезает, словно на крыше его никогда и не было.

А между тем в другой части Тремпл-Толл, на улице Граббс, в лавку «Семейное дело Труффель», продающую спички и химврастопку, вошел человек в низко надвинутом на лицо котелке, с замотанным бурыми бинтами лицом. В заплечном мешке у него позвякивали железные банки, в которых что-то плескалось, а между пальцами плясала тонкая длинная спичка с синей головкой.

Вскоре из лавки послышался короткий женский вскрик, раздался железный лязг, а затем что-то упало на пол.

Через какое-то время человек с забинтованным лицом вышел на улицу и, размотав бинты, слился с толпой прохожих. Ну а тем временем из лавки «Семейное дело Труффель» повалил зловонный багровый дым, в засаленных окнах появились рыжие отблески. Начинаясь пожар...

На другой стороне улицы, у тротуара, стоял неприметный экипаж. Внутри сидел человек в черном, похожий точь-в-точь на человека с крыши на улице Сверчков. Увидев, разгорающееся зарево в лавке химврастопки, он пару раз стукнул в крышу экипажа, и тот тронулся с места под крики заметивших пожар прохожих.

На Чемоданной площади дела обстояли не лучше.

В здание важного и мрачного Паровозного ведомства поспешно зашел молодой служащий с раздутым от официальных бумаг портфелем. Шаги клерка эхом отдавались от мраморных плит пола и тонули в жужжании вестибюля.

Молодой человек поздоровался с парой спешащих по своим делам коллег и прошел к лифту. Дернув за рычаг вызова, он задрал голову и уставился на латунный полукруг с отметками этажей и на медленно ползущую по нему стрелку. Это размеренное зрелище так его поглотило, что он не заметил, как качнулся стебель растущей в нише возле лифта гигантской мухоловки по имени Гораций. Гораций прежде никогда не проявлял признаков враждебности ни к служащим ведомства, ни к посетителям, но сегодня в него будто что-то вселилось. Он раскрыл пасть-бутон и, изогнув стебель, дернулся к клерку.

Несчастливая жертва заорала, когда пасть мухоловки сомкнулась вокруг ее головы, но вскоре крик оборвался. К месту происшествия спешили служащие Паровозного ведомства, кто-то звал констебля и начальника вокзала. Вестибюль захлестнула сумятица.

Пользуясь ею, с одной из скамеек, стоявших в некотором отдалении у лифта, поднялся человек в черном пальто и строгих конторских очках, выглядевший, как кузен мрачных личностей с улицы Сверчков и с улицы Граббс. Сложив газету, которую он якобы все это время читал, человек в черном удалился незамеченным, лишь ненадолго задержавшись у входа, чтобы пропустить вокзальных констеблей...

Странные и пугающие события продолжались. В северной части Тремпл-Толл, на улице Семнадцати Слив, очередной человек в черном с жилетными часами в руках поджидал очередную жертву, а беспечный мистер Будущий Несчастный Случай все приближался, даже не догадываясь, что его ждет.

Вот он (или вернее, она — сухощавая мадам с зонтиком) появляется из дверей гильдии Адвокатов и, спустившись по ступеням, следует вдоль по улице, в сторону ГНОПМ. Не пройти далеко ей не суждено — прямо у нее на пути притаился в своем скрытном коварстве люк без крышки, прикрытый холстиной и припорошенный снегом.

Нога в остроносом сапожке ступает на холстину и... оп!.. вот мадам была, а вот ее уже нет. И только из черноты зияющего в тротуаре отверстия недолго раздаются крики боли и рычание заблаговременно приманенных кое-кем песьих крыс, раздирающих несчастную...

Ну а если перебраться в самое сердце Тремпл-Толл, то можно обнаружить вот такую сцену. Слева чернеет отталкивающее здание «Ригсберг-банка», неподалеку жужжит редакция газеты «Сплетня», а у пассажа Грюммлера снова образовался затор. Это же площадь Неми-Дрë!

А значит, где-то среди лавок, кафе и магазинчиков, выходящих на нее своими окнами, затесалась и цирюльня «Бритва Шарли», известное и уважаемое место. Здесь никогда не бывает свободных мастеров, а в креслах у зеркал всегда кто-то сидит. Звонят механизмы, щелкают ножнички, свистят латунные зубочисты.

— Полагаю, вам как обычно, сэр? — справляется брадобрей в фартуке, склонившись к уху упитанного завсегдатая в расшитой цветами жилетке, после чего, получив утвердительный ответ, запускает цирюльный механизм с восемью руками, настроенный на «Флориш Рене. Освежить».

О, «Флориш Рене» — одна из моднейших и элегантнейших стрижек этого сезона, но прежде она не включала в себя безумное полосование клиента бритвами и пронзание его ножницами. Кровь брызжет на зеркало, а инструменты для стрижки и бритья все продолжают свою исковерканную безумную «стрижку». И снова раздаются крики. И снова никто не замечает человека в черном, который разместился на диване в углу и словно бы просто ждал своей очереди подравнять и без того лаконичные конторские бакенбарды. К слову, когда цирюльня погрузилась в кошмар, он тут же передумал их подравнивать. А еще никто не замечает тоненькую скрепку, просунутую между шестерней вышедшего из-под контроля механизма...

— Ужасный несчастный случай! — восклицает кто-то. — Ужасный несчастный случай!

И верно: со стороны это и прочие описанные выше происшествия могут показаться не более, чем трагичными стечениями оказавшихся роковыми обстоятельств.

Пять мнимых несчастных случаев. Все в разных концах Саквояжного района, ни одна из жертв друг с другом не связана — ни на первый, ни даже на десятый взгляд. Но правда в том, что всем этим управляла единая рука хитроумного манипулятора.

Так кто же все это организовал? Вероятно, это настоящий злодей, скрывающийся в потемках и подтачивающий свои острые зубы, безумно хохочущий и скрежещущий кривыми когтями по стене (ради пущего драматического эффекта).

На деле же это крайне неприметный мистер, скрючившийся за конторским столом, среди дюжины таких же неприметных клерков за такими же, заваленными бумагами, столами.

Этот «злой гений» вовсе не строит козни, как можно было ожидать, а всего лишь

пытается пообедать слегка зачерствевшим клюквенным пончиком.

Третий этаж «Ригсберг-банка» живет своей жизнью: суетится в преддверии Нового года. За окнами, которые почти не пропускают света, идет снег. В спертom канцелярском воздухе висят запахи чернил, бумаги и клея для марок. Лихорадочный перестук клавиш пишущих машинок порой прерывается грохотом штемпелей и скрежетом маркировочных компостеров. То и дело раздаются хлопки прибывающих капсул внутренней пневмопочты.

Все отделы пытаются успеть закрыть отчеты, клерки выпрыгивают из туфель, стараясь выслужиться перед начальством и выгрызть себе небольшую премию. Скрипят зубы, дымятся головы, из ушей идет пар. И все равно то и дело процентщики и биржевики, портовики и фабричники, ссудники и пылевтики находят время, чтобы бросить заинтересованно-презрительный и крайне самодовольный взгляд на клерка с клюквенным пончиком.

Слухи по коридорам и этажам банка расходятся быстро: здесь уже все в курсе, что именно мистер Выдри, жуткий глава Грабьего отдела, велел сделать своему помощнику, мистеру Томмсу.

Многие недоумевали, отчего Томмс так спокоен — ему сейчас впору бы рвать волосы на голове и трястись от страха, поскольку задание он получил, мягко говоря: «Да пусть лучше меня в мешок зашьют и в канал бросят, чем такое!» Сейчас на третьем этаже ни у кого не было сомнений, что он не справится, и многие уже делали ставки, на сколько именно футов растечется багровая клякса по имени «Томмс» по тротуару под окнами банка, когда он провалит дело.

Сам же мистер Томмс изо всех сил пытался игнорировать пересуды.

Доев свой пончик, он собрал и съел все крошки, а потом аккуратно обтер клюквенный джем с пальцев салфеткой и, переключив счетчик присутственных часов с «обед» на «канцелярская рутина», вернулся к работе.

Раскрыв на заложенном месте книгу учета безнадег под названием «Грабий список», он взял первую из пяти обильно проштемпелированных коричневых папок, хмуро глядя при этом на стоящую на краю стола невысокую стопочку, состоящую из пяти картонных перфокарт.

Пять из шести имен уже подтверждены. Пять имен за один только день! Прежде такое казалось невозможным... Мистер Томмс и сам не до конца верил в происходящее. Подумать только, на что способен кое-кто в этих стенах, если этого кое-кого как следует подмаслить, или, вернее, подлимонить.

А еще мистер Томмс не мог не восхититься работой аппарата «Громдлинг».

Он бросил испуганный взгляд на дверку в самом темном углу этажа; на ней стоял замок-криптекс и висела табличка: *«Вход без специального разрешения грозит немедленным увольнением».*

У Томмса не было необходимых бумаг для того, чтобы включить «Громдлинг», и на получение их ушла бы пара недель, но он знал, чей отдел может пользоваться аппаратом в срочном порядке при исключительных обстоятельствах. А еще он знал, что глава этого отдела сам определяет вопрос исключительности обстоятельств.

Прежде Роберт Томмс не имел дела с «Громдлином». Да и в целом он плохо понимал принцип его работы. Это была какая-то хитроумная аналитическая машина — вот и все, что он знал. Появился этот таинственный аппарат здесь крайне неожиданно. Однажды утром Томмс пришел в банк, а на этаже было столпотворение. В первую же ночь после того, как

новая госпожа управляющая заняла свой пост, зал для малых собраний закрыли, и рядовым служащим банка настрого запретили туда соваться. Руководство объявило, что отныне там будет стоять «Громдлинг», вычислительная машина для решения особо важных задач.

До сегодняшнего дня Томмс искренне полагал, что его задачи не настолько важны, чтобы беспокоить этот непонятный механизм, но вот перед ним лежат пять перфокарт, вышедших из чрева «Громдлинга», и на каждой поверх пропечатанного текста задачи уже стоит багровый штемпель «*Задача выполнена*». Оставалось все тщательно проверить, потом перепроверить, а затем, убедившись, что ошибки быть не может, занести имена безнадег в книгу.

— Итак... — негромко проговорил Томмс и склонился над «Грабьим списком».

Спустя час он перенес новые имена в книгу (каждое имя требовало вдумчивого изучения соответствующей папки: нужно было удостовериться, что у безнадеги не появится каким-нибудь невероятным образом лазейка).

Покончив с безнадегами, он перешел к книге, которая была в несколько раз толще самого «Грабьего списка». Это был черный томище с потрескавшимся за годы названием на обложке: «*Побочный ущерб и издержки*», который являлся прямым свидетельством того, что банк ни перед чем не остановится ради достижения своих целей.

Мистер Томмс взял перфокарты и испустил тяжелый вздох: ему было жаль тех, чьи имена стояли на них. Хуже всего было то, что эти люди не были ни в чем виноваты и более того — не имели к банку никакого отношения. На картах стояли имена вовсе не самих требуемых мистеру Томмсу безнадег, а тех, кто был так или иначе связан с этими самыми безнадегами.

Взять, к примеру, мистера Джона Д. Хэринга. Молодой клерк из Паровозного ведомства был тем, кто нашел чемодан некоего бедствующего мистера Скласки (безнадеги № 3), потерянный последним двадцать лет назад.

В этом чемодане хранилась акция некоего сообщества «Маринер и К°», которая за последние годы выросла в цене настолько, что могла вытащить безнадегу № 3 из его трясины нищеты. Банк не мог этого допустить.

Или другой пример: некий инженер из списка банковских жертв (безнадега № 2) был в шаге от того, чтобы изобрести кое-какое устройство, которое, по всем прогнозам, должно было прославить его и обогатить. Вот только для окончания работы ему требовалась редкая химрастопка, которая продавалась лишь в одной спичечной лавке в Саквожном районе. И банк должен был помешать ему ее купить. Так в книгу «*Побочный ущерб и издержки*» была занесена хозяйка лавки миссис Труффель.

И так со всем списком. «Громдлинг» просчитывал возможную угрозу, которая могла спасти будущего безнадегу от разорения, а банк находил и устранял ее.

Последние два часа на стол мистера Томмса одно за другим приходили подтверждения, что задача выполнена и помехи устранены. И сейчас он ожидал последнее подтверждение.

Роберт Томмс до сих пор не верил, что все это происходит. У него волосы вставали дыбом от осознания того, как эффективно работает механизм за дверью и как не менее эффективно работают агенты банка. И это было хуже всего: ничего не понимающие посторонние люди страдали для того, чтобы он мог исполнить поручение мистера Выдри.

Но почему до сих пор нет последней, шестой, карточки? Какая-то проволочка?

Томмс чувствовал, что что-то пошло не по плану. С одной стороны, он радовался: один человек пока не попал в банковские щупальца, но с другой... его одолевал страх. Что если

они не успеют? Всякий раз закрывая глаза, он так и видел перед собой холодный камень тротуара, а во рту при этом появлялся привкус собственной крови.

Мистер Томмс был так погружен в свои мрачные мысли, что не сразу заметил: на этаже творится что-то странное.

Дальняя дверь открылась, и по проходу между столами двинулись шесть человек в черных пальто, котелках и идентичных круглых очках. Все они держали кожаные саквояжи, а один волочил огромный кофр. Во главе процессии прихрамывая шел высокий джентльмен, опираясь на трость.

Клерки за столами недоуменно переглядывались и перешептывались: «Что-то стряслось!», «Куда они идут?!»

Люди в черном остановились у дверей лифта, а предводитель, обладатель точеных висков, тонкой улыбки и блеклых рыбьих глаз, дернул рычаг.

Мистер Томмс вскочил со стула и бросился к ним.

— Прошу прощения... Разрешите... Позвольте...

Он был так удивлен происходящим, что даже не заметил, как наступил одному из агентов банка на ногу и задел локтем другого.

— Ми... мистер Ратц... — заплетающимся языком проговорил мистер Томмс.

Бледное отталкивающее лицо повернулось к нему.

— Томмс.

— Мистер Ратц, вы... вы уезжаете?

— Все верно, Томмс.

— Но... сейчас?

— Срочное задание. Мы выяснили, где скрывается Карибиан.

— Что? Карибиан?

Мистер Томмс знал это имя — все в банке знали. Имя № 1 в списке разыскиваемых лиц. Человек, который обманывал банк долгие годы, хитрый, пронырливый — он всегда был на два шага впереди. И как бы господа Ригсберги ни жалели своих денег, они не поскупились и назначили награду за любые сведения о его местонахождении.

— Поступили сведения о том, что мерзавец скрывается на острове Эринс, — сказал мистер Ратц. — Остров Эринс располагается в Пыльном море. Путь неблизкий, и госпожа управляющая велела отправляться немедленно.

— Но... сэр... Наше дело...

— Боюсь, вам придется самому его завершить, Томмс. Лично.

— Что? — пораженно прошептал клерк. — Мне? Но я не знаю, как! Я же просто конторщик... я не умею... кхм... запугивать и угрожать...

Мистер Ратц глянул на него поверх очков.

— Так вы полагаете, мы именно так поступаем с ними? Запугиваем и угрожаем?

Он усмехнулся. Его люди рассмеялись холодным зловещим смехом.

— Нет, Томмс, все обстоит серьезнее. Протокол «Громдлинга» требует более решительных и жестоких мер. Вам пора вылезти из-за своего стола и самому запачкать руки.

— Запачкать?

Агенты снова рассмеялись. Один из них наклонил голову и высунул язык. Томмсу показалось, что у него просто заболело горло, но почти сразу он понял, что тот симитировал удушение петлей.

Мистер Ратц вытащил из внутреннего кармана пальто перфокарту и протянул ее

Томмсу.

— Вы встретитесь с нашим человеком. Все уже готово. Нужно просто явиться в указанное время в нужное место и дернуть один-единственный рычаг. Уверен, с этим даже вы справитесь. Кстати, — добавил он. — Я все еще жду от вас свое вознаграждение за оказанную помощь.

Он вытянул руку раскрытой ладонью вверх, и Томмс, по-прежнему пребывая в некоей прострации, опустил в нее горсть лимонных леденцов.

— Благодарю.

Раздался звонок, и двери лифта открылись. Агенты прошли внутрь.

Томмс стоял огорошенный и поникший.

— И главное, Томмс, — сказал мистер Ратц. — Все должно походить на несчастный случай. Это важно.

Двери лифта закрылись.

3 часа до Нового года.

Скрипнул ключ, и дверь открылась. В квартире было темно.

Роберт Томмс зажег лампу и заплакал. Отчаяние захватило его целиком.

Когда Ратц и его люди покинули банк, он отправился на улицу Семнадцати Слив и нашел там нужного человека.

Аэрокэбмен мистер Чапс знал, что от него требуется, и был крайне недоволен тем, что к нему явилась какая-то «бумажная крыса». И все же он был готов содействовать: насколько Томмс понял, мистер Ратц обещал пересмотреть его долг банку, если он выполнит все в точности. Нехотя кэбмен позволил Томмсу усесться с ним рядом в штурманской рубке.

Вскоре к кэбу подошли двое: усатый господин в пальто с меховой оторочкой и девочка в смешной шапке.

— Вы летите? — спросил усатый господин с тревогой: из-за усилившейся метели полеты над Габеном отменили.

Кэбмен кивнул:

— Последний вылет. Садитесь.

Радуюсь своей удаче, пассажиры сели в экипаж. Был озвучен адрес, и мистер Чапс запустил двигатели.

— Как замечательно! Мы все же попадем к тетушке Эллейн! — донеслось до мистера Томмса из салона. Девочка была так обрадована — она ни о чем не догадывалась, и банковский клерк почувствовал себя еще хуже.

Аэрокэб поднялся в небо.

Томмс покрылся холодным потом. Ни о каких смешанных чувствах и речи не шло. То, что ему предстояло сделать, вызывало у него ужас.

Они летели над Тремпл-Толл в сторону канала. Снег бился в окна, выл ветер, гудели винты, а сердце банковского клерка колотилось где-то в горле.

— Чего вы ждете? — хмуро спросил мистер Чапс.

Роберт Томмс молчал. Горло свело судорогой.

— Вы знаете, что делать? — прорычал кэбмен. — Или вы передумали? Все отменяется?

— Н-нет...

— Тогда делайте свое дело. Вот этот рычаг. — Кэбмен кивнул на приборную панель. —

Мы над парком Элмз. Самое время...

Мистер Томмс потянулся к рычагу. Он знал, что должно произойти, когда он его дернет: кэб накренится, дверь откроется, и пассажиры выпадут. В ушах стоял еще не сорвавшийся крик девочки, он так и видел, как ее крошечная фигурка исчезает в снегу.

— Пошевеливайтесь, — рыкнул кэбмен. — Вы меня втянули в это. Покончим со всем скорее. Дерните уже проклятый рычаг...

Мистер Томмс взялся за рычаг и зажмурился.

— Давайте! Давайте же!

Томмс сжал пальцы на рычаге так крепко, что они заболели, а затем... вздрогнул и убрал руку.

— Нет. Я не буду этого делать. Все отменяется.

Кэбмен испустил глубокий вздох облегчения — было видно, что он и сам не рад заданию мистера Ратца.

— Я сделал, что от меня требовалось, — буркнул он. — Не моя вина, что вы передумали.

— Да-да, — промямлил Томмс.

Кэб благополучно приземлился на улице Пчел, и пассажиры, живые и невредимые, отправились к тетушке Эллейн...

— Куда? — спросил мистер Чапс, когда они удалились. — На Неми-Дрё?

Роберт Томмс не мог вернуться в банк. Последствия не должны были заставить себя ждать.

Не зная, что делать дальше, Томмс просто отправился домой. Он провалил все дело. Не справился. «Грабий список» лежал на столе в кабинете Выдри, но в нем не доставало последнего имени.

Он был так близок, но... он не смог.

И вот он здесь, в своей крошечной квартирке на Семафорной площади.

Он снял пальто и шляпу, выдвинул стул на центр комнаты, после чего направился в чулан.

Роберт Томмс не был плохим человеком. Он был наивным болваном и всячески ограждал себя от того, что происходит на самом деле. До того момента, как он сел рядом с мистером Чапсом, он и правда полагал, что все это какая-то несмешная шутка. Он искренне думал, что агенты из отдела по особо важным делам запугивают, шантажируют, угрожают, изредка ломают кому-то палец или руку, но... убийства? Убийства невинных людей просто ради того, чтобы кто-то третий не выбрался из долговой ямы?

Роберт долгие годы выстраивал вокруг себя кирпичную стену, за которой прятался от жестокой правды. И вот, замуравывая себя, в какой-то миг он так и замер с кирпичом в руке, глядя в единственный оставшийся проем размером с кирпич в своей стене. И в этом проеме ему открылось все. Он ясно увидел то, что они делают, то, что делает он сам. Вынести подобное было выше его сил.

С ужасом и безысходностью он осознал, что натворил. Как он мог быть таким слепым? Он действительно думал, что устранение помех в стиле Ратца — это шантаж?

Когда его рука сжала тот рычаг, стена, которой он себя окружил, пошла трещинами и развалилась — он все понял.

Роберт Томмс не был убийцей. Но из-за него убили столько людей... Он не просто пособник. Он — организатор всего этого кошмара...

Роберт вернулся из чулана с веревкой. Забрался на стул и забросил веревку на люстру. Связал петлю.

Отчаяние и пустота.

— Я не остановлю их, — прошептал он. — Это все продолжится. Но уже без меня.

Он надел петлю на шею и затянул ее.

За окном шел снег. Скоро Новый год. Где-то в банке лежит «Грабий список»... проклятый «Грабий список»... книга, пропитанная кровью...

Роберт закрыл глаза и шагнул со стула.

Веревка натянулась и заскрипела.

В дверь постучали.

Глава 13. Загадки, отгадки и кое-что о выдирании волос

Город Габен — неприятное место. Набитое бедами, как подушка перьями.

Одна из бед Габена — это его славная полиция. Так говорят люди. Разумеется, шепотом, три раза проверив прежде, не покажется ли поблизости синий мундир с медными гербовыми пуговицами, высокий шлем или одутловатая рожа. Или же все это вместе.

В Тремпл-Толл все знают: с констеблями из Дома-с-синей крышей лучше не связываться. Для того, чтобы попасть к ним в лапы, не обязательно нарушать закон — они могут схватить вас, если им не понравится ваша прическа, или нос, или если у господина констебля будет дурное расположение духа. В глазах обывателя констебли не слишком отличаются от тех же грабителей, и то правда: ничто так не улучшит настроение представителя закона, как содержимое ваших карманов.

И все же, как ни странно, даже среди них были свои исключения, которые исправно несли службу, следили за общественным порядком, отлавливали шушерников и довольствовались крошечным жалованьем да нелюбовью своих ленивых и продажных коллег.

Одним из таких исключений был констебль Гун, пост которого располагался на улице Вишневой, у высокой кирпичной стены психиатрической лечебницы «Эрринхауз».

Для мистера Гуна день накануне Нового года тянулся неимоверно медленно.

Утром неподалеку от сигнальной тумбы в снегу увяз кэб — констебль помог кэбмену вызволить экипаж. Потом он разнял драку двух старушек, которые не поделили место в очереди к торговцу сахарными крендельками. Около обеда Гун снова поймал на горячем Бикни. Ну что за глупый и нелепый человек! Ладно, тот пытался шарить по карманам прохожих рядом с полицейской тумбой, так у него это еще и выходило из рук вон плохо — худшего воришку не сыскать во всей Саквояжне. Избавившись от Бикни, констебль Гун помог мисс в пальто с лисьим воротником: ей стало дурно — хорошо, что у него в тумбе есть пузырек нюхательной соли. После обеда прибежала племянница мистера Ломбри: она сообщила, что кто-то влез в дом ее дяди и перевернул там все кверху дном. Гун отправился вместе с ней на место преступления — вторженцем оказался Дьюи, сбжавший ручной хорек мистера Паткинса, соседа мистера Ломбри. Хорек был изловлен, словесно осужден за свои проделки и возвращен хозяину, ну а констебль с перевязанным пальцем вернулся к тумбе.

До самого вечера ровным счетом ничего не происходило, если не считать постоянных появлений миссис Труды. Старушка страдала забывчивостью и трижды за один только день подходила к мистеру Гуну узнать, не видел ли тот ее дочь Мередит, и всякий раз ему приходилось провожать миссис Труды домой, напоминая ей, что ее дочь уже пять лет, как умерла от чахотки.

Время ползло. Стемнело. На улице Вишневой зажгли фонари.

Констебль Гун с тоской глядел на джентльменов и дам, волокущих связки подарков, новогодние ели и завернутых в коричневую бумагу гусей. В эти предпраздничные дни, и особенно сегодня, его одолевала хандра: Гун был одиноким человеком — никто не дарил ему подарки, и ему некому было их дарить. Ну а что касается ели или гуся... что ж, не с его жалованьем. Да и какой от них смысл, если ему прозябать на посту всю новогоднюю ночь.

Единственное, о чем он жалел, это о том, что пропустит аудиодраму «Мешок Крампуса» — он ее очень любил: эта история будто бы возвращала его в старые добрые времена, когда жизнь еще не казалась бессмысленной и беспросветной стопкой старых газет в дырявом чемодане.

А еще он совсем продрог, нос покраснелся и распух, то и дело приходилось отряхиваться от снега — служебный зонтик не особо помогал.

Констебль расхаживал у своей тумбы, пытаясь согреться с помощью мыслей о теплом камине и стареньком пледе. В какой-то момент ему даже почудилось, что это помогает.

А потом раздались крики, вырвавшие его из теплых раздумий.

Гун поднял голову. Крики доносились из ближайшего переулка.

— Это еще что такое?!

Он снял с пояса дубинку и поспешил проверить, что там творится.

Из переулка выбежали трое перепуганных нищих. Гун знал их: Сизый Нос, Рыбина Джордж и Заскорюзник вечно ошивались поблизости. Констебль относился к ним со снисхождением — в отличие от клопов из своры слепого Бэзила, эти трое не приставали к прохожим и не нарушали порядок. Сизый Нос, Рыбина Джордж и Заскорюзник большую часть времени проводили, греясь у бочки в переулке — любой другой констебль на его месте давно выдворил бы их оттуда, но Гун не понимал, зачем просто так гонять этих бедолаг.

Вжимая головы в плечи, с выпученными от страха глазами нищие прошмыгнули мимо констебля.

Кто их спугнул?

— Отпустите! — раздался крик. — Пустите меня! Вы, дурацкие злыдни!

Констебль вошел в переулок. Ему открылось престранное и премерзкое зрелище.

Двое рыжих типов (по их прическам Гун сразу распознал в них головорезов из банды «Свечники») схватили носатую куклу и пытались засунуть ее в горящую бочку. Носатый орал, дергался и пытался отбиваться.

— Что здесь творится?! — громыхнул Гун.

Свечники вздрогнули и испуганно обернулись. Пленник заверещал:

— Помогите! Спасите! Сжигают! Убивают!

Завидев служителя закона, бандиты переглянулись и ослабели. Страх как ни бывало.

— О, мистер Констебль! — бросил один. — Добрейший вечерочек!

— Что здесь творится? — повторил Гун.

— Ровным счетом ничего. Просто встреча старых друзей.

— Непохоже что-то. Отпустите бедолагу.

Свечники не выказывали уважения к полицейскому, выглядели весьма довольными собой и, судя по всему, прекращать безобразие не собирались.

— Ну же, мистер Констебль, — нагло заявил один из них, — мы тут, знаете ли, немного заняты. Может, вернетесь к своей тумбе? Чаечек заварите, пончик съедите?

Гун скрипнул зубами: и не столько от того, как унижительно это прозвучало, сколько от понимания, что большинство его коллег уже пожелали бы этим шушерникам доброго вечера и последовали бы «совету». Тем более жертве рыжих негодяев не повезло оказаться куклой, а до кукол в Саквояжне вообще никому нет дела.

— Что-то не хочется пить чай, когда здесь происходит преступление, — сказал констебль.

— Да какое ж это преступление? — сказал один из свечников. — Вы нас, верно, не узнали? Мы же со славной габенской полицией, можно сказать, на короткой ноге.

— Наш босс с сержантом Гоббином все порешал, — добавил его поделщик, — они близкие друзья. Верно, Фиттль?

— Верно, Роуч.

— Что-то не вижу здесь сержанта Гоббина, — угрюмо заметил Гун.

Улыбки свечников превратились в оскалы. Роуч отодвинул полу потрепанного серого пальто, демонстрируя констеблю револьвер за поясом.

— Я же сказал, — проскрежетал он. — Для тебя же будет лучше, флик, если ты развернешься и потопаешь обратно к своей тумбе.

Гун не сдвинулся с места. Кукла дернулась, пытаясь вырваться, но ее быстро приструнили ударом по голове.

Констебль двинулся к ним. Роуч схватился за рукоятку револьвера, но достать его не успел — Фиттль громко цокнул языком, останавливая поделщика.

— Что-то обстановочка накалилась, — сказал он. — Не стоит горячиться. Роуч, мы просто не поняли намека мистера Констебля.

Роуч нехотя убрал руку с оружия.

— Я так понимаю, — продолжил Фиттль, обращаясь к констеблю, — оплата стандартная?

— Что? — Мистер Гун сдвинул хмурые брови. — Стандартная оплата?

Свечник понял причину возмущения неверно и поспешно добавил:

— Ну и, разумеется, чаевые за беспокойство.

— Вы забыли праздничную надбавку, — прорычал Гун.

Говард Бек заверещал от ужаса. Ему стало ясно, что спасти его никто не собирается. Всем плевать, если какую-то куклу сожгут в бочке...

— Вот так бы сразу, — рассмеялся Фиттль и полез в карман за бумажником.

Гун шагнул к свечникам и их жертве, чтобы получить вознаграждение за беспокойство.

— Как вас звать, мистер Констебль? — спросил Фиттль, открывая бумажник. — Я должен отчитаться перед боссом за непредвиденные траты.

— Моя фамилия Гун, — представился констебль. — Двадцать лет служу в полиции Габена. Тумба на улице Вишневой. Номер жетона: «5-18-взятки-не-беру».

— Что?! — недоуменно глянул на него Фиттль, а в следующее мгновение дубинка в руке констебля вспорхнула и, прежде чем оба шушерника успели что-либо предпринять, врезалась в челюсть одного, а затем в лоб другого.

Свечники заревели от боли и выпустили куклу. Та приземлилась на четвереньки возле бочки.

Гун снова поднял дубинку. Один из пришедшихся вскользь ударов выбил из рук Фиттля бумажник, и тот, кувыркаясь в воздухе, полетел прямо в огонь.

Говард Бек извернулся и успел схватить бумажник прежде, чем тот нырнул в бочку. После чего быстренько спрятал его в карман своих полосатых штанов.

Гун между тем продолжал охаживать свечников дубинкой, все приговаривая: «Не на того напали! Думаете, вся полиция в Габене продажная?»

Свечники визжали и прикрывали головы руками.

— Ай! Ой! Проклятый флик! Прическу не помни!

— Терпеть не могу модников, — буркнул Гун, еще пару раз стукнул каждого дубинкой,

после чего умело защелкнул наручники на запястьях обоих бандитов.

— Так вам и надо! — воскликнул Говард Бек, пнув одного из свечников по ноге. — Чуть меня не сожгли! Если бы не мистер Гун...

Констебль наделил куклу хмурым взглядом.

— Во что ты опять влез, Говард?

— Та я же не причем, мистер Гун! Я себе просто прогуливался, присматривал гуся на ужин. А тут эти — как выскочат! Как закричат: это ограбление!

Констебль наделил его взглядом, преисполненным сомнения.

— Они тебя ограбить пытались?

— Ну да! О том же и речь! — Говард попытался схватить Роуча за нос, но констебль мягко отпихнул его в сторону. — Что мы с ними сделаем, мистер Гун? Может, в бочку засунем? Будут знать, как пытаться сжечь честную куклу!

— Еще чего, — буркнул констебль. — Я отведу их на Полицейскую площадь — пусть ими занимается сержант Брум.

— Да их же сразу отпустят!

— Такова процедура, — твердо сказал Гун. — Ничего не попишешь. Я должен доставить арестованных в Дом-с-синей-крышей.

Говард отряхнулся от снега, подобрал свой котелок и натянул его на голову.

— Надеюсь, им всыплют как следует.

— Постарайся ни во что не встречать, Говард. — Гун наделил куклу строгим взглядом. — Меня может поблизости не оказаться. Ты же не хочешь, чтобы мадам Дуддо горевала из-за тебя?

— Ладно-ладно, — проворчал Говард Бек. — Мне еще гуся добывать. Спасибо за помощь, мистер Гун!

Говард развернулся и припустил прочь по переулку. Его головешка запрыгала на тонкой шее.

— Передай... передай от меня поздравления мадам Дуддо с праздником! — воскликнул Гун вслед Говарду, но тот уже не слышал.

Констебль отобрал у обоих свечников револьверы и ножи, вытащил из-за поясов спрятанные удавки.

— Пошагали! И без глупостей!

— Ты пожалеешь, флик, — прошипел один из бандитов, держась за голову. — Ты схватил свечу и обжегся!

— Честно говоря, я уже жалею, — вздохнул мистер Гун. — Из-за вас теперь топать через полгорода. Эх, ну хоть согрелся.

В темном переулке неподалеку от Чемоданной площади раздался звон, и на гармошечном механизме из жилетного кармана некоего господина выпрыгнули часы, крышка открылась. Господин узнал время, и часы вернулись обратно.

В переулке снова поселилась тишина. Со стороны могло показаться, что там никого нет, а высокая фигура в цилиндре и пальто с высоким воротником и пелериной, какие носят в районе Набережных, — это не более чем груда старого хлама, одна из многих, сваленных на задворках вокзала. И уж точно никто не разобрал бы в ней известного в определенных кругах

доктора Эдварда Эрмана по прозвищу «Механист».

Пальцы в черных кожаных перчатках нервно постукивали по ручке чемоданчика, густые черные брови хмурились. Тревогу, охватившую доктора, можно было понять: он ждал уже полчаса, притом что с каждой минутой своего пребывания в Тремпл-Толл риск попасть в неприятности для него все возрастал. Его пышную смоляную шевелюру, в которой проглядывали седые пряди, крючковатый нос, полукруглый шрам на левой щеке и черные, словно он пил чернила, губы здесь хорошо знали, так как портрет «безумного Механиста» занимал почетное место на стене в Доме-с-синей-крышей среди портретов прочих, кого разыскивает полиция.

Если бы не назначенная встреча, он бы не рискнул явиться сюда — история с Рэдингчатетом была еще слишком свежа в памяти жителей Саквояжни...

Доктор Эрман дважды быстро согнул мизинец на левой руке, и в следующий миг цилиндр на его голове приподнялся на специальном механизме, несколько раз провернулся, сбрасывая с тульи и полей снег, после чего вернулся на свое место.

«Где же он ходит?!» — раздраженно подумал Механист, и тут, словно в ответ на его мысли, в переулке кто-то появился.

Высокий тип с зонтиком шагнул напрямик к нему.

Доктор подобрался и крепко стиснул ручки чемоданчика, оттопырив безымянный палец на левой руке — одно неосторожное движение этого типа, он согнет палец, и тогда тот пожалеет, что вообще решил прийти. Механист надеялся, что до этого не дойдет.

Увидев большую круглую голову, длинный нос и кривую усмешку подошедшего типа, доктор вздрогнул, но палец не согнул — рано.

— Д-добрый вечер, — произнес доктор Эрман, чуть заикаясь. — Я ждал в-вас.

Снеговик не ответил — казалось, его забавляла нервозность Механиста.

— Я все сд-д-делал. Это было непросто, но мне удалось. Надеюсь, он это отм-м-етит.

Снеговик по-прежнему не произнес ни слова.

Доктор Эрман протянул ему чемоданчик. Оттопыренный безымянный палец дрогнул, но снеговик нападать не собирался. Он взял чемоданчик.

— В-в-вам нужна схема? Я мог бы объяснить п-принцип действия этого устройства.

Снеговик покачал головой, развернулся и двинулся к выходу из переулка.

— В-вы ведь передадите ему, что мы в расчете? Я больше ничего не д-должен.

Снеговик застыл, повернул голову к доктору.

Кривая зубастая прорезь его рта не шевельнулась, но откуда-то из недр круглой снежной головы раздался тихий шелестящий голос:

— Долг выплачен, доктор.

Доктор Эрман вздрогнул, узнав этот голос.

Не прибавив больше ни слова, снеговик удалился.

Вскоре звук его шагов стих, но доктор еще какое-то время выжидал. Наконец, удостоверившись, что его странный собеседник возвращаться не планирует, он три раза провернул безымянный палец на левой руке по часовой стрелке. Сбоку тут же раздался звон.

Доктор Эрман подошел к трухлявым заснеженным ящикам, стоявшим у стены, и стянул с одного из них драную грязную ветошь. Под ней разместилась небольшая самовзводная турель, дуло которой было направлено на то место, где недавно стоял снеговик.

Доктор переключил рычажок на треноге, и турель со звоном сложилась, после чего с четырех сторон от нее сами собой поднялись стенки футляра, крышка захлопнулась,

щелкнули замки.

Взяв футляр за ручку, доктор нырнул в узкий боковой проход и спешно двинулся к станции «Чемоданная площадь». Пора было убираться из Тремпл-Толл. Скоро здесь должны были развернуться события, от которых лучше держаться подальше.

Мистер Твуни был невероятно зол. Это обидно! Несправедливо! Нет, тысячу раз несправедливо!

После возвращения в эллинг он рассказ своим приятелям-аэрокэбменам о том, что лично, своими собственными глазами, видел Человека-в-красном, и ему никто не поверил! Более того, эти злыдни начали потешаться над ним. «Чего только не померещится, Твуни!», «Хватит заливать, Твуни!», «Человек-в-красном, скажешь тоже, Твуни!» — говорили они. А у Роджера Твуни попросту не было, чем ответить.

Зазвонили часы над рубкой старика Хопхерта, зрителя эллинга, и экипажники начали расходиться по домам. Рабочий день закончился.

Мистер Твуни еще минут двадцать провозился у своего аэрокэба: опустошил зольник, прочистил трубы и спустил газ из баллонетов. Заполнив маслом фонари и проверив напоследок пропеллеры, он закрыл крышки на двигательном коробе, после чего, сдав вечернюю выручку и получив у мистера Хопхерта жалованье за день, направился к служебному выходу.

Зритель эллинга вслед ему крикнул: «Передавай привет Каминнику, Твуни!», отчего аэрокэбмен тихо выругался.

У входа, кутаясь в свое тонкое пальтишко, его ждала Мэри. Стоя под зонтиком, она притопывала от холода. Увидев жену, мистер Твуни улыбнулся. На душе у него потеплело.

— Роджер! — воскликнула Мэри и бросилась к нему в объятия.

— Я тебе такое расскажу! — сказал аэрокэбмен. — Ты не согласишься!

Но он знал, что она поверит.

Мистер и миссис Твуни, держась за руки, пошли домой. Он рассказывал ей о Человеке-в-красном, и она слушала его, распахнув рот.

— Человек-в-красном, тоже мне, — проворчал старик Хопхерт, глядя в окошко вслед удаляющейся чете Твуни. — Да он давно забыл сюда дорогу...

Кряхтя, Хопхерт задернул шторку и погасил все лампы в эллинге — единственный огонек остался гореть лишь в его рубке. Зритель повернул рог радиофора, откупорил подаренную ему кем-то из кэбменов (он точно не знал, кем именно, ведь она, перевязанная ленточкой, просто появилась на его столе) бутылочку «Понтабрюха» и устроился в кресле. Уже через десять минут он всюду храпел под бубнеж диктора: *«Мальчики выбрались из логова жуткого зимнего духа и бросились через заснеженный лес. За спиной раздался преисполненный ярости крик — Он заметил их пропажу!..»*

— *Не оглядывайся!* — воскликнул Маленький Джек, крепко сжимаемая ладонь брата. — *Не бойся! Он нас не догонит!*

— *Мне страшно, Джек!* — отозвался Джон-пуговка. — *Он снова засунет меня в свой мешок...»*

В темном эллинге вдруг раздался металлический скрежет, крышка люка в полу поднялась, и из-под земли выбрались двое.

Двое являлись обладателями больших круглых голов, длинных острых носов и ехидных ухмылок.

Оглядев эллинг, снеговики двинулись по проходу между аэрокэбами. Один из них ткнул рукой в экипаж мистера Твуни. Другой кивнул.

Носатые замерли, прислушиваясь. Отметив раздающийся из рубки смотрителя храп, они затряслись в беззвучном смехе. Никто не помешает им проверить задуманное...

Убедившись, что в эллинге, помимо спящего мистера Хопхерта и радиофора, из которого звучал «Мешок Крампуса», никого нет, снеговики взялись за дело. Хотя правильнее будет сказать, что какое-то время они без толку стояли на месте, пытаясь понять, с чего начать.

Наконец, носатые, видимо, вспомнили, что именно от них требуется, и подтащили к аэрокэбу шланги. Откинув лючки на кормовой части оболочки, они вставили концы шлангов в разъемы, клацнули замки. После чего один из снеговиков ринулся к громадным баллонам газгольдеров и провернул вентили. По шлангам в оболочку аэрокэба пошел газ...

Вскоре на приборной доске в кабине кэбмена запищал один из датчиков, давая сигнал о том, что баллонеты заполнены, и снеговик перекрыл вентили.

Его поделник отсоединил шланги и, закрыв лючки, принялся заполнять топливный бак химрастопкой. Длинные кривые пальцы умело вставили во все камеры цилиндрики с этикетками «Растопка Ффер».

Когда дело было сделано, снеговики, усевшись в кабину, зажгли топку, закрыли дверцы и принялись ждать. Минут через десять загорелся датчик нагрева, и стрелка переползла с отметки «*Теплится*» на отметку «*Котел разогрет*». В кабине сперва стало тепло, а потом и вовсе жарко. С кончиков снежных носов начало капать, словно их обладатели вдруг подхватили простуду.

Один из снеговиков достал бумажку, на которой был записан подробный план действий и изображена схема приборной доски. Найдя нужные тумблеры, носатый переключил их, и двигатели заурчали. Кэб принялся дрожать, выхлопные трубы исторгли из себя облака дыма. Зажглись бортовые огни, пару раз мигнув, загорелись и круглые фары.

Снеговик, сидевший в штурманском кресле, потянулся к рычагам, за что тут же получил по рукам. Подобного оскорбления он стерпеть не мог, и ткнул поделника в бок. Тот ответил, и в кабине началась настоящая снеговичная драка.

После взаимного обмена пинками и тычками снеговик за штурвалом запустил пропеллеры и толкнул главный рычаг.

Машина оторвалась от земли и взлетела на несколько футов, но затем плюхнулась обратно, задев стоявший рядом аэрокэб. Рессоры заскрипели. Носатых экипажников потрянуло.

Вторая попытка оказалась не намного удачнее предыдущей. Кэб поднялся чуть выше и стукнул колесом оболочку все того же имевшего неосторожность стоять поблизости экипажа.

Наконец до незадачливых угонщиков дошло, что взлетать внутри эллинга — не лучшая идея и что сперва нужно выбраться под открытое небо. Когда машина вновь вернулась на землю, снеговик в кресле кэбмена нажал ногой на педаль и толкнул штурвал. Экипаж пополз по проезду, вихляя из стороны в сторону и с грохотом наталкиваясь на прочие аэрокэбы.

На борту появилась вмятина, правая фара разбилась и погасла, и все же вскоре экипаж кое-как подкатил к выезду из эллинга.

«Штурман» распахнул дверцу и, выпрыгнув их экипажа, ринулся к рубке зрителя. Зайдя внутрь, он окинул насмешливым взглядом храпящего мистера Хопхерта — снотворное в подаренном вине действовало отлично: этот глупый человечиска и не подумает просыпаться еще по меньшей мере три часа.

Снеговик нашел рычаг управления воротами эллинга и, отжав рукоятку, дернул его изо всех сил. В тот же миг лебедки с гулом пришли в движение, натянулись цепи, и створки, открываясь, поползли в стороны на рельсах.

Экипаж закляксонировал и проехал в открывшийся проем. «Штурман» бросился к нему на ходу запрыгнул в кабину и захлопнул дверцу.

Стоило аэрокэбу покинуть элинг, носатый в кресле кэбмена, вновь запустил пропеллеры и потянул на себя штурвал.

Экипаж оторвался от земли и, заваливаясь то на левый, то на правый борт, начал набирать высоту. Небо пронзили лихорадочный гудок клаксона и визг одновременно дюжины датчиков.

Угон аэрокэба прошел не то, чтобы гладко, но весьма успешно. Впрочем, учитывая то, как экипаж болтало, бросало то вниз, то вверх и постоянно швыряло из стороны в сторону, полагать, что и сам полет пройдет удачно, было слишком... преждевременно.

Развернувшись в воздухе, аэрокэб понесся сквозь снег в сторону канала.

Незадолго до описанных выше событий.

Зои Гримм не могла найти себе места от предвкушения.

Ее руки дрожали, и снежок, который она лепила, чтобы убить время, выходил каким-то нескладным и кривобоким. Но она этого даже не замечала.

Вот-вот должно было произойти то, чего Зои ждала с того самого момента, как в ее голове сложился план действий.

Все, что она сегодня учудила и еще только собиралась учудить, разумеется, согревало ее студеную душу, но кое-чего все же не хватало. На ее счету были внезапные вторжения, создание снежного переполоха, громкие ограбления, тихие кражи, взрыв редакции газеты, проникновения за шиворот к врагу, схватки с жуткими монстрами и нерасторопными констеблями. У нее были прихвостни и собственное логово, имелся большой и сложный план. И тем не менее, в понимании Зои, один пункт в «Списке дел Настоящего Злодея» пока не был выполнен.

Никакой уважающий себя злодей не обходится без темных сделок в укромном месте под покровом темноты. И Зои не могла лишиться себя удовольствия повернуть такую сделку.

Встреча была назначена на пустынной аллее в тени голых скрюченных вязов, в некотором отдалении от стены парка Элмз. Лучше места для обмена и не придумаешь: еще бы, ведь это самый запущенный и нехоженный закуток во всем Элмз.

Осталось только дожидаться прибытия «другой стороны», и Зои вся изнывала от нетерпения.

Говард Бек, которого она взяла с собой, ее чувств не разделял: он многое слышал о тех, с кем была назначена встреча, — и совсем ничего хорошего. Кукла, не смолкая, ныла, твердя, что напрасно они все это затеяли и что хуже всего — не взяли мистера Пибоди и прочих

«снежных мистеров». На это Зои отвечала, что беспокоиться не о чем — «воспитанные джентльмены», которых они ждут, мол, не рискнут играть грязно с самой мисс Гримм, о которой весь день пишут в газетах. К тому же у Пибоди и остальных были свои задания...

Когда стрелка на карманных часах Зои безразлично перепрыгнула назначенное время, ей впервые стало тревожно: «А что если они не приедут?»

Впрочем, вскоре ее страхи рассыпались мелким крошечком, как и снежок, сжатый в пальцах: в темноте появились огни фонарей, раздался рев двигателя, и из тоннеля в парк въехал темно-красный экипаж «Трудс». На его крыше ремнями были закреплены ящики, в которых, вероятно, и содержалось то, что нужно было Зои для ее дела.

«Трудс» остановился в некотором отдалении, и из него выбрались пятеро рыжих типов в серых пальто и с причудливыми прическами в виде свечных огоньков. Оглядываясь по сторонам и держа руки на рукоятках револьверов, они подошли к Зои и Говарду Беку.

Главный, отвратного вида громила с кривым шрамом через все лицо, хрипнул:

— Гриппин.

— Сочувствую, — сказала Зои.

— Это мое имя, — рявкнул громила и оскалился. Говард Бек потянул Зои за край пелерины и прошептал: «У него железный зуб! Ну все, мы точно пропали...»

Зои проигнорировала.

— Ой, прошу прощения, мистер Гриппин, — сказала она. — Я подумала, что вы кашлянули. Я — Зои Гримм, а это — Настоящий Человек.

Гриппин с хрустом повел шеей из стороны в сторону. Уяснив, что, помимо мисс Гримм и ее спутника-коротышки, здесь никого больше нет, он заметно расслабился.

— Я думала, приедет лично мистер Бёрнс, — Зои обиженно поджала губки.

— Мистер Бёрнс передавал извинения за то, что не смог присутствовать — перед Новым годом у босса очень много дел: украсить елку с семьей, запечь гуся, подарочки-открыточки там всякие...

— Ладно уж, — проворчала Зои. — Вы привезли то, о чем мы договаривались?

Улыбка на угловатом щетинистом лице Гриппина растянулась и стала шире. При этом его уродливый шрам изогнулся полумесяцем.

— Очень странный заказ, — сказал громила. — Обычно мы занимаемся кое-чем более... гм... громким.

— Я вообще очень странная, — важно заявила Зои.

— Да мы уж заметили, верно, парни? — бросил Гриппин, и его спутники ответили нестройным бурчанием.

— Я думал, мы увидим снеговиков, — сказал один из свечников, и громила кивнул.

— Все так. Мисс Гримм, вы наделали сегодня шуму в Саквояже. Все талдычат о каких-то снеговиках. Мол, повсюду с вами бродят снеговики, которых вы якобы приручили. Хотелось бы глянуть на них хоть одним глазком. Но что-то я их здесь не вижу. Неужто всё врут про них?

— Да! — ответила Зои. — Или нет? В общем, то, что мне прислуживает множество снеговиков, правда.

— И где же они сейчас?

— Заняты очень важными делами, — вставил Говард Бек.

Гриппин глянул на куклу, и та испуганно затрясла головой.

— А это еще что за говорящее полено? Личный громила?

Свечники рассмеялись над шуткой Гриппина, и тот продолжил:

— Вы принесли то, что обещали мистеру Бёрнсу?

Зои кивнула и достала из кармана мешочек. Внутри звякнули ключи.

— Замечательно! — Гриппин потер руки в перчатках-митенках. — Ключи от всех Саквояжных трубней... И как вам удалось их добыть?

— О, это очень занимательная история, — вдохновенно начала Зои. — Все началось с констебля Домби. Мне сразу показалось, что он...

— Ключи! — перебил Гриппин, вытянув руку.

Зои вспыхнула.

— Но я же собиралась рассказать...

— Боссу расскажешь.

— Я думала, что он дома, украшает елку!

Гриппин чуть повернул голову:

— Что скажете, парни? Боссу понравится, если мы притащим к нему Зои Гримм? Недурной подарочек под елочку выйдет, а?!

Свечники закивали и достали револьверы.

Говард Бек завизжал. Зои прищурилась и заскрипела зубами.

Все пошло не по плану...

Зои Гримм любила зевать, и вот, кажется, она зазевалась. Когда связываешься с типами, выползшими из-под той самой печально известной изнанки Габена, нужно глядеть в оба, держать нос по ветру, а рот закрытым. Их нельзя недооценивать и... что ж Гриппин так ей и сказал:

— Ты недооценила свечников, милочка!

— Дайте угадаю, мистер Гриппин, это подставка? — спросила Зои.

Все пятеро рыжих, не сговариваясь, хохотнули.

— Правильно говорить «подстава», — сказал громила. — Неудивительно, что ты попала, раз даже таких простых вещей не знаешь.

— Хм. Так я и думала!

Зои солгала. Она так не думала. Новая габенская злодейка искренне полагала, что все пройдет как по маслу.

— Вы решили нарушить сделку! — возмущенно воскликнула Зои. — Вы вообще привезли то, что должны были, или изначально решили меня... как там говорится?... нагреть?!

— Ну, мы ожидали встретить тут целую толпу вооруженных до зубов снеговиков, — признался Гриппин, — а увидели лишь чудачку с носатой куклой! Мы привезли товар, но зачем отдавать его, если можно и получить ключики, и захомутать саму Зои Гримм, верно?

— Так нечестно! — совсем по-детски огорчилась Зои и даже топнула ножкой.

— Ключи! — повторил Гриппин.

Зои Гримм спрятала мешочек в карман и сложила руки на груди.

— Мне не нравятся ваши манеры, господа, — заявила она. — А еще мне не нравятся ваши рожи и глупые прически! И знаете что? Вам стоило помыть свои грязные ручонки и почистить грязные намерения прежде, чем связываться с Зои Гримм!

Рыжие взвели курки, но Зои не стала дожидаться, пока они выстрелят.

— С Новым годом, гадкие свечники! — воскликнула она.

Это был условный знак. Говард Бек дернул за конец нитки, которую все это время

сжимал в руке, и... ничего. Лишь скрипнули ветви старых вязов на ветру.

— Что-то должно было произойти? — спросил Гриппин, усмехаясь. — А я даже успел...

Его слова оборвал грохот. Снежная бомба взорвалась в двадцати шагах от того места, где происходил обмен «любезностями». В «Трудсе» вылетели стекла, фонари погасли. Сам экипаж качнулся, но устоял. Чего не скажешь о его хозяевах. Свечников отшвырнуло прочь и с головой накрыло снегом.

Им несказанно повезло, что взрыв коснулся их лишь краешком.

Отплевываясь от снега и грязно ругаясь, свечники поднялись на ноги. У каждого из них в глазах двоилось, в голове гудело. Рыжие не сразу поняли, что произошло.

— Они... — прохрипел Гриппин, трюся головой и таким образом пытаюсь унять звон в ушах. — Они... хотят сбежать.

И хоть он был недалеко от истины, все же на деле все обстояло несколько иначе: Зои Гримм и Говард Бек ничего не хотели — они, не оглядываясь, уже неслись прочь. Причем в разные стороны.

Гриппин крикнул: «Роуч, Фиттль! За куклой!», — и двое свечников, все еще шатаясь и поскользываясь на снегу, бросились в погоню за Говардом. Сам же громила и его оставшиеся пособники побежали следом за Зои Гримм.

Действовали они умело — сказывался большой опыт загонять жертву.

Один свечник зашел справа, другой слева, отрезая пути к отступлению и заставляя беглянку двигать по прямой.

О, они явно знали, что делают, поскольку вскоре Зои оказалась в тупике — прямо перед ней возвышалась парковая стена.

— Ну что за невезение!

Зои обернулась.

— Думала, твои фокусы тебе помогут? — прорычал Гриппин, надвигаясь на нее. — Нет, не помогут! Взять ее!

Свечники бросились к мисс Гримм. Одного она с размаху приложила барабаном в лицо, отчего тот треснул, а нос свечника пробил кожу и застрял в ней. Другой оказался расторопнее товарища, и ему даже удалось схватить Зои за край пелерины. Извернувшись, она с размаху ударила его ногой в пах — в тот миг мисс Гримм могла бы даже поклясться, что услышала мелодичный перезвон бубенцов. Свечник скрючился, принявшись хватать ртом воздух.

— Так вам и на... — начала было Зои, но тут громадные сильные руки схватили ее за горло и оторвали от земли. Мисс Гримм захрипела и принялась молотить руками и ногами, но Гриппину все было нипочем. Он рассмеялся ей прямо в лицо, обдав ее зловонием и бурными слюнями.

— Босс не сильно огорчится, если тебя ему доставят слегка примятой. Знаешь, я считаю, дамочкам весьма к лицу быть немного побитыми и придушенными.

Он отпустил одну руку и с размаху отвесил Зои пощечину. Мисс Гримм отлетела на пару шагов и рухнула в снег. Гриппин подошел и схватил ее за волосы.

Зои закричала.

Между тем в себя пришли и остальные свечники. Они ринулись Гриппину на помощь.

Боль и ярость застилала Зои Гримм глаза. И тем не менее так просто сдаваться она не собиралась. Из рукава в ее ладонь нырнула длинная шляпная булавка. Зои ткнула не глядя

подбежавших свечников.

Те взвыли и принялись прыгать на месте — один, потрясая раненой рукой, а другой, схватившись за бедро. При этом они начали вопить: «Болит! Болит! Я распух!»

— Уймись! — прикрикнул на них Гриппин, вырвав из руки Зои булавку. — Ничего у вас не опухло. Вы ничего не спугали, огарки?! Это не миссис Кроукло с ее занозами, а фиглярка Зои Гримм!

Подельники тут же прекратили дергаться. Подскочив к Зои, они начали безжалостно пинать ее ногами.

— Хватит! Пока что, — усмехнулся Гриппин. — Тащите ее в экипаж, парни.

Свечники схватили Зои за ноги и поволокли прямо по снегу. Она кричала, выла, пыталась отбиваться, но вырваться не получалось.

— Что, тебе больше не смешно, дрянь? — прорычал Гриппин.

Веселые и забавные злодейства и правда кончились. Больше не было той хитроумной и дерзкой Зои Гримм, которая строит планы и всегда выходит из затруднений с шиком или... нет, просто не попадает в затруднения.

Сейчас она превратилась в самую обычную женщину, бессильную и слабую.

На что она рассчитывала?

Как и сказал Гриппин, ее фокусы ей не помогли. И никто ей не поможет... Говард Бек был прав: нужно было взять с собой мистера Пибоди. И почему она не взяла его?..

— Пибоди-и-и-и-и! — кричала Зои, в то время как свечники волокли ее к «Трудсу», но мистер Пибоди был далеко и не слышал свою хозяйку.

Правда, услышал кое-кто другой.

На аллее раздался крик:

— Что вы делаете?! Не трожьте ее!

Свечники замерли и обернулись. На них, сжимая в руках обломанную ветку дерева, глядел среднего роста человек в кашлатом зеленом пальто и котелке, с круглыми очками на носу и клочковатой рыжей бородой.

— Разрази меня гром! — расхохотался Гриппин. — Да это же мистер Скорее-повешусь-чем-что-то-украду Бикни собственной никчемной персоной!

Зои задергалась и завопила:

— Помогите! Помогите!

Мистер в очках подошел ближе. Если и был сейчас в Габене человек, меньше всего похожий на спасителя, то это, вне всяких сомнений, был именно Бикни: перепуганный, дрожащий, он сам походил на того, кому не помешает помощь.

— Мистер Гриппин, — сказал Бикни, пытаясь скрыть неуверенность, но выходило у него это весьма посредственно, — прошу вас по-хорошему: отпустите эту бедную мисс...

— И что ты сделаешь, Бикни? — презрительно бросил Гриппин. — Вы слышали, парни? Худший из всех карманников в Саквояжне, известный трус и неудачник, угрожает нам, свечникам!

Достав из-за пояса большой нож, он продолжил:

— Кто бы мог подумать, что ты объявишься, Бикни! И что посмеешь высунуть нос из своей вонючей норы! Ты нанес смертельное оскорбление мистеру Бёрнсу тем, что отверг его предложение вступить в банду и стать одним из нас. Думаешь, к свечникам зовут без разбору всех рыжих? Словами не передать, как я рад тебя видеть, дружище! У нас всё руки не доходили подвесить тебя на фонарном столбе, но тут ты сам притащил свою тушу! Правду

говорят: канун Нового года — время чудес!

— Я все правильно сделал, отказавшись вступать в вашу банду! — ответил Бикни. — Таких закоренелых мразей еще поискать: напасть втроем на бедную мисс! Еще и в праздник! Мне было бы стыдно быть свечником!

— «Бедная мисс»? — рявкнул Гриппин. — Да ты знаешь, кто это такая?

— Неважно! Отпустите ее!

Бикни сделал неуверенный шаг и поднял палку.

— Парни! — бросил Гриппин, наступив башмаком на грудь Зои, и свечники, отпустив мисс Гримм, ринулись к Бикни.

Тот вскинул палку и тут же выдал, что не представляет, что с ней делать. Один из свечников с легкостью увернулся от удара и стукнул Бикни кулаком в глаз — при этом очки Бикни разбились и слетели с носа. Другой тут же поставил воришке подножку и толкнул его на землю. После чего оба бандита принялись делать то, что они любили больше всего, — пинать свою жертву ногами.

— Сюда его волочите! — велел Гриппин. — Кажется, мистера Бёрнса ждут целых два подарочка!

Свечники схватили Бикни за шиворот и поволокли к экипажу.

Когда они подтащили его, Гриппин рывком поставил его на ноги.

— Внутрь ее! — приказал громила, и, приставив нож к горлу воришки, плюнул ему в лицо. — Никто не смеет выказывать неуважение свечникам, — прошипел он. — Как считаешь, босс не сильно огорчится, если я тебя сперва вспорю? Так, не сильно: шовчик тут, шовчик там... Или позволить боссу самому разделать тебя, как рыбу? Что скажешь?

Бикни сжал зубы, чтобы не расплакаться — твердостью характера он никогда не отличался. Да и как следует поразмыслить над предложенным ему выбором он не мог — в голове звенело.

Подельники Гриппина тем временем уже почти заволокли брыкающуюся Зою Гримм в салон «Трудса», но тут неожиданно кое-что произошло.

Чиркнула спичка.

Свечники переглянулись.

Звук раздался из-за экипажа. Оттуда же поднялось в воздух облачко бурого папиретного дыма. Тот, кто там стоял, закурил.

Гриппин кивнул одному из рыжих, и тот, отпустив Зою и вытащив из башмака нож, на цыпочках обошел «Трудс».

В тот же миг за экипажем что-то зажужжало, загудело, раздался липкий чавкающий звук, словно кто-то уронил пудинг, за которым последовало недоуменное «Мгм?!»

— Косоглаз?! — позвал Гриппин, но ему не ответили.

Зою Гримм рассмеялась, и громила почувствовал, как по спине вдруг побежали мурашки.

— Прощайтесь с жизнью, гадкие свечники! — крикнула она.

Все дальнейшее произошло так быстро, что никто ничего не успел предпринять.

Гриппин уже раскрыл было рот, чтобы заткнуть Зою Гримм, а затем велеть последнему из оставшихся подельников проверить, что там творится, но так и застыл с раскрытым ртом.

На крыше экипажа появилась высокая фигура в пальто. В руках незнакомец держал странное приспособление, отдаленно похожее на винтовку, — от этого необычного оружия отходили шланги, соединяющиеся с коробом за спиной здоровяка.

Незнакомец навел раструб ствола на свечника, который по-прежнему держал Зою Гримм, и нажал на спусковой крючок. Раздалось уже знакомое жужжание, оружие в руках здоровяка загудело, и из него вырвалась вязкая молочно-белая струя.

Свечник не успел даже дернуться, когда оказался с ног до головы облеплен слизью. Та застыла за секунду. Бандит, напоминая уродливый комковатый торт, завалился на бок и, что-то промышав через белесую пленку, затянувшую его лицо, упал на землю.

— Липкий снег! — торжествующе провозгласила Зоя Гримм и захлопала в ладоши. Больше она не выглядела, как жалкая побитая собачонка. — Что, не ожидали такого?!

Незнакомец навел оружие на Гриппина, и тот не выдержал. Отшвырнув в сторону Бикни, он со всех ног ринулся прочь. Убежать далеко ему, впрочем, не удалось. Очередной поток клейкой массы ударил ему в спину.

Когда громадная туша Гриппина рухнула в снег, в ней уже почти не угадывалась, собственно, туша Гриппина. Теперь это был стонущий сугроб, прихваченный морозом.

Бикни поднялся на ноги, потрясенно уставившись на свечника. Он почти ничего не видел без своих очков и дрожащими пальцами полез в карман пальто — у него где-то были еще одни: разбивать очки для него было не в новинку.

Ну а Зоя Гримм... по ее мнению, свечник Гриппин еще не достаточно ответил за то, что сделал.

— Мерзавец! Уродец! Неотесанный чурбан! — Она набросилась на покрытого липким снегом громилу и принялась молотить его.

Не в силах сопротивляться, Гриппин мог лишь стонать и мычать, а Зоя все не останавливалась.

— Мэм, думаю, с него хватит! — начал было Бикни, но Зоя глянула на него с такой яростью, что он тут же язык проглотил.

— Нет уж, не хватит!

Тяжело дыша, Зоя Гримм оглядела место драки и подобрала нож Гриппина. Подошла к громиле и склонилась над ним.

— Мэм... — начал было воришка. Он шагнул к Зое, пытаясь воззвать ее к голосу разума, но дорогу ему преградил неожиданно оказавшийся рядом тип, буквально только что стоявший на крыше экипажа свечников. Тип угрожающе покачал своей странной круглой головой.

— Этого не трогайте, мистер Пибоди! — велела Зоя. — А я пока...

— Мэм, не стоит... — начал было воришка, но Зоя перебила его:

— А мне кажется, стоит, — сказала она, схватив громилу за волосы. — Кое-кто здесь, кажется, забыл, что я злодейка. А злодеек не стоит злить!

Зоя Гримм расхохоталась жутким безумным смехом. Нож опустился и начал кромсать.

Не в силах глядеть на развернувшийся ужас, Бикни зажмурился.

Гриппин мычал и пытался дергаться, но клейкий вязкий кокон не позволял ему вырваться.

Наконец Зоя закончила свое черное дело, ткнула громиле под нос его отрезанную свечную прическу и со словами «Подарочек боссу от меня!» засунула пучок волос ему в карман.

Весьма довольная собой, Зоя повернулась к снеговика и кивнула на оружие в его руках.

— Что скажете, мистер Пибоди? А неплохое устройство сделал для нас наш изобретательный друг!

Мистер Пибоди пожал плечами.

— Вы, конечно, как всегда, не торопились! — продолжила Зои ворчливо. — И почему я выбрала себе в прихвостни такого нерасторопного типа? В чем заключался план? Я тяну время с этими рыжими злыднями, пока вы не появитесь! Но я не думала, что в плане было: «Не особо-то и чесаться, и пусть свечники прибьют Зои Гримм»!

Снеговик сконфуженно опустил голову, и Зои сменила гнев на милость:

— Ладно, я не злюсь, мистер Пибоди, ведь в итоге все прошло, как задумано. Мы заполучили «товар», оставили себе ключики и — самое главное! — опробовали наш «снегомет». Что? Мне все равно, как эта штукавица называлась раньше! Теперь это — «Ужасный и смертельный снегомет Зои Гримм». Ну, не будьте занудой: я и сама знаю, что он не очень-то смертельный! Но как все удачно обернулось!

Зои считала, что настоящие злодеи не просто проворачивают сделки в темных укромных закутках, но и непременно устраивают подставу, ведь какие они в ином случае злодеи. Она изначально не намеревалась играть честно и отдавать свечникам ключи от полицейских тумб. Но того, что они попытаются провернуть подобный фокус с ней, она в расчет не взяла. И все же Зои Гримм была довольна: все прошло даже лучше, чем она рассчитывала, и ей удалось воплотить в жизнь не просто подставу, а, благодаря злокозненности свечников, принять непосредственное участие в двойной подставе...

Бикни наконец нашарил в кармане очки и напялил их на нос. Поначалу он даже решил, что очки сломались или еще что, поскольку прямо на него, криво ухмыляясь, глядел... снеговик!

— Я... я знаю, кто вы, — пробормотал воришка, когда первое удивление отступило.

Зои поправила пелерину и надела на голову слетевший капюшон.

— Ох, уж эта злодейская слава. — Отряхнув одежду от снега, она сказала: — Это мистер Бикни — он появился как нельзя вовремя. И хоть он не сильно помог... что, мистер Пибоди? Ах да, вежливость. — Зои Гримм с улыбкой поглядела на Бикни. — Я вам благодарна, мистер Бикни. Не каждый очертя голову ринется бы в драку со свечниками ради какой-то незнакомки. Я у вас в долгу. Может быть, я могу как-то вам отплатить?

Бикни неуверенно потоптался на месте, и Зои окинула его подозрительным взглядом.

— Что?

— А может... может, у вас найдется немного елочных игрушек?

Зои Гримм и мистер Пибоди переглянулись.

— Разве я похожа на человека, у которого есть елка или игрушки? — спросила злодейка.

— Нет, мэм, не похожи... простите... я просто подумал... А лампочек у вас не найдется?

— Лампочек? Электрических? Вот еще — я им не доверяю! А зачем вам лампочки?

Бикни пригорюнился и пробормотал:

— Я был прав. Бедняки не заслуживают праздника... Я подвел Артура, эх, Бикни-Бикни...

Зои нахмурилась.

— Что еще за Артур?

— Мой друг, Артур Клокворк. Он продает...

— Шестеренки, — закончила Зои досадливо.

— О, вы знаете Артура?

Зои поморщилась. За весь этот день она столько всего натворила, но жалела лишь об одном: о том, как обманула того несчастного щуплого типа с чемоданчиком. И все в этом городе будто сговорились, то и дело напоминая ей о ее неблагоприятном поступке.

Впрочем, долго терзаться угрызениями совести Зои не пришлось. В небе над парком раздался протяжный гудок клаксона.

Мисс Гримм, Бикни и мистер Пибоди задрали головы и увидели качающийся и подпрыгивающий в воздухе аэрокэб.

— Самое время! — воскликнула Зои Гримм.

Экипаж начал снижение, и вскоре, едва не задавив злодейку, ее прихвостня и воришку-неудачника, приземлился на аллее.

Из кабины, спотыкаясь и качаясь из стороны в сторону, выбрались двое снеговиков.

— Грузите ящики в салон! — велела им Зои Гримм. — И поживее, у нас очень мало времени. Дело не ждет!

Трое снеговиков взялись за перегрузку, а Зои повернулась к Бикни.

— Что касается лампочек... — сказала она. — Найдите мистера Балба, торговца с Рынка-в-сером-колодце, его прилавок стоит в Слепом Закутке, у южной стены рынка. Если повезет, он все еще там. Когда-то мы с папой охотились на людей-кротов, и торговец лампочками помог нам.

— Люди-кроты?! — потрясенно прошептал Бикни. — Они существуют?

— Конечно, существуют. Что за странный вопрос!

Снеговики меж тем перетаскали все ящики в аэрокэб. Мистер Пибоди исчез в салоне, двое других забрались в кабину — запустили двигатель.

Зои встала на подножку.

— Счастливого Нового года, мистер Бикни. Думаю, несмотря на то, что вы сказали, в отличие от многих других, вы заслуживаете праздник и еще того, чтобы к вам этой ночью прилетел Человек-в-красном с мешком подарков.

— Человек-в-красном? Он что, тоже существует?

Отчего-то Бикни был искренне уверен, что кто-кто, но Зои Гримм обладает достоверными сведениями о Каминнике.

— Конечно, существует. Что за странный вопрос!

Зои села в салон, и аэрокэб оторвался от земли.

— Но он меня не знает! — воскликнул Бикни. — Я не писал ему писем!

— Не беспокойтесь, мистер Бикни, я расскажу ему о вас!

Дверца захлопнулась.

Экипаж поднимался все выше и выше, пока не превратился в комок рыжего света в черном заснеженном небе.

— Вот ведь странность и чудачество... — пробормотал Бикни. На аллее, не считая свечников, он остался один.

Гриппин и его приятели что-то замычали.

— Кажется, мне тоже пора...

«Я — модница, которая носила синее. Мой страшный голос заставлял мышей забиваться в норы. Я визжала, я редела, но меня задушили. Комок застрял в моем горле, и я

подавилась. Я живу там, где тянется нить, что связывает блоху с саквояжем».

Сумасшедшие и их загадки... Кто-то сказал бы, что с безумцами не стоит иметь никаких дел, да и вообще лучше держаться от них подальше. И то правда: главная опасность сумасшедших вовсе не в том, что они разбивают яйцо с неправильного конца, время от времени вскрикивают дроздом или мнят себя великими полководцами прошлого, а то, что они непредсказуемы.

Глупо, беспечно, рискованно, самоуверенно, самоубийственно — все это было о том, на что решилась Полли Уиннифред Трикк.

Охота на Зои Гримм зашла в тупик после того, как Полли обнаружила страшную тайну о многолетней череде убийств, замаскированных под несчастные случаи. Она выяснила, что Зои Гримм знает об этих убийствах и что проверяет их жертв, посещая их лично. В газету она, видимо, пришла как раз-таки, чтобы встретиться с Уиггинсом и узнать все о «неожиданном повороте» — по бегающим глазкам газетчика и неосторожно брошенным фразам Полли поняла, что именно он пытался утаить.

Идти по всему списку и проверять каждого, чей некролог в нем содержался, у Полли не было ни времени, ни желания. Да и что это в итоге дало бы? Она узнала бы, что некая мисс в полосатых чулках и красной пелерине с капюшоном уже говорила с очевидцами имевших место трагедий?

Нет, она поступила хитрее. Затаилась. И прислушалась. А еще принялась. Вернее, не она сама, а некий мистер Б.Т. из «Сплетни». Полли полагала, что Трилби, благодаря своим осведомителям, сразу же узнает, если кто-то где-то заметит Зои Гримм, но чего она не ожидала, так это того, что злодейка сама напишет в газету.

Зои Гримм знала, что ее «шалости» не останутся незамеченными и что так же водить за нос Зубную Фею, как она это проделывала с хмырями из Дома-с-синей-крышей, у нее не выйдет. И... бросила ей вызов. Сумасшедшая, что с нее взять...

Была вероятность, что все это не более, чем уловка: мисс Гримм просто отвлекала ее, полагая, что, пока наивная Зубная Фея будет тратить время на разгадывание ее загадок, она провернет то, что задумала. Партридж бы так и сказал: «Если это не уловка, я съем свои брови!» Он часто грозился их съесть, но до сих пор, к неудовольствию Полли, брови были при нем.

Пустившись в эту авантюру с загадками, Зубная Фея все понимала и без своего докучливого помощника, но у нее не было выбора: она не знала, где искать Зои — в городе больше не происходили ограбления, никто не видел снеговиков.

Загадки сумасшедших...

Полли часто действовала безрассудно, но любопытство... это проклятое любопытство... К тому же, ее не покидало ощущение, что игра в загадки и правда должна к чему-то привести.

«Ох, как же я люблю эти ваши ощущения и предчувствия, мисс Трикк! И почему вы до сих пор не открыли в городе салон гаданий на кофейной гуще?!» — сказал бы Партридж, но сейчас его рядом не было, и Полли могла позволить себе игнорировать мнение этого ворчуна.

Зубная Фея опустилась на крышу харчевни «Подметка Труффо» и замерла у дымохода, напоминая горгулью.

Из окон «Подметки» на снег вытекали пятна рыжего света, изнутри доносился гул нетрезвых голосов вперемешку с весьма нетрезвой музыкой.

По мосту Ржавых Скрепек, который соединял Тремпл-Толл и Фли, пролязгал трамвай. Остановившись у входа в харчевню, он изрыгнул парочку рабочих в грубых куртках и вельветовых кепках.

Рабочие вошли в «Подметку», трамвай продолжил путь.

Зубная Фея оглядела опустевший мост. Загадка Зои Гримм привела ее сюда, но что именно ей требовалось найти?

Как там говорилось?

«Я — модница, которая носила синее»...

Нужно найти что-то синее. Или что-то, бывшее синим прежде. Разумеется, Полли сразу поняла, что речь идет вовсе не о человеке.

«Мой страшный голос заставлял мышей забиваться в норы. Я визжала, я редела, но меня задушили. Комок застрял в моем горле, и я подавилась».

— Страшный голос, который заставляет мышей прятаться... — прошептала Полли задумчиво. — Страшный голос... голос...

На ум пришли бронзовые вещатели, по которым сообщают о приближении бури, но ближайший находится на Блошином маяке на берегу канала, в то время как речь в загадке, несомненно, шла о мосте, но здесь ведь совсем ничего нет, кроме харчевни, станции и рельсов...

И тут Полли осенило. Ну разумеется!

— Что-то синее со страшным «голосом». Что в этой дыре под названием «Тремпл-Толл» есть синее, чего боятся... «мышь»?

Зубная Фея спустилась на землю, спрятала крылья в кофр-ранец и, оглядевшись по сторонам, двинулась к громадному сугробу, стоявшему напротив трамвайной станции.

Пост констебля, расположившийся у ограждения моста, подходил под условия загадки полностью: прежде тумба была синей, а ее вой заставлял шушерников забиваться в норы.

Зачем Зои Гримм указала ей на нее? Если это и ловушка, то в чем именно она заключается?

Покинутый пост констебля не выглядел хоть сколько-нибудь угрожающе. Полли не знала, что именно произошло с этой тумбой: четыре ржавые, дырявые трубы, обгоревшие, черные от копоти стенки, висящая на одной петле дверца, от надписи *«Полиция»* остались лишь «о», «л» и «я».

Полли заглянула за перила моста, пристально изучила ближайшие к тумбе футы снега, но скрытых ловушек так и не обнаружила. Положив ладонь на рукоять гарпунного пистолета, висевшего в кобуре на бедре, она взялась за осмотр самой тумбы. Заглянула в ящик...

«Комок застрял в моем горле, и я подавилась».

— Проверим, что это за комок...

Совать руки в трубы было рискованно — вдруг коварная мисс Гримм спрятала в одной из них мышеловку или что похуже.

Полли поочередно проверила каждое «горло», прежде простучав их. Мышеловки не было, но в нижней левой трубе обнаружилось кое-что другое.

Осторожно достав из раструба конверт, Полли развернула его.

— Ну конечно, — проворчала она. — Этого стоило ожидать...

В письме была очередная загадка:

«Я — урод: одна рука длиннее другой. У меня нет пальцев, но все понимают, куда я указываю. Жонглирую дюжиной шариков, но они недвижимы.

А живу я на ногте каменного пальца и каждый день слушаю людские пересуды да скрежещущее пение старых китов».

Прочитав загадку, Полли потрянула головой. Какая-то белиберда... Что это еще за цирковой жонглер-уродец?

«Может, речь идет о «Цирке мадам Д.Оже? Или о каком-то уличном балагане? Или... нет!»

Она оборвала себя, понимая, что ее мысли двигаются в неверном направлении. Предыдущая загадка несла в себе иносказательность. Нужно просто понять, что это за «урод». Что о нем известно?

«Одна рука у него короче другой, и все понимают, на что он указывает... указывает...»

— Ясно! — воскликнула Полли. — Это буквально указатель. С этим понятно, попытаемся для начала разгадать, где он находится...

«А живу я на ногте каменного пальца и каждый день слушаю людские пересуды да скрежещущее пение старых китов...»

Внимание Полли зацепилось за слово «китов», и перед глазами у нее тут же предстали район Набережных и берег Пыльного моря. Но ведь похождения Зои Гримм до сих пор ограничивались границами Тремпл-Толл — вряд ли кит смог бы заплыть в канал и уж тем более сомнительно, что ему захотелось бы здесь петь. Нет, это что-то другое... Киты... киты...

И тут ее осенило! Это не киты, а «киты»! Что в Тремпл-Толл порой сравнивают с китами? Подумать только, как все очевидно! Речь ведь идет о дирижаблях!

Мысли устремились в полет: как только Полли подумала о дирижаблях, отгадки потянулись по цепочке. В загадке, вне всяких сомнений, подразумевалась станция дирижаблей в Тремпл-Толл. Но вот какая? Их здесь всего три: «Чемоданная площадь», «Парк Элмз» и «Площадь Неми-Дрё». «Парк Элмз» точно не подходит, поскольку там швартуется лишь один дирижабль-кит, в то время как речь в загадке шла именно о «китах». Остаются «Чемоданная площадь» и «Площадь Неми-Дрё».

Как там говорилось? *«А живу я на ногте каменного пальца и каждый день слушаю людские пересуды да скрежещущее пение старых китов...»*

— Вот оно! «Слушаю людские пересуды». Если речь идет не о сплетниках из редакции «Сплетни», то о чем же еще?! А значит...

...Зубная Фея была на площади Неми-Дрё уже через десять минут. Опустившись на крышу здания редакции, она сложила крылья и достала из кармана лётной куртки бинокль.

— Где же ты прячешься, урод-указатель?

Она обвела взглядом всю площадь, отдельное внимание уделила столбам-указателям трамвайной станции и станции дирижаблей.

Полли забубнила:

— Две руки — одна короче другой, жонглирую шариками, которые остаются на месте...

Эти шарики загнали ее в тупик. Что еще за шарики? Указатель, жонглирующий шариками...

Полли перевела бинокль на диспетчерскую рубку и взгляделась в погодную вышку. На

ней не было никаких «шариков» — лишь шпили, анемометры, улавливатели гроз, туманные и дождевые датчики. Нет, это не то...

— Жонглирую шариками... шариками... Дело ведь не в шариках, — едва слышно проговорила она. — Дело в их количестве... Почему именно дюжина?

И тут внезапно все встало на свои места. Полли поразились, насколько ответ очевиден.

— Я должна была догадаться сразу! — укорила она себя. — Две руки, и одна при этом короче другой... дюжина шариков, которые недвижимы... «Руки» — это же стрелки! А «дюжина недвижимых шариков» — это двенадцать цифр!

Полли направила бинокль на столб с часами на станции дирижаблей.

— «А живу я на ногте каменного пальца...» Столб чугунный, а не каменный и...

Догадка посетила Полли в тот же миг, как над площадью раздался звон, и она стремительно перевела бинокль на часовую башню. Главные часы Тремпл-Толл...

Часовая башня и правда походила на палец, торчащий над крышами домов. А ноготь у этого пальца был, само собой, циферблатом.

Уняв нервную дрожь в пальцах, Зубная Фея спрятала бинокль и поднялась в воздух. Пронесшись над площадью, она опустилась на карниз у циферблата. В вечернюю темноту сквозь прорези цифр лился рыжий свет, минутная стрелка с гулом переместилась, а часовая...

Очередное послание обнаружилось здесь же — записка была привязана бечевкой к часовой стрелке. Отвязав конверт, Зубная Фея вернулась на крышу редакции и зажгла «штурм-фитиль».

Развернув конверт, она обнаружила еще одну загадку. Игра продолжалась...

«Я был здесь, но уже я там. Каждый день я ем заячий суп, но мои зубы жуют бумагу. Я глотаю саквояжников, а выплевываю башенников. Они бурчат у меня в животе и топчутся по моей спине.

Соринка попала мне в глаз. Прошу тебя, вытащи ее».

Эта загадка, на удивление, была довольно легкой. Полли перечитала ее, чтобы проверить, все ли верно она поняла.

«Я был здесь, но уже я там»... В голову сразу пришло, что речь о каком-то средстве передвижения. А строчка «Каждый день я ем заячий суп, но мои зубы жуют бумагу», очевидно, намекала на то, что подразумевается городской транспорт: «заячий суп» — это «зайцы», которые вечно норовят проехать, не заплатив за проезд, в то время как «жующие бумагу зубы» — это компостеры, пробивающие билеты.

Сложнее было с «Они бурчат у меня в животе и топчутся по спине».

О чем говорит эта строчка?

Это не трамвай, потому что по его «спине» никто не ходит. Кэб, аэрокэб и дирижабль не подходили по той же причине. Речь шла, вероятно, о палубе. Мысли Полли вертелись вокруг пароходов, но... по Тремпл-Толл пароходы, ясное дело, не плавают. Может, подразумевается канал? На нем есть и пакетботы, и буксиры, и...

Полли еще раз прочитала загадку. Строчка «Я глотаю саквояжников, а выплевываю башенников» явно намекала на маршрут, по которому этот транспорт курсирует. «Саквояжники» — это, понятное дело, жители Саквояжного района Тремпл-Толл, а «башенники» — это...

Полли нахмурилась. Несомненно, «башенники» — это те, кто живет в так называемых башнях — многоэтажных домах в Старом центре. Пароходы не ходят из Тремпл-Толл в Старый центр.

Оставался лишь один вариант.

— Она оставила новую загадку на нем? — удивленно проговорила Полли. — Что ж, вскоре мы все узнаем. Осталось только его разыскать...

...«*Станция Заморочный рынок. Следующая станция — Улица Ламповая!*» — протрещал голос из рупоров, и грузный шестиколесный омнибус тронулся в путь. Четверо коней в упряжке в красных новогодних колпаках принялись месить грязный снег, и «дом на колесах» закачался.

Внутри было всего трое пассажиров, на станции никто не вошел, и кондуктор вернулся к чтению газеты. Новый выпуск «Сплетни», который он купил на Чемоданной площади перед отправкой был скучным, как список покупок. К слову, всю передовицу как раз таки и занимал упомянутый список покупок: «*Что стоит купить для встречи Нового года*». И ни слова о действительно важных вещах! Ни одного упоминания Зои Гримм или снеговиков! Интерес вызывала лишь третья страница, на которой были собраны истории тех, кто, по их собственным заверениям, видел Человека-в-красном.

Читая эти заметки, кондуктор омнибуса морщился от зависти. Больше всего он хотел, чтобы Каминник пришел и к нему. Хоть бы и сейчас! Вот бы он зашел на следующей станции или спустился с неба на верхний этаж... Впрочем, рассчитывать на это было слишком самонадеянно — не сказать, чтобы кондуктор вел себя хорошо в этом году.

И все же кое-кто своим визитом омнибус посетил.

На верхнем, открытом, этаже-империале снега навалило столько, что расположенные вдоль бортов скамьи почти скрылись из виду. И лишь возле горячей трубы печки жердяной настил все еще хоть как-то проглядывал. Пассажиров наверху не было — и то правда: кому захочется мерзнуть, пока эта развалюха доползет до Старого центра.

Черная крылатая фигура опустилась на открытый этаж настолько незаметно, что ни извозчик, ни кондуктор, ни даже пассажиры не повели и бровью.

Зубная Фея спрятала крылья и застыла, прислушиваясь. Из салона доносилось старческое ворчание: «Не хотелось бы встретить Новый год в этой консервной банке...» Какая-то женщина возмущалась: «Почтенный, имейте совесть: вы прокурили своими зловонными папиретками весь омнибус — дышать нечем!» На что тут же последовал ответ: «Ну, вы всегда можете перебраться наверх — там сейчас никто не курит. Главное — вы свой сморщенный носик не проморозьте, а то так и застынет навсегда...»

Зубная Фея подумала: «Только не хватало, чтобы кто-то сейчас сюда поднялся!», но судя по всему, мерзнуть и правда никто не спешил. А это значило, что можно заняться разгадыванием загадки.

«*Соринка попала мне в глаз. Прошу тебя, вытащи ее...*»

— Соринка в глазу... — сказала Полли, озираясь по сторонам. — Что у омнибуса может быть глазом? Ну разумеется, носовой прожектор-фара!

Омнибус подпрыгивал на кочках, и Полли на империале мотало из стороны в сторону. Если бы она не держалась за гнутый поручень, уже пару раз несомненно оказалась бы за бортом или растянулась в проходе между скамьями.

Не без труда добравшись до носовой части империала, она перегнулась через

ограждение. Большой круглый фонарь располагался над рубкой кучера, но до него с мостков второго этажа омнибуса было не дотянуться.

Полли расстегнула пряжки и сняла свой кофр-ранец. После чего достала из сумки на поясе крюк с катушкой и закрепила его на ограждении.

Закрепив катушку на поясе, она перебралась через ограждение и спустилась на крышу рубки. Снег захрустел под сапогами.

До края крыши было четыре шага. Стараясь ступать как можно тише, Зубная Фея преодолела их, с трудом удерживая равновесие. Когда крыша под ее ногами закрипела, сердце Полли дрогнуло.

«Не провались! Только не провались!»

Добравшись до края крыши, Зубная Фея опустилась на колени и потянулась к фонарю.

«Соринка» была засунута под раму фары.

Достав конверт, Полли вернулась на империал, надела кофр-ранец и, устроившись на засыпанной снегом скамье, прочитала новое послание от Зои Гримм. Оно гласило:

«Я есть у всех, но меня никто не замечает, потому что обычно я в маске. Я отполирован, но я не башмак. Я улыбаюсь, но мне не смешно. Обменяй чихоту на мигрень, и ты найдешь мой дом, на который старые вязы отбрасывают свою тень».

Полли не имела ни малейшего представления, о чем идет речь. *«Я есть у всех, но меня никто не замечает, потому что обычно я в маске»*

— И что это должно значить? «Я есть у всех» — это про лицо? Или имеется в виду что-то другое? Обычно люди маски не носят, если только они не злодеи или не карнавальные актеры. Странно...

Полли решила пока отложить разгадку искомого предмета и сосредоточилась на месте, где он находится: *«Обменяй чихоту на мигрень, и ты найдешь мой дом».*

«Где у нас в Габене меняют чихоту на мигрень? — подумала она, поморщившись. — Очевидно, в аптеках. Видимо, Зои Гримм подразумевала побочные эффекты от лекарств: проглотил пилюли от чихоты, и потом неделю будешь страдать от мигрени».

— Значит, этот предмет находится в аптеке, — продолжила она рассуждения уже вслух. — Но в какой именно? Их в Тремпл-Толл две: «Аптека Медоуза» и «Горькая пилюля Лемони». *«...Ты найдешь мой дом, на который старые вязы отбрасывают свою тень».* Рядом с «Аптекой Медоуза» нет никаких вязов, а вот окна «Горькой пилюли Лемони» как раз выходят на парк Элмз, известный своими скрюченными вязами. Значит, Лемони... Вряд ли он будет так уж рад меня видеть...

...Что ж, вскоре она убедилась, что была права.

Слушая, как Зубная Фея стучит в запертую дверь, мистер Лемони не спешил открывать, надеясь, что она подумает, будто он или спит, или в отъезде, или же и вовсе умер, и уйдет восвояси. Аптекарь прятался за стойкой, испуганно наблюдая за черной фигурой, мутным пятном проглядывавшую за стеклом в двери. Мутное пятно было весьма настойчивым и уходить явно никуда не собиралось.

А ведь еще каких-то десять минут назад Новогодний вечер казался не таким и ужасным. Хелен, дражайшая супруга, выпила свои пилюли и уснула крепким сном, а ее мамочка, мадам Клопп, отбыла встречать праздник в пассаже Грюммлера. Старуха откладывала на это

деньги целый год, отбирая все, что неуверенной рукой ее зятя, Лемюэля Лемони, в книге учета было подписано, как «прибыль». Прибыли в аптеке было немного, но этого хватило, чтобы дрянная карга осчастливила бедного мистера Лемони своим отсутствием. Когда она ушла, прихватив «Порошок для хорошего настроения доктора Кринфорта» и микстуру «Эйфоринн», аптекаря на миг даже посетила мысль, а не сбежать ли ему, пока никто не видит, но... как он бросит свою аптеку?

Он достал из подвала прошлогоднее, давно обсыпавшееся новогоднее дерево и принялся украшать его бирками, светящимися скляночками, конфетными фантами (самих конфет у мистера Лемони не было) и даже извивающимися пиявками на крючках, и вот за этим занятием его-то и застала незваная гостья.

— Я вас вижу, мистер Лемони! — раздалось из-за двери.

Тяжко вздохнув, аптекарь выбрался из своего укрытия и пошел открывать.

— Я почти даже не успела замерзнуть! — возмущенно воскликнула Зубная Фея, стоило двери отвориться, и, решительно отодвинув мистера Лемони, она вошла в аптеку.

— Вы не можете вот так вторгаться, мисс! Особенно накануне праздника!

Зубная Фея не обратила внимания на возмущенные причитания аптекаря и принялась оглядывать заставленные склянками полки. Отдельного внимания удостоила жуткое нечто, отдаленно похожее на новогоднюю ель.

— Мое дело не терпит отлагательств, — сказала она, обшаривая взглядом стены аптеки.

— Что произошло? — взволнованно спросил мистер Лемони. — Вы ранены?

— Пока нет, — пробормотала Зубная Фея.

— Что?! Пока?! Вы снова за кем-то гоняетесь, мисс?

— Я всегда за кем-то гоняюсь. Проклятье... я не понимаю!

Лемони уставился на нее с недоумением. Зубная Фея достала из кармана послание Зои Гримм и перечитала загадку вслух:

«Я есть у всех, но меня никто не замечает, потому что обычно я в маске. Я отполирован, но я не башмак. Я улыбаюсь, но мне не смешно».

Аптекарь пожал плечами.

— Похоже, кто-то забыл принять свои пилюли, — сказал он, и Зубная Фея неожиданно рассмеялась.

— Вы даже не догадываетесь, как вы сейчас правы, мистер Лемони. Но вообще-то меня привела к вам загадка. Кое-кто кое-что оставил для меня в вашей аптеке, и эта загадка...

— О чем вы говорите?! — воскликнул аптекарь. — Никто здесь ничего для вас не оставлял. Уж я бы знал...

— ...и эта загадка, — продолжила Зубная Фея, — хранит тайну этого предмета. Я ищу что-то незаметное, то, что есть у всех, но все это прячут...

— Улыбчивый башмак?

— Улыбчивый не башмак. Что-то, что скрывают за маской, что-то полированное...

Зубная Фея прошла вдоль стойки, окинув пристальным взглядом кассовый аппарат, бобину с бинтом, книгу учета. После чего двинулась под стеной, задрав голову и всматриваясь в верхние полки.

Мистер Лемони осуждающе поцокал языком, глядя на тающий снег, который она оставляла за собой на полу и, подхватив со стойки керосиновую лампу, словно собачонка,

посеменил следом.

— Здесь ничего подобного нет и быть не может, — говорил он, но Зубная Фея не отвечала и, как заведенная, все бормотала загадку, повторяя строчку за строчкой.

— Маски... прячут за масками...

— В моей аптеке нет ни одной маски, — заявил мистер Лемони. — И я горжусь этим!

Полли остановилась у шкафа со стеклянными дверцами. Он также был заставлен баночками, тубиками и флаконами — с ними соседствовали два круглых аквариума: в одном ползали пиявки, в другом плавали, извивая щупальцами, крошечные спруты. На двух верхних полках разместились старые книги в зеленых обложках. Ниже, среди склянок с пилюлями и коробочков с порошками, стоял череп в лимонном парике причудливой формы, похожей на луковицу.

Полли уже наклонилась, чтобы рассмотреть, что стоит на нижних полках, как вдруг ее будто ударила молния.

Череп! Оголенные челюсти и правда будто улыбались. Блики от лампы подрагивали на полированной желтоватой кости.

Вот же он, тот самый, загаданный предмет! Череп есть у всех, но никто его не видит под маской-лицом.

— Хм. Ну надо же... — все еще не веря, проронила Полли.

— Череп прадедушки? — высунулся из-за плеча Зубной Феи мистер Лемони. Ему не понравилось, как пристально незваная гостя разглядывает череп. — Это точно не то, что вы ищите.

— Что-то не припомню его тут прежде.

— Вообще-то, он стоит здесь много лет, — оскорбленно заметил аптекарь. — Это старая семейная традиция семейства Лемони. Еще в те давние времена, когда здесь никакого Габена не было, наша аптека уже стояла посреди леса. Мой прадед хранил череп предыдущего аптекаря, а тот...

— Это все, конечно, очень занимательно, мистер Лемони, — прервала его Полли, — но у меня совсем нет времени на старые семейные традиции. Открывайте!

— Что?! И не подумаю!

— Мне нужно... гм... поговорить с вашим прадедушкой.

— Вы сошли с ума!

Полли усмехнулась.

— Забавно слышать это от вас. Череп вашего прадеда, — Полли кивнула на стеклянную дверцу. — Я ищу именно его. Взгляните...

Мистер Лемони подошел и во все глаза уставился на череп. Тот выглядел как обычно.

— Зубы, — подсказала Полли, и тут аптекарь заметил, что меж челюстями у прадедушкиного черепа что-то торчит... уголок конверта.

— Возмутительно! Кощунственно! Злодеи! Посмели втравить моего прадедушку в свои грязные игры!

— Мистер Лемони, конверт, — нетерпеливо проговорила Зубная Фея.

Сотрясаясь от гнева, аптекарь достал из жилетного кармашка ключик и открыл шкаф. После чего со всем возможным почтением раздвинул челюсти черепа и аккуратно вытащил конвертик.

Полли бесцеремонно выхватила его из пальцев мистера Лемони и поспешно развернула.

— Что там? — раздраженно спросил аптекарь. — Это стоило того, чтобы осквернить

череп моего прадедушки?

Полли озвучила содержание записки:

«Это — последняя загадка. Я жду тебя там, где горит глаз и бьется сердце саквояжного спрута».

— Саквояжный спрут? — спросил аптекарь. — У меня есть парочка. Они дают лечебные чернила, а еще их сушеные присоски помогают от сыпучей крапивницы.

— Нет, мистер Лемони, — вздохнула Полли. — Речь идет не о таком спруте.

— Не о таком?

— Спрут обвил своими щупальцами весь Саквояжный район. Я знаю, где искать последнюю загадку.

— Где же?

— Там, где бьется его сердце, — сказала Полли. — Где же еще?..

...Сумасшедшие и их загадки...

Погода ухудшилась. Снег залепливал лётные очки, крылья работали на усиленном режиме, из выхлопов валил дым, ветер бил и толкал Полли.

Бэббит предостерегал ее от полетов в таких условиях, впрочем, Полли и сама предпочла бы сейчас оказаться на земле. Она промерзла насквозь, и даже теплая подкладка не особо помогала.

И все же, несмотря на все преграды, добралась до Чемоданной площади Зубная Фея меньше, чем через двадцать минут.

Привокзальная площадь жила своей жизнью. На станции стояли рядом кэбы, кэбмены грелись у горячей жаровни, передавая по кругу бутылочку. В центре площади застыл дирижабль, расположенные кругом семафоры горели красным, сообщая всем и каждому, что вылет отменен. Светились окна гостиницы «Габенн» и «Ресторана госпожи Примм», в Паровозном ведомстве, несмотря на позднее время и близость к празднику, кипела работа. Клерки сидели за своими столами, заполняли бесконечные бумаги, стучали штемпелями и клеили марки.

Работа не прекращалась ни на миг и в прислонившейся к зданию вокзала центральной станции пневмопочты Тремпл-Толл. Пересыльщики, не покладая рук, принимали капсулы и переотправляли их дальше во всех направлениях. По трубам-щупальцам шли послания во все концы Саквояжного района. «Сердце спрута» билось с частотой и ритмом часового механизма...

Зубная Фея облетела купол станции и опустилась на крышу в некотором отдалении от светящегося окна, похожего на глаз.

Последняя загадка ждала ее...

Достав пистолет-«москит» и озираясь по сторонам, Зубная Фея осторожно двинулась по крыше.

Больше не будет никаких конвертов, ее поиск почти закончился — она это чувствовала.

Что ж, конверта и правда не было.

На парашюте лежала, распростерши механические крылья, ворона. Ее глаза-лампы тускло светились, из груди раздавался звон шестеренок, но, помимо этого, автоматон не подавал признаков жизни.

Полли застыла. Ворона? Все эти загадки вели к ней?

На ум сразу же пришли Лжекрампус и тот таинственный человек, с которым он встречался в пабе «Ворон и Пес». Почему Зои Гримм оставила ей этого механоида? Что она хотела этим сказать?

Полли склонилась над вороной и неожиданно заметила, что в клюве у нее что-то зажато.

— Монета? — недоуменно прошептала она и тут вдруг все поняла. Оборванные ниточки связались в голове. И Лжекрампус, и убийства, замаскированные под несчастные случаи, и Зои Гримм.

Последняя загадка разгадалась.

— Дура! Какая же я дура!

Зубная Фея раскрыла крылья и взмыла в воздух. Вокзальные часы начали отбивать десять часов вечера.

Десять часов тридцать минут вечера. До Нового года осталось два с половиной часа.

Мистер Супмарк положил в чемодан громоздкий механизм и закрыл крышку. С тоской оглядев свою крошечную квартирку, он подхватил чемодан и двинулся к двери.

Оказавшись на темной лестничной площадке, он достал из кармана ключ и попытался запереть дверь. Замок заклинил. Как всегда!

— Да будь оно все проклято! — прорычал он себе под сморщенный крючковатый нос.

С третьего раза ключ наконец провернулся, щелкнул замок.

Мистер Супмарк развернулся и подошел к лестнице. Тяжко вздохнул. Он ненавидел эту лестницу всем сердцем: его огромные башмаки проваливаются на узких, будто нарочно сделанных для карликов, ступенях, а керосиновый фонарь воняет так, что пробуждается едва затихшая чихота, да и светит он так тускло, что лучше б его и вовсе не было. В темноте привычнее... в темноте приятнее...

Мистер Супмарк был уже на втором этаже, когда скрипнула дверь миссис Йолли. Он вздрогнул: встреча с этой отвратительной краснолицей женщиной была крайне неприятной и нежелательной.

— О, Питер из антресольной квартиры! — проскрипела миссис Йолли, похожая на пьяного кота. — Где моя оплата? Уговор был раз в неделю, а не раз в неделю и два дня!

Мистер Супмарк скрипнул зубами.

— Да, мэм, я как раз...

— Новый год на носу! — продолжила ворчать домовладелица. — Самое время повыгонять всех блох-должников! Вы же не хотите остаться на Новый год на улице, Питер из антресольной квартиры?

— Не хочу, мэм. Вы позволите? Я тороплюсь...

Миссис Йолли всплеснула руками.

— Торопится он! Все куда-то торопятся! А плату внести за комнату никто не торопится!

Мистер Супмарк продолжил спуск, тяжело переваливаясь и покачиваясь на ступеньках, но прилипчивая женщина последовала за ним, продолжая причитать и укорять его.

Когда мистер Супмарк вышел из подъезда, миссис Йолли и на улицу вышла следом,

продолжая напоминать ему о том, какой он неблагонадежный человек, о том, что в Новый год долги должны быть уплачены, не забывая при этом упрекать его в никчемности и бессмысленности.

— Миссис Йолли, может, вернетесь в дом? — буркнул мистер Супмарк. — Снег идет. Вы простудитесь и умрете. Что, в таком случае, ваши жильцы будут делать?

Но миссис Йолли не отставала. И не прекращала осыпать мистера Супмарка укорами.

Прохожие косились на громадного сутулого мужчину в черном пальто и цилиндре и на семенящую следом крошечную женщину, но миссис Йолли была не из тех, кого может смутить чье-либо внимание.

Таким образом они добрались до станции «Бремроук-Харт», и мистер Супмарк мысленно возблагодарил все светлые и темные силы Нового года: к станции подошел трамвай.

В вагон миссис Йолли за ним не последовала, оттесненная в сторону толпой пассажиров. Мистер Супмарк еще какое-то время видел ее на станции, продолжающую ворчать так, будто он ее слышит.

Трамвай медленно полз по Бремроук, и мистер Супмарк с тоской глядел в окно. Раньше он любил Новый год, но в последнее время тот перестал иметь для него какое-либо значение. Все эти люди, которые словно в один миг решили забыть о своих горестях, куда ни кинь взгляд: всепрощение, радость и сиропная благодать. Фу. Тошно... И хуже того — повсюду эти смеющиеся дети...

Мистер Супмарк ненавидел детей: они были глупыми, чванливыми и невоспитанными. Маленькие злобные существа, они не упускали случая над ним поиздеваться. Кричали вслед, что он — фонарный столб и дылда, и что в каждом его башмаке можно переправиться через канал. Порой они чем-то в него швыряли, злобные коротышки...

Дети... Мистеру Супмарку доставляли удовольствие слезы и крики детей, когда их наказывают. Временами он останавливался у чьего-нибудь окна, послушать, как кого-нибудь из них стегают плеткой, и жизнь на какое-то время не казалась такой бессмысленной.

Трамвай подошел к станции «Площадь Неми-Дрё», двери разошлись, выпуская пассажиров.

Мистер Супмарк вышел из трамвая и двинулся к огромному мрачному зданию «Ригсберг-банка».

Бросив раздраженный взгляд на герб банка, ворона с монетой в клюве, — он подошел к двери.

Автоматон в черной форме с золочеными пуговицами открыл перед ним двери, и он вошел в вестибюль, отряхивая пальто от снега.

В канун Нового года «Ригсберг-банк» был, вероятно, самым антипраздничным и горемычным местом во всем городе.

Вестибюль, хоть и был украшен, но все в нем едва ли не кричало о том, что праздник — это вовсе не нечто доброе.

Начать с огромной механической ели. В ней не проглядывало даже намека на праздник. Она покачивалась из стороны в сторону, ее кривые ветви жутко скрипели и тянулись к посетителям, отчего казалось, будто дерево пытается пошарить по карманам всякого, кто окажется поблизости.

Багровая мишура на темных стенах была похожа на застывшие потеки крови, а горы упакованных подарков, расставленные тут и там, даже не пытались скрыть, что они —

просто бездушная декорация, и внутри ничего нет. Обычные таблички, которыми были завешаны стены вестибюля, сменили на «праздничные»: «Верни долг — или мы запихаем тебе гуся в глотку!», «Сделай банку подарок — сделай взнос!» И тому подобное...

Не слишком душевно. Впрочем, воротил с верхних этажей и черствых клерк-дам за столами в холле не особо волновали чьи-либо души, кроме тех, которые можно вытрясти.

«Чем “Ригсберг-банк” может вам помочь?» — раздается преисполненный безразличия вопрос, и ваш праздник мгновенно превращается в груснятник, упадник и беспросветник. А сами вы превращаетесь в жалкого безнадегу (официальный термин).

Упомянутые безнадеги стояли в безликих очередях в кассы, а некоторые из них пытались выпросить очередную ссуду у клерк-дам, топчась у столов.

Эти люди напоминали лунатиков, которых кто-то внезапно разбудил. И банк приложил к этому руку: стоило кому-либо зайти в это мрачное место, как он постепенно становился злым и печальным, из сердца исчезли все добрые и теплые чувства. Из горла вырывался кашель, а в голове возникали мысли, связанные даже не со сведением концов с концами, а заикленные лишь на сведении счетов с жизнью. В вестибюле банка мечты усыхали, морщились и превращались в разочарования...

Но эти мысли и эмоции не принадлежали зашедшему в банк безнадеге. Хотя, нет — принадлежали. Правда, они были испорчены. Виной всему был так называемый «горемычный порошок», который расплылся в помещениях банка через бронзовые рожки на столах клерк-дам и большие, похожие на граммофонные, рога на стенах. Он создан для того, чтобы убить в людях надежду. Убить в них любые ощущения праздника.

На мистера Супмарка горемычный порошок не действовал — он и так был зол и несчастен.

Зайдя в банк, он столкнулся с одним из безнадег.

— Прошу прощения, — извинился сухощавый тип в котелке.

— Осторожнее, чтоб вас! — буркнул мистер Супмарк, не останавливаясь.

— Можно ведь и повежливее, — раздалось ему вслед. — Новый год все же...

Мистер Супмарк не слушал. Зажав под мышкой чемодан, он направился к столам деловых дам, занятых составлением отчетов.

Мисс Коггарт, старшая клерк-мадам банка, курила кофейную папиретку на длинном тонком мундштуке. Оттопырив руки, она с яростью и ожесточенностью стучала по клавишам печатной машинки, и после каждого такого удара на тонкой длинной ленте бумаги оставался багровый символ, который никто, кроме служащих банка, понять бы не смог.

Когда к ее столу подошел огромный человек с чемоданом, она раздраженно подняла голову и спросила:

— Чем «Ригсберг-банк» может вам помочь?

Мистер Супмарк неловко потоптался у стола и что-то неразборчиво замямлил.

— Чем. «Ригсберг-банк». Может. Вам. Помочь? — отдельно повторила мисс Коггарт.

— Э-э-э... да, мэм. Я бы хотел... Хотел бы открыть свое дело и... в общем, мне нужны деньги.

— Все хотят открыть свое дело, — безразлично ответила мисс Коггарт. — Всем нужны деньги.

— Э-э-э... да. Наверное, вы правы, мэм, — смутился мистер Супмарк и вжал голову в плечи, отчего стало казаться, будто она растет у него прямо из них.

— Что за дело? — требовательно спросила старшая клерк-мадам, пристально оглядывая этого великана: чем же таким он может заниматься? Огромный и нескладный, с длинными руками и здоровенными башмаками. В знававшем и лучшие времена цилиндре, замотанный в полосатый зелено-красный шарф.

Мистер Супмарк приободрился.

Он с грохотов водрузил свой чемодан на стол старшей клерк-мадам, и та отпрянула от неожиданности.

— Заберите его! — воскликнула она.

— Ну, я э-э-э... хочу показать вам, чем занимаюсь.

Он открыл защелки, откинул крышку и повернул чемодан к мисс Коггарт.

— И что это такое? — презрительно скривилась она.

В чемодане стояла деревянная голова-болванка, на которую был надет некий механизм, выглядевший, как древнее орудие пытки. Старшая клерк-мадам была близка к истине.

— Это инструмент для наказания, — с гордостью сообщил мистер Супмарк.

— Наказания?

— Да. Для наказания детей. Вы знаете, они часто бывают непослушны и ведут себя, как маленькие монстры. Их нужно наказывать...

— Что?! — возмутилась мисс Коггарт. — Но зачем нужны какие-то хитрые приспособления, пока существуют плетки и палки! Какой смысл?

— О, я понимаю ваши сомнения. — Мистер Супмарк погладил треугольную бородку — видно, крашенную. — Когда-то я тоже был приверженцем плети. Но времена изменились... И снег уже не так бел, как раньше, и ветер простужен, а лес давно вырублен... Я перебрался в город, и понял, что старые традиции больше никому не нужны...

— О чем вы там бормочете? — спросила мисс Коггарт. — Лучше расскажите, как это устройство работает?

Мистер Супмарк вздрогнул и словно очнулся от сна.

Он вытянул палец и ткнул в обруч.

— Это вы надеваете на голову непослушного ребенка. Здесь, — он указал на небольшой винт, — вы зажимаете, чтобы непослушный ребенок не сбросил устройство с головы.

— А для чего нужны эти катушки? — спросила мисс Коггарт, указывая на выстроившиеся рядами рельефные валики, покрывающие почти всю деревянную голову.

— О! Это самое главное! — Мистер Супмарк потер руки, и клерк-мадам заметила, что тыльные стороны его ладоней покрыты густой черной шерстью. — Эти катушки подхватывают пряди волос, накручивают их и тянут. Скорость и количество оборотов каждой катушки регулируется. Если спросите мое мнение, то лучше ставить самую медленную скорость: тогда эффект сильнее. Если вам когда-либо выдирали волосы, вы понимаете, о чем идет речь.

Мисс Коггарт выглядела задумчивой.

— Эти штуковины накручивают волосы? — уточнила она.

— Ну да, — кивнул мистер Супмарк. — В этом вся суть.

— А возможно настроить эту штуковину так, чтобы она накручивала волосы, но не вырывала их?

— Полагаю, да, — ответил мистер Супмарк — он был совершенно сбит с толку. — Нужно только ослабить зажимы... но... Тогда ведь пропадет весь смысл?

Старшая клерк-мадам вскинула руку, прерывая его. Подняла вверх указательный палец.

— И сколько у вас уже подобных шукувин купили?

Мистер Супмарк нахмурился.

— Пока еще ни одной. Но, — он поспешно добавил, — потенциал у моего «Выдирателя волос» очень большой!

— Вы правы, — сказала старшая клерк-мадам, и мистер Супмарк решил, что ослышался. — Но вы неверно выбрали область применения для вашего механизма.

— Область применения?

— Вам стоит пойти с вашим... кхм... «Вырывателем» (название придется сменить) в «Локонс Флосса» или в «Ножнички Клотильды».

Мистер Супмарк вытаращил на нее глаза.

— Но ведь это... цирюльни!

— Верно, — кивнула мисс Коггарт. — Вы не понимаете, что создали?

Она ткнула себя в подвитый спиралью завиток волос на лбу.

— Вы знаете, сколько я его делала? Полтора часа! Один треклятый завиток! Можете представить? Папильотки и бигуди занимают очень много времени и сил. Многие как дамы, так и господа в этом городе мечтают о механизме, который подкрутит им волосы за один раз.

Мистер Супмарк был поражен. Он о таком даже помыслить не мог. Закручивать волосы... для красоты?

— Покажите, как он работает! — Мисс Коггарт была настолько взбудоражена, что даже забыла, что в ее задачу входит обобрать этого безнадёгу до нитки и всучить ему невозможную для выплаты ссуду.

Мистер Супмарк кивнул.

— Секунду. У меня где-то здесь был ключ.

Он запустил свои огромные ручищи в карманы пальто и принялся вытаскивать из них всяческий хлам, складывая его на стол старшей клерк-мадам.

Она сморщила носик.

— Что за мерзость?

На столе у нее лежала груда углей и — в это было тяжело поверить! — некоторые из них тлели, словно их достали не из кармана, а прямоком из печки. Среди углей поблескивали потемневшие от времени бронзовые бубенцы, на которых было что-то выгравировано.

— Он был где-то здесь, — пробормотал мистер Супмарк, выкладывая из карманов все больше угля и бубенцов на стол мисс Коггарт.

— А это еще что такое?! — удивленно буркнул он, глядя на продолговатый полосатый цилиндр, который извлек из кармана. — Это не мое...

От цилиндрика отходил короткий шнур фитиля. И этот фитиль горел и дымился...

— Заберите эту гадость с моего стола! — воскликнула старшая клерк-мадам.

Мистер Супмарк с недоумением повертел в руках дымящийся цилиндр, и в следующее мгновение тот взорвался с диким грохотом.

В воздух взвилось целое облако дыма и... конфетти.

И тут в вестибюле взорвалось еще несколько подобных хлопушек.

В грохоте зазвучал женский смех, а потом кто-то крикнул:

— Всех с Новым годом! Это ограбление!

Глава 14. Ворон с монетой в клюве. Начало

Минутная стрелка настольных часов дрогнула и сдвинулась, и Роберт Томмс сглотнул. Без десяти десять.

Третий этаж пустовал, и лампа горела лишь на столе мистера Томмса. Все этажные клерки давно закрыли свои отчеты, получили премии или взыскания и разошлись. Главы отделов отбыли в старый центр еще два часа назад, и во всем банке из служащих, не считая вестибюля, который будет работать до без пятнадцати полночь, остались лишь Томмс да его начальник, Варфоломеус Б. Выдри, ожидающий от него последний отчет и последнее имя. Имя, которого у Томмса не было. И даже выдумать он его не мог — с фантазией у банковского клерка было туговато.

Мистер Томмс глядел, как минутная стрелка медленно-медленно меняет деления. На лбу выступил пот, стул вдруг показался намного более жестким, чем обычно.

Клерк из Грабьего отдела боялся. Невероятно боялся. И даже страх перед Выдри сейчас казался жалким, хлипким страшишкóм в сравнении с тем, что он испытывал, глядя на часы.

Не отрывая взгляда от циферблата, мистер Томмс поправил шарф — его коллеги весь вечер удивлялись, отчего же тот все сидит в шарфе. Клерк пытался оправдываться, что озяб, продрог и вообще простудился, время от времени даже покашливая для убедительности. Не мог же он рассказать правду о том, что шарф в действительности скрывает...

Без семи десять внезапно раздался звонок, и мистер Томмс едва не упал со стула от неожиданности. На столе замигала лампочка, подписанная: *«Вестибюль. Коггарт»*.

Мистер Томмс застыл, глядя на то появляющийся, то гаснущий рыжий огонек.

«Это еще что такое?! — испуганно подумал он. — Почему?.. Сейчас?.. Зачем она меня вызывает?!»

Звонок между тем все не смолкал, продолжая стрекотать на весь этаж.

«Что делать?! Они знают, что я здесь, я не могу проигнорировать вызов из вестибюля...»

Он бросил очередной взгляд на часы. Минутная стрелка шагнула еще на одно деление. У него сейчас нет времени спускаться в вестибюль! Что же этой мегере понадобилось? Это все как-то связано с бумагами на безнадег? Или с оформлением сегодняшней подшивки горефунтов? А может... может, они все узнали?! Нет! Если бы узнали, не вызывали бы вниз... здесь что-то другое...

«Решай! Сделай уже хоть что-то!»

Пальцы дернули тумблер, и звонок затих, лампочка погасла.

Томмс поправил воротничок, потуже замотал шарф и, поднявшись на ноги, вытащил из-под стола большой темно-красный чемодан. Подхватив его, он направился через пустой этаж к лифту.

Зайдя в кабинку, он выбрал на панели *«Первый этаж. Вестибюль»*, и лифт пополз вниз.

Сердце клерка колотилось, в животе будто кто-то поселился, принявшись выедать внутренности Роберта Томмса маленькой ложечкой. Дрожащей рукой клерк потер ноющую под шарфом шею. Он вдруг подумал, что повеситься было не такой уж и плохой идеей. Между тем недоповеситься — это, напротив, очень, очень плохая идея. А ведь он был так близко, чтобы избежать всего того, что его ждет...

Раздался звонок. Из кабинки мистер Томмс вышел уже без чемодана. Окинув

встревоженным взглядом вестибюль, он убедился, что кругом, вроде бы, все как обычно, и попытался унять волнение.

У стола старшей клерк-мадам кто-то стоял, но мистер Томмс даже не глянул на этого человека.

— Мисс Коггарт, — начал клерк, подойдя, — вы ведь знаете, что я сейчас чрезвычайно занят. Вы уверены, что вам нужен именно я?

— Уверена, мистер Томмс, — ответила старшая клерк-мадам. — Этот джентльмен сказал, что будет говорить только с вами.

Томмс перевел взгляд на стоявшего у стола человека и не поверил своим глазам: уж кого он ожидал увидеть здесь сейчас меньше всего, так это его. На Томмса со своей неизменной душевной улыбкой глядел...

— Мистер Ти! — воскликнул клерк.

Единственный друг улыбнулся еще шире.

— Вы не отвечали на мои письма, Томмс, и я начал беспокоиться...

— Вам не стоило приходить, Ти!

— Вы будто не рады меня видеть.

— Я рад, но сейчас не лучшее время... Очень-очень много отчетов, я ведь... — Томмс понизил голос, — говорил, что должен сделать...

— Безнадеги, да, я помню, — закончил Ти, и мистер Томмс, подхватив приятеля под локоть, отвел его в сторону, подальше от любопытных ушей мисс Коггарт.

— Вы должны были найти шесть безнадег, — продолжил Ти. — Судя по вашему подавленному виду, вы их еще не нашли...

— Один. Мне нужен еще один. Но, думаю, я уже не успею...

— Поэтому я и пришел, дружище. Я предлагаю вам в качестве безнадеги... себя.

Томмс решил, что ослышался.

— Вы ведь не серьезно!

— Совершенно серьезно! После нашего разговора в «Кретчлинс» я много думал. Вы были совершенно опустошены. Вы так переживали, что решение созрело само собой.

— Вы ведь знаете, что это — мышеловка! — прошептал Томмс. — Вы не должны так поступать! Прошу вас!

Мистер Ти прищурился. Томмс заметно нервничал, косился на часы, да и вообще выглядел так, будто ему за шиворот насыпали канцелярских кнопок.

— Друг мой, я уже все решил, — сказал мистер Ти, — я не могу допустить, чтобы с вами случилась беда из-за того, что вы не нашли последнего безнадегу. К тому же за неимением средств я давно откладывал одно важное дело и вот, кажется, подвернулась превосходная возможность им заняться. Небольшая ссуда решит мое затруднение.

Томмс, не отрываясь, глядел на входные двери банка и явно думал о чем-то своем. Мистеру Ти показалось, что он его даже не услышал.

— Томмс?

Клерк вздрогнул и перевел взгляд на приятеля.

— Вы ведь не передумаете?

— Нет, я все решил.

— К сожалению, у меня совсем нет времени вас переубедить, Ти. Я вынужден нехотя согласиться на ваше предложение. Только прошу вас об одном: сразу же, как возьмете ссуду, без промедления уходите. Ни в коем случае не задерживайтесь в банке. Прошу вас, это очень

важно! Обещайте!

Мистер Ти кивнул, и они вернулись к столу старшей клерк-мадам.

— Мисс Коггарт, будьте добры, оформите все бумаги и отошлите их...

— К вам на стол?

— Нет, прямиком в кабинет мистера Выдри.

Старшая клерк-мадам кивнула:

— Все будет исполнено.

— Благодарю вас, Ти, — негромко проговорил мистер Томмс. — Это очень самоотверженно с вашей стороны.

— Считайте это моим вам подарком к Новому году, — улыбнулся приятель. — Но билеты на представление в «Эксклюзионе», на которое мы планировали сходить, за вами.

Томмс и мистер Ти пожали руки, и клерк, попрощавшись, поспешно направился к лифту.

Когда дверцы кабинки открылись, мистер Томмс вошел внутрь. Чемодана там уже не было...

Миссис Коггарт очень быстро оформила ссуду мистера Ти, потребовала, чтобы он поставил свою подпись и, когда в самом низу испечатанного мелким шрифтом листа бумаги появился кривоватый росчерк, старшая клерк-мадам сказала:

— Ссуду можете получить в окошке № 3. «Ригсберг-банк» счастлив оказать вам услугу.

Мистер Ти поблагодарил ее и направился к окошку. Дождавшись своей очереди, он получил в кассе небольшую денежную коробку с гербом банка, в которой на самом деле была весьма немаленькая сумма, и спрятал ее в карман пальто.

Покидая очередь, он нечаянно натолкнулся на высокого господина в цилиндре. Господин этот только вошел в вестибюль — на его плечах и головном уборе лежал снег.

— Прошу прощения, — сказал мистер Ти, тот что-то раздраженно буркнул и, тяжело ступая громадными башмаками по полу, пошагал к столам клерк-дам.

— Можно ведь и повежливее, — проворчал мистер Ти. — Новый год все же.

Выполнять данное приятелю обещание немедленно покинуть банк он не спешил. Пройдя через вестибюль, мистер Ти уселся на диванчик возле скрежещущей механической елки, закинул ногу на ногу и закурил папиретку.

Часы начали отбивать десять часов вечера.

— Да начнется представление... — прошептал мистер Ти.

Мисс Клодия Коггарт не случайно занимала свое место. На должности рядовой клерк-дамы банка она проработала едва ли месяц, но за этот месяц успела понять, как здесь все устроено.

Можно сказать, ей повезло оказаться в «Ригсберг-банке» в тот момент, когда его трясло и лихорадило, а Человек-из-Льотомна совершил, как тогда казалось, нечто невозможное — влез в хранилище и вынес миллион. Прямо на ее глазах происходили события, которым прочие дамочки за столами в вестибюле не придали должного значения. Еще бы, ведь в отличие от коварной, хитроумной и крайне амбициозной мисс Коггарт, этих куриц заботила лишь жалкая премия, которую они рассчитывали получить в конце года. Они не смогли по достоинству оценить того, как одна из них, мисс Кэрриди, словно по щелчку пальцев, заняла

место не кого-то, а самого управляющего банка. Перебравшись в кабинет наверху, новая госпожа управляющая поставила на свое бывшее место (место старшей клерк-мадам вестибюля) мисс Паттнерс — не то, чтобы рохлю, но особу весьма недалекую. Разумеется, мисс Коггарт не могла упустить такую возможность и путем ловкой интриги подсидела мисс Паттнерс. Та переселилась в обитую войлоком палату в «Эрринхауз», а мисс Коггарт заняла стол старшей клерк-мадам. На этом она, впрочем, останавливаться не собиралась.

Год близился к концу, до окончания работы оставалось всего полтора часа, и мисс Коггарт не терпелось отправиться домой, прихватив с собой бутылочку «Бламмедезелль», которую она стащила из кабинета главы Биржевого отдела мистера Муни. Дома ее ждет ее мамочка, и за ужином они вместе встретят Новый год, попутно разрабатывая план по тому, как подсесть на этот раз уже саму мисс Кэрриди. Мисс Коггарт и ее мамочка считали, что это вполне осуществимо: госпожа управляющая банка, хоть и забралась весьма высоко, вращаясь в кругу господ начальников отделов и лично отчитываясь перед самой Вивьен Ригсберг, будто бы забыла, что козни и интриги могут подстергать ее не только из кабинетов Выдри, Муни, Пыльнехта или из мансарды хозяйки банка, а и с низу, к примеру, из вестибюля...

И все же далеко идущие планы по подсиживанию госпожи управляющей и ближайшие планы по распитию вина в компании мамочки кое-что подпортило. То, чего старшая клерк-мадам никак не ожидала.

У ее стола прогрехотал взрыв.

Хотя «прогрехотал» — слишком громкое слово для этого по сути хлопка. Взрыв был крошечным, слабеньким и довольно чахлым, и тем не менее мисс Коггарт подпрыгнула на своем стуле, из ее рта выпала папиретка на мундштуке.

Старшая клерк-мадам затрусилась головой, стряхивая с волос конфетти. Распахнув рот, она в недоумении уставилась на стоявшего перед ней высокого человека в пальто и цилиндре, в длинных пальцах которого все еще была зажата развороченная хлопушка. Его лицо тонуло в кроваво-красной дымной туче, и на миг старшей клерк-мадам показалось, будто его глаза... горят.

Мисс Коггарт вздрогнула.

И тут в разных частях вестибюля один за другим загрохотали еще взрывы. Весь первый этаж затянуло разноцветным дымом, в воздухе повисли, даже не думая опадать, пестрые бумажные ленты и серебристая мишура!

Клерк-дамы застыли за своими столами, выпучив глаза. Беснадеги у кассовых окошек завертели головами, какая-то старуха рухнула в обморок.

Мисс Коггарт не случайно была старшей клерк-мадам. Первый шок отступил очень быстро. Она стремительно оценила обстановку, пытаясь понять, что произошло и кто во всем виноват.

Вестибюль, прежде величественный и мрачный, ныне напоминал внутренности торта. По крайней мере, мисс Коггарт казалось, что торты изнутри выглядят именно так — она сладкое терпеть не могла.

Старшая клерк-мадам сразу же поняла, кто устроил весь этот кавардак.

В центре помещения стояла женщина в красной пелерине с капюшоном, за ее спиной сгрудилось пятеро снеговиков в новогодних колпаках — снежные громилы сжимали в руках полосатые красно-белые трости, похожие на леденцы Человека-в-красном, и чуть светящиеся голубоватые шарики — ну точь-в-точь елочные игрушки.

Мгновенно узнав женщину и ее спутников, мисс Коггарт бросила один быстрый взгляд на входные двери, другой — на лестницу. Трое автоматов-охранников лежали на полу, будто бы утонув в сугробах. Их лампы-глаза светились, а роторы скрипели на весь вестибюль, но при этом механоиды не шевелились.

Зои Гримм обернулась кругом, чтобы ее было видно со всех сторон, широко улыбнулась и крикнула:

— Всех с Новым годом! Это ограбление!

После чего подняла над головой алуую шутиху с подожженным фитилем и направила ее под потолок.

Взгляды всех присутствующих вонзились в огонек, стремительно ползущий по шнурку.

Одна из клерк-дам пискнула, как мышь, на которую кто-то сел, а следом запищали и остальные...

Шутиха издала хлопок, и из нее вырвалась струя белого пламени. Взвившись под потолок петель, фейерверк с грохотом рассыпался, и в вестибюле пошел снег.

— Мы пришли сюда за денежками толстяков Ригсбергов, — сообщила Зои Гримм, — и если мы их получим, никто не пострадает! Никому не двигаться! Дрожите, пугайтесь и восхищайтесь, оставаясь на своих местах!

Мисс Коггарт, единственная, не потеряла самообладания — она не собиралась ни дрожать, ни пугаться, ни уж тем более восхищаться.

— Вы даже не представляете, какую глупость совершили! — воскликнула она. — Либо вы просто сошли с ума! Вы знаете, с кем связываетесь?!

А затем незаметно нажала педаль под столом.

«Вряд ли вам когда-либо понадобится эта педаль, — сказала ей госпожа управляющая сразу после назначения мисс Коггарт на должность старшей клерк-мадам. — Вряд ли кто-то рискнет снова сунуться в наш банк — это скорее мера предосторожности...»

Как только мисс Коггарт нажала на педаль, «мера предосторожности» заработала. Казалось, само здание банка пришло в движение. С лязгом опустились бронированные ставни на кассовых окошках, а лифт скрылся под толстостенным металлическим рукавом. Следом решеткой оказалась перекрыта лестница на этажи, на входной двери банка загрохотали закрывающиеся запоры. Всего за несколько мгновений вестибюль превратился в железный несгораемый шкаф.

Грабительница и ее прихвостни завертели головами.

— Вы в ловушке! — крикнула мисс Коггарт. — После осеннего ограбления мы предприняли меры! Я запустила «Протокол вторжения»! Скоро сюда кое-кто спустится, и вы пожалеете, что сунулись к нам! В Дом-с-синей-крышей отправлена тревожная капсула...

Зои Гримм насмешливо глянула на старшую клерк-мадам.

— По этой трубе отправлена? — спросила она, кивнув на обломок трубы пневмопочты, который сжимал в руке один из снеговиков.

Мисс Коггарт заскрипела зубами.

— Вам не попасть в хранилище! — воскликнула она. — Прислушайтесь! Слышите? Это они! Лучше сдавайтесь, пока можете!

Зои Гримм не слушала.

В стенах один за другим с лязгом начали открываться большие круглые проемы.

— Люки! Скорее! — крикнула Зои, и снеговики ринулись к ним.

Каждый из снежных грабителей закинул что-то в проемы, а в следующий миг банк

вздрагнул.

Бомбы взорвались в люках, наружу пополз... лед. Растекаясь по стенам, толстая голубая корка затянула все проемы. Словно бутылочные горлышки, они всего за пару мгновений оказались заткнуты ледяными пробками.

— Мистер Супмарк! — крикнула Зои Гримм. — Скорее! Это их надолго не удержит!

— Что вы задумали?! — заголосила мисс Коггарт. — Сдавайтесь, пока есть такая возможность! Лучше бы вам...

Стоявший у стола старшей клерк-мадам человек не дал ей договорить. Он схватил свой «Завиватель» и без промедления надел его на голову мисс Коггарт. Щелкнули зажимы...

Прочие клерк-дамы уставились на начальницу с ужасом.

Старшая клерк-мадам попыталась стащить с головы «Завиватель», но тот, казалось, врос в нее.

— Снимите! Снимите с меня это!

Мистер Супмарк склонился над мисс Коггарт и проскрипел.

— Отведите меня!

— Снимите!

— Я сниму. Когда вы отведете меня в хранилище...

— Я не могу... лифт...

— Мне не нужен лифт, потому что я пришел сюда не за вашими деньгами. Мне нужно... *другое* хранилище...

Судя по пониманию, проскользнувшему в глазах старшей клерк-мадам, она явно знала, о чем он говорит.

— Нет! Ни за что!

Мистер Супмарк схватил ее за воротник платья и рывком вытащил из-за стола, после чего вставил в замочную скважину «Завивателя» ключ и повернул его.

В тот же миг механизм пришел в движение. Катушки начали проворачиваться, наматывая волосы старшей клерк-мадам, и она закричала. Слезы потекли по искаженному от боли лицу.

— Вы отведете меня, — прорычал безнадега, — или я вырву все ваши волосы.

— Умоляю! Выключите его! Выключите! Я все сделаю! Я отведу вас!

Ключ провернулся, и катушки остановились.

— Вперед! — велел мистер Супмарк.

Мисс Коггарт, сотрясаясь в рыданиях, нашарила под столом рычажок и переключила его.

В стене возле ее стола отъехала в сторону одна из панелей, открывая темный узкий проход на ведущую куда-то вниз лестницу.

Мистер Супмарк подтолкнул старшую клерк-мадам к проходу, и она, пошатываясь, двинулась к нему.

Вскоре они скрылись на лестнице, панель вернулась на свое место.

Внутри стен раздался грохот. Звук все приближался. Ледяные корки, перекрывающие люки, затрещали.

Зои Гримм повернулась к одному из снеговиков:

— Видимо, нас ждет славная драка. Вы готовы, мистер Пибоди?

Вместо ответа снеговик щелкнул тумблером под стволом своего «снегомета». Оружие зажужжало.

Стены вестибюля задрожали. Лед затрещал, рассыпаясь. Кто-то пробивался по трубам. Зои почесала затылок и тряхнула головой — в ней вдруг очень некстати начало раздаваться тиканье часов.

— Девятнадцать — двадцать один — семнадцать — четырнадцать — один — восемнадцать — двенадцать...

Эхо от шагов двух человек поднималось к высоким потолкам и расползалось по темным коридорам подземного хранилища.

Дрожащий свет фонаря, который несла в руке женщина в странном головном уборе, полз по каменному полу и по стенам коридоров. Весь подземный зал занимали собой громоздкие шкафы вишневого дерева. Эти шкафы выстраивались вдоль проходов и, поставленные один на другой, высились в несколько ярусов, до самых потолочных сводов. На каждой дверце каждого шкафа был выжжен герб банка — в когтях вороны держали ленту, на которой стоял номер. Один шкаф — один безнадега (или семья безнадег).

Высокий мужчина в цилиндре, не глядя на эти номера, бормотал:

— Девятнадцать — двадцать один — семнадцать — четырнадцать — один — восемнадцать — двенадцать...

— Я не знаю, где он находится... — сквозь слезы выдавила мисс Коггарт, семенящая слева от мистера Супмарка.

— Зато я знаю, — ответил ее спутник. — Девятнадцать — двадцать один — семнадцать — четырнадцать — один...

Они все шли и шли по темным коридорам. А шкафы казались бесконечными.

— Этот банк... проклятый банк... — негромко прорычал мистер Супмарк. — Он не должен был превратиться в это...

Мисс Коггарт, схватившись за обруч «Завивателя» на голове, семенила впереди. Она боялась обернуться.

— Вы, верно, думаете: «Что какой-то безнадега может знать о том, каким должен был быть банк?» — продолжал мистер Супмарк. — Что ж, поверьте мне, мисс, я знаю... Потому что это мой банк.

Старшая клерк-мадам не ответила. «Он безумен... этот человек безумен...» — подумала она, даже не представляя, насколько ошибается — во-первых, мистер Супмарк не был безумен, а во-вторых... он не был человеком.

— Мой банк... да... — пробормотал этот жуткий тип. — У меня его украли...

— Я ничего не знаю, — дрожащим голосом ответила мисс Коггарт. — Я здесь совсем недавно...

Мистер Супмарк бросил на нее испепеляющий взгляд.

— Я чую ваш страх... Полагаю, вам кажется, что вы сейчас спите и что вам снится кошмар. Вы не ожидали, что я приду. Вы думали, что встретите Новый год в кругу семьи, у теплого камина, слушая по радиофору «Мешок Крампуса»... — Он на миг замолчал, о чем-то раздумывая. — «Мешок Крампуса» — все его слушают... Но никто ничего не знает, даже не догадывается... Я расскажу вам.

— Я не хочу... — прошептала мисс Коггарт, но мистер Супмарк будто бы не услышал и начал рассказывать...

...Крампус, мстительный дух из чащи — он приходит в город в первый день зимы, чтобы разыскать и наказать непослушных детей. Так все думают и... что ж, это правда.

Но есть кое-что, чего не знает никто.

Однажды, одной холодной зимой, Крампус, как и всегда пробудился от своей годовой спячки от боя каменных часов в сердце чащи. Я помню это пробуждение. Выпал первый снег, лес замер, как замирает всякий раз, когда Крампус раскрывает веки.

Выбравшись из угольной ямы, мстительный дух зимы ударил в колокол, и к его логову начала сползаться его свита. Ожидая своих верных спутников, Крампус глядел на медленно опускающиеся снежинки и думал. Это была необычная зима — необычная для Крампуса. Его стылое сердце колотилось, в нем поселилось что-то... новое — тревожное, беспокойное. Плохие дети ждали его... как и всегда. И все же в тот раз что-то было иначе. Крампусу надоело наказывать детей... вернее, одних лишь детей. Его голову пронзила неожиданная мысль: «Не только дети ведут себя плохо...»

Крампус — жесток, Крампус — неостановим, как снежная буря. Но он справедлив. Самый справедливый из всех судей. Каминник награждает тех, кто вел себя хорошо весь год, но что же насчет тех, кто вел себя плохо? Они просто не получают свой подарок? Нет уж, этого недостаточно. Это. Не. Наказание. Они не усваивают урок и продолжают творить свои непотребства.

Пока собиралась свита, Крампус размышлял. Почему? Как так вышло, что взрослые не несут наказания? И решение родилось прямо тогда и там, на краю угольной ямы. Крампус преподаст им урок. Он заставит и плохих взрослых отвечать за свои поступки. Кто, если не он?

Но если с детьми все было просто, то со взрослыми следовало действовать хитрее. Как узнать, кто плохой человек? Крампус стар, как само время, как лес, как зима. Он многое знал о людях, жалких, трусливых, жадных... Он знал, что вскрывает в людях их глубинную суть. Деньги... Именно деньги разделят людей на плохих и хороших.

Искра идеи разгорелась, и Крампус придумал план.

Когда свита собралась, он велел своим прислужникам собирать золото, которое спрятано в закромах под корнями вековых сосен — древние клады, их очень много в лесу.

Собрав гору золота, Крампус отправился в Габен. Под видом богатого иностранца он остановился в гостинице на Чемоданной площади и начал воплощать задуманное. В самом сердце Тремпл-Толл Крампус открыл — что бы вы думали? — банк. Ох, и что же это был за банк! Любой желающий мог взять там ссуду, и никакого обмана, никакого грабежа — просто невероятно, не так ли? Единственное условие: полученные в долг деньги следовало пустить на хорошие дела.

Задуманное начало воплощаться в жизнь. Крампус-из-леса превратился в дельца: он выдавал ссуды и смотрел, на что люди тратят деньги. Если на хорошие дела, то он прощал им долг, если на плохие — наказывал: отбирал все, до последнего пенса, пускал их по миру. Справедливо, не так ли?

Люди нечасто разочаровывали Крампуса: подписывая договор, все клялись, что пустят деньги на хорошие дела, но многие лгали. Ссуженные деньги текли в карманы, но «безнадежные случаи» — так их называли — обогащали банк, возвращая все десятикратно.

Это был успех. Наказания, наказания, наказания... Похищения детей остались в

прошлом — все это теперь казалось пустым и скучным. Крампус был счастлив.

Но время шло. Зима заканчивалась. Пора было отправляться домой, Крампуса начал клонить в сон. И тогда он встал перед выбором: закрывать банк или позволить ему работать и дальше, пока хозяин будет в спячке. Выдавать ссуды круглый год было так заманчиво, и Крампус поддался. Это была слабость, но поймет он это еще нескоро. В тот момент он принял решение, о котором спустя годы будет сожалеть.

Он оставил банк на попечение своего человеческого помощника — настоящего искусника во всем, что касалось бумаг, который казался исполнительным, верным и надежным. И он, этот человек, не подвел Крампуса. Весь год банк исправно работал под началом управляющего, а когда с первым снегом на следующую зиму Крампус пробудился и вернулся в город, то обнаружил, что запущенный им механизм исправно работает. Он был доволен. Его дело жило. Всю зиму Крампус провел в банке, лично курируя выдачи ссуд, наказания и прощения. А потом снова залег в спячку.

Годы шли. Каждую зиму Крампус возвращался в свой банк. Выдавал ссуды и вершил возмездие. Когда он уходил, его человеческий помощник заведовал всеми делами. И казалось, что так будет всегда.

Но успех предприятия ослепил Крампуса. Он не заметил, как отношение его помощника меняется, что всякий раз, когда хозяин возвращается, тот скрипит зубами, пытаясь скрыть ненависть. Управляющий больше не испытывал страха перед мстительным духом зимы. Ему удавалось скрывать свои алчность и коварство. Помощник считал банк своим, а присутствие, приказы и даже сами методы Крампуса стали ему в тягость. Но у него не было выбора: как он мог воспротивиться тому, кого породила сама зима — в конце концов, он был простым человечешкой.

В одну из зим, вернувшись в банк, Крампус обнаружил, что что-то изменилось. Помощник пытался делать вид, что все как обычно, но провести хозяина ему не удалось: за время отсутствия Крампуса банк стал другим. Управляющего больше не заботило, что за люди берут ссуды, он не прощал долги хорошим людям, но напротив делал все, чтобы плохие люди жирели и богатели. Крампус был в ярости. Он едва не разодрал на куски своего помощника, но тот убедил его, что все исправит. И Крампус поверил...

Страх... Он думал, что страх заставит управляющего подчиняться, но он не учел, что алчность сильнее страха.

Помощник умело прикидывался и играл свою роль, пока Крампус был в банке, но, стоило тому отправиться в свою ежегодную спячку, он решился наконец снять маску покорности.

Управляющий проследил за Крампусом до его логова, увидел, как тот укладывается на дне глубокой угольной ямы, а потом... он отыскал в чаше древние каменные часы и сломал их — этот подлый, коварный человек выяснил, что именно их бой пробуждает Крампуса и что без них он ни за что не проснется. Но этого ему было недостаточно. Подлый управляющий банка проник в логово Крампуса, перерезал ему горло и забрал колокол. Но не только его: помощник украл шубу, в которой была собрана вся сила мстительного духа зимы.

Оставив так и не проснувшегося Крампуса истекать кровью, управляющий вернулся в Габен и окончательно забрал себе банк. Он переименовал его в свою честь. А в старый герб банка Крампуса он добавил некую деталь, искажив его суть, и так у черного ворона в клюве появилась золотая монета.

«Ригсберг-банк» на площади Неми-Дрё... В тот день это место стало таким, каким въ

знаете его сейчас. А бывший управляющий, Сесил Ригсберг, стал его хозяином. И тогда жизнь в Тремпл-Толл навсегда изменилась. Ригсберг и его семейка заполучили всю восточную часть площади и выстроили здесь эту черную уродливую громадину, постепенно они заполучили и весь Тремпл-Толл.

Годы шли, а Ригсберги все богатели. Старик хранил тайну о том, как он стал хозяином банка, и никто во всем городе даже не догадывался, что он сделал.

А что же Крампус? — спросите вы?

Крампус не умер — он ведь не человек, а дух зимы, все-таки. Его рана затянулась, но он не просыпался до тех пор, пока в лес не пришел некий профессор-монстролог, изучавший старые легенды и желавший разыскать доказательства того, что Крампус существует. Он нашел древние часы и починил их, а потом нашел и Крампуса.

Крампус проснулся. Он был в ярости. «Ригсберг должен поплатиться! Его кара будет ужасной!» — только об этом и мог думать мстительный дух зимы.

Разъяренный Крампус пришел в Габен и увидел, что случилось с банком. Он вошел внутрь и потребовал к себе Сесила Ригсберга. Людишки ничего не понимали — еще бы: куда им!

Ригсберг спустился. Он не мог поверить своим глазам, полагая, что его тайна похоронена в глубине чащи. Он был перепуган, трясся и лепетал извинения, но потом быстро понял, что Крампус ничего не сможет ему сделать без своей шубы.

«Отдай ее! — кричал Крампус. — Отдай ее, ты, подлый вор! Верни мне мою шубу!»

Охранники Ригсберга схватили Крампуса, намереваясь вышвырнуть его за двери, но Сесил неожиданно велел отвести его в свой личный кабинет.

«Я предлагаю тебе сделку, Крампус, — сказал он, когда они остались наедине. — Банк останется моим, а шуба... я верну ее тебе...»

«Мне плевать на банк. Верни мне мое! Я замерзаю...»

Сесил Ригсберг расхохотался:

«Не так быстро. Мы подпишем договор, в котором ты поклянешься, что не отберешь у меня банк. А также... шуба теперь является собственностью банка, и тебе придется выкупить ее...»

Крампус не поверил своим ушам.

«Что?! Выкупить?!»

«Ничего личного. Обычная процедура. Ты ведь хочешь вернуть свою шубу? А в знак доброй воли я еще и верну тебе колокол...»

«Да будет так!» — сказал Крампус, понимая, что у него нет выбора, и поставил под договором свою подпись — отпечаток когтя.

Это был обычный, как тогда казалось, контракт на приобретение мехового изделия за определенную сумму при определенной процентной ставке, которая увеличится через год.

Дух зимы полагал, что выкупить шубу у Ригсберга, погасив процент, будет просто, ведь лес, его вотчина, хранит в своих недрах множество золота, но он и не представлял тогда, как ошибался.

Крампус отправился в лес, стукнул в колокол, созывающий свиту, но явившиеся гоблины не узнали его без шубы. Они напали на него. Ригсберг просчитал и это: он полагал, что прихвостни убьют Крампуса, и лишь чудом тому удалось сбежать.

В лесу было еще холоднее. Выхода не оставалось, и Крампус вернулся в Габен. Больше добыть деньги было негде.

Величайшее унижение! Ему пришлось не только прикидываться человеком, но и жить мерзкой человеческой жизнью. И все же его шуба стоила того. Он брался за любую работу: был и углежогом, и путевым обходчиком, и кочегаром. Пока однажды не нашел себе работу по душе: вернулся к истокам, так сказать. «Пансион мадам Лаппэн для непослушных детей» нуждался в воспитателе с определенными навыками: они искали того, кто без жалости будет наказывать подопечных, и Крампус стал таким воспитателем.

Время шло. Мстительный дух зимы превратился в одного из ничем не примечательных жителей Тремпл-Толл. У него была работа, появилась квартирка. Был даже друг — профессор Гримм, который и пробудил его. Профессор писал книгу о Крампусе, они встречались вечерами, и дух зимы рассказывал ему о себе...

Потихоньку деньги копились, и однажды Крампус собрал нужную сумму. Наконец! Он вернет шубу! И покинет этот гадкий город!

Придя в банк и встретившись с Ригсбергом, он понял, что радовался преждевременно. Как я и говорил, Сесил Ригсберг был искусником во всем, что касалось бумаг. Он обманул Крампуса: «Подписывая договор, всегда читайте мелкий шрифт!» Пока Крампус копил деньги, процент долга увеличился, и, согласно договору, он уже был должен вдвое больше того, что принес.

Так мстительный дух зимы стал тем, кого в банке называют «безнадегой».

Бессилие и болезненная меланхолия охватили его. А что уж говорить о непрекращающемся ознобе, который он испытывал.

И тогда профессор Гримм вызвался помочь ему добыть шубу. Не буду вдаваться в детали. Думаю, вы и так понимаете, что ему это не удалось — Ригсберг не собирался так просто выпускать Крампуса из своих лап...

За все эти годы Крампус не раз приходил в банк в надежде выплатить долг и вернуть шубу, но всякий раз долг увеличивался. Проклятый договор держал его в плену, и освободиться казалось невозможным.

Но сегодня... сейчас... все изменится...

Мистер Супмарк замолчал.

Они с мисс Коггарт стояли у шкафа, на дверце которого значилось: «19-21-17-14-1-18-12».

Дрожащей от волнения рукой он открыл дверцу.

Она была внутри! Висела на вешалке, как какое-то никчемное пальто!

Протянув руку, он коснулся длинным обломанным ногтем меха на оторочке шубы. И содрогнулся.

После чего одним движением сорвал с вешалки шубу, закутался в нее — руки нырнули в рукава, на голову опустился капюшон. Звякнули свисающие по полам цепи, зазвенели бубенцы.

Мисс Коггарт не видела лица мистера Супмарка. Он скрючился, и его начали бить судороги. Подземное хранилище наполнилось совсем не человеческим ревом.

Она отшатнулась и выронила фонарь. Стекло звякнуло, разбившись. Фитиль погас.

Мистер Супмарк обернулся, но это был уже не тот джентльмен, который пришел в банк, пытаясь получить ссуду на свое изобретение. Прямо на глазах потрясенной старшей клерк-мадам, пробив капюшон, на его голове выросли два изогнутых рога, узкая треугольная борода удлинилась, а глаза... они загорелись, как два уголька!

— Вы очень плохо вели себя в этом году, мисс Коггарт, — сорвалось хриплое с сухих изломанных губ, а затем Крампус, мстительный дух зимы, прыгнул.

Мисс Коггарт закричала.

За два часа до Нового года центральная площадь Тремпл-Толл почти опустела.

Семафоры на станции дирижаблей горели красным, а туша «Бреннелинга» напоминала сугроб, в котором тускло светились иллюминаторы. Прополз трамвай.

Парочка поздних прохожих торопилась вернуться домой: один нес на плече елку, а другой тащил санки, груженные пирамидой коробок с ленточками.

Площадь Неми-Дрё будто замерла. Медленно опускались снежинки, из дымоходов поднимались тонкие струйки дыма, и время от времени подрагивали трубы пневмопочты.

Тремпл-Толл ждал. Гостиные наполнились шумом и светом. Уже скоро... скоро этот долгий год наконец закончится...

И все же не везде праздник ждали. Среди квартир, выходящих окнами на площадь, затерялась одна — о существовании которой не знали даже соседи.

В этой квартирке не было окон, не было камина, и к ней не вела труба пневмопочты. Ее не посещал ни почтальон, ни молочник, а ведущая в нее дверь скрывалась за трубами паровых котлов в заваленном старой мебелью тупике этажа — на ней не было ни номерка, ни почтового ящика — даже ручки.

Сама квартирка представляла собой единственную, уместившуюся между третьим и четвертым этажами дома комнату. В ней не было ничего, кроме стула и стола. Именно то, что стояло на столе, как раз и служило причиной того, почему эту квартиру держали ото всех в тайне. На столе стояли керосиновая лампа и «Криптекс-сменщик» — причудливый механизм, отдаленно похожий на часы без короба: шестеренки, пружины, анкера и маятники. В глубине прибора проглядывали лампочки — сейчас не горевшие. Циферблат отсутствовал, и его место занимал продолговатый цилиндр с дюжиной колец. На ребрах колец стояли цифры — от одного до девяти, и в прямоугольной прорези значилось: «8, 5, 4, 1, 7, 7, 2, 8, 1, 3, 3, 5». От механизма отрастала тонкая медная трубка, уходящая под стол и растущая в дощатый пол.

Сам вид этого устройства мог вызвать у любого, кто на него взглянет, уйму вопросов: «Что этот криптекс делает?», «Зачем эти кольца?», «Что он отпирает?»

Что ж, устройство на столе в тайной квартирке ничего не отпирало. Оно лишь дублировало нечто, что находилось в другом месте.

Из темного угла комнатки раздалось сдавленное мычание. На полу лежал человек, хотя то, что это человек понять было непросто, учитывая, что с ног до головы он был обмотан веревкой. Рядом лежали шляпа-котелок и разбитые очки. Из веревочного кокона выглядывали лишь нос да расширенные от гнева глаза.

Тот, на кого они были направлены, не обращал на пленника никакого внимания.

Снеговик сидел на стуле и, не отрываясь, глядел на криптекс, нетерпеливо постукивая ногой по полу и длинными пальцами по крышке чемоданчика, который стоял у него на коленях.

И вот, в какой-то момент, наконец произошло то, чего он ждал.

Трубка, уходящая под стол, завибрировала, приводя в движение маятник на механизме.

Загорелись лампочки, и комнатка наполнилась лихорадочным звоном. Криптекс включился. Ротор натянул пружину, кольца пришли в движение, одно за другим они начали медленно вращаться.

Меньше, чем за минуту новая комбинация выстроилась, и механизм выключился. В прорези встали совершенно другие цифры. А потом все снова затихло. Лампочки погасли.

Снеговик открыл чемоданчик и вытащил оттуда механическую ворону. Несколько раз провернул ключ в замочной скважине у нее на груди, и автоматон ожил.

Из глубины металлического тела раздалось жужжание. Мигнув, загорелись глаза-лампы.

Снеговик поставил ворону на стол перед «Криптекс-сменщиком». Птица повела головой и замерла, уставившись на цилиндр с кольцами. А в следующий момент что-то щелкнуло, сверкнула вспышка, и в воздух поднялось облачко от сгоревшего магния.

Дело было сделано. Снеговик подхватил ворону под мышку и ринулся к двери секретной квартирки, даже не глянув на мычащего пленника. Перепрыгивая через ступени, он спустился по лестнице и выбежал в переулок. Оказавшись под открытым небом, он размахнулся и подбросил ворону в воздух.

Механическая птица закаркала и полетела в сторону банка.

Проводив ее взглядом, снеговик забрался в кабину стоявшего у входа в подъезд аэрокэба. Заработали пропеллеры, и экипаж оторвался от земли.

«Осенняя неприятность больше не повторится!»

Длинный узкий рукав коридора простирался на такой глубине, что, как любил пошутить сам мистер Борчч, начальник охраны, ниже была только вотчина людей-кротов.

Сам Джон Борчч суеверным человеком не был, но, к примеру, к черным кошкам относился с закономерной подозрительностью.

«Людей-кротов не существует!» — в этом пытались убедить общественность городские власти, но то, что дно и стены банковского хранилища обшиты толстыми металлическими пластинами, случайностью не было. К примеру, мистер Борчч не раз своими ушами слышал, как под полом в коридоре, который вел в хранилище, что-то скребется, порой улавливал обрывки хриплых голосов. Впрочем, его это не сильно беспокоило: провести подкоп под хранилище и коридор было невозможно.

Во время осеннего ограбления мистер Борчч был на своем посту, и тогда его подвела самоуверенность. «Ограбить “Ригсберг-банк” невозможно» — так считалось, и во многом из-за этого Человеку-из-Льотомна и удалось с такой легкостью совершить свое черное дело.

Тремпл-Толл вскипел — не обсуждал вторжение в банк только ленивый да немой. И хоть Ригсберги полностью контролировали прессу, едва ли не каждый в Саквояжном районе перемывал банкирам с Площади косточки (шепотом, разумеется, прежде три раза оглядевшись по сторонам для верности). Ригсберги были унижены, хоть и всячески старались строить хорошую мину, выказывая на публику демонстративное хладнокровие и едва ли не безразличие к произошедшему.

Банк продолжал работу как ни в чем не бывало: клерк-дамы выдавали ссуды, клерки в Биржевом, Портовом, Пыльном, Грабьем и прочих отделах жужжали и суетились. Со стороны казалось, что особых последствий ограбление не возымело.

Но то, что происходило в те дни внутри банка... Что ж, сказать, что черное здание по адресу «Площадь Неми-Дре, 17» кипело и бурлило, значит значительно преуменьшить происходящее. Самые богатые и важные вкладчики паниковали, порывались закрыть счета и отправиться к Граббсу и к другим конкурентам Ригсбергов в Габене. Госпоже Вивьен Ригсберг и мистеру Портеру, тогдашнему господину управляющему, приходилось прикладывать недюжинные усилия, чтобы их успокоить. При этом началось так называемое «вычесыванье блох»: агенты из особого отдела во главе с мистером Ратцем взялись за всех служащих без исключения в поисках того, кто виноват в произошедшем. В итоге в долговую тюрьму Браммл в личные карцеры банка отправилось восемь клерков с этажей и две клерк-дамы из вестибюля. Еще четверо служащих, включая двоих охранников хранилища, и вовсе исчезли, и их судьба для мистера Борчча осталась тайной.

Похищенные деньги вернулись, мистер Портер был уволен, и его место заняла мисс Кэрриди. Новая госпожа управляющая начала свою работу с обновления всей системы защиты банка под лозунгом «Ограбление не повторится!» Одним из нововведений должна была быть замена всех охранников хранилища на автоматов, но мистер Борчч мириться с вынужденной бесславной отставкой был не намерен. Он служил Ригсбергам еще в те времена, когда во главе банка стоял лично господин основатель, более того — старик когда-то называл его своим личным другом, и у Борчча имелась пара ниточек воздействия на госпожу Вивьен, которую он знал еще девочкой. И он потянул за эти ниточки...

Впоследствии Борчч остался на своем посту. Мисс Кэрриди была недовольна, но противиться решению хозяйки банка не посмела. Госпожа Вивьен так ей и сказала: «Мистер Борчч — старый друг семьи, и он заменен не будет. Это последнее слово!» После чего уже самому мистеру Борччу она сообщила, чтобы на третий шанс он не рассчитывал и что в следующий раз «старый друг семьи» отдаст жизнь за собственность банка — так или иначе.

С того дня начальник охраны хранилища из кожи вон лез, чтобы не подвести ее. Он лично подобрал новый состав коридорной охраны, взяв в него отставных военных — лучших из лучших, и вооружил их по последнему слову оружейной техники. Мистер Борчч до мельчайших подробностей изучил ограбление Человека-из-Льотомна и лично участвовал в разработке «Протокола вторжения».

«Осенняя неприятность больше не повторится!» — твердил он себе, испытывая гордость от тех средств защиты, которые были введены благодаря лично ему.

В прошлый раз в хранилище проникли гремлины, и к такому в банке никто не был готов, но сейчас все изменилось. И коридор, и шахту лифта снабдили противогремлинскими мерами, так что пусть только сунутся...

Когда за два часа до полуночи наверху раздался шум, мистер Борчч понял все мгновенно.

— Тревога! — заревел он. — По местам!

Подчиненные, игравшие в «Вороватую ворону», бросили карты, вскочили на ноги и ринулись на свои посты. Двое забрались в стенные кабины у лифта, захлопнув двери и взявшись за короткоствольные механические винтовки системы «Шрёбрич», установленные в узких гнездах на поворотных ножках. Двое других заняли свои ниши в центральной части коридора. Сам мистер Борчч толкнул один из рычагов на панели в рубке, и из открывшейся в стене ниши на рельсе выкатилась рычажная турель. Остановившись посреди коридора, она замерла, нацелив ствол на лифт.

— Газ-маски! — крикнул мистер Борчч, и его подчиненные опустили на лица противогазы. Начальник охраны и его люди стали похожи на пучеглазых насекомых.

— Яд! — пророкотал мистер Борчч, и из рожков на потолке потек синеватый дым, стремительно наполняя коридор.

Начальник охраны встал за турель, взявшись одной рукой за рукоятку, а другой — за гнутый рычаг, приготовившись стрелять.

— Ну давай же! Давай! — сжав зубы, проговорил мистер Борчч.

Дым заполнял коридор, тучи клубились над полом, поднимаясь все выше, а яд из рожков все продолжал течь. Меньше, чем за минуту, в густом мареве уже ничего нельзя было разглядеть.

— Обстановка! — крикнул мистер Борчч.

— Никого, сэр!

— Никого!

— Никого!

Кабина № 3 молчала.

— Петкир! — начальник охраны добавил в голос железа. — Докладывай!

— Никого, сэр!

— Почему доложил не сразу?!

— Простите, сэр! Мне показалось... ребенок в дыму!

— Ребенок?!

— Нет, это просто клуб дыма! Показалось...

— Повышенное внимание, парни! Глядеть в оба!

— Сэр! — воскликнул охранник из кабины № 1. — Если это ограбление, почему не включили протокол?!

«Хороший вопрос — с тревогой подумал мистер Борчч. — Чего они там, наверху, тянут?! Я перестраховался?.. Может, мисс Кэрриди решила устроить праздник с хлопушками в вестибюле? Нет! На нее это непохоже! Меня бы уведомили заранее...»

И тут наконец завывла сирена. Старшая клерк-мадам запустила «Протокол вторжения». На круглой стальной сейфовой двери за спиной мистера Борчча пришли в движение кольца криптекс-замка, сбивая предыдущую комбинацию. Из-под потолка с грохотом опустились три бронированные перегородки, разделяя коридор на три отсека: прилифтовый, центральный и прихранилищный.

Мистер Борчч замер, вглядываясь в тучи дыма.

Коридор был неприступен. Никто не проберется через перегородки, а если кто-то и рискнет сунуть сюда свой нос, яд, одинаково действующий как на людей, так и на гремлинов, выжжет им легкие.

— Осенняя неприятность больше не повторится, — пробормотал мистер Борчч, до боли в пальцах сжимая рычаг турели.

Даже если произойдет чудо и яд не подействует (может, грабители озаботились надеть противоудушливые маски), из лифта они не выберутся — их тут же изрешетят из кабин. В любом случае их путь там и завершится — перегородки снаружи поднять невозможно.

— Обстановка?! — крикнул в переговорный рожок мистер Борчч.

Все четыре охранника отозвались почти мгновенно: «Никого!»

Лифт и не думал спускаться, шахта заполнялась яд-дымом.

«Где же вы?! — стучала в голове начальника охраны молотком мысль. — Где?!»

И тут он получил ответ на свой вопрос. Сирена внезапно смолкла — кто-то выключил ее!

Мистер Борчч развернулся к рубке управления, поворачивая и турель на мононоге. В дверном проеме, окутанный дымом, кто-то стоял. Низкого роста и в шляпе-котелке.

«Ребенок?!»

Мистер Борчч промедлил всего мгновение, и этого мгновения «ребенку» хватило, чтобы повернуть ручку, торчащую из небольшого короба, который свешивался с его шеи на ремне.

По коридору, вырываясь из короба, потекла мелодия. Старая карнавальная мелодия зазвучала так внезапно и была такой чарующей, что начальник охраны застыл. А затем... руки сами отпустили турель, ноги начали притопывать, после чего мистер Борчч неожиданно для себя пустился в пляс.

— Я... нет... останови это! — вопил он, но тело отказывалось слушаться. Мистер Борчч танцевал с таким усердием, будто от этого зависела его жизнь. Притом, что до сего момента он считал, что и вовсе танцевать не умеет.

Начальник охраны не понимал, что происходит. Он подпрыгивал, вертелся, отбивал степ и выдавал джигу, то и дело кланялся и изгибался, руки выделявали волны, а все мысли из головы исчезли — их место заменила собой музыка.

Мистер Борчч пыхтел и сопел. Сердце колотилось, как безумное, он весь взмок, а танец все не останавливался. Дыхание сбилось окончательно. Голова кружилась, он начал спотыкаться. И в какой-то момент перед глазами все потемнело.

Начальник охраны рухнул в обморок, но его тело продолжало дергаться в жутких судорогах.

Не прекращая вращать ручку шарманки, «ребенок» вернулся в рубку и переключил три рычага. Перегородки поползли наверх.

Выйдя в коридор, маленький шарманщик двинулся по проходу. В кабинах сейчас происходило ровно то же, что случилось и с мистером Борччем: его подчиненные танцевали, вкладывая в каждое движение всю страсть и все силы. Магнетическое воздействие музыки не позволяло им передохнуть ни на мгновение. И вскоре один за другим они попадали на пол.

Говард Бек рассмеялся и отпустил ручку. Музыка смолкла.

— Старый шарманщик из Страны Дураков явно знал толк в веселье, — сказал он и вприпрыжку припустил к лифтовой решетке.

Раздвинув ее в стороны, он заглянул в шахту. Помахал перед лицом рукой, отгоняя дым.

— Тик-так, тик-так, — бросил он, после чего вернул решетку на место и потянул на себя рычаг, вызывая лифт.

Где-то внизу заработали блоки и противовесы, тросы пришли в движение, и вскоре кабинка опустилась.

Прозвенел звонок, решетка отъехала.

— Ну не гений ли я? — усмехнулся Говард, и в ответ ему раздалось механическое карканье. На диванчике в кабине сидела черная ворона-автоматон.

Зайдя в лифт, кукла склонилась над вороной и щелкнула крошечным рычажком у нее на груди. Клюв раскрылся, и из него с жужжанием выползла тонкая бумажная лента.

Схватив бумажку и прочитав то, что на ней было отпечатано, Говард воскликнул:

— Зам-м-мечательно!

После этого кукла бегом преодолела коридор. Мистер Борчч по-прежнему лежал на

полу, сотрясаясь в танце.

Говард бросил на него быстрый взгляд и потянулся к криптекс-замку на двери хранилища. Сверившись с бумажной лентой, кукла принялась вращать кольца.

«9-6 — 6-1 — 7-5 — 2-2 — 4-3 — 1-1»

Когда последнее кольцо провернулось, клацнул замок, и с глухим стуком запоры внутри двери вошли в пазы.

Крутанулся вентиль, и громадная круглая дверь, поворачиваясь на петлях, начала медленно открываться.

Говард отпрыгнул на несколько шагов назад.

Перед ним было сердце «Ригсберг-банка». Вдоль стен хранилища проходили ряды полок, заставленные туго набитыми мешками с трафаретным изображением ворона с монетой в клюве.

Говард вдруг ощутил себя крошечным, слабым и... невероятно, неприлично богатым. — Это же сколько праздничных гусей можно закупить! — воскликнул он.

Это был очень длинный день.

Для Зои Гримм он начался с посылки от мошенников из «Чучеллоус. Подари себе сам». Казалось, это случилось в прошлой жизни. Потом были главпочтамт и несколько ограблений по всему Тремпл-Толл. Происшествие в редакции «Сплетни» и попытка похитить «Праздничную традицию», которая обернулась схваткой с жутким монстром в мансарде заброшенной гостиницы и визитом к доктору Доу. Затем началась подготовка к ограблению банка: проникновение в полицейский паб, лавка игрушек «Тио-Тио», разговор с мистером Томмсом, встреча со свечниками в парке Элмз...

И вот она в банке! Грабит его или, вернее, пытается ограбить.

В итоге все вышло не совсем так, как она хотела. Согласно замыслу Зои Гримм, происходящее должно было напоминать театральную пьесу: с выходами актеров, сменами декораций, игрой света и трагичной музыкой.

На деле же это мало походило на пьесу. Ей даже не удалось продекламировать монолог! Каждый уважающий себя злодей должен выдать монолог: в «Сплетне» порой печатали монологи злодеев, и Зои зачитывалась ими, позабыв обо всем на свете.

Но для ее монолога подходящий момент все не выпадал. Как тут выкроишь пару минут на угрожающую, пропитанную великолепием, литературными отсылками и самовосхвалением речь, когда тебя того и гляди или прихлопнут, как муху газетой, или сцапают!

«Нужно будет потом отправить в «Сплетню» заготовленный монолог — пусть его напечатают, — думала Зои. — Ну а то, что он так и не прозвучал, это уже дело десятое... хотя и обидно!»

— Эй ты! Да ты! Консервная банка! Ручонки прочь!

Обращалась она к одному из автоматов-охранников, который выстрелил в ее сторону рукой-захватом на цепи.

Зои успела спрятаться за спину снеговика, и захват вцепился тому в ногу, сомкнулся

клещами. Автоматон рванул цепь, и она поползла обратно, наматываясь на катушку в его предплечье.

Снеговик недоуменно уставился на свою ногу, а потом рухнул на пол. Цепь увлакивала его все дальше, но Зои так просто отдавать прихвостня в лапы банковских латунных охранников не собиралась.

Она выхватила из ящика шутиху, подожгла ее и, направив на автоматона, дождалась, когда огонек проскользнет по шнуру. В тот же миг, как он исчез в картонном сопле, она разжала пальцы.

Ракета сорвалась в полет, оставляя за собой шлейф рыжих искр. Выписав в воздухе вензель, она пронеслась по вестибюлю, обогнула автоматона и... не причинив тому вреда, развернулась, направившись обратно к Зои.

— Нет, нет, нет! — завопила мисс Гримм и прыгнула в сторону.

Шутиха пролетела через то место, где Зои только что стояла, развернулась и, двигаясь по спирали, устремила дальше.

Взорвалась она над столом старшей клерк-малам, обсыпав его дождем зеленых искр.

Зои не отчаивалась. Схватив другую ракету, она подожгла ее и направила немного в сторону от намеченной цели.

Шутиха вылетела и, описав дугу вокруг автоматона, развернулась и ударила его точно в грудь. Фейерверк взорвался, окутав механоида дымом — вокруг него с грохотом и треском раскрылся пурпурный цветок.

Автоматона отшвырнуло на пару шагов, и тут его настигла струя вязкого снега, вырвавшаяся из оружия мистера Пибоди.

Схваченный снеговик разжал хват, вскочил на ноги и с полосатой тростью наперевес бросился на очередного автоматона, а Зои уже доставала из ящика новую шутиху...

Цирковые фейерверочные ракеты, которые она добыла у свечников, приводили ее в совершенно детский восторг. Зои уже успела обжечь руки и лицо, а пелерина как следует прокоптилась, но она этого не замечала.

Мисс Гримм стояла у лифта — это было единственное место на всем первом этаже банка, где в стенах не зияли отверстия люков. Рядом расположились ящики с шутихами. Мистер Пибоди не подпускал к ней автоматов, обезвреживая их одного за другим.

Главный прихвостень мисс Гримм управлялся со «снегометом» так, будто таскал его с собой всю жизнь. Поливая вязким снегом механоидов, он будто бы танцевал, уходя от ударов и ловко отпрыгивая всякий раз, как руки-захваты выстреливали в попытках его сцапать.

Прочие снеговики действовали, как обычные уличные громилы: забрасывали автоматов взрывающимися елочными игрушками и бездумно лупили их тростями, а еще регулярно получали в ответ дубинкой.

В вестибюль банковские механоиды прибывали партиями. Из трубоходов выплевывались большие черные цилиндры, будто самые настоящие капсулы пневмопочты. После чего эти цилиндры с лязгом вырастали, поднимаясь на ноги, из их боков выдвигались руки.

В черной форме с золочеными пуговицами, с горящими багровым светом глазами-лампами, они больше походили на солдат, чем на охранников.

Эти махины были по-настоящему громадными. И даже мистер Пибоди, который никогда не слыл коротышкой, в сравнении с ними выглядел, как грустный тщедушный паренек, забредший в чужой район.

Как только появились первые автоматы, вестибюль наполнился механическими голосами:

— Сда-вай-тесь! Сда-вай-тесь! Сда-вай-тесь! Име-нем «Риг-сберг-бан-ка»!

— Нет, это вы сдавайтесь! — дерзко отвечала им грабительница. — Именем Зои Гримм!

Механоиды шуток явно не понимали, и, топая железными ногами, шли в атаку.

Зои знала, что в протоколах этих латунных злыдней прописано брать грабителей живыми, иначе ей и ее прихвостням пришлось бы совсем туго.

Она жалела, что под рукой у нее нет ни чайника, ни барабана — вороненые морды автоматов буквально напрашивались, чтобы огреть их чем-то тяжелым...

Из-под потолка шел снег, в воздухе то и дело расцветали искрящиеся разноцветные цветки, клубился дым. Пахло порохом и жженым магнием. Грохотали разрывающиеся елочные игрушки, по залу со свистом проносились картонные ракеты.

Полосатые трости скрещивались с черными дубинками, а на несмолкающие призывы сдаваться снеговика отвечали молчаливыми ухмылками.

В вестибюле механоидов становилось все больше, банда Зои Гримм несла потери, шутики постепенно заканчивались, а вместе с ними и шутовское настроение.

Автоматы шаг за шагом теснили снеговиков, багровые лучи из их глаз пронизывали Зою, а через трубоходы прибывали все новые охранники. Уворачиваться от выстреливающих захватов становилось все сложнее...

В какой-то момент мисс Гримм обнаружила, что снеговика дерутся уже в тугом кольце. И тут еще мистер Пибоди неожиданно прекратил стрелять и яростно затряс «снегометом».

— Что там такое, мистер Пибоди?! — крикнула Зои. — Что там заклинило?!

Снеговик не ответил. Два автомата одновременно вцепились в него захватами — один сжал руку, другой — ногу.

Мисс Гримм потянулась за новой шутихой, но ракету ее пальцы так и не нащупали. Зои запустила обе руки в ящик, принявшись возиться в нем, но там была лишь солома.

— Закончились?! Как невовремя! — воскликнула она, и тут в ее голову врезалась дубинка.

Удар пришелся вскользь, капюшон чуть его смягчил, и все равно Зои встала как вкопанная. В голове зазвенело, кругом все поплыло.

Автомат поднял дубинку для очередного удара, но Зои даже не глянула в его сторону. Перед ее глазами все смешалось: черные мундиры с золочеными пуговицами и праздничные колпаки, преисполненные ужаса глаза жмущихся к входным дверям безнадег и злорадные взгляды выглядывающих из-под своих столов клерк-дам.

А снег все продолжал идти, снежинки плавно опускались...

В голове раздался осуждающий голос папы: «Ох, Зои, ты снова учудила...»

Вестибюль вдруг прорезало жуткое звериное рычание, перекрывшее все прочие звуки.

А Зои, как и прежде, стояла и глядела в одну точку.

Она не обратила внимания, как автомат, так и не успев нанести удар, неожиданно завалился на бок. Как с развороченной коробкой живота, из которой полезли пружины и посыпались шестеренки, навзничь упал еще один, а третий — прежде, чем присоединиться к своим, пару мгновений стоял, словно с ним ничего не произошло, а после рухнул грудой звенящего металла, разрубленный на куски.

По вестибюлю размытым пятном пронеслась фигура в красном, без жалости уничтожая

автоматов одного за другим.

Глаза-лампы гасли, с грохотом механоиды падали на пол, и в какой-то момент на этаже больше не осталось тех, кто требовал сдаваться. Все затихло.

— Мисс Гримм...

Кто-то стоял перед Зои.

— Мисс Гримм, вы в порядке?

Она не знала, где находится, не понимала, чего от нее хотят. Она просто хотела, чтобы ее оставили в покое...

Но кое у кого были свои собственные мысли на этот счет.

Лицо Зои обдало жаром, и, вздрогнув, она очнулась.

— Д-да... я просто... все в порядке...

Злодейка тряхнула головой и оглядела вестибюль. Тот походил на настоящее поле боя. Все банковские автоматы лежали на полу, изувеченные, покореженные и разломанные. Снеговика недоуменно озирались по сторонам. Один пнул ногой неподвижного механоида, будто требовал от него подняться и продолжить схватку.

— Это еще не конец, — раздался хриплый голос, и Зои встретила с пылающим взглядом.

— Да... я знаю...

— Вы готовы продолжать?

Зои гневно сузила глаза.

— Я ведь сказала, что в порядке!

Обладатель хриплого голоса и горящих глаз кивнул. После чего отвернулся и одним прыжком достиг основания лестницы. Три взмаха увенчанной длинными кривыми когтями руки, и решетка падает на пол, разрезанная, словно была отлита не из металла, а собрана из соломинок.

Не оглядываясь, сломавший ее великан исчез на лестнице.

Передышка не была долгой. Стены вновь загудели, а из трубоходов начали появляться новые автоматы.

Зои окончательно пришла в себя. Бросив взгляд на часы, она воскликнула:

— Мистер Пибоди! Что там со «снегометом»?!

Снеговик переключил несколько рычажков на своем оружии, длинным пальцем в перчатке прочистил дуло и кивнул.

— Что ж, веселье продолжается! — рассмеялась Зои, раскрыв висевшую на боку сумку.

Рука сжала снежок.

— И что же ты задумала?

Женщина в черном стояла на заснеженном карнизе, у большого круглого окна-циферблата, заглядывая внутрь и пытаясь разобраться, что там творится. Внизу, в вестибюле банка, мельтешили какие-то размытые пятна, сверкали разноцветные вспышки, воздух прорезали багровые лучи, словно кто-то то и дело вертел прожектор маяка. На улицу прорывалась чудовищная какофония: лязг, смешивался с грохотом взрывов и криками.

— Ты и правда безумна, — прошептала Зубная Фея. — Вторгнуться в «Ригсберг-банк» Подумать только! Но зачем ты оставила мне свои загадки?

Зои Гримм привела ее сюда, зная, что Зубная Фея не сможет остаться в стороне, но... в чем кроется подвох? Она хотела быть схваченной? Или самонадеянно считала, что ей все по плечу: и ограбить банк, и выдрать за нос мстительницу в маске?

Зубная Фея достала из кармана чехол с отмычками. Выбрав наконечник для сверлильной машинки, она подсоединила сверло к тонкому шлангу, отходящему от кофр-ранца и щелкнула тумблером. Сверло зажужжало и вгрызлось в раму окна.

Проделав отверстие, Зубная Фея вставила в него гнутую спицу с крючком. Повернув ее, она подцепила головку щеколды и потянула. Запор выскочил из паза.

Створка подалась и открылась.

Забравшись в окно, Зубная Фея замерла на внутреннем карнизе под самым потолком вестибюля.

Ее появления, кажется, никто не заметил.

Внизу творилось настоящее светопреставление.

В первую очередь Зубная Фея определила, что нечаянные свидетели — заложники безумия Зои Гримм — не пострадали. Безднадеги — ровно восемь человек, среди которых были три женщины, жались к запертой на все запоры входной двери. Помимо них, здесь еще были служащие банка — пять клерк-дам, те и вовсе прятались под своими столами, не рискуя высунуть голову. Еще один человек, какой-то мистер в котелке, опасно выглядывал из-за большущей уродливой елки.

И это явно было не худшее место, чтобы спрятаться, учитывая, что за кошмар творился в вестибюле.

Внутри банка шел снег. Пол, диван, столы и стулья, печатные машинки и стопки бумаг уже были покрыты им. Несколько механоидов лежало на полу, как на поле брани, напоминая угловатые сугробы. Те, что были на ногах — около десятка — дрались с приспешниками новой габенской злодейки: багровые лучи из глаз автоматов пронизывали вестибюль, дубинки опускались и вздымались. И тут сравнение «как заведенные» было не вполне уместно — их ведь и удерживали заведенные руки. При этом механоиды гроыхали на весь вестибюль: «Сда-вай-тесь! Сда-вай-тесь! Име-нем “Риг-сберг-бан-ка”!»

Снеговика, как ни странно, давали неплохой отпор: лупили механоидов полосатыми тростями, забрасывали — Зубная Фея сперва даже не поверила своим глазам! — елочными игрушками, которые при столкновении разбивались и залепливали сочленения автоматов чем-то похожим на вязкую резину. Один снеговик лежал на полу, разломанный, по залу носился, спотыкаясь и наталкиваясь на предметы обстановки и дерущихся, еще один, но без головы. Аккомпанировал всему этому сумасшествию каркающий женский смех.

«А вот и ты!» — подумала Зубная Фея, увидев внизу ту, за кем она сюда, собственно, и пришла.

Зои Гримм была у лифта. Схватившись с одним из банковских автоматов, она пыталась обезвредить его тростью и потоком оскорбительных замечаний. Механоид молотил дубинкой, выстреливал рукой-захватом на цепи, но мисс Гримм всякий раз с легкостью уклонялась в сторону и выкрикивала что-то вроде: «Промазливый громозыка!» и «Нерасторопливый мехолом!»

«Она ведь какое-то время жила в Льотомне», — напомнила себе Зубная Фея: неудивительно, что она ругается, как какой-то бродяжник из Кэттли. И хоть Зои Гримм была родом из Габена, город чудаков не мог не оставить на ней свой след.

И хоть ни одна из сражающихся сторон перевеса пока не достигла, даже с первого

взгляда было ясно, что ограбление не только пошло не по плану (если хоть какой-то план вообще был у этой сумасшедшей), но и вовсе обернулся катастрофой. На что она рассчитывала?

В голову Зои Гримм, чтобы отыскать там ответ, Зубная Фея проникнуть не могла. Но сейчас мысли злодейки ее не особо заботили.

Переведя «москит» в «легкий нефатальный» режим (лишать мисс Гримм зубов она пока не хотела), Зубная Фея прицелилась.

До Зои Гримм было по меньшей мере сорок футов, и хоть Зубная Фея была превосходным стрелком, злодейка ни на мгновение не оставалась на месте, то прыгая, то подныривая, то чуть ли не кувыркаясь. Двигалась она непредсказуемо и хаотично — попасть в нее было не просто затруднительно — с подобной задачей не справился бы и Партридж, который, казалось, вообще никогда не промахивался. Выбора не было: придется устроить Зою Гримм то, что Партридж называл «Совиным броском» или то, что сама Зубная Фея именовала не иначе, как «Бросок Феи».

Опустив на стеклышки лётных очков специальные противопрожекторные светофильтры, она убрала «москит» и, достав из кобуры на бедре ловчий пистолет, взвела курок. А затем спрыгнула с карниза.

Механические крылья вырвались из кофр-ранца и раскрылись. Черная тень устремилась к Зою Гримм. Успех «Броска Феи» во внезапности: обычно жертва даже ничего не успевает осознать...

Зубная Фея направила оружие на злодейку и... Зою Гримм неожиданно подняла голову. Их глаза встретились. Ни капли недоумения на лице грабительницы банка не было — конечно же, она ждала ее!

Зубная Фея выстрелила. Из широкого дула ловчего пистолета вырвался бурый комок. Всего за мгновение до того, как он врезался в Зою Гримм, она отскочила в сторону, запрыгнув за спину механоида, с которым дралась. Ударившись о его черную грудь, комок развернулся сетью и запеленал автомата тугим коконом. Банковский охранник дернулся и с грохотом рухнул на пол. Два луча из его глаза-фонарей ударили в потолок, вырисовывая на нем красные круги.

Проклятье!

Пролетев над головой Зою Гримм, Зубная Фея описала дугу и устремилась обратно. Самовзводный механизм пистолета подал в ствол очередной сеть-снаряд, но выстрелить снова она не успела.

Не выпуская из зубов папиретку, один из снеговиков — тип в пальто и цилиндре — направил на нее дуло своего оружия (мстительница в маске успела понять лишь то, что оно соединено шлангом с коробом у него за спиной) и нажал на спусковой крючок. Резко забрав вправо, Зубная Фея уклонилась от клейкой белесой струи. Но снеговик перевел ее следом за ней.

Зубная Фея перевернулась в воздухе, совершив сложную фигуру пилотажа «Винт Рухгаузена». Снежная волна шла за ней неотступно, прицепившись хвостом.

— Кто к нам пожаловал! — вопила где-то внизу Зою Гримм. — Сама Зубная Фея! Этот вечер просто не мог быть лучше!

Летунья никак не отреагировала на ее возгласы. Да на это и не было никакой возможности. Она петляла под потолком, пытаясь ускользнуть от белесой струи: обледенелые сугробы-автоматы внизу прекрасно демонстрировали, чем грозит подобное

столкновение — если ее саму или крылья заденет, она попросту рухнет вниз и разобьется...

Для маневрирования в вестибюле банка было не так уж много места, но Зубная Фея не раз летала и в более тесных помещениях, главное — не задеть люстру и столб лифтовой шахты.

Она понимала, что до Зои Гримм не добраться, пока не уберет с пути снеговика, который поливал все вокруг вязким снегом.

В голове сейчас не было четко очерченных мыслей — лишь двумя семафорами подмигивали варианты пируэтов, которые могли помочь: «Клаксон Зонича» и «Часовая стрелка».

Выбрав второй вариант, она наполовину сложила правое крыло, резко завалившись на него, после чего пошла на крюк.

Обогнув люстру, Зубная Фея не рассчитала и задела ее крылом — гнутые, похожие на паучьи ноги, рога закачались, плафоны задрожали зазвенело разбитое стекло. Из одного горлышка в потолок взвился язык горящего газа. Зубная Фея крутанулась, резко задав вправо. Столкновение не было критичным, и маневру помешать не должно было...

Она уже приготовилась к нырку и схватилась свободной рукой за манипулятор, как... неожиданно сверкнула белоснежная яркая вспышка, словно кто-то вдруг сделал фотографию. Светофильтры в очках уберегли ее от мгновенной слепоты, и все же от неожиданности она слишком сильно дернула манипулятор.

Вышла из разворота Зубная Фея крайне неудачно.

Струя вязкого снега шла прямо на нее! «Часовая стрелка» не сработала!

За миг до столкновения Зубная Фея скользнула вверх прямо над ней, заложив «Ранверсман»: нырнув на крыло, она развернулась и перешла на планирование, а затем ринулась обратно. Снеговик перевел ствол своего оружия, продолжая выпускать клейкую массу в ее сторону, но было поздно.

Зубная Фея выстрелила. Сеть стремительно окутала его, и он упал на пол.

— Пибоди! — в ярости закричала Зои Гримм.

В ствол ловчего пистолета вошел последний сеть-снаряд, и между злодейкой и мстительницей в маске уже не было преград, вот только Зои Гримм была не так-то проста. Выхватив из сумки на поясе снежок, она размахнулась и швырнула его в Зубную Фею. И тут самонадеянность подвела городскую мстительницу в маске: это ведь простой снежок, что он может сделать!

Снежный шарик разорвался в фуге от лица Зубной Феи. Летунья успела вильнуть в бок но... недостаточно!

Острые ледяные осколки ударили во все стороны. Часть из них задела левое крыло, и один, особенно удачливый, перебил блок суставного сочленения пряжки вместе с основным тросом. Крайний сегмент крыла сложился, как гармошка.

— Я подбила тебя! — радостно крикнула Зои Гримм. — Подбила!

Накренившись на бок, Зубная Фея начала терять высоту. Три сегмента крыла по-прежнему сокращались, но четвертый...

Рванув тумблер на манипуляторе целого крыла, она перевела его на максимальную мощность, из сопла кофр-ранца за спиной вырвалась огненная вспышка, роторы загудели на повышенных оборотах. Падение прервалось, и Зубная Фея начала подниматься на одном лишь крыле.

— Эй! Кто-то! — закричала Зои Гримм. — Она пытается упорхнуть! Хватайте ее!

Один из снеговиков завращал головой, пытаясь понять, что от него хотят, и, увидев поднимающуюся Зубную Фею, скакнул на стул, с него — на стол старшей клерк-мадам, а потом подпрыгнул и схватил летунью за сапог, сжав ее щиколотку своими длинными пальцами.

— Пусти! — в ярости заревела Зубная Фея. — Отцепись!

И принялась бить снеговика свободной ногой, пытаясь его стряхнуть. Под весом снежного громила она опускалась все ниже. Роторы не могли выдержать такой балласт — они-то и ее одну едва тянули. В крыле что-то заскрежетало, из выхлопных труб повалил черный дым.

Выбора не оставалось...

Зубная Фея рванула манипуляторы. Крылья сложились и спрятались в кофр. Вернее, одно крыло. Поврежденное же с лязгом начало биться о стенку ранца, пытаясь уйти в футляр, но перебитый сустав упорно не желал пролезать в прорезь.

Когда крылья выключились, Зубная Фея рухнула вниз камнем — прямо на вцепившегося в нее снеговика. Вдвоем они упали на стол старшей клерк-мадам. С диким треском столешница разломалась пополам, сложившись книжкой.

— Я победила! — рассмеялась Зои Гримм. Я победила самую Зубную...

Она не договорила.

Пошатываясь, Зубная Фея поднялась на ноги и обернулась — из-под обломков торчали ноги снеговика. Их обладатель не шевелился.

Рядом с ней раздался тяжелый топот. На мстительницу в маске, пронизывая ее багровыми лучами из глаз и высоко над головой вскинув дубинку, несся один из автоматов.

— Что ты творишь?! Я ведь на твоей стороне!

— Сда-вай-тесь! — прогудел механоид. — Име-нем «Риг-сберг-бан-ка»!

Поднырнув под ударом, Зубная Фея резко ушла в бок. Дубинка со свистом пронеслась возле ее головы.

— Ты сам напросился!

Зубной Фее прежде приходилось сталкиваться с автоматами, и это были далеко не дружеские чаепития. И не потому, что эти машины не пьют чай.

«Слабые места, мисс Полли, — вечно бубнил Партридж. — У всех есть слабые места. Не нужно быть самым сильным боксером в порту. Не нужно таскать с собой громадную слоновью винтовку. Нужно знать слабые места, и бить в них — и тогда даже такая... гм... субтильная мисс, как вы, обладающая хрупкими костями и крошечными кулачками, сможет побеждать тех, кто считается самым сильным боксером и таскает с собой слоновью винтовку...»

После дела Механиста Зубная Фея уяснила, что у человекоподобных автоматов есть несколько слабых мест: до движителей и роторов не добраться, ведь они надежно прячутся под грудной броней, но если ударить в гидравлические блоки суставов ног, механоид потеряет подвижность, а если перебить шейные поршни, то он будет дезориентирован.

Ловчий пистолет опустился обратно в кобуру на бедре. В руке Зубной Феи появился верный «Зуболом», с виду напоминающий полицейскую дубинку, но не в пример прочнее.

С его помощью мстительница не только выбивала различным хмырям зубы, но и порой ломала носы и ребра особо настырным представителям изнанки Габена.

Увернувшись от дубинки автомата, Зубная Фея прыгнула к нему за спину и с размаху

ударил его под колено, а затем и под второе. Лязгнул, корежась металл, и механоид, утратив равновесие, упал на пол с таким грохотом, как будто кто-то уронил якорь дредноута.

Но радоваться было слишком рано: на Зубную Фею напал уже следующий охранник. Этот поступил умнее. Вместо того, чтобы нестись напролом, он выстрелил в нее захватом. Зубная Фея отбила клещи в сторону «Зуболомом». Но рядом был уже следующий противник...

Все смешалось. А в голове была лишь одна мысль: «Добраться до Зои Гримм!»

Зубная Фея будто пошла против бури. На нее надвигались банковские охранники, кругом стояли грохот и лязг, порой на пути вставали снеговики. То и дело раздавались крики злодейки:

— Однажды я поймала зубную фею! И в банку ее посадила! И тебя посажу в банку!

Зубная Фея не слушала. Схватка поглотила ее. «Зуболомом» перебивал суставы механоидам, врезался в их головы, разбивая глаза-лампы.

Кофр за спиной с не до конца ушедшим в него крылом существенно замедлял Зубную Фею, стеснял ее движения, но шаг за шагом мстительница пробиралась все ближе к Зои Гримм, оставляя за собой обездвиженные груды металла.

Обезвредив очередного охранника, Зубная Фея повернулась к Зои Гримм и... прямо ей в лицо врезался снежок.

На счастье Зубной Феи, снежок оказался самым обычным, но от того, что он не взорвался, на душе у мстительницы легче не стало.

— Мерзавка! — в ярости воскликнула она, отплевываясь от снега.

Зои Гримм, весьма довольная собой, ринулась прочь, уворачиваясь от автоматов, которые пытались ее схватить.

Зубная Фея бросилась за ней, ломая механические суставы и разбивая глаза-лампы механоидов, встававших у нее на пути.

План Зои Гримм был обречен на провал: бежать в вестибюле банка было особо некуда.

Путь беглянке преградила елка. Громадное искусственное... язык не поворачивался назвать это праздничным деревом... «украшение» зала скрипело, шевеля воронеными лапами-ветвями, на которых вместо игрушек были развешаны корешки от бланков, пишущие принадлежности и баночки с чернилами. Словно престарелая актриска в боа, елка была обмотана гирляндой; угрожающе помигивали красным огоньки в крошечных стеклянных лампадках.

Зои Гримм встала перед банковским праздничным деревом как вкопанная. Обернулась и, встретившись взглядом с преследовательницей, попятилась.

Зубная Фея приблизилась, держа наготове верный «Зуболомом».

— Сдавайтесь, мисс Гримм! — велела она, подойдя к елке.

— Целый вечер мне все талдычат одно и то же! — ответила Зои Гримм. — И я скажу вам то же, что и консервным банкам: это вы сдавайтесь!

— Вы не в том положении, чтобы... — начала было Зубная Фея, и вдруг увидела, что злодейка держит в руке.

— О, вы уверены, что я не в том положении? — сказала Зои Гримм, сжимая конец гирлянды.

Зубная Фея мгновенно поняла, что она задумала.

— Даже не...

Договорить мстительница не успела. Зои Гримм коварно улыбнулась и дернула

гирлянду. Елка качнулась, заскрежетала и рухнула прямо на Зубную Фею. Та вскинула руки, пытаясь защитить голову, но тяжеленное дерево сбilo ее с ног и придавило к полу...

Ветки на заводном механизме продолжали двигаться, царапая мраморные плиты, тычась в лицо и грудь Зубной Феи. Кругом мигали красные огоньки, одна из баночек открылась и залила щеки и рот мстительницы чернилами.

Зубная Фея заметалась под елкой, пытаясь выбраться. И вскоре наконец ей это удалось.

Оттолкнув от себя ветки, Зубная Фея выползла из-под елки и стремительно поднялась на ноги. Выпавший из руки «Зуболом» остался где-то там, на полу, и она выхватила из кобуры «москит».

Зои Гримм нигде не было.

«Где ты?! Куда подевалась?!»

Спрятаться в вестибюле было негде. Не могла же она выбраться наружу!

Пристальным взглядом Зубная Фея окинула окно, через которое сама попала в банк. Нет, оно слишком высоко.

Она осмотрела вестибюль. Решетка! В перекрывавшей лестницу решетке зиял пролом. Видимо, Зои Гримм пробралась туда. Куда же еще?!

Зубная Фея уже было двинулась к лестнице, и тут вдруг до нее донеслось шипение вперемешку с ворчанием, словно в банке завелась парочка рассерженных кошек.

Под одним из столов клерк-дам кто-то возился.

— Ну отда-а-айте! — проскулил женский голос.

— А вот и не отдам! — ответил другой. — Это теперь мое!

Зубная Фея медленно двинулась к столу, не отводя от него дуло «москита».

— Я знаю, что вы там! — воскликнула она.

В ответ из-под стола вылетело что-то уродливое и мохнатое.

Реакция Зубной Феи была стремительной. Прогремел выстрел, и в «мохнатое нечто» вонзилась пуля-ампула, после чего оно упало на пол.

С удивлением мстительница поняла, что выстрелила в... парик. Парик не шевелился.

— Хватит шуток! Вылезайте оттуда, или я вытащу вас за шиворот!

Из-под стола на четвереньках кто-то выполз, но это была не Зои Гримм. Плачущая и совершенно лысая клерк-дама подползла к парик и, схватив его, спряталась за елку.

В темноте под столом хихикнули.

— Мисс Гримм! — процедила Зубная Фея. — Мое терпение на исходе! Если вы сейчас же не вылезете, я возьму эту снеговую штуковину вашего этого Пибоди и облеплю весь стол, где вы и останетесь, пока не прибудет полиция!

— Вообще-то эта штуковина называется «снегомет»! — раздалось из-под стола, и Зои Гримм наконец выбралась наружу.

Поправив пелерину, она как ни в чем не бывало уселась на стол, закинув ногу на ногу. С широкой самодовольной улыбкой уставилась на мстительницу.

— Ой-ой, кажется, вы меня сцапали!

— Вам кажется?

— Мы с вами остались одни, мисс Зубная Фея. Это так волнительно!

Зубная Фея бросила пару быстрых взглядов по сторонам — по вестибюлю больше никто не носился: автоматы и снеговики лежали на полу, обездвиженные. Механоиды скрипели суставами в тщетных попытках подняться. Снеговики и вовсе не шевелились, словно все, как

один, решили вдруг прилечь поспать. У выхода из банка, как и прежде, ютились безнадеги, до смерти перепуганные устроенным побоищем. Из трубоходов больше никто не появлялся... Зубная Фея и сама не заметила, как схватка закончилась.

Шел снег. Зубная Фея держала «москит» в руке, нацелив его в лицо злодейки, которая, как ни странно, выглядела, словно маленькая девочка, оказавшаяся на карнавале: она была в восторге и, видимо, не до конца понимала, что происходит. Судя по выражению ее лица, Зои Гримм считала, что все это какая-то игра.

Злодейка внезапно сморщила лоб и поджала губки.

— Ну вот, я все забыла! Никак не вспомню... Начало совсем вылетело из головы!

— Что? Начало?

Мисс Гримм посмотрела на нее осуждающе, мол, Зубная Фея должна была сразу же понять, о чем речь.

— Ну, монолога же! Злодейского!

— Прошу вас, давайте только без монологов!

— Но это же традиция!

— С чего вы взяли?

— Прочитала в «Сплетне».

— Не стоит верить всему, что там пишут, — сказала Зубная Фея. — К тому же это устаревшая традиция, еще из тех времен, когда по городу разгуливали злодеи «Золотого Века». Неужели вы не понимаете, что все эти монологи, когда злодей начинает свою проникновенную патетичную речь, а все кругом замирают, внемля каждому его слову, вместо того, чтобы просто пристрелить, это...

— Великолепно?

— Я хотела сказать «бред» и очень театрально. Но мы с вами не в пьесе, мисс Гримм. Мы сейчас в реальном мире, и если вы попытаетесь выкинуть еще какой-нибудь фокус, я буду вынуждена сделать вам очень больно. А я этого не хочу.

— Нет, хотите...

Зубная Фея глядела на нее, не моргая.

— Я знаю, что вами движет, — сказала она. — Вы думали, это абсурдное ограбление что-то исправит? Думали, что месть заполнит пустоту внутри? Что вы этим кого-то накажете?

Зои Гримм простодушно кивнула.

— Именно так я и думала!

— Вы же на самом деле не злодейка, мисс Гримм. Вы не такая, как ваши родственники... и, вероятно, не хотите, чтобы ваша прабабушка вдруг начала вами гордиться.

Зои Гримм прищурилась.

— Кажется, Зубная Фея пролезла в щель и разнюхала про мою семейку — этого стоило ожидать! Надеюсь, вы у меня дома не сильно натоптали — там, знаете ли, идеальный порядок!

Веселость Зои Гримм начала утомлять Зубную Фею.

— Это не шутки, мисс Гримм. Однажды я столкнулась с тем, кто считал себя злодеем, хотя таковым не являлся. Он тоже бросил мне вызов.

— И что с ним стало?

— Бедный мистер Грыздобич сейчас в «Эрринхауз». Я изредка его навещаю. Мне не

хотелось бы навещать там еще и вас...

— Я скорее умру, чем отправлюсь в лечебницу для душевнобольных! — прошипела Зои. — Я не душевнобольная!

— Пилюли, которые вы принимаете, и ваши действия говорят об обратном, — заметила собеседница. — Оглядитесь! Посмотрите, что вы натворили!

— Вы говорите, как мой милый доктор! — сказала мисс Гримм. — У вас с ним много общего. Вы тоже зануда, мисс Фея!

Зои поменяла ноги и рассеянно принялась крутить в пальцах помпон пелерины.

— Но вы хорошая... очень хорошая, — добавила она. — Вы мне нравитесь, вы похожи на меня, и мы могли бы даже подружиться.

— При иных обстоятельствах?

— При иных обстоятельствах. И я была бы рада, если бы вы изредка посещали меня в «Эрринхауз», что маловероятно, ведь меня там не будет, или приходили ко мне на могилу, когда меня убьют, что более вероятно.

— Я не допущу, чтобы вас убили...

— Прошу вас, дорогая Зубная Фея, вы полагаете, что Ригсберги выпустят меня из своих лап? А мистер Пибоди! Что ждет его?! Вы подумали о его бедных детках-снеговичках?!

— Мисс Гримм, прошу вас...

Зои пару раз стукнула пальцем по клавишам стоявшей на столе пишущей машинки.

— Как вы себе видите то, что будет дальше? — спросила она. — Защиту банка отключат, и вы выведете меня наружу в кандалах, где меня будут ждать ваши дружки-констебли? Которые, в свою очередь, передадут меня судьбе Сомму, и потом будет честный суд, и доктор сообщит, что я безумна, а потом меня отправят в лечебницу для душевнобольных? Или меня попросту заточат в Хайд? Вы явно не задумываетесь о том, что происходит с теми, кого вы хватаете и передаете в руки полиции, ведь так?

— Я, как вы выразились, *хватая* только мразей.

— Я — не мразь!

— Я знаю...

Зои Гримм спросила:

— Что со мной будет? Молчите? Я так и думала. — Она покачала головой. — Ох, милая моя, дорогая мисс Фея. Вам кажется, что вы победили. Что загнали меня в угол, но вы даже представить себе не можете, что именно здесь происходит. Вовсе не я ваш враг.

— Ваша тетушка Гертруда из Льотомна, — сказала Зубная Фея. — Что с ней будет, если она узнает, как ее любимая племянница...

Лицо Зои Гримм исказилось от гнева.

— Не смейте! Не говорите о моей тетушке!

— Она очень за вас переживает. Прошу вас, будьте благоразумной... хотя бы ради нее!

— Я сказала: не смейте!

Зои Гримм рванула рукой в сторону Зубной Феи и что-то швырнула ей в лицо. Мстительницу окутало облако темно-зеленого порошка.

Зубная Фея застыла. Зои Гримм даже закусил губу, в нетерпении ожидая эффекта.

— На что вы рассчитывали, мисс Гримм? — раздраженно спросила Зубная Фея. Она стерла с лица и маски порошок и покачала головой.

— Вы должны были затрястись в судорогах, а еще должны были появиться пена на губах и искры из глаза. Ну хотя бы обморок! Давайте же! Ну же! — Зои Гримм уставилась на

Зубную Фею, выискивая любые симптомы того, что порошок подействовал, но та была лишь заметно раздосадована.

— Что это вообще такое?

— Яд от зубных фей. Старый семейный рецепт. Я знала, что мы с вами столкнемся, и запаслась — ради этого пришлось лезть в чулан. Ну почему же яд не подействовал?!

— Может быть, потому, что я не фея? К слову, фей не существует, мисс Гримм, — это сказки для детей.

— Странно слышать это от вас! И они существуют! Я однажды самолично...

— Да-да. Поймали зубную фею и посадили ее в банку. Вы уже говорили и...

Голова вдруг закружилась. Лицо Зои Гримм будто бы начало течь. Вестибюль утратил четкость очертаний, а потом все кругом, напротив, стало резким до боли в глазах.

В воздухе все еще висел зеленоватый порошок, медленно оседая на плечи Зубной Феи.

«Москит» в ее руке дрогнул.

Зои Гримм широко улыбнулась.

— Я отдам вам то, за чем вы пришли, — сказала злодейка. — Но только, если вы дадите мне за каждый выпавший зуб по монетке... Это будет честная сделка, не так ли? А вы что думаете, мистер Супмарк?!

Она скосила взгляд, и Зубная Фея повернула голову.

Мстительница вздрогнула.

У основания лестницы стояло громадное сгорбленное существо в багровой шубе до самого пола. С шубы свисали ржавые цепи и большие бронзовые бубенцы. меховая оторочка глубокого капюшона некогда была белой, но теперь бурела от копоти, а из самого капюшона через две дыры торчали длинные кривые рога.

Глаза монстра горели тяжелым рыжим пламенем, подсвечивая нечеловеческое лицо: узкое, скуластое и сморщенное, с треугольной бородой и оскаленной пастью, полной длинных клыков.

Полли мгновенно поняла, кого видит. И ее охватил ужас.

— Крампус...

Монстр зарычал, и в этом рыке Зубной Фее послышался хруст древних сосен на морозе. А затем монстр прыгнул.

Зубная Фея отпрянула, но мстительный дух зимы был очень быстр. Она и глазом моргнуть не успела, как Крампус оказался рядом.

Одним стремительным движением он набросил на нее, словно чехол, большущий бордовый мешок. Подхватил мешок за ворот, Крампус с легкостью закинул его себе на плечо.

— Я выплатил долг, — сказал он, глянув на Зою Гримм.

После чего чуть присел, согнув колени, а затем прыгнул под потолок вестибюля, оставив на полу после себя лишь тлеющие угли.

Всего за какое-то мгновение он забрался на карниз и вместе с мешком вылез через окно-часы.

Глава 15. Ворон с монетой в клюве. Продолжение

Мистер Томмс был обычным клерком. Он одевался неприметно, носил стрижку «Формалль», какую носили все клерки в городе, любую лицевую шевелюру, вроде усов или бороды, себе не позволял и повсюду таскал с собой портфельчик для бумаг.

И сейчас, стоя за дверью, которая вела на крышу банка, он очень жалел о том, что портфельчика при нем нет. Руки его дрожали, и их некуда было деть.

Обычная конторская жизнь Роберта Томмса за последние два дня круто изменилась. И сейчас, именно в эти минуты, она менялась еще больше...

Взвыла сирена, и все внутри клерка сжалось. Пути назад нет. «Протокол» запущен. Началось...

За дверью раздался лязг — на крыше открыли крышки люков. А затем загрохотали какие-то механизмы. Стены коридора задрожали, круглые плафоны на газовых рожках мелко завибрировали. Банк наполнился гулом.

«Протокол» в действии: автоматы со всего здания отреагировали на призыв и по трубоходам устремились в вестибюль.

Мистер Томмс боялся даже задумываться о том, что сейчас происходит в вестибюле. Он не знал, как эта женщина собирается управиться с двумя дюжинами механических охранников.

Зои Гримм одновременно и пугала, и восхищала мистера Томмса. Когда она рассказала ему о том, что задумала, он согласился с мнением, которое ходило в городе: она безумна. Но при этом он почему-то ей поверил. Поверил, что все получится.

«Столько зла они причинили! Но еще больше его будет причинено, если я не сделаю то, что должна, — сказала она ему. — И вы поможете мне. Это ваш шанс все исправить, мистер Томмс. Все закончить...»

Роберт Томмс хотел все исправить, но при этом он был из тех, кто знал подлинную мощь банка. Выслушав план Зои Гримм, он сказал:

«Только чудо поможет вам все это повернуть и не умереть...»

«Верно, — ответила она. — Новогоднее чудо...»

Он поправил шарф и, отодвинув засов, открыл дверь. В проем тут же ворвался порыв ветра, принесший с собой снег, а следом пролетела механическая ворона. Словно и не заметив клерка, она шмыгнула через этаж и скрылась в заблаговременно открытой кабинке лифта.

Тяжело вздохнув, мистер Томмс посеменил к лифту. «Пассажир» уже сидел на диванчике, сложив крылья и сверля его рыжим ламповым взглядом.

— Счастливого пути, — сказал клерк и, выбрав на переключателе отметку «Коридор хранилища», выскочил в коридор и задвинул решетку.

«Первая задача выполнена», — подумал мистер Томмс, глядя, как стрелка на полукруглом указателе над лифтом медленно ползет, сменяя номерки этажей.

Насилу оторвав взгляд от стрелки, мистер Томмс двинулся к лестнице, но прежде, чем его нога сошла на первую ступеньку, он вдруг остановился.

Ему предстояло сделать то, чего он боялся больше всего. Роберт Томмс почувствовал, как его трясет, как от лица исходит жар — и все это от одной лишь мысли о том, что его ждало впереди. Мистеру Томмсу срочно требовалось перевести дыхание, сделать хотя бы

один глоточек свежего морозного воздуха.

Согласно «Протоколу вторжения», все автоматы должны были покинуть крышу — так что никто не удивится его появлению там.

Мистер Томмс вернулся к двери, толкнул ее и вышел под открытое небо. Его пальто и шляпа остались на третьем этаже, на вешалке, и он тут же замерз. Ледяной ветер пронизывал насквозь.

На причальной площадке для аэрокэбов и небольших дирижаблей, как и ожидалось, никого не было. Несколько раз в день ее расчищали от снега, но тем не менее сейчас ее покрывал гладкий белый ковер. Швартовочные механизмы с огромными катушками по углам площадки скрывались под сугробами.

Мистер Томмс бросил взгляд в небо — лишь чернота да снежинки. Он вдруг словно выключился. Эти снежинки опускались так медленно, меланхолично — в них было что-то успокаивающее, усыпляющее...

Где-то там, внизу, сейчас творится подлинное сумасшествие, но здесь... так тихо и...

Справа, за рядом дымоходов, что-то заскрежетало, и мистер Томмс обернулся.

«Болван! — пронеслось в голове. — Какой же я болван!»

Из-за труб, покачиваясь из стороны в сторону, вышел автоматон в черной форме с золочеными пуговицами.

Душа мистера Томмса ушла в пятки. Он ведь полагал, что все они спустились по своим трубоходам!

Механоид пошагал к нему через причальную площадку, подняв дубинку.

Мистер Томмс попытался, но латунный охранник не стал терять времени. Он дернул рукой, кисть-захват отделилась и выстрелила, зазвенела разматывающаяся цепь.

Клерк вскрикнул, когда металлические клещи вцепились в его ногу.

Глаза-фонари автоматона загорелись ярче, и в мистера Томмса ударили два красных луча света. Он поднял руку, прикрывая лицо.

Механоид пророкотал:

— Вы на-ру-ши-ли «Про-то-кол втор-же-ни-я». Вы бу-де-те не-мед-лен-но...

Что именно должно было произойти с мистером Томмсом, так и осталось загадкой.

Сверху раздался рокот пропеллеров.

Клерк и автоматон одновременно задрали головы.

Мистер Томмс не успел понять, что произошло, когда раздался грохот, и в нескольких шагах от него на крышу плюхнулся — иначе это и не назовешь — аэрокэб.

Посадка явно не была мягкой, но лучше всех об этом знал автоматон-охранник — его механические ноги торчали из-под колеса экипажа. Под днище аэрокэба тянулась цепь.

Все случилось так быстро, что мистер Томмс даже не заметил, как захват расцепился и спал с ноги.

Пропеллеры выключились, все фонари, кроме одного, над кабиной, погасли. С замиранием сердца Томмс наблюдал за экипажем, ожидая, что же будет дальше.

А дальше дверцы кабины открылись, и на крышу вывалились два, судя по их виду, весьма нетрезвых снеговика.

Мистер Томмс отшатнулся — он все еще испытывал трепет перед этими странными и причудливыми созданиями. И от того, что они были к нему дружелюбно (или, вернее, безразлично) настроены, легче не становилось.

Подковыляв, снеговики остановились и принялись разглядывать клерка. Мистеру

Томмсу стало не по себе от этих взглядов и кривых нестираемых усмешек.

— Я все сделал, — промямлил он. — Э-э-э... почти. Я запустил ворону. Осталось сделать только...

Один из снеговиков вскинул руку и покачал указательным пальцем, давая понять, что ему не интересно, что там мистеру Томмсу осталось сделать.

— Я... — Мистер Томмс бросил неуверенный взгляд на одного, затем на другого. — Я пойду, да?

Снеговики кивнули. Клерк уже повернулся было к двери, но, расхрабрившись, спросил:

— А вы... Вы мне можете помочь?

Снеговики одновременно покачали головами.

Томмс закусил губу.

— Верно, я должен сделать это сам.

Глава Грабьего отдела, Варфоломеус Б. Выдри, сидящий за своим столом, не был похож на Варфоломеуса Б. Выдри, изображенного на портрете, который висел на стене кабинета. Сейчас не был похож.

Нарисованный толстяк выглядел величественно, грозно и внушительно, в то время как его «оригинал» нервничал, елозил в кресле, потел и трясся. Сердце никак не хотело успокаиваться, колотясь в груди, сигара покачивалась в дрожащих губах.

А ведь каких-то десять (или сколько там прошло?) минут назад он был вне себя от радости и предвкушения. К нему на стол пришли бумаги о новеньком безнадеге! Очередная ссуда была выдана, а это значило, что премия уже, можно сказать, лежала у него в кармане. Признаться, он до последнего сомневался, что Томмс исполнит поручение, но и пять безнадег было достаточно. Более того — это было на два безнадеги больше, чем требовала от главы Грабьего отдела мадам Ригсберг.

Господин Выдри знал, что правильно будет «на двух безнадег больше», но для него эти ничемные поберушки людьми не являлись. Безнадеги в его мире были не более, чем бездушными предметами или, точнее, цифрами. Его не заботили ни их имена, ни их трагичные истории.

Шесть безнадег всего за день! Подумать только!

Господин Выдри, что бы о нем ни думали его подчиненные, самодуром не был. Он прекрасно знал все сложности процедуры, ведь когда-то ее лично разработал. Банк был в постоянном поиске тех, кто оказывался на краю, — неудачников, у которых не оставалось выбора. А когда такой неудачник отыскивался, агенты из особого отдела перекусывали последнюю проволоку (или, как это называл сам господин Выдри, «проволочку»), которая могла удержать потенциального безнадегу и дать ему надежду. Затем к неудачнику приходил лучший банковский всучиватель ссуд мистер Вермиттлер, непревзойденный мастер сыпать соль на раны, смещать акценты и внушать, внушать, внушать, что лишь небольшая ссуда (с очень маленьким процентом) исправит положение.

Что ж, мистеру Вермиттлеру за сегодня пришлось истоптать немало порогов. Да и Томмс, чего скрывать, потрудился на славу. Разумеется, господин Выдри считал это все в первую очередь собственной заслугой: хороший начальник всегда знает, как стимулировать своих подчиненных. «Не бывает непосильных задач — бывает неспособность в достаточной

мере передать неукоснительность исполнения требуемого».

Томмс был исполнительным и трусливым — лучшие качества для работы под началом господина Выдри. Ему, правда, доставало беспринципности, он был мягким, как подплавленный сургуч, но с этим глава Грабьего отдела мог смириться: пока одни руки сжимают чье-то горло, другие заполняют бумаги, а шестеренки крутятся...

Когда со стола мисс Коггарт пришли документы по «судопроизводству» на последнего безнадёгу, господин Выдри, лично взялся заполнять Грабий список. Он не любил писать: все эти чернила, промокательные бумаги, скрипучие перья ручек... Но ему нужно было вписать лишь одно имя, заполнить лишь одну строчку и вырисовать лишь одну цифру в кружочке итога.

Выводя в книге «Хоренбон Тратч Ти, младший» (странное имя, ну да ладно!), господин Выдри со злорадством думал, как он обскакал этого хлыща Муни из Биржевого отдела. Шпион, засланный господином Выдри в Биржевой отдел, докладывал, что дела у Муни шли неважно: еще бы, ведь акции — такая непостоянная штука! Они имеют свойство внезапно обесцениваться, если запустить парочку неблагоприятных слухов.

Господин Выдри уже подумывал, как забавно будет на Новогоднем ужине у мадам Ригсберг предложить Муни взять ссуду, чтобы поправить дела, когда до него донесся отдаленный грохот.

Это произошло так неожиданно, что господин Выдри дернул рукой, и с пера ручки прямо на страничку упала жирная клякса.

Проклятье!

Глава Грабьего отдела прислушался. Звук шел вовсе не из-за окна, как он сперва решил, а из банка — откуда-то снизу.

Грохот повторился, а затем опять. Это в вестибюле или на втором этаже? Что там у них творится?!

А потом завывла сирена, и сонный банк ожил. Из-за стен донесся гул. Портреты качнулись. Господин Выдри уронил ручку.

«Этого не может быть! Неужели снова?! Он вернулся?!»

Дрожащей рукой господин Выдри достал из ящика стола револьвер — в жирных, увенчанных перстнями пальцах главы Грабьего отдела он казался совсем миниатюрным.

— Что делать? Что делать? — пробубнил господин Выдри, и его голова наполнилась суматошными мыслями: «Если это то, что я думаю, вестибюль перекрыт!», «Мне ничто не угрожает!», «Нужно убираться отсюда... если я сейчас вызову аэрокэб, он прилетит через... Проклятье! Аэрокэбы ведь сейчас не летают!»

В дверь кабинета раздался стук, и господин Выдри содрогнулся.

— Кто?!

— Это я, сэр! — сообщили из коридора, и страх чуть отступил. И все же господин Выдри был так взбудоражен, что не замечал, как пепел с его сигары падает ему на грудь и живот.

— Томмс?!

— Да, сэр, это я, — раздалось из-за двери.

— Войдите!

Дверь открылась, и клерк вошел в кабинет.

Господин Выдри опустил револьвер.

— Что там творится, будьте вы неладны?!

— Запущен «Протокол вторжения», сэр.

Господин Выдри запыхтел:

— Я и так это знаю, чтоб вас! Но что именно творится?

— Полагаю, нас грабят, сэр.

— Что?! Грабят?! Это возмутительно!

— Вероятно, сэр.

— Нужно сообщить мадам Ригсберг, полиция уже, вероятно, едет! Где Ратц и его люди?

— Отбыли еще днем. Они охотятся за Карибианом.

— Проклятье! Как неудачно все сложилось!

Мистер Томмс пожал плечами и сказал:

— Или же, наоборот, удачно, если смотреть на все это глазами грабителей.

Глава Грабьего отдела злобно зыркнул на подчиненного.

— Почему вы так спокойны? И... почему вы ничего не предпринимаете!

— А что я могу, сэр? Я ведь простой клерк с третьего этажа...

Господин Выдри прищурился. Что-то с Томмсом было не так. И он почти сразу же понял, что именно. Томмс — удивительное дело! — не испытывал ни малейшего страха перед начальником.

— Мне все это не нравится, Томмс, — сказал господин Выдри.

— Я понимаю, сэр. — Клерк кивнул. — Но сейчас ведь Новый год, время платить по счетам — так что, думаю, вам тоже придется погасить свою ссуду.

Господин Выдри выпучил глаза.

— Что еще за вздор?!

Томмс пояснил:

— Наш отдел не случайно называется «Грабьим» — мы грабим людей. Вот это, — он кивнул на книгу, лежащую на столе, — доказательство того, что мы делаем.

— Ничего не понимаю, — рявкнул господин Выдри, отчего несколько его подбородков колыхнулись. — Томмс! Вы вдруг заговорили на каком-то непонятном языке! Извольте выражаться по-габенски!

Роберт Томмс перешел на понятный начальнику язык:

— Прибыль, сэр. Вы дали мне задание. Шесть безнадег. Я добыл их вам. Мисс Коггарт отправила вам бумаги шестого, не так ли?

— Что за бред, Томмс?! — воскликнул господин Выдри. — Сейчас не до того! Банк грабят!

Но Томмс будто не услышал:

— Добыть одного безнадегу крайне трудно, а шестерых... Но я справился. В какой-то момент я было решил, что мне не удастся заполучить шестого, но он неожиданно сам ко мне пришел. Вы довольны моей работой, сэр?

— Забудьте о треклятых безнадегах! — Господин Выдри повернулся на кресле спиной к подчиненному и уставился в окно. — Почему полиция не едет?! «Протокол вторжения» включает в себя немедленное появление этих идиотов из Дома-с-синей-крышей. Где их носит? Вы слышите колокола с синих фургонов, Томмс?

— Не слышу, сэр.

Голос Томмса неожиданно раздался над плечом начальника Грабьего отдела, и тот, вздрогнув, поднял голову.

Клерк глядел на него не моргая.

— Что... вы... — недоуменно выдохнул господин Выдри.

Мистер Томмс размотал шарф. В верхней части его шеи проходила глубокая багровая борозда, на коже пропечатались косые черточки — следы от веревки.

— Что это, Томмс? — прошептал глава Грабьего отдела.

Губы клерка исказились.

— Томмс мертв, — сказал он. — Этот глупый человек сейчас висит в петле в своей гостиной. А к вам явился мстительный призрак, господин Выдри, чтобы призвать вас к ответу за свои злодеяния.

Господин Выдри широко раскрыл рот, и сигара, выпав, покатила по жилетке.

Томмс и правда выглядел, как призрак: мертвенно-белое лицо, непроглядно-черные круги вокруг глаз, запавшие щеки и серые, потрескавшиеся губы.

Расчетливый и приземленный глава Грабьего отдела «Ригсберг-банка» в различную суеверную чушь не верил, но сейчас... он ведь сразу понял, что Томмс на себя не похож!

Господин Выдри медленно поднял руку и ткнул пальцем Томмса в грудь. А потом выдохнул с облегчением — на миг он даже поверил в то, что тот — призрак, и подумал, что палец пройдет сквозь подчиненного.

— Будьте вы прокляты со своими идиотскими шуточками, Томмс!

— Сколько жизней загублено... — глухо проговорил клерк. — Сколько ни в чем не повинных людей убиты. И ради чего? Чтобы какой-то безнадега остался в наших книгах? Если бы я только знал раньше, если бы только задумался. Но нет, я просто каждое утро входил в проклятые двери банка, принимал пилюлю от горемычного порошка, поднимался на свой этаж и садился за стол. И помогал вам убивать людей...

— Что вам нужно от меня, Томмс?!

— Я пришел сюда покончить с...

— Со мной покончить?! — искривил губы господин Выдри. — Убить меня удумали?! Да вам духу не хватит! Жалкий, бесхребетный червяк! Я бы, может, даже уважал вас, если бы вы не были тряпкой и попытались воплотить свои бездарные угрозы в жизнь!

Томмс поднял бровь.

— Вас? Нет уж, вы так легко не отделаетесь... Я пришел сюда убить безнадег.

— Каких?

— Всех.

Господин Выдри дернул головой и округлил глаза.

— Вот ведь номер! И как, скажите на милость, вы это устроите? К каждому заглянете домой?

— Я ведь сказал. Я убью безнадег, о людях речи не шло. Я разорву эти удушающие нити, которые связывают их с банком. Они освободятся от нас. Больше не будет никаких горелфунтов, непогасимых ссуд, отправок в долговую тюрьму. Больше не будет безнадег.

— И как вы это провернете?

Вместо ответа Томмс бросил взгляд на раскрытый «Грабий список», и мистер Выдри все понял.

— Идиот! Никчемность! Бумажная крыса! — прорычал он. — Вы, видимо, забыли, на кого скалитесь! Вы думали, что я так запросто отдам вам самую главную банковскую ценность?

— Так я и думал. И не только эту книгу.

— И что же еще?

— Мне нужен еще и «Малый Грабий список», который вы держите при себе. Особые безнадёги...

— Вы спятели, Томмс!

— Нет, — ответил клерк. — Но как вы и сказали, я — бумажная крыса.

Томмс полез в карман сюртука и вытащил нож для разрезания бумаг.

Господин Выдри уставился на него, а потом вдруг расхохотался и зааплодировал.

— Я вам скажу, как все будет дальше, Томмс, — сказал он. — Вы нацепите виноватый, покорный вид, который вам так к лицу, и отдадите мне нож. Потом примете свои пилюли от безумия, которые вы, очевидно, забыли принять. Затем, я выпишу вам премию за хорошо исполненную работу и докину несколько фунтов за то, что повеселили меня (выпьете в Новый год за благополучие нашего любимого Грабьего отдела). Вы поможете мне разгрести бардак, устроенный внизу. И если вы вновь станете собой, послушненьким и благоразумненьким Томмсом, то я прощу вам вашу выходку, и завтра, вернувшись в банк, вы переберетесь на четвертый этаж — займете соседний стол с мистером Вермиттлером. Что скажете?

Мистер Томмс ничего не сказал. Сжав зубы, он бросился на господина Выдри. Но тот не медлил.

Он незаметно переключил под подлокотником рычажок, и в тот же миг из спинки кресла вырвалась механическая рука, сжатая в кулак.

Она со всей силы ударила мистера Томмса в живот, и тот согнулся пополам, хватая ртом воздух. Нож для бумаги выпал из разжавшейся руки.

Господин Выдри, кричтя и пыхтя, поднялся из кресла. О, как он не любил это делать!

Ногой отшвырнув подчиненного, глава Грабьего отдела взял прислоненную к столу трость.

— Ты думал, что я так просто все забуду?!

Размахнувшись, он ударил мистера Томмса тростью. Тот закричал от боли и упал на пол.

— Или думал, что такое ничтожество, как ты, может просто так заявиться сюда и угрожать мне?!

Новый удар заставил подчиненного взвыть.

— Рассчитывал, что я ничего не стану предпринимать, пока какая-то букашка пытается испортить дело всей моей жизни? Третий этаж — это твой предел, ничтожество!

Тяжелый набалдашник трости пришелся в лицо. Томмс схватился за скулу.

А господин Выдри продолжал наносить удары и насмешки. Он был так сосредоточен на корчащемся на полу подчиненном, что не услышал, как где-то внизу заскрежетала решетка.

— Отдать ему «Грабий список»? Отдать ему «Малый Грабий список»? Я ведь говорил, что вышвырну тебя в окно? Кажется, этот момент настал!

Томмс пополз прочь, сплевывая кровь на дорогой ковер.

— Ты решил, что тебе по силам управлять судьбами?! Но как бы не так! Это я управляю судьбами, а ты мельче и незначительнее, чем моя тень!

— Ты управляешь судьбами? — раздался вдруг жуткий голос, и свет в кабинете погас.

Господин Выдри повернул голову, и его челюсть отвисла.

Едва уместаясь в дверях, чернела громадная сгорбленная фигура. Два глаза горели рыжим пламенем.

— Ты... — только и смог выдавить господин Выдри.

— Я, — ответил великан и боком протиснулся в кабинет. Зазвенели бубенцы, звякнули цепи...

Господин Выдри попятился.

— Этого не может быть... Ты вернул шубу!

Трость задрожала в его руке.

— А я помню тебя... — пророкотал обладатель горящих глаз. — Вечно ошивался рядом с Ригсбергом, шуплый, суетливый... ловил каждое его слово... Погляди на себя: жирный хряк, который едва стоит на ногах!

— Ты не можешь... ты наш!

— Больше нет! — рявкнул великан и, тяжело ступая по полу, подошел к господину Выдри, навис над ним.

Глава Грабьего отдела вскинул трость, но великан успел быстрее. Он схватил толстяка за горло своей мохнатой лапой, длинные кривые когти обхватили вислую шею господина Выдри вместе со всеми его подбородками.

— Так какими судьбами ты управляешь, человечиска? — прорычал великан господину Выдри в лицо, обдав его печным жаром и вонью падали. — Если ты даже своей сейчас не хозяин...

Мистер Томмс перевернулся и, зажимая ребра рукой, сел. Он был испуган не меньше начальника. Огромная черная фигура казалась продолжением стоящего в кабинете мрака. Зои Гримм предупреждала его, но он не особо ей поверил. Да и к тому же одно дело слышать о таком от кого-то, и совсем другое — лицезреть все своими глазами...

— Где она?! — рыкнул великан, но толстяк лишь что-то забулькал в ответ. — Я спросил: где она! Говори!

— Она... — прохрипел мистер Томмс, — во внутреннем кармане жилетки... слева...

Свободной рукой великан схватил господина Выдри за живот. Рванул когтями, и пуговицы разлетелись в стороны. Достав из внутреннего кармана жилетки главы Грабьего отдела небольшую книжечку, он швырнул ее на ковер, к ногам Томмса.

Клерк подобрал ее.

— Что мы с ним сделаем, мистер Томмс? — не поворачивая головы, спросил великан. — У вас есть идеи на этот счет?

— Этот ублюдок любит выбрасывать людей через окно, — сказал Томмс.

Губы великана растянулись в улыбке.

— В эту Новогоднюю ночь я несу тебе справедливое воздаяние, человечиска. Ты очень плохо себя вел все эти годы.

Схватив господина Выдри за шиворот, великан потащил его к окну. Глава Грабьего отдела закричал...

— Ну вот... Конечно же, мне досталась самая тяжелая работа! — возмущенно пробурчал Говард Бек, подтаскивая мешок — нет, мешочище! — к лифту.

В подземном коридоре, ведущем к банковскому хранилищу, все было по-прежнему. Охранники под предводительством мистера Борчча лежали вповалку, продолжая подергивать то рукой, то ногой, только теперь они для верности также были связаны.

Коридор от газа очистился, постепенно всосавшись в воздухоотводы после того, как Говард толкнул один из рубильников в рубке. Синеватый дым кукле вреда причинить не мог, но он затруднял видимость, и Говарду надоело постоянно спотыкаться и натекаться на стены.

— И прошу заметить, это вовсе не кукольная работенка! — пропыхтел он, затащив мешочки в кабинку, где уже неаккуратно громоздились еще четыре таких же мешочка.

Говард вытер воображаемый пот со лба (он видел, что так делают люди, когда всю трудятся) и бросил осуждающий взгляд на механическую ворону, сидевшую на одном из мешков в кабине.

— Могла бы и помочь, дурная птица! — проворчал он, но ворона проигнорировала.

— Ладно, сиди тут, — кукла махнула деревянной рукой и потопала обратно в хранилище.

Перепрыгнув через порог, Говард оглядел нутро сейфового помещения. Здесь еще было множество мешков с денежками, но мисс Гримм несколько раз четко и ясно дала ему понять, сколько именно мешков должно в итоге упорхнуть из банка — и даже ни мешочком больше! Это было важно. Говард не особо вникал — там было что-то о «грузоподъемности», «балластности» и прочих скучных вещах.

И хоть он и без того уже невероятно утомился, все же бросать столько деньжищ, чтобы они тут просто грустно лежали, было невероятно обидно.

— Ладно-ладно... как там говорится?.. Пора и гуся звать! Тьфу! Пора и честь знать! Вот!

Стащив со стеллажа уже шестой по счету мешок, Говард схватил его за ворот и поволок к выходу из хранилища.

— Целый день мешки ворочаю, — пожаловался он вслух. — Сперва уголь, теперь вот денежки! И пусть в меня первым швырнет гуся тот, кто скажет, что денежки легче угля!

Самое сложное место было у порога. Мешок требовалось сперва так наклонить, чтобы он навис над порогом, а потом перевалить его в коридор. Говард стонал, скрипел и, как ему самому казалось, даже хрустел, подпихивая мешок и с боков, и с днища, пару раз он даже вылезал из хранилища, пытаясь вытащить мешок за ворот, но тот как назло все не поддавался. Говард тянул и толкал, но у него никак не хватало силенок!

— Ну же... ну, гадкий ты, противный мешок! Давай же! Толкайся!

Несмотря на все усилия куклы, этот своевольный мешочек будто чувствовал, что его пытаются умыкнуть, и решил себе, что ни за что не сдвинется с места.

Говард сменил гнев на милость и зашел с другой стороны — стороны увещаний:

— Ну пожалуйста, ну будь хорошим мешочком, толкайся! — Он изо всех сил давил в его бока, подпирая руками, но ноги скользили по полу. Нос мешал — он тыкался в мешок. Деревянные суставы скрипели от натуги. — Д-д-давай! Ты, дурацкий мешок! Если не сдвинешься, я тебя выпотрошу и... и... да!

Говард наконец перевалил мешок и плюхнулся сверху.

— Ну вот, нужно было просто припугнуть его как следует.

Мамаша говорила Говарду, что пугать кого бы то ни было плохо, но вежливость ведь совсем не работает, в отличие от угроз!

Схватив ворот, Говард поволок свою ношу по коридору. Вскоре они оказались в лифте.

С сожалением поглядев на турель — очень хотелось забрать ее с собой, ведь она точно ему как-нибудь пригодилась бы, он закрыл решетку лифта.

— Следующая станция: «Мансарда»! — пропел он и перевел рычаг на нужную отметку. Кабинка дрогнула и поползла вверх.

Когда лифт шел мимо первого этажа, грохот и взрывы стали слышнее. До Говарда донесся смех мисс Гримм.

— Конечно же, она там веселится, пока некоторые трудятся тут в поте лица! — досадливо воскликнул он и ткнул себя пальцем в грудь. — «Некоторые» — это я, между прочим!

Вскоре лифт поднялся на последний этаж, зазвенел звонок.

— Внимание, пассажиры, говорит Главный Лифтовый Генерал: мы прибыли! Не забудьте свои чемоданы и проследуйте к выходу!

Говард отодвинул решетку и выглянул в коридор. Никого. Вот и славно!

Выбежав из лифта, он припустил по проходу и толкнул первую попавшуюся дверь.

За ней явно была не крыша банка. Говард недоуменно оглядел помещение — ему предстал длинный кабинет, центральное место в котором занимал большой прямоугольный стол; рядом с ним примостилось около дюжины стульев. В кабинете горела лампа и никого не...

Говард застыл. Нет! Там был кто-то! Высокий человек в длинном пальто-футляре и в черном котелке стоял у открытого стенного сейфа, и, судя по всему, до того, как дверь открылась, рылся в нем.

Незнакомец повернул к Говарду голову — его глаза скрывались за большими защитными очками с темными стеклами, на нос был поднят шарф.

— Ой! — воскликнула кукла испуганно. — Кажется, я попал не туда!

— Нужная вам дверь находится в конце коридора, — подсказал незнакомец тихим шелестящим голосом.

— Б-благодарю, — ответил Говард и закрыл дверь.

Сделав несколько шагов в указанном направлении, он остановился.

«Нужно спросить, который час! Вдруг, я опаздываю!» — подумал Говард и вернулся к двери кабинета, постучал. Никто не ответил, и он без раздумий открыл ее.

Лампа в кабинете больше не горела и там вообще никого не было. Незнакомец исчез! И куда он только подевался?

— Ой! Мисс Гримм же выдала мне часы, чтобы я следил за временем! — спохватился Говард, достав из кармана пиджака новенькие часики на цепочке. Откинув крышку, он с умным видом изучил положение стрелок на циферблате, ничего не понял, так как в принципе не умел пользоваться часами и, воскликнув «Еще полным-полно времени!», шмыгнул по коридору.

Толкнув указанную знакомцем дверь, он наконец оказался на крыше.

Аэрокэб был на месте. Стоявшие возле него снеговики лупили друг друга, видимо, что-то не поделив.

— Эй вы, снегоголовые! — крикнул Говард. — Грузите мешки! И поживее! Они в лифте!

Снеговики мгновенно прекратили свару и поспешили исполнить поручение. Всего за две минуты они с легкостью перетаскали все мешки: четыре влезли в багажный кофр, еще два отправились в салон.

«Ну вот! — с завистью и раздражением подумал Говард. — А я так настрадался в хранилище!»

Закончив погрузку, снеговики закрыли багажный кофр и вальяжно привалились к борту экипажа.

И все же, несмотря ни на что, Говард был доволен — он свою задачу выполнил с блеском. Оставалось дожидаться мисс Гримм и мистера Пибоди и можно...

— Эй! А где книжки? — спросил он, заглянув в салон аэрокэба.

Снеговики переглянулись и пожали плечами.

— Мистер Томмс не появлялся? — Мог бы Говард хмуриться, он бы сейчас это сделал. — Он уже должен был принести книжки!

Снеговики снова пожали плечами, один ткнул другого пальцем в снежное лицо, и завязалась очередная драка.

— Нужно его найти! — Говард попытался привлечь внимание снеговиков, но те были слишком увлечены взаимными пинками. — Ждите здесь! Я мигом!

И хоть мисс Гримм велела ждать в кэбе, когда он добудет мешки, Говард решил, что должен вернуться в банк и разыскать мистера Томмса. Он чувствовал: что-то пошло не по плану!

Говард пронесся по коридору, заскочил в лифт и задумчиво уставился на панель с отметками этажей.

— Как там было в плане? Где же тот кабинет? Кажется, третий... Нет, это мистер Томмс с третьего. Значит, четвертый! Или... — Он мучительно попытался вспомнить схему банка, которую они изучали перед ограблением. — Главы отделов заседают на... пятом?

Выбрав цифру «пять», кукла закрыла решетку и толкнула рычаг.

Выбравшись из кабинки, когда та спустилась, Говард сразу понял, что не ошибся. Одна из выходящих в коридор дверей была настежь открыта, и из-за нее раздавались крики.

Он подкрался к двери и осторожно заглянул в кабинет. По всему помещению летали бумаги. Окно было открыто, и за ним кто-то висел, привязанный длинной цепью к ножке письменного стола. Этот кто-то орал, требуя, чтобы его немедленно засунули обратно.

Мистера Томмса видно не было, но зато Говард отметил, что возле одного из портретов на стене чернеет проход.

— Грабья картотека! — вспомнил он обсуждение плана и опрометью ринулся в проход.

Узкий коридорчик привел его в небольшую комнатку без окон, все стены которой были испещрены квадратными проемами, похожими на почтовые ящики без крышек, — все они были заполнены картонными картами.

Клерк был здесь. Стоял в центре комнатки и не шевелился.

— Мистер Томмс? — негромко позвал Говард, и тот обернулся. Его лицо было все в ссадинах и кровоподтеках, один глаз заплыл.

— Настоящий Человек, — пустым голосом ответил мистер Томмс. — Вам все удалось?

— Э-э-э, да, — кивнул Говард. — Хотя и пришлось попотеть. А вы? Достали книжки?

Мистер Томмс показал ему два тома, которые держал в руках: один большой и толстый, другой — поменьше, размером с портсигар.

— Это же здорово! А почему вы не?..

— Я не могу, — сказал мистер Томмс. — Я уже собирался сжечь тут все, — он кивнул на керосиновую лампу и пачку спичек на полу, — но просто не смог. Это ведь... это моя работа. Я столько лет занимался этим, тут так много моих карт.

— Мистер Томмс... — начал было Говард, но клерк его перебил:

— Да, я знаю. Знаю, проклятье! Если эта картотека не будет уничтожена, все, считай, было напрасно, но... я просто не могу этого сделать! Выдри был прав: мне не хватит духу!

Говард ничего не понимал: мисс Гримм ведь говорила, что карты нужно сжечь, почему

тогда мистер Томмс просто не сожжет их?

Он пристально глянул на клерка и вдруг различил в нем то же, что не раз видел на лице Мамаши: тоску и обреченность.

— Вы не можете, но зато я могу! — заявил он.

Мистер Томмс мгновение раздумывал о чем-то, а затем кивнул.

— Я был бы вам очень признателен, — сказал он, и Говард сорвался с места. Он оббежал всю комнатушку, вытаскивая карточки и швыряя их на пол. Когда все ящики опустели, он сгреб картонки в кучу — куча была высотой с самого Говарда.

Кукла схватила лампу и, погасив фитиль, отшвырнула в сторону плафон, а затем открутила крышку.

Керосин полился на карточки.

«Проще простого! И почему я делаю за всех всю работу?!»

Говард вытащил из коробка спичку и... замер, не в силах чиркнуть ею.

— Что-то не так? — спросил мистер Томмс.

Говард опустил голову, стыдливо потупившись.

— Мамаша запретила мне играть со спичками, — глухо пробубнил он.

— Что?

— Я обещал ей. Она так плакала, когда я чуть не сжег себе руки в прошлый раз. Я не могу...

Повисла тишина, которую нарушали лишь отдаленные крики господина Выдри.

— Простите меня, — проскулил Говард. — Я — никчемная кукла!

Клерк покачал головой.

— Вам не за что извиняться. И знаете что? Это мне стоит извиниться перед вами. Когда вы только представились, я подумал: «Ну что за глупое прозвище! Настоящий Человек!» Но... я знаю, зачем вы все это делаете. Мисс Гримм рассказала. Вы рискуете всем ради вашей мамы. Вы хотите, чтобы у нее был праздник, чтобы она не грустила.

— Про гуся она вам тоже рассказала? — проворчал Говард.

Мистер Томмс кивнул.

— Вы и правда — Настоящий Человек. Намного более настоящий, чем многие из людей. А я... это действительно должен сделать я. На самом деле именно я и должен сжечь их.

Он протянул Говарду книги и взял у него спички.

— Это мой долг перед всеми этими людьми. Перед собой.

Спичка чиркнула, и огонек заплясал на ее головке.

Мистер Томмс тяжело вздохнул, а затем бросил спичку прямо в кучу карточек. Та занялась за какое-то мгновение, ярко осветив комнату.

— Отнесите книги наверх, — сказал мистер Томмс. — Улетайте отсюда и добудьте гуся для вашей мамы. Уверен, он ей понравится...

— А вы?

— Я прослежу, чтобы сгорело все.

Говард кивнул и направился к проходу, что вел обратно в кабинет.

— Настоящий Человек! — позвал мистер Томмс, и Говард обернулся. — Спасибо вам.

— За что?

— За то, что напомнили мне.

— Что напомнил?

— Как быть... человеком. И зачем это все делаю я.

Говард повернулся и потопал в кабинет. До него донеслось тихое, пронизанное болью: «Простите... простите меня за все...»

Зубная Фея кричала.

Ее толкало и било. В мешке было темно, и она ничего не видела, то и дело в ее лицо врезались какие-то коробки, в ушах стоял грохот.

Крампус волочил куда-то мешок. Выбравшись из банка, он спрыгнул на землю и бросился бежать.

Зубная Фея тряслась в мешке, едва не задохаясь от стоящих в нем запахов: еловая хвоя, перебродивший эль, канифольный запах дегтя.

Страха между тем не было. Все произошло так неожиданно и быстро, что Зубная Фея не успела даже испугаться. Болтанка выбила из головы все мысли, но рука в какой-то момент сама машинально рванула из чехла на поясе нож и вонзила его в ткань мешка. Та с треском порвалась, и из прорехи начали высыпаться коробки и свертки.

Зубная Фея просунула руки в дыру, разрывая ее сильнее. Снаружи разобрать что-либо было почти невозможно — все прыгало и плыло. Она видела лишь снег.

Крампус вдруг остановился, швырнул мешок и Зубную Фею в нем на землю.

Откуда-то сверху раздался лязг цепей и перезвон бубенцов, а потом...

Все вдруг стихло.

Что он затеял? Что происходит?

Она расширила дыру ножом и выглянула — темно... Единственное, что она поняла, так это то, что рядом никого нет. Крампус исчез.

Чуть осмелев, мстительница прорезала мешок и выбралась наружу. На миг в ее голове проскользнула едва уловимая мысль, что Зубная Фея каким-то образом осталась в мешке, а под идущей сплошной стеной снег вылезла Полли Уиннифред Трикк.

Покачнувшись, Полли поднялась на ноги. Голова все еще кружилась, а в животе будто проворачивались валы. Все тело болело, из разбитой губы текла кровь.

Где он?! Где Крампус?

Она огляделась по сторонам и...

— Будь я проклята! Что здесь творится?!

Полли стояла в центре площади Неми-Дрё, вот только площадь Неми-Дрё изменилась до неузнаваемости.

Полли подняла на лоб разбитые лётные очки. Фонари не горели, окна не светились, и даже семафоры на станции дирижаблей не подавали признаков жизни.

Станция дирижаблей...

«Бреннелинг», как и прежде, стоял там, вот только он сам на себя не походил. В оболочке зияли дыры, из проемов иллюминаторов пророс кустарник, похожий на путанные волосы. Покосившийся дирижабль будто врос в землю...

Полли сглотнула.

— Это все мне мерещится... — прошептала она. — Я просто сильно приложила головой...

Дома, окружающие площадь Неми-Дрё, куда-то исчезли. Их место занимали...

— Деревья?

Полли была вовсе не в городе — она стояла посреди густого леса: повсюду, куда ни кинь взгляд, в вышину уходили стволы старых разлапистых сосен. Сосны скрипели на морозе, ветер шевелил хвоей, подчас стряхивая с увитых иголками ветвей снег. Полли поймала себя на мысли, что попала будто бы в самый настоящий лес из детских сказок, в который злая мачеха уводит несчастную падчерицу, чтобы та замерзла насмерть или стала ужином для кровожадных зверей. И она вдруг почувствовала себя такой маленькой заблудившейся девочкой. Ей стало страшно.

— Как?.. Как такое возможно?!

Среди деревьев проглядывали чуть покосившиеся фонарные столбы. У основания сосны неподалеку под шапкой из снега стоял ржавый гидрант.

Полли пошатнулась. Она ничего не понимала. Сознание вытворяло с ней какие-то странные, безумные шутки.

— Как я здесь оказалась?

Она попыталась вспомнить, и не смогла. Воспоминания в голове походили на рваные лоскуты.

— Я была... в банке... и...

Полли повернула голову. Банк находился на своем месте — проглядывал вдалеке, из-за деревьев. Черное здание, обычно вызывавшее озноб и пробуждавшее ворох мрачных мыслей одним своим видом, выглядело старым, хотя правильнее будет сказать, древним, а еще — заброшенным. Колонны у входа заросли колючим кустарником, часы стояли, одна створка двери лежала на земле.

— Я ведь была там минуту назад! Дралась со снеговиками, автоматами и... с той женщиной... как же ее звали?

Полли напрягла память. Имя вертелось на языке, но она никак не могла его вспомнить. Зато ей вспомнилось кое-что другое: горящие глаза, торчащие из капюшона рога и...

— Крампус!

Окружавший Полли лес будто содрогнулся, когда она произнесла это имя. Откуда-то издалека донесся тоскливый волчий вой.

Полли помнила то, что было с ней до того, как она попала в мешок урывками. Но это ведь происходило... только что?

Казалось, за то время, что Полли провела в мешке Крампуса, прошли годы... десятилетия...

«И что бы на это сказал Уильям из книжной лавки «Переплет»? — подумала она, поглядев на свое «транспортное средство». — Этот мешок... волшебный?»

Ответа у Полли не было. Она лишь пожалела о том, что так и не прочла полностью ту книгу.

На снегу возле мешка лежали подарки — коробки в красной и зеленой оберточной бумаге и с ленточками. Они были разбросаны тут и там, часть из них цепочкой тянулась под деревья.

«Они высыпались из мешка, когда он меня тащил, и...»

Вот только след из подарков вел вовсе не в сторону банка, куда, если мыслить логически, должен был, а вглубь леса.

«Может быть, там, куда ведет след, будут ответы?»

Крепко сжав рукоятку «москита», Полли пошла вдоль цепочки из коробок.

Снег с каждым шагом предательски хрустел под ногами. Она вслушивалась в лес, озиралась по сторонам, но ее не отпускало чувство, что она здесь совершенно одна.

Следуя от коробки к коробке, она пробиралась все глубже в чащу. Лес словно спал, и тревожить его покой ей совсем не хотелось. Всякий раз, как где-то раздавался какой-то звук, Полли вздрагивала, но это был всего лишь ветер, срывающий с ветвей шишки.

В какой-то момент она вдруг поняла, что подарков больше нет. Праздничные коробки привели ее к ржавому почтовому ящику на витом столбике. Дверца ящика была приоткрыта, и за ней проглядывал конверт.

— Письмо?

Не сводя дула пистолета с почтового ящика, Полли подошла и остановилась, пытаясь понять, что делать.

«Достать письмо? А если ящик — это на самом деле никакой не ящик, и, стоит мне протянуть руку, как он вцепится в нее?»

Полли заставила себя успокоиться и не дурить: «Не будь трусихой! Просто достань письмо!»

Она осторожно вытянула руку и тут же ее отдернула.

Ящик, как и следовало ожидать, никак не отреагировал. Со второй попытки Полли все же извлекла конверт, но на всякий случай отошла от ящика на пару шагов.

Развернув письмо, она поморщилась, сразу же узнав кривой почерк Партриджа.

В холодном свете низко нависающего месяца Полли прочитала:

«Вы подтвердили, что я всегда был прав на ваш счет, мисс Полли: вы — абсолютное разочарование. Вы самоуверенны, недалекновидны и глупы. Вы не годитесь быть той, кем себя мнили. И никогда не годились! Вы напялили шкуру Зубной Феи, но я-то знаю, кто сидит внутри. Слабая и трусливая девчонка. Которая причиняла боль и несла страдания, чтобы заглушить собственную пожирющую изнутри горечь.

Я понимал, к чему все идет, — все последние дни. Я хорошо вас знаю, мисс Полли. Вы сломались, хоть и пытались делать вид, что это не так. Но меня не проведешь — я все вижу. С того момента, как этот доктор и его мальчишка вычеркнули вас из своей жизни, вы делали все, чтобы покончить с собой. Но вам никак не удавалось — вы были слишком трусливы для этого, так еще и мы с Бэббитом держали вас из последних сил, но даже мы не способны вечно защищать вас от себя самой.

Все признаки были на лицо. Вы стали замкнутой и молчаливой. Эти ваши взгляды, направленные в пустоту, проросший в вас фатализм, обреченность в словах и безразличие в поступках. Вы пытались скрывать от нас свои мысли и чувства, но слезы во сне не спрячешь. А потом вы перестали плакать.

Я понял, что вы задумали, как только сказали, что отправляетесь за подарками для них в Старый центр. Близость Нового года, когда людские счастье и радость окружают со всех сторон, сорвала все струнья, подточила последнюю нить.

Я не буду отговаривать вас. Если хотите мое мнение, ваше решение — не худшее из всех, что вы принимали. Но знайте, что своим поступком вы разобьете сердце бедолаге Бэббиту.

Это история о несчастных случаях, которые не были несчастными случаями, и о самоубийцах, которые не были самоубийцами. Или же это история про единственную настоящую самоубийцу?

Лучшее завершение, не так ли?

Вы даже не удивились, что я так легко поверил вашей лжи.

Вы знали, что я ни за что не позволю вам вступить в игру этой сумасшедшей, и поэтому солгали. В то время, как должны были искать тварь, поселившуюся в канале, вы осознанно поддались на уловку. Стали разгадывать загадки...

Что ж, раз вам так нравятся загадки, вот вам еще одна, последняя: Письмо с презрением, холодное сердце, горсть зубов, дым гордеца и черный дом — что их объединяет?

Прощайте, мисс Полли.

Прощайте, Зубная Фея.

Ваш ни в коем случае не друг,

Партридж»

Полли сжала зубы. Это неправда! Гнусная ложь! Он ошибается! Он ничего не знает!

Она не думала ни о чем таком... Никогда! Ну ладно, может быть, пару раз... сегодня и пару раз вчера, но он ничего не знает! Он... ошибается... Он... никогда... не ошибается... Партридж прав. Всегда прав!

Полли поймала себя на противоречии, и тряхнула головой: что-то не сходилось: «Как Партридж может ошибаться, будучи правым? Это же какой-то...»

Откуда-то слева раздался хруст, и Полли, вскинув пистолет, обернулась.

Меж узловатых корней старой сосны шагах в двадцати от того места, где она стояла, кто-то лежал.

Скомкав письмо, она двинулась туда, крепко сжимая рукоятку «москита». Сердце заколотилось. Это не было дурное предчувствие... это было ощущение провалившейся под ногой ступени.

Подойдя ближе, Полли почувствовала, что вот-вот задохнется от ужаса. На снегу лежал...

— Натаниэль?

Доктор Доу был мертв. Снежинки опускались на застывшее лицо, пустые глаза незряче глядели в небо. Грудь доктора была разворочена, и на ней сидел вольпертингер. мех кроленя был весь в крови, а в передних лапах зверь сжимал сердце доктора и пожирал его, довольно урча. Клыки рвали сердце на куски, кровь брызгала во все стороны.

Полли бросилась к телу доктора с криком:

— Прочь! Убирайся!

Вольпертингер соскочил с груди мертвеца и припустил в чашу.

Полли упала на колени рядом с телом.

Все существо ее сжалось в комочек. Внутри, под кожей, что-то будто зацарапало. Она словно споткнулась на той провалившейся ступени и полетела вниз.

Чувствуя, что задыхается, она открыла рот и начала хватать им воздух, но воздуха все не доставало...

— Ты... ты не можешь быть мертв! Не можешь!

Она взяла руку доктора и крепко ее сжала. Пальцы Натаниэля Доу были одеревеневшими и гладкими... такими ненормально гладкими...

Слезы потекли из глаз. Чудовищная боль пронзила ее грудь — казалось, в этот миг сердце разорвалось на куски.

Полли закричала. Не в силах глядеть на мертвого доктора, она зажмурилась.

Не осознавая, что делает, она так крепко сжала руку доктора, что та вдруг попросту рассыпалась в ее ладони.

Полли недоуменно открыла глаза.

В ее руке был лишь снег. Тело доктора Доу исчезло, словно его здесь никогда и не было. Брызги крови, изуродованное зубами вольпертингера сердце... — ничего этого больше не было.

Лишь она стояла на коленях посреди леса. Ничего не понимая, Полли принялась рыться в снегу, словно пытаюсь отыскать там доктора Доу.

Ветер прошел в вышине, шевеля ветви сосен. Он принес с собой плач.

Полли повернула голову и прислушалась. Нет, не показалось.

Поднявшись на ноги, она двинулась на звук, и вскоре ей открылась странная и жуткая картина.

На снегу под деревом сидел мальчик. Он горько плакал, опустив голову, но Полли мгновенно его узнала.

— Джаспер?

Мальчик продолжал плакать.

— Что происходит, Джаспер?

Она шагнула к нему и осторожно коснулась его плеча.

Джаспер поднял голову.

Полли отшатнулась. Его лицо, синее от холода и покрытое тонкой ледяной коркой, было искажено от боли. В заплаканных глазах застыло отчаяние. Он не узнавал ее.

— Это я, Джаспер... Полли...

Мальчик протянул руку, пытаясь что-то ей дать. Раскрыл ладонь, и Полли отшатнулась. В руке у него была пригоршня окровавленных зубов.

Полли не могла ни моргнуть, ни сделать вдох.

Джаспер раскрыл рот, демонстрируя ей чернеющую пустоту. Дёсна, испещренные прогалинами, багровели. Во рту был лишь один зуб.

— Последний, — прохрипел мальчик. — Не забирай его... умоляю...

Из сведенного судорогой горла Полли вырвалось:

— Что? Я не буду...

— Ты забрала все, оставь мне хоть один...

— Это не я! — закричала Полли. — Я не забирала!

Она моргнула, а Джаспера уже не было. Там, где он только что сидел, громоздилась куча угля. Куда он делся?

— Джаспер! — воскликнула Полли, суматошно оглядываясь по сторонам.

— Эй, это что, все мне?! — раздался знакомый скрипучий голос за деревьями, но принадлежал он вовсе не Джасперу.

Полли развернулась и бросилась в ту сторону, откуда раздавался голос.

— Бэббит! — крикнула она, увидев своего механика, но тот не услышал.

Бэббит приплясывал от восторга, глядя на... елку? Полли даже передернуло от вида этой елки: старая, горбатая и уродливая, со скрюченными ветками и кривыми черными иголками, она нависала над механиком, который, как и всегда, был пьян. Ведь в ином случае

как он мог не заметить злобные треугольные глаза и шевелящуюся клыкастую пасть, прорезанные в толстом морщинистом стволе!

Но Бэббит не замечал. Всем его вниманием завладели «игрушки», развешанные на елочных ветвях: папиретки его любимой марки табака «Гордость Гротода».

— Ну и подарочек же к Новому году меня тут поджидает! — радостно проворковал Бэббит и потянулся к одной из висевших на нитках папиреток.

— Бэбби-и-ит! — закричала Полли, но было слишком поздно.

В тот же миг, как пальцы механика коснулись папиретки, елочные глаза вспыхнули двумя огоньками, ветви-руки взвилась и схватили его за плечи. После чего елка качнулась, со скрипом и треском пасть раскрылась и, обхватив голову Бэббита, сжала клыки.

Из обрубка шеи брызнула кровь, и безголовое тело упало на снег.

— Не-е-ет! — в испуге завопила Полли и побежала к елке.

Та развернулась и припустила в глубь чащи на двух ногах-корнях.

Полли бежала, цепляясь за коряги и поскользываясь на снегу. Ужас и непонимание в ней вытеснила ярость.

Погоня не была долгой.

Полли остановилась на прогалине между деревьев и принялась оглядываться. Куда эта тварь подевалась?

Елку-убийцу она так и не увидела, но ее взгляд наткнулся на другую тварь.

Высокая женщина в черном платье глядела на нее с уродливой ухмылкой на лягушачьих губах.

— Миссис Клохенбах... — прошептала Полли.

Злобная экономка доктора Доу! Что она здесь делает? Это все ее козни!

Полли ненавидела эту женщину всей душой. Все пошло прахом, когда она появилась в доме доктора.

— Зубная Фея... — сказала экономка, сморщившись от презрения. — Зубная Фея однажды пришла забрать выпавший зуб, но так и не ушла — вместо того, чтобы оставить под подушкой монетку, она притащила чемодан и осталась жить. Зачем ты появилась в их доме на самом деле? Чтобы отравить их? Как хорошо, что пришла я и смогла их от тебя защитить. Выдворив тебя вон.

Полли негодуя поджала губы. И отчаянно закачала головой.

— Вы выгнали меня из моего дома...

— Доктор выгнал, — уточнила женщина в черном. — И это не твой дом. Ты — всего лишь племянница старой экономки.

— Нет, я...

— Кто? Член семьи? Возлюбленная доктора? Мама Джаспера? Нет, ты просто незваная гостья, которая жила в чужом доме. Ты — никто для них. Чужачка...

— Это неправда! — воскликнула Полли, с горечью понимая, что миссис Клохенбах не сказала ни слова лжи.

— Доктор тебя не любит — он не способен любить, — продолжала экономка. — А Джасперу не нужна новая мама. Они терпели тебя. Доктор был слишком вежлив, чтобы сразу тебя выгнать...

— Нет!

— Хватит лгать себе, девочка! Ты никогда не стала бы частью их семьи! Ты их не заслуживаешь!

Полли закричала. Ненависть охватила ее клещами, и как в мешке рука сама вытащила нож, так и сейчас палец сам нажал на спусковой крючок.

Прогремел выстрел. Пуля-ампула вонзилась в грудь миссис Клохенбах, и экономка рассыпалась на каркающую стаю черных ворон. А затем птицы вновь слились-срослись обратно.

— Ты никогда не вернешься обратно! — каркнула экономка, словно только что ничего не произошло.

— Нет... они меня ждут... они меня... ждут... они меня...

— Любят? Ты сама понимаешь, что это не так. Тебе некуда возвращаться. Особенно после того, что я сделаю...

— Что?! Что ты сделаешь?!

— Тебе их не спасти...

Сказав это, она повернулась и, шагнув за толстый ствол сосны, скрылась из виду.

Полли сорвалась с места и побежала туда, где эта ужасная женщина только что стояла.

За деревьями ее не было, но там была... дверь. Дверная рама и черная потрескавшаяся дверь стояла прямо посреди леса. Она была приоткрыта, и из щели на снег текла узкая полоса света.

Полли, не раздумывая, толкнула дверь и переступила порог.

Она оказалась в комнате. Это была ее комната на втором этаже дома доктора Доу. В углу стояла кровать, на ней лежала книжка: «Зубная фея и прочие городские сказки, рассказанные господином Заполночь».

Полли обернулась, но двери, через которую она попала в комнату, уже не было.

Она шагнула к выходу из гостевой спальни и вышла в коридор. Если комната осталась без изменений, то дом... от дома практически ничего не осталось.

В стенах зияли проломы, через которые задувал ветер. Крыши не было и вовсе, и на обугленный пол медленно опускались снежинки.

Обивка стен висела лохмотьями, в воздухе витал едкий запах гари. В пустом проеме двери докторского кабинета проглядывала улица.

Что здесь произошло?! Я опоздала?!

Полли услышала голоса внизу и бросилась к лестнице.

Гостиная была разворочена.

В воздух поднимались струйки дыма. От стола, за которым доктор, Джаспер и... Полли пили чай, остались лишь обгоревшие обломки. Кресла зияли пропадинами, в которых виднелись «скелеты» каркасов. Черный от копоти смятый рог радиофора валялся в углу, а у лестницы на боку лежал искореженный варитель.

По гостиной расхаживали констебли. Парочка пожарных в медных касках баграми переворачивали сгоревшие предметы мебели.

На Полли никто не обратил внимания, словно она была бестелесым призраком. Она спустилась вниз, подошла к камину.

А затем увидела...

На полу лежали два накрытых полотнищами тела: взрослый и ребенок. Из-под одного из полотнищ торчала тонкая мальчишеская рука. Черные пальцы судорожно сжимали закопченный выпуск журнала «Роман-с-продолжением».

У Полли вырвался истеричный смех. Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Только вас здесь не хватало! — гаркнул кто-то. — Кто пустил сюда эту настырную

муху?!

— Ну же, сержант! — раздался знакомый голос. — Мы вообще-то общее дело делаем.

По гостиной расхаживал Бенни Трилби с фотоаппаратом в руках. Как и прочие, он не замечал Полли.

— Вы знаете, что здесь произошло, сэр? — спросил газетчик.

— Никто не знает, Трилби. Говорят, все это учинила Зубная Фея.

— Этого стоило ожидать после того, что она устроила в городе. — Бенни Трилби сделал фото.

— Это не я! — в исступлении закричала Полли. — Я ничего не делала!

Ее не услышали.

— Я знал, что нечто подобное произойдет рано или поздно, — сказал газетчик. — В этой женщине всегда проглядывало безумие. Говорят, она хотела свести счеты с жизнью. И зачем ей помешали? Если бы только ее не остановили тогда, всего этого бы не случилось...

Он направил фотоаппарат на Полли и дернул шнурок. Сверкнула яркая белая вспышка.

Полли зажмурилась.

Когда она снова открыла глаза, дом в переулке Трокар и все, кто там был, исчезли.

Ее снова окружал лес. Со всех сторон высились сосны. Шел снег. Над кронами деревьев висел месяц, и на миг Полли показалось, что это вовсе не месяц, а бледная ухмыляющаяся рожа.

И тут раздался волчий вой.

Полли повернула голову и увидела трех громадных зверюг с железными пастями.

Волки ринулись к ней, и она побежала.

Лес становился все гуще. Полли цеплялась за колючий кустарник, под ноги ей то и дело попадались корни.

Она не смела обернуться, но знала, что они не отстают. За спиной лязгали железные зубы.

Горло резало, сердце, казалось, билось почти во рту.

Сознание внезапно пронзила мысль: «Не беги! Остановись! Позволь им себя разорвать!»

И тут нога угодила под корягу, и Полли растянулась на земле. «Москит» отлетел в сторону. Удар был сильным, но это было ничто в сравнении с тем, что с ней могли сделать волки с железными пастями.

Она перевернулась и поползла за оружием. Схватив его, Полли вскочила на ноги и завертелась на месте, целясь во все стороны из «москита».

Стрелять было не в кого.

Она снова осталась одна. Куда они подевались?

Грудь тяжело вздымалась, в ушах стоял гул и незатихающий вой ветра.

Полли попятилась, вглядываясь в темноту леса, пытаясь разобрать среди деревьев волчьи шкуры, и вдруг уткнулась во что-то кофр-ранцем. Обернулась, полагая, что это дерево. Вот только уперлась она вовсе не в ствол сосны.

— Что... это?

Перед ней была стеклянная стена. Поднимаясь куполом, она терялась в черном небе.

И тут Полли поняла.

— Я в снежном шаре? Но как?!

Сжав кулак, она ударила по стеклянной стене — та отозвалась легким звоном, но так и

осталась стоять на месте. На ней не появилось даже трещинки.

Выхватив из кобуры гарпунный пистолет, Полли отступила на несколько шагов и нажала на спусковой крючок. Крюк вылетел из ствола, свистнул разворачивающийся трос. Скользя по стеклянной стене, крюк отскочил в сторону.

— Выпустите меня! — закричала Полли и, бросившись к стене, принялась молотить по ней кулаками, разбивая костяшки в кровь.

Полли не чувствовала боли и не могла остановиться — ужас и отчаяние, скопившиеся в ней, требовали выхода. Она била и била, пока силы не оставили ее.

Уперев лицо в стекло, она соскользнула по прозрачной стене на землю. Скрючилась и затряслась, не в силах унять судороги, вызванные безысходностью.

«Тебе не нужно никуда выбираться... — подумала Полли. — Ты там, где должна быть».

— Я... не знаю... что делать... Партридж... скажи мне...

«Вы прекрасно знаете, что делать, мисс Полли, — зазвучал в голове голос Партриджа. — И всегда знали... Вы разгадали загадку...»

— «Письмо с презрением, холодное сердце, горсть зубов, дым гордеца и черный дом — что их объединяет?» Их объединяю я. Я подвела их всех, я все разрушила... Я знаю, что делать. Это конец. Конец пути...

Стащив со спины кофр-ранец, Полли сорвала с головы лётный шлем. Ветер подхватил волосы.

Она расстегнула куртку.

— Я должна... Им будет лучше без меня... Так я их спасу. Может, они даже не заметят, что меня больше... нет...

Она перевела режим на «москиты» в «смертельный». Прежде она никогда им не пользовалась. Она ведь не убийца... Да-да, она — кое-кто другая.

— Это логично. Я должна их спасти... от себя.

Полли взвела курок и уперла дуло пистолета под ключицу. Ледяной металл обжег кожу.

— Ты ведь действительно собиралась это сделать. Партридж был прав. Он всегда прав.

Из уголка глаза вытекла слеза.

— Дома больше нет, их больше нет, никого не осталось. И тебя... больше нет.

Полли вздохнула и закрыла глаза.

— Никого... нет...

В паре шагов от нее вдруг раздался мелодичный перезвон, и это произошло так внезапно, что Полли, словно позабыв, что собиралась делать, открыла глаза.

— Бубенцы?

И тут она все вспомнила.

Банк на площади Неми-Дрё. Зои Гримм. Снеговики, мешок и...

— Крампус...

Громадная кривобокая коряга, торчащая из земли за стеклянной стеной, шевельнулась и, стоило Полли моргнуть, как на том месте уже стоял сторбленный великан в багровой шубе. На руках у него сидел вольпертингер. Крампус лениво поглаживал его по спинке когтистой лапой. Кролень грыз один из висевших на шубе бубенчиков, видимо, полагая, что это орех.

— Ну вот, малыш, ты выдал нас, — хрипло проговорил Крампус, обращаясь к своему питомцу. — А ведь еще чуть-чуть и...

— Это все ты! — потрясенно воскликнула Полли, опустив пистолет. — Твои проделки!

Крампус расхохотался, и от его смеха задрожали сосны, стряхивая снег с ветвей.

— Выпусти меня!

— Вот еще! — возмутился Крампус. — Я потратил столько сил, чтобы посадить тебя в свой снежный шар — и теперь просто так выпускать?

— Этого всего нет... — прошептала Полли в ужасе, от того, что едва не сделала. — Зои Гримм... порошок, который она швырнула мне в лицо... Моим сознанием уже манипулировали, это то же самое. Все нереально...

— Нереально? — усмехнулся Крампус.

— Это какое-то наваждение... и ты — просто наваждение. Крампуса не существует — это просто персонаж страшных сказок...

— «Наваждение»? — рыкнул Крампус, и его глаза вспыхнули с новой силой, словно у него внутри была топка, и кто-то подбросил в нее угля. — Так меня еще никто не называл.

— Что ты от меня хочешь? Что ты со мной делаешь? Наказываешь за то, что я плохо себя вела?

Крампус лениво поднял руку и с отвратительным, режущим уши скрипом провел когтями по стеклянной стене шара.

— Это без надобности, Зубная Фея, — сказал он. — Ты все делаешь за меня...

— Что?! Что я делаю?!

— Наказываешь себя.

Зубная Фея мотнула головой.

— Что за бред?

— Я чувствую, — едва слышно проронил Крампус. — Чувствую вину. И боль. Они грызут тебя изнутри.

— Это ложь!

— Ложь — это то, что ты говоришь себе, всякий раз засыпая в холодной постели. Ложь — это то, что ты твердишь себе, выискивая причины жить дальше.

— Ты вложил мне эти мысли в голову...

— Нет, я просто вырастил лес. А ты сама населила его своими кошмарами.

Полли упрямо покачала головой.

— Нет! — бросила она с вызовом, но жуткое древнее существо по ту сторону стеклянной стены лишь усмехнулось.

— Поверь мне, девочка, я многое знаю о наказаниях, но то, что с собой творишь ты... Это так... красиво, так... м-м-м... пальчики оближешь. Твои страхи прекрасны, Зубная Фея. А твои жертвы... как ты их убивала...

— Это иллюзии! Какой-то месмеризм! Они живы! А я скорее умру, чем причиню им вред!

— Так сделай это. Скорее умри!

— Нет.

Крампус пожал плечами. Кролень на его руках фыркнул и повел ушами.

— Да, малыш, я знаю. Нам пора...

— Что? Пора?!

Крампус склонил рогатую голову в капюшоне.

— Меня тошнит от этого города, — сказал он, и в его голосе Полли впервые услышала настоящую глубинную ненависть. — Мне пора возвращаться домой. Меня ждет еще одно, последнее, дело, и я наконец оставлю этот проклятый Габен.

— Ты не можешь бросить меня здесь!

Горящий взгляд пронзил Полли.

— Ты ведь Зубная Фея, девочка. Грозная, неостановимая мстительница, от одного имени которой дрожат преступники, полицейские и судьи. Ты что-нибудь придумаешь. К тому же ты всегда можешь довести начатое до конца. Чем не выход? Счастливого Нового года, Зубная Фея.

Крампус развернулся и, не прибавив больше ни слова, пошагал прочь. Бубенцы звенели с каждым его шагом.

За стеклом поднялась метель, она поглотила сторбленную фигуру в багровой шубе. Звон бубенцов стих.

Ветер улегся, снег опал. Метель закончилась так же внезапно, как и началась. Крампус исчез.

— И что ты прикажешь мне делать? «Ты ведь Зубная Фея...» Мерзавец!

Полли застегнула лётную куртку, подобрала с земли кожаный шлем и натянула его на голову. Ремешок вошел в пряжку под подбородком.

— Но ты прав. Я — Зубная Фея!

Она склонилась над своим кофр-ранцем, открыла на нем дверку и проверила топливный бак. Цилиндрик химрастопки почти дотлел, и она его заменила. Горелка с урчанием приняла добавку.

Полли взялась за один из вентиляей и осторожно усилила подачу топлива. Крошечный огонек на фитиле вырос и стал длиной в палец.

— Перевести на сопло. Так-так... Подтопить «разжигателем» и открыть клапан форсунки... — Полли сверилась с температурным датчиком — стрелка упрямо двигалась к красной зоне. — Нужно добиться максимальной мощности горения... Да, я помню, мистер Бэббит: ни в коем случае не делать этого.

Полли собралась с духом, а затем щелкнула тумблером. Тут же завизжали все топливные датчики. Из сопла в днище кофр-ранца с рокотом пошел рукав пламени. На лице тут же выступил пот. Жар стоял, как у открытой печи.

— Ну что, попробуем...

Полли взяла ранец за лямки, развернула его соплом к стеклянной стене и подошла к ней вплотную.

Рукав пламени ударил в стекло, и оно начало течь, размягчаясь и стекая вниз, будто на деле это было не стекло, а воск или... лед. В точке, куда сопло было направлено, появилась крошечная дыра. С каждой секундой она все расширялась.

Когда проем стал таким, что в него можно было пролезть, Полли опустила ранец и поспешно уменьшила фитиль, пламя ушло в сопло, рокот стих.

Полли бросила последний взгляд на черный лес, а затем выбралась наружу.

Она снова была на площади Неми-Дрё. На обычной и такой знакомой Неми-Дрё Горели фонари на столбах, мигали красные глаза семафоров на станции дирижаблей, светились окна домов. Главные часы на башне начали отбивать одиннадцать часов.

— Прошло так мало времени?! — пробормотала Полли.

По ощущениям, она провела в лесу несколько часов.

Полли обернулась. За спиной больше не было никакого стеклянного снежного шара. Никакого леса.

Не в силах сдержать чувств, Полли заплакала. Неужели кошмар и правда закончился?

— Это еще не конец, — сжав зубы, процедила она.

Полли вытерла слезы и поглядела на банк. За открытым окном-часами сверкали разноцветные вспышки. С крыши в воздух поднимался аэрокэб.

Зои Гримм сбегала!

— От меня не сбежишь, — сказала Полли и, уложив кофр-ранец на тротуар, дернула манипулятор. Из боковых щелей с лязгом вырвались механические крылья, расстелившись на снегу. Левое, по-прежнему, было повреждено.

Разумеется, Бэббит справился бы лучше, но и ее знаний должно было хватить, чтобы его починить. Хотя бы временно...

— У Зубной Феи есть незавершенные дела, мистер Партридж, — сказала Полли, достаив из отсека с инструментами ключ. — А вы бы лучше стерли эту вашу ехидную ухмылку. На этот раз вы не правы. Вот ведь незадача, не так ли? Я еще немного помучаю вас своим утомительным и обременительным присутствием.

Аэрокэб летел над заснеженным ночным Тремпл-Толл. Он то подпрыгивал, то проваливался на несколько футов, а помимо этого еще и качался, переваливаясь с борта на борт, будто на волнах.

— Эй, а можно эту махину ровнее вести?! — крикнула Зои, когда в очередной раз стукнулась локтем о дверцу.

Полет тут же чуть выровнялся.

Зои вздохнула: ох, уж эти неугомонные близнецы. Снеговики постоянно мутузили друг друга, и их совершенно не заботило, могло ли это помешать делу.

Говард Бек, сидевший рядом с Зои, все бормотал о том, как ему не терпится заполучить гуся, но мисс Гримм не слушала. Пальцы нервно барабанили по обложке книги: оба «Грабьих списка» лежали у нее на коленях.

Все удалось! Подумать только! Все прошло, как и было задумано, за исключением некоторых несущественных мелочей.

Шесть мешков денег... В общем, это два миллиона фунтов — ровно вдвое больше того, что осенью украл Человек-из-Льотомна.

Крампус вернул свою шубу.

Мистер Томмс добыл книги и уничтожил картотеку безнадег.

Еще и Зубная Фея получила по носу.

Зои улыбнулась. Она могла собой гордиться. Каков план! Каков размах! А экспрессия! А выход! А разгром, учиненный в банке!

Бенни Трилби точно будет, о чем написать...

Зои жалела лишь о том, что не смогла поприсутствовать лично везде и сразу, и пока остальные веселились, они с мистером Пибоди делали основную и самую тяжелую работу: отвлекали на себя все внимание. Ничего, самое приятное впереди...

Зои выглянула в иллюминатор. Аэрокэб миновал Чемоданную площадь и вокзал.

Странно... они летели вовсе не туда, куда было запланировано.

Мисс Гримм нахмурилась.

— Эй, близнецы! — воскликнула она. — Вы что там, заснули? Почему мы изменили курс?

Ответа из кабины не последовало.

— Эй, вы там оглохли?! — Потеряв терпение, мисс Гримм стукнула в перегородку.

Мистер Пибоди повернул голову, и Зои непонимающе уставилась на него.

— Планы изменились, мисс Гримм, — сказал он.

— Эй, когда это вы стали таким разговорчивым, мистер Пибоди?! И что значит «Планы изменились»?! —

— Прошу прощения, — сказал снеговик. — Я неверно выразился: планы не изменились — мы следуем *изначальному* плану.

— Что-то я такого не припомню!

— Вероятно, потому что изначальный план был составлен без вашего участия.

Зои гневно засопела.

— Это что, бунт?!

Снеговик пожал плечами.

Мисс Гримм в ярости вцепилась ногтями в кожаное сиденье.

— Я знаю, что вы задумали! Вы решили забрать все денежки себе! Но это мы еще посмотрим!

Она достала из кармана снежный шар.

Снеговик поглядел на него и... никак не отреагировал.

Зои встряхнула шар. Мистер Пибоди покачал головой.

— Подчиняйся! Подчиняйся мне!

— Мисс Гримм...

— Подчиняйся мне, ты, дурацкий снеговик! Я твоя хозяйка!

— Вы не моя хозяйка, — сказал носатый. — И я не снеговик.

Мистер Пибоди отобрал у нее шар и раздавил его в руках, после чего перевернул ладонь, и стеклянные осколки посыпались на пол экипажа.

— Вы что, всерьез поверили какой-то детской книжке? — спросил мистер Пибоди. — Ну же, мисс Гримм, очнитесь уже! Живые снеговики, бродящие по улицам города? Это же невозможно! Вы ведь не в сказке.

Зои потрясенно слушала своего, как ей недавно казалось, прихвостня. Она поглядела на Говарда, и тот понуро опустил голову: этот коротышка явно знал, что здесь творится.

— Если вы не снеговик, мистер Пибоди, тогда кто?

— Вы скоро все узнаете.

— Нет уж, — прорычала Зои, — я узнаю все сейчас!

Она выхватила из сумки небольшую алую шутиху, но поджечь ее не успела.

Мистер Пибоди вскинул зонтик и упер его в грудь Зои, придавив бывшую хозяйку к спинке сиденья, а Говард забрал у нее шутиху.

— Мисс Гримм, я не советую вам дергаться. Для вашего же блага...

— И что ты сделаешь, грязный предатель? — она схватилась за зонтик. — Убьешь меня?

Лжеснеговик не успел ответить. Над головой Зои раздался треск, что-то зашипело, и из переговорного рожка в салон проник голос:

— Мистер Пибоди! Покажите ей!

Зои задрала голову.

— Кто это?! Кто говорит?!

Шипение и треск смолкли.

— Что ж, мисс Гримм, — сказал лжеснеговик, — вы хотели узнать, кто я?

Мистер Пибоди, не убирая зонтик, снял с круглой снежной головы цилиндр и передал его Говарду. После чего вонзил пальцы в собственное лицо и принялся его разламывать. Длинный нос отпал, снежное крошево посыпалось мистеру Пибоди на колени.

Зои Гримм распахнула рот. Под лицом снеговика, которое ей так нравилось, оказалось другое лицо.

— Вы довольны, мисс Гримм? — спросил незнакомец, которого Зои считала не просто своим прихвостнем, а единственным другом.

— Что здесь творится? — спросила она едва слышно.

Мистер Пибоди промолчал.

Аэрокэб летел в неизвестность.

Глава 16. Тайная организация «Человек-в-красном и К°»

Новый год. Светлый праздник со своими добрыми традициями, со своими героями и даже злодеями. А еще Новый год хранит множество тайн.

И одна из этих тайн жила в некоем доме, стоявшем на самой границе Тремпл-Толл и Сонн.

Дом, о котором идет речь, располагался по адресу «Улица Тощих Кошек, 17» и с виду ничем примечательным не выделялся: четыре этажа, заснеженная крыша, коптящие трубы и светящиеся окна. Такое же строение, как и соседнее, как и прочие, что стояли на этой улице.

Прямо под домом пролегали трамвайные пути, и здание едва заметно сотрясалось всякий раз, как мимо громыхал вагон.

У подъезда стояла бордовая почтовая тумба «№ 129» с гравированным изображением конверта и ключа на покато́й передней стенке. К тумбе то и дело подходили люди, бросали свои конверты в прорезь, на которую указывало изображение вытянутого пальца: «Для писем», — и отправлялись дальше.

В день накануне Нового года улица Тощих Кошек жила своей жизнью. Мальчишки из школы «Буффорд» лепили снеговика на тротуаре. Прохожие волочили коробки с подарками и гусей. Громыхая колесами по мостовой, проехал «Труде», на крыше которого была привязана одна из елочек мистера Макфи.

У почтовой тумбы остановилась пожилая дама, державшая за руку маленькую девочку.

— Бабуня, а он точно прочитает мое письмо? — спросила девочка.

— Разумеется, дорогая, — сказала бабушка и помогла внучке просунуть письмо в щель. — Человек-в-красном читает все письма. Пойдем, нам еще нужно успеть купить краски для открыток...

Кто только ни подходил к почтовой тумбе с тем же вопросом в голове: «А он точно прочитает мое письмо?» И простые клерки с портфельчиками и признаками легкого голодания на лице, и господа адвокаты со вздернутыми носами и снобизмом в прищуренных глазах, и важный доктор с черным саквояжем, и даже толстый господин констебль... Выбрав момент, к тумбе подкрался жулик в черной бархатной маске и длинном смоляном пальто. Оглядевшись по сторонам, он опустил свой конверт в щель и был таков...

Целенаправленно или походя, с грустью или с самодовольством — но сегодня буквально все в Тремпл-Толл рано или поздно подходило к расставленным по городу почтовым тумбам. Никто не мог позволить себе упустить возможность и не отправить письмо, начинающееся словами: «Дорогой Человек-в-красном...»

Но могли ли они знать, что тот самый Человек-в-красном наблюдает за ними прямо сейчас? Как бы они удивились (и некоторые точно рухнули бы в обморок), если бы подняли взгляд и увидели фигуру в красной шубе и колпаке с белой оторочкой в окне четвертого этажа дома № 17 на лице Тощих Кошек.

Прохожие торопились завершить дела перед праздником, они не задирали головы и не глядели на окна верхних этажей. Они не знали, что в этом тривиальном в своей обыденности доме происходят вещи, которые могли бы свести с ума весь Габен, узнай о них кто-нибудь.

Располагавшаяся на последнем этаже контора походила на небольшое почтовое отделение.

В воздухе витали запахи чернил и бумаги. Неярко светились лампы под круглыми зеленоватыми плафонами. Из рога граммофона вырывалась праздничная музыка — ей подыгрывал стук штемпелей.

Тук, тук, тук.

Почти все помещение занимали собой два ряда обтянутых зеленым крепом столов, за которыми сидели служащие в красных вельветовых костюмах-тройках и колпаках.

На столах громоздились горы писем. Клерки выбирали конверт из кучи, проверяли имя и адрес отправителя, а затем ставили один из трех штемпелей: *«Важное»*, *«Неважное»*, *«Есть вероятность»*. После чего запускали конверт по специальному желобу в «Отдел шкафов» — крошечную комнатку, в которой стояли, собственно, три больших вишневого дерева шкафа с соответствующими табличками на дверцах.

Горы писем на столах постепенно таяли, но их все пополнял клерк, ездивший между столами по узким рельсам на кабинетной дрезине с тележкой. Когда тележка пустела, он возвращался за новой партией к большому коробу, в который через трубу из «Отдела приема» (или попросту, с чердака) сыпались бесконечные конверты.

Работа кипела. Письма шли по маршруту: Короб — Тележка — Стол — Шкаф. И казалось, ничто не способно нарушить этот выверенный и исправно действующий механизм.

Служащие скрытого от любопытных глаз почтового отделения не поднимали голов, не смеялись, не обменивались едкими фразочками, не просились на перерыв. Они лишь четко и последовательно выполняли возложенные на них обязанности.

Распределение писем — это все, ради чего они были созданы. Совершенно одинаковые обладатели гладких, стертых лиц и скрипучих деревянных пальцев выбирали конверт из кучи, ставили штемпель, брали следующий конверт и так далее...

В конторе трудились куклы, ведь только лишь куклам мог доверять тот, кто всем здесь заправлял. Куклы — послушные, куклы — не болтают и не отлынивают от работы. Кукла не устает, а если она сломается, ее можно починить или на худой конец отправить в камин и заменить точно такой же куклой. С куклой в принципе не может возникнуть ситуации, когда она продает секреты своего хозяина в газету и ее приходится устранять...

Что ж, упомянутый хозяин сделал все возможное, чтобы его секреты остались при нем. И неудивительно, ведь он, как-никак, руководил тайной организацией.

Этаж почтового отделения упирался в дверь кабинета, на которой висела табличка: *«Человек-в-красном. Не беспокоить!»*

В самом кабинете за письменным столом сидел джентльмен в вишневом костюме и в очках с красноватыми стеклами на носу. Он работал с поступившей корреспонденцией, что-то выискивал в письмах, а найдя, переписывал в пухлую книгу учета, время от времени просушивая страницы промокательной бумагой и продевая в них скрепки-указатели.

На столе был идеальный порядок: часы на трех витых бронзовых ножках сверкали, рядом, словно солдатики на плацу, выстроились письменные принадлежности, у края столешницы высилась стопка конвертов, к которой привалился деревянный щелкунчик в двууголке.

Джентльмен за столом совершенно не походил на того добродушного старика, который улыбался всем с коробок печенья. И то верно: для веселья и добродушия он был слишком занятым человеком.

Предпраздничная суматоха пыталась завлечь его, закрутить в лихорадочном танце: печеные гуси, украшенные елки, поздравительные открытки... Но он упорно сопротивлялся.

Нельзя поддаваться, ведь для него Новый год — вовсе не праздник, а работа.

И весьма выгодная, к слову.

Письма от игрушечников из Габена, Льотомна и других мест содержали в себе очень недурные цифры, подтверждающие отчисления за использование ими образа, который он придумал.

Ну или, вернее, украл из старых городских легенд, но на это, как оказалось, всем было плевать. Самое забавное, что людям упрямо кажется, будто Каминник был здесь всегда. На деле же тайная организация «Человек-в-красном и К°» начала свое существование не многим более десяти лет назад.

— Да-да, миссис Фрункель, — проворчал Человек-в-красном, утомленно продираясь через строки письма от хозяйки лавки игрушек, рассыпающейся восторгами и благодарностями. — Я знаю, что у вас ажиотаж и отбоя нет от покупателей, но зачем расписывать все на целых четырех листах?!

Наконец он нашел указание причитающегося ему процента и поморщился. Восторги игрушечницы могли быть и поскромнее, в то время как цифра могла быть покруглее. Ну да ладно: это ведь бедняцкий Тремпл-Толл — зато из Старого центра, Сонн и с Набережных оплата его трудов приходила не в пример значительнее...

Часы на столе отбили восемь часов вечера: бумажную работу можно было заканчивать — пришла пора для очередного «посещения каминов».

Человек-в-красном захлопнул книгу учета. Поднявшись из кресла, он прошел к двери и покинул кабинет.

Почтовое отделение работало, как и всегда, безупречно и не удостоилось даже быстрого взгляда.

Человек-в-красном быстрым шагом подошел к толстому старику в тяжелой алой шубе, который стоял у окна. Вот этот господин точь-в-точь выглядел, как старик с коробок печенья.

— Время пришло, — сказал джентльмен в очках, и старик обернулся.

Витринным Человеком-в-красном прикидывалась очередная кукла. Но, в отличие от своих безликих собратьев-клерков, сделана она была крайне искусно: тончайшая резьба выделила даже самые мелкие морщинки и складочки, пухлый нос того и гляди шморгнет, а губы сложатся в улыбке... Окладистая белая борода и выбивающиеся из-под колпака седые волосы не просто выглядели, как настоящие, они и были настоящими: мастер, создавший это произведение кукольного искусства, лично обрезал их однажды у одного джентльмена с весьма незавидной судьбой.

— За мной, — велел обладатель красных очков и, не прибавив больше ни слова, двинулся к боковой двери.

Картинно просунув большие пальцы рук за пояс, кукла послушно потопала следом.

Вскоре они оказались в небольшом эллинге, в центре которого стояли летающие сани. Выглядели эти сани восхитительно: если бы Человек-в-красном из легенд и правда существовал, он, вне всяких сомнений, летал бы на таких. Золоченые орнаменты и молдинги на полированных до зеркального блеска алых бортах сверкали, на подпорах оболочки ярко горели фонари. На подкрученных носках полозьев висели резные бубенцы. Чудо, а не сани — и самая большая ценность тайной организации «Человек-в-красном и К°».

Джентльмен в очках вскинул руку, давая знак, и стоявшая в углу комнаты кукла-клерк дернула рычаг в стене. В тот же миг раздался скрежет механизмов, и стеклянная крыша

эллинга пришла в движение. Раздвигая секцию за секцией, купол стал раскрываться. В комнату проник снег...

Кукла-старик забралась в сани, где ее уже ждал большой багровый мешок.

Глава организации подошел ближе и ткнул в мешок пальцем. Тот зашевелился, изнутри раздался хриплый перепуганный голос:

— Прошу вас... умоляю... выпустите меня! Я сожалею о том, что сделал...

— Боюсь, вы знали, к чему все приведет, когда нарушили договор, — сказал Человек-в-красном. — Так что я не могу вас освободить, друг мой. Теперь вы — подарок.

— Нет! Я не хочу! Это... мы такое не оговаривали!

— Всегда читайте мелкий шрифт, — усмехнулся Человек-в-красном и, повернув голову к кукле, велел: — В путь! Господин Моргрейв уже заждался свой ужин!

Кукла кивнула и, опустив на глаза лётные очки, толкнула рычаг.

Двигатели в кормовой части саней заработали. Лопасты винтов с гулом завертели и превратились в размытые пятна.

Глядя, как дым толчками начинает выбиваться из выхлопных труб, Человек-в-красном широко улыбнулся, испытав гордость за свое творение.

Кукла за рычагами потянула штурвал на себя, и полозья саней оторвались от пола.

Поддельный Человек-в-красном отбывал.

Подлинный Человек-в-красном глядел ему вслед.

— Это возмутительно! Так не должно быть! Я такого не планировала! Хочу все вернуть вспять!

Зои Гримм, пытая от гнева, стучала в иллюминатор аэрокэба. Стекло отдавалось звоном, но стоявший за ним снеговик (или кем он там был на самом деле?) не обращал на нее никакого внимания.

Злодейка в экипаже была одна. Когда аэрокэб прибыл (она так и не узнала куда, ведь ей никто ничего не сказал!), подлые предатели забрали мешки с деньгами, заперли ее внутри и, выставив охрану из ее же бывших прихвостней, куда-то ушли.

— Эй ты, снежная башка! — крикнула Зои. — Выпусти меня! Или я за себя не отвечаю! Слышишь?!

Снеговик, само собой, слышал, но, как и прежде, стоял, не шевелясь.

— Ну, я тебе не завидую! Я освобожусь и башку тебе оторву! Вы там все еще узнаете, с кем связались! Я — Зои Гримм, страшная и ужасная злодейка! Эй ты, дурачина, бойся меня! Дурачина не боялся. Зои в бессильной ярости сжала кулачки.

Снаружи что-то начало происходить: кто-то подошел к аэрокэбу. Зои прильнула к иллюминатору, но ничего не смогла разглядеть из-за снежной головы ее тюремщика.

— Выпустите меня! Что там творится?! Освободите меня немедленно! Я требую! Я вас всех сожгу и испепелю, хмыри треклятые, если сейчас же...

Дверца открылась. У экипажа стоял мистер Пибоди.

Зои набрала полный рот ругательств, но из-за распирающего ее негодования смогла выдать лишь:

— Полено трухлявое!

Мистер Пибоди на самом деле был куклой. От него прежнего осталась лишь кривая

усмешка. На деревянном полированном лице и глазах-пуговицах плясали блики от фонаря. Бывший снеговик являлся гордым обладателем острого курносого носа и джентльменской прически с пробором — черные волосы были зачесаны на стороны и обильно напомажены. И если бы не гнусное предательство, Зои была бы даже в восторге от подлинного облика мистера Пибоди — тот был настоящим красавчиком.

— Мисс Гримм, — сказал мистер Пибоди, — прошу вас следить за языком — я могу и обидеться.

— Вот и хорошо! Обидься! Велю обижаться!

— Я вам больше не подчиняюсь, — напомнил бывший прихвостень, после чего отошел в сторону. — Выходите.

Зои упрямо сложила руки на груди.

— А вот и не подумаю!

— Вы ведь хотели, чтобы вас выпустили? Вас ожидают.

— С тобой я никуда не пойду, мерзкий ты красавчик!

Мистер Пибоди кивнул, но не бывшей хозяйке. В следующий миг в салон забрались двое снеговиков. Они схватили Зои и вытащили ее из экипажа.

— Пустите! Руки прочь! Ну я вам задам, гадкие близнецы!

Близнецы-снеговики угрозы явно не боялись. Они быстро и умело связали ей руки.

Мистер Пибоди достал из кармана какую-то тряпку.

— Извольте кляп, мисс?

— Что?! Только попробуй!

— Тогда прошу вас, мисс Гримм, ведите себя потише — хозяин не любит суматоху.

— Хозяин?

— Он вас ждет. Мы можем засунуть вас в мешок и приволочить к хозяину в таком недостойном виде, но я надеюсь, что это не потребуется.

Перспектива оказаться в мешке Зои Гримм не особо радовала и, гневно фыркнув, она сказала:

— Я пойду сама! Руки развяжите!

— Полагаю, это излишне.

Мистер Пибоди убрал кляп и достал портсигар. Чиркнула спичка, и подожженная папиретка нырнула в прорезь деревянного рта. Этой привычке бывший прихвостень не изменил.

Зои оглядела помещение, в котором оказалась. Это был элинг. Возле аэрокэба стоял накрытый полотнищем, судя по очертаниям, крошечный дирижабль. Возле него с ноги на ногу перетаптывался Говард Бек.

— И ты здесь, носатый недомерок!

Маленькая кукла затрясла головой и стыдливо потупилась.

— Мисс Гримм, не злитесь на меня, — пробормотал Говард. — Я ничего не мог поделывать!

— Ну разумеется! — прорычала Зои. — Ничего не мог поделывать! Ты же никчемность и сплошное разочарование! Надеюсь, твоя глупая Мамаша так и не получит гуся, и тебя обманут так же, как и меня!

Говард в ужасе от ее слов распахнул рот.

— Вперед, мисс Гримм, — велел мистер Пибоди. — И прошу вас, без глупостей. Иначе ткну вас зонтиком.

Близнецы двинулись первыми, Зои и Говард — за ними. Шествие замыкал мистер Пибоди, держа наготове зонтик.

Они покинули эллинг через невысокую дверь и оказались в какой-то конторе.

Этаж напоминал развороченный улей. Повсюду семенили безликие куклы в красных колпаках. Одни собирали и упаковывали в ящики письма, другие складывали в портфели письменные принадлежности. Мимо пленницы и ее спутников прокатили на колесиках три больших шкафа. Какая-то кукла сворачивала рукав латунного желоба, еще одна волочила куда-то граммофон.

Судя по всему, контора закрывалась. И это происходило в такой спешке, словно служащим сообщили о том, что скоро здесь будет полиция, или кто пострашнее, вроде клерков из Ведомства налогов и податей.

— Что это за место? — спросила Зои Гримм. — Где мы, Говард?

Говард Бек не ответил. Он был на нее обижен: вжимал голову в плечи, все его движения стали еще более дергаными, чем обычно, нос глядел в пол.

Зои почувствовала укол стыда.

— Прости за то, что я сказала про твою Мамашу. Я не хотела. Ты и правда ничего не мог поделать.

Говард поднял голову и кивнул.

— Так где мы? Ты знаешь?

— О, да, — сказала кукла. — Я знаю...

— Скажи мне.

— Я не могу... Мамаша просила сохранить эту тайну.

Зои нахмурилась.

— Говард, — начала она. — Все тайны скоро раскроются. Скажи мне, что это за письма, кто все эти куклы. Это... какая-то почта?

— Нет. В смысле, да. Или все же нет?

— Говард!

— Вы скоро все сами узнаете, мисс Гримм. Он вам все расскажет.

— Кто «он»? К кому мы идем?

— К Человеку-в-красном.

У Зои отвисла челюсть. Целый сонм вопросов попросился наружу, но задать их она не успела.

Они подошли к двери, на которой висела табличка: «*Человек-в-красном. Не беспокоить!*»

Близнецы остановились по обе стороны от двери.

— Мисс Гримм, я хочу вам напомнить... — начал мистер Пибоди.

— Он не любит суматоху, — скривилась Зои.

Говард вопросительно глянул на мистера Пибоди, тот кивнул, и коротышка, потянув ручку, открыл дверь.

Говард Бек, Зои Гримм и бывший снеговик переступили порог.

Злодейке предстал дорого обставленный кабинет: панели темного дерева и тяжелые бархатные портьеры на стенах, кожаные кресла в углах, едва тлеющий камин, вся полка которого была заставлена стеклянными снежными шарами, и большой письменный стол.

За столом сидел джентльмен в вишневом костюме-тройке. На вид ему было около сорока лет, но виски уже тронула седина. Выглядел этот джентльмен весьма

представительно: аккуратная бородка, смоляные волосы расчесаны и напомажены. Именно так, подумалось Зои, выглядят важные господа из Старого центра.

На носу у джентльмена за столом были очки в круглой оправе и с красноватыми стеклами. Руки прятались под тонкими перчатками, меж пальцев торчал мундштук с папиреткой.

— Вы еще кто? — совсем не вежливо спросила Зои.

— Позвольте представиться, мисс Гримм: Человек-в-красном.

Повисла тишина, которую нарушало лишь мерное тиканье часов на столе. Губы джентльмена в очках тронула легкая улыбка.

— Полагаю, вы ожидали увидеть кого-то другого, — сказал он. — Кого-то более... гм... толстого, кого-то более бородатого и в шубе.

Зои кивнула, и человек за столом с напускным сожалением развел руками.

— Но ведь письмо! — воскликнула мисс Гримм. — Я получила письмо! От Человека-в-красном...

— Верно. Вы получили письмо. От меня. Список некрологов, включая и некролог вашего...

— Нет, — перебила Зои. — Все это какая-то глупая несмешная шутка!

Человек-в-красном (он ведь и правда был одет во все красное) откинулся на спинку кресла.

— Возможно, во всем этом и правда нет ничего смешного, — протянул он задумчиво, — но глупого нет совершенно точно.

— У вас есть имя? Ведь вас же не зовут на самом деле Человеком-в-красном.

Джентльмен в очках кивнул.

— Можете называть меня «мистер Блохх», мисс Гримм.

Зои подавленно опустила плечи.

— Так что же это выходит? Толстых стариков мне не ждать? Значит, вы, мистер Блохх, и есть Человек-в-красном?

— Помимо прочего.

— Прочего?

— Я становлюсь Человеком-в-красном лишь раз в год, — пояснил он. — Все остальное время я исполняю обязанности консьержа — устраиваю дела определенного толка, свожу нужных людей, разрабатываю планы, предоставляю услуги.

— Но причем тут Каминник?

— Каминник — одна из моих старых... услуг.

— Это как?

Мистер Блохх затянулся папиреткой, выдохнул облачко красноватого дыма и широко улыбнулся...

— Это заговор, — испуганно вставил вдруг Говард. — Они сговорились и выдумали Человека-в-красном.

Зои опустила недоуменный взгляд на коротышку.

— Кто «они»?

— Кукольники и... моя Мамаша.

— Но зачем?

— Чтобы продавать игрушки!

Зои Гримм потрясенно уставилась на мистера Блохха.

— Это правда?

Он кивнул.

— Но... как?... Я... не понимаю...

— Боюсь, я не могу вам всего рассказать, мисс Гримм. Это не только моя тайна...

...Мистер Блохх кривил душой — иначе он не умел. В первую очередь, это была именно его тайна.

Говард Бек сказал правду, но эта правда была грубой и неотесанной, как и сама носатая кукла.

Тайная организация «Человек-в-красном и К°» появилась действительно именно благодаря заговору.

Кукольники и игрушечники Габена отчаялись. Город погряз в горечи и тоске: игрушки почти перестали покупать, они покрывались пылью и паутиной на полках, некоторые из мастеров обеднели настолько, что начали использовать своих кукол в качестве растопки для печек.

И тогда, на одном из своих собраний, они решили (или, если точнее, им завуалированно подсказали) обратиться к «господину, решающему затруднения некоего деликатного характера».

Нельзя быть кукольником в Габене, делать живые игрушки, заправленные человеческими душами, и быть при этом честным человеком. Что ж, и в этом деле честность им была совсем не нужна — им было нужно, чтобы покупали их игрушки.

Они пришли к нему за планом, и он дал им план. Всю схему от начала и до конца. Многие из них сперва не поверили, кто-то даже расхохотался ему в лицо, и неудивительно: то, что он предлагал, было подлинным безумием. «Невозможность в коробочке!» — так они это называли.

Мистер Блохх не повел и бровью: он давно привык к такой реакции своих нанимателей. Мелкие и мелко мыслящие личности, преступники и злодеи пошиба средней руки, почти все они просто неспособны осознать гениальность и сложность его идей.

И все же у этого сборища кукольников не оставалось выбора. Гений интриг и провокаций мистер Блохх всегда считал, что лучшие марионетки получаются из марионетчиков. Они были у него в кармане уже до того, как явились к нему. Отчаяние и безысходность — самые простые средства для того, чтобы заставить людей подписать договор.

И договор был подписан.

А мистер Блохх приступил к проведению одной из самых масштабных своих интриг.

И тогда был изобретен Человек-в-красном. Весь образ Каминника, начиная от мешка с подарками и заканчивая санями — это ложь. Обман, который мистер Блохх создал для того, чтобы заполучить себе ни много ни мало коллекцию тайных желаний этого города.

Он долго ломал голову над тем, как проникнуть в души жителей Габена, но в итоге и сам был поражен, насколько изящной в своей простоте в итоге вышла манипуляция. Ему нужен был кто-то, кому мистер и миссис Обыватель доверят свои сокровенные желания.

Все любят благодетелей, и даже нищий мальчишка, получивший пару пенсов в свою дырявую шляпу, будет искренне и с жаром в сердце благодарен. А особенно — если условные «пара пенсов» — это именно то, чего «ему хотелось больше всего на свете».

О, наивные жители Габена: они полагают, будто им что-то дарят, но по правде, мистер

Блохх под видом Человека-в-красном просто покупает их души. Выменивает на подарочки. Более того — он пошел еще дальше в своем коварстве: на самом-то деле он почти никому ничего не дарит. Зачем что-то дарить, если все и так шлют ему письма: «Я хочу то...», «Если не знаешь, как меня подцепить на крючок, то вот ответ...», «Я очень хочу то-то и то-то, и я готов за это...»

Когда Человек-в-красном обрел плоть, все пошло по накатанной. Газеты, сплетни и дружеские беседы — все играло мистеру Блохху на руку. Он вытащил на свет старые легенды, в которых добрый дух зимы одаривал хороших людей — в противовес злобному Крампусу, известному мучителю плохих детей, в существовании которого не сомневался никто. Человек глуп и наивен: он поверил, что раз есть тот, кто наказывает, того, кто одаривает, не быть просто не может.

В первое время Каминник и правда посетил не один дом, и мистер Блохх едва не разорился на подарки, но он знал, что все окупится, нужно лишь подождать.

Время шло. Человек-в-красном постепенно поселился в умах и сердцах. Он стал неотъемлемой частью праздника. Новый год без Каминника? Это невозможно!

О Человеке-в-красном писали книги, о его похождениях ставили пьесы. В какой-то момент он даже проник в «Мешок Крампуса» и со временем не осталось никого, кто бы сомневался в том, что он был там всегда. Как и Крампус, Каминник обзавелся свитой и историей. Все в городе мечтали получить подарок, вот только мало кто его получал на самом деле.

Организация «Человек-в-красном и К^о» работала без перебоев...

Как же добиться такого? — спросит кто-то. Ведь это слишком масштабный обман, и любая мелочь может все испортить. Даже крошечная ошибка разрушит затею, и второго шанса не представится: кто поверит в еще одного таинственного волшебного благодетеля, если первый будет разоблачен.

Ответ прост: конспирация.

Когда почва была достаточно подготовлена, мистер Блохх исполнил свою часть договора с кукольниками. В лавках начали продаваться куклы Человека-в-красном, и туда вернулись покупатели. Ну а остальное господа игрушечники сделали сами. Наивных родителей ничего не стоило убедить, что они сами могут выступать в роли Человека-в-красном для своих детей. Очередной обман. Разумеется, сугубо во благо: чтобы детишки были счастливы. «Томми, если ты будешь хорошо себя вести, в Новогоднюю ночь к тебе явится Человек-в-красном...» И Томми, который исправно учился, был послушным и ел весь год невкусную, но очень полезную еду, просто не мог не получить подарок.

Сказать, что игрушечники были довольны, значит, ничего не сказать. Но больше доволен был сам мистер Блохх, ведь помимо процента с каждого проданного в новогодние праздники деревянного Человечка-в-красном, он еще и получил то, что хотел: все пополняющуюся картотеку надежд и чаяний.

Мистер Блохх добился того, что сотни, тысячи людей — мужчины, женщины, дети, старики — годами покупают на почте конвертик, листок писчей бумаги и немного чернил, составляют свое слезливое письмецо и ждут чуда.

Порой ему все же приходилось поддерживать веру людей: он изредка посылал своего агента в красной шубе, и тот, образно говоря, подбрасывал углей в эту жаркую топку.

«Он был на соседней улице!»

«На соседней крыше!»

«Выбрался из камина моего приятеля!»

«Он заглянул в гости к моей кухне!»

Подобные разговоры всякий раз отравляют их, убивают в них скептицизм и сомнения, затягивает обратно в трясины.

Наивный обыватель выводит сокровенное «*Дорогой Человек-в-красном...*», даже не представляя, что однажды именно его письмо и будет извлечено из шкафа с табличкой «*Важное*»...

...Мистер Блохх сплел пальцы.

— Все это не просто, чтобы продавать игрушки, мисс Гримм, — сказал он. — Наша организация дарит счастье, приносит чудо в каждый дом. Ведь подумайте сами: что такое Габен без Человека-в-красном? Мы дарим надежду, веру в лучшее.

— Значит, его и правда не существует! — с тоской заключила Зои. — Каминник — это вымысел!

Мистер Блохх покачал головой.

— Я здесь, и я реален. Неужели я не заслужил хотя бы крупицу вашей благодарности?

Зои возмутилась:

— Благодарности?!

— Ведь я — Человек-в-красном! — подарил вам то, чего вы так желали. Правду! Я рассказал вам, что случилось с вашим отцом. И в итоге это я утолил вашу жажду мести!

Зои упрямо поджала губки.

— Может быть, вы еще скажете, что лично вы сделали меня злодейкой?

Мистер Блохх кивнул, и мисс Гримм нервно рассмеялась.

— Это чушь!

— Думаю, вам об этом лучше расскажет кое-кто другой. Прошу вас, мистер Грей!

Портьера на стене колыхнулась, и из-за нее вышел худосочный тип в коричневом пальто, котелке набекрень и клетчатой бабочке.

— Добрый вечер, мистер Грей, — поприветствовал его Блохх.

— Добрый вечер! — сказал тип в клетчатой бабочке. — Рад наконец встретиться с вами лично, мисс Гримм.

Зои узнала голос этого человека: именно он звучал через переговорный рожок в аэрокэбе, веля мистеру Пибоди открыть свое истинное лицо.

Впрочем, и сам этот тип был злодейке знаком.

— А я вас знаю! — воскликнула Зои Гримм. — Это ведь вы писали обо мне все эти гадкие, ехидные статейки! Бенни Трилби!

Тип в клетчатой бабочке улыбнулся и приподнял котелок.

— Рад наконец лично выразить вам свое почтение, мисс Гримм.

— Выразите лучше себе по морде, образина вы чернильная!

— Ну же, мисс Гримм, не стоит грубить. Вам это не к лицу.

— Неужели? — прошипела Зои. — А что же мне, по-вашему, «к лицу»?

— Устраивать кавардак и быть любимицей публики, — ни мгновения не раздумывая, сообщил тот с широкой улыбкой.

Зои Гримм пристально поглядела на газетчика. Она до сих пор не понимала, что происходит.

— Все это ради денег Ригсбергов? Уговорили! Забирайте!

— Что вы, мне не нужны деньги, мисс! Больше не нужны. Я, знаете ли, очень удачно и крайне вовремя взял ссуду в банке. Ссуду, которую мне не нужно будет возвращать, учитывая, что картотека безнадег безвозвратно и бесповоротно уничтожена.

— Тогда что вам от меня нужно?

— От вас, мисс Гримм? Вы уже все сделали. А сейчас... понимаете, у меня есть сюжет, который предназначен для одного-единственного читателя, или в данном случае, слушателя. И я не могу допустить, чтобы этот сюжет не был рассказан.

— Что за чушь?

— Полагаю, мисс Гримм, — вставил Блохх, — мистер Трилби пытается сказать, что для него было бы невероятным упущением, если бы вы так и не узнали, что на самом деле произошло в Тремпл-Толл накануне праздника.

— То есть мне наконец расскажут, что здесь сейчас творится?

— Верно, — кивнул газетчик. — И не только здесь. Не только сейчас. А все с самого начала...

Не дожидаясь разрешения, Зои уселась в пустующее кресло. Мистер Пибоди шагнул следом и встал рядом.

— Ведь это он! — воскликнул Бенни Трилби, кивнув на куклу с папиреткой. — Он все начал! Наглый и навязчивый снеговичок, который шпионил за вами с трамвайной станции. Он не мог не вызвать у вас интерес.

— Интерес? Мягко сказано, — угрюмо проронила Зои, глянув на предательского прихвостня. И вдруг поймала себя на мысли: «Кажется, все это время именно я была прихвостнем и делала все, что ему нужно...»

— Так как же вы сделали меня злодейкой, господа? — спросила Зои. — Понимаете ли, у меня очень много времени и любопытства: обожаю абсурдные истории!

— Вы даже не догадываетесь насколько правы, мисс Гримм, — сказал газетчик. — Это все просто абсурдная история или, если изволите, пьеса. Игра с марионетками. Понимаю: вас сбilo с толку письмо, которое вы получили. Вы злились, перечитывали его, пытались разобраться во всем, строили неосуществимые планы мести. Вот только пока что вы еще не были готовы, не были... собой. Но мы ждали и были терпеливы. Начать стоит, пожалуй, с... — Бенни Трилби бросил быстрый взгляд на Блохха, и тот предположил:

— Со сливового кофе со сливками?

Зои хотела спросить: «Откуда вы узнали про сливовый кофе со сливками?», а потом вспомнила о письмах, в которых сама, своими же руками выдавала мечты и желания, и все вопросы мгновенно отпали.

— Нам нужно было выманить вас, — продолжал Бенни Трилби. — Завлечь в игру. Вороны на трубе у окна намекнули вам о «Кретчлинс» и о кофе, который вы так любили и который так мечтали попробовать снова... И вы поддались на приманку.

— Приманка, значит... — Зои прикусила губа и покачала головой: мол, все еще не понимаю — причем тут вороны и кофе?

Газетчик кивнул.

— Выйдя из дома, мисс Гримм, вы сразу же увидели витрину книжной лавки «Переплет» и стоящую на ней книгу «Злоключения снеговика мистера Пибоди». Вы попросту не могли ее не заметить, ведь я сделал буквально все, чтобы она привлекла ваше внимание. Начать с того, что это я ее написал.

— Вы?! — Зои замерла. Глаза полезли на лоб. — Вы — известная детская писательница

Ненби Билтри?!

— Каюсь, — усмехнулся газетчик. — «Ненби Билтри» — «Бенни Трилби». Ловко, да? Анаграмма! Обожаю игры со словами! Но вернемся к вашему пути к роли злодея, мисс Гримм! Я понимаю, что пока вы еще ничего не понимаете, но, поверьте, вскоре все встанет на свои места.

Стоять на месте Бенни Трилби стало скучно, а выбрать приличествующую моменту позу он так и не сумел: его сила была не в позах, а в словах. Поэтому он принялся расхаживать перед Зои туда-обратно, то закладывая руки за спину, то срываясь на жестикуляцию

— Итак, вы увидели книгу и, разумеется, не смогли ее не купить. У меня была мысль назвать ее: «Как победить или подчинить снеговика», — но я решил, что это будет уж слишком прямолинейно.

— А если бы я не купила книгу?

— Вы бы все равно ее получили. Вам бы подбросили ее в «Кретчлинс» или прислали бы по почте, или... запасных вариантов было множество, но не будем о них, ведь они, к моему облегчению, негодились. Вам стоит знать лишь то, что на каждом этапе вашего пути мы были готовы к тому, что вы проскользнете мимо какого-либо из наших «крючков», и были готовы вывесить еще один. На чем я остановился?

— Вы подсунули мне книгу про снеговика.

— Точно! Благодарю. Итак, я подсунул вам книгу про снеговика. И прихватив ее, вы направились в «Кретчлинс», где и прочли ее, при этом отыскав между строк все то, что я там спрятал. Вы верно уловили мысль: «Вам нужен снежный шарик, чтобы отвадить снеговика».

Зои припомнила тот вечер.

— Я так понимаю, — проворчала она, — в «Кретчлинс» не случайно появился мистер с объявлением о лавке снежных шаров Тоббсона.

— Разумеется! В этой истории вообще не было ничего случайного! Вы должны были ухватить ниточку и пройти по ней. Из объявления вы узнали, где найти шар.

— И я отправилась к Тоббсону.

— Ну а компанию в лавке Тоббсона вам составили почтенные Бонти и Рэкхауз. И их целью было вовсе не ограбление, а очередное представление. Им требовалось сделать так, чтобы некоей мисс в ее милую головку проникли некоторые идеи: «Не можешь получить праздник — укради его!», «Злодеи — вовсе не плохие люди, если их ведет благородство», «Злодеи не боятся служителей закона, и им все по плечу: они храбрые и дерзкие, а еще действуют сугубо эффектно!», «О злодеях пишут в газетах и более того — для них сделали свой раздел!» И самая главная мысль: «Кто тут настоящий злодей? Черствый и гадкий хозяин лавки, измывающийся над посетителями, или приветливые грабители с благими намерениями осчастливить бедных деток?»

Зли поморщилась: ведь именно эти мысли ее тогда и посещали!

Бенни Трилби прочел это по ее лицу и покивал.

— Мы знали, с кем играем, мисс Гримм. И будь на вашем месте хладнокровный здравомыслящий человек, он бы рассудил иначе, но вы...

— Дура?

— О нет... Что вы, мисс! Вы — прекраснодушны.

— Это еще что за слово такое? — оскорбилась на всякий случай Зои.

— Вы добры, наивны и — что самое полезное для нас — вы остро переживаете любую несправедливость, и оттого действуете, как...

— Дура? — повторила Зои.

— Как ребенок, который смотрит кукольное представление на площади и воспринимает его чересчур серьезно: вам показали злых полицейских и добрых злодеев, и вы поверили в их существование. Но это просто перевернутые роли. Подмена понятий и смыслов специально для вас.

— Замечательно, — гневно засопела Зои. — Просто превосходно. И что было дальше?

— А дальше декорации сменились. Станция трамвая «Бремроук-Харт», полицейская тумба и констебль Домби. Очередное действие нашей пьески, в котором вам наглядно продемонстрировали жуткую несправедливость и гнусное лицо Габенской полиции. Вы увидели безразличие и даже потворствование людей происходящему и вмешались. Все вышло даже лучше, чем я рассчитывал. А потом на сцену этого театра вышли «Чучеллоус».

— Дайте угадаю: это тоже были вы?

Бенни Трилби кивнул.

— «Подари себе сам!», «Никакого обмана!» Тут я признаюсь: у меня было еще несколько задумок, чтобы наконец вас спровоцировать, и я даже удивился, что вам хватило лишь обмана с подарком. Впрочем, это подтвердило, что мы изначально выбрали для нашего плана идеального человека. Все, как и говорил мистер Блохх: ранимая, обидчивая, страстная и искренняя натура, одинокая и страдающая маниями, — вы жили в тонком коконе, и этот кокон порвался от одного легкого прикосновения.

Зои заскрипела веревкой, за что мистер Пибоди легонько ткнул ее зонтиком в плечо, а Бенни Трилби продолжал:

— Итак, вы начали «злодействовать», а мне оставалось лишь наблюдать. У вас был очень насыщенный день, мисс Гримм: проделка на почте, салон карманных часов и прочие ограбления. Но все эти шалости... кхм... это не совсем то, что мне было от вас нужно. Да, вы стали злодейкой, но пока что не догадывались о своей роли, о том деле, ради которого я и сделал из вас злодейку. Я разбрасывал намек за намеком, развешивал крючки, но вы упрямо все их игнорировали, и, признаюсь, я уже начал переживать, что вы не догадаетесь и мне придется взять вас за ручку и лично подвести к нужным дверям. Последняя надежда была на «Главный намек». Статья «Настоящая злодейка или просто пшик» была провокацией. Я прошу прощения за мои придирки и пренебрежительный тон в ней, но этого требовала ситуация — вы должны были возмутиться. Должны были доказать всем, что вы не «пшик», и ради этого сделать что-то посерьезнее ограбления часовщиков и кондитеров. По вашему... кхм... *ответу* в редакции я понял, что статья не оставила вас равнодушной и вы не позволите, чтобы внимание читателей соскользнуло с вас на «действительно важную новость», а именно — на «Праздничную передовицу». А значит, можно было переходить к тому самому «Главному намеку».

Зои почесала нос веревкой.

— Предположу, что Тилли Беррике была выбрана не случайно и с самого начала участвовала в вашем заговоре, — сказала она. — Вот ведь маленькая интриганка! И монстр в мансарде отеля «Голдберггот» был подставным? Ну разумеется! Его играл какой-то тип в жутком костюме! Очередное ваше представление?

Бенни Трилби пожал плечами.

— М-м-м... — он вдруг замялся. — Не совсем. Тилли Беррике и правда была выбрана не случайно. Накануне я лично зашел в обувную мастерскую, в которой она работала, и поговорил с ней. Я сказал малышке Тилли, что скоро жизнь ее изменится к лучшему и

предположил, что, возможно, ее родители вскоре вернутся из долговой тюрьмы «Браммл». Главное — не отчаиваться и верить в чудо. Ведь это же Новый год — время, полное чудес, и кто знает, что может случиться. Я намекнул ей, что в самое ближайшее время она может встретить некую добрую мисс, вышедшую прямоком из волшебных сказок, и напомнил, что персонажи волшебных сказок запросто могут сотворить чудо — нужно просто рассказать им о своей беде.

— И вскоре она встретила меня, — кивнула Зои. — Когда я пришла спасти ее от этого вашего картонного монстра! И как я могла поверить в то, что он настоящий?!

— Вы поверили именно потому, что он был настоящим.

— Что? — потрясенно прошептала Зои. — Ради мистификации вы едва не скормили девочку настоящему монстру?

— Он ничего бы ей не сделал, так как ждал именно вас, мисс Гримм. В его задачу входило лишь создать видимость угрозы. За это он получил свое вознаграждение.

Зои гневно уставилась на мистера Блохха, пронзила взглядом Бенни Трилби.

— Грабители, констебли, монстры и маленькие девочки... Вы и правда оплели своими сетями весь город!

— Благодарю, — улыбнулся газетчик. — Итак... вы клюнули на очередную приманку: спасли девочку и отнесли ее к доктору Доу из переулка Трокар...

— Он тоже участвовал?

— Лишь косвенно. Задействовать напрямую доктора Доу и его настырного племянника было бы слишком рискованно. В любом случае рассказ маленькой несчастной Тилли о том, как ее родители томятся в долговой тюрьме по вине банка, должен был затронуть нужные струны в вашей душе. Пробудить в вас жажду мести — но не бездумную, а осознанную и...

— Вещественную, — подсказал мистер Блохх.

Трилби кивнул.

— Злых и черствых банкиров кто-то обязан был наказать. Но кто? Тот, кто их не боится. И тогда Зои Гримм внезапно обрела настоящую — большую! — цель. В новогоднюю ночь она ограбит «Ригсберг-банк»! Она заставит их поплатиться, забрав у них самое дорогое — их денежки! Уж после этого никто не посмеет усомниться в том, что Зои Гримм — настоящая злодейка. Это будет блестяще, подлинный триумф! И вот, выйдя от доктора Доу, вы наконец обрели ту мысль, ради которой все мое предприятие и было затеяно.

Газетчик выдохся и замолчал.

— Ограбление «Ригсберг-банка»... — протянула Зои. — Но зачем оно вам?

— Чтобы они ответили за то, что сделали, — улыбка Бенни Трилби превратилась в оскал.

— Что они *вам* сделали? Вы тоже из безнадег?

— Еще чего! Не настолько я глуп, чтобы брать у них ссуду.

— Тогда что?

— Они украли... — проскрежетал Бенни Трилби. — Украли у меня...

— Что они у вас украли?

— Мою статью!

Зои тряхнула головой — ей показалось, что она ослышалась.

— Вашу, простите, статью?

— Когда Человек-из-Льотомна совершил свое умопомрачительное ограбление осенью, я подготовил и написал статью об этом — и это была лучшая статья из всех, что когда-либо

выходили из-под клавиш моей пишущей машинки. В ней я изобличил не только высокомерие Ригсбергов, но и их глупость. В ней я рассказал все — то, о чем в городе до сих пор никто не знает. О том, как Фиш выставил их идиотами и о том, как они вернули свои денежки на самом деле. Но прямо перед выходом номера шеф не пустил статью в печать — они надавили на него. Ригсберги считают себя хозяевами в Тремпл-Толл, а всех прочих — жалкими мошками. Но я — не мошка. Я — слепень, которого свернутой в трубочку газетой не прихлопнуть!

— И вы все это провернули, чтобы отомстить им за статью?

— Верно. Но сейчас я пишу новую. Они задушили мой материал с ограблением Фиша, но сюжет об ограблении Зои Гримм им не задушить.

— Что помешает им вновь завернуть вашу статью?

— О, на этот раз я подготовился, — усмехнулся Трилби. — У шефа не будет выбора, и он опубликует мою статью. Ведь иначе ее опубликуют в «Габенской крысе», а так как редакция «Крысы» работает под изнанкой Габена, им плевать на любое возможное неудовольствие Ригсбергов. Господин главный редактор «Сплетни» — осторожный человек, но он не переживет, если подобный материал уплывет к конкурентам.

— Значит, я — всего лишь ваша ручная грабительница банка, — подытожила Зои. — Но почему не найти кого-то другого? Зачем все эти сложности?

— Ригсбергов боятся. Мне нужен был достаточно... сумасшедший человек для такого. А еще мне нужен был человек «с историей». Понимаете, если бы кто-то просто ограбил банк, эффект был бы не тем. Но другое дело — новая злодейка, которая поставила на уши весь Тремпл-Толл. Простая тихая кража не подходила для статьи — мне требовалось, чтобы это стало событием, которое переплюнуло бы ограбление Фиша. И вам это удалось. Мое почтение! Снеговики, шутихи и все прочее... Все вышло даже лучше, чем я рассчитывал. Само собой, эффект был бы не тем, если бы в дело не вступила Зубная Фея. Схватка злодейки и городской мстительницы в банке незадолго перед Новым годом... подумать только! Ну и особой приправой к этому еще и рассказ о том, как банкиры убивали людей, чтобы безнадеги не ускользали из их лап... Эта статья перевернет Тремпл-Толл! Вы знаете, мисс Гримм...

Бенни Трилби не договорил.

Откуда-то с улицы зазвучал колокол. Полицейский колокол!

— Какая жалость! — воскликнул Бенни Трилби. — Хотя по правде вы и так уже все узнали. Ну а мне пора. Я должен откланяться, мисс Гримм. Полиция уже близко...

Зои вскочила на ноги.

— Вы отдадите меня им?! После всего, что сделали?!

— Эта история должна завершиться, мисс Гримм. Я сожалею.

— Но это же вы! Вы все придумали! Вы все это подстроили! Я им все расскажу!

— Вам не поверят, — с самодовольной улыбкой ответил газетчик. — Я подготовил для этого почву. Вы ведь городская сумасшедшая, мисс Гримм, вы страдаете маниакально-депрессивным психозом. Ваши мании... Полиция допросит доктора Доу, и он подтвердит им ваш недуг. Но и без того все доктора из лечебницы для душевнобольных передерутся, чтобы поскорее заполучить себе «такой любопытный случай», а после того, как выйдет парочка статей, в которых «Сенсация! Зои Гримм клянется, что после банка посетит дом самого судьи Сомма!», вас просто никто не станет слушать.

— Вы подлец! Гнусный, циничный... подлец!

— И я в восторге от себя и своего плана! Счастливого Нового года, мисс Гримм! Мистер Блохх, приятно иметь с вами дело.

Бенни Трилби кивнул консьержу преступного мира, развернулся и бросился к выходу из кабинета.

Дверь хлопнула.

Звук удаляющихся шагов газетчика стих.

Зои поглядела на мистера Блохха, перевела взгляд на Говарда Бека, затем — на мистера Пибоди и... расхохоталась. Говард поддержал и засмеялся. Мистер Пибоди достал из кармана пальто нож и перерезал веревки.

Мистер Блохх протянул руку и переключил рычаг под столом. Звук колокола с улицы затих. Квартал вновь погрузился в тишину.

— Вот ведь самовлюбленный хмырь! — усмехнулась Зои, затрусив головой — она так устала притворяться... — Я уже думала, он будет распинаться до самого утра.

— Мистер Трилби и правда крайне утомителен, — согласился мистер Блохх, кивнув Зои. — Но он нужен был для вашего плана, мистер Грей.

Зои хмыкнула.

— Я снова спрашиваю вас, Блохх, почему «мистер»? Я ведь мисс!

— А я снова отвечаю, что для конспирации. И что понятие «мистер Грей» — это не имя, а делопроизводственная формальность при составлении типового договора.

— Вы ведь получаете от этого всего удовольствие, не так ли?

— Разумеется. Я занимаюсь любимым делом. И на сей раз я превзошел сам себя. В этом кабинете только что были трое мистеров Греев, для полного комплекта не хватило только четвертого, но он благополучно получил свою шубу и отбыл. Ну а вы должны гордиться собой: вы в клубе, мисс Гримм.

— В клубе?

— В «Клубе Заговорщиков мистера Блохха», как это называет один мой знакомый мальчишка.

— Я тоже в восторге! — воскликнул Говард Бек. — У меня никогда не было настоящего тайного прозвища! Я теперь буду просить всех звать меня «мистером Греем»!

— Нет! — в один голос воскликнули Зои и мистер Блохх.

— Да шучу я! — хохотнула кукла. — Шуток не понимаете?!

И тут из темноты под потолком раздался злой холодный голос:

— Я! Я не понимаю шуток!

Говард, взвизгнув, спрятался под стол мистера Блохха.

Ни мисс Гримм, ни Блохх между тем не выглядели ни удивленными, ни испуганными.

— О, мисс Фея, рада, что вы к нам присоединились, — сказала Зои. — Без вас эта история не могла бы закончиться. Вечер невероятных разоблачений продолжается!

Фигура в черном соскользнула на пол на тонком тресе. В обеих руках Зубная Фея держала по пистолету, нацеленных на Зои и Блохха. Мистер Пибоди встал перед хозяйкой.

— Мы вас ждали, — сказала Зои.

— Неужели? — Зубная Фея взвела курки.

— Прошу вас, мы не хотим с вами драться, — начал Блохх и добавил то, от чего Зубная Фея похолодела: — Мы были бы благодарны, если бы вы опустили оружие... мисс Трикк.

— Ч-что? — произнесла она дрогнувшим голосом.

— Разумеется, я знаю, кто вы, мисс Трикк, — сказал консьерж преступного мира. —

Или вы полагали, что появление в Габене мстительницы в маске — настолько незначительное событие, что я не разузнал бы о Зубной Фее все до мельчайших подробностей?

— Почему тогда вы?..

— Не разоблачил вас? — с искренним недоумением в голосе спросил мистер Блохх. — Зачем бы мне это делать? Вы мне нравитесь, мисс Трикк, без вас в этом городе было зубодробительно уныло.

— Но ваши планы...

— Вы никогда не мешали моим планам. Более того, осмелюсь предположить, что вы даже не догадываетесь о тех моих планах, в которых и сами неосознанно принимали непосредственное участие.

— Я вам не верю...

— История с мимиками, дело пироманьяка и еще кое-что, о чем я, пожалуй, промолчу.

— Это были вы?

Мистер Блохх кивнул.

— Вы бы знали, сколько раз ко мне обращались различные личности с намереньем избавиться от вас. Но я неизменно им отказывал.

— Как благородно! — с презрением бросила Полли.

— Вовсе нет. Вы нужны мне, мисс Трикк. Однажды придет момент, когда мистером Греем станете вы.

— Ни за что! — разъяренно воскликнула Полли и повторила то, что сказала Крампусу: — Я скорее умру!

Блохх пожал плечами.

— Есть кое-что страшнее смерти, мисс Трикк. Ну да ладно, вы ведь пришли сюда не за тем, чтобы слушать мое занудство.

— И зачем же я пришла?

— Вы пришли, — сказала Зои Гримм, — чтобы схватить злодейку. Или, — она бросила взгляд на Блохха, и тот кивнул, — скорее, чтобы узнать правду. Вы любопытны, мисс Фея, и хотите, чтобы я рассказала вам, что произошло на самом деле — и на этот раз по-настоящему! — в Тремпл-Толл накануне Нового года.

— Я ничего не хочу слушать!

Зои отодвинула в сторону мистера Пибоди, и тот нехотя отошел.

— Предположу, что, отправляясь за Зои Гримм, вы ожидали, мисс Фея, что вас встретит очередной снежный кавардак. Вы ведь слышали все, чем поделился с нами наш друг из газеты?

— И я так понимаю, все это была ложь?

— Отнюдь. Это была его правда. Но есть еще одна, которая скрывается под подкладкой правды мистера Трилби. Дело в том, мисс Фея, что наш хвастливый газетчик делал все, что было нужно мне. Вовсе не он... создал меня. Это я, если можно так выразиться, создала его.

— И что это должно значить?

Зои Гримм закусил губу, раздумывая, с чего начать, и начала с извинений:

— Прошу вас простить меня, мисс Фея. Я втянула вас во все это, но мистер Блохх убедил меня, что это нужно.

— Зачем?

Зои Гримм замаялась.

— Говорите!

Злодейка снова поглядела на мистера Блохха, и тот снова кивнул.

— Вы были на грани, мисс Фея. Вы планировали...

— Что я планировала?

— Покончить с собой.

— Это гнусная ложь!

Консьерж преступного мира вздохнул.

— Мисс Трикк.

— Это вздор! — перебила Полли.

— Прошу вас, выслушайте мисс Гримм.

Зои продолжила:

— Вам нужно было что-то, что отвлечет вас. И этим чем-то стала новая Габенская злодейка. Вы остались совсем одна — вам так казалось. Но... с вами была я. Я стала нитью, которая удержала вас от падения в пропасть.

— Зачем?.. — прошептала Полли. — Для чего вам нужно было помогать мне? — Она поглядела на Блохха. — Зачем это вам?

Консьерж преступного мира пронзил ее острым взглядом.

— Зубная Фея. Должна. Жить. У вас еще очень много незавершенных дел, мисс Полли Уиннифред Трикк. К тому же я, признаюсь вам, терпеть не могу самоубийства.

Полли тряхнула головой, стряхивая непрошенную слезу.

— Мы отвлеклись, — сказала она. — Я не намерена слушать вздор о себе. Вы говорили о какой-то подкладочной правде. Трилби был вашей марионеткой?

Зои кивнула.

— Я первая пришла к мистеру Блохху. Мне нужно было отмщение, а для этого нам потребовался инструмент. Тот, кто закончит все.

— «Сплетня».

— Мы подстроили так, чтобы мистер Трилби обратился к консьержу преступного мира, раздули его тлеющую ненависть к банку, дали ему идею.

Полли вдруг все поняла.

— Ограбление не было вашей целью.

Мистер Блохх выдвинул ящик стола и достал из него оба «Грабьих списка».

— Они были целью. А также тайная картотека безнадег в кабинете главы Грабьего отдела.

Зои сжала кулаки.

— Я должна была не просто унижить их или лишить денег, — с ненавистью проговорила она. — Я должна была их уничтожить. Эти твари убили моего отца! Столько лет я думала, что он свел счеты с жизнью, и не понимала, зачем! Зачем он меня оставил! Но когда узнала... Они убили его, мисс Фея, потому что он нашел способ, как вырвать из их лап одного безнадегу... Крампуса... Папа... мой папа не находил себе места — он не мог смириться с тем, что великий Крампус так подло обманут и лишен своих сил. Он придумал, как обвести банк вокруг пальца. Он пришел в часовую башню, чтобы рассказать свой план Крампусу, но...

— Он не успел, — закончила Полли.

— Агент из особого отдела банка убил его — вытолкнул через циферблат. Я видела, как папа падал, видела... его тело. Его крик... он снится мне все эти годы. Но я не знала... я

винула себя, Крампуса...

— Мне очень жаль, мисс Гримм, — сказала Полли. — Но...

Часы на столе мистера Блохха ударили. Половина двенадцатого.

— К сожалению, нам пора, мисс Гримм, — внезапно сказал консьерж преступного мира, поднявшись на ноги. Зои кивнула.

Полли вспыхнула.

— Вы не можете... я не отпущу вас...

— Мисс Трикк, — сказал Блохх, уперев кулаки в стол, — вы до сих пор так ничего и не поняли? Вы победили.

— Что?

— Вы помогли разоблачить самого главного и самого безжалостного злодея в Тремпл-Толл, а может быть, и во всем Габене.

— Я так полагаю, вы о себе?

— Разумеется, нет, — сказал мистер Блохх. — Я ведь не злодей. Я — простой консьерж.

— Тогда кто? Кто же этот самый главный в Габене злодей?

— Ну же, мисс Фея! — воскликнула Зои. — Вы как будто не слушали все, что мы тут говорили.

— Будьте снисходительнее, мисс Гримм, — сказал консьерж преступного мира. — Полагаю, у мисс Трикк сейчас голова идет кругом. На нее столько свалилось...

— «Ригсберг-банк», мисс Фея, — подсказала Зои. — Мы с вами и с мистером Трилби разоблачили «Ригсберг-банк».

Блохх добавил:

— За всю историю этого города не было маньяка, который убил бы столько людей, сколько убил банк. Три десятилетия они уничтожали людей — вы придете в настоящий ужас, когда узнаете, сколько несчастных заживо сгнили в долговой тюрьме «Браммл», сколько умерло от голода, лишившись всего, что имели, скольких убили агенты из особого отдела. И завтра, с выходом статьи Бенни Трилби, их злодеяниям придет конец.

Полли прищурилась. Что-то в голосе Блохха заставило ее вздрогнуть.

— Вы тоже?.. Вы тоже стали жертвой банка?

— Не я, — ответил Блохх. — Тот, кто был мне очень дорог.

Зои Гримм поправила пелерину и улыбнулась совершенно пустой блеклой улыбкой:

— Трилби был прав, говоря, что его статья перевернет весь город. Сейчас так не скажешь, но «Ригсберг-банк» доживает свои последние часы.

— А я позабочусь, чтобы его конвульсиям никто не помешал, — вставил мистер Блохх. — Главный судья Сомм, господин комиссар Тремпл-Толл и еще кое-кто из власть предержащих кое-что должны мне. Они не станут встречать. А господин Граббс из «Граббс-банка» довершит начатое. Это без преувеличения великая победа, мисс Трикк. Мне жаль, что ради нее вы вынуждены идти на сделку с вашей совестью, ведь вы пошатнули один из столпов Тремпл-Толл вместе с... какими-то злодеями.

— Вам не жаль.

— И правда.

Полли нахмурилась.

— Я одного не могу понять, — сказала она, обращаясь к Зои Гримм.

— Чего же?

— Какую роль в ваших планах играло то мерзкое птичье существо.

— Мерзкое птичье существо? — удивленно спросила злодейка. — Вы о чем?

— Я нашла его в кабинете вашего отца, когда искала вас. Похожее на птицу существо лежало в ящике в тайнике, а потом оно сбежало и...

— Мистер Ворончик?! — воскликнула Зои с неподдельным страхом в глазах. — Вы выпустили мистера Ворончика?! Вы даже не представляете, что натворили!

— Мисс Гримм... — прервал ее Блохх. — Это не может подождать?

Зои стиснула зубы.

— Вот вы, мисс Фея, и будете ловить мистера Ворончика, раз выпустили его. И все его будущие жертвы — на вашей совести!

— Мисс Гримм...

Зои дернула головой и успокоилась.

— Нам пора, мисс Фея. Говард, вылезай из-под стола. Она не будет тебя бить!

— Вы... — сбивчиво начала Полли. — Вы просто так уйдете?

Мистер Блохх взял «Грабьи списки» и направился к двери. Зои, мистер Пибоди и Говард Бек пошагали за ним.

Полли проводила их дулами пистолетов, но они даже не остановились. Она стояла, будто пыльным мешком прихлопнутая. В голове металась, словно стрекоза в банке, мысль: «Что делать?! Что мне предпринять!»

Мистер Блохх и Зои замерли в дверях.

— Мисс Трикк, — сказал консьерж преступного мира, обернувшись, — у вас тоже не так-то много времени, если вы хотите успеть.

— Куда успеть?

— На столе лежит письмо. Оно для вас.

— Что? Мне адресовано?

— Я сказал не так. В любом случае это мой вам подарок. С новым годом, мисс Трикк!

— До скорой встречи, Зубная Фея! — Зои Гримм подмигнула Полли, и покинула кабинет.

Мистер Блохх кивнул на прощание и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Звук шагов стих.

Тикали часы. Полли осталась одна, глупо целясь в дверь.

«Мой подарок? — думала она. — Это какая-то очередная уловка Блохха?»

Остаться на месте было невыносимо, и она, убрав пистолеты, подошла к столу. Там и правда лежал конверт.

— Если там еще одна загадка, я его убью!

Но в конверте не было никакой загадки.

Полли развернула письмо, прочитала его содержание, и заплакала.

— Мистер Трилби, не хотите с нами встретить Новый год? — спросил мистер Слиппсон.

Бенни Трилби сидел за своим столом и молотил по клавишам. Он был так увлечен делом, и не замечал, что в печатном зале он остался совершенно один, как и полчаса назад не обратил внимания на то, как прочие репортеры задвинули стулья, погасили лампы на своих столах и разошлись, а Хатчинс напоследок пожелал ему «Счастливого скукситесь!»

Сгорбившись над своей печатной машинкой, ведущий репортер «Сплетни» стучал по клавишам так долго, что пальцы его одеревенели, шея затекла, а буквы, появляющиеся на листе бумаги, начали сливаться в какое-то неразборчивое месиво. И все равно он не прекращал работы, бубня себе под нос: «Абзац!», «Вы еще пожалеете!», «Тройной отступ!», «Не с тем газетчиком вы связались!», «Абзац!»

Каретка стрекоча раз за разом отодвигается, отталкиваемая рукой Бенни, а потом снова ползет обратно. Рычаги танцуют, литеры впиваются в лист, а рядом на пепельнице в виде глазастой бронзовой мухи тлеет позабытая папиретка.

— Мистер Трилби! — повторил старый служащий газеты, и Бенни поднял на него удивленный взгляд.

— Что вам нужно, мистер Слиппсон?

— Все давно разошлись. До полуночи осталось пятнадцать минут.

— И что с того?

— Мы с парнями из линотипной собрались в каморке мистера Энджера. Не хотите с нами встретить Новый год?

— Ни в коем случае! Мне нужно дописать статью...

Мистер Слиппсон, издав вздох облегчения, кивнул и, развернувшись, двинулся к лестнице. Бенни Трилби не особо любили в редакции, и парни из линотипной не хотели его звать, ведь он и его занудство, приправленное унылыми шуточками, могут превратить праздник в тоску зеленую. И мистер Слиппсон поднялся в печатный зал сугубо из вежливости, хотя и считал, что в свой адрес этот пройдоха вежливости как раз таки и не заслуживает.

Бенни Трилби между тем уже и вовсе забыл о существовании старика Слиппсона и с головой нырнул в омут своей статьи.

Вот только не прошло и двух минут, как его снова прервали.

Лампа у окна пересыльщиков погасла. А следом за ней погасла и лампа на столе самого Бенни. Печатный зал погрузился в темноту.

— Абзац! — рявкнул репортер, и в данном случае к разметке листа под валиком машинки это не имело никакого отношения. — Промазал! Тяпнул другую клавишу!

— Какая жалость, — раздалось над самым плечом Бенни, и он, дернувшись, ударился коленом о ножку стола. И все равно вскочил на ноги, заозирался.

— Это вы! — воскликнул он. — Вы здесь!

— А где бы мне еще быть, мистер Трилби?! — спросили из темноты.

— Не здесь! — Бенни потянулся к висящей на спинке стула сумке, чтобы достать оттуда очки со встроенной системой видения в темноте, но тут же получил хлесткий удар по руке.

— Вы не рады мне, мистер Трилби? — спросил голос. — Странно, а я решила, что вам понадобится очевидец для вашей статейки, которая... «перевернет весь город».

Бенни похолодел. Она знала!

В голове лихорадочно закрутились шестеренки в поисках достойного отнекивания, но с губ сорвалось стыдное и примитивное:

— Это совсем не то, что вы подумали, мисс Фея!

— Я знала, что вы прохвост, Трилби. Мне говорили, что от вас стоит ожидать подлости, но я верила вам. Вы меня ни разу не подводили прежде...

— Нет, вы не поняли! Это... это... это был не я, а мой брат-близнец!

— Брат-близнец?

— Э-э-э... да! У меня есть коварный брат-близнец — он очень на меня похож — это всё его выходки. Знали бы вы, что он вытворял, когда мы были детьми. Мамочка даже грозилась...

— Трилби! — рявкнула Зубная Фея.

— Ладно, — испуганно проговорил газетчик. — Никакого брата-близнеца не существует. Все обстояло по-другому!

— И как же все обстояло?

— Это вы! Вы сами велели мне все это проверить!

— Что за бред, Трилби?

— Ну да! В смысле, совсем нет! Не бред! Вы позвали меня неделю назад и потребовали чтобы я создал злодейку, потому что в городе к праздникам стало слишком тихо и...

— Нет, ну какова наглость, Трилби. — Зубная Фея, казалось, опешила от подобной чепухи. — Думаю, я бы помнила о таком!

— Э-э-э... нет. Вы забыли наш разговор, потому что приняли «Зубнофеин доктора Зубнофейра», чтобы не помнить и охота на злодейку казалась вам настоящей. А мне, как и всегда, обещали эксклюзив!

— Хватит ффыкать, жалкий вы человечиска!

— Нет, все так и бы...

— Вы думали я поверю?

— Попытаться стоило...

— Еще попытка, Трилби?

Бенни задумался — голова как назло опустела — ни одного, даже самого неправдоподобного вранья в ней не осталось.

Зубная Фея устала подыгрывать.

— Вы решили, что сможете вертеть Зубной Феей, и вам сойдет это с рук, Трилби?

Бенни вжал голову в плечи и выдавил:

— Простите?

Но мстительница в маске не собиралась его прощать.

— Вы устроили настоящий дурдом! Манипулировали мной! Стравили с мисс Гримм...

— С Красной Пелериной, — уточнил Бенни Трилби. — Это ее новое злодейское прозвище — только что придумал. Как вам?

— Ужасно глупое прозвище! Думайте еще! И не смейте перебивать меня... Вы полагали, что раз я допустила вас к своей персоне, что раз я дарю вам ваши эксклюзивы и сенсации, я не приду за вами?

Бенни так сильно задрожал, что затрясся и стол, в который он упирался, отчего запрыгали и печатная машинка на нем, и чернильница, и лампа с пепельницей-мухой.

— Прошу вас... нет... не забирайте мои зубы... Они...

— Если вы сейчас скажете, что они дороги вам, потому что достались вам от мамы, одними зубами вы не отделаетесь.

— Я же не со зла... мисс Фея, вы же меня знаете! Я не злодей! Я просто хотел...

— Отомстить за свою жалкую статейку?

— Нет, я хотел разоблачить Ригсбергов, чтобы помочь несчастным и...

— Вы верно сказали, Трилби, — перебила Зубная Фея, — я знаю вас. Вам плевать на различных несчастных, но мне, видите ли, нет. И только из-за того, что ваша статья непременно должна увидеть свет, чтобы злодейства банка вскрылись, я пока оставлю ваши

кривые головешки при вас.

— О, благодарю! Благодарю, мисс Фея! Я знал! Знал, что вы простите своего старого доброго Бенни!

Бенни вытянул руки, пытаясь нащупать в темноте Зубную Фею, за что тут же получил по ним.

— Я разве что-то говорила о прощении?

— Но...

— Нет уж, мерзкий вы хорек! Вы понесете наказание...

— Прошу вас, не надо...

— И еще кое-что, Трилби. Я наблюдала за вами, и мне очень не нравится, как вы обходитесь с вашей помощницей, этой грустной мисс Петти Брикк.

— Полли Трикк, — подсказал Бенни.

— Вы воруете ее материал и подписываете статьи, которые она пишет, своим именем. Вам не хватало тех сенсаций, которые вы брали у меня?

— Ну, хороших статей много не бывает... — начал было Бенни Трилби, и Зубная Фея прошипела:

— Если я узнаю, что вы еще хоть раз...

— Никогда! — возопил Бенни. — Я больше не подпишу ни одну статью мисс Трикк своим именем. Ну разве что, если дело встанет за соавторством.

— Никаких соавторств!

— Вы связываете мне руки! Вы берете меня за горло! Вы режете меня без ножа!

— У вас вообще иссякает запас клише, Трилби? Замолчите хоть на пару секунд и вслушайтесь.

Бенни понял, что лучше и правда последовать указанию, и смолк. В тишине печатного зала раздавалось лишь тиканье редакционных часов.

— До Нового года остались считанные минуты, и я не хочу потратить их на такое ничтожество, как вы. Поэтому я оставляю вас доделывать статью, и если только она не возымеет того эффекта, о котором вы говорили, я буду забирать у вас зуб за зубом... медленно с наслаждением — по зубу в день. И да, постарайтесь не испортить статью после того...

— Возымеет! Не испорчу!

— ...после того, как получите свое заслуженное и справедливое наказание. Счастливого Нового года, мистер Трилби.

Бенни открыл было рот, чтобы возмутиться, но просто не успел.

Раздался выстрел, что-то кольнуло газетчика в грудь, словно его ужалили, и в следующий миг зубы Бенни Трилби пронзила чудовищная боль.

Он схватился за подбородок и закричал.

А еще через мгновение лампа на столе Бенни снова загорелась.

В печатном зале он был один.

Эпилог. Полночь

Дрожащая рука в перчатке-митенке несколько раз стукнула в дверной молоток. Открывать никто не спешил.

— Это ведь тот дом? — взволнованно спросила женщина в шали, из-под которой выбивались спутанные рыжие волосы. На руках она держала худющую собачонку с грустными глазами и вислыми ушами.

— Полагаю, да. — Ее спутник, тщедушный мистер в мятом котелке и висящем мешком костюме сверился с бумажкой и, задрав голову, уставился на полукруглое окошко, из которого на улицу тек рыжий теплый свет.

— Что там сказано? — спросила женщина, кивнув на бумажку.

— «Переулок Трокар, дом № 7», — ответил мужчина и, бросив неуверенный взгляд на спутницу, пробормотал: — Я боюсь поверить, все это... не может быть правдой. Как такое может быть правдой?

Женщина вытерла дырявым рукавом проступившие на глазах слезы и покачала головой.

— Я не знаю. Может, мы просто спим и нам все это снится?

— Точно! Это просто сон! Ведь как иначе с нами могло такое произойти...

Дверь открылась. На пороге стоял грустный мальчик. Он с удивлением уставился на поздних посетителей. Выглядели они, как бродяги: оголодавшие, с одинаковыми мешками под глазами, со впалыми щеками и серыми тонкими губами. Они были довольно молоды, но напоминали стариков.

Собачонка на руках у рыжей женщины негромко гавкнула.

— Добрый вечер, юный сэръ, — сказал мужчина. — Мы пришли, чтобы...

— Нам сказали, что наша дочь у вас, — торопливо вставила женщина.

— Дядюшка! — позвал мальчик, и к двери подошел высокий черноволосый джентльмен с бледным лицом.

— Добрый вечер, сэръ, — поздоровался мужчина в мятом котелке. — Меня зовут Джеймс Беррике, это — моя жена Элизабет. Нам сказали, что наша дочь Тилли у вас. Вы ведь доктор Доу?

Джентльмен кивнул и хмурясь спросил:

— Кто вам сказал, что ваша дочь у меня?

Посетители неловко потупились — кажется, они боялись отвечать.

Доктор продолжил:

— Мне сообщили, что родители мисс Беррике находятся в долговой тюрьме «Браммл».

— Это так! — воскликнула Элизабет Беррике. — Вернее, мы там были, но...

Женщина не договорила и заплакала, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами.

Супруг закончил за нее:

— Наш долг выплатили, а нас отпустили. Нам вернули дом.

— Что-то не похоже на банк, — недоверчиво сказал доктор Доу.

— Мы были поражены не меньше вашего, сэръ! — закивала Элизабет. — Но Человек-в-красном... это новогоднее чудо! Новогоднее чудо выбрало нашу семью, сэръ! Она так сказала!

— Она?

— Дочь Человека-в-красном!

Племянник доктора бросил на дядюшку быстрый взгляд и уже собирался что-то сказать,

но тот поднял руку, веля ему молчать.

Миссис Беррике добавила:

— Дочь Человека-в-красном выплатила весь долг с процентами, дала нам две сотни фунтов и адрес. Ваш адрес. Скажите же, молю: Тилли у вас?!

Доктор отступил в сторону.

— Прошу вас. Следуйте за мной.

Он провел посетителей на второй этаж, пропустил их в кабинет.

— Мисс Тилли, тут к вам пришли, — сказал он.

Девочка, сидевшая в кресле с журналом «Роман-с-продолжением» и пачкой печенья «Твитти», подняла взгляд

— Ма... мама?! — сорвалось с сухих губ. — Папа? Быдль?

— Тилли!

Миссис Беррике опустила собачку на пол и бросилась к дочери. Мистер Беррике поспешил за ней. Родители сжали Тилли в объятиях. Все трое заплакали. Песик Быдль с веселым лаем запрыгал вокруг, неистово махая хвостом.

Доктор Доу поморщился — он испытывал неловкость от различных проявлений чувств — особенно когда эти чувства проявляли в его присутствии.

— Та мисс, — сказал он, — которая вызволила вас из «Браммл», сообщила вам, что произошло с девочкой?

Миссис Беррике поглядела на него испуганно:

— Она рассказала, да. Какой ужас! Мы бы не пережили, если бы наша доченька... если бы она...

— Умерла? — безжалостно подсказал доктор Доу, после чего тяжело вздохнул. — В любом случае сейчас мисс Тилли уже ничего не угрожает.

Он прошел к шкафу с пилюлями и открыл дверцы.

— Я выдам вам все нужные лекарства и инструкции по их применению. Мисс Тилли требуется отдых, но, полагаю, вы можете забрать ее домой.

Сев за стол, доктор Доу быстро написал список рекомендаций по лечению и передал его мистеру Беррике.

— Спасибо! Спасибо, господин доктор! — Миссис Беррике неожиданно для доктора схватила его руку и крепко ее сжала. — Мы так вам благодарны! Так благодарны! Я... не могу подобрать слов...

— Не стоит, — смущенно пробубнил доктор Доу. — Полагаю, спасением мисс Тилли вы обязаны... гм... дочери Человека-в-красном.

Но мистер и миссис Беррике не слушали — все продолжали благодарить. Мать так лихорадочно целовала дочь, будто пыталась зацеловать ее до смерти, отец гладил ее по волосам и причитал, что не может поверить и что его сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Доктор Доу едва сдерживал себя, чтобы тут же не развенчать в пух и прах глупую и совершенно не научную теорию мистера Беррике о выпрыгивающих из груди сердцах.

Было много слез, смеха и объятий. Родители Тилли порывались обнять и доктора. Доктор Доу страдал. И в какой-то момент поймал себя на том, что начинает задыхаться от всех этих сантиментов и того, что он с презрением называл пошлым и затасканным, как стариковские носки, словом «счастье»...

Доктору оставалось только скрипеть зубами и надеяться, что это нелепое состояние не заразно, как то же зевание. К его радости, никто из этих людей и не думал зевать.

Вскоре семейство Беррике, пожелав ему и Джасперу счастливого Нового года, покинуло дом № 7 в переулке Трокар.

Доктор и мальчик с тоской глядели им вслед, стоя в дверном проеме.

— Вот бы и нас кто-то забрал домой, — с горечью проговорил Джаспер.

— Не говори глупости: мы — дома, — ответил дядюшка.

— Нет. Здесь больше не наш дом. Здесь нет ничего хорошего. И совсем не осталось тепла.

— У нас есть камин.

Джаспер понуро опустил голову.

— Ты же знаешь, о чем я...

— Знаю, — с болью в голосе отозвался доктор Доу и закрыл дверь.

Хозяин лавки «мисс Гусыня», мистер Погг, был человеком жадным.

И жадность довела его до того, что он сидел в своей комнатке над лавкой и пересчитывал дневную выручку, при этом на столе стояло пустое блюдо, в печи весело горел огонь, но там не было и намека на гуся — еще бы, ведь мистер Погг продал последнего, уже сдобренного специями, красавца некоему господину, который зашел в лавку перед самым закрытием. Увидев, что всех гусей раскупили, господин огорчился и буркнул, что, будь здесь хоть один гусь, он бы купил его за тройную цену. И тогда мистер Погг продал ему своего, которого он отложил к ужину.

Бумажные фунты шуршали в толстых пальцах лавочника — он заработал за один только день так много, что и сам до сих пор не верил. И все же... голодной слюны во рту с каждой минутой копилось все больше, а когда мистер Погг сглатывал ее, она слегка обжигала горло.

Незадолго до полуночи он уже так извелся, что ни о чем не мог думать, кроме последнего проданного гуся.

— И зачем я только его отдал?.. — бубнил он себе, все пересчитывая и пересчитывая выручку. При этом все его мысли были лишь о том, как запекается гусь, как шкварчит его нежная кожица, как брызжет масло... а этот запах!

Мистер Погг втянул носом воздух. Пахло лишь керосином, перебродившим «Понтабрюхом» и обувной ваксой.

Само собой, он мог пойти к сестре и встретить праздник в кругу родственников — уж у Мэгги точно есть гусь, а учитывая ораву ее сыновей, и не один. Кажется, у нее там целых три гуся. Да, точно три! Он ведь сам ей их продал — ее фунтики тоже где-то в этой стопке. Наверное, сестрица все еще злится на него за то, что он не сделал ей скидку. Как будто она не знает, что с родичей навару больше.

Сегодня вообще все пошло не так, как рассчитывал мистер Погг. Вспомнить только, как его провели с «Праздничной передовицей» — пройдоху-газетчика, обманом выманившего у него короля-гуся, он так и не изловил. Видимо, в эти самые минуты Уиггинс вонзает в его гуся свои кривые зубы...

В двери лавки раздался стук, и мистер Погг даже подскочил от неожиданности.

— Кого там принесло?!

Убрав деньги в шкатулку, он подхватил со стола лампу и спустился в лавку.

«Может, это Пэдди? — с надеждой подумал мистер Погг. — Мэгги вспомнила о брате и

послала старшего сына, чтобы позвать меня на ужин?»

Он отпер дверь и уже собрался пожурить племянника за то, что тот пришел за ним так поздно, но на пороге стоял вовсе не Пэджи.

За дверью стояла носатая кукла в котелке.

— Ты?!

— Добрый вечер, мистер Погг!

— Чего надобно, недомерок?! — прорычал хозяин «Мисс Гусыни».

— Вот, заглянул к вам, чтобы сказать, что я переиграл вас!

— Переиграл?

— Вы говорили, что я не получу гуся! — заявил коротышка. — А что вы на это скажете?

Кукла кивнула на здоровенную гусиную тушку, которую держала в руках.

Мистер Погг поднял бровь: он торговал гусями всю жизнь, но такую громадину ни разу не видел.

— Самый большой гусь во всем Габене! — с гордостью сообщила кукла. — И он мой! Я хорошо запомнил ваши слова, мистер Погг. Вы сказали: «У тебя не будет гуся, мерзкий коротышка. У всех в Саквояжне будет гусь на праздничном столе, а у тебя и твоей Мамаши не будет!» И еще велели зарубить это на моем длинном носу! Видите, мистер Погг? Мой прекрасный нос — и ни одной зарубки!

Мистер Погг запыхтел:

— И откуда ты взял такого красавца?

— Добыл. Честным путем, между прочим! Это было очень сложно, но я справился!

Хозяин лавки сглотнул вставший в горле ком. Его руки задрожали. Это же настоящее Новогоднее чудо! Он ведь только что мечтал о гусе, и тут гусь сам пришел к нему на порог! Не иначе Человек-в-красном этому поспособствовал!

Кукла, не замечая коварного блеска в его глазах, продолжала:

— Вы бы знали, мистер Погг, какие злоключения меня подстерегали, пока я его нес. Он очень тяжелый, а еще все кому не лень пытались его у меня отобрать. После того, как я получил гуся за свою работу, у меня его едва не выманили нищие из банды Бэзила. Но я сбежал от них. А потом за мной погналась целая свора голодных собак. А потом я поскользнулся и выронил гуся, и он поскакал от меня по улице. Но я его поймал! Всего за миг до того, как он ушмыгнул в открытый люк. А потом я наткнулся на представление уличного фокусника и захотел его посмотреть. А этот негодяйский фигляр превратил моего гуся в ворох скомканных газет. Но я залез за ширму и нашел гуся. А потом...

— Ну да, ну да, — не особо вслушиваясь, кивнул лавочник и улыбнулся кукле со всей душевностью, на какую был способен. — Признаюсь, я тебя недооценил... э-э-э...

— Говард Бек!

— Да. Прими мои извинения, Говард Бек. И еще кое-что... У меня есть для тебя подарок.

Кукла удивилась.

— Подарок?! Для меня?!

— Конечно. Ты ведь и правда доказал, что я ошибался. А это стоит подарка, ведь так?

Кукла на миг задумалась и тут же закивала.

— Да! Где мой подарок?

— Терпение, мой маленький друг. Постой здесь, он у меня тут, рядом...

Мистер Погг отвернулся, взял стоявшую за дверью кочергу и...

Когда он снова выглянул на улицу, там уже никого не было.

Сержант Брум сидел за стойкой в холле Дома-с-синей-крышей и терзался сомнениями.

С одной стороны, он не мог покинуть свой пост, ведь, во-первых, это было против правил, а, во-вторых, кто знает, что могло произойти, если он уйдет. Сержант не особо верил, что в Новогоднюю ночь, когда все сидят по своим домам и отмечают праздник в кругу семьи, случится что-то такое уж важное и срочное. Но с другой стороны, его не зря называли «Все-по-полочкам Брум»: за все годы службы он ни разу не нарушил устав.

Время близилось к полуночи, а сержант уже, наверное, в десятый раз перечитывал письмо от возлюбленной. Кларисса писала о пьесе, которую в Новогоднюю ночь ставит их уличный театр-балаганчик. Разумеется, это был «Мешок Крампуса». Спектакль обещал быть «чем-то невероятным», учитывая, сколько в него сил вложили и сами актеры, и их хозяин, мистер Талли Брекенбок.

Кларисса во всех красках описывала костюмы и декорации, рассказывала о репетициях: мистер Брекенбок должен был исполнить роль самого Крампуса — на это точно стоило взглянуть!

В эти минуты сержант Брум мечтал оказаться в Фли и увидеть все своими глазами, но... долг, проклятый долг! Будь на его месте кто-то из коллег, на дверях Дома-с-синей-крышей давно висел бы тяжелый замок, но Бруму совесть не позволяла покинуть пост: именно за принципиальность старший сержант Гоббин его и выделял. «На тебя всегда можно положиться, Грегор!» — часто говорил старший сержант, и Грегор Брум просто не мог его подвести.

И все же...

Ведь совсем ничего не происходит! Что случится, если он ненадолго уйдет? Вероятно, ничего. К тому же здесь рядом, буквально в двух шагах, находится паб, битком набитый констеблями: любой нуждающийся в помощи может заглянуть туда.

Что же делать?!

Время тянулось невероятно медленно. Сержант Брум ерзал на высоком стуле, стучал пальцами по стойке и растирал в руке уголок письма от Клариссы: *«Это будет что-то невероятное, Грегор! Любой, кто пропустит нашу пьесу, будет долго жалеть...»*

Сержант Брум бросил взгляд на часы. Если он выйдет прямо сейчас и возьмет служебный экипаж, то еще успеет: Брекенбок всегда затягивал с началом представлений. Может, он, главный поклонник пьес «Балаганчика Талли Брекенбока», и опоздает на несколько минут, но зато он увидит пьесу, увидит Клариссу. К тому же какой смысл себя обманывать: жители Тремпл-Толл никогда не приходят в Дом-с-синей-крышей — они считают (и не напрасно), что в «логово страшных констеблей» лучше не соваться, даже если их ограбили.

— Эх! Ладно!

Брум ударил кулаком по стойке и решительно поднялся на ноги.

— Где там замок?!

Открыв ящик, он нашарил большой кованый замок с выгравированным гербом полиции Габена, но в тот миг, как сержант уже собирался выйти из-за стойки, дверь неожиданно открылась.

В холл вошел неприметный человек, с ног до головы залепленный снегом. Судя по пальто и котелку из лавки «Бюрократс», это был конторский клерк, а судя по чемодану в одной его руке и билету в другой, он как раз собирался в дальнюю дорогу. Видимо, с ним что-то стряслось на станции: то ли воришка подрезал бумажник, то ли рейс отменили, а билет отказались возвращать — такое часто случалось.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался клерк, подойдя к стойке.

«Ну вот, — мысленно поморщился сержант Брум. — И почему именно сейчас?»

— Мое имя Роберт Томмс, и я служу клерком в Грабьем отделе «Ригсберг-банка».

Сержант нахмурился. Все, кроме имени этого типа, не сулило ему ничего хорошего. Кажется, «Мешок Крампуса» отменялся...

— Чем полиция Тремпл-Толл может вам помочь, сэр? — пробасил Грегор Брум.

Человек в котелке был взволнован и заметно испуган — да и вообще выглядел так, словно столкнулся с призраком:

— Я хочу доложить о преступлении.

— Каком именно?

— Об убийстве. Или, вернее, об убийствах.

Сержант Брум подобрался.

— Что? О чем речь?

— Я должен был покинуть город в полночь, — затараторил клерк. — Мой дирижабль вот-вот отбудет из парка Элмз. На Набережные. А там я должен был сесть на пароход до Филдинга, но... я не смог, понимаете? Этот кошмар не закончится, он будет преследовать меня!

— Я все еще вас не понимаю, сэр. Вы можете обстоятельно обо всем?..

— Моя совесть не позволила мне просто сбежать, понимаете? Взять и сбежать, оставив все за спиной, словно ничего и не произошло...

— Сэр, возьмите себя в руки! Кого убили?!

— Много кого. Только за сегодня пятерых.

Сержант Брум почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

— Что? Не припомню сообщений об убитых.

— Полагаю, к вам в морг сегодня доставили пятерых жертв... — клерк сглотнул, — несчастных случаев.

Брум кивнул. В течение дня ему сообщили о нескольких не особо удачливых господах и дамах, но он и подумать не мог...

— Кто же их убил?

Мистер Томмс скомкал в руке билет, тяжело вздохнул и сказал:

— Я.

Сержант Брум распахнул рот.

— Вы?

— Правильнее будет сказать, что этих несчастных убили агенты из отдела особых дел банка, которых отправил я. А мне велел это сделать мой начальник, глава Грабьего отдела Варфоломеус Б. Выдри, которому, в свою очередь, велела лично Вивьен Ригсберг.

— Хозяйка банка?

Мистер Томмс кивнул.

— И это только торчащий над водой ус сома — вся туша на глубине.

— Были еще убийства? — все еще ничего не понимая, спросил сержант Брум.

Клерк кивнул.

— Множество. Я расскажу обо всем. Люди должны узнать правду, а Ригсберги... они заслуживают наказания.

В голове у Грегора Брума тут же зазвучал голос старшего сержанта Гоббина: «Заткни его! Немедленно! Упакуй поглубже! Отправь его в карцер к мистеру Порчи, из которого никто и никогда не выбирается! Этот тип не должен болтать! Заткни его!»

Очевидно, мысли сержанта отразились у него на лице, поскольку мистер Томмс вздрогнул и чуть подался назад. В этот миг он, кажется, понял, какую ошибку совершил, придя в Дом-с-синей-крышей. Наивный дурак! Совесть его замучила! Сейчас бы сидел на борту, покидающего Тремпл-Толл дирижабля и бед не знал, так нет же! Как он мог забыть, что почти вся полиция Саквояжни была на побегушках у Ригсбергов!

— Вы... вы мне поможете?! — прошептал мистер Томмс.

Грегор Брум почесал за ухом. Будь сейчас на его месте старший сержант Гоббин, от этого человека уже давно избавились бы. Но сейчас за стойкой стоял Все-по-полочкам Брум, для которого слова «закон» и «порядок» не были пустым звуком. К тому же два его кузена, дядя и приятель Барни Рышперт были безнадегами, и ему было очень любопытно, что скажет этот клерк.

Убрав замок, Грегор Брум достал из-под стойки «Книгу свидетельских заявлений» и, сдув с обложки пыль, раскрыл ее. Обмакнул перо ручки в чернильницу.

— Я готов записывать, сэр, — сказал он. — Прошу вас, не упускайте ни одной детали.

Мистер Томмс кивнул.

— Все началось вчера, когда господин Выдри вызвал меня в свой кабинет...

Старый центр Габена в эти последние минуты перед Новым Годом отличался от Тремпл-Толл так же, как отличается свеженький торт — гордость кондитерской — от последнего покрытого плесенью и мухами пирожного на дне коробки.

Дома-башни светились множеством окон, между башнями проходили украшенные гирляндами пути монорельса, над городом сгрудились шикарные дирижабль-рестораны, а над главной площадью района небо расцветало праздничным салютом.

У окон и у обзорных телескопов сейчас стояли едва ли не все жители Старого центра.

В самой высоком здании Габена, которое насчитывало тридцать этажей, в богато обставленных люкс-апартаментах под самой крышей, на кровати под балдахином лежал старик, и ему не было дела как до праздничного салюта, так и до праздника в целом.

Кровать стояла прямо под большим круглым окном, но старик, дряхлый, усохший и похожий на скелет, на который натянули чужую кожу, в одних лишь ночной рубашке и колпаке, лежал с закрытыми глазами. Теплофоры работали на полную, но он мерз и мелко дрожал под тяжелым одеялом. К голове, груди и животу обитателя люкс-апартаментов были подключены трубки, ведущие к громадному механизму, который стоял у кровати. Похожий на цилиндрический медный шкаф, он гудел, поршни с шипением сновали вверх и вниз, а в аквариумах булькала зеленоватая жидкость.

Старик давно не поднимался с кровати. Многие годы. Его самого заперли здесь, а его дело, его детище, у него украли — вытащили прямо из скрюченных пальцев, и сделала это его старшая дочь.

Упомянутая женщина в это самое время была на этаж ниже, в банкетном зале, сидела во главе большого стола среди самых важных людей города: фабрикантов, судей и генералов, богатых джентльменов и дам — присутствовал даже господин бургомистр. Но она не замечала ни роскошных блюд, ни шикарных нарядов гостей. Она не слушала разговоры и игнорировала лебезящих глав отделов своего банка. Ее волновал лишь один вопрос: «Где же носит этого бурдюка Выдри?»

Бокал с дорогим вином стоял не тронутый, и тонкие длинные ногти, выглядывающие из тучи пурпурного дыма, в которую была облачена мадам, царапали граненые бока...

Как не было старику из люкс-апартаментов дела до праздника, так ему не было дела и до переживаний дочери, которая сделала все, чтобы он не поднимался с кровати. «Ты болен, папочка!» — говорила ему эта лживая дрянь, каждое утро поднимаясь в его комнату и лично добавляя медленно действующий яд, который тек по трубкам, подключенным к телу старика.

Очередной год подходил к концу. И в следующем году все будет так же: он будет лежать здесь перед окном, за которым простирается весь город, его бывшая вотчина. Несменяемый вид, оставленный ему в насмешку, — удушающий, отравляющий сильнее любого яда.

Завтра все будет по-прежнему: эта опостылевшая комната, эта проклятая гудящая машина и трубки, с которыми его тело давно срослось. Будет и пропитанный лицемерием голос дочери, и то, что она называла «отчетом для любимого папочки», рассказывая во всех подробностях о том, как она руководит его делом, пока он лежит здесь, бессильный и немощный, не в силах даже поднять руку, чтобы задушить ее...

— Мразь... дрянь... ненавижу... ненавижу... — сорвалось с почти отсутствующих губ, и в ответ неожиданно раздался смех. Хриплый, заполняющий комнату смех.

Старик открыл глаза и, увидев того, кто стоял у изножья кровати, задергался. Датчики на «поддерживающем жизнь» механизме завизжали.

— Никто ничего не услышит, — сказал гость. — Они все там, внизу. Воры, которые делят краденное. Делят то, что они украли у тебя. То, что ты украл у меня.

— Крам... Крампус... — прохрипел старик.

— Время возвращать долг, Сесил, — сказал Крампус и поднял раскаленное железное клеймо на тонкой ручке.

Крика старика и правда никто не услышал...

Время приближалось к полуночи. В банкетном зале собравшиеся начали дружно вести отсчет последних секунд, оставшихся до Нового года.

А в люкс-апартаментах больше никого не было, лишь по полу бились, извиваясь червями, трубки, а на кровати лежала груда едва тлеющих углей.

Человек-в-красном... Каминник...

Ох уж эти таинственные личности со своими вымышленными прозвищами.

Под прозвищем Человека-в-красном, как под плащом в темном переулке, прятались двое.

Первый — это деревянная кукла, выглядящая, как толстый старик в красной шубе и колпаке с белой меховой оторочкой. Господин, который вызывает в душах тепло. Он чиркает спичкой, и на беспросветной улице монотонной серой жизни загорается одинокий огонек

надежды.

Его все знают. Это ведь на его плечо заброшен большущий, полный подарков, мешок. Это у него на глазах лётные очки, а сам он носится по заснеженному ночному небу на алых санях.

Но мало кто знает, что живет эта кукла и играет свою роль один лишь день в году, а все остальное время пылится, сложенная в одном из старых сундуков в заброшенном кабаре «Тутти-Бланш».

А есть и другой...

Тот, кто все придумал. Тот, кто за всем стоит. Гений-манипулятор, мастер перевоплощения и личность, начисто лишенная души. Мистер Блохх.

Вот его жизнь, в отличие от собственного творения, чуть более насыщена. Он и там, и здесь. Он всюду и всегда. Он — это ваш дворник или ваша дальняя кухня. Он — это ваш поверенный или же пожарный в медном шлеме, зачем-то выносящий вас на руках из огня. «Зачем-то» — от того, что все его действия неизменно продиктованы его планами, а планы известны лишь ему: их ни понять, ни разгадать, а его самого не перехитрить. Он лично принимает во всем участие, ведь этот кукловод — манерник, скрывающийся на самом виду, блуждающий на переднем плане своих пьесок.

И вы тоже участвуете в его пьесе.

Вы в ловушке, вы пойманы, вы обмануты... хоть и не знаете об этом. Вы — в картотеке Блохха, и для вас же будет лучше, если вы попали в шкаф с табличкой «Несущественное».

Картотека пополняется, на Блохха работает множество агентов, но хуже всего то, что, сами того не зная, быть может, вы также его агент. С ворохом светлых и искренних чувств в карманах да за шиворотом вы садитесь у окна утром накануне Нового года и строчите: *«Дорогой Человек-в-красном! Я вела себя хорошо весь год. На Новый год я прошу тебя, сделай так, чтобы моя заклятая подруга Мэйбл споткнулась на лестнице и сломала себе шею...»*

Скорее всего, с Мэйбл ничего не случится, и она так же продолжит уводить ваших ухажеров, подбрасывать вам дохлых кошек под дверь и разносить о вас грязные сплетни. Но. Теперь Блохх знает, чего вы желаете настолько, чтобы просить об этом у тайного благодетеля. А еще, если вдруг вы понадобится Блохху, и он захочет использовать вас в качестве шестеренки в своей машине интриги... что ж... прощай, бедная Мэйбл! Нужно было быть чуть более внимательной, когда спускаешься по лестнице...

В канун Нового года у мистера Блохха полно забот. Но даже они заканчиваются, сходят на нет, как завод у работавшего весь день автомата.

Страсти улеглись. Эти предсказуемые людишки с их очевидными амбициями и легко просчитываемыми порывами на время оставили его в покое. Можно ненадолго передохнуть. Все планы из активных фаз перешли на стадию самоисполнения: он дернул рычаги, и цепи завращали барабаны... ему осталось просто подождать, пока вдалеке качнется тот самый, нужный ему, маятник. Ждать...

В этом году Человек-в-красном доставил три подарка. Всего три...

Первый получила сумасшедшая, которой даже удалось немного его повеселить.

Второй достался самому важному для него во всем Габене ребенку.

Ну а третий... третий очень ждет самое жалкое... самое никчемное во всем городе существо.

На этот раз история не закончится невероятным перевоплощением из разряда «Так все

время это был Блохх? Но как?! Этого просто не может быть!» Нет, на этот раз Человек-с-сотней-лиц придумал кое-что другое.

Без пятнадцати полночь. Метель усилилась. Человек-в-красном свернул с улицы Бремроук и быстрым шагом преодолел переулок Фейр. Повозившись с ключами, он нырнул в располагавшуюся в тупике переуллка «Лавку игрушек м-ра Гудвина», а потом все затихло...

Минут через десять из двери лавки показался высокий тощий субъект в пальто и шляпке-котелке. Вокруг шеи его был обмотан багровый красный шарф, отчего создавалось впечатление, будто типу этому перерезали горло. А еще у человека в котелке было самое угрюмое лицо, которое только можно представить: покрытое белым гримом, с расплывающейся чернью вокруг глаз и длинной выведенной смолью улыбкой, которая возводила тоску и отчаяние на какой-то совершенно запредельный уровень. Ах да... еще же был красный клоунский нос.

Клоун вытащил из подмышки крошечный, похожий на детский, красный зонтик, и, раскрыв его над головой, побрел к выходу из переуллка. У высоких заколоченных дверей кабаре «Тутти-Бланш» он остановился и, достав из кармана маленький ржавый ключик, открыл почтовый ящик.

— О, письмо, — угрюмо проговорил он.

На конверте стояла большая сургучная печать с изображением круглого лица с бородой, в колпаке и больших лётных очках.

— От Человека-в-красном, — горестно вздохнул клоун и раскрыл конверт. Внутри было выведено изящным каллиграфически-идеальным почерком:

«Дорогой, мистер Роуз!

Спешим сообщить вам, что в этом году вы стали одним из немногих счастливчиков, которые хорошо себя вели и заслужили подарок!

Вы просили у Человека-в-красном Люси, и Человек-в-красном дарит вам то, что вы так желали.

Интересующий вас адрес: Хмурая аллея, дом № 26, Тремпл-Толл, Габен.

Счастливых праздников и с Новым годом!»

Мистер Роуз сложил письмо засунул его в конверт, а сам конверт положил во внутренний карман пальто. А потом он побрел... Побрел по указанному в письме адресу.

Вскоре угрюмый клоун уже был на Хмурой аллее. Вот и дом № 24, а вон впереди виднеется и № 28.

Мистер Роуз прошел мимо двадцать четвертого дома и, протиснувшись через щель между разогнутыми прутьями решетки, оказался на заснеженном пустыре.

Пройдя около дюжины шагов, он остановился и склонил голову.

— Привет, Люси, — сказал мистер Роуз. — Давно не виделись...

Заледеневшее, припорошенное снегом надгробье с одинокой надписью «Люси» ничего не ответило.

— Я отомстил, Люси... Я вытащил их на свет, освободил всех безнадег, я уничтожил банк.

Надгробье так и осталось равнодушным.

— Но это еще не конец, ты знаешь... Они действовали по чьей-то указке. И сейчас я выясню, по чьей...

Клоун достал из кармана маленькую книжечку. Раскрыл ее. На первом листе значилось:

«СПИСОК САМОУБИЙЦ. Собственность «Ригсберг-банка», личная собственность Сесила С. Ригсберга (зачеркнуто) Вивьен Ригсберг».

Сокровище. Подлинное сокровище! Эта крошечная книжечка и являлась главной целью мистера Блохха. Книг было вовсе не две — их было три, и о существовании этой в банке ровным счетом никто даже не догадывался, кроме, разумеется, хозяйки. Четыре Грея, сами того не зная, не покладая сил, рискуя жизнями и свободой, работали как раз для того, чтобы он смог ее заполучить. Эта книжечка — единственное, чего он не мог достать, даже будучи внедрен в банк, даже занимая там важную должность. Личный сейф Вивьен Ригсберг... Мистер Блохх знал, что сможет открыть его лишь в случае чего-то неординарного — происшествия, которое до основания всколыхнет черный дом на Площади.

Для него это не было работой. Для него это было личным...

Перелистывая страницы, клоун дрожал, и книжечка дрожала в его руках. Имена и фамилии сменяли друг друга... самоубийцы, которые в действительности не были самоубийцами, выстраивались строчка за строчкой.

Мистер Роуз держал сейчас свидетельство о тончайшей интриге, настолько неуловимой манипуляции, что те игры с несчастными случаями, которые устраивали люди Ратца, ей и в подметки не годились. Вряд ли даже сама Вивьен Ригсберг понимала, что именно записано в этой книжечке.

Сердце заколотилось в груди. Он нашел!

— *«Певерелл, Люси»*, — прочитал клоун. — *«Заказчик...»*

Он несколько раз перечитал стоящее там имя.

— Я не понимаю...

Снежинки опускались на тонкие сухие страницы.

Где-то за спиной раздался звон. По всему городу часы начали отбивать полночь. Новый год.

Клоун не слышал. Ничего кругом не замечал. И не дышал. Он все также стоял у надгробья и вглядывался в вырисованные аккуратным до тошноты конторским почерком пять букв, которые так долго искал. Много лет он представлял себе этот миг, угадывал имя, но... в итоге ни одно из его предположений не совпало с... этим.

— Я не понимаю... — повторил мистер Роуз, а затем захлопнул книжечку. — Но я все выясню.

Развернувшись, он пошагал прочь. Кожу жгло, и лицо клоуна мистера Роуза начало жечь, словно умоляло снять его.

Ничего, он скоро его снимет. Скоро он снова станет безликим Блоххом.

Его поиск продолжался... Мистера Блохха впереди ждало очень много работы.

Переулок Трокар. Дом № 7. Без пяти минут полночь.

Полли стояла у двери и никак не могла постучать.

Она боялась.

Ее не страшили ни проходимцы различных мастей, ни констебли, ни ужасные монстры. Но эта дверь...

В эту дверь было не выстрелить из «москита», ее было не захомутать из ловчего пистолета, эта дверь была сильнее... нее. Сильнее всего.

Сейчас Полли, как никогда, нужна была Зубная Фея, но та — треклятая предательница! — скулила и дрожала где-то глубоко под кожей.

Из-за двери до нее доносились отголоски радиофора. Они дома... Хотя где бы им еще быть?

Прижимая к груди коробки с подарками, Полли перетаптывалась с ноги на ногу. Она никак не могла решиться. Сомнения рвали ее на куски. Ну давай же! Это ведь так просто! Постучать в дверь! Всего лишь постучать, но...

«Я не заслужила чуда! Они не хотят меня видеть...»

И зачем она продолжала убеждать себя в этом, прекрасно понимая, что это ложь...

Полли достала из кармана письмо. В льющемся из полукруглого окна над дверью свету она прочитала... уже неизвестно в который раз:

«Дорогой человек в красном!

Я не очень хорошо себя вел в этом году.

Но если ты читаешь это, пожалуйста, сделай так, чтобы Полли вернулась домой.

Джаспер Доу».

Сердце снова защемило. На глазах выступили слезы.

Ее все же ждали? Они хотели, чтобы она пришла?

Время будто замерло. Страх внутри превратился в настоящий ужас.

«А если все это обман? Если это уловка мистера Блохха? Вдруг Джаспер не писал никакого письма! Если они меня прогонят? Нет! Я не могу!»

Она развернулась и бросилась прочь.

«Бежать! Бежать, пока не поздно! Пока они меня не увидели!»

Она быстро преодолела дорожку и выбежала в переулок.

— И куда это мы собрались, скажите на милость?! — раздался голос откуда-то сбоку, и Полли обернулась.

У ограды заснеженного палисадника соседнего дома стояли двое.

Полли скрипнула зубами.

— Что вы здесь делаете? — процедила она, подойдя.

Один, невысокий толстяк в коричневом пальто и котелке, расплылся в улыбке.

— Вы были правы, мистер Партридж, ей не хватило духу.

— Разумеется, мистер Бэббит, — ответил его спутник, высокий тип в черном пальто и цилиндре устаревшего фасона. — Я всегда прав.

Полли возмущенно засопела.

— Вас здесь быть не должно!

— Видимо, как и вас, мисс Полли, — прищурился Партридж.

— Вы мне не нужны! — Полли перевела взгляд с одного своего помощника на другого. — Могу я хоть немного побыть одна?

— Разумеется... — начал Бэббит.

— ...Не можете, — закончил Партридж.

Полли сжала кулаки.

— Что вы от меня хотите?

— Мы хотим, мисс Полли, отправиться туда, где тепло, где нас ждет парочка запеченных гусиных ножек и бутылочка «Горринуса». А вы нас задерживаете.

Полли вспыхнула.

— Что? Это я вас задерживаю?

Ответом ей были два кивка.

— Мы не можем со спокойной душой взять и отметить Новый год, пока вы тут трусливого сбегаете.

— Я не пойду туда, — упрямо сказала Полли.

— Мисс Полли, — сказал Бэббит. — Карги дома нет. Мы проверили...

— Не тратьте силы впустую, мистер Бэббит, — вставил Партридж. — Она и так это знает. Здесь дело не в карге.

— Вы ничего не знаете! — процедила Полли.

— Само собой, куда нам...

— Я все решила...

Устав спорить, Партридж достал из кармана револьвер и направил его на Полли.

— Что это? — спросила она.

— Восьмизарядный «морнинг».

— Я вижу, что это восьмизарядный «морнинг». Зачем он?

— Думаете я не выстрелю? Вы вообще-то давно действуете мне на нервы. Ваши нескончаемые дамские глупости, ваши эти...

— Эмоции, — подсказал Бэббит.

— Я хотел выразиться иначе, но пусть будут «эмоции».

— Мистер Партридж, я... — начала было Полли.

— Мы знаем все, что вы скажете. Поэтому давайте эту часть опустим. Вы и сами понимаете, что должны сделать. Но вы, глупая девчонка, упрямо, из-за своих ненужных и неуместных сомнений, постоянно себе вредите. И, соответственно, вредите нам.

— Мистер Партридж имеет в виду, мисс Полли, — сказал Бэббит, — что мы хотим вам добра. И мы никуда не уйдем, пока вы не возьмете себя в руки и не прекратите трусить.

— А сейчас, — Партридж взвел курок, — вы пожелаете нам счастливого Нового года, развернетесь и пойдете обратно. И это не обсуждается.

— Вообще-то я вам не подчиняюсь!

— Да-да, — безразлично покивал Партридж. — Итак...

Полли вздохнула. Они были правы. Бесконечно правы. Что она делает?! Зачем убегает?!

Она кивнула по очереди обоим своим помощникам и сказала:

— Счастливого Нового года, мистер Партридж. Счастливого Нового года, мистер Бэббит.

— Счастливого Нового года, мисс Полли! — хором отозвались Партридж и Бэббит.

Полли повернулась и пошла обратно к дому № 7. Никто не знал, чего стоили ей эти несколько шагов.

Оказавшись у двери, она обернулась.

Оба этих великолепных, несносных хмыря кивнули ей ободряюще, и она постучала.

Раздался звук шагов. Дверь открылась.

Мгновение.

Полли переступила порог, и дверь за ней закрылась.

— И что бы она без нас делала, мистер Партридж?

— Не представляю, мистер Бэббит. Видимо, одни глупости.

Партридж вернул на место курок и убрал револьвер. Бэббит достал из кармана бутылку и приложился к горлышку.

— Пусто! — досадливо бросил он.

— Ничего, друг мой, — сказал с улыбкой Партридж. — Я знаю, где есть еще. Славное местечко и буквально тут, за углом.

Бэббит хохотнул и хлопнул спутника по плечу.

— Ведите!

Они двинулись по переулку в сторону канала.

Часики в кармане Партриджа зазвенели. Кругом, в домах, часы начали отбивать полночь, сливаясь с далеким боем вокзальных часов.

— С Новым годом, мистер Партридж!

— С Новым годом, мистер Бэббит!

Сани летели сквозь снег.

Зои Гримм, крепко сжимая рукоятки, крутила вилкообразный штурвал.

Рядом сидел мистер Пибоди. В больших лётных очках он выглядел очень забавно.

Зои еще не привыкла к его новому виду, но тем не менее находила его вполне занятым.

«Красавчик-прихвостень для красотки-злодейки!»

Впрочем, сменив облик, занудой и ворчуном бывший снеговик быть не перестал.

— Вы выглядите счастливой, мисс Гримм. Это очень странно. Не уверен, что счастливая хозяйка — это то, что нужно такому исполнительному и великолепному прихвостню, как я.

Зои фыркнула.

— Ой, ну вы только подумайте! Мистер Пибоди, неужели я не могу быть счастлива после того, как совершила невозможное?!

Мистер Пибоди задумался.

— Не уверен.

— Пф-ф-ф!

— Вы ведь не остановитесь на достигнутом? — испуганно спросил бывший снеговик, и Зои рассмеялась: кажется, он боялся, что после удачного ограбления банка она, образно выражаясь, перевернет страницу и превратится в обычную городскую дамочку, предпочитающую покой, порядок в быту и никогда не пропускающую пятничные чаепития.

— Разумеется, нет! — воскликнула Зои. — Я ведь нашла свое призвание, как-никак! И уже раздумываю о новом деле невероятной и восхитительной злодейки Зои Гримм. Нужно что-то не менее громкое! Человека-из-Льотомна мы уже переплюнули. Кто там следующий на очереди?

— Свечники?

— Нет, это слишком мелко.

— Блоха-из-крыш?

— Не люблю монстров.

— Пироманьяк?

— А он не в психушке?

— Брекенбок?

— Это кто?

— Может, Пуговичник?

— Хм...

Зои задумалась: Пуговичник сейчас считается самым опасным, самым хитроумным и неуловимым злодеем. Обставить его было бы довольно приятно.

— А куда мы летим? — спросил мистер Пибоди, вырвав Зои из размышлений. Сани только что миновали часовую башню. — Я думал, мы направляемся в логово...

— Что? Встречать Новый год в камерке часовой башни?! Вот уж ни за что! К тому же у меня осталось одно незавершенное дело.

— Что за дело? Мне достать из чемодана «снегомет»?

Зои повернула штурвал, и сани, чуть накренившись, отчего мешок с подарками, стукнулся о борт, описали круг над кварталом Странные Окна.

— Эй, а что это там светится? — пробормотала она.

Мистер Пибоди достал из кармана пальто бинокль и, приставив пуговичные глаза к окулярам, сообщил:

— Там фликовская сигнальная тумба. Возле нее собрались какие-то... люди.

— Что еще за люди? Что они делают?

— Не знаю... Мерзнут?

— Держите штурвал! — воскликнула Зои и отпустила рукоятки. Сани в тот же миг выписали вираж и накренились уже на другой борт.

Мистер Пибоди схватил штурвал и выровнял полет, осуждающе качая головой. Зои глянула в бинокль.

У тумбы стояли несколько человек, среди которых мисс Гримм с удивлением и восторгом узнала парочку знакомых.

— Ну надо же! — усмехнулась она. — А ведь нам как раз туда и нужно! Мистер Пибоди, правьте к тумбе!

— Вы уверены, мисс? Там же какие-то бедняки...

— Я уверена, мистер Пибоди. К слову, я прежде не замечала, что вы тот еще сноб!

— Ну, теперь-то я богат, — веско заметил бывший снеговик. — Было бы странно снобствовать без гроша в кармане...

Зои подняла бровь, но ничего на это не сказала: от высокомерия своего прихвостня отучить она попробует как-нибудь потом, а пока...

— Бедняки, мистер Пибоди, тоже заслуживают праздник.

Зои закуталась в шубу Человека-в-красном, натянула на голову глубокий капюшон и крепко сжала за ворот мешок с подарками. А потом добавила:

— И знаете что еще, мистер Пибоди?

Кукла уставилась на хозяйку непонимающе.

— Мы тоже, мистер Пибоди! Мы тоже заслуживаем праздник! Вы согласны?

Мистер Пибоди мгновение раздумывал, после чего кивнул.

— Ну, с этим утверждением я спорить никак не могу.
Зои Гримм рассмеялась.

Конец.